

ЗАГАДКА XIV ВЕКА

Барбара
ТАКМАН

ОТ ЛАУРЕАТА ПУЛИТЦЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ

Барбара Такман

«Загадка XIV века»

Человечество остается все тем же, природа все та же, но тем не менее все меняется.

Джон Драйден.

***О персонажах
«Кентерберийских
рассказов»***

ОТ АВТОРА

В первую очередь выражаю сердечную благодарность Анри Грепену, помощнику мэра Куси-ле-Шато и президенту Общества по реставрации замка Куси и его окрестностей, за гостеприимство и оказанную мне помощь в работе над этой книгой, Роберту Готтлибу, моему издателю, за его неизменную поддержку и здравые замечания, моей дочери Альме Такман за подбор материалов и моей подруге Катрине Ромни, проявившей интерес к книге и постоянно меня вдохновлявшей и поддерживавшей.

При работе над книгой меня неустанно консультировали по вопросам средневековой истории профессора Джон Бентон, Джайлс Констебл, Юджин Кокс, Дж. Н. Хильгарт, Гарри А. Мискиман, Линн Уайт, Филлис У. Дж. Гордон, Джон Пламмер из Библиотеки Моргана, а также профессора Робер Фоссье из Сорбонны, Раймон Газей из Шантийи, Филипп Вольф из Тулузы, Тереза д'Алверни из Национальной французской библиотеки, Ив Мерман из Национального архива Бюро де Со, Жорж Дюма из архива де л'Эн и г. Депуйи из Суассонского музея.

Я также благодарю профессора Ирвина Саундерса за предоставленную возможность побывать в Институте балканской культуры в Софии, а также профессоров этого института Топкову-Заимову и Елизавету Тодорову, оказавших мне помощь в посещении Никополя.

Выражаю также признательность сотрудникам Библиотеки Уайденера (в Гарвардском университете), Библиотеки Стерлинга (в Йельском университете) и Национальной библиотеки в Нью-Йорке за

многостороннюю помощь. В равной степени благодарю всех непоименованных мною людей, помогавших мне в течение семи лет при написании этой книги.

ПРОЛОГ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД, ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ И ВОЗМОЖНЫЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ И ФАКТОЛОГИЧЕСКИЕ НЕТОЧНОСТИ

Назначение этой книги — определить, сколь пагубное влияние оказала на состояние общества «Черная смерть», то есть пандемия чумы 1348–1350 годов, — унесшая примерно треть населения, проживавшего на территории от Индии до Исландии. Исходя из современных реалий, интерес к этому очевиден, если принять также во внимание, что, по словам современника, XIV век явился «скопищем большого количества странных и ужасных несчастий, ополчившихся на людей». Несчастий этих было гораздо больше, чем предрекли четыре всадника из видения святого Иоанна: чума, война, обременительные налоги, разбой, некомпетентные правительства, мятежи, раскол церкви. Все эти несчастья, кроме чумы, проистекали из условий жизни, существовавших до «Черной смерти», и сохранившихся после окончания пандемии.

Интерес к XIV веку — ужасному, жестокому, с разобщенностью людей времени, ознаменованному, как многие полагали, торжеством Сатаны, — проявился у меня еще и по той причине, что его, как мне кажется, можно сравнить с нашим временем и найти утешение в том, что хотя два последних десятилетия

сопровождались небывалыми потрясениями, в XIV столетии люди жили гораздо хуже.

Исторические параллели проводились и раньше. Сравнивая последствия «Черной смерти» и Первой мировой войны, историк Джеймс Уэстфолл Томпсон отметил явные сходства: экономический хаос, социальные беспорядки, высокие цены, спекуляция, снижение производства, бесшабашный разгул, распущенность, социальная и религиозная истерия, алчность и сопутствующая ей скупость, плохое управление, упадок морали. «История вовеки не повторяется», — говорил Вольтер, а «люди в любое время одни и те же», добавлял Фукидид, подтверждая тем самым свою антропологическую и психологическую концепции.

Четырнадцатый век, по определению швейцарского историка Жана Шарля Леонарда Симона де Сисмонди, явился «плохим промежутком времени для людей». Да и другие историки склонны порицать XIV столетие, ибо оно не укладывается в картину человеческого прогресса. После ужасного XX века, вместившего в себя две разрушительные войны, можно с сочувствием отнестись к XIV столетию, также сопровождавшемуся трагическими событиями и ставшему «периодом душевных и физических мук, не позволявших надеяться на лучшее будущее».

Шестьсот лет, прошедших после XIV столетия, позволяют ясно определить, что является главным для человека. Физические, психологические и нравственные условия жизни в средневековье настолько отличались от условий нашей нынешней жизни, что можно предположить: люди того далекого времени являли

собой другую, отличную от нашей, цивилизацию. И все же поведение и поступки людей во враждебной, агрессивной среде почти одинаковы для людей разных эпох, ибо присущи их естеству. Французский писатель Эдуар Перруа в книге о Столетней войне, которую он писал, скрываясь от гестапо во время Второй мировой войны, утверждал: «Некоторые примеры поведения людей в беде, некоторые ответы на вызов судьбы в разные времена становятся понятными благодаря взаимному сравнению».

Пятьдесят лет, последовавших за «Черной смертью» 1348—1350-х годов, являются, на мой взгляд, сущностью исторического периода, протянувшегося примерно с 1300 по 1450 год. Чтобы сузить область своих исследований и добиться тем самым стабильного управления интригой повествования, я остановилась на жизни одного человека, ставшего в моем изложении двигателем рассказа. Жизнь этого человека позволила, как мне кажется, правдиво и доходчиво рассказать о жизни нескольких поколений определенного исторического периода.

Человек, о котором пойдет рассказ, не король, ибо о людях столь высокого ранга и без меня много рассказывали, и не человек из народа, потому что жизнь простолюдина в большинстве случаев не способна отобразить жизнь всего современного ему общества. Человек этот не священнослужитель, ибо жизнь служителей церкви не в моей компетенции, но и не женщина, потому что если от какой-либо женщины, жившей в средневековье, и сохранились документальные данные, то эта жизнь нетипична для ее современниц.

Поэтому мой выбор пал на мужчину, человека второго сословия, французского дворянина Ангеррана де Куси, последнего из династии «наиболее опытных и умелых рыцарей Франции», жившего с 1340 по 1397 год. Его жизнь относится именно к тому времени, о котором я хочу рассказать.

Ангерран женился на старшей дочери английского короля, в результате чего стал вассалом монархов двух воюющих стран, что расширило его политические возможности. Он играл главную роль в каждой публичной драме своего времени, и у него хватило здравого смысла стать патроном известного хрониста Жана Фруассара; данное обстоятельство поспособствовало тому, что о нем дошли до нашего времени документальные сведения. К сожалению, не сохранился его портрет, если таковой и был написан. Но в то же время неплохо, что ни в английской, ни во французской литературе об Ангерране почти ничего не сказано, за исключением небольшой публикации на английском в 1939 году и его биографии на французском в виде рукописных тезисов к диссертации на соискание докторской степени — работы, относящейся к 1890 году. Это позволило автору при написании книги избрать собственный путь. Правда, близкое знакомство читателя с Ангерраном случится только в седьмой главе, а до этого автор посчитал нужным описать исторические события, на фоне которых протекала жизнь Ангеррана, впервые заявившего о себе на исторической сцене в 1358 году в возрасте восемнадцати лет.

Должна заметить, что в моей книге возможны временные и фактические неточности. Точная датировка каких-либо событий может показаться части читателей излишне педантичным занятием, но точные даты не

только помогают правильно ориентироваться во времени, но и способствуют верному пониманию причин и следствий произошедшего.

К сожалению, средневековая хронология трудно воспринимается. Год в европейских странах начинался с Пасхи, а время этого церковного праздника колебалось с 22 марта по 22 апреля, и чаще всего фиксированной датой Нового года считалось 25 марта. Переход на новый стиль счета времени произошел в XVI веке, но не везде был принят до XVIII столетия, и поэтому трудно точно установить год XIV века, в котором исторические события происходили в январе, феврале и марте. Кроме того, в английской документации хронисты нередко вели счет времени с года восшествия на престол английского короля, а в некоторых документах и хрониках счет времени ведется с года начала правления очередного главы римской католической церкви. Более того, хронисты зачастую не датировали какое-либо событие днем определенного месяца, а пользовались церковным календарем, говоря, к примеру, о втором дне до Рождества Пресвятой девы Марии, или о понедельнике после Богоявления, или о дне святого Иоанна Крестителя или о третьем воскресенье во время Великого поста. Такой календарь не только ставит в тупик историков, но и был неудобен для самих жителей XIV столетия.

Тем не менее числа и подсчет, связанный с ними, имеют существенное значение хотя бы по той причине, что они помогают определить численность населения, вовлеченного в то или иное занятие. Однако в средневековье точность подсчета зачастую не соблюдали. Так, постоянно преувеличивалась численность армий, что в прошлом, когда она расценивалась как истинная, приводило к непониманию

войн, имевших место в средневековье, которые воспринимались как аналоги современных сражений, чем они не являлись ни в целях, ни в средствах, ни в способах ведения боевых действий.

Следует допустить, что численность армий, военные потери, число погибших от смертельных болезней, количество участников бунтов и мятежей во много раз преувеличивались, что объяснялось, видимо, тем, что хронисты нередко пользовались числами, дабы огорошить читателей и нагнать на них страх.

Количественные данные, с самого начала неправильные, повторялись одним поколением историков за другим. Только в конце прошлого века ученые, на основании изученных документов, провели ревизию численных данных средневековья, но по некоторым вопросам так к единому мнению и не пришли. Так, Дж. Рассел определил численность населения Франции до пандемии чумы, в двадцать один миллион человек, Фердинанд Лот — в интервале от пятнадцати до шестнадцати миллионов, а Эдуар Перруа — от десяти до одиннадцати миллионов. Численность населения в прошлом определяют по многим факторам — например, по сумме собранных податей, по развитию торговли и сельского хозяйства, по удовлетворению спроса на продовольственные товары. Разный подход к этим вопросам приводит к расхождению данных. Данные хронистов, которые показались мне наиболее искаженными, взяты в моей книге в кавычки.

Изучая историю средневековья, сталкиваешься и с разночтением имен и искажением фактов, что вызывалось непониманием текстов рукописей или неправильным переводом с одного языка на другой.

Например, скандально известная госпожа де Курси была принята историком XIX столетия за вторую жену де Кузи. Граф д'Осер, участвовавший в битве при Пуатье, в английских хрониках получил самые разные имена: Онсер, Оссюр, Сусьер, Узур, Уосер, а в «Больших французских хрониках» его называли Сансерром. Ангерран на английском языке поименован как Ингельран.

Неудивительно, что, изучая некий английский текст, я приняла Каноля за промышлявшего разбоем французского капитана Арно де Серволя, но впоследствии выяснила, что Каноля — вариант имени Ноулс, английского капитана, также пользовавшегося дурной репутацией.

Изабеллу Баварскую, французскую королеву, один из историков назвал высокой блондинкой, а другой — темноволосой маленькой женщиной. Турецкого султана Баязида его современники именовали храбрым, алчным и предприимчивым, наделив прозвищем «Молния», а современный венгерский историк охарактеризовал Баязида как чувственного, нерешительного и женоподобного человека.

Можно посчитать аксиомой, что любое суждение, относящееся к средневековью, имеет свою противоположную версию. Так, например, одни историки утверждают, что численность женщин в те времена превышала число мужчин, потому что мужчины гибли в сражениях. Другие историки полагают, что больше было мужчин, ибо женщины часто умирали при родах. Противоположны и другие суждения: простолюдины хорошо знали Библию — простолюдины даже не держали ее в руках; французские крестьяне ходили грязными, издавая отвратительных запах, питались хлебом и луком

— французские крестьяне часто ходили в деревенскую баню, ели мясо.

Впрочем, противоречия — составная часть жизни, а не только свидетельство противоречивых суждений. Ни обычаи, ни привычки, ни общество не обходятся без противоположных явлений. В средневековье голодающие крестьяне соседствовали с зажиточными. Рыцари толковали о чести и занимались разбоем. Во время «великого мора» XIV столетия пышным цветом цвели роскошь и расточительность. В целом можно сказать, что средневековье наиболее богато своими противоречиями.

Следует также учесть, что оценка средневековья в большой мере зависит от суждений историков. За последние шестьсот лет эта оценка и подход к исследованию предмета значительно изменились. В течение XV–XVII веков историки, главным образом, изучали генеалогию знати, исходя из того, что высокородные люди — основные персонажи истории. Эти исследования в своих частностях иногда представляют значительный интерес — например, осуждение Ансельмом гасконского дворянина, наделявшего приданым несчастных девушек, которых он обесчестил.

Французская революция внесла изменения во взглядах историков на средневековье. Теперь они стали считать героем простолюдина, по определению почтенного человека, а рыцарей с королями отнесли к категории ужасных носителей беззакония. Более взвешенно к вопросам средневековья отнеслись историки XIX столетия и первой половины XX века, проделавшие большую работу. Они отыскивали и опубликовали первоисточники, снабдили хроники примечаниями, исследовали большое число трактатов, проповедей и

писем и тем самым заложили фундамент современной науки, изучающей историю Средних веков.

В XIX веке наиболее крупным ученым, изучавшим средневековье, был Симеон Люк, автор труда о Жакерии. Несмотря на некоторую предвзятость исследования, его работа поистине уникальна, ибо основана на множестве документов, ранее неизвестных. Из историков первой половины XX века следует выделить Марка Блока, который исследовал историю Средних веков с позиций социологии и приходил к своим выводам путем изучения обыкновенных житейских дел. Так, например, количество облаток, купленных прихожанами в определенной епархии, он принимал за показатель религиозности ее жителей.

При написании этой книги мне помогли работы историков, в том числе хронистов средневековья, хотя на труды последних в настоящее время не принято полагаться, но для понимания определенного исторического периода я считаю их сочинения необходимыми и полезными. Кроме того, хроники суть рассказы, как и моя работа. Несмотря на обилие информации о средневековье, о некоторых аспектах этого времени никаких сведений не имеется. Чтобы заполнить этот пробел, приходится использовать выражения «возможно», «предположительно».

Кроме того, необходимо отметить, что та информация о средневековье, что дошла до нашего времени, зачастую перегружена описанием негативных явлений в жизни средневекового общества: описанием зла, насилия, раздоров, обид, что сравнимо с информацией современных газет. История покоится на сохранившихся документах, а они, в основном,

рассказывают об имевших место несчастьях, бедствиях, преступлениях, дурных поступках людей, что зафиксировано в различного рода документации и литературных произведениях: договорах, судебных делах, обличениях моралистов, сатире и, наконец, в папских буллах. Ни один римский папа не выпустил буллу с целью одобрения какой-либо инициативы.

Негативное отношение к существовавшим порядкам и современному ему обществу хорошо видно в работах религиозного реформатора Николя де Кламанжа, который, обличая прелатов, высших должностных лиц римской католической церкви, в 1401 году заявил, что не станет обсуждать реформацию с честными священнослужителями, потому что «в церковной среде их меньшинство».

Однако несчастья и бедствия редко являются всеобъемлющими, как можно заключить из составленных документов. Но сам факт описания какой-либо трагедии придает ей всесторонность, хотя на самом деле она есть спорадическое явление, характерное лишь для определенного места и времени. Как мы сами можем судить, нормальная жизнь по времени превышает суетную и нервную. Однако наслушавшись нынешних новостей, люди воспринимают действительность как вмещилище преступлений и прочих негативных явлений, вызванных несостоятельностью властей. Вокруг мерещатся наркоманы, неонацисты, насильники. Выходит, что человек может считать удачей, если вернется домой целым и невредимым. Я сформулировала закон: когда тебе о чем-то постоянно твердят, вероятность того, что это произойдет, увеличивается в

пять-десять раз (читатель может изменить это число по своему усмотрению).

Еще одной помехой в понимании аспектов средневековья являются трудности постижения эмоционального настроения людей того времени, проникновения в их переживания и эмоции. Основным барьером этого понимания является, как я полагаю, религия, поистине вездесущая, принудительная, являвшаяся в то время законом и насаждавшая догму о бессмертной душе и превалировании духовной жизни над мирской жизнью людей — положение, которое современные люди не разделяют вне зависимости от меры их набожности. Неприятие этой догмы и ее замена верой в ценности человека и активную жизнь, не сосредоточенную на религии и слепой вере в Бога, привело к созданию современного мира и завершило средневековье.

Проблема понимания аспектов средневековья усложняется тем, что хотя в те времена и считался богоугодным и правильным отказ от мирской чувственной жизни, на практике от нее не отказывались; в том числе это было характерно и для священнослужителей. Некоторые люди, правда, пытались вести аскетическую благонравную жизнь, а иные в этом даже преуспевали, но все-таки в XIV столетии большое внимание придавалось личному состоянию и обеспеченной жизни, а отношение к мирским плотским утехам было таким же, как и в любое другое время.

Несоответствие основного принципа христианства повседневной жизни людей характерно для эпохи средневековья. Эту проблему в своих трудах рассмотрел Эдуард Гиббон, писавший в эпоху Просвещения, но он не

поднялся выше легковесной иронии, потешаясь над фальшивостью христианского идеала и противопоставляя ему естественную жизнь человека. Поэтому я не считаю, при всем моем уважении к признанному историку, что он объяснил проблему. Люди сами создали идеал христианской веры и пытались его поддерживать на протяжении более тысячи лет, хотя и не строго его придерживались. В этом идеале, несомненно, имелись потребность и гораздо более фундаментальное назначение, чем отведенная ему роль элегантной иронии просветителя.

Несоответствие между идеалом и практической жизнью прослеживается и в рыцарстве, главной политической силе правителей того времени. Идеалом считался порядок в мире, который собирались установить храбрые рыцари, собиравшиеся за Круглым столом, символом равноправия и партнерства. Рыцари короля Артура отправлялись на поиски приключений, чтобы бороться с драконами, чародеями и злыми, безнравственными людьми и установить в мире порядок. Их последователи, реальные рыцари, теоретически считались защитниками веры и справедливости, заступниками бесправных, но на практике они сами являлись притеснителями людей, и к XIV столетию беззаконие и насилие стали главной причиной беспорядков и смуты.

Когда разрыв между идеалом и практикой становится излишне широким, идеал разрушается. В артуровских легендах говорится о том, что Круглый стол был расшатан самими рыцарями, а чудесный меч Эскалибур возвращен его хозяйке, Владычице озера. Идеал разрушается, но затем человек, каким бы он ни

был злым, жадным и несущим разруху, опять стремится к порядку и начинает поиски нового идеала.

ДЕНЬГИ

Средневековые деньги происходят от *libra* (ливра или фунта) чистого серебра, состоявшего поначалу из 240 серебряных пенсов, а затем из 20 шиллингов или су; при этом каждая из этих денежных единиц равнялась 12 пенсам. Флорин, дукат, франк, ливр, марка, экю и английский фунт примерно равнялись изначальному фунту, хотя со временем вес этих монет и содержание в них серебра изменялись. В середине XIII столетия ближайшими к эталону являлись монеты, содержавшие от трех до пяти граммов золота, — флорентийский флорин и венецианский дукат. Слово «золото» (французское *d'or*) фигурирует в названии французских монет «эцю» (*ecu d'or*) и «мютондор» (*mouton d'or*), которые представляли собой монеты чистого золота. Если судить о деньгах лишь по названию, например о французском ливре как об одной из его разновидностей — парижской, турецкой или бордоской чеканки, мало чем отличавшихся друг от друга, — то ливр этот являлся денежной единицей, существовавшей лишь на бумаге.

С учетом сложности этой проблемы несведущему читателю не следует вдаваться в подробности, потому что сами названия денег не несут специальной нагрузки и их нужно воспринимать, имея в виду лишь их покупательную способность. Время от времени в своей книге, когда я упоминаю, к примеру, о жаловании солдат, о доходах ремесленников, о цене лошади или плуга, о расходах буржуазной семьи, о сумме налогов, я пытаюсь соотнести средневековые деньги с реальной стоимостью

услуг и товаров. Но я не стремилась и не стремлюсь соотнести эти деньги с курсом одной денежной единицы, например с ливром или с франком, ибо курс денег непрерывно менялся, как менялась и стоимость золота и серебра. В своей книге я просто использовала те названия денег, которые упомянуты в документах и хрониках, мною использованных при ее написании, и потому прошу читателя отнестись к этим денежным единицам как к одним из многих существовавших.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

«Я — СИР ДЕ КУСИ»: ДИНАСТИЯ

На северо-востоке Франции, в Пикардии, на высоком холме возвышался грандиозный полный величия пятибашенный замок Куси, являвшийся то ли стражем Парижа, то ли его соперником. Из середины этого замка устремлялся ввысь гигантский цилиндр, вдвое выше угловых башен. Это был донжон, самый большой в Европе и самый мощный из подобного рода сооружений, возведенных в средневековье: девяносто футов в диаметре и высотой в сто восемьдесят футов, способный вместить при необходимости тысячу человек. Донжон защищал сам замок и, окруженный крепостной стеной с тридцатью сторожевыми башенками на ней, все сооружения вокруг замка: церковь, дома, хозяйственные постройки. Путешественники, оказавшиеся в здешних краях, видели этот колосс баронской мощи за несколько миль от замка, а приближаясь к нему, вероятно, испытывали благоговейный страх перед ним.

Под стать циклопическому донжону были и внутренние помещения замка: высота ступеней доходила до шестнадцати дюймов, подоконники находились в трех с половиной футах от пола, а каменные перемычки замковых окон составляли два кубических ярда — казалось, замок возведен для гигантов. Амбициозные, источающие угрозы, при случае беспощадные, де Куси обосновались на территории, естественно возвышавшейся над округой. Замок, расположенный на

высоком холме, господствовал над путем из долины реки Эйле в долину Уазы. Отсюда де Куси бросали вызов монархам, грабили церковные земли, отправлялись в крестовые походы и, несмотря на то, что их осуждали и отлучали от церкви за преступления, регулярно увеличивали собственные владения, женились на особах королевских кровей и взлелеяли свою гордость, выливавшуюся на поле сражения в воинственный клич «За благородных Куси!». Являясь одними из четырех наиболее именитых баронов Франции, они насмеялись над титулами и взяли себе девиз, по виду простой, но полный высокомерия:

Roi ne suis

Ne prince ne due ne comte aussi;

Je suis le sire de Coucy.

Я не король, не принц

Не герцог, не граф.

Я — сир де Куси.

Строительство замка Куси началось в 1223 году в пору расцвета средневековой архитектуры, когда были возведены величественные соборы на севере Франции — в Лане, Реймсе, Амьене, а также в Бове, находившемся в пятидесяти милях от замка. Но если для строительства этих соборов потребовалось от пятидесяти до ста лет, то замок Куси по воле его владельца Ангеррана де Куси III был возведен за неправдоподобно короткий срок — всего за семь лет.

Замок размещался на площади, превышавшей два акра. Его четыре угловые башни, каждая высотой в

девятьюстами футов и шестьдесят пять футов в диаметре, и стена, с трех сторон следовавшая рельефу местности, образовывали своего рода бастион. Единственным входом в замок являлись крепостные ворота, защищенные сторожевыми башнями, рвом с водой и опускаемой железной решеткой. За воротами, на территории площадью около шести акров, находились конюшни, служебные помещения, ристалище и выгон для лошадей. За замком располагался небольшой городок с сотней домов и церковью. Холм окружала внешняя крепостная стена с тремя крепкими, основательными воротами. Южная сторона холма, обращенная к Суассону, обрывалась крутыми склонами, а на северной стороне, обращенной к Лану, где холм сливался с плато, был вырыт огромный ров.

В стены донжона, толщиной от восемнадцати до тридцати футов, была встроена винтовая лестница, соединявшая все три этажа. В крыше донжона имелось отверстие, совмещенное с отверстиями в сводчатых потолках каждого этажа. Эта система совмещенных отверстий вносила сильную лепту в освещение замка и позволяла доставлять на нужный этаж оружие и пищевые продукты без необходимости тащить их по лестницам. Та же система позволяла передавать голосовые приказы разом на все этажи донжона. В донжоне имелось несколько кухонь, а на его крыше располагался наполнявшийся дождевой водой рыбный садок. В донжоне имелись также колодец, камин, печи для приготовления пищи, кладовые, подвалы. Подземные сводчатые ходы вели к каждой значимой части замка и на его двор, а потайные ходы тянулись за крепостные стены, и по ним при осаде замка могли доставляться продукты питания. С крыши донжона открывалась

прекрасная перспектива на всю округу до Компьенских лесов, находившихся в тридцати милях от замка, что позволяло вовремя заметить опасность. По своему проекту и исполнению замок Куси был самой надежной крепостью средневековой Европы, а размерами он поистине поражал самую дерзостную фантазию.

Главным назначением превращенного в крепость замка являлась защита от неприятеля. В средневековье крепость была таким же символом времени, как и крест. В «Романе о Розе» замок, в котором заключена героиня, предстает крепостью, каковой следует овладеть для удовлетворения сексуальных желаний. В реальной жизни замок защищал своих владельцев от набегов врагов, типичного явления средневековья. Предшественницей замка была римская вилла, не имевшая защитных сооружений. Ее владельцы полагались на римский закон, а при необходимости — на римские легионы. После падения Римской империи средневековое общество распалось на разрозненные, враждовавшие между собой фракции, не имевшие светской центральной власти. Лишь церковь пыталась сплотить людей, ибо общество не приемлет анархии.

Постепенно возродилась монархия, но как только новая власть стала набирать силу, она столкнулась с противодействием церкви и феодалов. В то же время буржуазия, отстаивая собственные интересы, предлагала свою поддержку то церкви, то королям, то баронам в обмен на хартии вольностей, в результате чего образовалось третье сословие. Однако политическое равновесие между сословиями, агрессивными настроенными друг к другу, являлось довольно шатким, ибо у короля не было под рукой постоянной армии. Королю приходилось рассчитывать на войско вассалов, лишь со временем у

него появилась наемная армия. Власть все еще не была централизованной и зависела от волеизлияния феодалов и выполнения ими феодальной присяги. Не обязательства гражданина перед государством, а обязательства вассала перед своим господином определяли тогдашнюю политическую структуру. Государство все еще боролось за свое существование.

Благодаря расположению в центре Пикардии замок Куси являлся «одним из ключей французского королевства». Примыкая на севере к Фландрии, а на западе к Нормандии и Ла-Маншу, Пикардия являлась главной сухопутной и водной артерией Северной Франции. Ее реки несли свои воды как на юг — в Сену, так и на запад — в Ла-Манш. Благодаря своей плодородной почве и обилию полей, лугов и лесов Пикардия являлась главным сельскохозяйственным районом страны, житницей Франции. В начале XIV столетия в Пикардии насчитывалось около двухсот пятидесяти хозяйств с населением, превышавшим миллион человек, что превосходит численность населения этой провинции в настоящее время. Города Пикардии первыми получили права городских общин.

По предположительным данным, земли, на которых впоследствии был построен замок Куси, первоначально принадлежали реймскому архиепископу святому Реми, которые ему подарил около 500 года франкский король Хлодвиг I, обращенный архиепископом в христианство. Хлодвиг I, по существу, поддержал начин Константина, римского императора, официально признавшего христианскую церковь. Но при Константине христианство было не только признано, но и скомпрометировано.

Уильям Ленгленд писал:

Когда Константин даровал Святой Церкви
Земли, власть и прислужников,

Над римлянами воспарил ангел,
провозгласивший:

«Этот день напоен отравой,

И все последователи Петра отравлены на
веки веков».

Основным конфликтом средневековья являлось противоречие между духовностью и мирскими потребностями людей. Стремление церкви к духовному лидерству, сочетавшееся с неумемной жаждой обогащения, подрывало ее влияние и понуждало часть верующих отступать от господствующей доктрины, что в конце концов привело к расколу.

Согласно раннему латинскому источнику, местность Куси называлась Кодициак. Предположительно, это название происходит от *Codex, codicis*, что значит «дерево, очищенное от веток», которое шло у галлов на строительство частокола. В 910–920 годах Эрве, реймский архиепископ, построил в этой местности небольшой замок вместе с часовней, окружив их укрепленной стеной для защиты своих владений от нападений скандинавов, вторгавшихся в долину Уазы. Жители деревни, располагавшейся на холме ниже замка, при нападении неприятеля искали защиту за укрепленной стеной, окружавшей замок, и в конце концов построили там небольшой городок, со временем получивший название Куси-ле-Шато, в отличие от деревни Куси-ла-Виль.

В те жестокие времена на эту местность постоянно претендовали равно воинственные бароны, архиепископы, короли. В то время появились профессиональные воины, которые не только противостояли захватчикам (скандинавам, приходившим с севера, и маврам, вторгавшимся с юга), но и с не меньшей охотой воевали между собой. В 975 году Одельрик, реймский архиепископ, уступил замок графу д'Эду, основателю династии де Куси. Об этом человеке, кроме его имени, ничего не известно, но он, обосновавшись в замке, передал своему потомству необыкновенную силу и необузданный нрав.

Первое дошедшее до нашего времени свидетельство о представителях династии де Куси исходит из документа, в котором говорится о том, что в 1059 году Обри де Куси построил вблизи холма (где впоследствии был возведен замок Куси) бенедиктинское аббатство Ножан-су-Куси. Такой акцией, превосходившей по значению обычное даяние верующих, Обри, видимо, хотел показать свою щедрость и заодно обеспечить себе спасение (как его понимали верующие люди). В следующем веке брюзгливый аббат Гвибер жаловался на бедность аббатства, но, по другим свидетельствам, оно процветало, ибо его поддерживало деньгами состоятельное семейство Куси.

Наследник Обри, Ангерран I, участник многих скандалов, был одержим страстью к женщинам, как утверждает аббат Гвибер в своей «Исповеди» (сам страдавший подавленной сексуальностью). Охваченный страстью к Сибиль, жене феодального сеньора Лорена, Ангерран с помощью угодливого епископа Лана развелся со своей первой женой Аделью де Марль, обвинив ее в нарушении супружеской верности. После этого, с

разрешения церкви, Ангерран сочетался браком с Сибиль, хотя она была замужем. Муж ее, вопреки донесениям, не погиб на войне, а сама дама, по слухам отличавшаяся беспутностью, была беременна от связи на стороне.

Из этой кошмарной семьи вышел «бешеный волк» (как о нем отозвался аббат Сугер Сен-Дени), самый злобный и дикий из Куси, Томас де Марль, сын брошенной Адели. Люто ненавидевший своего отца, который фактически отказал ему в наследстве, Томас, повзрослев, встрял в бесконечную войну, первоначально развязанную против Ангеррана отвергнутым мужем Сибиль.

Подобные локальные войны имели целью уничтожить врага или, как минимум, истребить как можно больше его крестьян и уничтожить поля, виноградники и сельскохозяйственные постройки с тем, чтобы уменьшить его доходы. В результате главной жертвой подобных войн становились крестьяне. По свидетельству аббата Гвибера, во время «дикой войны» между Лореном и Ангерраном пленным отрубали ноги и выкалывали глаза. Бесчисленные локальные войны стали настоящим бичом Европы, и крестовые походы, как полагали, были специально (пусть и, возможно, на подсознательном, так сказать, уровне) организованы, чтобы облегчить положение — через создание отдушины для выхода агрессии.

Когда в 1095 году был созван Первый крестовый поход с целью освобождения Иерусалима и Гроба Господня от ига магометан, в нем приняли участие и Томас, и Ангерран, по-прежнему питавшие друг к другу лютую ненависть. Во время похода зародился герб де

Куси, но кто стал его создателем — Ангерран или Томас, — в точности неизвестно. Случилось так, что однажды ночью одного из них с пятью другими людьми окружили мусульмане. Тогда предводитель рыцарей — то ли Ангерран, то ли Томас — снял с себя алый плащ, отделанный беличьим мехом, разорвал его на шесть лоскутов и раздал по лоскуту каждому рыцарю для опознания в бою. После этого рыцари атаковали магометан и всех перебили. В ознаменование этой победы то ли Ангерран, то ли Томас начертал на своем щите герб: шесть горизонтальных полос, символизирующих беличий мех, на червленом поле.

Унаследовав от своей матери земли Марль и Ла Фер, Томас присоединил их к поместью Куси, которое перешло к нему в 1116 году. Строптивный, с бешеным нравом, Томас постоянно враждовал с соседями, церковью и королем. По словам аббата Сугера, ему «помогал сам дьявол». Томас захватывал монастырские земли, издевался над пленными (подвешивал их за гениталии, пока те не отрывались под весом тела), а однажды собственными руками перерезал горло тридцати взбунтовавшимся горожанам. Свой замок он превратил в «гнездовье драконов и пещеру разбойников».

Томаса отлучили от церкви, которая повелела предавать злодея анафеме каждое воскресенье во всех церквях Пикардии. Наконец король Людовик VI собрал войско против преступного Томаса и отобрал у него незаконно захваченные земли. В конце концов Томас дрогнул, испугавшись угрозы ада, куда отправлялись загубившие свою бессмертную душу, и по существу уступил требованиям и наставлениям церкви, на которых та наживалась не один век. Он оставил снискавшее

дурную славу аббатство Ножан-су-Куси и основал неподалеку другое аббатство, получившее название Премонтре. Томас умер в своей постели в 1130 году. Он был женат три раза. Аббат Гвибер назвал его «самым безнравственным человеком своего поколения».

В XII–XIII столетиях в странах Европы произошла определенная централизация политической власти, что благотворно сказалось на развитии общества. Развивались торговля, строительство, банковское и кредитное дело, образование, исследование новых земель и другие сферы деятельности людей, открывавшие новые горизонты. В те двести лет, названных Высоким средневековьем, вошли в обиход механические часы и компас, ткацкие станки и прялки, ветряные и водяные мельницы. Тогда Марко Поло совершил путешествие через Центральную Азию в далекий Китай, вернувшись в Европу морем. Фома Аквинский, теолог и философ, составил свои труды, способствовавшие распространению знаний, а Данте создал произведения, составившие основу просвещенного христианского гуманизма и оказавшие положительное влияние на развитие итальянского разговорного языка. В то же время были основаны университеты в Париже и Болонье, Падуе и Неаполе, Оксфорде и Кембридже, Салониках и Вальядолиде, Монпелье и Тулузе. Тогда же Джотто освободил живопись от мертвенной традиции византийской иконописи и развил в ней драматизм композиции, а Роджер Бэкон основал опытную науку.

Однако наряду с учением святого Франциска, проповедовавшего евангельское смирение, расцветала Святейшая инквизиция, а альбигойский крестовый поход, поднятый во имя торжества веры, привел к полному

разорению юга Франции, в то время как в других районах страны возводились соборы и росло производство.

Успехи тех лет были добыты не рабским трудом. Хотя крепостное право в то время имело место, оно было достаточно ограниченным, а обязанности и права крепостных вытекали из традиционных обычаев и средневековое общество развивалось за счет усилий людей, его составлявших.

После кончины Томаса феодальное владение, принадлежавшее де Куси, в течение шестидесяти лет обходилось без потрясений благодаря рассудительности Ангеррана II и Рауля I, сына и внука Томаса, которые уживались с королем Франции. Каждый из них участвовал в крестовых походах XII столетия, и оба погибли на Святой земле. Вероятно испытывая материальные затруднения, возникшие из-за расходов на военные экспедиции, вдова Рауля в 1197 году уступила Куси-ле-Шато местной общине за сто сорок ливров.

Подобный демократизм, представлявший, по мнению некоторых историков XIX столетия, степень стабильного продвижения к свободе и демократии, на мой взгляд, таковым не был; действия вдовы Рауля логично вытекали из пристрастия тогдашней знати к воинским забавам. Отправлявшийся в поход крестоносец был обязан снабдить свою свиту лошадьми, оружием и доспехами, обходившимися в круглую сумму. Если он выживал в походе, то обычно возвращался домой более нищим, чем уезжал, поскольку ни один крестовый поход, кроме первого, не был ни триумфальным, ни прибыльным. Единственный выход поправить свои дела — так как продажа земли считалась немыслимой — заключался в переуступке общине части своих

привилегий или в замене денежной рентой обязательств и труда крепостных. В набиравшей рост экономике XII и XIII столетий доходы от торговли и сельскохозяйственных переизбытков позволяли горожанам и крестьянам покупать себе права и свободы.

Ангерран III, получивший прозвище Великий, унаследовал чрезмерные замашки и притязания своего прадеда Томаса. Будучи хозяином феодального поместья Куси с 1191 по 1242 год, он не только перестроил замок вместе с донжоном, но и возвел замки, окружив их крепостными стенами, в шести других своих феодальных поместьях, включая имение в Сен-Гобене. Ангерран III принял участие в сопровождавшемся резней альбигойском походе, а затем выступил против реймской епархии, совершая всевозможные беззакония. Его обвиняли в опустошении земель, принадлежавших епархии, захвате деревень, грабежах, незаконной вырубке леса и прочих бесчинствах. Ангерран даже посягнул на епархиальный собор. Ворвавшись в помещение силой, он заковал в кандалы его настоятеля.

В 1216 году реймский архиепископ пожаловался папе римскому на беззаконие и самодурство Ангеррана III. Злодея отлучили от церкви, предав анафеме, а всем приходам реймской епархии предписали прекращать церковную службу при появлении Ангеррана.

Человеку, преданному анафеме, грозило «посмертное выдворение» в ад, если он не избавлялся от пороков и прегрешений и не получал отпущения грехов. В большинстве случаев снять анафему мог лишь епископ, а в исключительных случаях — папа. Пока анафема была в силе, священник соответствующего прихода два-три раза в году во имя Отца, Сына, Святого Духа, Пресвятой

девы Марии, всех апостолов и святых был обязан во время службы проклинать преданного анафеме, при этом крест и служебники клались на пол, свечи тушились, а саму службу в этой ее осуждающей части сопровождал похоронный звон. Разумеется, такое отступление от традиционной церковной службы прихожанам не нравилось, и они при случае бросали камни в дом преданного анафеме, старались не иметь с ним дел или принимали другие меры, чтобы привести его к покаянию. Оказавшись в подобном нервном и затруднительном положении, Ангерран III покаялся, и после того как он выполнил все обязанности, наложенные на него епитимьей, ему отпустили грехи. Но это не уменьшило его мирские амбиции, и он начал строить огромный замок, превосходивший своими размерами и величием королевский дворец.

Ангерран возводил замок с перспективой борьбы с монархом. Во времена малолетства Людовика IX, вошедшего в историю как Людовик Святой, Ангерран встал во главе баронов, находившихся в оппозиции к королю, а по некоторым свидетельствам, сам стремился взойти на трон. Он унаследовал королевскую кровь от своей матери Алисы де Дре, потомка Филиппа I. Его донжон, превосходивший высотой башню Лувра, считался вызовом королю.

Центральная власть во Франции при регентстве матери малолетнего короля была достаточно прочной, но сир де Куси представлял собой силу, с которой следовало считаться. Он рассчитывал на собственное состояние и связи с влиятельными людьми. Этими связями он обзавелся с помощью своих жен. Его первая и третья жены происходили из знатных пикардийских семей, и владения Ангеррана III в Пикардии расширились. Его

вторая жена Маго Саксонская была дочерью Генриха Льва, саксонского герцога, и внучкой английского короля Генриха II и Элеоноры Аквитанской, племянницей Ричарда Львиное Сердце и сестрой Оттона Саксонского, будущего императора Священной Римской империи. Дочь Ангеррана III вышла замуж за Александра II, короля Шотландии.

На строительстве замка работали около восьмисот каменщиков, использовалось значительное число повозок, запряженных волами, для доставки камней из каменоломен на холм, а также трудились, опять-таки, около восьмисот других мастеровых: кузнецов, плотников, кровельщиков, живописцев, граверов по дереву. Над дверьми донжона красовался барельеф невооруженного рыцаря, схватившегося со львом, — символ рыцарской доблести. Стены как самого замка, так и донжона были декорированы гирляндами фантастических листьев, размером соответствовавших грандиозности всей постройки. В каждой части замка были выложены каминные — изобретение XI столетия, значительно улучшившее условия проживания. Теперь жильцы замка могли чаще уединяться в личных апартаментах, а не проводить свободное время в натопленном большом зале.

В углу второго этажа замка помещалась небольшая комната, тоже с камином, вероятно служившая будуаром госпожи де Куси. Из большого окна этой комнаты открывался великолепный вид на окрестности: долину реки Эйле, разбросанные там и сям деревушки с колокольнями, выступавшими над окаймлявшими их деревьями, дорогу, взбирающуюся на холм. Другие комнаты, в которых жили сеньор и его семья, находились

в иной части замка, надежно укрытой от посягательств извне.

В 1206 году Амьену, общине и процветающему главному городу Пикардии, достался фрагмент головы Иоанна Крестителя. Для хранения и поклонения этой реликвии амьенцы решили построить самую высокую церковь в мире. Собрали деньги, и в 1220 году грандиозный собор был построен. К тому же времени Ангерран III возвел рядом с донжоном величественную часовню, превышавшую высотой Сен-Шапель, воздвигнутую в Париже Людовиком IX Святым спустя несколько лет. С покрытыми золотом куполами, декорированная резьбой, часовня особенно поражала своими цветными оконными стеклами. Эти витражи были настолько красивы, что в XIV столетии страстный коллекционер герцог Жан Беррийский попытался купить их за двенадцать тысяч золотых экю.

Ангерран III являлся сеньором Сен-Гобена, Ассиза, Марля, Ла Фера, Фоламбре, Монмирея, Уази, Кревекера, Ла Ферте-Околь, Ла Ферте-Гоше. Он был также виконтом де Мо и кастеляном де Камбре. Еще в 1095 году король восстановил, отобрав у церкви, главенство над феодалом Куси, и теперь сеньор этого лена платил вассальную дань одному королю. В XII–XIII веках сеньоры Куси, подобно епископу Лана, чеканили собственные монеты. Судя по числу рыцарей, которых вассалы короля по требованию ему предоставляли, де Куси стоял следом за наиболее богатыми французскими феодалами. Согласно данным 1216 года, де Куси был обязан предоставить при необходимости королю 30 рыцарей, герцог Анжуйский — 34, герцог Бретонский — 36, а граф Фландрский — 47 рыцарей.

В 1242 году Ангерран III погиб в возрасте около шестидесяти лет в результате несчастного случая. Он упал с лошади, пронзив мечом собственное тело. Ему наследовал его старший сын Рауль II, но и он вскоре погиб в Египте во время неудачного крестового похода 1248–1250 годов, предпринятого Людовиком IX Святым. Ему наследовал его брат Ангерран IV, напомилавший своим деспотическим произволом римского императора Калигулу.

Однажды слуги Ангеррана IV застали за охотой в его лесу трех молодых дворян из Лана. Они охотились без собак и были вооружены только луками. Несмотря на ничтожность проступка, Ангерран повелел их повесить. Но это беззаконие ему с рук не сошло, ибо Людовик IX отличался не только набожностью, но и стремлением чтить законы. Ангеррана арестовали, но не пэры, а судебные приставы — как обыкновенного преступника. Сеньора поместили в дворцовую тюрьму, но, правда, из уважения к его рангу, не заключили в кандалы.

В 1256 году Ангеррана судили, хотя несколько влиятельных пэров — среди них были король Наваррский, герцог Бургундский, графы Бар и Суассон — пытались за него заступиться, втайне заботясь и о собственных привилегиях. Сам Ангерран IV с высокомерием заявил, что судебное разбирательство ниже его достоинства, и потребовал, чтобы ему дали возможность защитить свою честь в поединке. Людовик IX решительно отказал, сославшись на то, что подобный поединок невозможен, ибо окажись на месте знатного Ангеррана «бедняк, священник или иное лицо, к которому должно иметь сострадание», люди такого рода лишены шанса защитить свою честь оружием. Правда, бывали случаи, когда незнатные люди нанимали нужного

человека, бравшегося защитить их честь и достоинство, но Людовик IX рассудительно считал, что такую практику следует прекратить. Преодолев энергичное сопротивление пэров, король приказал отдать де Куси под суд. Ангеррана IV признали виновным, но, несмотря на стремление короля предать сеньора смертной казни, его всего-навсего обязали выплатить штраф в размере 12 000 ливров. Половину этих денежных средств следовало передать церкви на молитвы за упокой души убиенных Ангерраном людей, а другую часть послать защитникам христианской веры в Святой земле. Эта история послужила в пользу Людовика, когда решался вопрос о причислении его к лику святых.

Ангерран IV завоевал расположение короля в 1265 году, когда ссудил ему пятнадцать тысяч ливров на покупку креста, на котором, как полагали, распяли Иисуса Христа. Тем не менее он продолжал бесчинствовать, грубо нарушая законы, и умер в 1311 году в возрасте семидесяти пяти лет, не оставив потомства.

Ангерран IV завещал местному лепрозорию ежегодную ренту в размере двадцати су (что равнялось одному ливру) с тем, чтобы его обитатели «ежегодно отмаливали наши грехи». В те времена двадцать су равнялись дневному содержанию одного рыцаря или четырех лучников, или плате за наем повозки, запряженной двумя лошадьми, сроком на двадцать дней, или содержанию батрака в течение двух лет. Поэтому можно предположить, что грехи Ангеррана IV отмаливали многие, хотя, вероятно, и этого числа не хватало, чтобы спасти его душу.

После смерти Ангеррана IV династию де Куси продолжили потомки его сестры Алисы, вышедшей замуж за графа де Гина. Ее старший сын наследовал графский титул и земли отца, а владельцем феодального поместья Куси стал ее второй сын Ангерран V. Воспитанный при дворе шотландского короля Александра, он женился на его племяннице Кэтрин Линдсей Балиоль. Ангеррану V наследовали его сын Гильом, а затем внук Ангерран VI, вступивший во владение феодалом в 1335 году. Через пять лет у него родился сын Ангерран VII, последний из де Куси, который и является героем нашего повествования.

Благодаря удачным женитьбам на представительницах могущественных семей Фландрии и Северной Франции, де Куси постоянно наращивали свое состояние и политическое влияние, приобретали новые земли, а с ними приобрели и новые геральдические отличия — гербы Буажанси, Эно, Дре, Саксонии, Монмирея, Руси, Балиоля, Понтье, Шатильона, Сен-Поля, Гельдре и Фландрии.

Де Куси добились столь высокого положения, что пользовались правами суверенных владык. Они располагали своим судом, а их двор состоял из тех же должностных лиц, что и двор короля. В число придворных входили коннетабль, дворецкий, конюший, лесничий, егерь, сокольничий, эконом, квартирмейстер (на случай дальних поездок). Кроме того, у сеньора такого ранга, как де Куси, имелись несколько врачей, а также священники, брадобреи, менестрели, музыканты, художники, писцы, секретари, астролог, шут, карлик, пажи. Главный вассал, известный как кастелян или гар-дю-шато, управлял владением. Наконец, в распоряжении де Куси были пятьдесят рыцарей вместе со своими оруженосцами и многочисленный штат

всевозможных слуг, способных носить оружие; таким образом, его постоянное войско состояло приблизительно из пятисот человек.

Сеньору, подобному де Куси, полагалось постоянно поддерживать свое высокое положение в обществе: иметь пышную свиту, устраивать охоты, пиры, рыцарские турниры, театральные представления, проявлять щедрость и не скупиться на собственные расходы, и люди, жившие на его милости, разумеется, полагали щедрость и расточительность наиболее привлекательными и неотъемлемыми чертами характера знатного человека.

Знатные люди обретали свой статус по праву рождения, но его следовало постоянно поддерживать силой оружия. Человек слыл благородным, если имел знатных родителей, знатных дедов и прадедов и так далее, до первого вооруженного всадника. И все же статус этот был довольно аморфным. Единственным необходимым критерием этого статуса являлась постоянная военная практика. Это была обязанность второго из трех учрежденных Богом сословий. Каждому сословию назначалось выполнять собственную задачу на благо всего людского сообщества: священникам надлежало молиться за всех, рыцарям — всех защищать, а простолюдинам — трудиться, обеспечивая всех пропитанием.

Священнослужители как ближайшие к Богу являлись первым сословием, делившимся на две иерархии: монахов и священников, выполнявших свои обязанности в миру. Во главе обеих иерархий стояли прелаты: аббаты, епископы и архиепископы. Но между прелатами и бедными малообразованными священниками общего

было мало. Третье сословие было еще менее однородным. Наряду с предпринимателями, юристами и врачами, в него входили ремесленники, крестьяне, поденщики. Тем не менее знать не видела разницы между ними и стригла всех под одну гребенку. Некий дворянин, служивший при дворе герцога Бургундского, писал: «Не следует отличать купцов от ремесленников. И те и другие входят в одно сословие, которое не способно явить из своей среды достойных людей, ибо они являются собранием прислужников и батраков».

Теоретически, знатные люди овладевали боевыми искусствами не ради собственной пользы, а для защиты других сословий и поддержания справедливости и порядка. Полагалось, что благородные обязаны защищать угнетенных, бороться с тиранами и способствовать распространению добродетелей, то есть решать задачи, которые были не по силам невежественным крестьянам, как установили их современники по христианскому миру, если только не сам его основатель.

Считаясь защитниками народа, знатные люди были освобождены от прямых налогов, наподобие подушного или налога на очаг, и выплачивали лишь налог с оборота. Однако, пропорционально доходам, бедные платили больше богатых. Такое налоговое послабление для знатных людей объяснялось тем, что «во время войны они подвергают опасности свою жизнь и имущество», но на практике налогообложение было столь же изменчивым, как небо, покрытое облаками, в ветреный день. В частности, налогообложение священников являлось предметом бурных дискуссий,

когда приходило время выделять деньги на защиту страны от внешней угрозы.

Средневековая налоговая система не имела ясных и устойчивых правил и была настолько отягчена всевозможными дополнениями, что правильно рассчитать сумму налога представлялось практически невозможным. Считалось, что король должен «жить на свои доходы», но в связи с тем, что их может не хватить для защиты страны и для других общегосударственных нужд, его подданные могут облагаться налогами, чтобы, как заметил Фома Аквинский, «обеспечить общее благо за счет общих вложений». Это положение исходило из правила: «знатные люди созданы Богом не для того, чтобы во всем искать выгоду, а с обратным предназначением — способствовать благу всего народа».

Люди благородного происхождения не расставались с оружием не только для освобождения от налогов, но и для самоутверждения. «Ни у одного из нас нет отца, который бы умер в своей постели, — писал некий рыцарь XIII столетия. — Все погибли на поле брани».

Знатный человек не мыслил себя без лошади, которая «поднимала» его над другими людьми. На многих языках (не только в английском) рыцарь (*chevalier* на французском) — то же, что всадник. Считалось, что «храбрый человек на хорошей лошади за час сражения может добиться большего, чем десять и даже сто пеших». Боевой конь должен быть «умным, сильным и быстрым, с нравом настоящего бойца». Во время военной службы рыцарь и лошадь полагались единым целым, без лошади рыцарь превращался в обыкновенного человека.

Битва являлась самозабвением рыцаря, приводила его в экстаз. «Если бы я стоял одной ногой в раю, —

воскликнул Гарен Лотарингский, герой средневековой поэмы, — я бы убрал ее и отправился биться».

Трубадур Бертран де Борн описал свое отношение к битве гораздо пространнее:

Мила мне радость вешних дней,

И свежих листьев, и цветов,

И в зелени густых ветвей

Звучанье чистых голосов, —

Там птиц уютится стая.

Милей — глазами по лугам

Считать шатры и здесь и там

И, схватки ожидая,

Скользить по рыцарским рядам

И по оседланным коням...

Лишь тот мне мил среди князей,

Кто в битву ринуться готов,

Чтобы пылкой доблестью своей

Бодрить сердца своих бойцов,

Доспехами бряцая.

Я ничего за тех не дам,

Чей меч в бездействии упрям,

Кто, в схватку попадая,

Так ран боится, что и сам
Не бьет по вражеским бойцам...
Мне пыл сражения милей
Вина и всех земных плодов.
Вот слышен клич: «Вперед! Смелей!»
И ржание, и стук подков.
Вот, кровью истекая,
Зовут своих: «На помощь! К нам!»
Боец и вождь в провалы ям
Летят, траву хватая.
С шипеньем кровь по головням
Бежит, подобная ручьям...^[1]

Данте описал, как Бертран, находясь в аду, несет перед собой свою голову, освещающую ему путь, как светильник.

Знатные люди, владевшие землей и имевшие постоянный доход, могли повелевать всеми людьми неблагородных кровей, за исключением священников и купцов, являвшихся гражданами свободного города. Сеньоры, обладавшие крупным поместьем и большим состоянием, могли вершить «высокое правосудие», дававшее право выносить смертные приговоры. Сеньоры с меньшим достатком могли вершить «низшее правосудие», исходя из которого могли заключить

¹ Перевод В. Дынник.

провинившегося в тюрьму, приказать его выпороть или наказать иным способом на свое усмотрение.

В то же время сеньор был обязан не оставлять своими милостями вассалов, защищать и патронировать их, что закреплялось его присягой, которая была связана с присягами вассалов сеньору, имевшими силу до того времени, пока сеньор соблюдал свою. Средневековая политическая структура представляла собой в идеале соглашение, согласно которому служба и преданность обменивались на защиту, порядок и справедливость. Как крестьянин обязывался служить сеньору, так и сеньор в свою очередь обязывался служить своему сюзерену, в мирное и в военное время. Феодалные присяги объединяли все стороны соглашения, включая и короля.

Не все феодалы были такими богатыми, как сеньоры из семьи де Куси. Бедный рыцарь, владелец небольшого поместья и жалкой костлявой лошаденки, хотя и разделял взгляды многоземельного феодала, жил скромными интересами. Во Франции насчитывалось около двухсот тысяч родовитых людей, составлявших от сорока до пятидесяти тысяч семей, или примерно один процент населения. Но и эти родовитые люди значительно различались между собой по достатку и положению в обществе. Одни, владельцы крупных поместий, имели большое число вассалов и годовой доход более десяти тысяч ливров. Другие, владельцы небольшого и часто ветхого замка, имели всего одного-двух вассалов, а их годовой доход не превышал пятисот ливров. Наконец, третьи, бедные рыцари, вассалов не имели вообще, а в их владении находился лишь дом с пахотным полем, что в целом можно было отождествить с хозяйством крестьянина. Годовой доход таких рыцарей составлял примерно двадцать пять

ливров, на которые они жили вместе с семьей и слугами и обзаводились воинским снаряжением, которое и давало им средства к существованию. Такие рыцари жили за счет своего коня и оружия, дававших им возможность служить сеньору или любому другому, готовому оплатить их услуги.

Феодал, как родовитый, так и незнатный, носил рыцарские шпоры и пояс, но при этом нередко полагалось определить, чем он мог заниматься без потери своего высокого статуса. Могли он, например, продавать вино из собственного виноградника? — щекотливый вопрос, ибо даже король этим не гнушался. В 1393 году результатом рассмотрения подобного рода дела в суде стал королевский указ, в котором уклончиво говорилось: «Не надлежит благородному человеку держать постоянный двор». Однако при рассмотрении другого сходного дела суд вынес решение, по которому благородные люди могли получать лицензию на торговлю. На практике сыновья благородных родителей нередко «вели жизнь купцов, торгуя одеждой, зерном, вином и другими товарами, а некоторые и вовсе трудились в качестве скорняков, сапожников и портных», но такая деятельность лишала их привилегий именитых людей.

И все же занятия коммерцией и ремесленничеством в среде благородных людей находились фактически под запретом. В XIV веке церковник Оноре де Боне в своем трактате «Древо сражений» отмечал, что наличие такого запрета «лишает рыцаря основания пренебрегать военной службой ради обогащения». Знатные люди были обеспокоены не только потерей рыцарей, уходивших в коммерцию, но и «разбавлением» своей высокородной среды людьми из народа. Корона за хорошую плату стала

предоставлять не просто хартии вольностей городам, но и поместья простолюдинам.

Кроме того, простолюдины освоили юридические и финансово-экономические профессии и стали помогать королю вести государственные дела, занимаясь финансами и юстицией, и в итоге составили группу профессиональных государственных служащих и даже министров. Знать, как правило, выдвигавшая из своей среды советников короля, считала таких людей узурпаторами прав благородных и презрительно называла их парвеню (то есть выскочками).

В результате геральдические гербы, знаки родовитости и права носить оружие, стали объектами особого почитания, чуть ли не культом. На рыцарских турнирах каждый участник был обязан подтвердить свою знатность фамильным гербом, а иногда — четырьмя гербами. В середине XV столетия во время одного из турниров один из рыцарей разместил у своего шатра на ристалище тридцать два герба.

Отсутствие наследника, переход в другое сословие и появление среди феодалов ранее неблагородных людей приводило к тому, что состав второго сословия постоянно менялся. Снижение количества знатных семей достигало пятидесяти процентов за век. Снижалась и средняя продолжительность существования родовитых фамилий. Примером такой деградации может служить история семьи бедного рыцаря Ключеля, владевшего в конце XIII столетия небольшим поместьем в долине Луары. Зарабатывать на жизнь оружием он возможности не имел и потому, в связи с нехваткой рабочих рук, был вынужден сам принимать участие в обработке своих полей и работать на мельнице. Из трех его внуков один

стал оруженосцем, другой — священником, а третий — сборщиком податей, нанявшись на эту работу к одному из сеньоров. В результате семья Ключезля вышла из состава второго сословия.

До нас дошли также сведения о Гишаре Вере, рыцаре, умершем молодым в 1287 году. Его семья едва сводила концы с концами. После себя Вер оставил незатейливое имущество: две кровати, четыре простыни, три одеяла, два коврика, стол, три скамьи, пять сундуков, пять пустых бочек, шахматную доску, шлем и копье. Его семье оставалось жить на небольшой годовой доход с маленького поместья и искать деньги на заупокойные мессы.

Подобные семьи, мало чем отличавшиеся от семей простолюдинов, старались не терять связей с богатым сеньором. У молодых людей из таких семей были две возможности преуспеть в жизни: наняться оруженосцем к сеньору или стать священнослужителем, чтобы поправить свое материальное положение одним из многочисленных способов, которыми пользовались церковники.

Чтобы снова подняться вверх и занять прежнее положение в обществе, обедневшему рыцарю следовало пройти путь предприимчивого хозяйственного крестьянина. Такой крестьянин, унаследовавший или купивший себе свободу, мог стать в конце концов феодалом. Для этого ему следовало расширить свои сельскохозяйственные владения, обзавестись арендаторами, возложить на слуг все работы, приобрести у сеньора или церкви феод, научиться владеть оружием, выдать дочь замуж за бедного рыцаря и наконец приобщиться к людям нового для него круга.

Больше возможностей стать богатым было у управляющего имением знатного человека. Если такой управляющий преуспевал в своей должности, его нередко награждали феодем с вассалами. Он начинал одеваться как благородный человек, носить меч, содержать охотничьих собак и ловчих птиц и ездить на лошади, вооруженный щитом и копьем.

Однако ничто более не возмущало знатных людей, как подражание им в одежде и в поведении всякого рода выскочек. Великолепные одежды считались прерогативой высокородных, которых, как они полагали, следовало узнавать по костюму, недозволенному другим. С целью предотвратить «возмутительную и порочную практику одеваться не по достоинству» были даже приняты соответствующие законы, которые устанавливали, какую одежду должно носить людям, исходя из их ранга и положения в обществе.

Согласно таким законам, для каждого ранга касательно одежды устанавливались определенного вида ткани, цвет, отделка и украшения. К примеру, крестьяне были обязаны одеваться только в коричневое и черное, а горожанам запрещалось иметь одежду с горностаевым мехом. Врачам и чиновникам разрешалось носить одежду из флорентийской шерстяной ткани, а женам купцов запрещалось надевать многоцветные, клетчатые и полосатые платья, а также одежду, отделанную серебром или золотом.

Во Франции поместные сеньоры и их жены с годовым доходом 6000 ливров и более могли в течение года заказать четыре новых костюма, а рыцари с доходом 3000 ливров — три костюма в году. Юноши обходились одним костюмом в году, да и девушки тоже, если не

имели годового дохода в 2000 ливров. В Англии, согласно аналогичному закону 1363 года, купец с доходом в 1000 фунтов имел право носить такую же одежду, как рыцарь с доходом в 500 фунтов. Превышающий в два раза достаток, видно, уравнивал в этом случае знатность происхождения.

Делались также попытки регламентировать и некоторые другие бытовые вопросы. Так, пытались определить, сколько блюд следует подавать на обед, что должно составлять приданое, сколько менестрелей требуется на свадьбу. Полагалось, что проститутки должны помечать одежду особыми знаками или носить ее наизнанку.

В те времена слуги порой старались подражать господам: носили остроносые туфли и одежду с длинными, свисающими с рук рукавами. Господа такие попытки слуг походить на себя одеждой явно не одобряли, но не по причине того, что слуга, прислуживающий им за столом, мог попасть в суп рукавом, а единственно потому, что осмелились им подражать. «Среди людей из народа стали распространяться тщеславие и напыщенность, — писал английский хронист Генри Найтон. — Они стараются превзойти друг друга изысканностью одежды, так что порой затруднительно отличить бедного от богатого, слугу от господина».

Также было замечено, что богатые простолюдины соряют деньгами, и это вызывало недовольство благородных, ибо деньги текли в основном не им, а купцам. Такое же недовольство проявляла и церковь, считавшая, что у нее отнимают деньги, и потому она осуждала роскошь и расточительство —

«безнравственные и губительные явления для благонравия и истинной праведности». В целом, законы, касавшиеся расходов, являлись способом обуздания чрезмерного потребления и установления бережливости, что, как считалось, послужит накоплению денег у населения с тем, чтобы их получил король при первой необходимости. Никто даже не думал о пользе быстрого обращения денежных средств и товаров для развития экономики.

Однако законы, касавшиеся расходов, оказались непостоянными. Когда флорентийские официальные лица проверяли гардеробы жительниц города, то у одной из них обнаружили три нарядных выходных платья: одно из муара, расшитого виноградными гроздьями, другое с вышивкой из белых и алых роз на бледно-янтарном фоне и наконец платье из голубой ткани, отороченное красной материей, расшитое белыми лилиями, красными звездами, кольцами и украшенное белыми и желтыми полосками. Все это говорило о полном пренебрежении владелицы этого гардероба установлениями властей.

Когда Генри Найтон писал, что «порой затруднительно отличить бедного от богатого, а слугу от господина», он, вероятно, имел в виду не очень богатых господ, потому что многопоместных сеньоров, владельцев больших благоустроенных замков, спутать с другими людьми было поистине невозможно. Эти сеньоры щеголяли в украшенных золотом сюркотах, носили подбитые горностаем бархатные плащи и блестящие, разнообразной окраски, с цветной подкладкой блузы, декорированные фамильным гербом, девизом или инициалами дамы сердца; подпоясывались украшенными брелоками поясами, на руках, унизанных кольцами, носили замшевые перчатки, а обувью им

служили долгоносые туфли из красной кожи, привезенные из Кордовы; наконец, их головные уборы являли собой завидное разнообразие — от широкополых шляп до шотландских боннетов.

Подражать сеньорам никто не мог.

В начале XIV столетия Франция была наиболее процветающей и сильной страной в Европе. Ее превосходство в военной силе, образовании и приверженности христианству считалось само собой разумеющимся. Король Франции как традиционный защитник церкви полагался «христианнейшим королем в мире». Население королевства считало себя избранными Богом людьми, с помощью которых Он осуществляет Свои деяния на земле. Историкограф первого крестового похода так и назвал свое сочинение: «*Gesta Dei per Francos*» — «Деяния Бога силами франков». В 1297 году, чуть более четверти века спустя после его кончины, французский король Людовик IX, принимавший участие в двух крестовых походах, был причислен к лику святых.

«Слава французских рыцарей распространилась по всему миру», — писал в XII веке хронист Гиральд Камбийский. Во Францию ко дворам принцев изучать хорошие манеры приезжали неотесанные немецкие знатные господа, а рыцари и суверены со всей Европы прибывали ко двору французского короля, чтобы получить удовольствие от турниров, праздников и любовных интриг. Король Богемии Иоанн Слепой полагал двор французского короля превыше всех остальных, включая и собственный, и говорил, что «эта королевская резиденция — наилучшее место пребывания в мире». А прославленный испанский рыцарь дон Перо Ниньо

отмечал, что «французы великодушные люди, щедрые на подарки. Они с почтением относятся к иноземцам, ценят доблесть и мужество, а сами любезны и вежливы в разговоре, падки на удовольствия и очень любвеобильны».

В результате норманнского завоевания Англии и крестовых походов французский язык сделался разговорным среди именитых людей Англии, Фландрии и Неаполитанского королевства. Французским стали пользоваться как деловым языком фламандские феодалы, юристы Иерусалимского королевства, иноземные ученые и поэты. Марко Поло написал свои «Путешествия» на французском, святой Франциск исполнял французские песни, иноземные трубадуры строили свои приключенческие повествования, подражая французским героическим «жестам» (*chansons de geste*). Когда венецианский хронист перевел хроники своего города на французский, а не на итальянский язык, он пояснил, что поступил так потому, что «французский распространен во всем мире, а говорить и читать на нем гораздо приятнее, чем на других языках».

Французы добились успехов в архитектуре, и даже готический стиль, проявившийся в строительстве кафедральных соборов, первоначально оформился в Северо-Западной Франции. Французского архитектора пригласили проектировать Лондонский мост. В Венеции стали пользоваться устойчивым спросом куклы, одетые по последней французской моде, а французские изделия из слоновой кости с изысканной гравировкой проникли даже за пределы христианского мира.

Парижский университет считался лучшим в Европе. В XIV столетии в нем осваивали науки более пятисот

студентов из разных стран. В XIII веке в этом образовательном центре преподавали крупнейшие представители средневековой схоластики: Фома Аквинский из Италии, Альберт Великий из Германии и шотландец Дунс Скот, а в XIV столетии два великих мыслителя — Марсилий Падуанский и францисканский монах Уильям Оккам. Благодаря университетским заслугам Париж нарекли «новыми Афинами» и говорили, что богиня мудрости, оставив Грецию, а после нее и Рим, обосновалась в Париже.

Основанный в 1200 году, Парижский университет пользовался особыми правами и привилегиями. Освобожденный от государственного контроля, университет постоянно конфликтовал с епископами и папами. «Эти парижские умники полагают, что миром следует управлять согласно их представлениям, — возмущался папский легат Бенедикт Гаэтани (будущий папа Бонифаций VIII). — Но на самом деле управление миром вверено нам, а не университетским наставникам». Однако университет полагал себя таким же авторитетом в области теологии, как и папа, и таким же «светочем разума», каковым считался наместник апостола Петра.

В 1335 году поместье Куси благоденствовало, как и в прежние времена. Плодородные земли, богатые лесами, полями и виноградниками, омывавшиеся Эйле, звались «золотой долиной». В лесу, занимавшем 7000 акров, произрастали дубы, буки, ясени, сосны, березы, осины, ивы, ольха, дикие вишни. В лесу водились в большом количестве олени, кабаны, волки и пернатая дичь, что делало его охотничьим раем, который

дополняли изобиловавшие рыбой Эйле и многочисленные ручьи.

Налоги, рентные платежи и разнообразные пошлины, взимающиеся за пользование мостами, общественными мельницами, виноградными давальными прессами и овинами, приносили владельцам поместья от пяти до шести тысяч ливров годового дохода.

Перед воротами замка возвышалась каменная платформа, опиравшаяся на трех каменных львов: один пожирал ребенка, другой — собаку, а третий, находившийся между ними, пребывал в задумчивом созерцании. На платформе находился четвертый лев, застывший в надменном высокомерии. Три раза в году — на Пасху, в Троицын день, а также на Рождество — к воротам замка приезжал представитель аббатства Ножан-су-Куси: вносить подать за землю, в свое время переданную монахам прежним хозяином Обри де Куси. Церемония сопровождалась годами сложившимся ритуалом, точный смысл которого до нашего времени не дошел.

Сидя верхом на пегой, запряженной в плуг лошади с подрезанным хвостом и ушами, представитель аббатства держал в руках хлыст, торбу с зерном и корзину со ста двадцатью серповидными пирожками с телятиной. За ним следовала собака, также с подрезанными хвостом и ушами и с пирожком, прикрепленным к шее. Подъехав к воротам замка, посланец аббатства трижды вращал перед ними крестом, щелкая при этом бичом. Затем он спешивался, преклонял колени перед платформой, потом всходил на нее, целовал льва и вносил подать за пользование монастырскими землями в виде привезенных с собой пирожков, добавляя к ним

двенадцать ломтей хлеба и три меха с вином. Сир де Куси забирал себе треть подношения, остальное раздавал своим присным и городским магистратам и наконец скреплял документ о внесении подати печатью, изображавшей аббата с козлиными ногами.

Таким было одно из проявлений средневекового общества, впитавшего в себя язычество, варварство, феодальные отношения, христианство и зародыши новой многослойной цивилизации Запада.

ГЛАВА 2

ВЕК НЕСЧАСТИЙ

Когда родился последний из де Куси, его поместье все еще процветало, но в Европе уже начались процессы, положившие начало несчастьям, захлестнувшим XIV столетие. Сначала установились стойкие холода, и Балтийское море дважды — в 1303 и 1306 годах — неожиданно замерзало, покрывшись льдом. Последующие годы отметились новыми холодами, а еще ураганами, проливными дождями и повышением уровня Каспийского моря. Людям XIV столетия было неизвестно, что настал Малый ледниковый период, приведший в движение полярные и альпийские ледники и утвердившийся вместе с ними на континенте до 1700 года. Также они не знали, что вместе с изменением климата постепенно утратятся контакты с Гренландией, находящиеся там поселения обезлюдуют, и что в Исландии прекратится, а в Скандинавии намного уменьшится сев зерновых. Но последствия установившихся холодов европейцы хорошо ощущали: сократился вегетационный период, а с ним снизился

урожай, что не могло не сказаться на удовлетворении спроса продуктов питания.

В XIII веке население увеличилось, и спрос продовольствия уравновесился с предложением, достигшим предела. Дальнейшее увеличение производства требовало освоения новых земель и создания новых ирригационных систем. Доставка продовольствия потребителям, прежде всего зерна, осуществлялась главным образом по воде. Города, удаленные от водных артерий, пользовались своими ресурсами, а когда те истощались, население голодало. В 1315 году в результате затяжных проливных дождей, сравнимых, верно, с библейским Потопом, урожай зерновых уменьшился во всех европейских странах, и голод — темный всадник Апокалипсиса — превратился в реальность. До нас дошли сведения, что кое-где люди ели своих детей, а в Польше съедали преступников после казни через повешение. В некоторые годы случались вспышки дизентерии, да и голодные годы, пусть и не повсеместно, периодически повторялись.

Но не только изменение климата привело к ополчившимся на XIV столетие бедствиям и напастям, ситуацию ухудшили сами люди. Уже в первые двадцать лет этого многострадального века один за другим последовали четыре злополучных события: гонения на римского папу королем Франции, Авиньонское пленение пап, преследование находившихся во Франции тамплиеров и крестьянское восстание «пастушков».

Наиболее пагубными стали нападки, которым подвергся со стороны французского короля Филиппа IV, прозванного Красивым, папа Бонифаций VIII. Все началось с того, что еще в конце XIII столетия король,

желавший пополнить государственную казну, обложил налогом доходы церковников, не удосужившись известить об этом папу римского. В ответ Бонифаций VIII в 1296 году издал буллу *«Clericos Laicos»*, запрещающую священнослужителям платить какие-либо налоги. Он замечал, что прелаты стали раздумывать, не переметнуться ли им на сторону короля, и в этом видел угрозу папскому праву считать себя заместителем Христа на земле.

Несмотря на откровенную враждебность Филиппа Красивого, Бонифаций в 1302 году издал еще одну буллу, *«Unam Sanctam»*, в которой подчеркивал папское верховенство: «Путь к спасению всякого человека заключается лишь в одном: быть подвластным папе римскому». Тогда Филипп решил отдать папу под суд и обвинил его в ереси, богохульстве, симонии и колдовстве (включая общение с домашним демоном, принимающим обличья животных). В то же время Бонифаций готовил новую буллу, отлучавшую Филиппа от церкви. Но 7 сентября 1303 года агенты короля вместе с настроенными против папы римского итальянскими чиновниками схватили восьмидесятишестилетнего Бонифация в летней резиденции в Ананьи вблизи Рима, чтобы доставить его во Францию и передать судебным властям. Через три дня Бонифация освободили жители Ананьи, но от сильного душевного потрясения папа вскоре скончался.

Под давлением Филиппа Красивого новым папой был избран под именем Климент V француз. Однако он не отправился в Рим, чтобы там взойти на папский престол, ибо боялся мести итальянцев за унижение Бонифация, хотя те называли другую причину нежелания нового папы водвориться, как и прежние папы, в Риме:

Климент Уне хотел оставлять свою возлюбленную, француженку графиню де Перигор, дочь графа де Фуа. В 1309 году он обосновался в Провансе в городе Авиньон вблизи устья Роны. Авиньон находился в сфере французского политического влияния, хотя формально Прованс входил в состав Неаполитанского королевства. С этого времени началось Авиньонское — или, как еще говорят, вавилонское — пленение пап, шести сменявших друг друга на папском престоле французов.

Потерпев поражение в борьбе с возвышавшейся во Франции королевской властью, папы стали служить политическим орудием французских монархов, но в то же время они пытались сохранить свой престиж и сосредоточили деятельность на финансовых операциях, стараясь извлечь доход из всех статей управления религиозным сообществом.

Мало того, что папство получало церковные десятины, отчисления-аннаты и налоги с папских поместий, фьефов; теперь каждая церковная должность, всякое предоставление привилегий, каждая индульгенция, словом, все — от кардинальской шапки до памятки пилигриму — шло на продажу. Кроме того, папство начало прибирать к рукам часть добровольных пожертвований и посмертных приношений ушедших в мир иной верующих, собирать «лепту святого Петра» с христианских стран и брать специальный налог с участников крестовых походов, хотя религиозный характер последних уже превратился в условность.

Наибольшие доходы приносила торговля церковными должностями, а таковых было немало: около семисот (по числу епархий) епископских должностей и бесчисленное количество менее значимых. Папы все

больше и больше приберегали бенефиции для продажи, разрушая выборный принцип. Если выборы, положим, епископа, все-таки проводились, папство брало деньги за утверждение новоизбранного. Чтобы получить бенефицию, епископ или аббат давал курии взятку, а затем в течение первого года службы расставался с примерно третью своих доходов и знал, что, когда умрет, его собственность отойдет ненасытному папе.

Угроза анафемы, наиболее жесткого наказания, накладываемого церковью за ересь и тяжкие преступления — «наказанием этим человек отвращается от истинной веры и попадает под власть Сатаны», — стала использоваться для вымогательства денег. Использовала церковь и другие пути пополнить свои доходы. Так, однажды скончавшегося епископа не хоронили по христианскому обычаю до тех пор, пока наследники не оплатили его долги, что сопровождалось смутой в епархии, ибо верующие увидели, что их епископ лежит непогребенным, не отпетый и лишенный упования на спасение.

За деньги можно было узаконить незаконнорожденных детей^[2], расчленив труп для захоронения в разных местах, вступить в брак с родственником (при этом устанавливалась денежная шкала, зависевшая от степени родства новобрачных), получить разрешение на торговлю с магометанами, а новообращенный еврей мог посетить своих родителей-иудеев. Пользователи подобных услуг платили итальянским банкирам, но деньги в конечном счете оседали в папском дворце. По свидетельству Альваро

² В 1342–1343 годах были признаны законными 614 незаконнорожденных детей, при этом 484 из них составляли дети священников.

Пелайо, представителя Испании в папской курии, он не раз наблюдал, как в папском дворце священники «со сладострастием считают деньги, лежащие грудками перед ними».

Особенно большие деньги папство взимало при назначении на должность с явными нарушениями. Так, папство закрывало глаза на то, что назначенец не достиг необходимого двадцатипятилетнего возраста, не был посвящен в сан и не сдал экзамен на грамотность. Однажды в Богемии в начале XIV столетия семилетнему мальчику предоставили церковный приход с годовым доходом в двадцать пять гульденов. Другому лицу дали подняться по иерархической лестнице, переступив через две ступени. Младшие сыновья знатных людей нередко становились архиепископами в возрасте от восемнадцати до двадцати двух лет. Сроки пребывания в должности предоставлялись короткие, чтобы человек перед вступлением в новую, более высокую должность вновь раскошелывался.

Продажа должностей приводила к тому, что зачастую священниками становились невежественные, а то и просто глупые люди. К примеру, епископ Дарема в 1318 году при своем посвящении в сан не смог понять и прочесть на латыни слово «загадка» (*aenigmatē*) и в конце концов буркнул на родном языке: «Пусть это слово понимается, как звучит». В другой раз во время службы он не смог выговорить слово «цивилизованный» (*metropolitans*) и в сердцах произнес: «Клянусь святым Людовиком, это слово придумал неотесанный человек!». Неподготовленные священники приводили паству в уныние, ибо считалось, что служители церкви — посредники между людьми и Богом. Хронист Генри Херефордский отмечал, что у курии можно купить всякую

должность, и с возмущением восклицал: «Взгляните беспристрастно на наших священников, и тогда вы содрогнетесь от ужаса!».

Практика продажи должностей и услуг приводила к выхолащиванию религиозных установлений. Теоретически искупление за грехи можно было заслужить лишь паломничеством, но грешнику не было особой нужды отправляться в Иерусалим или Рим, если он был в состоянии купить себе индульгенцию.

Сами же папы, по словам Петрарки, «потомки бедных рыбаков Галилеи, утопали в золоте и пурпуре». Иоанн XXII, папа с хваткой Мидаса, пребывавший у власти с 1316 по 1334 год, выписал из Дамаска для своего гардероба сорок отрезков лучшей парчи, заплатив за покупку 1276 золотых флоринов, и потратил еще большую сумму на меховые изделия, включая горностаевую подушку. Экипировка его приближенных обходилась в семь-восемь тысяч флоринов в год.

Бенедикт XII и Климент VI, последовательно взошедшие на папский престол следом за Иоанном, построили на высоком берегу Роны огромный, но неудачно спроектированный дворец — пирамидальное нагромождение крыш и башен, обнесенное двенадцатифутовыми зубчатыми стенами, что придавало ему некое сходство с замком.

Ворота дворца выходили на площадь, на которой в определенное время неизменно собиралась толпа, чтобы полюбоваться на появление папы, который выезжал из ворот на ухоженном белом муле в сопровождении кардиналов, «роскошно одетых, высокомерных и алчных», как определил их сущность Петрарка. В коридорах дворца сновали легаты, отправлявшиеся

выполнять различные поручения или возвратившиеся после выполнения миссии, а также многочисленные местные служащие. В приемной толпились просители, а во дворе — пилигримы, надеявшиеся на благословение папы. В залах дворца прохаживались пышно одетые приближенные к папе люди — мужчины и женщины — в сопровождении рыцарей, оруженосцев и слуг. Прислуга дворца состояла из примерно четырехсот человек, и все они — капелланы, камергеры, привратники, стражники, виночерпии и прочие — имели здесь и стол, и дом, и сносное жалование.

Изразцовые полы замка были декорированы рисунками фантастических животных, цветов и гербов. Климент VI, поклонник всего прекрасного, имевший в своем гардеробе тысячу восемьдесят горностаевых шкур, пригласил Маттео Джованетти и живописцев из школы Симона Мартини расписать стены дворца картинами на библейские темы. Исключение он сделал для своего кабинета, на стенах которого красовались сцены соколиной охоты, травля оленя, фруктовый сад и живописный пруд с группой купальщиков — то ли женщин, то ли детей (восприятие зависело от моральных устоев созерцателя сцены).

Гости папы пировали в роскошном зале, украшенном фламандскими гобеленами и шелковыми шпалерами. На столах царствовала золотая и серебряная посуда. Эти приемы своей помпезностью превосходили празднества при королевском дворе. В сороковых годах XIV столетия Петрарка писал:

«Я живу в западном Вавилоне, где прелаты проводят время за пиршественными столами, гарцуют на белоснежных породистых скакунах, убранных золотом,

которых, верно, не преминут подковать золотыми подковами, если только Господь не осудит эту вопиющую роскошь».

Петрарка считал Авиньон «отвратительным городом», изъеденным всемогущей коррупцией и утопающим в грязи и смраде. Город, наводненный посланниками, купцами, ремесленниками, астрологами, паломниками, ворами и проститутками, не справлялся, в отличие от двора, с удалением нечистот. Во дворце два нижних этажа одной из многочисленных башен были отведены под уборные, снабженные канализационной системой, что использовала кухонный водосток и воды подземных ручьев, к ней подведенных. Город же задыхался от нечистот, что отмечал посланник Арагона при папском дворе. По этой же причине Петрарка перебрался в близлежащий Воклюз.

И все же Авиньон, более доступный, чем Рим, привлекал визитеров со всей Европы: писателей, ученых, живописцев, врачей и юристов, поэтов и менестрелей. Многие находили в городе своего Мецената, пусть и нажившего состояние неблагоприятным путем. Многие отзывались об Авиньоне с презрением, но все равно посещали город. Святая Бригитта, знатная овдовевшая шведка, жившая в Риме и нередко обличавшая нравы своего времени, называла Авиньон «нивой, на которой произрастают алчность и чванство, дают всходы людские слабости и пороки и процветает коррупция».

Коррупция нуждается во взаимной поддержке коррумпированных сторон, и церкви приходилось делиться доходами с королем. Так, в частности, церковь отчисляла в государственную казну часть подати, взимаемой на организацию крестовых походов, и такое

распределение этих денежных средств было в конце концов узаконено короной.

Коррупция пронизала всю церковную иерархию, во главе которой вместе с папой стояли его прелаты, подражавшие папе роскошеством одеяний. От них старались не отставать и церковники рангом ниже. В 1342 году архиепископ Кентерберийский жаловался на то, что «священники одеваются как миряне, носят верхнее платье в красную и зеленую клетку с чрезмерно широкими рукавами, обнажающими меховую или шелковую подкладку, а вдобавок к этой одежде — расшитый золотом пояс с прилаженным к нему кошельком и остроносую обувь». Кроме того, некоторые состоятельные священники держали шутов, собак, соколов, а за пределы страны выезжали в сопровождении пышной свиты.

Но не промах были и сами епископы. Купив свою должность за стоимость годового дохода, они старались возместить денежные потери за счет подчиненных им священнослужителей, вплоть до монахов и продавцов индульгенций.

Продавцы индульгенций обеспечивали людям прощение любых грехов, от чревоугодия до убийства, отменяли обеты воздержания, к примеру обет поститься, и освобождали грешников от церковного наказания. Когда им поручали собирать средства на крестовый поход, они, по словам Маттео Виллани, «у людей, не имевших денег, отбирали белье, шерстяную материю, различную домашнюю утварь, зерно и фураж». Продавцы индульгенций обещали людям спасение, злоупотребляя их доверчивостью и нуждами. Чосер в «Кентерберийских рассказах» создал образ продавца

индульгенций, неприятного типа с безжизненными прядями льняных и длинных, до плеч волос, без всякой, как у евнуха, растительности на теле, с козлиным голосом и блестящими заячьими глазами, пускавшегося на всевозможные уловки и трюки, чтобы одурачивать людей.

У приходских священников деятельность продавцов индульгенций восторга не вызывала, ибо те не только освобождали грешников от церковного наказания, но и проявляли свою активность на чужой территории, собирая дань с верующих во всякое удобное для себя время — как в сельские праздники, так и в дни похорон усопших, чем наносили немалый урон доходам священников. Однако система работала, ибо продавцы индульгенций делились выручкой с папством.

По существу, продавцы индульгенций сами грешили, но еще большее недовольство вызывали другие греховодники — бессовестные монахи и члены нищенствующих католических орденов, странствующие монахи, претендовавшие на особую близость к Богу. Они славились как распутники и соблазнительницы женщин. В поэме XIV столетия рассказывается о том, что едва муж уходит из дому, к его жене под видом разносчика украшений приходит монах.

Лишь муж за порог,

К его жене спешит монах.

Ему неведомы и стыд, и страх.

С делом своим справляется достойно

И дарит мужу ребенка, а то и двойню.

В произведениях Боккаччо, во французских фавлю и в других ходивших в народе сочинениях того времени часто высмеивался приносившийся монахами обет безбрачия. Монахи увивались около женщин и зачастую имели любовниц. «Монах возлежал на ложе с женой рыцаря», — так начинается один из средневековых рассказов. В другом рассказе говорится о том, что «монах со своей любовницей улегся в постель». В монастыре, где Петр Пахарь служил поваром, сестра Пернелл была «сожительницей священника». Описанные Боккаччо жуликоватые странствующие монахи неизменно попадали в затруднительные и комичные положения, становясь жертвой собственного разврата. Однако в реальной жизни грехи монахов вызывали не смех, а тревогу и беспокойство, ибо вставал законный вопрос: если монахи утратили свою святость, то как они могут спасти души людей? Греховная жизнь монахов вызвала враждебность, иногда они даже подвергались физическому насилию. В хронике 1327 года безнравственное поведение странствующих монахов решительно осуждается.

В соответствии с воззрениями святого Франциска, основателя ордена францисканцев (одного из нищенствующих орденов), членам этого ордена следовало странствовать по свету, ходить босыми среди простого народа, проповедовать любовь к бедным людям и жить в святости и добре, не помышляя о деньгах и других благах мирской жизни. Однако, вопреки этим установлениям, орден францисканцев обзавелся обширными землями, строил монастыри и создал собственную «служебную лестницу». Понимая, что дела ордена расходятся с первоначальной концепцией, святой Франциск, отвечая послушнику, пожелавшему иметь

псалтырь, урезонивал его: «Когда ты получишь псалтырь, тебе захочется иметь требник, а получив требник, ты, подобно прелату, сядешь на стул и с важным выражением на лице скажешь своему брату: „Брат, принеси мне мой требник“». В некоторых монашеских орденах у монахов имелись карманные деньги, да еще сбережения, которые они охотно ссужали с выгодой для себя. Монахам в некоторых монастырях ежедневно полагался галлон пива, они ели мясо, носили меховую одежду и драгоценности, имели прислужников. Втеревшись в доверие к знатым людям, францисканцы, бывало, служили у них капелланами или даже советниками, а то и трапезничали вместе с хозяевами.

Как и продавцы индульгенций, монахи беззастенчиво обманывали людей, продавая им всевозможные поддельные раритеты. В сочинении Боккаччо странствующий монах Циполла продает простаку перья ангела Гавриила, упавшие в спальню Девы Марии во время Благовещения. Но и в реальной жизни подобные надувательства были не редкостью. Один странствующий монах умудрился продать часть куста, из середины которого Господь наставлял Моисея, законодателя древних евреев. Некоторые странствующие монахи продавали индульгенции из Сокровищницы заслуг, помещенной на небо по распоряжению святого Франциска. Когда Джона Уиклифа спросили, на что такие индульгенции годны, он ответил: «Покрывать вместо крышки горшочки с горчицей». Странствующих монахов одни искренне презирали, а другие почитали и опасались, ибо считалось, что они обладают ключом к спасению.

Насмешки над церковью могли привести к суждению, будто эта организация так сильно поражена лицемерием и продажностью, что дни ее сочтены. Однако на самом деле церковь настолько укоренилась в структуре общества, что ее положение было предельно прочным. Христианство в средневековье определяло повседневную жизнь людей и даже наставляло их в мелочах, да еще с выгодой для себя. Так, церковь разработала памятку для варки яиц: «варить в течение того времени, которое уходит на чтение молитвы».

Без руководства церкви не обходились ни рождение человека, ни его смерть, ни женитьба, ни система питания, предусматривающая посты. Она оказывала давление на науки: медицину, юриспруденцию, философию. Человек не мог выбирать, следовать ему церковным установлениям или нет, соблюдение этих правил было неукоснительным.

Религия была неотъемлемой частью жизни, и церковь не противилась, когда ежегодно в рождественскую неделю ее церемонии — какими бы священными они ни были — пародировались на Празднике дураков: это народное празднество вреда церкви не приносило.

Устроители праздника из священников низкого ранга — кюре, викарии, иподьяконы — избирали в храме короля дураков, нарекая его папой, аббатом или епископом. Этому человеку брили наголо голову, а потом облачали его в вывернутую наизнанку ризу. Церемония сопровождалась сквернословием и непристойными жестами, по храму участники этого своеобразного праздника расхаживали с кадилами, сделанными из поношенных башмаков и испускавшими смрадный дым.

Другие играли в кости на алтаре или со вкусом угощались кровяной колбасой. Одни были одеты, как женщины, другие, как менестрели, третьи были в звериных шкурах. Король дураков принимался благословлять всех присутствовавших в бессмысленных выражениях, в ответ неслись улюлюканье и непристойные песни. Наконец король дураков выходил из церкви и призывал всех следовать за собой. Его усаживали в повозку, которую тащили по городу сквозь собравшуюся толпу. Король дураков раздавал фальшивые индульгенции, что сопровождалось всеобщим свистом и гиканьем. За ним следовали повозки с навозом, и голые мужчины, их волочившие, бросали этот помет в толпу под хохот зевак. Шествие не обходилось без танцев и обильных возлияний. Весь этот праздник являлся пародией на хорошо знакомые, но утомительные и часто не имевшие смысла церковные ритуалы.

В повседневной жизни церковь защищала, врачевала и утешала людей. Дева Мария и покровительствующие людям святые оказывали помощь в беде и оберегали от таившихся повсюду сил зла. Города, гильдии и отдельные люди имели своих покровителей. Лучникам покровительствовал святой Себастьян, пронзенный стрелами по приказу римского императора, пекарям — святой Оноре (знаком его почитания служила печная серебряная лопатка и три поджаристые буханки), морякам — святой Николай, однажды спасший в море детей, путешественникам — святой Христофор, носивший на плече младенца Иисуса. Монашеским филантропическим братствам покровительствовал святой Мартин, отдавший бедному половинку своего плаща, а незамужние девушки

полагались на милости святой Катерины. Покровительствующие людям святые были их благодетелями всю жизнь. Они лечили от недугов, утешали в горе, при крайней нужде сотворяли чудо. Святых изображали на хоругвях, на входах в ратуши и часовни, на медальонах.

Наиболее милосердной и полной сострадания ко всяким несправедливостям, обидам и бедам слыла Богородица, всегда готовая прийти людям на помощь. Она освобождала узников из тюрьмы, а голодающих кормила собственным молоком. Один из хронистов рассказывает, как некая обездоленная крестьянка вылечила своего сына от бельма на глазу. Она привела ребенка в церковь Сен-Дени, преклонила колени перед изображением Богородицы, прочитала «Аве Мария» и осенила сына крестом с помощью священной реликвии — гвоздя со Святого распятия. После этого бельмо мгновенно исчезло, и возликовавшая женщина вернулась домой вместе с сыном, который более никогда не жаловался на зрение.

Не отказывала в помощи Богородица и преступникам, вне зависимости от тяжести их вины. В «Чудесах Богоматери», цикле театральных городских представлений, Дева Мария идет навстречу любому злодею, если тот покается. Так, некую женщину, обвиненную в том, что она наняла двух человек, чтобы покончить со своим свекром, с которым вступила в связь, возвели на костер, но она успела обратиться за помощью к Богоматери, и та, неожиданно появившись, предотвратила вспышку костра. Увидев такое чудо, власти отпустили женщину на свободу, и она, раздав свои деньги и имущество бедным, ушла в монастырь.

Около тысячи лет церковь разъясняла людям смысл и цели жизни. Она утверждала, что человеческая жизнь на земле есть лишь временное прибежище на пути к Богу и к Новому Иерусалиму, «другому нашему дому». Петрарка писал своему брату, что жизнь — «утомительное и трудное путешествие к вечному дому, к которому мы стремимся; если же мы пренебрежем нашим спасением, то нас ожидает тягостный путь к вечной смерти». Церковь предлагала людям спасение, обрести которое можно, лишь соблюдая церковные ритуалы с помощью священнослужителей. «*Extra ecclesiam nulla salus*» («Вне Церкви спасения не сыскать») — таково было правило жизни.

Альтернативой спасению были ад и вечные муки, выразительно изображенные в средневековом искусстве. В аду грешников подвязывают за язык к горящим деревьям, другие горят в печах, неверующие задыхаются в смрадном дыму. Слабые в вере падают в черные воды бездны и утопают соразмерно своим грехам: прелюбодеи по ноздри, обидчики ближних — по брови. Некоторых в аду проглатывают огромные страшные рыбы, других истязают демоны, третьих терзают змеи. Иные мучаются от голода, и хотя над ними висят ветки с плодами, они не в силах насытиться, ибо когда протягивают к плодам руки, ветви отодвигаются. Над дверьми каждого католического собора для всеобщего обозрения вырезались познавательные картины: бесы влекут связанных веревками грешников к котлу с адским огнем, а ангелы ведут другую, намного меньшую группу, в ином направлении, сулящем блаженство.

В средневековье не сомневались, что большинство людей обречено на вечные муки. *Salvandum paucitas, damnandum multitudo* (спасаются немногие,

большинство осуждается за грехи) — это суждение не менялось от Августина до Фомы Аквинского. Во время Потопа в ковчеге Ноя спаслись члены его семьи, что, как полагают, указывает на количество уцелевших во время этого бедствия (приблизительно 1 из 1000 человек или даже 1 из 10 000). Однако эта оценка значения не имеет: церковь давала надежду на спасение всем, кроме неверующих в Христа. Обрести спасение могли даже грешники, ибо считалось, что грехи свойственны человеку, но они могут быть прощены путем покаяния. «Обратись ко мне, грешник, — говорил некий сектант-лоллард на проповеди, — ибо Бог знает твои грехи и не отвергнет тебя. Обратись ко Мне, говорит Господь, и я приму тебя в Свое лоно и дарую тебе благодать».

Когда простые люди приходили в церковь, они оказывались в мире великолепия, богатства и красоты, чего в повседневной жизни были полностью лишены. Однако эту роскошь и красоту они создавали собственными руками. Они возводили в нефе колонны, поднимающиеся к церковному своду, вырезали из камня фигуры апостолов, выкладывали мозаичные полотна с изображением хора ангелов с распростертыми крыльями... Они выполняли эти работы во имя Бога, что придавало им гордость и делало бедняков творцами прекрасного.

О бедняках — нуждающихся, больных, сиротах, калеках, прокаженных, слепых, слабоумных — заботилась церковь, а не правительство, раздавая им подавания и уверяя, что скромная, скудная жизнь — гарантия благодати на небесах. Этому принципу следовали и знатные люди, подававшие милостыню, и священнослужители — когда деньгами, а когда остатками

пищи с собственного стола. Пожертвования из разных источников поступали также в больницы, первостепенные получатели церковной благотворительности. Занимались филантропией и купцы, отчисляя от сделок определенную сумму денег, чем, как они полагали, покупали себе спокойствие духа при ведении богопротивных дел. Эти траты купцы заносили в свои гроссбухи в графу «отчисления Богу», полагая, что Бог — представитель бедных людей. Христианским долгом также считалось обеспечение приданым бедных девушек. Некий гасконский сеньор, живший в XIV столетии, выделял по сто ливров тем девушкам, которых он соблазнил, «если их только можно сыскать».

Занимались благотворительностью и корпоративные учреждения, считавшие помощь бедным своей религиозной обязанностью. Гильдии мастеровых и ремесленников отчисляли от прибыли бедным определенную сумму, именуя ее «честными деньгами». Городские магистратуры учреждали фонд подаяний и «стол для бедных». В праздничные дни они приглашали двенадцать бедняков, за праздничный стол, а в святую пятницу мэр или другой влиятельный человек мыл нищему ноги. Однажды, когда Людовик Святой руководил такой церемонией, его биограф и приближенный сир де Жуанвиль в ней участвовать отказался, сославшись на то, что если он дотронется до ног нищего, его тут же стошнит. Любить бедных порой было нелегким делом.

Священнослужители, вероятно, были не более жадными и развратными, чем миряне, но поскольку повсеместно считалось, что они лучше и ближе к Богу, их недостатки и слабости привлекали больше внимания.

Климент VI был падок на роскошь, но в то же время слыл добрым и отзывчивым человеком. Приходские священники отправлялись исповедовать умирающего даже в самый отдаленный дом своего прихода в любую погоду.

В «Кентерберийских рассказах» о приходском священнике говорится:

Он грешных прихожан не презирал
И наставленьем им преподавал,
Не жесткое надменное пустое,
А кроткое, понятное простое.
Благим примером направлял их в небо
И не давал им камня вместо хлеба.^[3]

Тем не менее недовольство церковью росло. Простые люди начали нападать на папских сборщиков податей, и даже епископы не чувствовали себя в безопасности. В 1326 году на волне антиклерикализма толпа обезглавила епископа Лондонского и оставила его обнаженное тело на улице. В 1338 году огромная толпа напала на епископа Констанцкого, нанесла увечья людям из его свиты, а самого епископа препроводила в тюрьму.

Начались распри и среди самих священнослужителей. В Италии возникло еретическое крестьянско-плебейское движение фратичелли (спиритуалов), леворадикального крыла католического ордена францисканцев. Фратичелли выступали против

³ Здесь и далее перевод И. Кашкина.

обогащения церкви и ратовали за ее превращение в сообщество праведников. Движение бедняков исходило из сущности христианской доктрины, предписывавшей отказ от любых материальных благ, — идеи, внесшей разлад в классический мир. Согласно этой доктрине, Бог позитивен, земная жизнь негативна, а святость достигается лишь отказом от мирских ценностей. Чтобы одержать победу над плотью и обрести счастье в загробном мире, следует соблюдать пост и придерживаться безбрачия. Согласно тому же установлению, деньги суть зло, красота — напрасные хлопоты, честолюбие — безнравственная гордыня, плотские желания — похоть, намерения добиться успеха в жизни и даже стремление к знаниям — пустое тщеславие. Люди, не стремящиеся к духовной жизни, считались грешниками. Христианским идеалом был аскетизм — отрицание чувственного бытия. В результате под влиянием церкви жизнь превращалась в постоянную борьбу против чувственных помышлений, сопровождавшуюся неминуемыми грехами и отпущениями грехов.

Время от времени члены общин, противостоявших господствовавшей католической церкви, заметно активизировались, пытаясь ликвидировать проявления материального мира, чтобы стать ближе к Богу путем уничтожения всеохватывающих цепей частной собственности. Церковь, владевшая целым арсеналом недвижимости, инкриминировала этим общинам отклонение от норм христианской религии и объявляла их еретическими. Упорное указание фратичелли на совершенную бедность Христа и апостолов было весьма неудобно авиньонскому папству, и оно в 1315 году осудило эту доктрину как «ошибочную и вредную», а

когда фратичелли отказались прекратить свою деятельность, их отлучили от церкви. В Провансе были преданы суду инквизиции двадцать семь членов движения фратичелли, и в 1318 году их сожгли на костре в Марселе.

В то же время начались выступления против притязаний папства на светскую власть. В 1324 году Марсилий Падуанский написал книгу «Защитник мира», в которой утверждал, что светская власть выше духовной, и ратовал за господство государства над церковью. В том же году автора вредной, крамольной книги отлучили от церкви. Двумя годами позже та же участь постигла Уильяма Оккама, английского францисканца, философа-номиналиста и сторонника интеллектуальной свободы. Он выступал против авторитарности церкви и защищал королевскую власть в ее борьбе с папством. После того как папа Иоанн XXII предал Оккама анафеме, тот обвинил папу в семнадцати заблуждениях и семи ересьях.

Находились в разладе с церковью и средневековые предприниматели и дельцы, что обуславливалось негативным отношением церкви к предпринимательству и коммерции. Церковь утверждала, что деньги — зло, доход свыше минимально необходимого для поддержания дела — не что иное, как алчность, ростовщичество — тяжкий грех, а перепродажа приобретенных оптом товаров по более высокой цене воистину аморальна. Святой Иероним утверждал: «Купцы небогоугодны».

Предприниматели и купцы жили в повседневном грехе и в противоречии с церковным установлением

продавать товары по «справедливой цене». Церковь полагала, что ремесло должно обеспечивать человеку лишь средства к существованию, а стоимость готовой продукции — слагаться из цены затраченного труда и стоимости сырья. Чтобы предприниматели не имели существенных преимуществ друг перед другом, им запрещалось использовать новые инструменты и технологии, продавать товары ниже установленной стоимости, работать при искусственном освещении, использовать в работе подмастерьев сверх необходимого, жену и малолетних детей, а также рекламировать или просто нахвалять собственную продукцию. Такие установления подавляли инициативу и были противны природе предпринимательства. Порицание технического прогресса и развития бизнеса приносило значительно больший вред, чем осуждение чувственного бытия человека.

Наибольшей активностью в сфере обращения денег в средневековье выделялось греховное ростовщичество, способствовавшее подготовке условий для возникновения капиталистического способа производства. Обществу были необходимы ссуды и инвестиции, а церковная доктрина их запрещала, но она была такой сложной для восприятия, что «даже умный человек» путался в ее положениях, а при необходимости находил для себя лазейку, чтобы ее обойти. Но главным образом ростовщичеством занимались евреи, выполнявшие, как считалось, грязную, нереспектабельную работу. Ростовщики взимали за ссуду процент, достигавший порой огромных размеров, не обращая внимания на усилия богословов и канонистов, знатоков церковного права, пытавшихся установить размер этого процента от десяти до двадцати годовых.

Грешили против церковных установлений также купцы, регулярно платившие штрафы за нарушение этих правил и поступавшие дальше, как прежде. Богатство Генуи и Венеции возникло благодаря активной торговле христиан с иноверцами, несмотря на запрещение церкви. В те времена ходило ироническое суждение: «Вряд ли можно себе представить сундук купца без изображения на нем дьявола». Видел ли сам купец дьявола, когда считал свои деньги, испытывал ли чувство вины, сказать затруднительно. Франциско Датини, купец из Прато, судя по его письмам, жил в постоянной тревоге за свое дело, но его озабоченность главным образом вызывалась утратой состояния, а не страхом перед Всевышним. Он, должно быть, стремился примирить дело с установками христианства, ибо на его гроссбухе было начертано: «Во имя Бога и прибыли».

Расслоение на богатых и бедных в средневековье стало крайне заметным. Получив контроль над сырьем и средствами производства, владельцы предприятий то и дело снижали зарплату работникам. Теперь бедняки считали их не защитниками, а своими врагами, библейскими богачами, которым уготован адский огонь. Но от этого легче не становилось. Они ощущали несправедливость и безжалостность мира, их окружавшего, и это чувство стало выливаться в бунтарство.

В средневековье считалось, что правители должны стоять на страже интересов народа, проводить требуемые реформы, облагать налогами как бедных, так и богатых. На практике выходило иначе. В восьмидесятые годы XIII столетия французский юрист Филипп де Бомануар писал, что «имели место акты насилия со стороны бедняков, ибо те полагали, что

отстоять свои права можно лишь силой». Далее де Бомануар сообщал, что бедняки стали объединяться, отказываются работать за нищенскую зарплату и учиняют расправу над теми работниками, кто их не поддерживает. По мнению Бомануара, такие действия наносят вред обществу, ибо «общественные интересы не должны страдать от прекращения работы на производстве». Он предлагал строптивых работников арестовывать, сажать в тюрьму и штрафовать каждого на 60 су, как это принято за нарушение общественного порядка.

Наиболее значительные волнения наблюдались среди ткачей Фландрии. В средневековье текстильное производство было наиболее развито, и Фландрия стала главной ареной трений и разногласий в зарождавшемся капиталистическом обществе. В свое время объединенные общим ремеслом в гильдии, мастера, квалифицированные и неквалифицированные рабочие (подмастерья) разделились на хозяев и наемных рабочих. Гильдии превратились в корпорации, управлявшиеся предпринимателями, и рабочие в этих профессиональных объединениях не имели ни прав, ни голоса.

Крупные предприниматели брали в жены аристократок, вдобавок к своим городским домам покупали загородные поместья, влились во второе сословие и стали играть видную роль в городском самоуправлении. Они строили церкви, больницы, суконные ряды, мостили улицы, совершенствовали систему канализации. Но большую часть муниципальных расходов составляли поступления с налогов от продажи товаров широкого потребления — зерна, вина, пива, торфа, — что приводило к подорожанию такого рода товаров и перекладыванию всей суммы этих налогов на

покупателей. Оказавшиеся у власти предприниматели поддерживали друг друга и всеми силами цеплялись за свои полномочия. Так, в Генте долгое время находились у власти тридцать девять предпринимателей, составлявшие три группы по тринадцать человек в каждой, сменявших ежегодно друг друга. Двенадцать магистратов, приходивших на смену друг другу три раза в году, управляли Аррасом. Власть в Руане принадлежала ста пэрам, наследственно управлявшим этим промышленным городом. Они назначали мэра и других важных должностных лиц. При удаче и известной напористости в городскую элиту могли влиться и предприниматели категорией ниже, а вот ремесленники не имели ни политических прав, ни надежды на лучшее будущее.

И все же многие люди находили себе утешение в повседневной обыденной жизни, пользуясь поддержкой товарищей. В средневековье люди жили тесными группами, являясь членами религиозных и рыцарских орденов, различных братств и союзов. Они не были одиноки. Даже женатые люди спали в одной комнате со своими детьми и слугами. Одинокую жизнь вели лишь отшельники и затворники. Если знатные люди становились членами рыцарских орденов, то простолюдины объединялись в братства по месту жительства или по роду занятий.

Члены братства простолюдинов, насчитывавшего от двадцати до ста человек, помогали друг другу в повседневных делах, совместно участвовали в религиозных обрядах и сообща развлекались. Они провожали до городских ворот своего сотоварища,

отправившегося в паломничество, и хоронили того из собратьев, кто умирал. Если кто-то из них совершал преступление и был приговорен к смертной казни, остальные провожали его до эшафота. Если случалось, что кто-то из них утопал в реке, остальные три дня секли эту реку кнутами (однажды досталось неповинной Гаронне). Если член братства умирал должником, то остальные оплачивали его похороны, а потом помогали его семье. Парижские скорняки платили заболевшим членам своего братства 3 су в неделю во время их неработоспособности. Эти расходы покрывались членскими взносами, собиравшимися пропорционально доходам участников братств.

Члены таких союзов устраивали театральные представления, в которых играли сами, а также различные спортивные состязания с обязательными призами. По случаю они приглашали выступить по назревшей теме ораторов, а то и священников. По праздникам, усыпав цветами улицы и сами принарядившись, они организовывали процессии, впереди которых несли свой «штандарт», а также статую или образ святого, который им покровительствовал.

При возможности братства оказывали помощь церквям, выполняя различные строительные работы, а если им доводилось оплачивать художественную отделку, то они себя чувствовали покровителями искусств наравне со знатными и состоятельными людьми. Крепко стоявшие на ногах братства занимались благотворительностью: жертвовали деньги на содержание больниц, раздавали милостыню и съестные припасы бедным. Парижские бакалейщики оказывали

помощь слепым, а торговцы мануфактурой — людям, угодившим в тюрьму.

В 1320 году недовольство сельской бедноты своим положением вылилось в восстание «пастушков», получившее такое название потому, что начали его пастухи. Восстание было вызвано начавшимся обезземеливанием крестьянства и увеличением крестьянских повинностей. Начиная с 1250 года крестьяне стали отказываться возделывать землю феодального сеньора, молотить его зерно, заготавливать ему сено и работать на его мельнице. Несмотря на штрафы и наказания, крестьяне без разрешения захватывали свободные земли, нападали на управляющих поместьями феодалов, освобождали из тюрьмы своих сотоварищей.

Угнетение крестьян феодалами и выступления бедноты вызывало тревогу в обществе. Жак де Витри, автор нравоучительных рассказов и поучений, писал, что те, «кто наживается на поте и крови бедных, будут выть в аду от страшных мучений». Далее он писал: «то, что бедняки зарабатывают за год, знатные люди получают за час». Де Витри также выступал против незаконного обложения налогами бедняков и неумеренного увеличения крестьянских повинностей. Еще он писал, что богатым не следует презирать бедных, ибо такое к ним отношение вызывает ответную ненависть. Де Витри также предупреждал: «Бедные могут не только приносить нам большую пользу своим трудом, они вполне способны причинить нам и великое зло. Тому есть подтверждение: крестьяне уже убили многих своих хозяев и сожгли их дома».

В те времена среди народа ходило пророчество, что однажды наступит голод и тогда бедняки восстанут против властей, низвергнут церковь и некую могущественную державу, а после невиданного доселе кровопролития наступит время единства и равенства, и люди станут поклоняться единому богу. Смутные разговоры о новом крестовом походе, подстрекательские выступления отлученного от церкви монаха и лишенного духовного сана священника вкупе с пророчеством, возмущившим спокойствие, побудили крестьян и бедноту Северной Франции двинуться маршем на юг страны в поисках лучшей доли. Во время этого выступления, получившего название восстания «пастушков», похожего на «неожиданный и стремительный ураган», к восставшим присоединялись все новые люди, недовольные своим положением, и вскоре на юг двигалась целая армия, бравшая приступом аббатства и замки, сжигавшая городские ратуши и открывавшая тюрьмы. Когда восставшие вступили в Южную Францию, они принялись за уничтожение евреев.

Евреи соприкасались с остальным миром благодаря ростовщическим операциям еврейской верхушки, и многие крестьяне попадали от них в зависимость, не в силах расплатиться по ссудам и множа свои долги. В 1306 году Филипп Красивый изгнал евреев из Франции, и крестьяне сочли, что их долги ликвидированы, но сын Филиппа Красивого Людовик X разрешил евреям вернуться на том условии, что они станут выплачивать короне две трети своих доходов от взимаемых процентов и долгов с населения. Обострение былой ненависти к евреям привело «пастушков» к тому, что они истребили почти все еврейское население от Бордо до Альбы. Несмотря на королевский указ защищать евреев, местные

власти не смогли удержать восставших от самоуправства, а иногда сами им помогали.

Евреи считались «презренными иноверцами», чему способствовала церковная пропаганда, и даже наиболее благочестивые люди, такие, как Людовик Святой, питали к евреям стойкую антипатию. В простонародье считалось, что грабить евреев и даже их убивать — дело святое. «Пастушки» истребляли и прокаженных, обвиняя последних в том, что, вступив в сговор с евреями, они отравляли колодцы. В 1321 году преследование людей, страдавших проказой, было узаконено королевским указом.

Расправляясь со священнослужителями и захватывая церковную собственность, «пастушки» навели в стране такой страх, что у знатных людей стыла кровь при виде любой толпы. В конце концов папа Иоанн XXII запретил под страхом смерти снабжать «пастушков» продовольствием и санкционировал применение силы к повстанцам. Этого оказалось достаточно, и «пастушки» закончили свои жизни, как и другие бунтари средневековья, с веревкой на шее.

В начале XIV столетия особую тревогу вызывало то обстоятельство, что при укреплении государственной власти не хватало средств для ее финансирования. В 1307 году Филипп Красивый, исчерпав все источники поступления денег, решил пополнить государственную казну за счет монашеско-рыцарского ордена тамплиеров. Этот орден образовался во время крестовых походов для защиты Святой земли. Поначалу тамплиеры придерживались идеологии аскетизма, но постепенно отошли от прежних воззрений, собрали в своих руках

значительные богатства, стали своего рода международной банкирской организацией и, подобно ломбардцам и евреям, занялись ростовщичеством. Благотворительности тамплиеры не предавались, в отличие, к примеру, от рыцарей святого Иоанна Иерусалимского (госпитальеров), помогавших больницам. В связи с неудачей крестовых походов тамплиеры перенесли свою деятельность в Западную Европу, преимущественно во Францию, сделав своей штаб-квартирой парижский Тампль.

Богатства тамплиеров стали предметом вожделения Филиппа Красивого. Кроме того, этот орден, добившийся фактической автономии, мешал укреплению королевской власти. Не шли на пользу ордену и слухи о невиданных богохульствах, которые тамплиеры якобы совершали во время тайных обрядов. И вот в 1304 году за одну ночь по приказу Филиппа Красивого были арестованы все тамплиеры, находившиеся во Франции, после чего их собственность конфисковали. Чтобы оправдать эту акцию, тамплиеров обвинили в тяжких грехах. Королевские прокуроры подкупали нужных людей, и те, выступив в качестве свидетелей, показывали, что тамплиеры отрицали церковные таинства, продали душу дьяволу и занимались скотоложством, педерастией и половыми сношениями с дьяволами и суккубами. Подкупленные свидетели рассказывали также о том, что люди при вступлении в орден отрекались от Христа и Девы Марии, мочились на крест, а затем целовали магистра ордена в губы, пенис и ягодицы.

В средневековье верили в колдовство и черную магию, и Филипп использовал эти народные верования, чтобы придать ереси тамплиеров зловещую, отвратительную окраску. Обвинения тамплиеров в

занятии черной магией не казались надуманными. Инквизиция охотно использовала этот способ опорочивания неугодных людей, особенно состоятельных, чтобы присвоить их собственность. В последующие тридцать пять лет в Тулузе и Каркассоне инквизиция обвинила в ереси около тысячи человек, из которых около шестисот отправила на костер.

Средневековое правосудие формально старалось вершить суд объективно и не карать обвиняемых без доказательства их вины, но добивалось этих свидетельств не достоверными фактами, а признаниями самих подсудимых, сделанными под пытками, которые стали центральным пунктом следственного процесса.

Тамплиеров (а среди них было немало людей преклонного возраста) морили голодом и подвергали различным пыткам: им сдавливали тисками большие пальцы, вырывали зубы и ногти, ломали кости, поджаривали ноги раскаленными докрасна клещами или железом. Тридцать пять тамплиеров умерли, не выдержав пыток, некоторые покончили счеты с жизнью. Великий магистр ордена Жак де Моле и сто двадцать два тамплиера признались в оплевывании креста и иных преступлениях, которые им вложили в уста инквизиторы. «Де Моле сознался бы даже в том, что убил самого Господа Бога, если бы ему навязали это признание», — писал один из хронистов. Шестьдесят семь тамплиеров, нашедших мужество настаивать на своей невиновности, были объявлены закоренелыми еретиками и сожжены на костре. После мнимого публичного сожаления папы орден тамплиеров во Франции и все его отделения в Англии, Шотландии, Арагоне, Кастилии, Португалии,

Германии и Неаполитанском королевстве были запрещены на Вьенском соборе 1311–1312 годов.

Собственность тамплиеров официально перешла к рыцарям ордена святого Иоанна Иерусалимского (госпитальерам), но на Вьенском соборе Филипп Красивый не зря сидел по правую руку папы и, несомненно, был причастен к принятому решению. И в самом деле, вскоре госпитальеры выплатили Филиппу огромную сумму денег, якобы в погашение долга ордена тамплиеров королевской казне.

Однако дело тамплиеров на этом не закончилось. В марте 1314 года великий магистр ордена Жак де Моле, бывший друг короля и крестный отец его дочери, вместе со своим ближайшим соратником поднялся на эшафот, возведенный на площади перед собором Парижской Богоматери. Предполагалось, что они подтвердят свои прегрешения, после чего их присудят к пожизненному тюремному заключению. Вышло иначе. Де Моле и его спутники на глазах тысяч зрителей — священнослужителей, аристократов и простолюдинов — заявили, что они, как и все тамплиеры, полностью невиновны. Тогда Филипп приговорил их к сожжению на костре. На следующий день, когда де Моле привязали к столбу, чтобы сжечь, он снова заявил о своей невиновности, добавил, что за него отомстит Господь, затем проклял короля и его потомков до тринадцатого колена и уверил собравшихся, что в течение ближайшего года он встретится с Филиппом и папой Климентом V на Божьем суде. И в самом деле, через месяц папа Климент скончался, а семью месяцами позднее, в возрасте сорока шести лет, умер и Филипп I V Красивый. Причина его смерти точно не установлена, хотя в некоторых источниках говорится, что она стала следствием

неудачного падения с лошади. Из других источников можно понять, что Филиппа разбил паралич, но для богобоязненных современников причиной его кончины, несомненно, стало проклятие тамплиеров, смешавшееся с дымом костра, рассеявшимся над Францией в зловещем кровавом свете заходящего солнца.

Пророчество тамплиеров, казалось, стало сбываться, и три сына Филиппа Красивого — Людовик X, Филипп V и Карл IV, последовательно всходившие на французский престол, — не только правили всего по несколько лет, но и умерли в молодом возрасте: двадцати семи, двадцати восьми и тридцати трех лет от роду соответственно. У них не было сыновей, и династия Капетингов прекратила существование. Правда, у Людовика X была дочь по имени Иоанна, которой было четыре года, когда король-отец умер, но ее дядя, средний сын Филиппа Красивого, сославшись на малолетство принцессы, сам стал королем. Добившись цели, Филипп V собрал ассамблею из представителей всех трех сословий и Парижского университета, которая подтвердила его права на престол и во избежание возможных разногласий в дальнейшем постановила, что «женщина не может претендовать на трон Франции», установив тем самым салический порядок престолонаследия, закрывший женщинам доступ к верховной власти во Франции.

В 1328 году после смерти Карла IV и окончания династии Капетингов началась борьба за французский престол, вылившаяся в самую продолжительную войну в истории Запада. На трон претендовали три человека: внук и два племянника Филиппа Красивого. Внуком Филиппа являлся шестнадцатилетний Эдуард III, английский король и сын дочери Филиппа Красивого

Изабеллы, вышедшей замуж за Эдуарда II. Ходили слухи, что Изабелла вместе со своим фаворитом причастна к смерти мужа.

Подстрекаемый своей матерью, Эдуард III предъявил права на французский престол, сославшись на то, что он наследник Филиппа Красивого по прямой линии. Во Франции к его притязаниям отнеслись неблагоприятно и не только по той причине, что он был внуком по женской линии, но также и потому, что его мать Изабелла пользовалась дурной репутацией. Кроме того, никто не хотел видеть на французском престоле английского короля.

Двумя другими претендентами на французский престол являлись племянники Филиппа Красивого — Филипп Валуа и Филипп д'Эвре. Филипп Валуа принадлежал к одной из знатнейших фамилий Франции. При поддержке аристократии он и стал королем, почти не встретив противодействия. Его противники формально смирились с восшествием Валуа на престол. Эдуард III даже приехал во Францию, чтобы его поприветствовать, и получил в ленное владение герцогство Гиень. Филиппу д'Эвре передали в управление Наваррское королевство и дали в жены дочь Людовика X Иоанну.

Однако Филипп VI не чувствовал себя уверенно на престоле. Он воспитывался, не готовясь стать королем, и не обладал необходимой твердостью характера. Казалось, он чувствовал, что взошел на престол не по праву, к тому же это чувство усугублялось прохладным отношением к нему современников, считавших его *le roi trouve* («найденным королем»), словно Филиппа нашли в капусте. Кроме того, он был под каблуком у своей жены Иоанны Бургундской, вздорной и сварливой женщины, не

пользовавшейся не только любовью, но и уважением окружающих, хотя она покровительствовала искусству и приезжавшим в Париж ученым мужам.

Такой же набожный, как Людовик Святой, но не обладавший его волей и интеллектом, Филипп VI более всего интересовался вопросами богословия и, в частности, Блаженным видением, стараясь уразуметь, видят ли души усопших праведников лик Господа сразу же, как только попадают на небеса, или им приходится дожидаться Судного дня. Вопрос казался Филиппу насущным, ибо, как он считал, заступничество святых за людей эффективно только в том случае, если они допускаются к Богу. Люди верят в помощь святых и не даром жертвуют деньги, опуская их в ящички рядом с раками, содержащими мощи заступников. Филипп дважды обсуждал этот вопрос с богословами и пришел в «великое возмущение», когда папский легат в Париже сообщил ему, что папа Иоанн XXII сомневается в реальности Блаженного видения. Хронист по этому поводу сообщал: «Король пригрозил легату костром, если тот не отречется от своих слов, а затем велел оповестить папу, что если тот продолжит сомневаться в Блаженном видении, то будет объявлен еретиком». Затем Филипп написал Иоанну XXII, что отрицание Блаженного видения подорвет веру людей в заступничество святых и Девы Марии. К удовлетворению Филиппа VI, созданная папой комиссия, исследовав насущный вопрос, пришла к заключению, что святые, оказавшись на небесах, видятся со Всевышним.

Правление Филиппа VI началось в благоприятных условиях: Франция процветала. Голод и эпидемии ушли в прошлое, и даже проклятие тамплиеров стерлось из памяти. Спорная Фландрия вернулась под французский

контроль в результате победоносной военной кампании, предпринятой королем. Отношения с ней наладились и стали столь же устойчивыми, как и с четырьмя другими крупнейшими ленами: Бургундией, Бретанью, Фуа и Арманьяком. Только Гиень (Аквитания), отданная Филиппом VI в лен английскому королю, оставалась источником нескончаемого конфликта.

Когда в 1338 году этот конфликт обострился, семейство Куси породнилось с австрийскими Габсбургами, в результате чего появился на свет Ангерран VII, герой этой книги. Этому союзу поспособствовал сам Филипп, искавший союзников для борьбы с Англией. Годом раньше Филипп заявил, что Гиень является собственностью французской короны, а Эдуард III ответил тем, что объявил себя законным королем Франции и стал готовиться к войне. Когда английские войска высадились во Фландрии, намереваясь предпринять дальнейшее продвижение, обе враждующие стороны принялись лихорадочно искать союзников в Нидерландах и по другую сторону Рейна.

Филипп VI не только подбирал союзников, но и хотел увериться в том, что могущественные Куси выступят на его стороне в борьбе с англичанами. Филипп добился для Ангеррана VI руки Екатерины Австрийской, дочери герцога Леопольда I и правнучки Амадея V, графа Савойского. Савойя, находившаяся между Францией и Италией, являлась в XIV столетии графством с автономным правлением и в то время была центром матримониальной сети, охватившей почти все европейские страны. Так, одна из семи теток Екатерины приходилась супругой византийскому императору Андронику III Палеологу.

В средневековье выгодная женитьба помогала налаживанию международных и межаристократических отношений, служила рычагом дипломатии. Отношения между европейскими странами и их властелинами зачастую зависели не от общих границ и высоких государственных интересов, а от династических связей и родственных отношений, что позволяло, например, венгерскому принцу претендовать на неаполитанский престол, а английскому — на кастильский. Французские Валуа, английские Плантагенеты, богемские Люксембурги, баварские Виттельсбахи, австрийские Габсбурги, миланские Висконти, правители Арагона, Кастилии и Наварры, герцоги Бретани, графы Фландрии и Савойи — все они плели матримониальную сеть, при создании которой никогда не учитывались два фактора — чувства брачующихся и интересы народа.

Хотя для заключения брака требовалась добрая воля жениха и невесты, высказанная ими священнику, на практике это требование порой нарушалась. Так, император Священной Римской империи Людвиг Баварский объявил о помолвке своей малолетней дочери, даже еще не научившейся говорить, что и привело, как некоторые посчитали, к тому, что она на всю жизнь осталась немой, и за это ее отцу предстояло ответить на Божьем суде.

При женитьбе своего сына или замужестве дочери правители, руководствуясь личными интересами, не обращали внимания на единокровность жениха и невесты, хотя церковь, понимая физиологическую опасность таких союзов, запрещала браки между родственниками по крови до четвертого колена включительно. О таком запрете вспоминали только тогда, когда появлялась необходимость разорвать

объявленную помолвку, ставшую по какой-то причине невыгодной. Для получения материальной или политической выгоды церковь неизменно соглашалась на брак родственников по крови, закрывая глаза на запрет, или, исходя из тех же соображений, вспоминала о нем, когда возникала необходимость в разводе.

Чтобы решить финансовые вопросы женитьбы Ангеррана VI на Екатерине Австрийской, в 1337–1338 годах между Филиппом VI и герцогом Леопольдом были заключены два договора. Согласно им, Леопольд давал в приданое дочери сорок тысяч ливров, а Филипп назначил ей из королевской казны ежегодную ренту в размере двух тысяч ливров. Десять тысяч ливров король пожаловал Ангеррану, а тот пообещал преподнести Екатерине после женитьбы шесть тысяч ливров, и самое главное — к чему стремился Филипп — направил своих людей в королевское войско для защиты страны от вторжения англичан.

В первое время война между англичанами и французами не ожидалась тяжелой и продолжительной, ибо Франция считалась доминирующей силой в Европе, и ее военная мощь намного превосходила мощь Англии и других европейских стран. К тому же население Франции, составлявшее двадцать один миллион человек, в пять раз превышало численность английского населения. Тем не менее обладание Аквитанией и выгодный союз с Фландрией позволяли английскому королю иметь в своем распоряжении два плацдарма для успешного наступления, что придавало уверенности в благоприятном исходе дела и даже предоставляло ему возможность дерзко насмехаться над Филиппом VI, называя того «Филиппом Валуа, который мнит себя королем Франции»; ни Филипп VI, ни Эдуард III не могли

даже предположить, что развязанная ими война не только не закончится при их жизни, но и продлится при жизни их детей, внуков, правнуков и праправнуков и что она принесет великие бедствия и, наконец, что эта война станет последней драмой средневековья.

В 1339 году Ангерран VI, оставив жену беременной, отправился на войну. На севере Франции англичане перешли в наступление, и их отряд из тысячи пятисот человек осадил Уази, принадлежавший де Куси замок. Но вассалы Ангеррана VI защищались с таким упорством, что заставили англичан отступить, несмотря на то, что их возглавлял Джон Чандос, один из наиболее искусных английских военачальников. В отместку за эту досадную неудачу Чандос разграбил и сжег три города, входившие во владения де Куси. Тем временем Ангерран VI присоединился к Филиппу, оборонявшему город Турне, и в его отсутствие у него дома появился на свет следующий Ангерран — седьмой и последний из сеньоров де Куси.

ГЛАВА 3

РЫЦАРСТВО

Ангерран VII, продолжатель династии де Куси и первенец у родителей, был, несомненно, им дорог, но, вероятно, все-таки не был объектом трогательной заботы и обожания, что обычно проявляется в наше время по отношению к новорожденным. Из всех отличий средневековья от наших дней наиболее поразительным является отсутствие внимания к детям. Писатели и живописцы Средних веков теплые чувства к ним в своих работах почти не проявляли. Богомладенец Христос,

конечно, изображался на руках матери, но в период, предшествовавший середине XIV столетия, его изображали или в скованной позе, не прижимающимся к матери даже во время кормления, или лежащим голым или спеленатым на земле, поодаль от матери, смотрящей на него безучастным взглядом. Эта обособленность от младенца, как полагали, подчеркивала божественное происхождение Иисуса Христа. Даже если средневековые женщины испытывали к своим детям более нежные и теплые чувства, то живописцы в своих работах эти чувства не отражали, ибо считали, что примером настоящего материнства является Дева Мария, которой такие эмоции свойственны не были.

В средневековой литературе, в которой рассказывается о судьбах детей, их, как правило, умерщвляют или оставляют одних в лесу по повелению короля, испугавшегося пагубного пророчества, или по приказу безжалостного отца, подозревающего в измене свою жену. В рассказах женщины обычно флиртуют, обманывают мужей или занимаются проституцией, в драматических сочинениях они — святые и мученицы, а в рыцарских романах — прекрасные, но недоступные дамы.

И все же без темы материнства не обходилось. Так, в одном из произведений английский проповедник рассказывал пастве, как некая мать, «гулявшая с ребенком в зимнюю пору, увидев его замерзшие руки, дала ему пук соломы, чтобы он их согрел, потеряв о солому». Можно увидеть заботу матери о ребенке и на немногочисленных дошедших до нашего времени средневековых рисунках: вот она учит своего ребенка ходить, вот вычесывает ему из головы вшей, а вот вяжет на четырех спицах носки малышу. В «Наставлении послушницам» («*Ancrene Riwe*»), сочинении XII

столетия, мать играет со своим сыном в прятки, а когда он, плача, зовет ее, не в силах найти, «она, раскрыв объятия, бросается к нему, обнимает его и вытирает ему глаза».

Средневековые рисунки посвящены различной деятельности: люди молятся, пашут, торгуют, охотятся, забавляются, путешествуют, читают и едят, спят и едят, — но на этих рисунках редко можно увидеть детей, что заставляет задуматься: почему?

Материнская любовь считается врожденной и потому не может утратиться, но, возможно, в определенных неблагоприятных условиях может ослабнуть. В средневековье детская смертность была очень высокой (один, а то и два ребенка из трех), и потому любовь к малым детям, являясь делом неблагодарным, могла подавляться. Возможно также, что частое вынашивание делало детей менее привлекательными для матери. Ребенок рождался и умирал, и его замещал другой. Состоятельные аристократы и буржуа имели больше детей, чем неимущие люди: матерей заменяли кормилицы, и поэтому период бесплодия был коротким. Богатые люди часто возвращали от шести до десяти отпрысков. Гийом де Куси, дедушка Ангеррана VII, вырастил пять сыновей и пять дочерей, а его сын Рауль — четверых сыновей и столько же дочерей. Девять из двенадцати детей Эдуарда III и Филиппы Английской достигли зрелости. Обычно средняя двадцатилетняя женщина была способна к деторождению на протяжении двенадцати лет, но между родами могли возникать перерывы, примерно до двух с половиной лет, вызванные выкидышами или самостоятельным кормлением новорожденного.

Однако говоря о детстве людей, живших в средневековье, нельзя делать категорических обобщений. Конечно, о детях нередко заботились, качали их в колыбели и на руках, пели им песни на ночь. В XIII веке Филипп из итальянской Новары писал: «Бог в своей милости преподнес детям три дара: любить и узнавать человека, который вскармливает его, встречать с улыбкой того, кто с ним играет и возится, и уважать того, кто занимается его воспитанием. Если по вине взрослых ребенок не сможет воспользоваться этими благостными дарами, то он еще в раннем детстве станет раздражительным, капризным и непослушным, и тогда как следует его воспитать окажется затруднительно». Однако Филипп высказывался за строгое воспитание, ибо, как он считал, «немногие дети страдают от строгости, и слишком многие дети от того, что им многое разрешают».

Однако книг по воспитанию детей и уходу за ними в средневековье было немного. Зато не составляло труда найти книги (переплетенные манускрипты) по этикету, домоводству, уходу за больным в домашних условиях и даже освоить начала иностранного языка с помощью разговорника. Из существовавших в то время книг читатель мог получить полезные советы и наставления: постричь ногти и тщательно вымыть руки перед званым обедом, пожевать фенхель или анис, чтобы освежить дыхание, не ковырять прилюдно в зубах, не вытирать руки о скатерть и не вытирать рот рукавом.

По книгам женщина могла научиться делать чернила, отраву для крыс, приправлять вино пряностями, ухаживать за домашними певчими птицами и создавать им условия для спаривания в неволе, выращивать розы, удалять с одежды грязные пятна куриными перьями,

намоченными в горячей воде, содержать в тепле спальню зимой, бороться с блохами летом и наставлять слуг должным образом, чтобы, к примеру, служанки, перед тем как лечь спать, гасили свечу на своем ночном столике, на нее дунув, или рукой, а не подолом ночной рубашки.

И все же книги о материнстве и детстве в средневековье существовали, хотя и были наперечет. Из них можно было узнать, как правильно кормить грудью ребенка, как отнимать и отучать его от груди, как мыть, как пеленать. В частности, эти вопросы рассматриваются в одном из наиболее примечательных сочинений XIII столетия, труде Варфоломея Английского «Книга о природе вещей». Он писал, что кормление грудью новорожденного имеет большую эмоциональную ценность, ибо при этом мать проявляет к младенцу наиболее нежные и теплые чувства. Врач тех же времен Альдобрандино да Сиена, практиковавший во Франции, рекомендовал мыть ребенка два раза в день, отучив от груди, кормить кашей на меде и молоке, а когда ребенок начнет ходить в школу, чередовать занятия с развлечениями и сном. Но как все эти рекомендации выполнялись, сказать затруднительно.

В средневековье многие дети, о которых не заботились должным образом, умирали, не достигнув пяти-шестилетнего возраста. А те, кто в таких неблагоприятных условиях выживал, вероятно, росли эмоционально опустошенными, что могло негативно влиять на их дальнейшую жизнь.

У детей, конечно, были игрушки — куклы, запряженные игрушечными мышами кукольные повозки, деревянные рыцари и оружие, глиняные зверушки, мячи,

ракетки с воланами; кое-где находилось место качелям и каруселям. «Мальчики, — по Варфоломею Английскому, — как и все мальчишки на свете и во все времена, не обременены никакими мыслями, беззаботны. Больше всего они любят играть и ничего не боятся, зная, что в худшем случае их ждет лишь наказание розгами. Они неизменно голодны и потому уплетают все, что выставлено на стол, а при случае все, что попадет под руку. Они быстро заливаются смехом и так же быстро ударяются в слезы. Попыткам матери вымыть и причесать их они обычно противятся, а когда их все-таки приводят в приличный вид, то вскоре пачкаются опять». Девочки, согласно тому же Варфоломею, более послушны и близки своим матерям.

Если дети доживали до семи лет, они вступали во взрослую жизнь. Детство кончалось. Средневековая жизнь отличалась в известной степени инфантильностью с присущей ей неспособностью сдерживать опрометчивые эмоции, побуждения. Возможно, это объяснялось тем фактом, что средневековое население было довольно молодо: примерно половину составляли люди моложе двадцати одного года и приблизительно треть — люди младше четырнадцати.

Мальчик из знатной семьи до семи лет находился на попечении женщин, обучавших его хорошим манерам и грамоте. Святую Анну, покровительницу детства и материнства, часто изображали обучающей читать Деву Марию. В возрасте от восьми до четырнадцати лет сын знатного человека определялся пажом к сеньору, владельцу близлежащего замка, а сыновья бедных родителей в семи-восьмилетнем возрасте шли в слуги и подмастерья. Служба у сеньора не считалась позорной и унижительной: паж или даже оруженосец помогал своему

господину мыться и одеваться, заботился о его гардеробе, прислуживал за столом. Сеньор в свою очередь обучал оказавшихся у него в услужении сыновей знатных людей: учил их верховой езде, боевому искусству и соколиной охоте, а также петь, музицировать, играть в шахматы и триктрак. Священник, живший при замке, или местный аббат занимался их религиозным образованием, учил чтению и письму и, возможно, началам грамматики.

Когда служившие у сеньора сыновья знатных родителей становились оруженосцами — что случалось в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет, — они приступали к более интенсивным занятиям боевыми искусствами: учились владеть мечом, копьем и другим оружием, изучали геральдику и правила рыцарских поединков. В то же время они помогали управляющему поместьем вести хозяйство сеньора, использовались в качестве конфиденциальных курьеров, а в походах хранили деньги и ценности господина. Науками они почти не занимались, но при желании могли познакомиться с правом и геометрией, основами ораторского искусства и даже с латынью.

Знатные женщины были нередко образованнее мужчин, лучше знали латынь и другие общеобразовательные предметы, ибо девочки, в отличие от своих братьев, не покидали родительский кров в семи-восьмилетнем возрасте и, пользуясь этим, не только обучались чтению и письму на родном языке и латыни, но и учились музыке и постигали начала медицины и астрономии, а параллельное церковное воспитание учило их вере и благочестию, что при необходимости помогало без особых сожалений уйти в монастырь.

Последний из де Куси, Ангерран VII появился на свет, когда в жизни средневековья скорость передвижения определялась в лучшем случае резвостью лошади, новости и публичные объявления передавались человеческим голосом, а повседневные дела большинства людей завершались с заходом солнца. С наступлением сумерек раздавался вечерний звон, после чего работать не разрешалось, чтобы избежать случайного урона и ущерба. Богатые люди могли продлить себе день с помощью факелов и свечей, но для простого народа ночь становилась обыденным природным явлением, с которым приходилось мириться, и если человека в пути заставала ночь, то его окружала мертвая тишина.

Боккаччо писал по этому поводу:

«Птицы, звери и люди неслышно, потихоньку отходят ко сну. Деревья цепенеют, и даже воздух, набравшись влаги, густеет и замирает. Только звезды сияют, чтобы освещать путь позднему путнику».

Дневную жизнь расцвечивали цветы, покрывавшие поля и луга. Из цветов сплетали венки, которые носили знатные люди, и мужчины, и женщины; цветами украшали праздничные столы, их разбрасывали на улицах перед торжественными процессиями.

Повсеместно встречались нищие, большинство — калеки, слепые, хворые или изображавшие из себя таковых. Безногие передвигались с помощью деревянных колодок, привязанных к рукам.

В средневековье женщины считались приманками дьявола, но в то же время культ Девы Марии делал их объектами поклонения и любви. Лекари в то время были в почете, а юристам не доверяли. Быстрым техническим

прогрессом средневековье похвастаться не могло. Пар в качестве движущей силы не применялся, порох стал только-только употребляться. С проказой все еще покончено не было, зато люди не знали сифилиса. О картофеле, чае, кофе и табаке европейцы даже не слышали. Любимым напитком считалось горячее сдобренное специями вино, но оно стоило дорого. Простые люди пили эль, пиво и сидр.

В те времена мужчины (за исключением священнослужителей) стали носить одежду, отделяющую ноги одну от другой. Они были, как правило, чисто выбриты, хотя бородка клинышком и усы то входили, то выходили из моды. Рыцари и придворные стали носить длинноносые туфли с подвязками (*poulaines*) и чрезмерно короткие блузы, которые, по суждению одного из хронистов, оставляли открытыми ягодицы и «другие части тела, кои следует прикрывать». Женщины пользовались косметикой, красили волосы и выщипывали брови и тем самым впадали в суетность, что считалось грехом.

Колесо Фортуны время от времени опускало вниз богатых людей и гораздо реже поднимало вверх бедняков, являясь преобладающим атрибутом нестабильного мира средневековья. Но ожидать в обозримом будущем материального и нравственного прогресса не приходилось и потому полагали, что улучшение жизни каждого человека зависит от степени его добродетели, а для улучшения жизни общества следует ждать Второго пришествия и наступления новой эры.

Жизнь текла по церковному календарю. Сотворением мира считался 4484 год до основания Рима,

а современная история начиналась с рождения Иисуса Христа. Регистрация исторических событий стала производиться начиная с установления папской власти, первоначально которой положил святой Петр (42–67 годы). Даты текущих событий увязывались с религиозными праздниками. Год начинался в марте — согласно Чосеру в месяце, «в котором произошло сотворение мира, и Бог создал первого человека». Официально он начинался на Пасху, и потому, как и Пасха, ежегодно сдвигался по времени в интервале тридцати дней. Измерение времени в пределах суток увязывалось с церковными службами, такими, как утренняя (около полночи), лауды (около трех часов ночи), первый час (с восходом солнца, приблизительно в шесть утра), вечерня (в шесть часов вечера), комплеторий (перед сном). Измерение времени основывалось на движении солнца и звезд, за которыми велось постоянное наблюдение. Ко времени рождения Ангеррана VII вошли в употребление механические часы, внесшие точность в научные наблюдения. Такие часы появились на городских ратушах и в домах богатых людей.

Средневековым людям были присущи многие предрассудки. Мерцание болотного газа они объясняли проделками эльфов и гоблинов, а светлячков (жуков, светящихся в темноте) принимали за души погибших некрещеных младенцев. Землетрясения и молнии, воспламенявшие деревья, считались происками сверхъестественных сил, ураганы — предвестниками несчастий, а смерть человека от сердечного приступа или апоплексического удара — делом рук демонов. Люди верили в существование эльфов, вампиров, демонов, колдунов, привидений, не чуждались языческих суеверий и даже на глазах у священнослужителей отдавали дань

языческим ритуалам. Все непонятное объяснялось воздействиями планет, а в делах полагались, помимо Бога, на советы астрологов. Процветала и алхимия. Алхимики занимались поисками философского камня, с помощью которого, как считалось, можно превращать основные металлы в золото, а также искали всеисцеляющее лекарство и эликсир молодости.

В то же время пытливые умы занимались настоящей наукой, вели необходимые наблюдения, ставили опыты. Ученый из Оксфорда в результате наблюдения за погодой в течение семи лет — с 1337 по 1344 год — определил, что если колокольный звон слышится более четко или на большем расстоянии, чем обычно, то это явление свидетельствует о повышенной влажности воздуха и предвещает в скором времени дождь. Депрессия и тревожность стали считаться в ученых кругах болезнями, хотя симптомы этих слабостей человека — отчаяние, меланхолия, апатичность — церковь полагала проявлением лени, то есть одним из грехов.

В начале XIV столетия вошли в употребление очки, что позволило престарелым людям читать и продлило научную жизнь ученых. Появилась бумага, более дешевый и доступный материал, чем папирус, позволившая изготавливать в нужном количестве различные документы и послужившая широкому распространению литературных произведений. В то же время мускульная сила людей и животных, применявшаяся при ведении различных работ, заменялась энергией, производимой водой и ветром. Эта энергия стала использоваться для дубления кожи, изготовления оливкового масла давлением, приготовления сусла для пива, а также в кузнечном и

ткацком деле. Вовсю работали мельницы. Они были настолько загружены, что папа Целестин III еще в девяностых годах XII столетия постановил, что владельцы мельниц должны платить церковную десятину. В XIV столетии увеличилось производство различных инструментов и механизмов, к примеру колесных плугов и прялок.

А вот новости, как и прежде, узнавали у путников. По европейским дорогам, когда пыльным, а когда грязным, двигался непрерывный поток пеших и конных: пилигримов, купцов, коробейников, монахов, продавцов индульгенций, сборщиков налогов, менестрелей, курьеров. Курьеры состояли на службе у всех влиятельных и знатных людей, таких как Куси, а также у банкиров, прелатов, аббатов, судей и, конечно, у верховных правителей. В середине XIV столетия английского короля неизменно сопровождали двенадцать посыльных, готовых в любое время отправиться в путь с его поручением. Им платили три пенса в день при исполнении поручения, а кроме того, ежегодно — четыре шиллинга восемь пенсов на приобретение новой обуви. В штате французского короля (как приличествовало правителю огромной страны) состояло около ста курьеров.

В среднем посыльный верхом на лошади мог за день проскакать сорок-пятьдесят миль, на резвой лошади и по хорошей дороге мог передвигаться со скоростью 15 миль в час, а если пользовался подставами, то мог преодолеть сто миль в день. Между Венецией и Брюгге, процветающими в то время торговыми городами, система подстав была налажена так хорошо, что расстояние в семьсот миль преодолевалось всего за семь дней.

С севера на юг Франции — от Фландрии до Наварры — можно было добраться за двадцать дней, а с запада на восток — от Бретани до Лиона на Роне — путешествие занимало шестнадцать дней. Путешественники, направлявшиеся в Италию, преодолевали Альпы по перевалу Мон-Сени и тратили на переход от Шамбери до Турина от пяти до семи дней, а дорога от Парижа до Неаполя через тот же перевал занимала тридцать пять дней. От Лондона до Лиона путь занимал восемнадцать дней, а от Кентербери до Рима можно было добраться примерно за месяц, но во многом длительность таких путешествий зависела от погоды в Ла-Манше. Рыцарь сэра Эрве де Леон, застигнутый в проливе штормом, провел в Ла-Манше пятнадцать дней, потерял упавшую за борт лошадь, а сам так обессилел, что утратил здоровье. Неудивительно, что в одной средневековой балладе говорится, что у паломников, отправлявшихся морем в Сантьяго-де-Компостелу, «падало сердце».

К тому времени на судах появился поворотный кормовой руль, но в штормовую погоду он мало чем помогал, и капитаны полагались на милость моря. При этом вошли в употребление морские карты и карты гаваней, а компас позволял выходить в открытое море. Для перевозки грузов по морю использовались суда грузоподъемностью 500 и более тонн. По рекам грузы перевозили на баржах, что обходилось дешевле, чем транспортировка по суше, хотя местные феодалы взимали пошлину за прохождение по реке вдоль принадлежавшего им участка. При перевозке грузов по Гаронне и Сене приходилось выплачивать пошлину каждые шесть-семь миль.

По суше в хорошую погоду и на короткие расстояния грузы перевозили в фургонах и на

крестьянских двухколесных телегах, а в плохую погоду, когда дороги были размыты и непригодны для колесного транспорта, для тех же целей использовали вьючных животных. Женщины путешествовали в четырехколесных крытых фургонах, запряженных тремя-четырьмя лошадьми. Они ездили и верхом и в той же манере, что и мужчины — дамские седла появились только в конце XIV столетия. Рыцари, соблюдая статус, в экипажах не разъезжали, а также никогда не ездили на кобылах, только на жеребцах.

Путешествуя, знатные люди останавливались на ночлег в попутном монастыре или замке, а обычные путники, включая паломников, — на постоялых дворах. Купцы и другие люди со средствами останавливались в гостиницах, обычно грязных и неблагоустроенных. В каждой комнате размещалось по несколько невзрачных кроватей, по одной на двоих постояльцев, а в гостинице, где останавливался французский поэт Дешан, посланный королем в Германию с поручением, оказалось, что кровать рассчитана на троих. Дешан также жаловался, что постельное белье в номере оказалось несвежим, в еде выбора не было, а из напитков предлагали лишь пиво. Кроме того, он выразил недовольство засильем в гостинице блох, крыс и мышей.

Несмотря на трудности, люди совершали длинные путешествия: из Парижа во Флоренцию, из Фландрии в Венгрию, из Лондона в Прагу, из Богемии в Кастилию. Они пересекали моря, горы и реки и даже, как Марко Поло, добирались до далекого и загадочного Китая и посещали Иерусалим, где, по воле Чосера, трижды побывала Батская ткачиха.

К началу XIV столетия люди, разумеется, накопили определенные научные знания, хотя многие из них были ошибочными. Задолго до Колумба стало понятно — из наблюдений за звездами, — что Земля не что иное, как шар. Церковник Готье де Метц в своем трактате «Картина мира» отметил, что человек может обогнуть Землю, как муха яблоко. Звезды от Земли так далеко, — писал он, — что «если с них бросить на Землю камень, то он будет лететь более сотни лет, а человеку, чтобы достичь звезд, потребуется 7157,5 лет, если он будет передвигаться без отдыха со скоростью 25 лиг в день».

В средневековье бытовали и такие понятия: Луна — ближайшая к Земле планета; солнечное затмение вызывает Луна при своем прохождении между Землей и Солнцем; дождь — это влага, которая поднимается с земли солнцем, затем она сгущается в капли и выпадает на землю из образовавшихся облаков; чем короче временной промежуток между громом и молнией, тем ближе дождевой фронт.

Знания о таких отдаленных странах, как Персия, Индия и Китай, черпались из волшебных сказок, из которых можно было узнать о высоких лесах, достигающих до облаков; о рогатых людях-пигмеях, ведущих стадную жизнь и к семи годам становящихся стариками; о браминах, добровольно расстающихся с жизнью на погребальных кострах; о шестипалых людях с собачьими головами; об одноглазом и одноногом циклопе, передвигающемся со скоростью ветра; о единороге, которого можно поймать только спящим в объятиях девственницы.

Из тех же сказок можно было узнать об амазонках, которые плачут серебряными слезами; о пантерах,

делающих себе кесарево сечение собственными когтями; о деревьях с шерстяными листьями и о чудовищных змеях, самых разнообразных: длиной в триста футов, с глазами в виде драгоценных камней и змеях, которые так любят музыку, что из предусмотрительности закрывают одно ухо хвостом.

В средневековье также считалось, что Эдем, созданный Богом для жития первых людей, существует на самом деле, и его даже помещали на картах — далеко на востоке, где, как полагали, Эдем отрезан от известного мира то ли океаном, то ли высоченной горой, то ли стеной огня. Считалось, что в Эдеме произрастают самые разные, какие только есть на земле, да еще никогда не вянущие растения, многие с целебными свойствами. Там весело поют птицы, приятно сливая свои голоса с шелестом кустов и деревьев, повсюду журчат ручьи, пробившиеся из скал, сложенных из драгоценных камней, и орошающие даже пески, превышающие своим сиянием серебро. В Эдеме стоит дворец с колоннами из яшмы и хрусталя, испускающими неповторимый изумительный свет. Дворец этот покоится на горе, пик которой уходит в небо и достигает Луны. Эту последнюю характеристику в XIV веке оспорил в своей работе «Полихроникон» ученый монах Ранульф Хигден, пояснивший, что если бы пик этой горы на самом деле касался Луны, то он бы ее затмил.

В средневековье окружающая среда и само бытие порождали много вопросов: куда девается огонь, когда угасает? почему у людей разного цвета кожа? почему Земля, несомненно тяжелая, держится в воздухе? как души усопших находят путь в иной мир? где у человека душа? что приводит к безумию? Средневековые люди хотели знать ответы на эти и другие вопросы, а им

отвечали: «На все воля Божья». И все же на некоторые вопросы у священнослужителей находились ответы. Когда спрашивали: почему Бог допускает на земле проявление зла, существование различных болезней и бедность? почему Он не сделал людей неспособными впадать в грех? почему Он не гарантирует каждому человеку место в раю? — церковники отвечали, что помимо Бога на жизнь людей воздействует дьявол. Святой Августин утверждал, что исходная причина всех несчастий людей заключается в первородном грехе, поэтому людям нужно спасение, для обеспечения которого и основана церковь.

На некоторые вопросы, интересовавшие средневековых людей, ответы можно было найти в составленной учеными из Толедо книге Сираха, как считали, потомка Ноя, которому Бог передал универсальные знания. Вот примеры из этой книги. На каком языке объясняются глухонемые? На языке Адама, а именно — на древнееврейском. Что хуже — убийство, грабеж или словесное оскорбление? Ни то, ни другое, ни третье. Содомия. Когда закончатся войны? Когда земля станет раем. Начало войнам, согласно суждению приора Оноре Боне, жившего в XIV столетии, положила борьба Люцифера с Богом, и «потому в том нет ничего удивительного, что на земле происходят войны, раз они первоначально имели место на небесах».

Образование во времена Ангеррана VII заключалось в изучении семи основных наук: грамматики, основы научных знаний, логики, отличающей истину от лжи, риторики в силу ее полезности для общественной и политической жизни, арифметики, «ибо без числа нет ничего», геометрии, науки измерений, астрономии, ибо она связана с богословием и теологией, и, наконец,

музыки. Медицина, хотя и не значилась среди основных наук, считалась аналогом музыки, так как предметом ее изучения являлась гармония человеческого организма. История считалась наукой, ограниченной временными пределами. Как полагали, история человечества начинается с сотворения мира и будет тянуться до Второго пришествия, мечты рода людского. В этот период времени человек не выступает субъектом социального и нравственного прогресса, его целью является иной мир, а не улучшение существующего. В этом мире ему назначена постоянная борьба с самим собой, в которой он может добиться индивидуального совершенствования, но коллективный прогресс наступит только в конечном единении с Богом.

Люди во времена Ангеррана VII повышали свои знания, посещая проповеди, театральные представления, выступления менестрелей, а также читая получившие распространение книги (впрочем, этот источник знаний был доступен преимущественно богатым). Кроме Библии можно было приобрести рыцарские романы и бестиарии, а также книги по астрономии, географии, общей истории и истории церкви, праву, риторике, медицине, алхимии, воинскому искусству, музыке и по другим аспектам человеческой жизни. Во многих произведениях отдавалась дань аллегории. Даже события, описанные в Ветхом Завете, считались иносказаниями того, о чем говорится в Новом Завете. Аллегорические фигуры, имевшие отношение к различным аспектам христианской доктрины, — Жадность, Благоразумие, Вежливость, Гостеприимство, Любовь, Притворство, Благоедеяние, Злоязычие, — то и дело встречались и в беллетристике, и в политических сочинениях.

Любимыми книгами в те времена считались произведения о короле Артуре и Бруте, о соперничестве греков с троянцами, об Александре Македонском и Юлии Цезаре, о Карле Великом и неустрашимом Роланде, служившем идеалом рыцаря-крестоносца, о любви Тристана и прекрасной Изольды. В 1392 году Менажье, шестидесятилетний состоятельный буржуа, живший в Париже, написал для своей молодой жены трактат о ведении домашнего хозяйства и благонравии. Из этого сочинения можно понять, что Менажье был хорошо знаком с Библией и, несомненно, хотя бы бегло ознакомился с «Золотой легендой» Иакова Ворагинского, с «Житием святых» святого Иеронима, с трудами святого Августина, святого Георгия, Ливия, Цицерона, с «Романом о Розе», с «Гризельдой» Петрарки. Шевалье Жоффруа де ла Тур Ландри, написавший в 1371 году назидательные рассказы для дочерей, также был образованным человеком, раз упоминал в своем сочинении о библейских персонажах — Саре, Батшебе, Далиле, а также о Елене Троянской, Дидоне и Ипполите. Образованным людям средневековья были известны труды Овидия, Аристотеля, Птолемея, Галена и Гиппократ.

Становились известными и современные авторы. Стихи Данте ходили среди простого народа, и в 1373 году флорентийская синьория по просьбе жителей города учредила ежегодное проведение курса публичных лекций о творчестве Данте, выделив из городского бюджета сто флоринов для вознаграждения лектора, которому вменялось в обязанность рассказывать о творчестве великого итальянца ежедневно, за исключением религиозных праздников. Читать лекции поручили Боккаччо, составившему первую биографию Данте и

переписавшему от руки его «Божественную комедию», чтобы подарить Петрарке.

В конце XIV столетия в Италии вышел в свет энциклопедический словарь, в котором нашлось место статьям о Ганнибале и Юлии Цезаре; еще там были две страницы о Данте, одностраничные сведения об Архимеде, Аристотеле, короле Артуре и вожде гуннов Аттиле, две с половиной колонки о Петрарке, одна колонка о Боккаччо, краткие упоминания о Чимабуэ и Джотто и три строчки о Марко Поло.

В 1346 году, когда Ангеррану VII было семь лет, его отец погиб в столкновении с англичанами. Пал ли он в сражении при Креси, в котором французы потерпели жестокое поражение, или в какой другой битве, доподлинно неизвестно. На время малолетства Ангеррана VII многочисленные поместья Куси по повелению короля были отданы в управление Жану де Нелю, сирю д'Оффмону, возглавлявшему королевский совет, и Матье де Руа, сирю д'Онуа, командующему французской пехотой и лучниками. Оба были влиятельными сеньорами в Пикардии, и их земли располагались вблизи поместий Куси. Опекуном и наставником Ангеррана был назначен его дядя Жан де Куси.

Попав в незавидную ситуацию, мать Ангеррана Екатерина Австрийская поспешила заключить соглашения с многочисленными братьями и сестрами своего погибшего мужа, имевшими при его жизни общую собственность. В результате они были утверждены во владении различными замками и поместьями, но Ангеррану все же досталась большая часть имений,

включая земли Куси, Марль, Ла-Фер, Баусси-ан-Бри, Уази-ан-Камбрези с их городами и поселениями. В 1348 или 1349 году Екатерина Австрийская вышла замуж — возможно, по своему выбору или по настоянию родственников — за Конрада Магдебургского, то ли из германских, то ли из австрийских земель. Через год она умерла вместе со своим мужем, став жертвой страшного бедствия, охватившего всю Европу, и оставив Ангеррана сиротой.

Подошедшим до нашего времени сведениям, Екатерина уделяла большое внимание образованию сына, старалась дать ему «знания, полагающиеся при его положении в обществе», и изредка рассказывала ему о «высокой репутации и добродетелях его предков». Эти сведения почерпнуты из написанного в XVI веке очерка, посвященного династии де Куси, и, возможно, они всего лишь обычная для того времени дань уважения знатному человеку; но, быть может, Екатерина и в самом деле пеклась о сыне. Уместно сказать, что о детстве средневековых людей, вошедших в историю, ничего не известно, и детские годы Ангеррана VII не исключение. Для истории Ангерран VII стал известен с 1358 года: к тому времени ему исполнилось восемнадцать и он прошел посвящение в рыцари.

Рыцарское звание считалось знаком высокой чести и уважения в обществе. Высокая мораль, честь и долг почитались высшими добродетелями настоящего рыцаря, и хотя на практике эти побуждения в большинстве случаев оказывались иллюзией, рыцари считали себя истинно благородными и добропорядочными людьми. Рыцарство достигло расцвета во времена крестовых

походов XII столетия, но так как оказалось, что рыцарская активность противоречит церковным установлениям, стало необходимым примирить рыцарство с христианским учением. С помощью бенедиктинских мыслителей установился рыцарский кодекс чести, обязавший рыцарей защищать церковные идеалы, справедливость, правое дело, вдов, сирот и всех угнетенных.

Посвящение в рыцарство было связано с торжественной церемонией, включавшей обряды очищения и причастия. Во время ритуала рыцарю на рукоятку меча клали какую-нибудь святую реликвию, чтобы при принесении клятвы рыцарем, когда он сжимал рукоять, его обет был услышан на небесах. Прославленный восхвалитель рыцарства Рамон Льюль, современник Людовика Святого, говорил, что «рыцарство живет в согласии с Богом».

Но, как и всякое предприятие, рыцарство не могло ограничиваться церковными наставлениями и установило собственные принципы и законы. Доблесть, мужество, сила и воинское искусство стали считаться самыми важными атрибутами настоящего рыцаря. Под влиянием куртуазности, обычаев придворного общества, рыцари становились более вежливыми, а по отношению к дамам — галантными. Грубо-примитивное отношение к женщине заменилось культом Прекрасной дамы. Непременным проявлением рыцарства считалась и щедрость, позволявшая, к примеру, сеньору призывать под свои знамена новых людей. Но щедрость, прославлявшаяся трубадурами и хронистами, надеявшимися и самим поживиться, приводила к безрассудному расточительству, а порой и к разорению.

Доблесть, мужество, сила и воинское искусство недаром считались самыми важными чертами настоящего рыцаря. Сражаться пешим или верхом в доспехах весом в пятьдесят фунтов, сшибаться на полном скаку с противником, держа горизонтально копье длиной в половину телеграфного столба, орудовать мечом или боевым топором, способным раскроить череп, или одним ударом отрубить руку, проводить полжизни в седле в любую погоду — такое времяпрепровождение было не для слабых, робких и неумелых людей.

Но как ни храбры были рыцари, неотъемлемой частью их жизни являлся страх. «Рыцари на войне постоянно испытывают страх», — писал в конце XIV столетия автор «Непобедимого рыцаря», биографического труда, героем которого являлся дон Перо Ниньо. В биографии дона Перо приведены и такие сведения: «Рыцари постоянно подвергают себя опасности, когда пускаются в приключения, которые могут стоить им жизни. А вот что ожидает их во время похода: вяленое мясо, черствый хлеб, сухое печенье, немного вина, да и то пока есть запасы, вода из меха или из повстречавшегося источника, ночлег в палатке или в наспех устроенном шалаше, сон в доспехах, враги на расстоянии полета стрелы. Едва забрезжит рассвет, побудка: „По коням! По коням!“. А бывает поспать и вовсе не удастся: „Тревога! Тревога! К оружию!“ И, наконец, бой: „Стоять насмерть! Не отступать! Вперед! Тесни их! Тесни!“».

Ранения — неотъемлемая часть жизни рыцаря. В одном из сражений пущенная в дон Перо стрела «пришпилила его латный воротник к шее», но он не вышел из боя. «Несколько наконечников вражеских копий застряли в его щите, и это мешало ему больше

всего». В другом сражении стрела из арбалета «пронзила ему обе ноздри, приведя его в изумление, но это замешательство длилось недолго». Он устремился вперед, получив множество ударов по голове и плечам, «отчего пронзившая ему нос стрела сотрясалась, причинив великую боль». Когда сражение кончилось, «щит донна Перо напоминал решето, меч оказался зазубренным, как пила, в его доспехах застряли сломанные наконечники неприятельских копий, и из пробитых ими отверстий сочилась кровь». Доблесть рыцарю давалась большой ценой.

Еще одним атрибутом рыцаря являлась верность сеньору, с которым рыцарь был связан клятвой — служить верой и правдой взамен на покровительство и поддержку. Такие особые отношения между сеньором и рыцарем уходили корнями в те времена, когда вассалитет был единственной формой управления государством. Но хотя рыцари и отличались преданностью сеньору и считали себя высоконравственными людьми, им ничего не стоило пойти на откровенную ложь: например, объявить себя союзниками города, к которому они подошли, а затем беспрепятственно ворваться в город и начать его грабить. При этом рыцари не считали себя обманщиками, ибо клятвы верности горожанам они не давали.

Рыцарство считалось универсальным орденом всех христианских рыцарей, транснациональной организацией, объединенной общей идеей, также, как в недалеком прошлом марксизм являлся учением рабочих всех стран. Рыцарство являлось военным союзом, в котором все рыцари полагались собратьями по оружию, хотя Фруассар, французский хронист и поэт XIV столетия,

исключил из общего списка испанцев и немцев как недостаточно культурных и куртуазных.

Выполняя свое предназначение в жизни, «рыцарь обязан, — как писал в XII веке английский теолог Иоанн Салисберийский, — проливать кровь за братьев своих и отдавать за них, если потребуется, саму жизнь». Многие рыцари были готовы к этому, хотя, вероятно, больше из жажды битвы, чем из стремления исполнить долг. Радость боя была, например, присуща королю Богемии Иоанну Слепому. Он участвовал во всех европейских конфликтах, а в мирное время не пропускал ни единого проводившегося поблизости рыцарского турнира и в одном из них получил ранение, приведшее к слепоте. Впрочем, по словам подданных Иоанна, его покарал Господь, но не за то, что король снес в Праге старую синагогу, а за то, что его обуяла жадность после того, как в ее фундаменте он нашел клад и, по совету германских рыцарей, разорил гробницу святого Адальберта в Пражском соборе. Как союзник Филиппа VI Иоанн во главе пятисот рыцарей воевал с англичанами в Пикардии. В сражении при Креси он, хотя и ослеп к тому времени, настоял на своем участии в битве. Тогда двенадцать богемских рыцарей связали поводья коней и поместили королевского скакуна в середину. Тело Иоанна нашли среди его рыцарей, павших на поле боя, вместе со все еще связанными между собой лошадьми.

Участие в битвах для знатных людей являлось своего рода работой и, соответственно, возможностью обогатиться и стяжать себе славу. В мирное время, за неимением столкновений с внешним врагом, сражения с неприятелем заменяли рыцарские турниры. Такие турниры зародились во Франции, распространившись затем и в других европейских странах. Рыцарские

турниры, поначалу считавшиеся боевой подготовкой к сражениям с неприятелем, постепенно обрели правила и, став регулярными, проявились в двух формах: поединке (когда два конных рыцаря сшибались посередине арены, стараясь ударом копья вышибить противника из седла) и схватке партий, в каждой до сорока человек. Противники сражались тупым оружием (копьями с плоскими деревянными наконечниками) или острым и в последнем случае могли получить ранение или даже лишиться жизни.

Турниры нередко длились недели, а в особых случаях — даже две. В день открытия рыцари разбивались на пары, затем наступало время рыцарских поединков, порой завершавшихся схваткой партий. Такие турниры привлекали множество зрителей, и не только богатых, но и простых людей. На турниры со всей округи также стекались, в надежде извлечь свою выгоду, многочисленные торговцы, шуты, проститутки и воры-карманники. Обычно в турнирах принимали участие примерно сто рыцарей, каждый с двумя оруженосцами, оружейником и шестью ливрейными слугами. Участие в турнире требовало от рыцаря специальной экипировки (стоимостью от 25 до 50 ливров) и наличие, помимо обычной дорожной лошади, боевого коня (стоимостью от 25 до 100 ливров). Рыцарь с малым достатком, потерпев поражение в поединке, мог разориться, ибо при неудаче был обязан отдать победителю своего коня и доспехи. Зато рыцарь, одержавший верх в поединке, получив эту добычу, мог ею распорядиться по своему усмотрению: оставить себе, вернуть за деньги побежденному противнику или продать на сторону.

Однако в связи с тем, что рыцарские турниры характеризовались насилием и тщеславием рыцарей,

церковь и короли европейских стран выступали против их проведения — но впустую. Когда доминиканцы объявили турниры языческими и потому богопротивными представлениями, никто к ним не прислушался. Когда святой Бернар во всеуслышание заявил, что всякий, кто принимает смерть на ристалище, отправляется в ад, его угрозу оставили без внимания. Церковь приравняла смерть на турнире к самоубийству, одному из тяжких грехов, но и это не помогло. Людовик Святой осудил рыцарские турниры, а Филипп Красивый запретил их проводить в военное время, но и эти запреты не охладили пыл рыцарей, и турниры продолжали организовываться.

Нарядно одетые зрители на трибунах, флаги, развевающиеся по ветру, призывные звуки труб, парад участников рыцарского турнира, украшенные помпонами лошади, встающие на дыбы и грызущие от нетерпения удила, сверкание сбруи, переливы щитов, дамы, бросающие шарфы и отрывные рукава своим фаворитам, поклоны герольдов устроителю состязания, объявляющему правила и распорядок турнира, приветствия победителям — все это привлекало людей на рыцарские турниры, являвшиеся показателем воинского искусства и доблести рыцарей.

Но если участие рыцарей в различных турнирах, где они могли проявить свое мужество и блеснуть воинским мастерством, являлось реальностью, то куртуазная идеализированная любовь, порожденная культом Прекрасной дамы, являлась миром их грез. Это чувство понималось как любовь ради любви, как романтическая любовь, истинная физическая любовь и обязательно не связанная с надеждой обогатиться, и потому предметом этой любви выступала непременно замужняя женщина,

ибо только незаконная связь не имела никакой иной цели, кроме любви.

Любовь к девушке куртуазной любовью фактически не считалась, ибо создавала непредвиденные проблемы; и к тому же девушки из знатных семей обычно выходили замуж, едва достигнув брачного возраста, и у них просто не было времени на романтические увлечения. Любовь к замужней женщине по сути являлась предосудительной, но рыцари идеализировали ее, считая единственно настоящей, а любовь в браке — неуместной и предназначенной лишь для продолжения рода.

В то же время куртуазная идеализированная любовь считалась призванной одухотворить человека, обязывала его вести добропорядочный образ жизни и делать все возможное для того, чтобы не запятнать честь и не скомпрометировать даму своего сердца. Рыцарь был обязан следить за собой в быту: чистить зубы, стричь ногти, опрятно и тщательно одеваться, а в обществе вести остроумный и увлекательный разговор, следить за своими манерами, не допускать грубости и надменности и не повышать голоса в присутствии дамы. Прекрасная дама вдохновляла рыцаря на победы в турнирах, способствовала укреплению его морально-волевых качеств, содействовала его воспитанию, и если принять во внимание эти соображения, то можно прийти к мысли о том, что куртуазная идеализированная любовь поднимала статус женщины до более высокого уровня, чем объекта сексуальных домогательств и производительницы потомства.

О куртуазной любви рассказывается в рыцарских романах средневековья. Сюжет этих произведений приблизительно одинаков: рыцарь влюбляется в

прекрасную даму, она поначалу его любовь целомудренно отвергает, хотя рыцарь клянется ей в вечной верности и говорит о приближающейся кончине от безответной любви, но в конце концов героическими свершениями он завоевывает сердце прекрасной дамы, однако козни врагов приводят к трагическому концу.

Одним из наиболее известных подобных произведений является написанный в первой половине XIV столетия «Роман о кастеляне из Куси», насчитывающий 8266 стихотворных строк. Героем романа является не сеньор де Куси, а кастелян его замка рыцарь Рено. Этот рыцарь влюбляется в прекрасную даму, госпожу де Файель. Однако ее вероломный муж хитростью отправляет Рено в крестовый поход, в котором рыцарь совершает множество подвигов, но его жизнь прерывает отравленная стрела. Перед смертью Рено пишет возлюбленной прощальное письмо и просит преданного слугу набальзамировать свое сердце и передать его госпоже де Файель вместе с прощальным посланием и прядью ее волос. Однако шкатулка с этими доверительными предметами оказывается в руках ревнивого мужа, который повелевает из сердца рыцаря приготовить жаркое и подает это кушанье на ужин своей жене. Узнав, что она съела, госпожа де Файель клянется, что больше вовеки не притронется к пище, и в конце концов умирает, а ее муж отправляется в пожизненное паломничество, чтобы искупить тяжкий грех.

Рыцарские романы возводили нарушение супружеской верности в ранг единственной настоящей любви, хотя в реальности адюльтер считался не только тяжким грехом, но и преступным деянием. Если прелюбодеяние обнаруживалось, оно чернило жену и пятнало честь мужа, и потому оскорбленный муж мог

убить как уличенную в измене жену, так и ее любовника. На самом деле куртуазная идеализированная любовь являлась литературной условностью и даже фантазией, предназначенной больше для разговоров, чем для воплощения в жизнь.

Как рассказывает Ла Тур Ландри, его друзья-рыцари не задумывались о куртуазной любви и верности даме. Когда однажды он путешествовал вместе с ними, все его друзья увивались за местными дамами, а когда их домогательства отвергали, они начинали ухаживать за другими, уверяя избранниц в страстной любви и давая лживые клятвы. Некоторые дамы им уступали, поверив обещаниям. По словам Ландри, некие три особы, рассказывая друг другу о своем страстном любовнике, неожиданно обнаружили, что это один и тот же клявшийся им в любви человек — Жан ле Менгр, сир де Бусико. Тогда эти женщины, сговорившись, втроем встретились со своим кавалером и попытались вывести его на чистую воду, но он нисколько не стушевался и пояснил, что когда встречался с одной из них, то в это время любил ее больше всех, что равно относится и к двум другим дамам, когда он встречался с ними.

Сам Ла Тур Ландри, состоятельный человек, принимавший участие во многих военных кампаниях, тем не менее более всего ценил семейную жизнь и пылал любовью к своей жене, воплощению красоты и добросердечности. Жена вдохновляла его, и он писал для нее стихи и баллады. О куртуазной любви, которая, по словам других рыцарей, вдохновляла их на подвиги, он даже не помышлял и здраво считал, что рыцари стремятся выиграть рыцарские турниры не во имя прекрасной дамы, а ради вознаграждения и собственной славы. Кроме того, он полагал, что куртуазная любовь

может привести к преступлению и приводил в пример «Роман о кастеляне из Куси».

Но куртуазной идеализированной любви в повседневной жизни не следовали. В сороковых годах XIV столетия распространились слухи о надругательстве английского короля Эдуарда III над женой графа Солсбери. Хронист Фруассар рассказывает, что в 1342 году во время посещения замка Солсбери Эдуард III «воспылал страстной любовью» к прекрасной графине. Однако, видно, из уважения к жене английского короля Филиппе Фруассар не вдаётся в подробности встреч Эдуарда III и графини, а лишь повествует о рассуждениях короля после того, как графиня его отвергла, — о рассуждениях, обычных для куртуазной любви. «Если бы я был счастлив в любви, это принесло бы пользу всему королевству, ибо я стал бы более жизнерадостным, более возвышенным, более благодушным. Я бы приумножил рыцарские турниры, зрелища и пиры. Я стал бы даже более спокойным и одержал бы на поле брани больше побед».

Другой хронист, Жан ле Бель, бывший ранее рыцарем, пишет о домогательствах Эдуарда III к прекрасной графине Солсбери более обстоятельно. Согласно ле Белью, Эдуард III, уподобив графа Солсбери библейскому Урии, послал его в Бретань сражаться с французами, а сам, едва граф двинулся в путь, отправился в замок к его жене. Графиня снова отвергла притязания короля, и тогда он ее изнасиловал, «закрыв ей рот рукой, так что она смогла только пискнуть... а после совершения акта насилия король оставил ее лежать в бессознательном состоянии с сочащейся кровью из носа и изо рта». Эдуард III вернулся в Лондон подавленным, сообразив, сколь мерзкое деяние

совершил, а графиня «больше не знала радости, так было у нее тяжело на сердце». Когда ее муж вернулся, она не возлегла рядом с ним, а когда он спросил, чем вызвана ее холодность, она ему рассказала о том, что случилось, «сидя на постели и заливаясь слезами». Граф решил навсегда уехать из Англии. Он отправился ко двору и заявил пэрам, что отказывается от всех земель и иных своих владений в стране при условии, что жена его не утратит свое приданое. Затем граф Солсбери пришел к королю и сказал: «Ты злодейским образом обесчестил меня и втоптал мое имя в грязь». После этого граф уехал из Англии, а пэры «все как один осудили своего короля».

Если авторы, писавшие рыцарские романы, и предпринимали попытки создать кодекс поведения настоящего рыцаря, они преуспели в этом не больше, чем другие ваятели, пытавшиеся изменить человеческую природу. Как сообщает хронист Жуанвиль, рыцари возглавлявшиеся Людовиком Святым, после взятия крепости Дамьетта в Египте в 1249 году занялись богохульством, грабежом и распутством. Тевтонские рыцари, совершавшие ежегодно набеги на земли необращенных в христианство литовцев, устраивали ради спортивного интереса охоту на беззащитных крестьян. Описанный в романах рыцарский кодекс чести был маской, прикрывавшей насилие, жадность и похоть, однако являлся тем не менее идеалом, каковым было и христианство, — идеалом, к которому человечество по сей день тянется, но дотянуться так и не может.

ГЛАВА 4

ВОЙНА

Первая военная кампания Эдуарда III, прерванная перемирием 1342 года, не принесла англичанам стратегического успеха в борьбе с французами. Единственную значительную победу они одержали в 1340 году в морском сражении в дельте Шельды близ Слюйса, порта во Фландрии, где французы сосредоточили около двухсот кораблей, набранных в Генуе и Леванте для вторжения в Англию. В результате сражения англичане разбили французский флот и установили господство над Английским каналом. Победа была одержана во многом благодаря новому оружию англичан.

Этим новым оружием стал лонгбоу — длинный лук, превышающий длиной рост человека. Англичане переняли этот лук у валлийцев и использовали это оружие еще при короле Эдуарде I во время войны с шотландцами. С дальностью в 800 ярдов и скорострельностью от 10 до 12 стрел в минуту, превышавшей, по меньшей мере, впятеро скорострельность обычного лука, лонгбоу явил собою революционное оружейное новшество. Его стрелы в умелых руках поражали цель на расстоянии в 200 ярдов, и хотя пробивная сила была меньше, чем у обычного лука, непрерывный град стрел (за счет скорострельности) деморализовывал неприятеля. При подготовке к противостоянию с Францией Эдуарду III было необходимо компенсировать меньшую численность своих войск по сравнению с армией неприятеля превосходством в вооружении и тактике ведения боя. В

1337 году он запретил под страхом смерти все спортивные состязания, кроме состязаний в стрельбе из лука, и простил долги всем ремесленникам, изготовлявшим луки и стрелы.

Другим новшеством, появившимся в XIV столетии, стали пушки. Являвшиеся по существу еще экспериментальными образцами, эти орудия были гораздо менее эффективны, чем длинные луки, поставлявшиеся на вооружение в английскую армию. Изобретенные в 1325 году *ribaud* или *pot de fer*, как их называли французы, представляли собой небольшие железные пушки бутылочной формы, стрелявшие железными стрелами с треугольной головкой. Когда в 1338 году французы осаждали Саутгемптон, то при осаде этого города они использовали лишь одну пушку (*ribaud*), оснащенную сорока восемью стрелами.

В следующем году французы изготовили небольшое количество пушек с установленными на колесной платформе несколькими стволами, запальные отверстия которых располагались на прямой линии, что позволяло стрелять одновременно из всех стволов. Но снаряды этих орудий обладали малой пробивной силой. Англичане также использовали небольшие орудия, в частности в сражении при Креси, но они не нанесли противнику существенного ущерба, а при осаде Кале пробивная сила снарядов оказалась недостаточной для того, чтобы проломить крепостную стену. Позже, когда пушки начали отливать из бронзы или из меди и увеличили их размеры, орудия стали использовать для разрушения замковых ворот, равно как и мостов, но крепостные стены успешно противостояли этим орудиям еще в течение добрых ста лет.

В морском бою при Слюйсе, в котором английским флотом командовал сам король, главную роль сыграли английские лучники. Каждый английский корабль с солдатами на борту находился между кораблями со стрелками из лука. Лучники располагались на верхней палубе на специальной платформе, откуда вели залповую стрельбу. «Бой воистину был яростным и ужасным, — писал Фруассар, — ибо морское сражение гораздо более связано с риском, чем бой на суше, ведь на море при необходимости некуда отступить». Длинные луки сделали свое дело. Непрерывный град стрел сметал французов с палуб, и они потерпели жестокое поражение.

Никто из придворных не отважился сообщить Филиппу VI о разгроме французского флота. Тогда вперед вытолкнули шута, и он произнес: «Трусливые англичане! Они не осмелились вступить в абордажный бой с доблестными французами». Королю все стало понятно. Потом еще говорили, что рыбы после боя при Слюйсе выпили столько французской крови, что если бы Бог пожаловал им дар речи, они бы стали говорить по-французски.

Однако победа на море не принесла Эдуарду III стратегического успеха, ибо из-за недостаточной численности сухопутных войск он не мог повторить свой успех на французской земле. Ни голландцы, которых Эдуард считал своими союзниками, ни его тесть граф Уильям де Гин не встали на сторону англичан. Эдуарду пришлось, по настоянию папы, заключить с французами перемирие, но только на время.

Ради чего он воевал? Каковы были истинные причины войны, которая продолжилась даже в XV веке?

Основной причиной этой войны, как и большинства войн вообще, послужило столкновение политических и экономических интересов. Эдуард III хотел установить полную верховную власть над Гиенью и Гасконью, частями Аквитанского герцогства, которое в XII веке перешло в собственность его предка Генриха II Плантагенета в результате женитьбы этого английского короля на Элеоноре Аквитанской. Французский король все еще сохранял власть над этими землями, руководствуясь положением «правителя и властителя» (*superioritas et resortum*), которое давало местным жителям право просить защиты и помощи у французских властей. Они этим правом нередко пользовались, что породило непрекращающийся конфликт между англичанами и французами.

Конфликт усугублялся важной ролью Гиени в экономике Англии. Гиень с ее плодородными землями, судоходными реками, длинной морской береговой линией и крупным портом Бордо, являлась главным районом в мире по производству вина. Англичане импортировали из Гиени вино и сельскохозяйственные продукты и экспортировали ткани и шерсть, получая при этом немалый доход от экспортных и импортных пошлин. Кроме того, оживленная торговля между Гиенью и Фландрией также приносила англичанам приличную выручку. Такое положение Францию не устраивало, и французские короли пытались военным или мирным путем восстановить свое господство над Аквитанией.

Эдуарду III было пятнадцать лет, когда он взошел на трон в 1327 году, двадцать пять лет — когда он начал воевать с Францией, и тридцать четыре года — когда в

1346 году он предпринял вторую попытку взять верх над противником. Эдуард III был статным, хорошо сложенным человеком с золотистыми, до плеч волосами, дополнявшимися усами и бородой, а по характеру доброжелательным и прямым, но в то же время тщеславным и своенравным, да и ничто человеческое ему было не чуждо. Выросший во враждебной среде людей, убивших его отца, и ставший свидетелем казни любовника своей матери Мортимера, пытавшегося захватить в стране власть, Эдуард III все же взошел на трон, не побитый превратностями судьбы. Практическую политику он понимал, но как править страной и смотреть в будущее, толком не знал. Стратегическим мышлением Эдуард III не обладал, но вполне имел качества, присущие правителю его времени: он любил охоту, рыцарские турниры, экстравагантные развлечения и мечтал о полководческой славе. О нем говорили, что он полон «детского простодушия» и «юношеского задора».

Когда Эдуард III назвал себя законным королем Франции и предъявил права на французский престол, считал ли он всерьез, что добьется цели, сказать затруднительно, но сама правомерность его намерений послужила (в понимании англичан) обоснованной и справедливой причиной начать войну с Францией. Справедливость войны служила залогом того, что Бог примет сторону тех, кто берется за правое дело. Справедливая война должна была стать одним из политических курсов, провозглашенных монархом, и иметь благую обоснованную причину выступить против несправедливых и даже преступных действий противника. Как еще в XIII веке заметил Фома Аквинский, справедливая война должна преследовать справедливые цели, но как и в чем они заключаются,

мыслитель не уточнил. Однако он развил свою мысль в другом направлении: справедливой войне даже больше, чем помощь Бога, должно предоставляться «право извлечения прибыли» (право на грабеж, иными словами), ибо противник, ведя «неправедную войну», не имеет никаких прав на собственность, а прибыль в виде военной добычи — надлежащая награда за риск.

Эдуард III рассчитывал привлечь на свою сторону французских сеньоров, находившихся в вассальной зависимости от французского короля. Если он, а отнюдь не Филипп VI был законным королем Франции, сеньоры могли нарушить присягу, данную французскому королю, и перейти на сторону Эдуарда. В XIV веке вассальные отношения складывались между людьми, а не между человеком и государством, и владелец герцогства или графства обладал почти автономной властью, что позволяло, к примеру, проанглийски настроенным властителям Нормандии и Бретани поддерживать притязания Эдуарда на французский престол и, в частности, не препятствовать высадке его войск на своей территории. Береговая линия Нормандии и Бретани служила англичанам для высадки войск в течение примерно сорока лет, а Кале, захваченный после сражения при Креси, служил той же цели и в XV веке.

В Бретани не затихала борьба между двумя претендентами на власть в герцогстве, а также между двумя непримиримыми партиями, одна из которых держала сторону Франции, а другая поддерживала английского короля, и Франция вечно подвергалась опасности вторжения англичан. Побережье Бретани было открыто для английских судов, английские гарнизоны стояли на бретонской земле, а бретонская знать открыто поддерживала Англию. Бретань являлась французской

Шотландией, взрывоопасным районом, настроенным против центральной власти, и как шотландцы искали союза с Францией, так и бретонцы пытались использовать англичан в борьбе с французской короной.

В Бретани после смерти последнего герцога в 1341 году преемниками считались его единоутробный брат Жан де Монфор и племянница Жанна де Пантьевр. Монфор поддерживал англичан, а Жанна уступила права на власть в герцогстве своему мужу Карлу де Блуа, племяннику Филиппа VI, стоявшему на стороне французского короля.

Карл вел аскетический образ жизни, отличался предельной религиозностью и познавал веру смирением плоти. Подобно Томасу Бекету, он носил нестираную одежду, кишевшую вшами, в обувь клал камешки, а спал на соломе рядом с кроватью жены. После его смерти обнаружили, что под доспехами он носил власяницу, превратившую его тело в сплошную рану. Хотя Карл и вел благочестивую жизнь, он обвинял себя в порочности, гордыне и страстности и даже в плотских грехах. Полный раскаяния, он усыновил внебрачного сына Жана, дав ему свое имя. Карл жалел бедных людей и уменьшал налоги. Простые люди считали его святым, и когда однажды зимой он отправился босиком к бретонской святыне, дорогу туда устлали соломой и одеялами, но он изменил маршрут и сбил себе ноги в кровь, в результате чего долго не мог ходить.

Однако благочестие Карла не мешало ему проявлять жестокость в борьбе за власть в герцогстве. Когда он осаждал Нант, то, воспользовавшись метательными машинами, запустил в город головы тридцати захваченных в плен сторонников де Монфора. Взяв

Кемпер после упорного сопротивления неприятеля, он предал смерти две тысячи защитников города, не пощадив даже женщин. Согласно военной практике того времени, осажденные могли сдаться на оговоренных условиях, но если они дрались до конца, то не могли рассчитывать на пощаду, и, видимо, Карл, отдавая жестокий приказ, не чувствовал угрызений совести. Перед штурмом Кемпера Карла предупредили, что ожидается наводнение и со штурмом лучше повременить, но он отказался изменить принятое решение, заявив: «Разве не Бог повелевает стихией?» Когда городом овладели до наводнения, задержку бедствия сочли за чудо, обязанное обращением Карла к Богу.

Когда Карл взял в плен Жана де Монфора и отправил в Париж как пленника Филиппа VI, жена де Монфора во всеуслышание заявила, что ее муж воспринял выпавший на его долю удел «как нестигаемый человек с сердцем льва». После пленения де Монфора во главе его партии встала его жена. Графиня объезжала город за городом, поднимала дух сторонников и призывала их присягнуть на верность своему трехлетнему сыну. «Не горюйте о своем господине, которого вы потеряли. Он всего-навсего человек», — говорила она, добавляя, что у нее достаточно средств, чтобы продолжить борьбу. Графиня увеличила численность гарнизонов в подвластных ей городах, снабжала их продовольствием, председательствовала на военных советах, занималась дипломатическими сношениями и вела переписку с нужными людьми, отличавшуюся не только дельными мыслями, но и изяществом слога.

Когда Карл де Блуа осаждал Энбон, графиня де Монфор возглавила защитников города. Верхом на коне

и в полном вооружении она разъезжала по улицам, воодушевляла солдат и приглядывала за женщинами, которым повелела укоротить юбки и таскать камни и горшки с кипящей смолой к крепостным стенам города. Наконец, выбрав время, она возглавила отряд рыцарей, прошла вместе с ними по известному только ей потайному ходу и, оказавшись в тылу неприятеля, уничтожила большую часть его войска; Карлу де Блуа пришлось отступить. Графиня де Монфор продолжила борьбу за власть в герцогстве и после смерти своего мужа, которому, переодевшись, удалось бежать из тюрьмы, чтобы уйти в мир иной, едва добравшись до дома.

Когда в 1346 году Карл де Блуа попал в плен и в итоге оказался в английской тюрьме, во главе его партии встала его жена Жанна де Пантьевр, не менее решительная особа, чем жена де Монфора. Война за власть в Бретани продолжилась с новой силой. Однако, видно, превратности жизни, лишения, взятый на себя тяжкий труд и утраченные иллюзии привели графиню де Монфор к помешательству, и ее заключили в замок Тикхилл, где она провела тридцать лет.

Карл де Блуа, проведя в тюрьме девять лет, в конце концов откупился, заплатив за свою свободу, по разным данным, тридцать пять, сорок или семьдесят тысяч экю. Он был готов пойти на уступки и вступить в переговоры с противником, но его воинственная жена не собиралась отказываться от власти. Карл де Блуа продолжил борьбу и в итоге пал на поле сражения. Его причислили к лику святых, но затем папа Григорий XI отменил это решение по просьбе младшего де Монфора, уверявшего, что, если

бретонцам навяжут мысль, будто он победил святого, его сочтут узурпатором.

Французы и англичане боролись также за верховенство во Фландрии, города которой в XIV столетии являлись главными европейскими торговыми центрами, где итальянские ростовщики и банкиры держали свои представительства, приносящие немалую прибыль. Доходы от развитой текстильной промышленности обогащали местных предпринимателей, купавшихся в роскоши. Жанна, жена Филиппа Красивого, во время посещения Брюгге с удивлением заявила: «Я думала, что буду здесь единственной королевой, а им в городе нет числа».

Хотя Фландрия являлась французским леном, ее жители были связаны экономическими узами с Англией, ибо зависели от поставок английской шерсти. «Все население мира, — писал Матфей Вестминстерский, — согревается в холода английской шерстью, из которой во Фландрии шьют одежду». Непревзойденная по своему высокому качеству и расцветке одежда, изготавливавшаяся фламандцами, пользовалась устойчивым спросом даже в странах Востока. Швейное производство являлось главным во Фландрии, от него зависело благосостояние населения, и англичане, поставлявшие во Фландрию шерсть, старались использовать этот рычаг для установления своей власти в стране.

Фламандские промышленники, купцы и рабочие, исходя из собственных интересов, стояли на стороне Англии, а знать во главе с графом Фландрии Людовиком Неверским была настроена профранцузски. Двор

Людовика был устроен по образцу двора французского короля, фламандская знать роднилась с семьями французских аристократов, фламандские юноши учились в Париже, Реймсе и Лане, да и основным языком Фландрии являлся французский.

Однако положение рабочих на швейных фабриках было тяжелым, и в 1302 году вспыхнуло восстание в Брюгге. Подавить восстание поручили отряду французских рыцарей, усиленному пехотой. Приблизившись к расположению неприятеля, занявшего позиции близ Куртре, рыцари решили, что самостоятельно одолеют противника и, чтобы лишь самим пожать славу, повелели пехотинцам ретироваться. Однако они не знали, что повстанцы, образовавшие народное ополчение, по-своему подготовились к бою: вырыли на месте будущего сражения широкие и глубокие рвы, заполненные водой, и прикрыли их ветками. Эти рвы вместе с естественными ручьями образовали целую систему водных преград. И рыцари угодили в ловушку. Когда они перешли в наступление, их лошади падали в рвы, и всадники вместе с ними оказывались в воде. За ними валились в рвы рыцари, подпиравшие первых сзади, и в воде образовалось жуткое нагромождение тел. Ополченцы пронзали их пиками, как рыбу острогой, превратив бой в побоище. После боя с трупов содрали семьсот золотых шпор (отсюда и другое название этой схватки — Битва золотых шпор) и выставили в храме на всеобщее обозрение. Потеря столь большого числа французских аристократов понудила Филиппа Красивого разослать по Фландрии комиссионеров, чтобы пополнить ряды дворянства за счет состоятельных буржуа, готовых раскошелиться за оказание подобной милости.

Французское рыцарство исходом сражения при Куртре обескуражено не было, да и презрительное отношение к вооруженным простолюдинам не изменилось. Исход битвы был воспринят как неудачное стечение обстоятельств, не более того. Действительно, когда спустя двадцать пять лет во Фландрии вновь поднялось восстание, рыцари наголову разбили повстанцев в сражении при Канеле. Тем не менее властям следовало задуматься о причинах повторяющихся народных волнений, плюс, несомненно, о том, что люди, вооруженные пиками, представляют собой грозную силу, — но этими размышлениями пренебрегли.

Филипп VI делал все возможное для того, чтобы изолировать Фландрию от влияния англичан, что противоречило интересам фламандских промышленных городов во главе с Гентом. В результате против правителя Фландрии, защищавшего интересы французского короля, поднялось восстание гентских купцов и ремесленников, поддержанное другими крупными фламандскими городами. Восстание возглавил Якоб ван Артевельде, представитель богатых городских классов, полагавший, что пришло время буржуазии сменить у власти аристократов. (Это не мешало его притязаниям на аристократический образ жизни. Его сыновья присвоили себе дворянские титулы, старший взял себе в жены аристократку, да и дочь вышла замуж за дворянина.) В 1339 году Артевельде разбил войско графа Фландрии и вынудил того укрыться во Франции, а сам пришел к власти в стране.

Тем временем Эдуард как король страны, поставившей шерсть для фламандской промышленности, оказывал давление на фламандские

власти, рассчитывая получить на территории Фландрии надежный плацдарм для войны с французами. Фламандские промышленники приветствовали союз с англичанами, да и Артевельде связывал свое будущее с этим союзом. Воспользовавшись тем, что Эдуард III объявил себя законным королем Франции, Артевельде в 1340 году подписал с Эдуардом предложенный тем договор о сотрудничестве, не сообразив, что английскому королю этот договор был необходим лишь на время, чтобы закрепиться во Фландрии.

Артевельде был человеком крутого нрава. Однажды, когда он повздорил с неким фламандским рыцарем, то ударом кулака сшиб его с ног на глазах Эдуарда III. Выполняя условия договора, Артевельде финансировал военные операции английского короля в борьбе против Франции, а затем пошел еще дальше. Он предложил, чтобы в будущем правителем Фландрии — вместо Людовика Мальского, старшего сына и наследника графа Фландрии — стал старший сын Эдуарда принц Уэльский (позже известный как Черный принц). Фламандские города эту инициативу не поддержали. Фламандцы посчитали немыслимым лишить наследства законного преемника графа Фландрии в пользу английского принца. Кроме того, к тому времени папа под давлением Филиппа VI отлучил фламандцев от церкви за измену законному королю, что принесло убытки предпринимательству. Политика Артевельде вызвала возмущение, к тому же его стали подозревать в присвоении государственных денег.

«Фламандцы начали роптать на действия Якоба», — писал хронист XIV столетия, и когда Артевельде однажды ехал по Генту, «убежденный в своем величии», вокруг него стала собираться толпа, не отстававшая от него и

громогласно требовавшая отчета о расходовании государственных денег. Добравшись до дома, перепуганный Артевельде закрыл ворота, двери и окна, чтобы не слышать хор негодующих голосов. Наконец, «смирившись», он подошел к одному из окон и, открыв его, дал обещание, что на следующий день предоставит полный отчет о произведенных им тратах за все девять лет правления. Толпу его обещание не устроило. Все, как один, закричали: «Выйди сейчас же к нам и незамедлительно отчитайся за потраченные тобой казенные деньги». Испугавшись, Артевельде закрыл окно и попытался улизнуть из дома через заднюю дверь, чтобы укрыться в церкви. Скрыться Артевельде не удалось. Взломав двери, разъяренная толпа ворвалась в дом и расправилась с ним на месте. Так в июле 1345 года фортуна отвернулась от правителя Фландрии.

После этих событий представители фламандских городов отправились в Англию, чтобы умиротворить Эдуарда III, разгневанного гибелью Артевельде. Уверив английского короля, что они по-прежнему его поддерживают, фламандцы сделали предложение, позволявшее представителю английского королевского дома управлять Фландрией, не лишая наследства законного преемника графа Фландрии. Предложение предусматривало выдать замуж Изабеллу, тринадцатилетнюю дочь Эдуарда, за четырнадцатилетнего Людовика Мальского, находившегося под опекой фламандской общины. Эдуард согласился принять предложение, однако Людовик, как впоследствии выяснилось, хранил верность французскому королю и от брака с английской принцессой категорически отказался. Когда два года спустя Эдуард решил объявить о помолвке своей дочери

и Людовика, жених бесследно исчез, что косвенно, но достаточно основательно сказалось на судьбе Ангеррана VII.

Современники Эдуарда III считали его слабым правителем, не в пример французскому королю. Виллани, флорентийский хронист и государственный деятель, называл Эдуарда «*il piccolo re d'Ingliterra*» («английским малышом»). Весьма сомнительно, что Эдуард III в действительности намеревался завоевать Францию. Средневековые войны между европейскими странами имели конечной целью не завоевание враждебной страны, а захват власти в этой стране путем нанесения ей достаточного ущерба. Если бы Эдуард овладел Гиенью и обосновался во Фландрии и Северной Франции, его цель прийти к власти во Франции уже не показалась бы нереальной.

На войну требовались немалые деньги, и Эдуард III взял кредиты во флорентийских банкирских домах Барди и Перуцци. По свидетельству Виллани, Эдуард получил кредит от шестисот до девятисот тысяч золотых флоринов в банке Барди и от четырехсот до шестисот тысяч золотых флоринов в банкирском доме Перуцци, рассчитывая погасить займы за счет налоговых поступлений от продажи английской шерсти. Однако расплатиться с кредиторами он не сумел, что привело к их банкротству. Банкирский дом Перуцци обанкротился в 1343 году, годом позже пал и банкирский дом Барди, что привело к банкротству третьего флорентийского банкирского дома — Аччаюоли. В результате этих банкротств промышленное производство и торговля пришли в упадок, и когда в 1347 году во Флоренции и

Сиене вспыхнул ужасный голод, за которым последовала чумная эпидемия, все эти страшные народные бедствия были расценены как наказание Божье.

Достать на продолжение войны деньги Эдуарду III было немыслимо без решения из состоявшего из представителей трех сословий парламента. В то время европейское средневековое общество подошло к становлению денежной экономики. Если раньше вооруженные силы состояли из людей, ставших солдатами в силу принятого на себя обязательства перед господином и возвращавшихся после краткосрочной службы домой, то теперь набирать солдат в армию приходилось за деньги. Однако к тому времени в государстве, находившемся на стадии становления, еще не сложился систематический способ финансирования военных кампаний. Монарх в поисках денег прибегал к займам, которые был не в состоянии возместить, что вынуждало повышать налоги и обесценивать деньги.

Правда, военные расходы при удачном итоге военных действий в той или иной мере покрывались захваченными у противника ценностями. Кроме того, с успехом практиковался захват пленников с целью получения выкупа. По словам французского историка Жюль Мишле, рыцарская война, как и рыцарская любовь, была *double et louche* — двойственной и двусмысленной. Практика не соответствовала целям войны. Рыцари шли на войну ради славы, а на самом деле — ради наживы.

В 1344 году Эдуард III известил английский парламент о нарушении перемирия с французским королем Филиппом VI и попросил «высказать свое мнение» по поводу сложившейся ситуации. Палата лордов и палата общин высказались за окончание войны

разгромом противника в победоносном сражении или почетным миром. Для заключения мира предлагалось воспользоваться посредничеством папы или других влиятельных лиц, а если попытка достигнуть мира успехом не увенчается, «решить дело на поле битвы».

В 1345 году парламент разработал порядок формирования армии и предложил его королю. Согласно этому предложению, землевладельцу с годовым доходом в 5 фунтов полагалось отрядить в армию лучника, землевладельцу с годовым доходом в 10 фунтов — конного копьемосца, с годовым доходом в 20 фунтов — двух конных копьемосцев, с доходом в 25 фунтов и более — тяжеловооруженного всадника. Графствам и городам полагалось направить в армию лучников согласно разработанной разрядке, а реализация всей системы набора армии возлагалась на шерифов и других должностных лиц.

Согласно тому же решению, предлагалось реквизировать все английские корабли для транспортировки во Францию людей, лошадей, продовольствия, фуража, а также необходимых материалов и оборудования для изготовления стрел и другого оружия. Максимальная грузоподъемность одномачтовых кораблей с прямоугольным парусом доходила до 300 тонн, но большинство судов были маленькими, грузоподъемностью от 30 до 50 тонн.

В армию набирали обещанием богатой добычи и помилованием преступников, объявленных вне закона; с этой же целью английские власти разжигали антифранцузские настроения, зародившиеся после нападения французов на Портсмут, Саутгемптон и другие английские приморские города. Не преминули довести до

народа и то немаловажное обстоятельство, что Эдуард объявил себя законным королем Франции, указав на справедливость и состоятельность притязаний, которым противодействуют безнравственные французы. Кроме того, английские власти, запугав население французским вторжением, разместили вдоль южного побережья страны сигнальные станции, между ними поставили караулы, а в море наладили патрулирование.

В июле 1346 года Эдуард III продолжил войну с французами. Вместе со своим пятнадцатилетним сыном, принцем Уэльским, он пошел морем в Нормандию во главе армии, состоявшей из четырех тысяч всадников в тяжелом вооружении, десяти тысяч лучников и отряда пехотинцев, набранных в Ирландии и Уэльсе. (Другое войско, ранее посланное в Бордо, уже воевало с французами на границе Гиени.) Эдуард высадился на полуострове Котантен, поручив непосредственное командование экспедиционными силами Годфри д'Аркуру, пообещавшему, что англичане не встретят сопротивления, ибо герцог Нормандии со своим войском пребывает в Гиени, чтобы дать отпор неприятелю, а простые нормандцы воевать не умеют, и потому англичан ждет большая добыча, тем паче что нормандские города не защищены крепостными стенами. Хотя, по словам Фруассара, главное желание Эдуарда заключалось в сражении с неприятелем, король благосклонно отнесся к обещанию д'Аркура.

Нормандия была богатой страной, и англичане не видели надобности запасаться на долгий срок продовольствием, тем более что местные жители перед приходом неприятельских войск «покидали свои дома, оставив продовольственные припасы, в том числе зерно в амбарах и на корню. До этого на их землю не ступали

вражеские солдаты, и простые нормандцы не имели представления о войне». Только в Кане горожане совместно с отрядом рыцарей под командованием коннетабля графа д'Э оказали англичанам сопротивление, но были быстро разбиты, ибо город не был защищен крепостными стенами. Д'Э попал в плен и вместе с другими пленниками и захваченной англичанами военной добычей был препровожден в Англию, чтобы ждать, когда его выкупят. По существу не встречая сопротивления, англичане продвигались от города к городу, опустошая все на своем пути, захватывая скот и дорогостоящие товары и отправляя в Англию пленников, способных заплатить выкуп; при этом солдаты не обращали внимания на окрики офицеров и при всякой возможности набивали себе карманы.

Когда английское войско стало продвигаться к Парижу, вдоль берега Сены, Филипп VI, не предпринимавший до того никаких встречных действий, наконец оставил Руан, где он находился, и направился в Париж по другому берегу Сены. Когда Филипп возвратился в столицу, Эдуард вошел в Пуасси, городок в двадцати милях западнее Парижа. Пока английский король в алой мантии, отделанной горностаем, пировал в середине августа, отмечая праздник Благовещения, его солдаты обирали и жгли близлежащие села. Зарево этих пожаров было видно в Париже, и, как писал французский хронист Жан де Венет, «это ужасное зрелище мог видеть любой, поднявшись на одну из парижских башен».

Тем временем Филипп VI издал указ о призыве в армию в районах боевых действий всех, кто может носить оружие. Указ основывался на обязанности французов «защищать страну и корону». Предполагалось, что указ вступит в силу только в том

случае, если аристократы не смогут сами дать отпор неприятелю. Королевский указ доводился до сведения населения глашатаями на деревенских площадях и базарах. Указ также предписывал городам принять меры для укрепления армии. Обычно в подобных случаях одни города направляли в армию необученных пехотинцев, от которых, как правило, толку не было, другие вносили в королевскую казну деньги, на которые можно было набрать наемников, знающих военное дело.

Солдаты, направлявшиеся в войска городами, содержались за счет самих горожан из расчета количества домов в городе и в зависимости от благосостояния города. В некоторых районах каждые сто домов были обязаны содержать одного солдата в течение года. В бедных районах одного солдата содержали от двухсот до трехсот домов. В 1337 году Руан отправил в войско двести пехотинцев, Нарбонна — сто пятьдесят лучников, Ним — девяносто пять тяжеловооруженных всадников. При определении количества рекрутов, направлявшихся в армию, французские города, земли и лены вели нескончаемые переговоры с властями, ссылаясь на свои привилегии и права. Герцоги, графы и бароны, подобные де Куси, содержали солдат за свой счет, хотя их расходы должен был возмещать король.

Жалование рыцарей и оруженосцев знатного происхождения, как и жалование солдат, во французской армии было строго определенным. В сороковых годах XIV столетия рыцарю-баннерету, рыцарю-вассалу и конному оруженосцу, платили соответственно 20,10 и 6–7 су в день. При выплате жалования и денег для поддержания войскового хозяйства принимались меры к тому, чтобы эти средства соответствовали реальному положению дел. Для этого периодически, обычно раз в месяц,

назначенные королем чиновники производили проверки, следя, к примеру, затем, чтобы вместо припрятанных здоровых и выносливых лошадей не продемонстрировали кляч с целью получить деньги на их замену. Чиновники следили также за тем, чтобы жалование раздавали честно, наличными, а не натурой с армейских складов. Во французской армии с ее недостаточно оформившейся структурой командных должностей явно недоставало. Кроме короля, возглавлявшего армию, в командный состав входили коннетабль, своего рода глава военного управления, и два маршала с широкими полномочиями, а все значительные решения принимались военным советом.

Рыцари сражались в доспехах, защитном вооружении. Доспехи, снабженные многочисленными ремешками и пряжками, надевали в зависимости от сложившейся ситуации, чаще непосредственно перед боем. В начале XIV столетия вошли в употребление цельнометаллические доспехи, дополнившие кольчугу, пронцаемую для стрел. Цельнометаллические доспехи состояли из кирасы (нагрудника), набедренника и лат, прикрывавших руки и ноги. Доспехи надевались поверх шерстяной рубахи и надетой на рубаху кольчуги. Поверх доспехов надевалась короткая кожаная куртка с гербом для отождествления рыцаря. Голову защищал от ударов шлем, снабженный подвижным забралом для защиты лица. Доспехи были тяжелыми (один только шлем весил от семи до одиннадцати фунтов), зато щит — небольшим и способствовал свободе маневра.

«Ужасный змей в железном коконе» — так неизвестный автор отозвался о рыцаре в одной средневековой поэме. Конный рыцарь в бою, хотя под ним и было высокое, предназначенное для боя седло, в

действительности чаще всего стоял, опершись ногами на стремяна, и старался своим оружием поразить окружавших его врагов. Рыцарь начинал сражаться копьем, чтобы сшибить противника с лошади, при этом с одного бока у него свисал меч, а с другого — восемнадцатидюймовый кинжал. У рыцаря было и другое оружие — применявшийся как копье длинный меч, пристегнутый к седлу или отданный на время оруженосцу, а также боевой топор и булава с шарообразным утолщением на конце (любимое оружие сопровождавших армию епископов и аббатов, ибо булава не подпадала под запретное для священнослужителей правило «разить острием меча»). Боевой конь, носивший всю эту тяжесть, был и сам защищен доспехами, прикрывавшими нос, грудь и крестец. Если лошадь падала, то упавшему вместе с ней рыцарю, облаченному в увесистые доспехи, требовалось немало усилий, чтобы подняться на ноги.

Тактика ведения боя на континенте была простой: конные рыцари шли в атаку, стремясь разгромить противника, при этом в отдельных случаях их поддерживали пехотинцы и лучники, к которым рыцари относились с пренебрежением. А вот в войне англичан с шотландцами обнаружилось, что пешим солдатам, вооруженным длинными луками и обученным держать строй, вполне по силам отбить наступление конных рыцарей, поражая их лошадей. Французское рыцарство не признавало серьезной роли в войне простого народа, хотя норманнам в XI столетии удалось завоевать Англию при содействии лучника, поразившего короля саксов Гарольда II в глаз.

Правда, французы вовсе не отказывались от лучников и набирали в свои ряды геновцев,

профессионально изготавливавших луки и арбалеты, но все же они считали, что бой должен происходить в непосредственной схватке между людьми, и потому метательные снаряды вызывали у них презрение. Первый лучник, согласно песне XII столетия, был «трусом, побоявшимся приблизиться к неприятелю». Тем не менее в 1328 году в сражении при Касселе французы прибегли к помощи арбалетчиков и одержали победу.

Арбалет, стальной лук, стянутый тетивой и прикрепленный перпендикулярно к деревянному ложу, стрелял снарядами огромной пробивной силы, но был увесистым и громоздким, и на марше арбалеты с запасом стрел — по пятьдесят на каждого арбалетчика — перевозились в повозках. Арбалеты обычно использовали при осаде вражеских городов для поражения защитников города, занимавших позиции на крепостных стенах. В открытом бою ряды арбалетчиков могли смять конные рыцари. Арбалеты обладали столь ужасной пробивной силой, что в 1139 году церковь запретила их применение, но этим оружием по-прежнему продолжали пользоваться.

Конные рыцари, закованные в цельнометаллические доспехи, считали себя непобедимой, внушающей ужас силой, а к пехотинцам, набранным из простого народа, относились с пренебрежением. Рыцари полагали, что в бою на простолюдинов положиться нельзя. Конечно, без них было не обойтись — куда же без конюхов, носильщиков, фуражиров? — но вот в бою простолюдины, вооруженные пиками, при первой опасности беспорядочно отступают. Такое суждение не являлось снобизмом, а отражало реальность: простых людей военному делу не обучали, и потому в схватке проявить себя с положительной стороны они не могли. В средневековье не было эквивалента римского легиона. В

городах существовали отряды стражников, но защитить город от неприятеля самостоятельно они не могли. В любое время разница между армией и толпой заключается в боевой выучке первой, но в XIV веке простые люди военную подготовку не получали. Пехотинцев-простолюдинов презирали за неэффективность в бою, но они были неэффективны по причине того, что их презирали.

Двадцать шестого августа 1346 года между англичанами и французами произошло сражение при Креси, городке в Пикардии, находившемся в тридцати милях от побережья. Это сражение англичанами не планировалось. Узнав, что французский король в результате призыва в армию собрал крупное войско, Эдуард решил уклониться от сражения с неприятелем, по крайней мере, до той поры, пока не обеспечит себе путь к отступлению, если в том возникнет необходимость. Так и не дойдя до Парижа, Эдуард двинулся на северо-запад, к морю, чтобы предположительно добраться до Фландрии, где стояли английские корабли. Если его намерения были таковыми в действительности, то вряд ли они могли возвести его на французский престол.

Французская армия ускоренным маршем устремилась навстречу противнику, чтобы перехватить англичан, пока они не достигли моря. Заметив французов и придя к мысли, что боя не избежать, Эдуард занял позицию на широком холме вблизи городка Креси. Французские рыцари не сомневались в своей победе и еще перед битвой рассуждали о том, кого из известных английских рыцарей они возьмут в плен. Только Филипп

VI, «мрачный и озабоченный», не разделял общей уверенности в победе.

Французы подошли к будущему полю сражения к четырем часам пополудни, попав на марше под дождь; это привело к тому, что тетива арбалетов, которыми были вооружены наемники-генуэзцы, намокла, что сказалось на готовности этого оружия к бою. Да и вся готовность французов к схватке оставляла желать много лучшего. Плана сражения французы не разработали, войско было неуправляемо, дисциплина отсутствовала, а французские рыцари отличились лишь своей бравадой и бесшабашностью.

Перед началом сражения французскому королю посоветовали отложить бой на день, ибо войско устало за время долгого перехода. Филипп VI приказал авангарду немедленно отступить, но его приказ не был выполнен. В авангарде французского войска находились арбалетчики-генуэзцы, и предполагалось, что они первыми вступят в бой, чтобы обрушить град стрел на позиции неприятеля и тем самым нарушить его боевой порядок. Однако этого не случилось. Не дав арбалетчикам вступить в бой, французские рыцари устремились на вершину холма. И тогда за дело взялись английские лучники. Не выдержав града стрел, генуэзцы повернули назад, бросая оружие и мешая своим рыцарям наступать. Увидев, что генуэзцы бегут, то ли Филипп, то ли его брат граф Алансонский вскричал: «Убейте этих мошенников, что на нашем пути!» Французы предпринимали одну атаку за другой, но все их усилия были тщетными: английские стрелки, вооруженные длинными луками, стойко держали строй, сея смерть среди нападавших. Отбив атаки французов, англичане сами перешли в наступление силами лучников, рыцарей

и вооруженных палками пехотинцев. Англичан поддерживали валлийцы, которые добивали ножами врагов, получивших ранения и неспособных выйти из боя. Сражением, находясь на холме, руководил Эдуард, а принц Уэльский сражался во главе рыцарей. Сражение продолжалось до позднего вечера. В конце боя Филипп VI получил ранение, и граф д'Эно, взяв его коня под уздцы, увел короля с поля боя, попытавшись его утешить: «Сир, не падайте духом!» В сопровождении свиты из пяти человек король доскакал до ближайшего замка. На стук в замковые ворота отозвался дворецкий, заинтересовавшийся, кто стучит. «Немедленно открывай! — ответил король. — От этого зависит судьба Франции».

Французы в сражении при Креси потерпели жестокое поражение, потеряв убитыми четыре тысячи человек. Вероятно, среди погибших был и Ангерран де Куси VI, а вот с полной определенностью можно сказать, что в этом сражении погибли брат короля граф Алансонский, граф Фландрии Людовик Неверский, граф де Сен-Поль, граф де Сансерр, герцог Лотарингский, король Майорки и наиболее известный из всех павших на поле боя король Богемии Иоанн Слепой, чей шлем с тремя страусиными перьями и девизом «Я служу» (*Ich dien*) принц Уэльский забрал себе. Карл, сын Иоанна, менее опрометчивый, чем отец, вовремя оценив обстановку, покинул поле брани до окончания боя.

Французы проиграли сражение при Креси не потому, что проявили меньшую храбрость, чем неприятель. Они уступили англичанам в организованности. Англичане — рыцари, стрелки излука и пехотинцы — действовали в

бою слаженно, согласованно, сообразно разработанной ими тактике.

В средневековье преследование разгромленного противника в стратегические планы победителей не входило, и потому, вероятно, немного ошеломленный своей победой, Эдуард даже не попытался развить успех. После сражения англичане весь день подсчитывали и опознавали убитых, хоронили с почетом погибших аристократов и определяли выкуп за знатных пленников. После этого Эдуард, несмотря на то, что объявил себя законным королем Франции, потерял интерес к Филиппу, укrywшемуся в Амьене. Держась побережья, Эдуард повел свое войско к Кале, французскому порту на берегу пролива Па-де-Кале. Встретив упорное сопротивление неприятеля, англичане осадили Кале и увязли в этой осаде на целый год.

Поражение французского рыцарства при Креси постепенно привело к серьезным последствиям. Хотя поражение это не обернулось крушением французской монархии, оно подорвало доверие к государственной власти, а когда король в очередной раз увеличил налоги, и вовсе вызвало народное возмущение. С этого времени также началось умаление веры в способность аристократов управлять государством.

Филипп VI не обладал твердым характером и не был таким предприимчивым и толковым правителем, как Филипп Красивый и Людовик Святой, а его советники были не в состоянии провести военные и финансовые реформы для предотвращения надвигавшегося кризиса в экономике. Провинциальные штаты (собрания трех сословий), чье согласие требовалось для установления в стране новых налогов, сопротивлялись нововведениям и

не смогли выявить финансовый кризис до его наступления.

Получив в наследство несовершенную и устаревшую государственную систему, король был вынужден самолично ввести в стране новые и, разумеется, вызвавшие недовольство налоги, такие как соляной и налог с продаж, названные в народе *meltote* (поборами). Однако в связи с расстройством финансов, упадком банковского и кредитного дела и ростом розничных цен, меры, предпринятые Филиппом, лишь ухудшили финансовое положение государства, и в 1343 году Филиппу пришлось согласиться на девальвацию — уменьшение государством металлического содержания денежной единицы; но это привело лишь к новому росту цен. «То, что раньше стоило три денье, теперь стоит пятнадцать», — писал некий хронист.

В 1347 году (после потери Кале) Филипп VI для получения средств, необходимых для дальнейшей войны с англичанами, созвал Генеральные Штаты (сословно-представительное учреждение из депутатов от духовенства, дворянства и горожан, впервые созванное в 1302 году Филиппом IV). Королю было необходимо усилить войско и флот в связи с угрозой нового английского наступления. Генеральные Штаты, припомнив королю все поражения, заявили, что его королевский совет совершенно некомпетентен в вопросах войны и мира, что и привело к ужасным последствиям. Если бы королевский совет состоял из рассудительных и толковых людей, то ни одному иноземцу не удалось бы унижить Францию. Королю также напомнили, что он потратил огромные деньги на войну с англичанами, а в результате французы потерпели страшное поражение при Креси и потеряли Кале, а сам

король настаивал на заключении с англичанами перемирия, хотя в это время противник находился на территории Франции и не думал ретироваться. После такой нелюбезной оценки деятельности Филиппа и его военных советников Генеральные Штаты все же согласились предоставить короне субсидии на укрепление армии, но на определенных условиях.

Пока шла осада Кале, Эдуард решил укрепить союз с Фландрией выдав замуж свою дочь Изабеллу за Людовика Мальского. Однако пятнадцатилетний Людовик отказался пойти под венец с дочерью человека, виновного в смерти его отца, заявив, что ничто не склонит его к ненавистному браку, «даже если ему посулят половину английского королевства». Когда фламандцы осознали, что их господин держит сторону французского короля, они посадили его в тюрьму, пообещав выпустить на свободу, как только он согласится жениться на Изабелле. Пробыв в тюрьме несколько месяцев, Людовик согласился на брак. Его освободили и даже разрешили охотиться, но под таким строгим надзором, что «он даже не мог помочиться без присмотра».

В начале марта 1347 года Эдуард вместе с женой и дочерью Изабеллой прибыл во Фландрию. Состоялась помолвка, был подписан брачный контракт и назначен день свадьбы. Людовик теперь всем своим видом показывал, что рад жениться на Изабелле, и фламандцы ослабили надзор, упустив из вида то обстоятельство, что Людовик «в душе был французом». За несколько дней до свадьбы Людовик, как обычно, отправился на охоту. Когда его сокол устремился за цаплей, он поспешил

вслед за птицей и скакал до тех пор, пока не оказался во Франции. Встретившись с Филиппом VI, Людовик рассказал ему, как «хитро поступил», чтобы избежать брака с английской принцессой. Французский король возрадовался и поспешил женить Людовика Мальского на дочери герцога Брабантского Маргарите.

Бегство Людовика нанесло сильный удар по устремлениям Эдуарда, но еще больше расстроило его пятнадцатилетнюю дочь. Французский поэт Жан де Венет написал по этому поводу песню, в которой рассказал о поруганной любви Изабеллы и о ее навеки разбитом сердце. Четыре года спустя Изабелла взяла своего рода реванш, оставив нового жениха почти на пороге церкви. Возможно, из-за этих двух неудач, а может, из-за своего своенравного, неуступчивого характера Изабелла так и не побывала замужем, когда спустя еще несколько лет встретила с Ангерраном VII.

Тем временем осада Кале англичанами продолжалась, и Филипп VI, собрав войско, решил помочь защитникам города. Однако ему не хватило денег на выплату жалования солдатам и на сопутствующие расходы, и Филипп, не дойдя до Кале, повернул обратно. В Кале начался голод, и, когда горожане съели всю городскую живность, включая крыс и мышей, защитники города решили капитулировать. Комендант Кале капитан Жан де Вьен, с непокрытой головой и держа меч рукояткой вперед в знак покорности, направился к англичанам, чтобы вручить Эдуарду ключи от города. За де Вьеном шли босиком шесть наиболее состоятельных горожан с веревками на шеях, смиренно соглашаясь с тем, что их могут повесить. Раздраженный длительным сопротивлением защитников города, в результате чего осада Кале непозволительно затянулась, Эдуард повесил

бы пленников, но за них заступилась его жена королева Филиппа.

Длительная осада Кале, завершившаяся в августе 1347 года, утомила людей и истощила ресурсы английской армии. Английские экспедиционные силы испытывали острую нужду в подкреплениях, лошадях, вооружении, продовольствии, а реквизиции скота и зерна вызывали дома, в Англии, немалые трудности. К тому же мобилизация кораблей на военные нужды подрывала торговлю, что негативно сказывалось на размере налогов, поступавших в государственную казну от экспорта шерсти. В военной кампании англичан, кульминациями которой стали сражение при Креси и осада Кале, принимали участие от шестидесяти до восьмидесяти тысяч солдат (включая вспомогательные войска), и содержать дальше такую большую армию у Эдуарда не было средств — военная добыча и другие поступления в государственную казну будущих расходов не покрывали. Взятие Кале, который англичане превратили в опорный пункт для дальнейшего потенциального наступления, привело лишь к заключению перемирия, длившегося до апреля 1351 года.

Во время этого перемирия воевавшие до того стороны могли сделать трезвые выводы из проведенной ими кампании. Десять лет войны должны были показать англичанам, насколько незначительны их успехи. Одержав победу на море в бою при Слюйсе, разгромив противника при Креси и наконец взяв Кале, англичане были тем не менее далеки от завоевания Франции. Однако возможность обогатиться за счет военной добычи и славословие герольдов, оповещавших народ о блистательной небывалой победе в сражении при Креси,

будоражили англичан, побуждая к новым свершениям. Что касается французов, то они были озабочены мыслью вернуть Кале. Эсташ Дешан, французский поэт, страстно провозгласил: «Ни слова о мире, пока мы не вернем Кале». Настроения французов и англичан свидетельствовали о том, что война вот-вот вспыхнет снова. Но случилось так, что в 1347 году Европа столкнулась с самой губительной катастрофой за обозримый период в истории человечества.

ГЛАВА 5

«ЭТО КОНЕЦ СВЕТА»: «ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ»

В сентябре 1347 года в Мессину, порт на Сицилии, пришли генуэзские торговые корабли с уже умершими или умирающими матросами. Генуэзцы приплыли из Каффы (нынешней Феодосии), где у них находился опорный торговый пункт. У умирающих моряков под мышками и в паху были странные опухоли (бубоны) размером с яйцо, из которых сочилась кровь с гноем, а их кожа была покрыта фурункулами и темными пятнами. Вскоре от этой болезни слегли и другие люди. Они испытывали невыносимую боль и умирали спустя пять дней после появления первых симптомов страшной болезни. Когда болезнь распространилась, у некоторых больных вместо бубонов началась лихорадка с сопутствовавшим кровохарканьем. Эти люди вдобавок ужасно кашляли, сильно потели, а умирали даже быстрее пораженных бубонами. Физические мучения заболевших сопровождались душевными муками, чувством полной

безысходности, и одного взгляда на больного было достаточно, чтобы понять, что он на пороге смерти.

Болезнь оказалась чумой, имевшей две формы: бубонную и легочную. Бубонная чума, передававшаяся здоровому человеку при контакте с больным, поражала кровеносную систему, вызывала бубоны и внутренние кровоизлияния. Легочная чума (наиболее опасная) передавалась здоровому человеку с мельчайшими капельками мокроты, выделявшимися больным, и вызывала тяжелое воспаление легких. Обе формы чумы имели высокую скорость распространения и отличались высокой смертностью. Бывали случаи, когда человек, казалось, ложился спать здоровым и умирал в течение ночи. Болезнь так быстро распространялась, что французский врач Симон де Ковино говорил, что один больной чумой человек «может заразить все человечество». Положение осложнялось тем, что в те времена люди не имели понятия ни о мерах предупреждения этой страшной болезни, ни о средствах ее лечения.

Физические страдания при чуме и ее «мистическое происхождение» описаны в странной валлийской погребальной песне, в которой рассказывается о том, что «чума застигает нас черным дымом, она — немилосердный дух, что косит людей, не жалея даже молодых и прекрасных... О горе мне! У меня под мышкой бубон величиной с шиллинг цвета пепла... Голова болит нестерпимо, она полна раскаленных углей... По всему телу сыпь, как россыпь мелких монет или черной смородины».

Чума, как предполагали в XIV столетии, зародилась в Китае, а затем через Центральную Азию

распространилась в Индии, Персии, Месопотамии, Сирии и Малой Азии. По сведениям, дошедшим до нашего времени, болезнь была настолько опустошительной, что в Индии погибло большинство населения. Во многих ее районах земля была усеяна трупами, а в некоторых районах в живых не осталось ни одного человека. По оценке папы Климента VI, от чумы погибли 23 840 000 человек. Европе болезнь не угрожала до той поры, покуда в Мессину не пришли корабли с заболевшими моряками, а другие суда, также с заболевшими матросами на борту, не пришли из Леванта в Геную и Венецию.

К январю 1348 года чума через Марсель проникла во Францию, а через Тунис — в Северную Африку. Из Марселя через порты Лангедока зараза морем добралась до Испании, а по Роне — до Авиньона, где она появилась в марте. В то же время чума распространилась в Нарбонне, Монпелье, Тулузе и Каркассоне, Риме и Флоренции. Летом чума проникла в Бордо, Лион и Париж, распространилась в Бургундии и Нормандии и наконец через Английский канал пришла в Англию. В то же лето губительная болезнь, перевалив через Альпы, оказалась в Швейцарии, а затем добралась до Венгрии.

Чума, как правило, свирепствовала от четырех до шести месяцев, но в городах с большим населением, взяв передышку на зиму, давала о себе знать еще в течение полугола. В 1349 году страшная болезнь возобновилась в Париже, откуда проникла в Пикардию, Фландрию и Нидерланды. В то же время из Англии чума попала в Шотландию, Ирландию и наконец в Норвегию, после того как в Берген прибило корабль с английской шерстью, весь экипаж которого погиб в пути от чумы. Из Норвегии чума пришла в Швецию, Данию, Пруссию, Исландию и

даже в Гренландию. В середине 1350 года чума охватила почти все европейские страны, за исключением Богемии и России, где она появилась в 1351 году. Смертность от чумы различалась — от одной пятой до девяти десятых населения, но в некоторых районах умерли почти все. Общая смертность, по оценке современных демографов, на территории от Индии до Исландии составила примерно треть всего населения. Это же число приводит в своем труде Фруассар. Правда, его оценка заимствована из Откровения святого Иоанна Богослова, утверждавшего, что «от язв... умерла третья часть людей».

В XIV веке треть европейского населения составляла приблизительно 20 миллионов человек. Но на самом деле никто точно не знал, сколько людей умерли во время чумы — точного подсчета в те времена, разумеется, не велось. По свидетельству одного из хронистов, в Авиньоне ежедневно умирали 400 человек, а по данным другого, на единственном кладбище каждые шесть недель хоронили 11 000 скончавшихся от чумы жителей города. К тому же хронисты допускали явные преувеличения. Так, по сведениям одного очевидца, в Авиньоне от чумы умерли 62 000 человек, а по данным другого, в два раза больше, хотя все население Авиньона, вероятно, составляло менее 50 000 человек. Когда в Авиньоне мест на кладбище не осталось, трупы бросали в Рону, пока не стали рыть ямы для общих могил. В Лондоне трупы укладывали в ямы рядами, почти до самого верха. Во Флоренции мертвых хоронило Общество милосердия (основанное в 1244 году для ухода за больными и сирыми), члены которого носили красные мантии и капюшоны с прорезями для глаз. Когда они перестали справляться со своими обязанностями,

мертвые лежали на улицах, распространяя ужасный запах. Когда кончались гробы, мертвых хоронили на досках на кладбищах или укладывали в общую яму. Неглубокие ямы раскапывали собаки и пожирали покойников.

Перед смертью больные, кроме физических, испытывали и душевные муки, ибо не имели возможности исповедаться — священников не хватало, да и сами священнослужители умирали. Выход из положения нашел английский епископ: он разрешил мирянам исповедоваться друг другу — «и даже женщине, если нет рядом мужчины». Климент VI, оценив обстановку, отпустил грехи всем заболевшим чумой. «И не слышался колокольный звон, — писал хронист из Сиены, — и никто не оплакивал умерших, ибо каждый ожидал смерти сам. И люди говорили: „Наступил конец света“». Как сообщают хронисты, в Париже, где чума свирепствовала весь 1346 год, ежедневно умирали 800 человек, в Пизе — 500, в Вене — от 500 до 600 человек. Флорентийцы, обессиленные голодом 1347 года, потеряли от шестнадцати до восьмидесяти процентов населения. Две трети жителей умерли в Гамбурге, Бремене и Венеции. В городах, в связи с приездом иногородних, смертность от чумы была выше, чем в сельской местности, но и в некоторых деревнях смертность была высокой. В Живри, богатой бургундской деревне с населением от 1200 до 1500 человек, за четырнадцать недель умерли более шестисот жителей. В трех деревнях Кембриджшира умерло сорок семь, пятьдесят семь и семьдесят процентов населения соответственно. Когда оставшиеся в живых в деревне, наиболее пострадавшей от мора, ушли из нее, она перестала существовать.

В закрытых учреждениях, таких как, к примеру, монастыри, стоило заболеть одному человеку, как вслед за ним умирали и другие члены сообщества. В Монпелье из ста сорока доминиканцев выжили только семь человек. Брат Петрарки Герардо, картезианец, похоронил настоятеля монастыря и тридцать четыре монаха, иногда предавая земле трех умерших в день, пока не остался один с собакой, после чего отправился на поиски иного жилища. Хронист францисканец Джон Клин из Килкенни, Ирландия, писал, что «весь мир во власти сил зла», но полагал, что мор со временем кончится, а затем и «испарится из памяти тех, кто придет после нас». Он считал, что вскоре и сам умрет, и просил продолжить его работу. Следующая запись в его труде сделана другим человеком. Джон Клин умер, но его имя осталось в истории.

В XIV веке самыми крупными европейскими городами с населением около ста тысяч человек были Париж, Флоренция, Генуя и Венеция. Более пятидесяти тысяч жителей насчитывали Гент и Брюгге (во Фландрии), а также Милан, Болонья, Рим, Неаполь, Палермо и Кельн. Население Лондона составляло менее пятидесяти тысяч человек, и он был единственным городом в Англии, за исключением Йорка, где проживали более десяти тысяч жителей. От двадцати до пятидесяти тысяч жителей насчитывали французские Бордо, Тулуза, Монпелье, Марсель и Лион, испанские Толедо и Барселона, итальянские Сиена и Пиза, а также торговые города Ганзы. Все эти густонаселенные города жестоко пострадали от мора, чума унесла в них от трети до двух третей населения. А вот из всех европейских стран более всего от чумы, видимо, пострадала Италия. Если весь мир действительно находился «во власти сил зла», то они

наиболее проявили себя в этой стране. В 1343–1344 годах обанкротились флорентийские банки, в 1347 году во Флоренции и Сиене вспыхнул ужасный голод, причиной которого послужил неурожай зерновых, затем началось восстание под предводительством Кола да Риенци, породившее анархию в Риме, а в январе 1348 года случилось разрушительное землетрясение, от которого пострадали итальянские земли от Неаполя до Венеции. И на пике всех этих бедствий разразилась чумная эпидемия. Ужас, вызванный мором, привел, как отмечали хронисты, к заторможенности и умалению чувств. («В эти дни хоронили без сожаления и предавались любви без страсти».)

В Сиене, где от чумы умерло больше половины жителей, прекратили возводить огромный собор, который своими размерами должен был превзойти все прочие соборы мира. Строительные работы так и не возобновились из-за нехватки рабочих и «скорби и уныния» выживших. Недостроенный неф этого готического собора стоит до сих пор как свидетельство страшной трагедии прошлого. Аньоло ди Тура, хронист из Сиены, писал, что страх заразиться смертельной болезнью подавлял все другие чувства. «Отец избегал детей, жена — мужа, брат — брата, ибо чума, казалось, передается дыханием и даже взглядом больного. Но и осторожность не помогала, все умирали. Я сам похоронил пятерых детей». Смерть от чумы не объединяла людей в общем горе, а, наоборот, разобщала. «Нотариусы отказывались приходить к умирающим, чтобы составить завещание, — писал францисканский монах с Сицилии, — и даже священники не приходили исповедовать умирающих». Священник Кентерберийского архиепископства сообщал, что некоторые

священнослужители «отказывались выполнять свои непосредственные обязанности, страшась заразиться». О подобном отчуждении людей друг от друга писал и Боккаччо, описывая чуму во Флоренции в «Первом дне» «Декамерона»: «Бедствие вселило в сердца мужчин и женщин столь великий страх, что брат покидал брата, дядя — племянника, сестра — брата, а бывали случаи, что и жена — мужа, и, что может показаться совсем невероятным, родители избегали навещать детей своих и ходить за ними, как если бы то не были родные их дети». Преувеличение и пессимизм литературных произведений были характерны для XIV столетия, но Ги де Шольяк, врач папы римского, был здравомыслящим человеком, наблюдавшим за ужасным феноменом; однако и он писал: «Отец не подходил к сыну, а сын к отцу. Милосердие исчезло».

Но не совсем. В Париже, как свидетельствует Жан де Венет, монахини Отель-Дье, муниципальной лечебницы, «не страшились смерти и ухаживали за больными со смирением и любовью». Когда одни монахини умирали, их сменяли другие, и «теперь, как мы верим, многие покоятся с миром в Божьих объятиях».

Когда в июле 1348 года чума пришла в Северную Францию, она сначала распространилась в Нормандии. На церквях наиболее пострадавших в Нормандии деревень вывесили черные флаги, знак то ли скорби, то ли предупреждения. «Смертность среди нормандцев была столь высокой, — писал некий монах, — что пикардийцы [чума пришла в Пикардию лишь год спустя] посмеивались над ними». Так же не по-соседски повели себя и шотландцы, узнав, что губительная болезнь косит «южан». Шотландцы даже стали собирать силы для вторжения в Англию, «смеясь над своими врагами», но

вторгнуться в Англию не успели — чума пришла и в Шотландию.

Летом 1349 года чума пришла в Пикардию, и в замке Куси Екатерина умерла вместе со своим мужем. Пощадила ли болезнь ее девятилетнего сына, или он в это время был в другом месте, доподлинно неизвестно. На создавшееся положение в Пикардии люди реагировали по-разному. В Амьене мастеровые кожевенной фабрики, ссылаясь на потери рабочей силы, объединились и потребовали увеличить им жалование. В деревне, не затронутой, в отличие от других, страшной болезнью, селяне то и дело танцевали под бравурную музыку, полагая, что «весельем своим» отпугнут чуму. А вот Жиль ли Мюизи, настоятель аббатства Святого Мартина, рассказывал о том, что городские пономари решили заработать на эпидемии и с этой целью день и ночь звонили в колокола. Объятый погребальным звоном колоколов, город пребывал в страхе, и муниципальные власти в конце концов положили предел этому звону и заодно запретили носить траурные одежды, а хоронить умерших разрешали не более чем двум родственникам. По такому же пути пошли и муниципальные власти большинства других городов. Так, в Сиене запретили носить траур всем, за исключением вдов.

Состоятельные люди, спасаясь от эпидемии, уезжали из городов в поисках безопасного пристанища. Боккаччо в «Декамероне» рассказывает о том, как «дамы с несколькими прислужницами и трое молодых людей с тремя слугами» нашли себе для пристанища место, которое «лежало на небольшом пригорке, со всех сторон несколько отдаленном от дорог». Вокруг этого места были «полянки и прелестные сады, колодцы свежей воды и погреба, полные дорогих вин». В то время бедные

люди умирали у себя дома и «давали о том знать соседям не иначе как запахом своих разлагавшихся тел».

Шотландский хронист Иоанн Фордунский отмечал, что чума поражала гораздо чаще бедных людей, чем людей состоятельных. Такого же мнения придерживался и Симон де Ковино из Монпелье. Он полагал, что нужда и изнурительная тяжкая жизнь делают бедняков более восприимчивыми к болезни, но это являлось лишь частью правды. Другая часть правды заключалась в тесных контактах между людьми и недостатках санитарии. Было также замечено, что молодые умирают в большей пропорции, чем люди старшего возраста. Симон де Ковино сравнил истребление молодых с быстрым увяданием полевых цветов.

В сельской местности крестьяне умирала один за другим. Оставшиеся в живых впадали в апатию, не работали в поле, не пасли скот. Крупный рогатый скот, а также ослы, козы и овцы, свиньи и куры без присмотра дичали и тоже погибали от смертельной болезни. В Англии овцы гибли повсюду, да еще скопом. Генри Найтон, каноник Лестерского аббатства, сообщал, что только на одном пастбище погибло пять тысяч овец. «Их разложившиеся тела испускали такое зловоние, что ни один зверь и ни одна птица даже не приближались к ним». В австрийских Альпах волки приближались к пасущимся овцам, но, «словно получив предупреждение об опасности, поворачивали назад и убегали, поджав хвосты». А вот в Далмации волки ворвались в пораженный болезнью город и напали на оставшихся в живых горожан. Из-за недостатка пастухов скот перемещался с места на место и умирал, заразившись чумой. Та же участь постигала собак и кошек.

В средневековье жизнь людей во многом обеспечивал хороший урожай зерновых. Но из-за всеобщего мора «работников не хватало, — писал Генри Найтон, — и неоткуда было ждать помощи». Чувство беспросветного будущего порождало отчаяние. Баварский хронист из Нойберга на Дунае отмечал, что «мужчины и женщины походили на безумцев и не имели никакого желания позаботиться о своем будущем». Необработанные поля зарастали сорной травой, плотины рушились, и соленая морская вода заполняла прибрежные низменности. Английский хронист Томас Уолсингем полагал, что «прежнее благополучие никогда не вернется».

От чумы умирали и обеспеченные знатные люди. Умер Альфонс XI, король Кастилии и Леона, а его сосед король Арагона Педро потерял жену Леонору, дочь Марию, а затем и племянницу. У Иоанна Кантакузина, византийского императора, умер сын. В 1349 году во Франции, в то же время, что и мать Ангеррана, умерла королева Иоанна и ее невестка Бонна Люксембургская. Еще одной жертвой чумы стала Иоанна, королева Наварры, дочь Людовика X. В Бордо умерла вторая дочь Эдуарда III Иоанна, собиравшаяся выйти замуж за Педро, наследника кастильского трона. Женщины, возможно, умирали чаще мужчин, ибо больше проводили времени дома, где была большая вероятность заразиться от блох. Умерла и Фьяметта, жена Боккаччо и внебрачная дочь неаполитанского короля. Не пережила чуму и Лаура, возлюбленная Петрарки. Он восклицал: «О счастливые потомки, на долю которых не выпадет такое большое горе и которые посчитают наши повествования небылицами».

Флорентийский историк Джованни Виллани умер в возрасте шестидесяти восьми лет, оборвав свой труд незаконченным предложением: «... *e dure questo pistolenza fino a...* (в разгар этого мора ушли из жизни...)». Вероятно, во время чумы погибли братья Амброджо и Пьетро Лоренцетти, художники из Сиены, о которых после 1348 года не упоминалось ни в одном документе. Должно быть, та же участь постигла Андреа Пизано, флорентийского архитектора и скульптора. Вероятно, в то же время умерли английский философ Уильям Оккам и английский мистик Ричард Ролл де Хэмптон. Пали жертвой чумы мэр Лондона Джон Палтени и губернатор Кале Джон Монтгомери.

Среди священнослужителей и врачей в силу их специальности смертность от чумы была самой высокой. По некоторым данным, в Венеции из двадцати четырех врачей умерли двадцать. Правда, согласно другому источнику, некоторые врачи покинули город или просто не выходили из дома. А вот в Монпелье, с его хорошо развитой медициной, по словам Симоно де Ковино, «ни один врач не уехал из города». В Авиньоне Ги де Шольяк посещал больных, по его собственному признанию, лишь потому, что боялся нанести ущерб своей репутации, но при этом «постоянно испытывал страх». В конце концов он тоже заразился чумой, но излечился благодаря своему лекарству. Если так, он был одним из немногих, кто оправился от болезни.

Смертность священнослужителей варьировалась в зависимости от их ранга. Хотя треть кардиналов сошла в могилу (что соизмеримо со смертностью среди всего населения), вероятно, это произошло потому, что все они жили в густонаселенном Авиньоне. В Англии в августе 1348 года умер Джон Стратфорд, архиепископ

Кентерберийский, а за ним в странной по времени очередности ушли из жизни его преемники: первый умер через три месяца после кончины Стратфорда, а второй — спустя тот же срок после смерти предшественника. Несмотря на столь фатальные стечения обстоятельств, прелаты умирали гораздо реже, чем священнослужители более низкого ранга. Даже если священники избегали посещать умирающих, их смертность была примерно такой же, как и у всего населения.

Уходили из жизни и представители власти, сокращение численности которых способствовало хаосу в государстве. В Сиене умерли четверо из девяти муниципальных чиновников. Во Франции погибла треть королевских нотариусов. В Бристоле умерли пятнадцать из пятидесяти двух членов городского совета. Эпидемия отрицательно сказывалась и на сборе налогов. Во Франции во время чумы в государственную казну поступила лишь часть субсидий, обещанных Филиппу VI провинциальными штатами.

Чуму сопровождали беззаконие и безнравственность в той же мере, что и чумную эпидемию 430 года до н. э. в Афинах. Тогда Фукидид писал: «С появлением чумы в Афинах все больше начало распространяться беззаконие. Проступки, которые раньше совершались лишь тайком, теперь творились с бесстыдной откровенностью. Действительно, на глазах внезапно менялась судьба людей: можно было видеть, как умирали богатые и как люди, прежде ничего не имевшие, сразу же завладевали всем их добром. Поэтому все ринулись к чувственным наслаждениям, полагая, что и жизнь, и богатство одинаково преходящи».

Человеческая природа существенно не меняется. Еще святой Иоанн Богослов, описывая в своем Откровении обрушившиеся на человечество «язвы», с осуждением говорил: «Люди, которые не умерли от этих язв, не раскаялись в делах рук своих... И не раскаялись они в убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блудодеянии своем, ни в воровстве своем».

В средневековье первопричина чумы людям была неведома, и никто даже не предполагал, что распространителями этой болезни являлись блохи и крысы. Хотя блохи, естественно, были в тягость, в отчетах и повествованиях о чуме о них не говорится ни слова, а о крысах упоминалось только в фольклоре. Так, в 1284 году появилась легенда о Крысолове. Возбудитель чумы микроб *Pasturella pestis* был описан только в XIX веке. Паразитируя в желудке блохи и в кровеносной системе крыс, чумной микроб передавался как людям, так и животным укусами блох и крыс. В средневековье этот микроб путешествовал вместе с небольшими черными крысами, селившимися на судах, или вел «оседлую жизнь» вместе с крысами, обитавшими в канализационных системах. Какие условия способствовали переходу микроба из безвредной формы в опасную, неизвестно, но появление чумы в XIV столетии, как ныне считают, началось не в Китае, а в Центральной Азии, откуда болезнь распространилась по караванным путям. Незавидное первенство в свое время приписывали Китаю, видимо, по той причине, что в тридцатых годах XIV столетия в этой стране наблюдалась большая смертность среди населения, вызванная голодом, последовавшим за засухой, и когда в 1346 году

чума появилась в Индии, то решили, что она пришла из Китая.

Смертельная болезнь, распространившаяся в середине XIV столетия, медицинского названия не имела. Позже ее стали называть «Черной смертью», а во время первых губительных проявлений ее именовали «великим мором». В те времена с Востока поступали жуткие сообщения о диковинных смертоносных бурях, сопровождавшихся низвергавшимися с небес языками пламени и огромными градинами, «убивавшими почти все живое», да еще распространялись слухи об «огненном смертоносном дожде», сжигавшем людей, животных, деревья, камни, деревни и даже целые города. По другому источнику, «бурные порывы ветра» разносили инфекцию по Европе.

В те же времена люди, рассуждая о землетрясениях, говорили о сопутствующих этим явлениям зловонных серных парах, выделяющихся из недр земли, а иные, объясняя эти явления, толковали о титанической борьбе суши и океана, в результате которой вода может полностью испариться, и тогда рыбы погибнут и, разложившись, отравят воздух. Согласно этим источникам, люди считали, что губительные болезни вызываются отравленным воздухом и вредными испарениями, которые, в свою очередь, вызываются как природными, так и воображаемыми явлениями: от стоячих болот и озер до пагубного соединения планет, козней дьявола и Божьего гнева. Недалеко ушли от этих воззрений и средневековые медики, не имевшие никакого понятия о настоящих распространителях смертельной болезни. Впрочем, существование двух видов ее носителей — блох и крыс — усложняло проблему. Блохи любили жить и перемещаться вне

зависимости от крыс и, заразившись чумой, передавали эту болезнь людям самостоятельно. Положение еще более осложнялось тем обстоятельством, что, кроме бубонной чумы, получила распространение чума легочная, которая действительно передавалась по воздуху с мельчайшими капельками мокроты, выделявшимися больным.

Причиной возникновения чумы являлся «самый ужасный из всех существующих ужасов» — писал некий авиньонский священнослужитель своему адресату в Брюгге. О чуме знали и раньше. В V веке до н. э. эта болезнь появилась в Афинах (однако неточность изложения античными авторами симптомов болезни не позволяет с уверенностью сказать, что это была именно чума), в VI веке «великий мор» свирепствовал в Римской империи, а в XII, а затем и в XIII веке в Европе возникали спорадические вспышки смертельной болезни, но опять же нельзя с достоверностью утверждать, что это была чума. О том, что к чуме приводит контакт с больным человеком, было ясно и раньше, но каким образом передается инфекция, об этом не знал никто. Ближе всех к пониманию злободневной проблемы подошел Джентиле да Фолиньо, врач из Перуджи, преподававший медицину в университетах Падуи и Болоньи. Он предполагал, что болезнь передается «вдыхаемым и выдыхаемым воздухом». Не имея понятия о микроскопических частицах мокроты, выделявшейся больным, он полагал, что чума передается по воздуху, который инфицируется под планетарным воздействием. А вот Ги де Шольяк считал, что можно заразиться чумой «от одного лишь взгляда больного». Три века спустя Джошуа Барнс, биограф Эдуарда III, писал, что

инфекция передается «лучами, которые источают глаза больного».

Врачи, столкнувшись с необычной болезнью, не могли не обосновать ее появление с помощью астрологии, которая, как они полагали, определяет физиологию человека. Церковники астрологию порицали, но не могли помешать ее влиянию на умы. Ги де Шольяк, врач, последовательно лечивший трех римских пап, в своей практике тоже прибегал к астрологии. В труде «Хирургия» он не только описал средства анестезии, такие как болиголов, мандрагора и опиум, но и рекомендовал использовать при определенных болезнях кровопускание и слабительное в зависимости от положения планет, а также писал, что на хронические болезни влияет Солнце, а на острые болезни — Луна.

В 1348 году Филипп VI повелел медицинскому факультету Парижского университета выяснить причины ужасного бедствия, которое угрожает всему человечеству. Ученые мужи представили королю пространное заключение, резюмировав, что губительную болезнь вызвало тройное соединение Марса, Юпитера и Сатурна в созвездии Водолея, случившееся 20 марта 1345 года, но в то же время мудрецы признали, что природа воздействия этого явления на людей недоступна для понимания. Это заключение стало официальным, его перевели с латыни на многие языки, и оно было признано единственно правильным даже арабскими врачами Кордовы и Гранады. В связи с тем что интерес к проблеме был чрезвычайно высоким, перевод труда французских ученых на национальные языки способствовал развитию письменности, что стало единственной пользой от «великого мора».

Заключение французских врачей нашло распространение и признание в научных кругах, а простые люди считали, что «великий мор» — Божья кара за человеческие грехи. Маттео Виллани сравнивал чуму с Всемирным потопом и считал, что цель смертельной болезни — истребить человечество. Стали предприниматься попытки смягчить Божий гнев, умиловать Всевышнего. В Руане местные власти запретили спиртные напитки, азартные игры и сквернословие. Стали устраиваться одобренные папой многолюдные шествия кающихся грешников, продолжавшиеся иногда по нескольку дней. Босые, во власяницах, посыпанные золой, стонающие и рвущие на себе волосы, а некоторые с веревкой на шее или истязаемые бичом плоть, грешники шли по улицам, умоляя святых и Деву Марию простить им грехи. Подобную картину можно увидеть в богато иллюстрированном «Великолепном часослове» герцога Беррийского. Картина изображает процессию во главе с папой и четырьмя кардиналами в алых мантиях. Папа в мольбе простирает руки к ангельской фигуре на замке Святого Ангела, а сопровождающие папу священники с мощами в руках обращают свой взор на пораженного болезнью страдальца, лежащего на земле и корчащегося от боли. На заднем плане монах в серой сутане склонился над другой распростертой на земле жертвой чумы, в то время как горожане с ужасом наблюдают за разыгравшейся сценой. (В действительности эта картина изображает процессию во время «великого мора», случившегося в VI веке во времена папы Григория I, но она актуальна и для XIV столетия.) Когда стало очевидным, что во время народных шествий чума еще

больше распространяется, Климент VI запретил подобные церемонии.

Жители Мессины, где впервые появилась чума, попросили архиепископа соседней Катаньи передать им на время мощи святой Агаты. Но жители Катаньи отказали мессинцам, и тогда архиепископ погрузил мощи в сосуд с водой и, освятив воду, доставил ее в Мессину. После того как сосуд со святой водой пронесли по улицам города, его поместили в местную церковь. И вот тогда согласно легенде, в церковь «ворвался дьявол в виде собаки; скаля зубы и орудуя зажатом в лапах мечом, он учинил в церкви погром, разрубая в куски серебряные сосуды, подсвечники и свечи на алтаре... Ужасное зрелище вогнало мессинцев в страх».

Отсутствие понятной причины «великого мора» понуждало людей объяснять его зловещее появление кознями мистических, сверхъестественных сил. Так, скандинавы во всем винили Деву Чумы, которая вырывается изо рта умершего в виде синего пламени и заражает все живое окрест. А литовцы считали, что эта злобная Дева заражает людей своим красным шарфом, просовывая его в неосторожно открывшуюся дверь или окно. Согласно легенде, некий храбрый селянин специально открыл окно и притаился за ним с обнаженным мечом в руке. Как только в проеме появилась рука с красным шарфом, он рубанул по ней. Храбрец умер, но раненая Дева Чумы в этой деревне больше не появлялась, а ее красный шарф жители повесили в местной церкви на всеобщее обозрение.

Но все же многие полагали, что чума — наказание за грехи. Климент VI в булле 1348 года отметил, что чума — «наказание Божье за грехи христиан». Такого же

мнения придерживался и византийский император Иоанн VI Кантакузин. Но если чума явилась наказанием за грехи, то и грехи должны быть чрезмерно тяжкими. Что в XIV веке считалось грехами? Ростовщичество, жадность, скупость, суетность, прелюбодеяние, лживость, богохульство, неверие в Бога.

Джованни Виллани, пытаясь найти причину многочисленных бедствий, ополчившихся на Флоренцию, пришел к мысли, что всему виной ростовщичество, как паутиной опутавшее бедных людей, и скупость властей по отношению к беднякам. В те времена нередко писали о горестях, выпавших на долю простого народа, о разорении крестьян во время войны, отмечая, что все эти невзгоды — целиком на совести общества. В то же время в средневековье вся деятельность людей — в военной, коммерческой и даже половой сфере — противоречила церковным догматам. Забыл попоститься — грех, пропустил мессу — грех.

То, что «великий мор» считали Божьим наказанием за грехи, вероятно, объясняет небольшое количество комментариев, относящихся к этому бедствию. Например, в дошедших до нашего времени документах, обнаруженных в Перигоре, несравнимо больше сведений о военных конфликтах средневековья, чем о «великом море». Фруассар только в одном труде написал о чуме а Чосер упомянул об этом бедствии лишь мельком. Видно, осуждать или даже комментировать Божий гнев считалось непозволительным.

Попытки справиться с эпидемией успеха не приносили. Не в силах облегчить страдания своих пациентов, врачи стали сжигать в их жилищах

благовонные вещества, чтобы очистить воздух. Врач Климента VI Ги де Шольяк разложил в личных покоях папы два огромных огня и рекомендовал папе сидеть между ними, хотя в помещении и без того было жарко — стояло лето. Климент VI избежал чумы, может быть, потому, что жара отпугнула блох, а он сам, по рекомендации де Шольяка, не выходил из своих покоев. Возможно, в те дни папа коротал время, любясь выполненной по его повелению фресковой живописью, изображавшей пышные сады, а также сцены охоты и прочих мирских утех. Климент VI, высокообразованный человек, слыл покровителем искусств и наук, а во время чумы ратовал за вскрытие тел погибших, чтобы выяснить причину заболевания. В Авиньоне и во Флоренции муниципальные власти платили за трупы родственникам погибших и поставляли такие трупы врачам.

Средневековая медицина сочетала в себе накопленные медицинские знания с астрологическими воззрениями. Но повседневной врачебной практике препятствовали запреты церковников на внедрение достижений в области медицины. И все же классическая анатомия Галена, впитавшая положения арабских трактатов, доводилась до сведения заинтересованной публики. Стремление к знаниям преодолевало запреты церкви: в 1340 году городской совет Монпелье разрешил раз в два года в течение нескольких дней проводить публичные медицинские лекции со вскрытием трупов для ознакомления слушателей с анатомией человека.

В то же время в средневековье бытовало учение о четырех типах темперамента — сангвиническом, флегматическом, холерическом и меланхолическом, — объяснявшее индивидуальные различия между людьми, которые следует учитывать при лечении. Согласно этому

учению, в различных сочетаниях со знаками зодиака, ответственными за определенные части человеческого тела, темперамент связывает состояние организма с соотношением в нем различных жидкостей (крови, слизи, желчи), а также определяет степень маскулинности и феминности человека.

В XIV столетии врачи обладали определенными знаниями и вполне справлялись с некоторыми болезнями и недугами. Они лечили переломы костей, пересаживали кожу, удаляли больные зубы, камни из желчного пузыря и с помощью серебряной иглы — катаракту. Они понимали, что эпилепсия и инсульт являются последствиями кровоизлияния в мозг. Для диагностики болезни они измеряли частоту пульса и проводили исследование мочи. Врачам того времени были известны слабительные и мочегонные средства, при грыже они рекомендовали носить бандаж, а зубную боль лечили смесью масла, серы и уксуса. И все же при некоторых болезнях, не поддававшихся ясному и проверенному лечению, врачи составляли невероятные смеси из минеральных, животных и растительных компонентов. При стригущем лишае больному рекомендовали мыть голову детской мочой, при подагре прописывали пластырь, пропитанный козьими экскрементами, смешанными с розмарином и медом, а заболевшему оспой рекомендовали одеться в красное и лежать в постели с красными занавесками. Когда лечение не помогало, больному следовало обращаться за помощью к святым и Деве Марии.

В пурпурных или красных одеждах и меховых колпаках, врачи средневековья пользовались особым статусом. Согласно закону, они имели право на роскошь и потому носили пояс из серебряных нитей, перчатки с

вышивкой, а, по словам Петрарки, когда врачи ехали верхом к своему пациенту, то не обходились без золотых шпор. Их женам разрешался больший выбор одежды, чем заурядным, обычным женщинам — вероятно, учитывался достаток врачей. Не все врачи были специалистами широкого профиля. Симоне, врач Боккаччо, являлся проктологом, о чем свидетельствовало изображение ночного горшка на двери его дома.

От чумы лечили самыми разнообразными средствами, пытаясь устранить из организма больного инфекцию: кровопусканием, компрессами, очищением желудка клизмой или слабительным, прижиганием или вскрытием бубона ланцетом. Для приема внутрь прописывали таблетки из растертых до порошка оленьих рогов, а также изготовленные из мирры или шафрана. Состоятельным пациентам прописывали таблетки из истолченных в порошок изумрудов и жемчуга. Считалось, что, приняв дорогостоящее лекарство, больной непременно почувствует облегчение от одного лишь сознания его дороговизны.

Во время чумы врачи разработали ряд профилактических мер, долженствовавших, как они полагали, помочь избежать опасной болезни. Согласно этим рекомендациям, следовало умыться розовой водой с уксусом, питаться легкой для желудка едой, не возбуждаться и не гневаться, особенно по ночам, воздерживаться от посещения болотистых мест, а выходя на улицу, брать с собой несколько ароматических шариков — вероятно, шарики эти отбивали неприятный запах на улице, а не являлись средством против заразы.

Как ни странно, врачи также советовали посещать общественные уборные, ибо считалось, что зловоние

отгоняет чуму. Наряду с общественными уборными существовали уборные, разумеется, и в домах, одни — с канализационными трубами, другие — в виде выгребных ям, но имелись и открытые уличные каналы, перекрытые плитами. В замках и богатых домах уборные размещались в пристройках за обращенными наружу стенами, соединяясь канализационными трубами с близлежащей рекой, а если реки поблизости не было, то ее заменяла выгребная яма. В обычных домах уборная — опять же с выгребной ямой — размещалась на заднем дворе, вдали от соседей. Нечистоты из выгребных ям нередко просачивались в колодцы и другие источники.

В некоторых аббатствах и больших замках, таких как Куси, имелись уборные, размещенные в отдельных постройках, в первом случае — для монахов, во втором — для солдат гарнизона. В замке Куси в донжоне имелись уборные на всех трех этажах, одни — с канализационными трубами, другие — с соосными им глубокими ямами, позднее ошибочно принятыми исследователями за потайные темницы.

Во время чумы, когда мусорщики и возчики умирали один за другим, города стали грязными, способствуя усилению эпидемии. Горожане могли сообща нанять нужных работников, чтобы убрать нечистоты, но вызванная ударом судьбы апатия подавляла желания и вообще всякую активность. В 1343 году Эдуард III в письме мэру Лондона выражал недовольство тем, что улицы города полны нечистот, а воздух такой тяжелый, что нечем дышать. Вероятно, король все же редко выезжал в город и ежедневно не видел многочисленные трупы на улицах, иначе он бы не повелел убирать Лондон «как прежде».

Многие города для борьбы с чумой ввели карантин. Как только чума появилась в Пизе и Лукке, муниципальные власти находившейся неподалеку Пистойи запретили жителям города возвращаться после посещения охваченных чумой городов, а также наложили запрет на ввоз в Пистойю шерсти и тканей. Дож Венеции повелел закапывать умерших от чумы на глубину не менее пяти футов. Польша ввела карантин на своих границах. Драконовские меры против чумы принял архиепископ Милана Джованни Висконти из знатного итальянского рода, чьи представители в XIV столетии отличались крайней жестокостью. Он приказал сжигать все охваченные мором дома с их обитателями, а погибших хоронить в общей могиле. То ли эти жесткие меры действительно помогли, то ли тому была друга причина, но только Милан мало пострадал от чумы. Такую же инициативу проявил и крупный феодал в Лестершире, владелец Ноузли-холла. Он сжег охваченную мором деревню, находившуюся рядом с его поместьем. Вероятно, он достиг поставленной цели — его потомки живут там до сих пор.

В 1327 году ушел в иной мир святой Рох, наделенный, как верили, большой целительной силой. Унаследовав в молодости солидное состояние, он, подобно святому Франциску, помогал беднякам, выделял деньги больницам, а вернувшись на родину из паломничества в Рим и столкнувшись с эпидемией странной болезни, стал ходить за больными. Заболев сам, он отправился в лес, чтобы там в одиночестве провести последние дни. Умереть ему не дала собака, ежедневно приносившая хлеб. Согласно легенде о святом Рохе, «в те суровые времена люди были

жестокосердными, и милосердие приписывали животным». Святой Рох поправился, но его, одетого в нищенские лохмотья, приняли за шпиона и посадили в тюрьму. Там он и умер, наполнив камеру странным светом. Тогда святость Роха признали и сочли, что Бог вылечит каждого, кто обратится к нему за помощью. Когда этого не случилось, возросла вера в то, что люди слишком безнравственны, и Бог намеревается их истребить.

Ленгленд писал:

Бог нынче глух и отвратил от нас взор.

И наши молитвы не в силах повергнуть
мор.

Верования изменились. Люди стали считать, что святые — сподвижники Бога, карающие людей за их прегрешения. «В 1348 году, году „великого мора“, враждебность Бога превысила злобу людскую», — писал итальянский юрист Бартолода Сассоферрато. Он ошибся.

Чума способствовала агрессивным настроениям в обществе, и эта агрессия вылилась, главным образом, против евреев. Их обвинили в том, что они отравляют колодцы, намереваясь «истребить всех христиан и самим управлять миром». Весной 1348 года начались гонения на евреев, а в Нарбонне и Каркассоне их стали выгонять из домов и даже сжигать на кострах. Чума, как считалось, стала Божьей карой за человеческие грехи, но излить на Всевышнего свою злобу и недовольство было немислимо, и люди стали искать врагов, на которых можно было выместить злость. Самыми подходящими врагами стали евреи, к которым христиане испытывали давнюю неприязнь еще с тех времен, когда евреи

противопоставили себя христианскому миру. К тому же, преследуя и уничтожая евреев, можно было поживиться их собственностью. В отравлении колодцев инакомыслящих или просто неугодных людей обвиняли и раньше. В Афинах подобное преступление вменили в вину спартамцам, а в начале двадцатых годов XIV столетия в таком же злодействе обвинили больных проказой, которые, как считалось, действовали по указке евреев и магометанского властелина Гранады. Во Франции в 1322 году сотни евреев были сожжены на костре. Как только разразилась чума, виновными в этом бедствии снова стали евреи. Французский придворный поэт Гийом де Машо писал:

Многие ключи и колодцы,
Доселе чистые и живительные,
Евреи по злему умыслу отравили.

Враждебность против евреев имела давние корни. При становлении христианства евреи отказались признать Иисуса Христа Спасителем, жили по Моисеевым законам, отвергали Евангелия, и отцы христианской церкви сочли, что евреи представляют опасность для христианского мира и их следует держать в изоляции. Как только в IV веке христианство превратилось в государственную религию, церковь приняла ряд эдиктов, лишивших евреев гражданских прав. Евреи в свою очередь считали христиан инакомыслящей сектой, отступниками от истинного учения, с которыми не хотели иметь никакого дела.

Отрицательно относились к евреям и многие христианские богословы. Иоанн Златоуст, константинопольский патриарх, объявил евреев

убийцами Иисуса Христа, а святой Августин в своей «Исповеди» назвал евреев «отверженными» за их неверие в то, что Христос принес себя в жертву за грехи человеческие и стал вечным искуплением для людей. Рассеяние евреев по свету воспринималось христианскими богословами как наказание за отрицание христианства.

Активное преследование евреев началось во время крестовых походов, когда вся агрессия европейцев была направлена на неверных. Руководствуясь принципом «неверные должны быть истреблены и у себя дома», крестоносцы направились в Палестину для уничтожения еврейских общин. Захват магометанами Гроба Господня был расценен как «злостное пособничество евреев», и клич «НЕР! НЕР!» (*Hierosolyma estperdida* — «Иерусалим потерян») стал призывом к насилию. Евреи выдавались за бесов, ненавидящих христиан, которых они хотят истребить.

Официальная церковь предоставляла евреям некоторые права, запретив признавать их виновными без суда, осквернять синагоги и кладбища, а их собственность отнимать безнаказанно. На практике эти запреты значили мало, ибо самим евреям не разрешалось подавать в суд на христиан, а если еврей попадал под суд, то показания христиан превалировали над свидетельствами евреев. Евреи считались слугами короля, но сам он по отношению к ним не имел никаких обязательств. В 1205 году папа Иннокентий III объявил, что евреи осуждены на вечное рабство за убийство Христа, что дало повод Фоме Аквинскому заявить: «Раз евреи — рабы церкви, она может распоряжаться их собственностью».

С развитием цехового строя евреи стали испытывать все большие трудности и стеснения. Цеха отказывали им в приеме, а в купеческие гильдии они и вовсе не допускались. Евреи занялись мелкой торговлей и ростовщичеством, хотя теоретически им запрещалось иметь дело с христианами. Однако теория нередко идет на компромисс с выгодой, и евреи обходили запрет при потворстве короля и расточительной знати, постоянно нуждавшихся в пополнении средств.

Ростовщики за ссуду, ими предоставлявшуюся, взимали проценты — двадцать и более годовых, — из которых определенная доля шла в государственную казну в виде косвенного налога. Евреи всецело зависели от воли монарха, который, преследуя свои интересы, мог выступить в их защиту, но мог также выдворить из страны и конфисковать их имущество. Знать также давала евреям возможность заниматься кредитными операциями, получая от этого свой процент. Ростовщичеством, главным образом, ведала еврейская денежная верхушка, но ненависть, которую питали разные слои населения к ростовщикам, обращалась на всех евреев. Для простых людей евреи были не только убийцами Иисуса Христа, но и корыстными и безжалостными людьми, олицетворяющими всесилие денег, которое изменило привычный уклад жизни.

В XII–XIII веках с углублением товарно-денежных отношений позиции евреев-ростовщиков пошатнулись. Они не смогли конкурировать с крупными банкирскими домами, к примеру, с таким, как флорентийский банкирский дом Барди. Короли, знать и прелаты стали обращаться за ссудами к ломбардцам (итальянским ростовщикам) и богатым купцам, а при крайней

необходимости изгоняли евреев и конфисковали их собственность.

В XIII веке с учреждением инквизиции усилилась религиозная нетерпимость, евреев стали обвинять в ритуальных убийствах христиан и обязали носить на одежде опознавательные значки. Считалось, что евреи совершают такие убийства, предположительно, из желания повторить распятие Иисуса Христа, да еще занимаются тайными ритуалами, дабы осквернить тело Христово. Также считалось, что евреи похищают маленьких детей и пьют их кровь в различных зловещих целях. Более всего этот оговор распространился в Германии, а в Англии даже Чосер, создатель английского литературного языка, устами настоятельницы монастыря, персонажа одного из своих рассказов, поведал об убийстве евреями невинного и безропотного ребенка, что привело к новой вспышке насилия над евреями. Подвергались евреи гонениям и во Франции. При Людовике Святом, рьяно следовавшем христианской доктрине, в 1224 году в Париже состоялся суд над Талмудом, собранием религиозно-этических и правовых положений иудаизма. Талмуд защищал еврейский правовед Моше бен Яков из Куси, но суд закончился predetermined обвинительным заключением и сожжением двадцати четырех повозок с иудейской литературой.

В XIII веке церковь издала ряд указав, направленных на изоляцию евреев от христианского общества, обосновав свои установления тем, что контакт с евреями приносит христианству дурную славу. Евреям было запрещено нанимать слуг из христиан, оказывать христианам медицинскую помощь, вступать с христианами в брак, продавать муку, хлеб, вино, масло,

одежду и обувь, а также строить новые синагоги. Евреев не принимали в гильдии рудокопов, ткачей, портных, сапожников, мельников, пекарей, плотников, ювелиров. Чтобы подчеркнуть их отчуждение, Иннокентий III в 1225 году предписал евреям носить опознавательный знак в виде круглого лоскута желтого цвета, который, как считалось, символизировал деньги. Позднее к этому опознавательному знаку добавили шляпу с острием наподобие рога, считавшуюся принадлежностью дьявола. Еврейским детям от семи до четырнадцати лет — как мальчикам, так и девочкам — полагалось носить на одежде зеленый или красно-белый лоскут. Церковь также учредила опознавательные значки для мусульман, осужденных еретиков и женщин легкого поведения.

Изгнание и преследование евреев сопровождалось постоянным мотивом — захватом их собственности. Хронист Уильям Ньюбургский, комментируя резню евреев в Йорке в 1190 году, отметил, что этот погром лишь в малой степени вызвало религиозное рвение, а главной его причиной послужило желание алчных и ненасытных людей поживиться за счет чужой собственности. Евреев неоднократно изгоняли из страны проживания. Вернувшись, к примеру, по вынужденному повелению французского короля, они, поселившись в одном квартале, продолжали заниматься привычным предпринимательством — ростовщичеством, выдачей ссуд под залог имущества, мелкой торговлей. В Провансе, поддерживая контакты с арабами из Испании и Северной Африки, они служили учителями и врачами.

Но евреи жили в вечной опасности. Церковь, объявив евреев врагами христианства, могла в любое время возобновить их преследование. Неудивительно, что когда в Европе разразилась чума, евреев умышленно

обвинили в отравлении ключей и колодцев. И все же в 1348 году Климент VI издал буллу, запрещающую без суда убивать и грабить евреев, а также насильно обращать их в христианство. Евреев перестали притеснять в Авиньоне и Папской области, да и в других районах и городах официальные власти попытались пресечь преследование евреев, но не сумели преодолеть общественную предубежденность, да и к тому же они не упускали из виду лакомую еврейскую собственность.

В сентябре 1348 года в Савойе состоялся первый суд над евреями, обвинявшимися в отравлении ключей и колодцев, но еще до суда, когда подсудимые находились в тюрьме, их собственность была конфискована. Обвинение на основании полученных под пытками признательных показаний вменило в вину подсудимым организацию международного еврейского заговора, составленного в Толедо. Оттуда (как говорилось в обвинительном заключении) заговорщики, с целью отравить ключи и колодцы во всей Европе, стали распространять яд, упакованный в небольшие кожаные мешочки, а вместе с ним инструкции по его применению, среди местных еврейских общин, с представителями которых общались на тайных встречах. Суд признал всех подсудимых виновными. Одиннадцать евреев были сожжены на костре, а остальных обязали ежемесячно в течение шести лет выплачивать штраф в размере ста шестидесяти флоринов за разрешение оставаться в Савойе.

Это судебное решение получило огласку и сформулировало основу для обвинения евреев в Эльзасе, Швейцарии и Германии. На собрании представителей эльзасских городов олигархи из Страсбура попытались отвести обвинения от евреев, но не были поддержаны

большинством. Таким образом, преследование евреев во время чумы носило не только характер локальных вспышек, но и вытекало из решения официальных властей.

В сентябре 1348 года папа Климент VI выпустил буллу, в которой снова сделал попытку оградить евреев от надуманных обвинений в «великом море». Он пояснил, что христиане, которые приписывают евреям появление опустошительной смертельной болезни, «обмануты дьяволом», а обвинение евреев в отравлении ключей и колодцев и вызванная этим оговором резня — «ужасная несправедливость». Папа разъяснил, что в связи с «непостижимым повелением Бога» чума поражает всех людей без разбора, включая евреев, и что она появляется даже там, где евреи не проживают, и потому вменять евреям в вину ее появление «ничем не оправдано». Он повелел духовенству защищать евреев от неправомерных нападков, как и он сам в Авиньоне, но голос папы местную враждебность к евреям преодолеть не сумел.

9 января 1349 года в Базеле всю еврейскую общину в составе нескольких сотен человек сожгли в деревянном здании, специально построенном для этой кошмарной цели на одном из островов на Рейне, после чего местные власти издали распоряжение, запрещавшее евреям селиться в Базеле в течение двухсот лет. В Страсбуре городской совет, выступавший против преследования евреев, был смещен по инициативе городских гильдий, а на его место избрали другой, призванный считаться с народным негодованием действиями евреев. В феврале 1349 года, еще до того как чума появилась в городе, евреи Страсбура, насчитывавшие две тысячи человек,

были сожжены на костре (за исключением тех, кто принял христианство).

Появились у евреев и другие враги — флагелланты, религиозные аскеты-фанатики, подвергавшие себя самобичеванию ради искупления грехов. Их движение на почве религиозного фанатизма приняло характер массового психоза и распространилось по Европе подобно чуме. Флагелланты считали себя спасителями и истязали до крови свои тела, чтобы испытать на себе страдания Христа на кресте и тем самым искупить человеческие грехи и заслужить новый шанс на благодатное развитие человечества.

Группами от двухсот до трехсот человек (а иногда, по словам хронистов, числом около тысячи) флагелланты шествовали из города в город, бичуя себя кожаными хлыстами с острыми железными наконечниками. Процессия сопровождалась призывами к милосердию Иисуса Христа и Девы Марии и возгласами «Боже, пощади нас!» и немедленно собирала толпу, заливавшуюся слезами от сострадания и сочувствия. Эти группы давали своеобразные представления неизменно три раза в день — два раза на людях на площади перед церковью и один раз в своем тесном кругу. Под руководством предводителя из мирян флагелланты объединялись в диковинные товарищества обычно на срок в тридцать один с половиной день, тем самым как бы инсценируя срок земной жизни Христа.

В течение этого срока флагеллантам не разрешалось тратить на свое содержание больше четырех пенсов в день; им запрещалось мыться, стричься, менять одежду, спать в постели, вступать в связь с женщинами. Что касается женщин, то запрет на

общение с ними был, вероятно, не слишком жестким, поскольку позднее флагелланты стали устраивать оргии, сочетавшие самоистязание с сексом. Кроме того, еще до времен, когда флагелланты начали устраивать подобные оргии, женщины входили в их группы, шествуя позади. Но если женщина или священнослужитель вмешивались в процесс самобичевания флагеллантов, наказание за грехи считалось непринятым и к нему надлежало приступить сызнова. Движение флагеллантов носило, по существу, антиклерикальный характер, ибо они брали на себя роль посредников с Богом.

Движение это зародилось в Германии, а затем распространилось в Нидерландах, во Фландрии, в Пикардии. Сотни групп флагеллантов шествовали из города в город, вызывая всеобщее возбуждение и утверждая, что без них «все христианство ожидает вечная смерть». Их повсюду благоговейно встречали, звонили в колокола, устраивали у себя на ночлег, приводили к ним на лечение хворых детей. Люди марали свою одежду их кровью, прикладывали к глазам, а затем хранили как предмет поклонения. Постепенно в ряды флагеллантов стали вливаться рыцари и светские дамы, священники и монахи, а их процессии стали украшать расшитые золотом флаги, изготовленные экзальтированными особами.

Возомнив о своей значимости, флагелланты стали противодействовать церкви. Их предводители присвоили себе право исповедовать грешников, отпускать им грехи или налагать епитимью, что не только уменьшило доходы священников, но и стало открытым вызовом церковным властям. Священников, пытавшихся воспрепятствовать, флагелланты побивали камнями, подстрекая толпу следовать их примеру. Флагелланты врывались в церкви,

срывали службы, грабили алтари, убеждали людей в своей способности изгонять злых духов и воскрешать мертвых. Движение, поначалу стремившееся спасти мир от гибели, теперь рвалось к власти, чтобы взять верх над церковью.

Церковники, а с ними и состоятельные миряне стали опасаться за свою собственность. Император Священной Римской империи Карл IV обратился к Клименту VI с просьбой запретить движение флагеллантов, но в то время, когда мир, казалось, находится на краю гибели, принять решение о пресечении инициативы людей, утверждавших, что они действуют под влиянием озарения, ниспосланного Богом, было довольно трудно. Несколько кардиналов в Авиньоне выступили против усмирения флагеллантов.

Тем временем флагелланты отыскивали себе врагов. Ими стали евреи. Войдя в очередной город, флагелланты разоряли еврейский квартал, в чем им помогали местные христиане, получившие возможность свести счеты с «отравителями колодцев». Во Фрайбурге, Аугсбурге, Нюрнберге, Мюнхене, Кенигсберге и Регенсбурге евреи подверглись полному истреблению. В Вормсе в марте 1349 года евреи в количестве четырехсот человек, чтобы не погибнуть от рук врагов, сами сожгли себя, укрывшись в своих домах. Во Франкфурте-на-Майне еврейская община поступила таким же образом, что вызвало пожар в городе. В Кельне городской совет, следуя аргументации папы, пояснил, что евреи умирают от чумы равно, как и христиане, но флагелланты собрали толпу из «тех, кому терять нечего», и разгромили весь еврейский квартал. В Майнце, где проживала самая большая еврейская община в Европе, ее члены организовали самозащиту и убили около двухсот нападавших. Однако это

сопротивление привело к взрыву ярости христиан, и они перешли в новое, более мощное наступление. Евреи отступили и запалили свои дома. В тот день — 24 августа 1349 года — в Майнце погибли шесть тысяч евреев. В том же году три тысячи евреев были уничтожены в Эрфурте.

Впрочем, на точность данных хронистов средневековья полагаться не стоит. Некоторое число евреев приняло христианство и спасло свою жизнь. Кроме того, известно, что часть евреев нашла убежище у Рупрехта Пфальцского и у кое-кого из других европейских правителей. Так, Альберт Австрийский, двоюродный дедушка Ангеррана VII, принял эффективные меры для защиты евреев на своей территории. Последние вспышки насилия над евреями произошли в декабре 1349 года в Брюсселе и Антверпене. К тому времени церковь все же осудила действия флагеллантов, и муниципальные власти перестали пускать их в города. В октябре 1349 года Климент VI издал буллу, повелев арестовывать флагеллантов, а Парижский университет пришел к заключению, что никаким особым благорасположением Бога флагелланты не пользуются. Филипп VI запретил движение флагеллантов, и их деятельность в конце концов прекратилась.

Евреи, бежавшие в Восточную Европу, стали возвращаться на прежние места проживания. В 1365 году еврейская община в Эрфурте насчитывала восемьдесят шесть семей. Евреи возвращались и в другие западноевропейские города, но их первоначальное процветание прекратилось. Изгнаниями, конфискациями, аннулированием долгов по предоставленным евреями ссудам еврейский денежный капитал был вытеснен из

крупного ростовщичества в мелкое. Евреи стали ссужать деньгами почти исключительно крестьян и ремесленников. Это мелкое ростовщичество еще более разжигало неприязнь простолюдинов к евреям, чем крупное ростовщичество, непосредственно их не касавшееся.

Как изменилась жизнь европейского населения после чумы? Пережив неисчислимые бедствия и ни с чем не сравнимый страх, европейскому обществу следовало сделать определенные выводы и изменить свою жизнь, но ничего радикального не случилось. Арендаторы Брутонского приорства в Англии даже платили приору посмертный сбор (гериот), что позволило монастырю за несколько месяцев приобрести пятьдесят голов крупного рогатого скота. Стоит сказать, что хронисты средневековья отметили: после чумы изменились правила нравственности, но изменения эти оценили по-разному. Симон де Ковино посчитал, что чума оказала губительное воздействие на мораль, отрицательно сказавшись на добродетели. А вот Жиль ли Мюизи пришел к мысли, что произошло укрепление нравственности, ибо люди, предпочитавшие раньше внебрачные связи, теперь стали вступать в брак, а игра в кости сделалась настолько непопулярной, что производители вместо них стали выпускать четки.

После чумы действительно увеличилось число браков, в основном по расчету, не по любви. Развелось столь большое число искателей богатых невест из сирот, оставшихся без родителей во время «великого мора», что муниципальные власти Гиени запретили жениться на сиротах без согласия их родни. В Англии Ленгленд

устами Петра Пахаря, героя своей поэмы, заявил, что после чумы многие пары вступают в брак без любви — из корысти или от горя, в результате чего создаются непрочные семьи, не имеющие детей. В поэме Ленгланда Петр Пахарь выступает в качестве моралиста, осуждающего брак по расчету. А вот Жан де Венет отмечал, что после чумы во многих семьях родились двойни и даже тройни, и редко какая женщина оказывалась бесплодной. Он полагал, что после «великого мора» природа восполняет людские потери.

Касался вопросов морали и хронист Маттео Виллани. Он считал, что люди, ощутив на себе Божий гнев, должны стать «более скромными, более добродетельными и более богомольными», а вместо этого «быстро забыли ужасное прошлое и стали вести более беспорядочную и постыдную жизнь, чем прежде». С уменьшением населения после чумы сократилось и число покупателей, а в связи с насыщением рынка товарами цены упали, и оставшиеся в живых принялись покупать все подряд. Бедняки стали занимать пустые дома и ели на серебре. Крестьяне захватывали бесхозный домашний скот, кузницы, мельницы, виноградные прессы и другое имущество умерших от чумы.

По словам Маттео Виллани, люди стали грубыми и бездушными, как это обычно случается после пережитого лихолетья. Негодование общества обрушилось на поднявшихся из бедноты богачей. В 1349 году в Сиене власти ужесточили законы, регулирующие расходы, ибо многие люди вдруг стали претендовать на более высокое положение в обществе, чем занимали по праву рождения или роду занятий. Однако изучение налоговых поступлений того времени свидетельствует о том, что

хотя численность населения после чумы значительно сократилась, социальные пропорции остались такими же, что и прежде.

В связи с тем, что во время чумы многие люди умерли, не оставив завещаний, в судах началась борьба за собственность, но судебные разбирательства зачастую носили сумбурный, хаотичный характер, поскольку не хватало квалифицированных юристов. Люди продолжали селиться в оставшихся без хозяев домах и захватывать бесхозную собственность. Находились мошенники, объявлявшие себя опекунами богатых сирот. Участились грабежи и разбойные нападения. В окрестностях Орвието орудовали шайки разбойников. Муниципальные власти города распорядились арестовывать всех незаконно вооруженных людей, а также замеченных в вандализме, особенно в виноградниках. Выступали власти этого города и против разросшейся проституции. 12 марта 1350 года власти напомнили горожанам о строгом наказании за сексуальные связи между христианами и евреями (особая кара предусматривалась для женщин; им отрубали голову или сжигали на костре).

В связи с уменьшением духовенства страдало образование — не хватало учителей. По свидетельству Жана де Венета, во Франции «осталось мало ученых людей, способных обучать детей грамоте» — положение, которое могло отразиться на образованности Ангеррана VII. Чтобы выправить положение, церковь посвятила в духовный сан многих людей, потерявших во время чумы свои семьи и искавших прибежища в религиозных организациях, но наспех посвященные в духовный сан в большинстве были необразованными и едва умели читать. В то же время священнослужители, которые пережили чуму, как заявил архиепископ

Кентерберийский, «заразились опасной жадностью и требуют за обучение людей грамоте чрезмерную плату, пренебрегая заботой о душах паствы».

Вместе с тем развитие образования и науки было явно необходимо, что привело к учреждению новых университетов. Император Священной Римской империи Карл IV, хорошо образованный человек, остро чувствовал надобность в восстановлении и росте «неоценимых знаний, подавленных ужасным „великим мором“». В 1348 году Карл IV основал Пражский университет и предписал учредить в течение ближайших пяти лет университеты в Оранже, Перудже, Сиене, Лукке и Падуе. В те же пять лет при Кембриджском университете были основаны колледжи Тринити, Тела Христова и Клэр, хотя любовь к знаниям, как и любовь при вступлении в брак, не всегда являлась причиной этого учреждения. Колледж Тела Христова основали в 1352 году по причине того, что после чумы священнослужители непомерно увеличили плату за упокой души умершего, и два факультета Кембриджа решили основать колледж, чьи преподаватели сами отпевали бы почивших коллег.

В зависимости от сложившихся обстоятельств образовательные центры не везде незамедлительно приносили плоды. Преподаватели Оксфорда сожалели о снижении посещаемости занятий, а в университете Болоньи, сетовал Петрарка в «Старческих письмах», из всех прежних преподавателей остался лишь один человек, а сам город, отличавшийся высокой культурой, погряз в невежестве.

Основным последствием «Черной смерти» стало, конечно, сокращение численности населения, которое

благодаря рецидивам чумы, войнам и бандитизму к концу XIV столетия уменьшилось еще больше. После прекращения эпидемии чума окончательно ушла из Европы только через шестьдесят лет, а за это время еще раз появлялась в различных местностях с интервалом в десять-пятнадцать лет. Во всех этих случаях умирали наиболее восприимчивые к болезни — главным образом, дети. К 1380 году население Европы уменьшилось на сорок процентов, а к концу века — на пятьдесят. В Безье, городе в Южной Франции, в 1304 году численность населения составляла четырнадцать тысяч человек, а к концу XIV столетия уменьшилась до четырех тысяч. В Жонквере, портовом городке близ Марселя, до чумы проживали триста пятьдесят четыре семьи, а в конце века их осталось сто тридцать пять. Во время «великого мора» утратили былое благополучие Каркассон, Монпелье, Руан, Аррас, Реймс, Лан. Муниципальным властям пришлось повысить налоги, что вызвало негодование и в дальнейшем привело к бунтам.

Последствиями чумы стали и изменения отношений между землевладельцами и арендаторами, хотя в разных местах эти перемены происходили по-разному. Наиболее существенно изменились условия арендной платы за землю. Кое-где ее сократили, а кое-где отменили на время вовсе, ибо землевладельцы поняли, что при значительном сокращении арендаторов и сохранении прежней арендной платы возделывать землю такой же площади, что и ранее, возможным не представляется, и потому лучше пожертвовать на время доходом, чем дать полям зарости сорной травой. Однако в связи с нехваткой рабочих рук посевные площади неминуемо сокращались. По архивным данным, в английском аббатстве Рэмси за тридцать лет после чумы посевная

площадь уменьшилась вдвое, из пяти плугов, имевшихся в 1304 году, к концу века остался только один, а число волов к тому же времени уменьшилось с двадцати восьми до пяти. Пахотные земли, не использовавшиеся по назначению, превращались в пастбища для овец, уход за которыми был значительно легче. Деревни, потерявшие во время чумы большую часть своих жителей и не имевшие возможности препятствовать огораживанию земли для овец, прекращали существование.

Последствиями чумы стали также снижение производства и рост цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Во Франции к 1350 году цена на пшеницу выросла вчетверо. В то же время нехватка рабочих рук послужила стимулом для борьбы за повышение жалования. В течение года после того как чума ушла из Северной Франции, текстильщикам Сен-Омера, городка близ Амьена, заработную плату, благодаря их настойчивости, повышали три раза. Во многих гильдиях ремесленники боролись не только за повышение жалования, но и за сокращение рабочего дня, и можно сказать, что в те времена, когда социальные условия жизни были стабильными, действия ремесленников носили революционный характер.

Власти ответили репрессивными мерами. В 1348 году в Англии вышел указ, постановивший работать за ту же плату, что в 1347 году. За отказ от работы, за смену работы с целью извлечь из этого выгоду и даже за переманивание рабочих предпринимателями, предлагавшими им большее жалованье, были установлены наказания. В 1351 году в Англии вышел статут о наемных работниках. В этом документе осуждались не только рабочие, боровшиеся за улучшение условий труда, но и люди, «пребывающие в

безделье и не зарабатывающие на жизнь трудом». Безделье объявлялось преступлением против общества. Статут о наемных работниках определял, что каждый трудоспособный человек до шестидесятилетнего возраста, не имеющий средств к существованию, должен работать, запрещал подавать нищим милостыню и обязывал насильно привлекать к работе бродяг. Этот статут до XX века служил основой трудового законодательства и помогал борьбе предпринимателей против профсоюзов.

В 1351 году во Франции также был принят подобный статут, но он действовал лишь в Париже. Согласно этому акту, разрешалось повышать оплату труда не более, чем на треть по сравнению с прежним заработком рабочих. Этим же актом ценам придавался фиксированный характер, а прибыль посредников ограничивалась. Чтобы увеличить выпуск продукции, гильдиям предписали снизить ограничения количества подмастерьев и сократить срок перехода в мастера.

В 1352 году английский парламент отметил частые нарушения трудового законодательства. Некоторые предприниматели платили рабочим вдвое, а то и втрое больше, чем полагалось. С другой стороны, рабочие, недовольные условиями труда, покидали свои места и ударялись в бегство. Нарушителям трудового законодательства теперь, наряду со штрафами, стало грозить тюремное заключение, а если ловили беглых рабочих, у них на лбу выжигали клеймо — букву «F» (от *fugitive* — беглый). В шестидесятых годах XIV столетия трудовое законодательство еще дважды ужесточали, что в 1381 году стало одной из причин поднявшегося восстания.

В 1300 году папа Бонифаций VIII учредил Юбилейный год, во время которого кающимся в грехах безвозмездно отпускали прегрешения, если они совершали паломничество в Рим. Бонифаций намеревался превратить Юбилейный год в грандиозный праздник католической церкви, но первое же празднование Юбилейного года в 1300 году привело в Рим такое большое число паломников, что город обедневших за время пребывания римских пап в Авиньоне обратился к Клименту VI с просьбой отмечать Юбилейный год через каждые пятьдесят лет. Папа, исходя из принципа, что «понтифик обязан осчастливливать своих подданных», удовлетворил ходатайство, изложив свое согласие в булле 1343 года. В этой же булле Климент VI сформулировал правила платного получения индульгенций. Он пояснил, что самопожертвование Христа и благие деяния Богородицы и святых создали неиссякаемое Сокровище индульгенций и за определенное воздаяние в пользу церкви каждый может получить в этом Сокровище свою долю.

В 1350 году паломники наводнили дороги в Рим, устраиваясь на ночлег у костров. Ежедневно около пяти тысяч паломников входили в город и уходили, обогащая домовладельцев, предоставлявших им кров и стол, несмотря на ограниченные запасы продовольствия в городе. Вечный город без понтифика обеднел; три базилики стояли в руинах, собор Святого Павла пострадал от землетрясения, а Латеранский собор наполовину разрушился. На монастырских дворах, заросших травой, паслись козы. Тем не менее святые реликвии, обладавшие божественной благодатью, были выставлены для всеобщего обозрения, и кардинал

Анибальди Чеккано, легат Юбилейного года, со знанием дела руководил наплывом паломников, жаждущих получить индульгенцию.

По словам Виллани, в Риме во время Пасхи находилось около миллиона паломников. Вероятно, такое большое число людей, желавших поклониться церковным реликвиям, объяснялось намерением получить индульгенцию и начать благочестивую жизнь, чтобы чума больше не повторялась, но также можно предположить, что условия пребывания в Риме не были столь плохими, как отмечают хронисты.

Церковь во время и в первые годы после чумы крайне обогатилась. Нередко находившиеся при смерти люди, чувствуя за собой многочисленные грехи, завещали свое состояние религиозным организациям. Парижская церковь Сен-Жермен-л'Оксеруа получила за девять месяцев 1350 года сорок девять посмертных даров, в то время как в предыдущие восемь лет — лишь семьдесят восемь. Еще раньше, в октябре 1348 года, городской совет Сиены приостановил на два года ежегодное выделение средств религиозным благотворительным учреждениям, поскольку «эти учреждения безмерно обогатились за счет крупных пожертвований». Во Флоренции центр ремесленных цехов Орсанмикеле получил триста пятьдесят тысяч флоринов для оказания помощи беднякам, но затем руководителей этой организации обвинили в использовании полученных денег на личные нужды, на что последовало объяснение: «самые бедные и нуждающиеся умерли во время чумы».

Обогащение церкви вызвало недовольство, ибо духовенству припомнили, что во время чумы

священнослужители халатно относились к своим обязанностям; к тому же вражду к церковникам разжигали непримиримые флагелланты. То, что священнослужители во время чумы умирали равно, как и миряне, не принималось в расчет, а вот то, что они не всегда бывали у умирающих или за услуги свои назначали чрезмерно большую плату, вызывало негодование. Эта враждебность проявилась даже во время Юбилейного года. Однажды, когда кардинал-легат ехал верхом во главе процессии, в него выстрелили из лука, угодив стрелой в головной убор. Легат тотчас отбыл в Неаполь, но умер в пути, выпив, как говорили, отравленное вино.

В Англии в 1349 году во время всплеска антиклерикализма жители Уорчестера сломали ворота монастыря Святой Марии и избили монахов. В том же году в Йовиле, когда епископ Бата и Уэллса служил благодарственный молебен по случаю ухода чумы, его прервали сыновья умерших во время этого бедствия, после чего заперли епископа с прихожанами в церкви, где они пробыли до утра.

Враждебность народных масс вызывали и разбогатевшие религиозные ордена. Найтон в своем труде сообщал, что в Марселе убили сто пятьдесят членов францисканского ордена (с пометкой «правильно сделали»), а в Магелоне из ста шестидесяти монахов в живых осталось лишь семь (опять же с замечанием — «семь живых и то много»). Нищенствующие ордена обвиняли в поклонении деньгам и «поиске земных и плотских утех».

После чумы, как считали хронисты, люди стали более жадными и скупыми, чем ранее, более

агрессивными и порочными, и прежде всего все эти незавидные изменения касались священнослужителей. Когда в 1351 году прелаты обратились к Клименту VI с просьбой упразднить нищенствующие ордена, он гневно ответил: «Если я так поступлю, вся тяжесть наставления христиан на путь истины ляжет на вас. А чему вы будете учить паству? Смирению? Но вы самые надменные люди в мире, надутые чванством и погрязшие в роскоши. Или, может быть, скудости? Но вы до такой степени алчны, что вам не хватит всех богатств мира. Тогда, может быть, целомудрию? Я промолчу об этом, ибо только Богу известно, как часто вы удовлетворяете свою похоть». С этими мрачными суждениями о своих сотоварищах Климент VI через год скончался.

А вот как охарактеризовал священнослужителей Лотарь Саксонский: «Те, кто величает себя пастырями людей, на самом деле пребывает в роли волков». Далее он пояснил, что когда большинство народа влачит то же жалкое существование, что и прежде, недовольство церковью приводит к ереси и сектантству, реформистским движениям, которые могут разрушить католическое единство.

Люди, оставшиеся в живых после чумы, не могли объяснить намерения Бога, ниспославшего им ужасающие невзгоды. Устремления Бога обычно загадочны, непонятны, но чума была таким страшным бедствием, что не могла быть принята без вопросов и объяснений. Если столь ужасное бедствие произошло по воле Бога — а может, и по стороннему злему умыслу, — значит, прежние общественные устои не вечны. Умы открылись, чтобы принять возможные

перемены и более не «замутняться». Как только люди увидели возможность перемен в обществе, где царил закостенелый порядок, перед ними замаячила перспектива индивидуального совершенствования. По этой мерке, «Черную смерть» можно считать завуалированным началом современного человека.

Чума усугубила враждебность между бедными и богатыми. Ужасные бедствия можно пережить, только веруя, что после них наступят лучшие времена. Когда этого не случается, как после другого страшного бедствия, длившегося с 1914 по 1918-й год, наступает утрата былых иллюзий, — чувство, смешанное со страхом и пессимизмом. Как в будущем Первая мировая война, «Черная смерть» породила в обществе пессимизм, хотя для полного его становления понадобилось полвека. Это были годы молодости и зрелости Ангеррана VII.

Смерть, косившая людей во время чумы, нашла отражение в живописи XIV столетия. Персонификация смерти появилась на росписи стен крытого кладбища в Пизе. На этой фреске Смерть не традиционный скелет, а старуха в темном плаще, с развевающимися на ветру волосами, с убийственными глазами, с когтями на ногах вместо пальцев и с острой косой в руке. Фреску эту создал Франческо Траини в 1350 году как часть своей живописной серии, включающей «Страшный суд» и «Муки в аду». Образ Смерти приблизительно в то же время создал и Андреа Орканья, учитель Траини. Его фрески в церкви Санта-Кроче во Флоренции ознаменовали начало всепроникающего образа Смерти в живописи, но это еще не был культ, только его начало — культ укоренится к концу столетия.

Обычно Смерть изображали в виде одетого в белый саван скелета с косой в одной руке, песочными часами в другой и с оскаленными зубами, и весь вид фигуры давал ясно понять, что все люди — от нищего до короля, от проститутки до королевы, от духовного лица низкого ранга до папы — должны стать ее жертвами. Все телесное смертно, бессмертна только душа.

На фреске Траини Смерть устремляется к группе молодых милостивых беззаботных кавалеров и дам, схожих с персонажами произведений Боккаччо, которые беседуют, развлекаются и флиртуют в живописной апельсиновой роще. Свиток пергамента в то же время предупреждает, что «ни богатство, ни мудрость, ни знатный род, ни отвага не могут стать защитой от смерти». Невдалеке среди груды тел лежат коронованные правители, папа в тиаре, рыцари и бедняки, в то время как в небе ангелы тягнутся с бесами за миниатюрные нагие фигуры, изображающие почивших людей. В стороне прокаженные, калеки и нищие — одни безносые, другие слепые или безногие — молят Смерть о пощаде. А наверху на горе отшельники, ведущие созерцательную благочестивую жизнь, ожидают Смерть со смирением. Внизу фрески охотники — элегантные молодые люди и дамы на лошадях в окружении своры собак — остановились у попавшихся им на пути трех открытых гробов с трупами в разной степени разложения: один только начал тлеть, другой разложился наполовину, третий превратился в скелет. По трупам ползают змеи. Сцена иллюстрирует легенду XIII столетия «Трое живых и трое мертвых», в которой рассказывается о встрече трех знатных юношей с тремя истлевшими трупами. Последние говорят: «Мы были такими, как вы. Вы станете такими, как мы». На фреске

Траини одна из лошадей, учув зловоние, подымается на дыбы, а ее седок прижимает к носу платок. Собаки жмутся друг к другу, поджав хвосты. Молодые люди и дамы с ужасом взирают на то, во что они превратятся.

ГЛАВА 6

БИТВА ПРИ ПУАТЬЕ

Едва оправившись от чумы, Франция решительно двинулась к новым военным столкновениям с соседом-неприятелем, — столкновениям, которые привели к разрушительным последствиям и стали определяющими событиями в жизни Ангеррана VII. Внешним врагом государства являлась Англия, но причина воинственных устремлений заключалась в самой Франции, где централизованной власти противились автономные территориальные единицы, норовившие решать внутренние дела по своему усмотрению.

В августе 1350 года Филиппу VI наследовал его сын Иоанн II, который мог бы послужить Никколо Макиавелли прототипом для создания литературного образа Антигосударя. Аполитичный и импульсивный, Иоанн II то и дело принимал необдуманные решения, не учитывая последствий. Отличавшийся личной храбростью, он потерял половину своего королевства и к тому же попал в плен к неприятелю, оставив страну в тяжелые времена без единоначалия. Подданные с удивительной снисходительностью называли его Иоанном Добрым, вероятно имея в виду, что он «щедр на милости», или просто считали его «добрым малым». Однако, возможно, это прозвище пристало к нему после того, как однажды

он кинул свой кошелек служанке, чье ведро с молоком перевернули его борзые.

Взойдя на трон, Иоанн II принял страну после чувствительных поражений, которые потерпела Франция в прошлом десятилетии, и в первый же день своего правления обязал своих приближенных быть готовыми выступить по его призыву против врага, «когда придет время». Перемирие, достигнутое после падения Кале и возобновленное во время чумы, действовало до апреля 1351 года. Унаследовав пустую казну, Иоанн II не имел средств на содержание армии и не мог начать военные действия без пополнения военных ресурсов. Все же он попытался выяснить причины поражений в сражениях при Креси и Кале и намеревался приступить к военным реформам.

Первым самостоятельным действием Иоанна II стала казнь коннетабля Франции графа д'Э и де Гина, троюродного брата Ангеррана VII — человека с большими связями и «такого любезного и учтивого, что все им восхищались: и сеньоры, и рыцари, и девицы, и дамы». В 1345 году д'Э попал в плен к англичанам, сражаясь с ними при Кане, но собрать выкуп, назначенный королем Эдуардом, он не сумел. Когда дело касалось знатных и, как считалось, богатых пленников, Эдуард не позволял себе руководствоваться бытовавшей в то время нормой, определявшей, что выкуп за рыцаря не должен превышать его годового дохода. Пробыв в плену около четырех лет, д'Э получил свободу, отдав за свое освобождение английскому королю замок и графство Гин, соседствовавшее с Кале, что укрепило позиции англичан на севере Франции. Иоанн II посчитал этот поступок вероломством, потому и приказал казнить графа. Когда друзья д'Э попросили короля сохранить

графу жизнь, Иоанн молча их выслушал и затем вынес вердикт: «Вы получите его тело, а я — его голову».

Ничего худшего Иоанн сделать не мог. Он приказал казнить д'Э (а затем и многих других высокородных людей) без публичного суда пэров, чем отдалил от себя французскую знать, в поддержке которой он чрезвычайно нуждался. Если д'Э в самом деле предал французского короля (что так и не установлено), Иоанну II следовало объяснить свои действия, но он был своенравным или просто тупоголовым, чтобы понять разумность доверительных отношений с окружением.

Затем Иоанн II совершил еще одну несуразность. Он назначил коннетаблем Карла Испанского, своего родственника, фаворита и, как говорили, «предосудительного любимца», который ранее и убедил короля казнить графа д'Э и тем самым освободил для себя его место. Коннетабль являлся не только главнокомандующим французскими вооруженными силами, но и руководил снабжением армии, что приносило ему немалый побочный доход. Назначив коннетаблем своего фаворита, король лишь усилил недовольство сеньоров в то время, когда он имел все основания опасаться их тяги к сепаратизму и когда центральная власть более всего нуждалась в единстве.

Иоанн, как и Филипп VI (который был «*ung bien hastif homs*» — весьма опрометчивым человеком), чувствовал себя неуверенно на престоле, видимо ощущая, что взошел на трон не по праву, и, так же, как и его отец, подозревал свое окружение в измене и вероломстве. Кроме того, видно, уже от матери, Иоанны Бургундской он унаследовал мстительность. Иоанну, несмотря на ее благочестие, называли «жестокосердной

особой, безжалостно расправляющейся со своими врагами». Ей приписывали, что в 1341 году она убедила своего мужа казнить пятнадцать знатных бретонцев, пребывавших в плену.

В сороковых годах XIV столетия Иоанн II в течение четырех месяцев осаждал Эгийон, город, занятый англичанами. По словам хронистов, он отвергал все советы своего окружения и, «если принимал какое-либо решение, переубедить его было немыслимо». Не обладая иными талантами, Иоанн II был падок на деньги и умело набивал свой карман. Тем не менее, как все Валуа, он интересовался искусствами, равно как и литературой, читал французский перевод Библии, знакомился с трудами римского историка Ливия, а отправляясь в поход, не забывал захватить с собой книги. Он собрал большую коллекцию гобеленов, а его придворный художник Жерар Орлеанский расписал ему туалетную комнату.

Как и его отец, Иоанн II собрал вокруг себя советников, не отличавшихся ни умом, ни порядочностью. Их презирала знать, ибо они были безродны и ненавидели буржуа за продажность и алчность. Один из них, Симон де Бюси, президент парижского парламента и член Тайного совета, дважды был замешан в мошенничестве, но оба раза нашел выход из положения. Камергер и казначей Робер де Лоррис был обвинен в измене и казнокрадстве, но благодаря заступничеству монарха сохранил за собой обе должности. Жан Пуалевен, обвиненный в растрате, угодил за решетку, но сумел избежать суда, заплатив отступные. Такого рода советники, особенно финансисты,

вызывали особое недовольство у всех слоев французского общества.

В апреле 1351 года Иоанн II сделал попытку преобразовать армию. В то время французскую армию составляли наемники и войска феодалов, и ее численность во многом зависела от воли этих сеньоров. Они могли отказать королю в поддержке или отозвать войско во время военных действий. Своим указом король повысил плату за службу в армии и привлек в нее бедных рыцарей для службы на профессиональной основе. Согласно указу, дневной заработок баннерета стал составлять 40 су (два ливра), рыцаря — 20 су, оруженосца — 10 су, пажа — 5 су, пешего солдата — 3 су, слуги — 2,5 су.

В своем указе Иоанн также предусмотрел положение, исключавшее самовольный выход из боя. В документе говорилось, что все солдаты должны подчиняться своему капитану и не покидать поле сражения без приказа, а капитану предписывалось уведомлять вышестоящего командира о том, что он вместе со своим отрядом будет участвовать в предстоящем сражении.

Однако указ оказался неэффективным по причине нехватки денег для комплектования и снабжения армии продовольствием. Обычно рыцари ели пшеничный хлеб, говядину, свинину, баранину и ежедневно пили вино. Солдаты получали вино только по праздникам или во время военных действий, а обычно пили пиво, эль или сидр, а ели ржаной хлеб, горох и бобы. Иногда в рацион входили рыба, сыр, сливочное и оливковое масло, уксус, лук и чеснок. В пищу, несомненно, шла и домашняя птица, но, вероятно, ее приобретение не составляло

труда, и потому хронисты в своих трудах об этом продукте питания не пишут ни слова. Для раненых и больных и привилегированной части армии предназначались поставлявшиеся в войска сахар, мед, горчица, специи и миндаль. Во время военных действий поста не придерживались и каждые двенадцать «тощих» дней в месяце ели заменявшую мясо рыбу. Во время походов солдаты питались галетами, соленым и вяленым мясом и такого же приготовления рыбой.

Чем дольше продолжалась война, тем больше требовалось денег на содержание армии. Корона всеми способами старалась поправить свое материальное положение и наконец, без согласования с Генеральными Штатами, парламентом из представителей трех сословий, стала чеканить монеты с более низким содержанием драгоценных металлов, сохранив в то же время прежнюю номинальную стоимость. Однако это привело к росту цен, а в связи с тем, что на рынке главным образом обращались мелкие монеты небольшой номинальной стоимости, нововведение уменьшило покупательную способность простолюдинов, но мало сказалось на достатке банкиров, купцов и знати, чей капитал составляли полноценные золотые и серебряные монеты большой номинальной стоимости. В 1351 году при Иоанне II курс денег шел вниз восемнадцать раз, а в последующее десятилетие — семьдесят.

Аббат Жиль ли Мюизи из Турне посвятил таинству денег такие стихотворные строки:

С монетами вещь непонятная случилась.

Не ведаешь, как с ними поступить.

Бегут туда-сюда, надеешься схватить,

А смотришь — ничего не получилось.

Чтобы объединить вокруг себя рыцарей и поднять их боевой дух, Иоанн II учредил орден Звезды, сообщество увенчанных славой рыцарей, следуя примеру английского короля Эдуарда III, незадолго до этого учредившего в Англии для наиболее прославленных рыцарей орден Подвязки. Ордена подобного рода (вступление в которые сопровождалось специально разработанным ритуалом с принесением клятвы верности королю) служили обеспечению военной поддержки рыцарством, в которой так король нуждался. К примеру, орден Подвязки даже своим названием символизировал тесный круг рыцарей, сплотившихся вокруг короля. Поначалу предполагалось, что число членов этого ордена, которым жаловалась награда, учрежденная при памятных комических обстоятельствах, не должно превышать трехсот человек, наиболее заслуженных рыцарей королевства. Но когда в 1348 году этот орден учредили официально, король посчитал, что число его членов не должно превышать двадцати шести человек. Согласно уставу этого ордена, ни один его член не мог покинуть королевство без дозволения короля. Позднее установили, что знак отличия ордена — награду, орден Подвязки — следует носить на колене, «чтобы он служил предостережением рыцарю от проявления малодушия и призывал к доблести, мужеству и героизму». Даже бывалые рыцари испытывали страх в бою с неприятелем.

Во Франции в орден Звезды, учрежденный «во славу Бога и Богоматери, возвеличения рыцарства и приращения его славы и доблести», могло входить до пятисот человек. Членам этого ордена полагалось носить белую блузу, красную или белую мантию с вышитой на

ней золотой звездой, красную шляпу, особой выделки эмалевое кольцо, черные чулки и золотистые башмаки. Члены ордена ежегодно собирались на церемониальный праздничный пир в помещении, где вывешивались гербы всех участников, а также усыпанное звездами красное знамя с изображением Богоматери. Во время этого пира каждый член ордена рассказывал «обо всех свершенных им в минувшем году деяниях, как героических, так и постыдных», а писцы все записывали. На основании этих своеобразных отчетов орден определял трех наиболее отличившихся в минувшем году на поле сражения принцев, баннеретов и рыцарей, не принимая во внимание действия членов ордена в локальных конфликтах, не связанные с противодействием внешнему неприятелю. Следует также отметить, что при вступлении в орден Звезды его члены клялись, что во время сражения не отступят по собственному почину более чем на четыре арпана (около шестисот ярдов) и что «плону предпочтут смерть». Но хотя цели подобных рыцарских орденов отвечали велению времени, их форма была отголоском «славного прошлого».

По сравнению с ратным трудом храбрых рыцарей VI столетия, о которых повествуют рыцарские романы, военные действия в XIV столетии по своей форме и содержанию значительно изменились. В рыцарских романах, написанных главным образом в XII веке, рыцари выступают носителями стабильности и порядка, «без которых мир погрузился бы в хаос». Но в XIV веке поиски Святого Грааля насущным целям не отвечали.

И все же и в XIV столетии не обошлось без сугубо рыцарских столкновений, а самым известным стало сражение Тридцати, случившееся в 1351 году. На фоне непрекращавшегося конфликта в Бретани враждовавшие

стороны договорились о поединке между бретонцем Робером де Бомануаром, представлявшим французов, и Ричардом Бэмборо, отстаивавшим англо-бретонские интересы. Но того и другого рыцаря вызвали их сторонники, и в конце концов положили провести бой между партиями по тридцать человек в каждой. Согласно договоренности, вооружение рыцарей составляли мечи, копья, боевые топоры и кинжалы. Сражение длилось до той поры, пока на поле боя не пали шесть человек (четверо, представлявших французскую партию, и двое — англо-бретонскую). После этого, по соглашению, сделали перерыв. Усталый, весь в крови, Бомануар, испытывая жажду, воскликнул: «Напейся, Бомануар, собственной крови, и твоя жажда пройдет!» Сражение возобновилось, закончившись победой французов. Бэмборо и восемь его сторонников были убиты, а остальные попали в плен, чтобы ждать, когда за них внесут выкуп.

Сражение это получило огласку и вызвало разноречивые мнения: одни посчитали его пустой, суетной затеей, другие (таких оказалось больше) — значительным историческим предприятием. Сражение послужило сюжетом для стихотворчества и живописных произведений. Спустя двадцать лет Фруассар встретил при дворе французского короля Карла V Мудрого одного из участников сражения Тридцати. Тот рассказал, что он у короля в большой милости, а сам сравнил себя с сэром Ланселотом.

Иоанн II официально учредил орден Звезды 6 января 1352 года и по поводу этого знаменательного события закатил грандиозный пир, несмотря на ограниченные финансовые возможности. Он приобрел за свой счет необходимую атрибутику и устроил пир в зале,

украшенном гобеленами и бархатными, опускавшимися широкими складками драпировками, декорированными звездами и геральдическими лилиями. Пир начался после торжественной мессы, а закончился буйством собравшихся, перебивших изрядную часть посуды. В ту пору, когда рыцари пировали, англичане, почти не встретив сопротивления, заняли замок Гин, комендант которого разделял в то время застолье с другими членами ордена.

На свою беду, члены ордена серьезно отнеслись к клятве не отступать во время сражения. В 1352 году в пору войны в Бретани французский отряд под предводительством Ги де Неля попал в засаду вблизи Морона. Французы могли, прорвав окружение, спастись бегством, но они помнили о клятве не бежать с поля боя и потому сражались, пока все не погибли. Оставшиеся в живых попали в плен к англичанам. В нагромождении тел убитых лишь на третий день после боя нашли тело де Неля. В этом сражении погибли семь французских баннеретов и почти девяносто рыцарей. Такие потери сказались на благополучии ордена, и впоследствии он распался.

В середине XIV столетия во Франции появилась новая политическая фигура — Карл, король Наварры, внук Людовика X, то ли претендовавший на французский престол, то ли жаждавший мщения за причиненное ему зло. В 1353 году ему исполнилось двадцать лет. Он был красноречивым смысленным и обаятельным, но в то же время непостоянным в своих суждениях, хитрым, как лис, и амбициозным, как Люцифер. Он умел склонять на свою сторону приближенных и вести за собой толпу. Подобно

Иоанну II, он позволял себе необузданные проявления гнева, но, в отличие от него, был склонен к интригам и вероломству и отличался самоуверенностью, хотя в то же время часто не доводил до конца задуманное, чем вредил самому себе. Постоянной была лишь его ненависть. Он вошел в историю как Карл Злой.

По материнской линии он восходил к династии Капетингов (его мать была дочерью Людовика X), но его родители отказались от всяких прав на корону, признав королем Филиппа VI. Взамен они получили Наварру, однако маленькое королевство амбициям Карла не отвечало, а как граф Эвре он имел большой фьеф в Нормандии, который и стал своеобразным плацдармом для осуществления его воинственных планов.

Первый удар Карл, король Наварры, решил нанести по фавориту Иоанна II, коннетаблю Карлу Испанскому, которому французский король подарил Ангулемское графство, принадлежавшее наваррской короне. Приведя Карла в ярость этим поступком, Иоанн, опасаясь неприятных последствий, предложил ему в жены свою восьмилетнюю дочь Иоанну, однако о приданом даже не заикнулся, чем привел Карла в еще большее раздражение.

Карл решил отомстить Иоанну, устранив его фаворита. Он не признавал полумер и потому положил прибегнуть к убийству Карла Испанского не без учета того, что многие родовитые люди также ненавидят королевского фаворита и потому могут при случае поддержать человека, который его покарает за его злодеяния. Группу исполнителей ужасного замысла возглавил брат Карла Филипп Наваррский, а в группу

вошли граф Жан д'Аркур, два его брата и несколько других нормандских аристократов.

Удобный случай представился в январе 1354 года, когда коннетабль приехал в Нормандию. Ночью заговорщики, обнажив оружие, ворвались в его комнату и подняли коннетабля с постели. Карл Испанский встал на колени перед Филиппом и стал молить о пощаде, пообещав за сохранение жизни заплатить выкуп золотом, вернуть Ангулемское графство Карлу, а затем уехать за море, чтобы никогда не вернуться. Жан д'Аркур стал уговаривать Филиппа Наваррского пощадить коннетабля, согласившись с его условиями, но Филипп не стал его слушать и вместе со своими людьми расправился с коннетаблем. Вернувшись к Карлу, Филипп воскликнул: «Дело сделано! Коннетабль мертв!».

Узнав об убийстве своего фаворита, Иоанн II объявил о конфискации фьефа Карла в Нормандии, но чтобы осуществить эту акцию, ему требовались изрядные военные силы.

Хронисты описывают поступки Карла как акт возмездия за причиненное ему зло. Но был ли этот поступок вызван порывом гнева или в его основе лежал холодный расчет? В те времена, когда вседозволенность была в характере облеченных властью людей, странные вспышки насилия случались нередко, что, возможно, являлось следствием «Черной смерти» или выражением безысходности и отчаяния.

В 1354 году в Оксфорде произошел студенческий бунт, который подавили силой оружия, при этом многие студенты погибли, поплатившись жизнью за выступление против власти. Университет закрыли, однако потом король принял меры для обеспечения университетских

свобод. В 1358 году, когда Франческо Орделаффи, тиран Форли, известный своим свирепым, необузданным нравом, упорно защищал город от папского войска, сын Людовико осмелился попросить его сдаться, чтобы не вести войну с церковью. «Ты, видимо, не мой сын, а ребенок, оставленный эльфами взамен похищенного!» — свирепо воскликнул Франческо, а когда Людовико повернулся, чтобы уйти, ударил его в спину кинжалом, поразив насмерть. В таком же порыве гнева граф де Фуа, женатый на сестре Карла Наваррского, убил своего единственного законного сына.

Чтобы снизить степень физического насилия, церковь еще в X столетии ввела «Божье перемирие», запрет на насильственные и военные действия в определенные дни: воскресенья и все дни канонически определенных постов и праздников. В эти дни все миряне и даже животные не могли быть подвергнуты вооруженному нападению. Однако это установление, как и вес церковные предписания, походило на решето, сквозь которое просачивались человеческие пороки, не в силах удержаться на его сетке.

Отчеты средневековых английских коронеров показывают, что убийства значительно превышали число гибель людей от несчастных случаев, при этом преступники избегали судебных разбирательств, используя «особый подход» к вершителям правосудия.

Насилие, характерное для средневекового общества, нашло отражение в тогдашней литературе. Ла Тур Ландри в одном из своих назидательных рассказов, написанных для дочерей, повествует о том, как некая дама сбежала из дома с приглянувшимся ей монахом, а когда ее братья отыскали ее, обнаружив в постели с

любовником, «они взяли нож, отрезали монаху яички, запихали их в рот сестры и принудили ее проглотить, после чего засунули обоих в мешок, утяжеленный камнями, и бросили его в реку». В другом рассказе говорится о том, как некий муж вез домой свою строптивую половину, сбжавшую к родителям после супружеской ссоры. В дороге супружеская пара остановилась на ночлег в попутном селении, где женщину изнасиловали несколько человек, и она умерла от стыда и позора. Тогда муж разрезал ее тело на двенадцать частей и послал каждую часть с запиской одному из родственников жены, чтобы те отомстили насильникам. Те вместе со своими людьми приехали в это селение и истребили всех его жителей.

Насилие и жестокость процветали и в судебных инстанциях: как в судах католической церкви и инквизиции, так и в светских судах. Центральным пунктом следственного процесса являлись пытки с использованием специальных приспособлений: дыбы, клещей, кнута, железных обручей и приборов для сдавливания головы и конечностей (всех изуверских приспособлений не перечислишь). С помощью истязаний от обвиняемых добивались признаний в ереси и других преступлениях. К людям, признанным виновными в преступлениях, нередко применялась смертная казнь. Осужденных на смерть сжигали на костре, вешали, распинали, четвертовали, а иным отрубали голову и выставляли на всеобщее обозрение на шесте. Обычно такие шесты размещали на крепостной стене города. Насилие и жестокость служили сюжетами христианского изобразительного искусства. На церковных фресках изображались святые, подвергавшиеся за веру различным мучениям, неотъемлемой принадлежности

христианства, ибо Христос стал Спасителем, а святые познали веру через немыслимые страдания.

В средневековье сопровождалась жестокостью даже игры и развлечения. Так, в деревнях практиковалась забава, участники которой с завязанными сзади руками пытались ударом головы прикончить пригвожденную к столбу кошку, рискуя поцарапать лицо или даже лишиться глаза от когтей разъярившегося животного. Другое подобное развлечение заключалось в преследовании водворенной в широкий загон свиньи. Под смех зрителей люди с дубинками бегали за визжащей свиньей, пытаясь ее прикончить, и в конце концов забивали насмерть. Привыкшие к физическим страданиям, несправедливостям и обидам, люди средневековья, видимо, получали удовольствие от страданий и мучений других. Жители Монса купили в соседнем городе приговоренного к четвертованию преступника, чтобы позабавиться его казнью. Возможно, жестокость прививалась людям еще с ребячества когда дети вместе с взрослыми невозмутимо или даже со смехом наблюдали за ее проявлениями.

Карл Наваррский своим варварским преступлением привлек внимание все возраставшего числа высокородных людей Северной Франции, готовых выступить против владычества Валуа. Иоанн II вслед за Филиппом VI продолжал борьбу за централизацию власти и жесткими мерами пытался расправиться с феодальной аристократией, которую, подозревая в измене, обвинил в унижительном поражении французских войск в сражении при Креси. Землевладельцы, в свою очередь, обвиняли короля и его презренных министров в

неумении вести государственные дела, что привело к снижению численности работников на полях и сокращению мнившихся твердыми доходов. Кроме того, крупные феодалы продолжали борьбу за автономию и требовали реформ. Карл Наваррский решил, что он может возглавить выступление феодалов против Иоанна II, и первым подал призывный голос, как петух, оповещающий о наступлении утра громким «кукареку».

«Богу известно, что это я с Его помощью истребил Карла Испанского», — написал он в Авиньон папе. В этом письме Карл Наваррский оправдывал свои действия нанесенными ему оскорблениями и выражал преданность святейшему престолу и лично папе. Карл собирался предложить себя англичанам в качестве их ставленника во Франции в обмен на помощь в сохранении владений в Нормандии и считал, что папа Иннокентий VI сможет ему помочь осуществить этот замысел. Затем Карл написал английскому королю, сообщив, что с помощью верных людей он может нанести такой урон Иоанну, от которого тот «никогда не оправится», и просил Эдуарда оказать ему военную помощь.

В то время, в 1354 году, отношения между англичанами и французами находились на грани войны и мира. Папа Иннокентий VI на самом деле пытался урегулировать отношения между ними, поскольку годом ранее турки заняли Галлиполи, город на берегу Геллеспонта, и угрожали вторжением в Европу. Он полагал, что христианам надо объединиться перед внешней угрозой, что станет невыполнимым, если французы и англичане возобновят военные действия.

Под давлением папы и с учетом финансовых затруднений Эдуарду и Иоанну пришлось вступить в

переговоры о мире, к которому ни один из них не стремился. Английский народ более не поддерживал военных устремлений своего короля. Третье сословие полагало, что военные расходы значительно превышают стоимость трофеев. В 1352 году английский парламент ограничил возможности короля производить набор в армию по своему усмотрению. Когда в апреле 1354 года лорд-канцлер обратился к членам палаты общин с вопросом: «Вы хотите мира, если он окажется достижимым?», ему единогласно ответили: «Да!».

Со своей стороны Иоанн опасался договоренностей между Карлом Наваррским и Эдуардом. Пока Карл связывал ему руки своей враждебностью, возможности Иоанна взимать налоги и набирать войско в Нормандии были до крайности ограничены. Под давлением унижительных обстоятельств ему оставалось смирить свою ярость, отменить конфискацию нормандского фьефа Карла, простить ему убийство Карла Испанского и пойти на мировую. Поэтому Иоанн пригласил короля Наварры в Париж. Карл явился, ибо, возможно, в свои двадцать два года был не так уверен в себе, как громогласно провозглашал. Примирение состоялось в марте 1354 года, но каждый надеялся извлечь из него выгоду.

В 1354 году в результате трехлетних переговоров французы и англичане едва не подписали мирное соглашение (выгодное для английской стороны), но французы в последний момент пошли на попятный, согласившись лишь на годичное перемирие и пообещав продолжить переговоры в дальнейшем. Воспользовавшись сложившимся положением, Карл

Наваррский договорился с Эдуардом III о высадке английских войск в Шербуре.^[4]

Надежды Иннокентия VI на мир в Европе не оправдались. Когда он упрекнул Эдуарда в сговоре с Карлом, король без зазрения совести поклялся Господом и подтвердил своим королевским словом, что никакого соглашения с Карлом не заключал (так порой поступали правители и в дальнейшем).

Торопясь возобновить военные действия, Эдуард в письмах архиепископу Кентерберийскому и архиепископу Йоркскому обвинил Францию в вероломстве и поведал о своих благонамеренных целях. Письма эти повсеместно доводились до публики. Различными способами Эдуард собрал необходимые средства для содержания армии и, получив согласие парламента продолжить войну, начал готовиться к выступлению. За весну и лето 1355 года армия была укомплектована и приведена в боевую готовность, продовольствие собрано, а корабли подготовлены к выходу в море. Когда к Иванову дню не зашло и речи о продлении перемирия, английские экспедиционные силы были готовы к переходу по морю. Эти силы состояли из двух частей. Одно войско под командованием принца Уэльского Эдуарда — Черного принца, как его называли — направлялось в Бордо, а другое — им командовал герцог Ланкастерский — в Нормандию, на соединение с войском Карла Наваррского.

⁴ Это соглашение было достигнуто с посланником Англии в Авиньоне и, предположительно, послужило причиной наделения Карла прозвищем Злой. Однако некоторые историки придерживаются другой точки зрения. На их взгляд, это прозвище Карлу дали испанцы, когда ему было еще восемнадцать лет. В любом случае, это прозвище Карла впервые упоминается в хрониках XVI столетия.

С попутным ветром принц Эдуард дошел до Бордо за четыре дня. Его войско состояло из тысячи рыцарей, оруженосцев и тяжеловооруженных всадников, двух тысяч лучников и большого числа солдат, рекрутированных в Уэльсе. Двадцатичетырехлетний наследный принц Эдуард, атлетически сложенный молодой человек, отличавшийся личной храбростью, был излишне высокомерен и не мог похвастаться дальновидностью.

Высадившись во Франции, принц Эдуард в октябре-ноябре 1355 года совершил рейд на Бордо — Нарбонна и обратно, опустошив «прекрасный и процветающий Арманьяк» и Гиень. В то время Гиень склонялась к феодальной зависимости от французской короны, и Черный принц решил наказать ее жителей, что противоречило государственной политике Англии, стремившейся к стабильности на завоеванных территориях, но непредусмотрительный принц не думал о будущем. Доведя свою армию за счет гасконских союзников до девяти тысяч человек, принц собирался продемонстрировать английскую мощь и подавить французский военный потенциал опустошением территорий, приносящих французскому королю большие доходы.

«Мы сожгли Плезанс и еще несколько городов, заодно опустошив их окрестности», — писал принц Эдуард архиепископу Винчестерскому. Английское войско продвигалось к Нарбонне со все возрастающим числом повозок с военной добычей и заготовленным впрок продовольствием. По пути англичане опустошали сельскохозяйственные угодья, сжигали мельницы и зернохранилища, вырубали фруктовые деревья и виноградники. Пройдя Тулузу, англичане сожгли

Монжискар, население которого даже не слышало о войне. Затем англичане разграбили Каркассон и Нарбонну. Французы не оказывали противнику никакого сопротивления, хотя, к примеру, в Лангедоке пребывал французский военачальник граф Арманьяк. Он, правда, когда было возможно, укрывал местное население в городах, окруженных крепостными стенами, но сопротивления неприятелю не оказывал, и только когда англичане повернули обратно, навязал им несколько мелких стычек.

Возможно, его инертность была вызвана тем, что он опасался удара с тыла, который мог нанести его сосед и смертельный враг Гастон III, граф де Фуа. Крупные феодалы часто соперничали друг с другом, в то же время стремясь сохранить свою территориальную автономию. Прозванный Фебом за свою красоту и золотистые волосы, де Фуа в 1346 году пренебрег призывом Филиппа VI совместно защитить Францию от вторжения англичан, что стало одной из причин разгрома французских войск в сражении при Креси. При Иоанне II де Фуа провел восемнадцать месяцев во французской тюрьме. В 1355 году он достиг договоренности с Черным принцем, пообещав, что не станет противодействовать англичанам, если те не вторгнутся в его земли. Подобные действия крупных сеньоров подрывали военную мощь французской короны.

С богатой военной добычей принц Эдуард вернулся в Бордо, оставшись в этом городе зимовать вместе с войском. Но разве пройдя с мечом и огнем от Бордо до Нарбонны, англичане проявили доблесть и героизм, стяжали славу на полях кровопролитных сражений? Разумеется, нет. Грабеж и истребление безоружного населения не требовали мужества и геройства и вряд ли

соответствовали духу английского рыцарства. Сам принц Эдуард и его ближайшие сторонники Джон Чандос, гасконец капталь де Буш^[5], граф Солсбери и граф Уорик первыми вступили в орден Подвязки, членам которого полагалось являть пример не только мужества и отваги, но и великодушия. Когда они ложились в постель после дневной резни, ощущали ли они разницу между идеалами рыцарства и позорной, бесславной практикой? Навряд ли. Чтобы утвердить свое право расправляться с противником по своему усмотрению, принц дважды отклонял богатые подношения городов, старавшихся избежать разграбления. Рейд по французским землям обогатил Черного принца и его войско, уменьшил общие доходы французской короны и показал (на примере гасконцев), что служба под его знаменем неплохо вознаграждается. Но даже Фруассар, прославлявший рыцарство, писал, что «английские рыцари, творившие во Франции беззаконие, составляли прискорбное исключение». Постепенно, по мере продолжения боевых действий, жестокость вооруженных людей как обычная практика омрачала XIV столетие.

В отличие от войска Черного принца, английские экспедиционные силы, направлявшиеся в Нормандию, вышли в море лишь в конце октября — не лучшее время для боевых операций на севере Франции. Задержку вызвали неблагоприятные ветры и внезапный отказ Карла Наваррского поддержать англичан. Командовал этими экспедиционными силами сорокапятилетний герцог Генрих Ланкастерский, известный военачальник, не

⁵ Его титул происходит от латинского *capitalis* — «вождь».

проигравший ни одной битвы. «Отец солдатам», как его называли, в свое время успешно сражался с шотландцами, а затем воевал во Франции, взяв Слюйс и Кале. Но и когда Англия ни с кем не вела войну, он не сидел сложа руки и по рыцарскому обычаю направлялся туда, где мог показать себя в деле. Так, однажды он присоединился к кастильскому королю, воевавшему с маврами, а затем примкнул к рыцарям Тевтонского ордена, пытавшимся обратить в христианство литовских язычников.

Владелец огромного состояния, Генрих в 1351 году стал первым английским герцогом не из королевской семьи и позже в качестве своей резиденции в Лондоне построил дворец Савой. В 1352 году он привлек внимание великосветского общества. Возвращаясь из Пруссии, он повздорил с герцогом Оттоном Брауншвейгским и принял его вызов на поединок, который решили провести в Париже. В сопровождении приближенных Генрих прибыл в Париж, где его радушно встретил король Иоанн II. На поединок стеклась местная знать. Генрих был опытным, искусным бойцом, прославившимся во многих сражениях, и, когда он выехал на ристалище, Оттон так затрясся от страха, что не мог надеть шлем и взять в руки копье и едва не упал с коня. Тогда, по настоянию своего окружения, Оттон отказался от поединка. Тем не менее Иоанн устроил прием, на котором помирил рыцарей. Когда герцог Ланкастерский уезжал, король сделал ему богатые подношения, но Генрих взял только шип из тернового венца Иисуса Христа, а вернувшись домой, передал эту реликвию церкви, которую построил в Лестере.

Генрих, отличавшийся набожностью, написал на французском языке «*Livre des saintes medecines*»

(«Книгу божественных лекарств»). Книга состояла из семи частей, каждая из которых описывала душевную рану автора. Эти раны символизируют семь грехов, и Генрих, признав, что их совершил, приводил мифические и реальные снадобья в контексте с религиозной символикой и призывал читателя к благочестию. Рассказывая о самом себе, сеньор XIV столетия на страницах этой книги предстает человеком из плоти и крови — вот он восхищается собственной длинной ногой, красиво изогнувшейся в стремя, вот выпячивает бедро, «успокаивая взоры дам», вот укоряет себя за отвращение «к вони бедных и хворых», а также за непозволительное вымогательство денег, земель и другого имущества «принуждением придворных».

Второго ноября 1355 года английские экспедиционные силы, которыми командовал герцог Ланкастерский, вместо Шербура высадились в Кале. Под началом герцога находились три тысячи тяжеловооруженных всадников, две тысячи конных лучников и большое количество пеших солдат. Через Артуа и Пикардию англичане двинулись навстречу французам.

В мае 1355 года, перед окончанием перемирия с англичанами, Иоанн II объявил призыв в армию всех мужчин от восемнадцати до шестидесяти лет. Комплектование армии шло чрезвычайно медленно, и повеление короля было летом оглашено еще несколько раз в Париже и в других густонаселенных районах, «особенно в Пикардии», как указывает один из хронистов. Однако определенная доля призывников не подходила армии по здоровью, и вербовщикам пришлось разработать своего рода «стандарт пригодности» к военной службе, в результате чего часть рекрутов

отправили по домам. Кроме того, не все крупные феодалы из-за разногласий с короной откликнулись на призыв короля и своих людей в армию не послали. Лишь в самом конце октября французская армия, так и не достигшая нужной численности, двинулась на север навстречу противнику.

Во французскую армию вошел и пятнадцатилетний Ангерран де Куси VII. Он состоял в одном отряде с «баронами Пикардии». В этом подразделении, укомплектованном призывниками из Парижа, Руана и Амьена, вместе с Ангерраном VII находились его опекун, командир арбалетчиков Матье де Руа, «образцовый рыцарь» Жоффруа де Шарни и маршал Арно д'Одрегем.

Одиннадцатого ноября французская армия подошла к Сент-Омеру, разминувшись с английским войском, двигавшимся к Эдену. По словам английских хронистов, Иоанн II опасался решительного сражения, однако и Эдуард не спешил встретиться с неприятелем. В это время Иоанн считал своей главной задачей уничтожить или увезти продовольствие из округа, чтобы лишить англичан возможности пополнять продовольственные запасы за счет местных ресурсов. Местное население, оставленное на зиму впроголодь, воспринимало французскую армию не как своего защитника, а как сборище расхитителей.

Действия неприятеля заставили англичан отойти назад, к морю. У них не хватало не только еды, но и питья — вина и пива. В течение последних четырех дней англичане пили лишь воду, что в те времена — когда горячительные напитки составляли неотъемлемую часть рациона — было подобно голоду. Кроме того, англичанам стало известно, что французы посылают деньги

шотландцам, побуждая тех выступить против Англии. В связи с угрозой этого выступления и перспективой провести зиму во Франции на одной лишь воде Эдуард III и герцог Ланкастерский, проведя на вражеской территории не больше десяти дней, решили возвратиться в Англию.

Убежденный, что война вскоре продолжится, Иоанн захотел собрать Генеральные Штаты и добиться новых субсидий для финансового обеспечения армии. В связи с освобождением от налогов духовенства и знати, большую часть налогов платило третье сословие, и потому содержание армии и размер этого содержания, главным образом, зависели от него.

В 1355 году Генеральные Штаты согласились выделить пять миллионов ливров на содержание тридцати тысяч солдат, оговорив, что средства эти будут выделяться войскам не государственным казначейством, а самими Генеральными Штатами, через их финансовый комитет. Необходимые деньги предполагалось собрать путем налоговых обложений всех трех сословий, при этом определили шкалу налогов в зависимости от годового дохода: 4 % для богатых, 5 % для среднего класса и 10 % для людей с низкими заработками. В результате в текстильном Аррасе вспыхнул бунт «бедных против богатых». Хотя беспорядки были подавлены, бунт стал сигналом для дальнейших, более внушительных выступлений.

Тем временем Карл Наваррский пытался восстановить против Иоанна II его восемнадцатилетнего сына Карла и в то же время уговаривал нормандских баронов полностью отказаться от финансовой помощи королю. 13 апреля 1356 года Карл Наваррский устроил

прием в Руане, пригласив на него сына Иоанна II и знатных нормандцев. В самый разгар приема в помещение ворвался король в сопровождении маршала д'Одрегема и нескольких вооруженных людей. «Кто пошевелится, тот умрет на месте!» — вскричал маршал, держа обнаженный меч. Король приблизился к Карлу Наваррскому и воскликнул: «Предатель!» В это время оруженосец Карла Колен Дублель выхватил кинжал, угрожая вонзить его в короля. Но Иоанн не потерял присутствия духа, приказал арестовать Колена и Карла, а сам так грубо схватил за воротник д'Аркура, приближенного Карла, что разорвал его щегольской камзол. После этого Иоанн обвинил д'Аркура и тех, кто участвовал вместе с ним в убийстве Карла Испанского, в неслыханном предательстве и пособничестве врагу. Сын Иоанна попросил короля не бесчестить его в присутствии высокородных людей, на что король ответил: «Ты не знаешь того, что известно мне. Эти люди — изменники, и вина их доказана». Карл Наваррский стал умолять короля о пощаде, уверяя, что его бесстыдно оклеветали, но Иоанн не стал его слушать и арестовал еще нескольких человек.

На следующий день д'Аркура, Дублеля и двух нормандских аристократов повезли к месту казни, чтобы повесить. Процессию сопровождал сам король в полном боевом снаряжении, словно он опасался внезапного нападения. Вероятно, у короля на самом деле щемило сердце, ибо он неожиданно остановил процессию в поле и повелел прямо там отрубить голову осужденным. Исповедаться перед смертью разрешили только Дублелю, а остальным, осужденным за государственную измену, такая милость не полагалась. Затем четыре обезглавленных тела были повешены, а их головы

водружены на шесты для всеобщего обозрения. Карла Наваррского заключили в тюрьму Шатле, а его поместье в Нормандии снова конфисковали; отошли французской короне и земли казненного д'Аркура.

В «Генрихе V» Флюэллен, один из персонажей этой трагедии, рассуждая об Александре Македонском, замечает, что тот иногда пребывал «в гневе, в ярости, в бешенстве, в исступлении, в недовольстве и в раздражении», и эта характеристика в полной мере подходит и Иоанну II Доброму. У Жана д'Аркура, которого Иоанн считал своим главным врагом, было три брата и девять детей, состоявших в родстве с аристократическими фамилиями Северной Франции (так, его дочь была замужем за Раулем де Куси, дядей Ангеррана VII); и все эти люди в какой-то мере пострадали от самоуправства французского короля, хотя настоящим его врагом являлся Карл Наваррский, пребывавший в тюрьме. Как многие узники, он вызывал симпатии у простого народа, и о нем слагали стихи и песни.

Лишением свободы Карла Наваррского и казнью его сторонников Иоанн II пытался предотвратить союз нормандских аристократов с внешним врагом, но вышло наоборот. Жоффруа д'Аркур, брат казненного д'Аркура, и Филипп, брат Карла Наваррского, обратились к англичанам за помощью, чтобы вернуть свои конфискованные владения, и, когда в июле 1356 года англичане высадились в Шербуре, они присягнули на верность английскому королю, признав его и королем Франции.

Английские экспедиционные силы, которыми командовал герцог Ланкастерский, высадившись в

Шербуре, через некоторое время выдвинулись в Бретань, в то время как Черный принц выступил из Бордо в новый поход, на этот раз на север страны. Все шло к битве при Пуатье.

Целью Черного принца, возглавлявшего войско из восьми тысяч солдат, являлось соединение с английскими экспедиционными силами, которыми командовал герцог Ланкастерский. Третьего сентября Черный принц, разграбив попадавшие ему на пути французские поселения, подошел к Луаре, но обнаружил, что все мосты через реку разрушены, и в результате повернул на запад и направился к Туру, где узнал, что ему навстречу движется большая французская армия. Также стало известно, что герцог Ланкастерский спешит на соединение с его войском. Однако две английские армии разделяла Луара. Кроме того, солдаты Черного принца устали от длительных переходов и мелких, но утомительных стычек с противником. В конце концов после некоторых раздумий Черный принц повернул на юг, чтобы избежать битвы с французами и вернуться в Бордо, доставив туда награбленное имущество.

К сентябрю 1356 года Иоанн II собрал огромную армию. Когда англичане дошли до Луары, крупные французские феодалы откликнулись на королевский призыв, невзирая на свое отношение к Иоанну. Французская армия пополнилась отрядами из Оверни, Берри, Бургундии, Лотарингии, Эно, Артуа, Вермандуа, Бретани и Пикардии. «Ни один рыцарь, ни один оруженосец не остался у себя дома, — писал хронист. — В нашей армии собрался цвет Франции». В составе французской армии находились четыре сына Иоанна II (в

возрасте от четырнадцати до девятнадцати лет), новый коннетабль Готье де Брион, герцог Афинский (владелец герцогства, основанного во времена крестовых походов), два маршала, двадцать шесть графов и герцогов, триста тридцать четыре баннерета и множество других, менее высокородных людей. В XIV столетии это была самая многочисленная французская армия — «великое чудо, небывалое по числу сборище рыцарей», как писал английский хронист. Хронисты доводили численность этой армии до восьмидесяти тысяч человек, но, рассуждая реалистично, она вряд ли превышала числом шестнадцать тысяч бойцов (хотя и такая армия в два раза превосходила войско Черного принца).

Однако комплектование французского войска не было отлажено. Феодалы со своими людьми прибывали в армию в различное время, по собственному усмотрению. Правда, они приезжали с обозом, плюс прихватив из дома золотые и серебряные изделия, чтобы обратить их при необходимости в деньги. Кроме того, французские города, недовольные новой системой налогообложения в государстве, неохотно направляли горожан в армию, да еще выискивали причины, чтобы уменьшить количество рекрутов. По словам Фруассара, Иоанн в конце концов отказался от ополченцев, что «было безумием».

Наконец Иоанн пришел к мысли, что ему по силам вынудить Черного принца отступить в Аквитанию или даже убраться в Англию. В начале сентября французская армия форсировала Луару вблизи Орлеана, Блуа и в других местах и направилась на юг, навстречу войскам Черного принца. 12 сентября армия Черного принца находилась близ Монбазона, в пяти милях от Тура, где ее встретили папские легаты, пытавшиеся склонить враждующие стороны к миру. Посчитав своим долгом

добиться мира в Европе, папа не раз писал и Эдуарду, и Иоанну, призывая их прекратить войну, и в конце концов уполномочил двух кардиналов остановить военные действия.

Одним из этих двух кардиналов был Талейран де Перигор — по словам Виллани, «гордый и высокомерный прелат». Он был сыном графа Перигора и прекрасной графини, как говорили, возлюбленной папы Климента V. Талейран в двадцать три года стал епископом, а в тридцать лет — кардиналом и в разное время владел землями в Лондоне, Йорке, Линкольне и Кентербери, что вызывало негодование местного населения.

Талейран сообщил Черному принцу, что Иоанн преследует англичан и намеревается в ближайшее время дать неприятелю решительное сражение, и добавил, что французская армия ежедневно пополняет свои ряды. Черный принц не стремился сразиться со свежей и превосходящей его войско численностью неприятельской армией, но все же отверг предложение Талейрана приступить к мирным переговорам с французами. Возможно, он полагал, что сумеет уклониться от боя.

Тем временем французы пытались выйти во фланг противника вблизи Пуатье, чтобы отрезать Черному принцу пути к отступлению. 17 сентября в деревне Шатобери, в трех милях западнее Пуатье, французский отряд под командованием Рауля де Куси, сира де Монмираля, дяди Ангеррана VII, натолкнулся на разведывательный отряд англичан и напал на него. Был ли Ангерран VII вместе с Раулем и находился ли он вообще во французской армии, противостоявшей войску Черного принца, доподлинно неизвестно. Де Куси, конечно, отрядил своих людей на помощь французскому

королю, но они могли воевать в Нормандии. Англичане, не ожидавшие нападения, начали отступать, но вскоре восстановили свои ряды и, воспользовавшись численным превосходством, разгромили французов. Сам Рауль попал в плен, но в скором времени его выкупили.

На следующий день, в воскресенье, когда войско Черного принца находилось в двух милях от Пуатье, его разведчики, поднявшись на холм, увидели приближавшуюся французскую армию. Придя к мысли, что сражение неизбежно, Черный принц занял наиболее выгодную позицию на прилегающей местности — на склоне лесной возвышенности, окаймленной виноградниками и извилистым ручьем, за которым простиралось широкое поле с узкой дорогой посередине.

В тот же день в лагерь Иоанна II в сопровождении свиты прибыл кардинал Талейран, не оставлявший надежды склонить враждующие стороны к мирным переговорам. Чтобы выиграть время для этих переговоров, Талейран напомнил французскому королю, что, согласно «Божьему перемирию», небогоугодно вести военные действия в воскресенье, и попросил Иоанна повременить, по меньшей мере, до следующего утра. Однако маршал Арно д'Одрегем и еще несколько французских военачальников выступили за то, чтобы сражение не откладывать, ибо возникла явная угроза того, что с тыла на французскую армию может напасть герцог Ланкастерский. И все же король, совершив губительную ошибку, согласился с суждением Талейрана и сражение отложил. На встрече с кардиналом обсуждалось также предложение Жоффруа де Шарни устроить сражение между ста французскими и ста английскими рыцарями. Предложение было отклонено, ибо другие военачальники посчитали, что такое

сражение не принесет ни большой рыцарской славы, ни значительной финансовой выгоды, а главное — не послужит разгрому неприятельской армии.

Когда Талейран вернулся в английский лагерь, Черный принц находился в подавленном настроении. Поколебавшись, он сообщил кардиналу, что готов заключить с французами семилетнее перемирие и пойти на уступки: освободить пленных без всякого выкупа и уйти с захваченных территорий. Согласно «*Chronique des Quatre Premiers Valois*» («Хроникам первых четырех Валуа»), он даже согласился на уход англичан из Кале и Гиени, хотя, несомненно, такое решение наносило ущерб его репутации. Трудно сказать, чем принц руководствовался, соглашаясь на подобные уступки противнику. Возможно, он опасался, что французы окружат его, отрезав пути поставки продовольствия. А может, принц просто хитрил, чтобы выиграть время для подготовки к сражению.

Иоанн согласился рассмотреть предложение Черного принца, и Талейран, чтобы согласовать условия перемирия, весь день ездил из одного лагеря в другой. Ни одной другой битве той бесконечной войны между англичанами и французами не предшествовали столь длительные попытки расстроить сражение. Наконец Иоанн, уверенный в своем превосходстве над неприятелем, согласился принять предложение Черного принца, но только с еще одним непременным условием: принц и еще сто английских рыцарей добровольно сдадутся в плен. Принц, разумеется, это унижительное условие отклонил и продолжил укреплять лагерь.

Тогда Иоанн собрал военный совет, чтобы выработать окончательное решение. Маршал Клермон

предложил окружить войско Черного принца, а не штурмовать укрепленный лагерь, и, как пояснил маршал, когда у противника закончится продовольствие, англичане умрут от голода. Однако маршал д'Одрегем пренебрежительно заявил, что подобные действия противоречат сущности рыцарства, и предложение Клермона было отклонено. В это время на совете появились три рыцаря, вернувшиеся с разведки. Они сообщили, что единственный доступ в лагерь противника — узкий проход, через который могут пройти не более четырех человек в ряд. Тогда Уильям Дуглас, шотландец, воевавший ранее с англичанами, предложил атаковать неприятеля в пешем строю. Но первыми на штурм вражеских укреплений на военном совете сочли нужным послать триста наиболее опытных конных рыцарей. Коннетабль и оба маршала безрассудно вошли в этот отряд.

Утром 19 сентября, в понедельник, французская армия подошла к возвышенности, занятой англичанами. В авангарде французской армии, как было заведено, находились три отряда, построенные один за другим, что не защищало армию с флангов. Командиром первого отряда был девятнадцатилетний дофин, никогда ранее не воевавший. Вторым отрядом командовал Филипп Орлеанский, брат короля, а третий отряд возглавлял сам король. Короля сопровождали девятнадцать охранников в таких же, как у короля, черных доспехах и в такой же белой накидке, отделанной геральдической лилией. Подобное одеяние являлось мерой предосторожности, ибо в битвах, в которых участвовал сюзерен, противник прилагал все усилия, чтобы взять его в плен.

«Спешиться!» — приказал Иоанн, первым сошел с коня и встал во главе авангарда. В хрониках говорится,

что решения сражаться в пешем строю служило необходимости действовать коллективно, а не разрозненно, как это было присуще сражению конных рыцарей. Современные историки придерживаются других точек зрения. Одни полагают, что решение Иоанна было «самоубийственным безрассудством», а другие считают, что французский король принял правильное решение, ибо конница не смогла бы преодолеть многочисленные препятствия, которыми был окружен лагерь Черного принца.

Жоффруа де Шарни было поручено нести орифламм, алое знамя с косичками, стяг французского короля. По легенде, это знамя было у Карла Великого, который, отправляясь в Святую землю, им намеренно обзавелся, ибо, по пророчеству ангела, только рыцарь, вооруженный золотой пикой, излучающей пламя, сможет изгнать из Святой земли сарацин. Со временем орифламма стала знаменем аббатства Сен-Дени, а затем вместе с боевым кличем «Монжуа Сен-Дени» ее переняли французские короли. В те времена каждый рыцарь имел личный боевой клич, который в бою подхватывали подчиненные ему люди. Однако на этот раз перед сражением с англичанами к войскам обратился сам Иоанн, напутствуя их таким образом: «Вы презираете англичан и хотите скрестить с ними оружие. Сражайтесь с ними и помните, что вы должны отомстить за все беды, причиненные ими Франции. Я сам поведу вас в бой. Да поможет нам Бог!».

Черный принц расположил два своих отряда во фронте и один — в арьергарде, а лучников расставил «пилой» перед строем. Первыми двумя отрядами командовали графы Уорик и Оксфорд, Солсбери и Саффолк, арьергард возглавили Чандос и Черный принц.

Англичане, участвовавшие до этого в двух военных кампаниях, были более опытными и лучше организованными, чем французы. Тем не менее — вероятно из-за разногласий между советниками — Черный принц поначалу хотел отступить и уйти в Бордо, что подтверждается уверением Чандоса: «Клянусь честью, принц не собирался сражаться. Единственным его желанием поначалу было отступить без потерь». И в самом деле, перед началом сражения английский обоз двинулся в путь, что не осталось незамеченным неприятелем.

«Англичане предпочли отступить! — заметил маршал д'Одрегем. — В погоню! Или они уйдут». Более осторожный Клермон снова предложил окружить неприятеля. Тогда д'Одрегем обвинил Клермона в непозволительной трусости, на что Клермон невозмутимо ответил: «В бою твой конь, маршал, уткнется в задницу моей лошади». Этот спор на начало битвы не повлиял.

Рассудив, что сражение неминуемо, Черный принц отменил отступление и стал готовиться к бою. Перед схваткой он обратился к рыцарям, призвав их сражаться за французскую корону для своего короля и проявить в бою присущую им отвагу, что принесет не только славу, но и богатую добычу после победы.

Как и намечалось разработанным французами планом, первыми на штурм лагеря неприятеля пошли конные рыцари, которые разделились на два отряда. Одним из них командовал д'Одрегем, атаковавший противника с фланга. Однако его отряд был тотчас же остановлен градом стрел неприятеля и понес существенные потери. Другой отряд, во главе с Клермоном и коннетаблем, атаковал противника с

фронта, но и его постигла та же незавидная участь. На рыцарей посыпалась туча стрел, застилавших небо. Английские лучники целились в незащищенные места лошадей, животные падали, увлекая за собой всадников. Англичане перешли в контратаку, и в завязавшемся рукопашном бою, сопровождавшемся звучанием труб, боевыми кличами, стонами раненых и ржанием лошадей, Клермон и коннетабль были убиты, а д'Одрегем попал в плен.

Отряд под командованием дофина наступал в пешем строю, преодолевая нагромождение убитых и раненых. Вместе с Карлом в передней линии были его семнадцатилетний брат Людовик, герцог Анжуйский и шестнадцатилетний брат Иоанн, будущий герцог Беррийский. Французы сражались храбро, орудуя копьями, мечами и боевыми топорами. Но без опытного, искушенного в сражениях командира отряд под встречным натиском неприятеля стал отступать, и вскоре торжествующие возгласы англичан возвестили о том, что они захватили знамя дофина. Затем, то ли по велению короля, пытавшегося спасти своих сыновей, то ли по решению четырех опытных рыцарей, их охранявших, большая часть этого французского отряда начала стремительно отступать, и это отступление, напоминавшее бегство, передалось отряду герцога Орлеанского. Вместо того чтобы не дать противнику передышки, отряд герцога ходко вышел из боя, и рыцари, вскочив на ожидавших лошадей, бросились наутек.

«Вперед!» — вскричал французский король, не потерявший присутствия духа при виде позорного бегства отряда герцога Орлеанского. Иоанн вместе со своим младшим сыном, четырнадцатилетним Филиппом,

будущим герцогом Бургундским, повел за собой третий, самый большой отряд французов, в первых рядах которого развеялась по ветру орифламма. «Мы погибли!» — воскликнул английский рыцарь, увидев наступавших французов. «Замолчи, жалкий трус! — парировал Черный принц. — Не богохульствуй, я еще жив, и трястись от страха не время». Сражение разгорелось, дойдя до высшей степени напряжения. К тому времени английские лучники израсходовали весь запас стрел и теперь вытаскивали стрелы из тел убитых и раненых, а иные швыряли камни или орудовали ножами. Исход сражения был неясен. Если бы отряд герцога Орлеанского не вышел из боя, то французы, скорее всего, одолели бы англичан.

Сражение продолжалось, и только Чандос и Черный принц все еще находились на холме вместе с резервом. Заметив орифламму, Чандос посоветовал принцу атаковать окружение короля: «Честь не позволит Иоанну бежать с поля боя, и, если мы возьмем его в плен, победа будет за нами». Тогда принц приказал капталю де Бушу взять небольшой конный отряд и атаковать неприятеля с тыла, а сам бросил в бой резерв, напутствовав его такими словами: «Вперед! Разбейте французов во имя Бога и святого Георгия!».

Вовсю зазвучали трубы, и «эти трубные звуки долетели до крепостных стен Пуатье и отразились от них столь могучим, ошеломляющим звуком, что показалось, будто в небе загрохотал гром». Англичане набросились на окружение короля «с яростью корнуоллского вепря, и не было человека, у которого не дрогнуло сердце», — писал Чандос. «Берегись, отец, нас атакуют справа! А теперь слева!» — кричал Филипп Иоанну. Атакованные английским резервом с фронта и отрядом де Буша с

тыла, французы стояли насмерть, но все-таки дрогнули. Жоффруа де Шарни, сражавшийся с орифламмой в руке, пал от многочисленных ран.

Французские рыцари, окружавшие своего короля плотным кольцом, постепенно рассеялись, не выдержав натиска неприятеля. Вокруг Иоанна громоздились трупы, а сам король с порезами на лице, из которых сочилась кровь, из последних сил отбивался боевым топором. Наконец к Иоанну приблизился Дени де Морбек, француз, изгнанный из страны за убийство и перешедший на сторону англичан. «Сир, я рыцарь из Артуа, — сказал он. — Сдайся мне, и я отведу тебя к принцу Уэльскому». Иоанн отдал ему свою перчатку и сдался.

После пленения короля французская армия прекратила сопротивление. Англичане преследовали французов, устремившихся к Пуатье, и увеличивали потери противника. И все же многим французам удалось укрыться за крепостными стенами города. Однако французы лишились своего командования. Король и маршал д'Одрегем оказались в плену, а маршал Клермон, коннетабль и Жоффруа де Шарни пали на поле боя. Кроме того, в плен попало много других знатных французов: один архиепископ, тринадцать графов, пять виконтов, более двадцати баронов и баннеретов и примерно две тысячи рыцарей, оруженосцев и представителей нетитулованного дворянства. Пленных оказалось так много, что англичане решили отпустить тех, кто даст слово явиться в Бордо и заплатить выкуп до Рождества.

В битве при Пуатье французы потеряли убитыми несколько тысяч человек, среди них 2426 знатных людей. Это число равняется и даже превосходит число французов, попавших в плен к англичанам, что свидетельствует о том, что французы в большинстве своем сражались бесстрашно, яростно, не щадили себя, однако в истории осталось больше неодобрительных отзывов об их действиях в битве при Пуатье. В «*Grand Chronique*» («Больших французских хрониках») прямо говорится о том, что французские отряды «трусливо бежали с поля сражения», а «*Chronique Normande*» («Нормандская хроника») заключает, что «позор и бесчестье французов в битве при Пуатье превзошли их гибельный урон».

Жители Пуатье наблюдали за ходом битвы с крепостных стен и стали свидетелями бесславного отступления своей армии. Отступление отряда герцога Орлеанского можно, наверное, объяснить лишь нелояльным отношением рыцарей к своему королю. Вероятно, в день битвы немногие пеклись о благе монархии, и хватило нескольких панических возгласов, чтобы отряд герцога Орлеанского бежал с поля боя. Но какова бы ни была причина разгрома французской армии в битве при Пуатье, поражение это породило недоверие к аристократическому сословию и подорвало веру в надежность существовавшей структуры общества.

Как пишет Фруассар, простые люди настолько возненавидели сеньоров и рыцарей после разгрома французской армии в битве при Пуатье, что у тех возникли немалые трудности при возвращении после битвы в свой город и даже в свое поместье. Крестьяне одной нормандской деревни, принадлежавшей сирю Ферте-Френелю, увидав, что их сеньор возвращается

только с оруженосцем и пажом, да еще без оружия, закричав: «Изменник, бежавший с поля брани!», набросились на трех всадников, стащили сеньора с лошади и избили. Почти повсеместно возникли трудности и у тех, кто вернулся домой за выкупом. Обычно попавшим в плен оказывали традиционную помощь при сборе денег. Теперь же, чтобы собрать необходимые средства, многие были вынуждены продавать обстановку дома или другое имущество.

Изменой королю объясняли, казалось, необъяснимое. Как мог блистательный король Франции, возглавлявший великое французское рыцарство, потерпеть поражение от «горстки лучников и разбойников»? Конечно, причина тому одна — предательство рыцарей.

В средневековом сочинении «Стенание о битве при Пуатье» откровенно говорится:

Измена, которую так долго замалчивали,

Произросла в самом воинстве.

Автор сочинения, неизвестный церковник, обвиняет конкретных людей в алчности, толкнувшей их на предательство и предоставление секретных военных сведений неприятелю, а также в злом намерении погубить короля и его сыновей. Поведение этих клятвопреступных, вероломных и бесчестных людей являлось запланированной изменой. Знатные люди опозорили Францию.

**Пирующие и предающиеся пьяному
разгулу, тщеславные, в непристойных
нарядах**

С украшенными золотом перевязями, с
перьями на шляпах,

С длинными козлиными бородами — что за
отвратительная манера! —

Они ошеломляют вас, подобно грому и
молнии.

В «Стенаниях» автор хвалит только Иоанна II,
который вместе со своим младшим сыном сражался с
неприятелем до конца, и высказывает надежду, что Бог
пошлет «хороших людей, наделив их великой силой»,
дабы отомстить англичанам за поражение в битве при
Пуатье и вернуть во Францию короля, который,

Если прислушается к добрым советам,

То не преминет повести Жака Простака

В своем великом воинстве.

Уж тот-то не побежит с поля боя.

Чтобы спасти свою шкуру.

После того как жители Пуатье похоронили убитых в
битве, мэр города повелел оплакивать плененного
короля и запретил все развлечения. В Лангедоке местные
власти запретили носить в течение года праздничные
одежды и украшения, а также наложили запрет на
выступления менестрелей. Действия Карла и двух его
братьев — в отличие от действий Филиппа — в народе
оценили нелестно, но их и не клеймили, как поступки
других высокородных людей, которых посчитали
виновными в поражении. Когда Карл вернулся в Париж,
его встретили уважительно. По словам Жана де Венета,

люди считали, что Карл добьется освобождения короля и тогда вся Франция будет освобождена от захватчиков.

В Европе в поражение французов верили с трудом. В Италии Виллани назвал это событие «неправдоподобным». Петрарка, узнав об этом в Милане, был до крайности удивлен. Сами англичане свою победу считали чудом. Французская армия, намного превосходившая численностью войско англичан, потерпела поражение из-за грубых ошибок командования. По некоторым данным, две тысячи генуэзских арбалетчиков вообще не вступали в бой. Да и в самой Франции готовили лучников, а лучники провинции Бовези, граничившей с Пикардией, считались лучшими в мире. Но лучников не привлекали к взаимодействию с рыцарями, ибо французское рыцарство полагало, что непристойно сражаться в одних рядах с людьми из народа.

Основными причинами разгрома французской армии в битве при Пуатье стали сепаратизм Нормандии и Бретани, слабое сопротивление Черному принцу во время его агрессивных рейдов, а также интриги и предательство Карла Наваррского. Кроме того, к запрету на самовольный выход из боя, установленному уставом ордена Звезды и королевским указом 1351 года, французские сеньоры, пекшиеся о своей независимости, относились пренебрежительно. Поражение в битве при Пуатье стало пирровой победой независимости баронов.

В отличие от французов, англичане в битве при Пуатье действовали организованно, слаженно. Черный принц отдавал приказы, неукоснительно выполнявшиеся, а командиры его отрядов, на которых он вполне мог

положиться, успешно контролировали ход боя. Принц руководил боем с возвышенности и хорошо видел, что происходит. У него были прекрасно обученные, опытные солдаты, сражавшиеся не щадя своих сил, ибо они знали, что им некуда отступать. Да и сам Черный принц, по словам Фруассара, походил на «храброго и жестокого льва».

После битвы при Пуатье Черный принц даже не предпринял попытки соединиться с английскими экспедиционными силами, которыми командовал герцог Ланкастерский, и направился с войском в Бордо, чтобы сохранить награбленное имущество и не позволить французам освободить своего короля. Впрочем, французы об освобождении Иоанна даже не помышляли, ибо сразу после битвы при Пуатье оставшиеся в живых французские феодалы отправились защищать собственные владения. Кардиналы последовали за Черным принцем в Бордо, чтобы вновь попытаться склонить к миру французов и англичан, в то время как сами англичане вместе со своими союзниками-гасконцами занялись дележом военной добычи. Этот дележ сопровождался бесконечными спорами: кто именно пленил того или иного французского рыцаря. Когда Черный принц предложил отправить Иоанна II в Англию, гасконцы потребовали свою долю от суммы вероятного выкупа — сто тысяч флоринов.

Однако в то время вернувшийся в Париж Карл, сын Иоанна, был озабочен сложившимся в городе непростым внутренним положением, а французы не торопились выкупать своего короля на неприемлемых, как им казалось, условиях. В мае 1357 года, спустя семь месяцев после битвы при Пуатье, Черный принц доставил короля

Иоанна, его младшего сына и других знатных пленников в Лондон, в то время как в Париже третье сословие пыталось установить контроль над управлением государством.

ГЛАВА 7

ОБЕЗГЛАВЛЕННАЯ ФРАНЦИЯ: ПОДЪЕМ БУРЖУАЗИИ И ЖАКЕРИЯ

Раздраженное вечной анархией в государственном казначействе и продажностью королевских министров, третье сословие, воспользовавшись тем, что Франция осталась без короля, решило установить свой контроль над государственными делами. Тому представилась и возможность, когда 13 октября 1357 года в Париже были созваны Генеральные Штаты, с помощью которых Карл, сын Иоанна, надеялся раздобыть средства для защиты страны. Униженный и напуганный поражением в битве при Пуатье, дофин Карл, обращаясь к восьмистам делегатам, сообщил о позорном исходе битвы и попросил Генеральные Штаты выделить необходимые средства для отпора захватчикам. Но и Карла и выступавшего вслед за ним канцлера Пьера де ла Форэ буржуа, главные кредиторы государственных нужд, выслушали прохладно. В результате, после избрания Комитета восьми, члены этого комитета попросили принца поговорить с ними приватно, полагая, что без советников Карл пойдет на уступки и согласится принять условия, на которых Генеральные Штаты готовы выделить деньги.

Главной фигурой в Комитете восьми являлся Этьен Марсель, выборный старшина парижских купцов, богатый торговец мануфактурой. Еще в 1355 году Этьен Марсель

принимал самое деятельное участие в работе Генеральных Штатов, когда это сословно-представительное собрание выразило недоверие правительству Франции. Марсель был представителем торговых магнатов третьего сословия, крупных предпринимателей, которые за последние двести лет добились такого же влияния в обществе, как аристократия и высшее духовенство, хотя и уступали им в статусе.

От лица Генеральных Штатов Этьен Марсель потребовал сместить семерых наиболее известных своей продажностью королевских министров, конфисковать их имущество и запретить им пожизненно заниматься государственными делами. Вместо королевских министров Марсель предложил учредить Комитет двадцати восьми, состоящий из двенадцати высокородных людей, двенадцати буржуа и четырех лиц духовного звания. После избрания этого комитета Генеральными Штатами полагалось, что представительное собрание согласится на предоставление денег для защиты страны. Последним условием, которое вообще-то не стоило бы выдвигать, стало освобождение из тюрьмы Карла Наваррского.

Это требование имело свою подоплеку: получив свободу, Карл Наваррский превратился бы в постоянный источник опасности для дофина, и, кроме того, среди лиц, выступавших за немедленные реформы, у него был сторонник, такой же заговорщик и интриган, как и он сам. Этим человеком являлся Робер Лекок, епископ Лана, церковник из буржуазии и превосходный оратор, вошедший при Иоанне в Королевский совет. Для XIV столетия у него была большая библиотека из семидесяти шести книг, включая восемь томов по каноническому и

гражданскому праву и семь сборников проповедей, помогавших ему оттачивать ораторское искусство. Став епископом Лана, он помог Иоанну примириться с Карлом Наваррским, которому нисколько не уступал в тщеславии. Лекок намеревался стать канцлером и питал ненависть к королю, не предоставлявшему ему эту должность, да и к самому канцлеру, занимавшему, как он полагал, его место.

Дофин Карл, хотя и хилый на вид, имел твердый характер и недюжинный ум, который помогал ему в трудные времена. Он вел довольно скромную личную жизнь, хотя современники приписывали ему отцовство двух сыновей, рожденных вне брака в годы юности Карла. По слухам, он и сам был внебрачным ребенком. На Иоанна Карл внешне не походил. Вынужденный принять на себя управление государством после пленения короля, Карл, по рекомендации королевских советников, отклонил требования Комитета восьми и повелел тому распуститься, после чего из предосторожности покинул Париж. Отказавшись прекратить свою деятельность, Комитет восьми собрался на следующий день после отъезда Карла и выслушал пламенную речь Робера Лекока, который осудил дурное управление государством и высказался за проведение необходимых реформ. В частности, он сказал: «Позор тому, кто не задумывается о будущем государства. Сейчас самое время о нем подумать». В то время ограничение прав французской монархии было вполне возможным. Если бы сторонники подобной реформы сплотились так же, как английские бароны в 1215 году, мог бы случиться французский Раннимид и французская Хартия вольностей, — но они разделились на группировки.

Верхушка третьего сословия — промышленники, купцы, юристы, чиновники — не имела ничего общего с рабочими и ремесленниками, кроме незнатного происхождения. Вместе с тем представители верхов третьего сословия старались влиться в ряды дворянства. Они одевались на манер знатных людей, перенимали их обычаи и привычки, а добившись цели, получали и завидную привилегию: переставали платить налоги. У Этьена Марселя был дядя, который платил в Париже самые большие налоги, а вот его сын, взвесив все «за и против», купил дворянство за пятьсот ливров. Тесть и шурина Марселя, Пьер и Мартин Дезессары, обогатились и получили дворянство на службе у Филиппа Красивого и Филиппа VI. Как поставщики французской короны, они и подобные им люди поставляли короне продовольственные и промышленные товары, драгоценности, книги, предметы искусства, неизменно наживаясь на этом. Когда дочь Пьера сочеталась браком с Марселем, отец дал за ней сказочное приданое — три тысячи экю.

Дворяне и духовенство возмущались королевским благорасположением к состоятельным буржуа и завидовали богатству людей из чуждой, «посторонней» среды. Знать особенно ненавидела финансовых чиновников, занимавшихся сбором налогов: «они разъезжали по Франции с показной пышностью, на глазах богатели, выдавали своих дочерей за дворян, скупали земли бедных рыцарей за бесценок... и зачисляли на свою доходную службу родственников, число которых росло день ото дня».

Знатные люди и буржуа относились с неприязнью друг к другу, хотя те и другие занимались предпринимательством. Но когда капитализм поднялся

благодаря банковскому и кредитному делу, он стал более респектабельным. Бытовавшая теория не склонного к стяжательству общества прекратила существование, а накопление избыточного богатства перестало считаться постыдным явлением, превратившись в благое дело. В новой версии «Романа о Лисе», именованной «Переделанный Ренар», богатые буржуа «живут на манер знатных людей, носят изысканные одежды, держат чистокровных верховых лошадей, занимаются соколиной и ястребиной охотой. Когда вассалы того или иного сеньора присоединяются к войску, буржуа нежатся в своих постелях; когда вассалы, рискуя жизнью, сражаются с неприятелем, буржуа устраивают увеселительные прогулки».

Этьен Марсель, выборный старшина парижских купцов, был наделен в Париже административными, фискальными, полицейскими и судебными полномочиями. В его ведении находились некоторые судебные разбирательства, надзор за городскими мостами и улицами, городская полиция, сбор налогов и снабжение города продовольствием. Все эти функции он выполнял при содействии четырех заместителей и совета из двадцати четырех церковников и мирян. Он занимал служебное помещение в здании парижской тюрьмы Шатле, на правом берегу Сены, у Большого моста, ведущего на остров Ситэ. Поблизости от Шатле, на Гревской площади, находилась ратуша, место скопления безработных, приходивших туда в надежде найти работу.

Город, находившийся под управлением Этьена Марселя, занимал пространство (согласно современным ориентирам) от Больших бульваров до Люксембургского сада и от Бастилии до дворца Тюильри. На острове Ситэ, помимо собора Парижской Богоматери, находились

лечебница Отель-Дье и королевский дворец, построенный Людовиком IX Святым. На правом берегу Сены располагались дома состоятельных парижан, базар, различные лавки и магазины, а на левом берегу Сены доминировал Парижский университет.

В 1292 году в Париже насчитывалось 352 улицы, 10 площадей и 15 церквей. В середине XIV столетия Париж населяли 75 000 жителей. Главные улицы города имели булыжную мостовую и были довольно широкими: по ним могли двигаться два экипажа в ряд. Другие улицы были узкими, грязными и зловонными, со сточной канавой посередине. Мусор выносили на улицу и сваливали кучами у дверей, пока не вывозили на городскую помойку. На узких улицах при встречном движении вьючных животных с корзинами по бокам или торговцев с тележками возникали заторы, которым способствовали столбы с рекламными вывесками. Реклама в Париже местами имела внушительные размеры. Зубодеры представляли свое искусство огромным зубом размером с кресло, а перчаточники — перчаткой, в каждом пальце которой мог разместиться младенец.

Днем на парижских улицах было шумно: торговцы перевозносили свои товары, погонщики мулов требовали, чтобы им освободили дорогу, лошади ржали, общественные глашатаи знакомили парижан с последними новостями. В Париже под началом Марсея состоял целый штат красноречивых глашатаев, которые на перекрестках улиц и площадях зачитывали городские постановления, оповещали о ярмарках, о выставленных на продажу домах, о потерявшихся детях, о свадьбах и похоронах. Когда распродался винный погреб французского короля, глашатаи в течение двух дней оповещали народ о распродаже. Когда кто-нибудь из

значительных лиц умирал, глашатаи, звеня в колокольчики, ходили по улицам и вещали: «Проснитесь, спящие. Помолитесь Господу, чтобы Он простил вам ваши грехи. Мертвые не имеют возможности говорить. Помолитесь за упокоение души умершего».

Парижские торговцы, мастеровые, ремесленники трудились в определенных кварталах: мясники и дубильщики в Шатле, менялы, ювелиры и торговцы мануфактурой на Большом мосту, писцы и торговцы пергаментом и чернилами — на левом берегу Сены вблизи университета. В открытых лавках и мастерских работали пекари, мыловары, торговцы рыбой, шляпники, столяры-краснодеревщики, гончары, прачки, цирюльники, вышивальщицы, скорняки. Ниже мастеровых и ремесленников по своему положению в обществе стояли поденщики, носильщики и прислуга. Простолюдинов называли, исходя из их личных качеств или места происхождения: Робер Ле Гро (толстяк), Рауль Ле Пикар (пикардиец), Изабод'Отр-мер (заморская), Готье Ор-дю-Сан (сумасброд).

В каждом квартале города имелась общественная баня с горячей или теплой водой. В 1292 году в Париже насчитывалось двадцать шесть бань. В них не пускали проституток, бродяг и больных проказой. Ночью бани были закрыты, а с рассветом слышались громкие голоса зазывал:

Эй, народ, бегом к нам в баню!

У нас каждый чистым станет.

У нас горячая вода.

Я не вру. Скорей сюда!

В Парижский университет стекались студенты со всей Европы. Студенты имели ряд привилегий и, согласно одной из них, были подсудны лишь королю, в результате чего их проступки и преступления оставались, как правило, безнаказанными. Жили студенты скудно, снимая жилье в бедных домах на окраине города. Занимались они в холодных аудиториях, освещенных всего двумя свечами. Их вечно обвиняли в дебоширстве, кражах, изнасилованиях и «во всех других богопротивных поступках».

Парижский университет обладал превосходной библиотекой, насчитывавшей около тысячи книг. Хорошей библиотекой мог похвастаться и собор Парижской Богоматери, а в самом Париже было около тридцати книжных лавок. «В Париже великое обилие книг на любой, даже исключительный вкус, — восторженно писал англичанин, путешествовавший по Франции. — Сколь могучий поток удовольствия застилает твое сердце, когда ты посещаешь Париж, земной рай».

Вода поступала в город с холмов на северо-востоке Парижа, подаваясь по каналам в общественные источники. Продовольствие привозили в Париж большей частью на лодках и продавали на базаре или с прилавков на улицах. На папертях неизменно сидели нищие в ожидании подаяния. По городу бродили нищенствующие монахи, прося хлеб для своего ордена и для бедняков, попавших в тюрьму. На площадях менестрели выступали с сатирическими рассказами или исполняли баллады.

В дневное время в Париже царствовала великая разноцветность одежд; особое внимание привлекали темно-красные, зеленые и пестрые одеяния знати, священнослужителей и состоятельных буржуа. При

заходе солнца раздавался вечерний звон, работа заканчивалась, лавки закрывались. В восемь часов вечера звучал колокол Ангелус, и город погружался во тьму. Лампами освещались лишь перекрестки улиц, да еще в церквях и соборах ниши со статуями святых. По воскресеньям парижане не работали, все посещали церковь, потом простолюдины веселились в тавернах, а богатые буржуа проводили время в своих усадьбах. По праздникам парижане устраивали застолья на воздухе, у дверей своих домов. Дома, узкие и высокие, наполовину деревянные, наполовину каменные, стояли рядом друг с другом. Некоторые дома знатных людей и состоятельных буржуа — с высокими стенами, бельведерами и башенками — напоминали небольшие укрепленные замки. Имена владельцев некоторых домов можно было узнать по гербу, красовавшемуся на входной двери. Улицы не имели названий, и искать нужный дом можно было часами.

Интерьеры домов знатных людей украшались фресками, гобеленами и коврами, а вот мебели было мало. На кроватях не только спали, но и сидели. Даже короли принимали послов, восседая на застланной покрывалом кровати. Простые люди пользовались скамейками. Комнаты в богатых домах освещали свечи в настенных подсвечниках и камины. В домах людей со средним достатком камин считался великой роскошью. Помимо камина, дома отапливались кухонными печами, а ложась спать в холодное время года, люди обкладывались грелками с теплой водой. В XIV веке, пожалуй, имелись уже технические возможности улучшить домашнее отопление, но человек нередко пренебрегает комфортом.

Летом полы в жилых помещениях устилали ароматными травами, а в другие времена года — тростником и соломой. Такие покрытия загрязнялись, в них порой заводились блохи, так что в богатых домах их меняли четыре раза в году, а в бедных — раз в год. Зажиточные купцы перед званым обедом устилали полы фиалками и другими цветами, а стены и стол украшали зеленью, купленной на базаре. Комнат в домах было мало; слуги проводили ночь, где придется. Даже в больших домах гости нередко спали в той же комнате, что и хозяева. В «Рассказе священника» Чосера два студента из Кембриджа, устроившись на ночлег в доме мельника и оказавшись с его домашними в одной комнате, воспользовались благосклонностью жены и дочери хозяина дома.

Этьен Марсель старался поднять третье сословие — от поденщика до богатого предпринимателя и купца — на борьбу с дофином. Чтобы заставить того пойти на уступки, Марсель стал активно подбивать народ на возмущение. Когда Карл попытался провести новую девальвацию денег, вызвав негодование парижан, Марсель призвал все гильдии города прекратить работу и вооружиться. Вынужденный пойти на попятный и оставшийся без средств, Карл вернулся в Париж и снова созвал Генеральные Штаты.

На сессии этого собрания, состоявшейся в феврале-марте 1357 года, все ранее предлагавшиеся реформы были включены в Великий ордонанс, законодательный акт, выработанный под руководством Марселя и ставший «хартией вольностей» французского третьего сословия. В этом документе, к слову сказать,

воплотились в жизнь чаяния Амброджо Лоренцетти, художника из Сиены, за несколько лет до того создавшего фреску «Плоды доброго управления», в которую он вложил свои представления о мирной счастливой жизни: в изображенном им городе жители старательно и плодотворно трудятся, а военные (на фреске вооруженные всадники) мирно уживаются с ними.

Великий ордонанс не предусматривал учреждения нового государственного устройства, а преследовал гораздо более узкие цели: ограничить королевскую власть, расширить права Генеральных Штатов (в частности, предоставив этому собранию право периодически собираться по собственному почину) и образовать Большой правительственный совет в составе тридцати шести членов с одинаковым представительством всех сословий.

Великий ордонанс, в частности, предписывал отстранить от должности королевских советников, а от членов нового Большого совета требовал «отказаться от привычек своих предшественников поздно приходить на работу и трудиться с прохладцей». Согласно предписанию Великого ордонанса, рабочий день всех должностных лиц должен был начинаться «с восходом солнца», им следовало платить высокое жалование, но штрафовать за недосмотры в работе и нерадивость. В других статьях Великого ордонанса говорилось о возможности девальвации денег лишь после согласования этого непростого вопроса с Генеральными Штатами, об уменьшении расходов на содержание королевской семьи, о необходимости ускорить судебные разбирательства, о запрещении заниматься предпринимательством провинциальным судебным приставам, о призыве на военную службу лишь при

определенных условиях, о запрещении знатным людям покидать страну без специального разрешения, о запрете внутренних войн, о невозможности конфискации земель бедняков без денежной компенсации и о праве жителей деревень иметь оружие для защиты от грабителей и разбойников. Наконец, Генеральные Штаты постановили увеличить налоги, чтобы содержать в течение года тридцатитысячную боеспособную армию, однако контроль за расходованием будущих денежных поступлений собрание оставило за собой.

Дофин долго отказывался подписать принятый Генеральными Штатами документ, и тогда Марсель вывел на улицу парижан, число которых ежедневно росло; уличное бурление проходило под возгласы «К оружию!». Встревоженный создавшимся положением, дофин скрепил Великий ордонанс своей подписью, подписавшись как регент, на чем настояли Генеральные Штаты, чтобы придать документу бесспорную легитимность. После этого был сформирован Большой совет, а королевские министры, оказавшиеся, к своему неудовольствию, не у дел, отправились в Бордо, чтобы уведомить короля о сложившейся обстановке. Находившийся в плену Иоанн дезавуировал подпись своего сына под ордонансом, а сам документ признал вредным и незаконным.

Летом 1357 года ни дофин, ни Генеральные Штаты не могли эффективно управлять государством. В Генеральных Штатах начались разногласия между представителями сословий, и на сессию очередного созыва многие депутаты от знати и духовенства попросту не явились. Стало ясно, что привилегированные сословия Великий ордонанс не поддерживают. Тем временем

обстановка во французской провинции до крайности накалилась.

После битвы при Пуатье Черный принц распустил наемников, и эти люди, оставшись без официального заработка, стали заниматься разбоем и грабежом — тем, чему они научились во время военных действий. Англичане, валлийцы, гасконцы и немцы, собравшись в отряды по двадцать-пятьдесят человек, двинулись на север и стали действовать между Луарой и Сеной, а также между Парижем и Английским каналом. На севере к ним присоединились солдаты из армии Филиппа Наваррского, оставшиеся во Франции англичане из войска Ланкастера, да и бретонцы, местные жители, решившие обогатиться в смутные времена.

Действия разбойничьих отрядов облегчали два обстоятельства — отсутствие у страны короля и потеря во время войны большого количества боеспособных знатных людей. Постепенно эти отряды увеличивались в числе, объединялись, организовывались и начинали действовать с еще большим размахом. Захватив какой-нибудь замок, они использовали его в качестве опорного пункта, откуда совершали нападения на окрестности. Страдали от этих отрядов и города. Выбрав город, находившийся неподалеку от их опорного пункта, бандиты добивались до него по скрытым от глаз дорогам и поджигали несколько домов на окраине. Местные жители полагали, что в их город пришла война, и в спешке бежали, после чего бандиты грабили город и исчезали. Отряды разбойников вымогательствами получали выкуп с богатых деревень, бедные деревни сжигали, грабили монастыри и аббатства, убивали и

мучили тех, кто прятал свое добро, не щадили даже стариков и священников, насиловали женщин, угоняли крестьян: женщин для дальнейшего надругательства, мужчин — для подневольной работы. Уводя пленников, разбойники сжигали фермы, опустошали поля, вырубали фруктовые деревья и виноградники.

Отряды такого рода существовали еще в XII веке и наиболее быстро плодились в Италии, где знать, в большинстве своем населявшая города, привлекала к военной службе преимущественно наемников. Потеряв службу, эти наемники объединялись в отряды, в которые вливались изгнанники, разорившиеся и обедневшие люди и просто искатели приключений. Эти отряды, состоявшие из немцев, бургундцев, итальянцев, венгров, каталонцев, провансальцев, фламандцев, французов, швейцарцев, обладали превосходным вооружением и подчинялись опытным командирам.

В середине XIV столетия одним из наиболее известных предводителей таких отрядов был бывший иоаннит Фра Монреале. Собрав под своим началом большие силы, он потребовал от Венеции 15 000 золотых флоринов, чтобы бороться с Миланом. В 1353 году он вымогательством и угрозами получил 50 000 флоринов от Римини, 25 000 флоринов от Флоренции и по 16 000 от Сиены и Пизы. Конец его деятельности положил Кола ди Риенци, итальянский политик, мечтавший о создании независимой Римской республики. Прельстившись богатством Фра Монреале, ди Риенци пригласил его в Рим на переговоры о возможном сотрудничестве. Фра Монреале приехал в Рим тайно, один, но был схвачен, предан суду как закоренелый разбойник и приговорен к смертной казни. Нераскаявшийся в своих преступлениях,

он заявил перед казнью: «В этом лживом и жалком мире я был вынужден прокладывать себе дорогу мечом».

Существованию подобных отрядов способствовало отсутствие организованных государственных армий. Филипп VI, узнав, как легко некий Бэкон захватил со своим отрядом хорошо укрепленный замок, переманил его в свое войско за 20 000 английских крон. Другой главарь такого отряда, Крокар, начинавший службу «бедным оруженосцем» в бретонских войсках, стяжал себе столько славы своей выдающейся доблестью, что англичане ему доверили выступить на их стороне в сражении Тридцати. После этого король Иоанн, пожелавший нанять Крокара на службу, пообещал ему рыцарство, невесту знатного рода и две тысячи ливров. Крокар отказался, предпочтя независимость.

Отряды разбойников действовали и на территории Франции. Основу их составляли оставшиеся в стране англичане, но в отрядах было достаточно и французов, а французские рыцари, обедневшие после выплаты выкупа англичанам, а также младшие и незаконнорожденные сыновья знатных людей иногда даже возглавляли эти отряды.

Наиболее известным из них был Арно де Серволь, дворянин из Перигора, прозванный Протоиереем, ибо он был одно время священнослужителем. Попав в плен к англичанам во время битвы при Пуатье, он получил свободу за выкуп, после чего вернулся во Францию и в 1357 году возглавил разбойничий отряд, дав ему, не таясь, говорящее название «Доходное общество», *«Societa dell' acquisito»*. Пополнив ряды за счет людей прованского дворянина Раймона де Бо, Серволь возглавил отряд в две тысячи человек и превратился в

наиболее дерзкого и решительного разбойника своего времени. Он держал в страхе Прованс, и папа, находившийся в Авиньоне, обеспокоившись за свою безопасность, решил вступить с Серволем в переговоры. Серволя пригласили в папский дворец, где приняли с высочайшими почестями. Серволь обедал несколько раз с папой и кардиналами и наконец получил отпущение всех своих немалых грехов и сорок тысяч экю за то, чтобы уйти из Прованса.

Из англичан наиболее известным предводителем разбойничьего отряда был сэръ Роберт Ноллис — по словам Фруассара, «доблестный и искуснейший воин». Он стяжал себе первую славу в бретонских войнах, затем участвовал в сражении Тридцати и был возведен в рыцарское достоинство. После службы под началом Ланкастера он остался в Нормандии и, возглавив большой отряд, занялся грабежами. Благодаря своему воинскому искусству и беспощадности, он сколотил огромное состояние в размере ста тысяч крон. В конце пятидесятих годов XIV столетия он орудовал в долине Луары между Орлеаном и Везле и захватил сорок замков. След из множества сожженных им дотла городков и деревень долго именовали «хвостом Ноллиса». После того как Ноллис известил короля Эдуарда, что все захваченные им земли находятся в распоряжении английской короны, Эдуард благосклонно простил его за нарушение достигнутого с французами перемирия. Своими военными достижениями, сочетавшимися с разбоем, Ноллис так же известен, как Чандос и Черный принц. В годы войны он находился на службе у короля, а в мирное время обирал население. В конце жизни сэръ Роберт Ноллис занялся благотворительностью, щедро жертвовал церкви и построил несколько богаделен.

Французы называли его Робером Каноле́м и считали «мерзостным человеком, всю свою жизнь приносившим вред Франции».

Анархия, установившаяся во Франции после битвы при Пуатье, привела к ненависти простого народа к людям, поправлявшим свои дела силой оружия, и в народе одинаково поносили как безродных разбойников, так и промышлявших разбоем рыцарей; а вот в великосветской среде к таким людям относились по-разному, и не все их осуждали. «Молодой, храбрый и привлекательный» Эсташ д'Обресикур, рыцарь из Эно, участвовавший на стороне англичан в битве при Пуатье, с установлением перемирия превратился в разбойника и добился таких успехов, что завоевал любовь Изабеллы, овдовевшей графини Кентской, племянницы английской королевы и уроженки Эно, как и он сам. Она засыпала Эсташа подарками и любовными письмами, вдохновлявшими его на новые «подвиги». Он захватил Шампань и часть Пикардии, но затем его взяли в плен французские рыцари, сумевшие наконец-то объединиться, чтобы дать отпор дерзостному разбойнику. Заплатив огромный выкуп в двадцать две тысячи франков, д'Обресикур, чтобы поправить пошатнувшееся положение, вернулся к прежним занятиям, возглавил отряд в две тысячи человек, а затем принялся продавать захваченные им замки прежним владельцам. Эти действия отнюдь не уронили его в глазах прекрасной графини, и он женился на Изабелле.

В ответ на недовольство французов, непрерывно жаловавшихся на то, что английские отряды разбойников нарушают перемирие между странами, король Эдуард приказал расформировать эти отряды, но его указ ситуацию не исправил, да и сам король полагал, что пока

с французами обсуждаются условия мирного договора, эти отряды оказывают на Францию благоприятное для переговоров давление. Кроме того, Эдуард не хотел ссориться с Карлом Наваррским. Хотя тот все еще находился в тюрьме, его сторонники, включая брата Филиппа, действовали в интересах английской короны.

Для защиты от отрядов грабителей в деревнях строили укрепления из камней, окружали их рвами, а на колокольню таскали камни, чтобы бросать в налетчиков, и ставили на ней часовых, чтобы наблюдать за округой. «Церковные колокола теперь не созывают людей на молитву, а призывают спрятаться от разбойников». Крестьяне укрывались в разных местах, нередко в ближайшей церкви, а жившие у реки во время налета разбойников прятались на островах или в лодках, бросив якорь посередине реки. А жители Пикардии уходили в пещеры, вырытые в те времена, когда во Францию хлынули викинги.

Хронист Жан де Венет, рассказывая о бесчинствах разбойников, полагал, что причиной насилия, воцарившегося во Франции, являлась неспособность правительства организовать разбойничьим отрядам необходимый отпор. Де Венет писал свою хронику в шестидесятые годы XIV столетия, будучи в то время главой ордена кармелитов. Изъявляя солидарность с третьим сословием, он критиковал регента, «не принимавшего мер для исправления тяжкого положения», и надменных аристократов, «презиравших простолюдинов и даже не помышлявших о сотрудничестве с ними». Как считал де Венет, «аристократы грабят крестьян, присваивая себе плоды их труда, и никоим образом не защищают страну от внешних врагов». Кроме того, он полагал, что

Генеральные Штаты прекратили работу из-за преднамеренных разногласий аристократов с третьим сословием. «С того времени, — писал де Венет, — во Франции воцарилась неразбериха, способная погубить государство».

В то же время некий бенедиктинский монах, возмущенный положением в государстве, выступил с полемическим заявлением «Грустный взгляд на незавидное положение французского королевства». Уязвленный тем, что король некогда гордой Франции был пленен «в самом сердце страны» и беспрепятственно препровожден на чужбину, этот монах критиковал военную подготовку французских рыцарей и задавал им неудобные вопросы: «Где вы учились военному делу? Кто наставлял вас? В чем заключалось ваше учение? Не воевали ли вы с врагом под знаменем любвеобильной Венеры, думая лишь о том, чтобы поскорее покинуть поле сражения и погрузиться в плотские наслаждения?..» Последний вопрос звучал так: «Можно ли научиться военному делу, тратя молодые годы на охоту и развлечения?» Монах также порицал простолюдинов, находящихся под каблуком у неразумных жен и помышляющих лишь о том, как набить свой живот. Обличал монах и священнослужителей — за недопустимую роскошь, алчность, распутство, зависть, чревоугодие. Монах сетовал, что добродетель утрачивается, пороки растут, честность изничтожается, милосердие исчезает, алчность распространяется, хаос усиливается, а порядок гибнет.

Но были ли сетования монаха просто традиционным монашеским обличением существовавших порядков в мире или выражением глубокого пессимизма, который

начал распространяться во второй половине XIV столетия?

Освобождение за выкуп французского короля не находило взаимоприемлемого решения. Эдуард стремился добиться от Франции максимальных территориальных уступок и наибольшего выкупа. В конце концов в мае 1357 года Иоанна привезли в Лондон, а само вступление в город французского короля, плененного на поле сражения, вылилось в пышную, небывалую церемонию. Процессия двигалась не спеша, и ей потребовалось немалое время, чтобы пересечь город и добраться до Вестминстерского дворца. В центре внимания многочисленных зрителей был одетый в черное Иоанн. Он сидел на белой лошади и ехал впереди тридцати других знатных пленников, рядом со своим победителем Черным принцем, восседавшим на боевом вороном коне. Процессия двигалась мимо домов, увешанных трофейными гербами и гобеленами, по булыжным мостовым города, усеянным розовыми лепестками. Расставленные по пути следования процессии двенадцать прекрасных дев бросали всадникам золотые и серебряные цветы, изготовленные английскими ювелирами.

Присутствие знатных пленников добавило блеск королевскому двору Эдуарда, который не скупился на празднества, а по случаю Рождества устроил пышное торжество с грандиозным турниром, проводившимся ночью при свете факелов. Иоанна поселили в Савойском дворце, дозволили принимать визитеров из Франции и пользоваться всеми благами придворной жизни, но приставили к нему стражников, чтобы пленник не

сбежал. Лангедок прислал к нему делегацию в составе представителей знати и нескольких буржуа с даром в десять тысяч флоринов и заверениями в преданности и рвении, направленном на его освобождение из неволи. Прислали деньги также Лан и Амьен. Мистическое почитание королевского сана господствовало над стремлением подданных выполнять свои прямые обязанности на службе у короля.

В скорбное для Франции время Иоанн покупал лошадей, собак, ловчих птиц, приобрел шахматы и дорогостоящие часы, для своего стола заказывал китовое мясо и оленину из Брюгге, а также покупал дорогую одежду для себя, сына Филиппа и своего любимого шута, которому пожаловал несколько шляп, отделанных горностаем и украшенных жемчугом. Иоанн содержал астролога, а также «короля менестрелей» и музыкантов. Чтобы еще больше обогатиться, Иоанн продавал на сторону лошадей и вино — подарки из Лангедока. Ознакомившись спустя пятьсот лет с бухгалтерией Иоанна II, Жюль Мишле, французский историк, заявил, что та его потрясла.

Переговорам о выкупе Иоанна и об условиях мирного договора препятствовали завышенные донельзя требования английского короля. Эдуард определил выкуп за Иоанна в немыслимом доселе размере — три миллиона экю — и требовал передать английской короне Гиень, Кале и все бывшие владения Плантагенетов во Франции. В случае выполнения французами этих условий Эдуард обязывался отказаться от посягательств на французский престол. Переговоры тянулись медленно, несмотря на посреднические усилия представителей папы. На переговорах французы преследовали главную цель: выкупить короля, без чего подписание мирного

договора было немыслимо. Кроме всего прочего, король считался защитником государственного порядка. Со времен Людовика Святого, который использовал королевскую власть для пресечения то и дело возникавших междоусобиц, вершил правосудие и устанавливал приемлемые налоги, король в общественном мнении являлся гарантом закона и защитником государства от внутренних и внешних врагов. Все неудачи преемников Людовика Святого не могли запятнать королевский сан, и Иоанн, его незадачливый представитель, был почитаем в той же мере, что и Людовик Святой.

Французские провинции, полагавшие, что королевская власть — единственная защита от разбойников и внешней угрозы, не хотели мириться с немощью страны. Воспользовавшись этими настроениями, дофин в августе 1354 года набрался храбрости, восстановил в должности смещенных королевских советников и дерзновенно сообщил Этьену Марселю и Совету тридцати шести, что сам намерен управлять государством. Тогда Марсель обзавелся союзником, который, как оказалось в дальнейшем, ему не помог.

В ноябре 1357 года Карла Наваррского освободили из заключения, к чему, скорее всего, приложили руку Этьен Марсель и Робер Лекок. Противники дофина рассматривали Карла Наваррского как альтернативу монархам из династии Валуа. Карл въехал в Париж в сопровождении высокородных аристократов из Пикардии и Нормандии, среди них был и семнадцатилетний сеньор де Куси, к тому времени признанный вассалами своим

законным властителем. Ангерран VII примкнул к Карлу Наваррскому, вероятно разделяя недовольство многих знатных людей Северной Франции правлением монархов из династии Валуа, но он недолго находился в рядах «отщепенцев», чему способствовало его превосходное политическое чутье, не покидавшее Ангеррана до конца его дней.

В Париже Карл Наваррский собрал ближайших сторонников и с присущим ему красноречием обратился к ним с речью, в частности заявив, что не против занять французский престол, что стало бы для французов гораздо более приемлемым выходом из сложившейся ситуации по сравнению с воцарением во Франции Эдуарда. Притязания Карла Наваррского на престол вынудили дофина вернуться в Париж и снова созвать Генеральные Штаты. Затем он решил обратиться напрямую к народу. Оповещенные глашатаями, парижане собрались на рынке Ле Аль, и дофин из седла пообещал установить спокойствие в государстве, что вызвало хор одобрительных восклицаний. Помощник Марселя попытался выступить с отповедью дофину, но его с позором изгнали с площади.

Встревоженный успехом дофина, Марсель решил прибегнуть к насилию, пойдя по пути Карла Наваррского, в свое время руками своих людей убившего коннетабля Карла Испанского. Подвернулся и случай. Перрен Марк, антиправительственно настроенный парижанин, убил королевского казначея, после чего нашел убежище в церкви. Однако люди маршала де Клермона, одного из приближенных дофина, нарушив предоставлявшееся церковью право убежища, вытащили Перрена из храма и тут же повесили без суда. Тогда Марсель, возглавив три тысячи вооруженных мастеровых и торговцев,

направился к королевскому дворцу. По пути этой возбужденной толпе попался на глаза Рено д'Аси, советник дофина, и с ним тотчас расправились.

Подойдя к дворцу, Марсель с частью своих людей ворвался в спальню дофина, в которой кроме самого Карла находились два его маршала — уже упоминавшийся де Клермон (сын маршала, погибшего в битве при Пуатье) и Жан де Конфлан, сир де Дампьер, бывший депутат Генеральных Штатов, который в угоду дофину покинул это собрание. Средневековые хроники, касаясь этой истории, описывают одну и ту же картину: обнаженные мечи в руках жестоких, бессердечных людей, дофин, от страха трясущийся на кровати, а у его ног окровавленные тела двух маршалов. Их трупы вытащили во двор и оставили там на всеобщее обозрение, а Марсель отправился на Гревскую площадь и из окна ратуши обратился к собравшейся возбужденной толпе, надеясь на одобрение своих действий. Марсель заявил, что устранил «опасных и вероломных людей» и сделал это на благо Франции. Толпа единодушно поддержала его и выразила готовность следовать за Марселем «в жизни и смерти». Вернувшись во дворец, Марсель сообщил дофину, что расправился с маршалами «по воле народа», и поэтому принцу следует выразить свою солидарность с народом Франции. Потрясенный дофин ответил Марселю, что он всегда руководствуется народными интересами.

Марсель пошел на убийство ближайших приближенных дофина, чтобы запугать того и заставить признать выбранный Генеральными Штатами Совет тридцати шести, однако пришедший в себя дофин отправил семью в близлежащую крепость Мо на Марне, а сам уехал в Санлис. Едва лишь конфликт обернулся

насилием, обращенным против монархии и аристократии, политическая борьба сменилась кровопролитием и радикальным смещением баланса сил. Убийство маршалов стоило Марселю остатков поддержки среди аристократии, убедило последних, что их интересы способна защитить только корона.

Действия дофина ускорили начало Жакерии, крестьянского восстания, получившего название от презрительной клички «Жак Простак», как называли крестьян французские феодалы, и вспыхнувшего в мае 1358 года. Чтобы уменьшить опасность агрессивных действий Марселя, дофин, едва покинув Париж, повелел перерезать пути снабжения города продовольствием, а владельцам замков, которым мог угрожать Марсель, наоборот, повелел запастись продуктами. По одной из версий, феодалы отбирали еду у крестьян, что и спровоцировало восстание. По другой версии, Жакерия вспыхнула по подстрекательству Этьена Марселя, убедившего «Жаков Простаков», что распоряжение регента направлено против них и в скором будущем их ждут новые притеснения. Но у крестьян была и своя причина восстать.

Кем были крестьяне, эти атланты средневекового мира, державшие на своем горбу все три французских сословия? В грубых подпоясанных блузах и длинных чулках, они работали весь год напролет. В опубликованной в 1471 году «Сельскохозяйственной энциклопедии», составленной Петрюсом Кресценцием, иллюстрировался труд крестьянина в течение года. Вот он в блузе и соломенной шляпе на лугу косит траву, вот вместе с женой вяжет снопы, вот давит виноград в

деревянном чане, стрижет овцу, зажав ту между ног, пасет свиней, идет по снегу с вязанкой дров на спине, греется в хижине у огня.

Крестьяне в зависимости от своего материального положения делились на группы: от пауперов (людей, лишенных средств к жизни) до собственников земли, имевших возможность дать образование сыновьям. В широком смысле всех крестьян презрительно называли вилланами, хотя это слово произошло от безобидного латинского *villa* (вилла). В более узком смысле, вилланом назывался свободный крестьянин, арендовавший землю у феодала. Этот крестьянин платил феодалу ренту или выполнял для него сельскохозяйственные работы, за что феодал его при необходимости защищал.

Одной из категорий вилланов являлись сервы, по существу крепостные, с рождения принадлежавшие феодалу. Серв не имел права жениться на женщине из другого поместья. Если серв умирал бездетным, его дом и другая собственность переходили сеньору, ибо считалось, что все это имущество находилось в аренде у серва. Кроме обработки земли, сервы в поместье у феодала занимались самой разнообразной работой: чинили мосты, ремонтировали дороги, заготавливали дрова, работали конюхами, кузнецами, пряхами, ткачами и прачками. Правда, к началу XIV столетия феодалы стали покупать промышленные товары на стороне и пользоваться трудом наемных рабочих, и потому с того времени большая часть крестьян работала на сельскохозяйственных угодьях своего феодала.

Крестьяне платили налог на очаг, церковную десятину, собирали деньги на выкуп попавшего в плен сеньора, на рыцарское снаряжение его сыновей, на

приданое его дочерям, а также платили за использование установок, приспособлений и механизмов, принадлежавших сеньору: мельниц, давяльных прессов, хлебопекарной печи. Сложившиеся правила землепользования шли на пользу сеньору: его поля обрабатывались, сено косилось, а урожай собирался в первую очередь. Первым делом спасали и его урожай в случае неблагоприятной погоды или нашествия насекомых-вредителей. Крестьяне выгоняли скот на пастбище и приводили обратно непременно полем сеньора, чтобы то унавоживалось.

Существовавшая система взаимоотношений между сеньорами и крестьянами поддерживалась церковными наставлениями. Церковь учила, что тот, кто плохо работает на сеньора и не выполняет его приказы, непременно попадет в ад, где его ожидают вечные муки. Не забывала церковь и о себе, утверждая, что тот, кто не платит церковную десятину, губит собственную бессмертную душу. Церковную десятину можно было платить натурой: зерном, свиньями, яйцами, курами. Крестьяне также страдали от произвола и самовластия управляющего поместьем. Управляющие нередко повышали налоги (чтобы присвоить себе излишек) или обвиняли крестьян в воровстве, после чего обещали за мзду избавить от наказания.

Богатым крестьянином считался владелец плуга, стоившего от 10 до 12 ливров, и тягловой лошади, стоимостью от 8 до 10 ливров. Бедные крестьяне при возможности брали плуг в долг или обрабатывали землю вручную. У 75–80 % крестьян плуга не было; половина этих крестьян имела несколько акров земли, что приносило им некоторый достаток, а другие жили на грани существования, обрабатывая небольшой участок

земли и дополнительно трудясь на сеньора или богатых соседей. Эти люди жили в домах без мебели, с отверстием в крыше в качестве дымохода. Спали они на соломе, питались хлебом и луком, дешевыми фруктами.

Впрочем, дошедшие до нас сведения о жизни крестьян XIV столетия нередко противоречивы. К примеру, по некоторым сведениям, «даже среди бедняков было принято мыться в общественной бане, имевшейся почти в каждой деревне», а в других хрониках, со слов современников, говорится, что от крестьян дурно пахло. По мнению англичан, французские крестьяне жили хуже английских, питались плохо, не ели мяса, а во французских хрониках говорится, что они ели свинину и птицу на вертеле; им также были доступны яйца, соленая рыба, сыр, сало, горох, бобы, фрукты, овощи из своего огорода, ржаной хлеб, мед, сидр и пиво.

Крестьяне со средним достатком жили в одноэтажных домах с соломенной крышей и оштукатуренными стенами из смеси камней, соломы и глины. Окна в домах были редкостью. Их заменяли голландские «половинчатые» двери для доступа света и воздуха и вытяжки дыма. В некоторых домах имелся камин. Мебель в таких домах составляли кровать (обычно для всей семьи), стол на козлах, скамейки, буфет, шкаф, сундук. В хозяйстве имелись железные и оловянные кастрюли, глиняные кувшины и чашки, деревянные ведра и лохани для стирки.

Жизнь крестьян обычно была короткой, что обуславливалось повседневным тяжелым трудом и болезнями: дизентерией, туберкулезом, пневмонией, астмой, а также загадочной хворью — огнем святого Антония, — которая могла иссушить конечности «неким

потаенным в организме огнем» и отделить их от тела. В настоящее время считают, что эта загадочная болезнь в одних случаях была рожей, а в других случаях — эрготизмом, вызванным спорыньей.

Однако в массе своей крестьяне влачили жалкую жизнь. В средневековом французском рассказе «Мерлен Мерло» крестьянин горестно восклицает: «Что станет со мной, трудящимся без отдыха? Вряд ли когда-нибудь мне посчастливится отдохнуть. Горек тот час, когда родится виллан. Вместе с ним рождается и страдание... Я жалок, как петух, вымокший под дождем, как собака, побитая палкой». Дети виллана были всегда голодны, а жена непрестанно ругала его за безденежье.

К крестьянам остальные категории граждан средневековья относились с презрением. В большинстве баллад и рассказов крестьянин немьт, небрит, жаден, хитер, подозрителен, агрессивен и к тому же еще и глуп, а душа виллана, как считали некоторые рассказчики, никогда не попадет в рай из-за ее смрадного запаха. В этих рассказах высмеиваются манеры и привычки виллана, его неспособность постоять за себя и даже его тощий карман. Рыцари считали крестьянина человеком с низменными наклонностями, не имеющим понятия о чести и добром имени и потому способным на плутовство и мошенничество. О крестьянах насмешливо говорили: «Ударь виллана, и он благословит тебя; благослови виллана, и он ударит тебя».

В рассказе «Все зло от вилланов» автор глубокомысленно рассуждает: «Скажите на милость, по какому праву виллан ест говядину?... А гуся? Это тревожит Бога. Он страдает от этого, да и я тоже. Жалки вилланы, которые едят жирного гуся. А могут ли они

употреблять в пищу рыбу? Лучше пусть едят траву, солому и сено по воскресеньям, а по будням — горох. Вилланы должны работать без устали. А что происходит на самом деле? Некоторые вилланы ежедневно наедаются до отвала, пьют лучшие вина и щеголяют в роскошных одеждах. У таких вилланов немислимые расходы, что подрывает устройство мироздания. Эти вилланы подрывают благосостояние государства. От вилланов одни несчастья. Разве должны они есть мясо? Пусть лучше вместе с коровами щиплют траву на пастбище и ходят на четвереньках...» Этот рассказ адресован знати и другим состоятельным людям. Но отвечало ли его содержание тому, что хотела услышать эта аудитория, или он представлял собой сатиру на ее отношение к бесправным, по существу, крестьянам?

Теоретически земледельцы были защищены от грабежей и насилия, однако практика с теорией не считалась. В хрониках рассказывается и о том, что разбойники беззастенчиво обирали крестьян, пытками заставляя их отдавать последние деньги. Некоторые священники говорили, что крестьяне постоянно работают на общество и заслуживают доброго к себе отношения, но в то же время советовали крестьянам быть терпеливыми и покорными.

В 1358 году положение крестьян стало критическим. Грабители угоняли скот, отбирали продовольствие и телеги для перевозки награбленного и даже инструмент и плужные лемехи для заточки оружия. Крестьяне продолжали платить налоги и собирать деньги на выкуп попавшего в плен сеньора. Сеньоры же даже не помышляли защищать крестьян от разбойников. Крестьяне также возмущались тем, что деньги, которые они собирали на нужды армии, знать расходовала «на

беспутные развлечения», украшения и наряды, в результате чего французские рыцари уступили противнику в сражении при Креси и потерпели позорное поражение в битве при Пуатье. Кроме того, крестьян возмущало предательство рыцарей, оказавшихся в плену у разбойников. Те, кто не мог собрать выкуп, вступали на год-другой в отряды головорезов. Рыцарь становился разбойником. Жакерию породила не осознанная потребность в необходимых реформах, а ненависть крестьян к своим угнетателям.

Двадцать восьмого мая 1358 года жители деревни Сен-Ле на Уазе, поблизости от Санлиса, после вечерни собрались на кладбище. Они наперебой поносили рыцарей за попустительство в пленении короля и за их предосудительную бездейственность в избавлении монарха из неволи. «Рыцари, — говорили крестьяне, — годятся лишь для того, чтобы нас обирать. Они опозорили королевство, разоряют его, и потому их самих следует истребить».

После этого возбужденная толпа в сто человек, вооруженных палками и ножами, ворвалась в ближайшее поместье, убила рыцаря, его жену и детей и подожгла дом. Затем, по словам Фруассара, крестьяне ворвались в соседний замок, схватили рыцаря, привязали к столбу и у него на глазах изнасиловали его дочь и беременную жену, после чего со всеми покончили и наконец, как могли, разрушили замок. По другому источнику, в ту ночь были убиты четыре рыцаря и пять оруженосцев.

Вооруженное выступление крестьян из Сен-Ле переросло вскоре в восстание, к которому ежедневно присоединялись все новые люди, прихватывавшие с

собой вилы, косы и топоры. Восставшие нападали на поместья и замки. Постепенно число восставших крестьян приблизилось к ста тысячам человек. Восстание охватило долину Уазы, Иль-де-Франс и ближайшие районы Шампани и Пикардии, включая владения де Куси. В епархиях Лана, Санлиса и Суасона были уничтожены более ста поместий и замков и более шестидесяти — вблизи Бове и Амьена.

Не в силах оказать сопротивление восставшим крестьянам, феодалы перебирались со своими семьями в города, чтобы укрыться от разъяренной толпы за крепостными стенами. Повстанцы продолжали грабить поместья, действуя «без сострадания и жалости, как бешеные собаки». По словам Фруассара, «никогда еще среди христиан и даже среди сарацин не находилось столь жестоких людей, о которых до их злодейств и помыслить было нельзя, что они способны на самые страшные преступления».

В своей хронике Фруассар, в частности, повествует о страшной кончине рыцаря, которого повстанцы, прикончив, зажарили на вертеле на глазах жены и детей, после чего заставили женщину съесть кусок приготовленного жаркого, а затем убили ее. Далее в хронике рассказывается, как группа восставших крестьян, вторгнувшись в поместье одного феодала, унесла из птичника всех цыплят, в пруду выловила всех карпов, опустошила винные погреба, в саду сняла весь урожай и затем устроила пир. В районах, где священнослужителей ненавидели в той же мере, что и знатных людей, сельские священники, оставляя свои приходы, бежали в ближайший город.

Вождем повстанцев был Гийом Каль, выходец из Нормандии, смелый и решительный человек, набравший боевого опыта в сражениях с англичанами, и прирожденный оратор. Он сумел внести некоторую организованность в действия восставших крестьян, учредил военный совет и назначил командиров подразделений. Его люди сменили вилы, косы и топоры на мечи. Каль перенял у рыцарей боевой клич «Монжуа!» и ввел в своем войске знамена с геральдической лилией, давая понять, что крестьяне воюют с аристократами, а не против монарха.

Каль хотел заключить союз с городами против аристократов, чтобы объединить усилия недовольных положением в государстве. Как следует из «Хроник правления Иоанна II и Карла V», составленных монахом из Сен-Дени, буржуа отдельных северных городов были не прочь заключить союз с Калем. Жители Бове и Санлиса поддержали восставших, открыли им городские ворота и предоставили в их распоряжение продовольствие, а многие горожане присоединились к повстанцам. В Бове с согласия мэра и магистратов казнили нескольких высокородных людей, доставленных в город в качестве пленников. В Амьене нескольких феодалов приговорили к смерти заочно.

Но далеко не все буржуа поддерживали восставших. В Компьене муниципальные власти отказались выдать повстанцам аристократов, укрывшихся в городе, закрыли городские ворота и укрепили городскую стену. В нормандском Кане агитатор повстанцев с миниатюрным плугом на шляпе расхаживал по улицам города, призывая народ присоединиться к восставшим, но

желающих не нашлось. Позже его убили три горожанина, которых он оскорбил.

И все же многие горожане поддерживали повстанцев. Согласно сохранившимся прошениям о помиловании, написанным после подавления смуты, их подателями являлись мясники, возчики, бочары, муниципальные служащие и даже священники, которые вместе с крестьянами участвовали в разбое и грабежах. В восстании принимали участие даже нетитулованные дворяне, но помогали ли они повстанцам по убеждению или использовали возможность обогатиться или влиться в ряды восставших их заставили чрезвычайные обстоятельства, сказать затруднительно. По крайней мере, рыцари, оруженосцы и городские и сельские чиновники, обвиненные в участии в смуте, утверждали, что примкнули к восставшим по принуждению, и это, возможно, было правдой, ибо повстанцам не хватало образованных лидеров.

Командиры повстанцев далеко не всегда управляли создавшимся положением. Так, в Вербери, когда командир одного повстанческого отряда возвращался из рейда с пленным оруженосцем, его окружила толпа, потребовавшая немедленно расправиться с пленным. «Побойтесь Бога, — уговаривал толпу командир. — Не идите на преступление. Не берите грех на душу». Для этого повстанца аристократ все еще оставался влиятельным человеком. Для него, но только не для толпы — оруженосцу отсекли голову.

Когда восстание набрало силу, повстанцы на вопрос о цели выступления отвечали, что хотят истребить всех аристократов до единого. Трудно сказать, действительно была ли такова цель повстанцев, однако аристократы,

оказавшиеся в зоне восстания, опасаясь за свои жизни, обратились за помощью к феодалам Фландрии, Эно и Брабанта.

Марселю казалось, что Жакерия даст ему дополнительное оружие в развязанной им войне против аристократов, и он решил воспользоваться этим оружием, совершив пагубную ошибку, которая лишила его поддержки имущих классов. По подстрекательству Марселя отряд повстанцев, действовавший в предместьях Парижа под командованием двух столичных купцов, вторгся во владения советников короля — Робера де Лорри, Симона де Бюсси и Пьера д'Оргемона. Ворвавшись в замок Эрменонвиль, подаренный королем де Лорри, повстанцы выволокли Робера во двор и, поставив на колени, заставляли проклясть французских аристократов и принести клятву верности парижской общине.

Воодушевленный этим успехом, Марсель решил захватить семейство дофина, нашедшее убежище в Мо. По призыву Этьена Марселя парижане объединились с повстанцами, и 9 июня около девяти тысяч вооруженных людей подошли к воротам города. Целью отряда был захват хорошо укрепленной городской цитадели, известной как «Рынок Мо», где под охраной небольшого отряда рыцарей укрылись около трехсот знатных дам, включая жену, дочь и сестру дофина. Мэр Мо обещал дофину, что уберет его семью от всякой опасности, но когда повстанцы подошли к городу, он дрогнул и не стал противодействовать горожанам, когда те — то ли от страха, то ли из сочувствия — открыли повстанцам городские ворота, а на улицах установили пиршественные столы с едой и вином. Войдя в город,

повстанцы огласили улицы дикими криками, в то время как дамы в крепости содрогались от ужаса.

Однако у дам отыскивались защитники. В то время из Пруссии возвращались два прославленных рыцаря — капталь де Буш и Гастон Феб, граф де Фуа. Хотя один из них присягал на верность английскому, а другой — французскому королю, они были кузенами и, пользуясь перемирием между англичанами и французами, проводили время в Пруссии вместе. Узнав об опасности, которой подвергаются дамы в Мо, рыцари не смогли оставить женщин в беде, ведь совершать подвиги во имя прекрасных дам было у них в крови. Гастон Феб и де Буш, собрав отряд из ста двадцати человек, добрались до «Рынка Мо» в тот самый день, когда восставшие вошли в город. Крепость возвышалась на острове между искусственно прорытым каналом и Марной и соединялась с городом каменным мостом, перекинутым через реку.

Отряд де Буша и де Фуа из двадцати пяти конных рыцарей в тяжелом вооружении с серебристо-голубыми знаменами, украшенными изображением звезд, лилий и притаившихся львов, ворвался на заполненный повстанцами мост. Оказать сопротивление конным рыцарям на узком мосту было невыносимо, и повстанцы падали один за другим. Одни гибли от удара копьем или боевым топором, другие были смяты непомерной силой и тяжестью противника и нашли свой конец под копытами лошадей, третьи свалились в воду. Расправившись с повстанцами на подступах к «Рынку Мо», рыцари перенесли боевые действия в город, где продолжили кровавую бойню, истребляя повстанцев, как «диких животных», а затем пустились в погоню за теми, кто успел скрыться за городскими воротами.

В хрониках говорится, что рыцари уничтожили в Мо «несколько тысяч» повстанцев, чему поверить немыслимо, но несомненно одно: повстанцам был нанесен серьезный урон. Рыцари же потеряли всего несколько человек (одному стрела угодила в глаз). После боя рыцари разграбили и сожгли город. Дома и церкви подверглись полному разграблению, мэра повесили, многих горожан за пособничество повстанцам убили, немало людей сгорело в своих домах. Мо горел в течение двух недель, а позже за измену короне потерял статус автономной общины.

Воодушевленные успехом, французские рыцари продолжили бороться с повстанцами. Включился в эту борьбу и Карл Наваррский, выступив против восставших крестьян в Пикардии и в районе Бове. К этому его побудили сторонники, которые при встрече заявили ему: «Если восстание, поднятое крестьянами, не будет подавлено, они уничтожат аристократов и все разрушат». Карл не стал возражать, хорошо себе представляя, что сможет взойти на французский трон или, как минимум, расширить свое политическое влияние только при поддержке аристократов.

Собрав немалое войско, в которое вошел барон де Куси, Карл выступил против повстанцев, стоявших лагерем у Клермона под началом Гийома Каля. Каль благоразумно приказал своей армии, состоявшей из нескольких тысяч повстанцев, отступить к Парижу, где надеялся найти поддержку у радикально настроенных парижан, но повстанцы, пожелавшие дать бой неприятелю, отказались повиниться. Тогда Каль разделил свое войско на традиционные три отряда, из которых два, со стрелками из лука и арбалетчиками впереди, заняли позицию за обозом, а третий,

состоявший из шести сотен плохо вооруженных конников, остался в резерве.

Развернув знамена и оглашая воздух звуками труб, повстанцы приготовились к бою. Удивленный организованностью повстанцев, Карл решил уклониться от боя и действовать хитростью. Он пригласил Каля к себе под предлогом перемирия. Видно, прельщенный тем, что его пригласил король, да еще собравшийся разговаривать с ним на равных, Каль потерял всякую осторожность и явился в неприятельский лагерь один, без охраны. По приказу Карла Наваррского Каля тотчас схватили и надели на него кандалы.

Потеряв вождя, повстанцы утратили уверенность в своих силах и были разбиты войском Карла Наваррского. Деревни выдавали противнику скрывающихся у них беглецов. Продолжив военные действия, Карл уничтожил еще три тысячи восставших крестьян, включая триста человек, сожженных в монастыре, где они укрылись от неприятеля. Завершив разгром противника в Пикардии и в районе Бове, Карл Наваррский «короновал» Гийома Каля раскаленным треножником в «мужицкие короли», а затем обезглавил.

После того как повстанцы отступили на север к владениям де Куси, их истреблением занялся Ангерран, возглавив большой отряд рыцарей. По словам Фруассара, «молодой сир де Куси собрал немалое число рыцарей, которые расправлялись с повстанцами без всякого сострадания», а в «Нормандской хронике» отмечается, что Ангерран VII де Куси преследовал восставших крестьян в деревнях и вешал их на деревьях. В XIX веке ученый доминиканец отец Денифле писал, что «Ангерран VII, молодой сир де Куси, встал во главе большого

отряда рыцарей и завершил уничтожение восставших крестьян на своей территории». А вскоре французские рыцари разгромили повстанцев, действовавших между Марной и Сеной. «Рыцари врывались в деревни, неизменно их поджигали и истребляли крестьян в домах, виноградниках, а сбежавших — в лесах и полях». К 24 июня 1358 года с Жакерией было покончено.

Жакерия — если не считать ее отголосков — длилась около месяца, причем половина этого срока пришлась на ликвидацию крестьянского выступления. Как только власти пришли в себя от внезапного потрясения, восстание было подавлено силой оружия, чему способствовали неуверенность восставших в собственных силах и отсутствие привычки противиться власти имущим. Однако, подавляя восстание, аристократы переусердствовали, уничтожив большое число крестьян и увеличив тем самым нехватку рабочих рук, в которых нуждались землевладельцы.

После разгрома Жакерии во Франции развернулась борьба за власть. К тому времени Марсель успел укрепить Париж за счет усиления и возведения новых фортификационных сооружений, и столица стала ключом для завоевания власти. Регент в Венсене, пригороде Парижа, советуясь с приближенными, прикидывал, как ему вернуться в столицу. Марсель, помышлявший только о том, как взять верх над дофином, собирался передать власть в Париже Карлу Наваррскому, а верткий, как угорь, Карл торговался с обеими сторонами, да еще поддерживал отношения с англичанами.

Чтобы исполнить свой замысел, Марсель пригласил в Париж Карла Наваррского и собрал парижан на

собрание, на котором предложил выступить Карлу. Обратившись к горожанам, Карл заявил, что «давно бы стал королем Франции, будь его мать мужчиной». Часть парижан огласила воздух восторженным гомоном, но большинство промолчало, видимо не одобряя его притязаний на престол. Все же Карла избрали комендантом Парижа. Однако назначение это, одобренное народом, лишило Карла части знатных сторонников, не пожелавших «идти против аристократов». Возможно, именно в это время Ангерран VII де Куси порвал с Карлом Наваррским, ибо вскоре он примкнул к другой партии.

Тем временем положение Этьена Марселя значительно пошатнулось. Его потворство повстанцам вызвало недовольство состоятельных буржуа, не желавших мириться с разрухой в стране и расстройством торговли. Им была нужна твердая власть, и они стали склоняться к мысли, что эту власть в государстве может установить только регент. Париж распался на несколько группировок: одна поддерживала Этьена Марселя, другая Карла Наваррского, третья — регента. В создавшемся положении Марсель решил, что ему необходима военная поддержка извне. 22 июля Марсель позволил Карлу Наваррскому ввести в город отряд англичан. Возмущенные парижане, вооружившись, напали на иноземцев и вынудили тех укрыться в Лувре. Состоятельные буржуа опасались, что если добровольно не пустить в Париж регента, он возьмет город силой оружия, и массовых репрессий не избежать. Не в силах заставить Марселя по доброй воле сдать город дофину, буржуа решили прибегнуть к правилу: «лучше убить, чем быть убитым» и стали распускать в городе слухи о

вероломстве Марселя, чему при царившей в Париже неразберихе легко было поверить.

Тридцать первого июля Марсель вместе со своими людьми появился у городских ворот Сен-Дени и приказал страже передать ключи от ворот рыцарям Карла Наваррского. Стражники отказались, обвинив Марселя в предательстве. Засверкало оружие, а Жан Майяр, торговец мануфактурой, развернул королевское знамя, вскочил на лошадь и, выкрикнув боевой клич «Монжуа Сен-Дени!», поднял тревогу. Толпа запрудила улицы, загудели колокола. Тогда Марсель направился к воротам Сент-Антуан, где снова потребовал передать ключи от ворот рыцарям Карла Наваррского и вновь получил отказ. Командир стражников Пьер Дезессар был непреклонен. Завязалась рукопашная схватка, в которой численный перевес оказался на стороне стражников, и Марсель и двое его сторонников были убиты.

В тот же день многие сподвижники Этьена Марселя пали от рук толпы. Карл Наваррский бежал из города в Сен-Дени, в Париже взяла верх роялистская группировка, и 2 августа 1358 года парижане открыли городские ворота регенту. Регент помиловал всех парижан, за исключением активных сторонников Этьена Марселя и Карла Наваррского, часть которых предали смерти, а часть выслали из Парижа, конфисковав собственность тех и других в пользу сподвижников регента. 10 августа регент издал указ о всеобщей амнистии и призвал как аристократов, так и крестьян примириться друг с другом и вернуться к мирному земледелию. После смерти Марселя движению за реформы пришел конец. После Артевельде и Риенци Марсель стал третьим лидером буржуа, погибшим от рук своих же сторонников.

В XIV веке французы не были готовы к тому, чтобы ограничить монархию. Во всех своих бедах — произволе властей, высоких налогах, обесценивании денег, бандитизме и грабежах — простые люди обвиняли королевских советников и трусливых аристократов, но только не короля, храбро сражавшегося с противником в битве при Пуатье. Но быстрых изменений в лучшую сторону в политической жизни Франции не предвиделось. Право Генеральных Штатов собираться по собственному почину было утрачено, как и большинство положений Великого ордонанса. Франция стала медленно продвигаться к установлению абсолютной монархии.

Хотя регент въехал в Париж, во власти он чувствовал себя неуверенно. Карл Наваррский, обосновавшийся в Сен-Дени, объявил о неповиновении регенту и возобновил переговоры с английским королем. Разбойничьи отряды, состоявшие из наваррцев и англичан, продолжали грабить, сжигать деревни, осаждают замки. Согласно хронике, «молодой сир де Куси тщательно охранял свои земли, в чем ему помогали два доблестных рыцаря». Одним из них был Матье де Руа, захвативший однажды в плен около трехсот англичан, другим — де Роберсар, «могучий и храбрый рыцарь, которого боялись и наваррцы, и англичане, ибо он не единожды одерживал верх над ними». Сам Ангерран VII де Куси отличился в то время тем, что разрушил замок епископа Лана Робера Лекока, который склонялся к союзу с Карлом Наваррским. Ангерран VII держал разбойников в страхе, хотя тем все-таки удалось захватить находившийся по соседству с землями де Куси замок графа де Русси, что «вызвало голод в округе».

Вдобавок одной этой округой голод не ограничился и стал распространяться по всей стране.

ГЛАВА 8

ЗАЛОЖНИК В АНГЛИИ

Условия мирного договора между англичанами и французами так и не удалось согласовать, ибо Эдуард постоянно увеличивал свои притязания. Наконец в марте 1359 года, когда срок перемирия между Францией и Англией истекал, Иоанн II согласился за свое освобождение из неволи передать англичанам земли от Пиренеев до Кале и заплатить, хотя и в рассрочку, неслыханно крупный выкуп в размере четырех миллионов экю. Для гарантии выполнения французами условий мирного договора предусматривалось, что французы передадут англичанам сорок знатных заложников (в число которых должен был войти и Ангерран VII де Куси). В случае уклонения от передачи англичанам французских земель, перечисленных в договоре, Эдуард оставил за собой право ввести во Францию армию, содержание которой возлагалось на французского короля.

Условия мирного договора возмутили французов, да и дофин вместе со своими советниками был поражен сговорчивостью французского короля. Оказавшись перед неприятной альтернативой признать условия мирного договора или ввязаться в новую войну с англичанами, дофин созвал Генеральные Штаты, обратившись к общинам с просьбой прислать «наиболее ответственных и мудрых людей».

Далеко не всем делегатам удалось приехать в Париж, избежав встречи с разбойниками, верховодившими на дорогах. Когда текст мирного договора, подписанного Иоанном II, зачитали на заседании собрания, делегаты пришли к единому мнению, решив, что договор с Англией унизителен для французов, и потому лучше вернуться к военным действиям.

Эдуард III обвинил Францию, отказавшуюся признать договор с англичанами, в вероломстве и начал собирать экспедиционные силы, на что ушло целое лето. В результате он набрал тысячу сто кораблей, взявших на борт более одиннадцати тысяч солдат, около трех тысяч верховых и тягловых лошадей и необходимое снаряжение: оружие и доспехи, телеги, палатки, полевые кузни, шанцевый инструмент, продовольствие и вино. Не забыли англичане и о кожаных лодках для ловли рыбы, охотничьих собаках и ловчих птицах.

Эдуард с четырьмя старшими сыновьями отплыл во Францию лишь в конце октября. Близилась зима — не лучшее время для ведения боевых действий вдали от дома, но у англичан на территории Франции было немало опорных пунктов с сильными гарнизонами, что придавало Эдуарду уверенность в скорой победе. К тому же в его рядах находились превосходные рыцари: Джон Чандос, Ноллис, Уолтер Манни, Хью Калвли, капталь де Буш, не говоря уже о принце Уэльском, прославленном Черном принце. Вдохновляли Эдуарда и ранее одержанные победы над неприятелем, принесшие англичанам немалые выгоды и достаток. По словам хрониста Уолсингема, «в то время вряд ли у какой англичанки не

было вещей, привезенных из Франции: одежды, мехов, постельного белья, серебряной посуды».

К тому времени англичане преуспели не только на суше, но и на море. Еще в августе 1350 года англичане разбили испанский флот. Сам король Эдуард тогда находился на борту кога «Томас». Как свидетельствует Фруассар, король в тот день пребывал в превосходном расположении духа. В черном бархатном камзоле и шляпе из бобрового меха, которая ему весьма шла, он восседал на носу корабля и живо беседовал с приближенными. Затем он повелел менестрелям исполнить немецкий танец, введенный в Англии Джоном Чандосом, после чего повелел танцевать и самому Чандосу. Все это время Эдуард поглядывал на устроившегося на мачте впередсмотрящего, ожидая от него сообщения о появлении на горизонте испанских судов. После того как англичане разбили испанский флот, Эдуард присвоил себе титул «владыка моря».

В 1359 году англичане, после высадки на время обосновавшиеся в Кале, направились в Реймс, где Эдуард собирался короноваться на французский престол. Чтобы в пути было легче прокормить армию, Эдуард разбил ее на три части, и каждая направилась в Реймс по отдельной дороге. Но это не помогло: Пикардию истощили постоянные войны. Продовольствия и фуража не хватало. К тому же зарядили дожди. Дороги разбило, и армия проходила за день всего три лиги. Однако худшим Эдуард считал то, что французы уклоняются от решительного сражения, укрываясь в замках и городах, способных выдержать длительную осаду.

Придерживаться подобного образа действий французов заставляли груз поражений и отсутствие

реальной возможности одолеть неприятеля. Да и сам регент трезво оценивал ситуацию и не искал славы на поле битвы. В августе положение регента немного улучшилось, ибо Карл Наваррский порвал отношения с Эдуардом и пообещал стать «надежным другом королю Франции, регенту и всему королевству». Однако в итоге Карл, казалось всосавший любовь к интригам с молоком матери, уже через несколько месяцев стал вынашивать новый план борьбы с регентом.

Эдуард подошел к Реймсу в начале декабря. Он полагал, что его беспрепятственно пустят в город, но ошибся в своих предположениях. Узнав о выступлении англичан, жители Реймса укрепили крепостные стены и городские ворота, а вокруг города уничтожили все постройки, которые могли пригодиться противнику. Наконец они подожгли монастырь Сен-Тьерри, в котором Эдуард собирался разместить свою ставку. Монастырь сгорел у него на глазах. Англичане приступили к осаде Реймса, но, не добившись успеха за сорок дней, осаду с города сняли из-за нехватки продуктов питания и ударивших холодов. После этого англичане повернули на юг и вторглись в Бургундию. В этой богатой провинции было чем поживиться, и англичане грабили местных жителей, пока Эдуард благосклонно не согласился прекратить разграбление за двести тысяч мутондоров, которые ему выплатил герцог Бургундский.

В марте Эдуард пошел на Париж, но в это время ему доложили, что многочисленный французский отряд неожиданно высадился в Уинчесли, приморском английском городе. Французы предприняли этот рейд, чтобы вынудить англичан вернуться домой и защищать свою территорию. При удаче французы даже намеревались освободить из плена своего короля. Этот

отряд был сформирован крупными французскими городами и состоял из двух тысяч рыцарей, лучников и пеших солдат из Пикардии и Нормандии. Поначалу его возглавляли три человека (так, парижанами командовал Пьер Дезессар, руководивший расправой над Этьеном Марселем), но они друг с другом не ладили. В конце концов отряд единолично возглавил Ангерран Рангуа из Аббевиля, известный своей доблестью и неукротимым характером.

Слухи о попытке французов освободить своего короля возникли еще до их высадки в Уинчесли, и англичане 1 марта перевезли Иоанна II из Линкольншира в замок неподалеку от Лондона, а затем — в Тауэр. Пятнадцатого марта, сразу же после высадки, французы без труда захватили Уинчесли, но не сделали даже попытки основать там опорный пункт, а занялись разбоем и грабежом. Затем они захватили соседний Рай, разграбили этот город, после чего отбили нападение англичан, сумевших набрать отряд из тысячи двухсот человек, вернулись на свои корабли и отплыли назад во Францию. Рейд французов, продолжавшийся сорок восемь часов, не принес им никаких выгод, посеяв лишь недолгую панику среди англичан и заставив их осознать, что французам также по силам переправиться через Английский канал, вторгнуться во вражескую страну и действовать на ее территории с тем же неистовством, что и сами англичане во Франции.

Окружив Париж в начале апреля, англичане через герольдов вызвали французов на битву, однако дофин, уверенный в неприступности укрепленных Этьеном Марселем крепостных стен, на этот вызов не ответил. Пробыв под Парижем неделю и разорив предместья столицы, Эдуард направился к Шартру. Тем временем

папские легаты по-прежнему не оставляли попыток склонить противников к мирным переговорам, но им постоянно препятствовал Эдуард, не соглашавшийся на уступки. Наконец сам дофин послал к Эдуарду посольство с предложением заключить мир на условиях, согласованных с англичанами в 1358 году — до того, как Эдуард выдвинул непомерные требования. Герцог Ланкастерский посоветовал английскому королю принять эти условия, ибо в противном случае «Эдуард может воевать всю жизнь и однажды потеряет все, что за двадцать лет приобрел».

Герцога Ланкастерского поддержала стихия. Когда в понедельник 13 апреля англичане разбивали лагерь вблизи Шартра, на войско налетел ураган с ледяным ливнем и градом столь огромной величины, что градины поражали насмерть и людей, и животных. За полчаса армия Эдуарда понесла такие потери, которые немисливо понести за то же время в сражении. Черный понедельник 13 апреля обнажил все недостатки английской армии: ее уязвимость, неумение навязать противнику решающее сражение, неспособность взять большой, хорошо укрепленный город, непонимание того факта, что грабительскими рейдами по территории Франции завоевать страну полностью невозможно.

Поддавшись предостережению свыше (так был воспринят грозный разгул стихии) и прислушавшись к совету Ланкастера, Эдуард согласился заключить с французами мир на новых условиях. Стороны встретились в Бретињи, деревне близ Шартра, и, подписав мирный договор, опрометчиво посчитали, что длившаяся более двух десятилетий война наконец завершилась.

Подписанный 8 мая 1360 года в Бретиньи договор содержал тридцать девять статей, в которых прежние территориальные требования Эдуарда были урезаны, а выкуп за Иоанна II сокращен до трех миллионов экю. И все же по этому мирному договору под владычество английской короны переходила огромная территория французского королевства — около трети всей Франции: Гиень и район Кале, а также земли, города, порты и замки между Луарой и Пиренеями. В свою очередь Эдуард отказался от притязаний на французский престол. Для гарантий выполнения французами мирного договора документ обязывал французов передать англичанам сорок знатных заложников, в число которых вошел Ангерран VII де Куси. Он был владельцем самого большого замка в Северной Франции, и считалось, что условия мирного договора будут скорее соблюдены, если такие люди, как де Куси, станут заложниками.

В группу заложников входили два сына короля — Людовик и Иоанн (будущие герцоги Анжуйский и Беррийский), его брат герцог Орлеанский и родственник дофина Людовик II, герцог де Бурбон, а также графы д'Артуа, д'Э, де Лонгвиль, д'Алансон, де Блуа, де Сен-Поль, д'Аркур, де Гранпре, де Брен и другие знатные люди, включая Матье де Руа, бывшего опекуна де Куси. Согласно договору, англичанам следовало перевезти Иоанна в Кале, где он должен пребывать до тех пор, пока французы не внесут в счет выкупа за своего короля первый взнос в размере шестисот тысяч экю и не произведут предварительную передачу английской короне французских земель, перечисленных в договоре. По выполнении этих действий англичане, по договору, обязывались освободить Иоанна вместе с другими десятью пленниками взамен на сорок платежеспособных

заложников из представителей французского третьего сословия: четырех заложников из Парижа и по два из других восемнадцати городов. После этого французам предписывалось полностью передать англичанам власть во всех землях, перечисленных в договоре, и выплатить по частям в шесть приемов остаток выкупа за короля: по четыреста тысяч экю через каждые шесть месяцев. Англичане, в свою очередь, были обязаны после каждого поступления денег отпускать пятую часть находившихся у них французских заложников.

По словам анонимного автора «Хроник первых четырех Валуа», «французы слишком уступчиво согласились на мир с англичанами», а сам договор Бретињи «пошел во вред французскому королевству». Автор сетовал: «Могучие крепости достались англичанам без боя». Однако стоит заметить, что условия мирного договора диктовались необходимостью выкупить короля.

Война с англичанами завершилась, но французам продолжали терроризировать отряды разбойников. В приложении к мирному договору Эдуард запретил под страхом сурового наказания любые агрессивные действия английских солдат против мирного французского населения, но на практике этот запрет не был подкреплён репрессивными мерами против разбойников. И, как следствие, за счёт наемников, оказавшихся не у дел, количество разбойничьих отрядов росло, а их численность увеличивалась.

После подписания мирного договора французы стали собирать деньги на выкуп своего короля. Многие города, графства и отдельные владетельные сеньоры вносили посильную лепту. Так, де Куси внесли в общий фонд двадцать семь тысяч пятьсот франков. В Париже и

в прилегающих к столице районах ввели налог с оборота, равнявшийся 12 пенсам с фунта, который стали взимать со знатных людей, священников и «со всех, способных платить». Затем из фискальных соображений во Францию сроком на двадцать лет разрешили вернуться евреям, которые при въезде в страну были обязаны заплатить двадцать флоринов, а затем платить ежегодно по семь флоринов.

Да и сам Иоанн для освобождения из неволи старался раздобыть денег: за шестьсот тысяч флоринов он продал свою одиннадцатилетнюю дочь Изабеллу в жены девятилетнему отпрыску миланской семьи Висконти. Сделка французского короля с итальянским тираном Галеаццо Висконти, отцом жениха, явилась таким же невероятным событием, как и поражение французов в битве при Пуатье. Висконти согласился оплатить половину стоимости принцессы деньгами, а за вторую половину расплатиться землей. Бракосочетание намечалось в июле, сразу же, как было заведено, после помолвки, но его отложили из-за болезни принцессы.

В то время в Ломбардии и Савойе возобновилась чума, и семейство Висконти на лето переехало за город, ибо в Милане люди умирали во множестве. Как только болезнь пошла на убыль, Висконти возвратились в Милан и стали готовиться к свадьбе, заказав пышные одеяния и роскошные украшения. Поправившуюся принцессу через Савойю (что было связано с риском) привезли к жениху в Милан, и в середине октября состоялась свадьба — празднество, продолжавшееся три дня, на котором побывали тысячи приглашенных. Роскошное празднество, устроенное Висконти (оплаченное подданными этой семьи), лишь подчеркнуло унижение Франции. «Кто мог предположить, — писал Маттео

Виллани, — что французский король дойдет до такой скудности своего материального положения и унизится до того, что станет продавать собственную дочь?». По мнению Виллани, на судьбу Изабеллы, дочери французского короля, повлияли «изъяны в отношениях между людьми».

Тем временем Иоанн прибыл в Кале, где с июля находился под наблюдением англичан вместе со своим младшим сыном Филиппом, получившим прозвище Смелый. Это прозвище будущий герцог Бургундский получил на пиру, устроенном королем Эдуардом для пленников, захваченных в битве при Пуатье. Во время пира молодой принц внезапно и резко поднялся из-за стола и ударил дворецкого, закричав: «Где ты научился прислуживать своему королю, прежде чем королю Франции, когда они за одним столом?» «Поистине, принц, — отвечивал Эдуард, — ты — Филипп Смелый». В 1361 году, когда умер Филипп Руврский, Иоанн передал Бургундское герцогство своему младшему сыну, которому предстояло превратить это герцогство в роковое наследство.

Двадцать четвертого октября 1360 года первый взнос в размере четырехсот тысяч фунтов в счет выкупа Иоанна, собранный преимущественно на севере Франции, был передан англичанам в Кале. Этот первый взнос был меньше ранее установленного, но тем не менее удовлетворил англичан, и в Кале была подписана новая редакция мирного договора, ненамного отличавшаяся от текста, подписанного англичанами и французами в Бретиньи. Эту новую редакцию договора подписал и Ангерран VII де Куси как один из главных заложников, передававшихся англичанам. В Кале Эдуард с Иоанном взаимно пообещали соблюдать условия

мирного договора, после чего расстались, и Иоанн после четырехлетнего пребывания в плену возвратился в разоренную Францию.

Тридцатого октября, через четыре дня после освобождения Иоанна, партия французских заложников под охраной Эдуарда и его сыновей отплыла в Англию. Некоторым заложникам предстояло провести на чужбине десять лет, некоторым — два-три года, а прочим вернуться на родину было не суждено — они умерли в Англии. Совсем иным и самым неожиданным образом сложилась судьба Ангеррана VII — он стал зятем английского короля.

Вместе с Ангерраном (возможно, даже на том же судне) направлялся в Англию молодой буржуа из Валансьена, города в Эно, собиравшийся представить написанный им отчет о битве при Пуатье королеве Филиппе, своей землячке, и надеявшийся тем самым добиться ее покровительства. Молодого человека (двадцати двух-двадцати трех лет от роду) звали Жан Фруассар. Он добился благорасположения королевы и с ее одобрения стал собирать материал для хроники — произведения, которое в конце концов и написал, став Геродотом своего времени. Фруассар воспевал рыцарство и считал, что славные подвиги, совершенные рыцарями во время войны между англичанами и французами, должны быть скрупулезно описаны, а описания эти оставлены в наследство потомкам. Правда, в описании Фруассара рыцари не только благородные, добропорядочные и храбрые люди, но и алчные и жестокие. А вот к вилланам, по мнению Вальтера Скотта, Фруассар отнесся недружелюбно, что объяснялось условиями написания хроники. И все же в своем труде

Фруассар наиболее полно и живо отразил политические и общественные события своего времени.

Среди людей, сопровождавших в Англию французских заложников, находился и великий английский поэт Джеффри Чосер. Ровесник Ангеррана VII, двадцатилетний Чосер принимал участие в боевых действиях англичан против французов, входя в свиту второго сына английского короля — Лайонела, герцога Кларенса. Близ Реймса Чосер попал в плен к французам и был выкуплен Эдуардом за 16 фунтов (для сравнения, рядового лучника выкупали за 2 фунта, а лорду Эндрю Латтералю за его павшую лошадь заплатили 6 фунтов, 13 шиллингов и 4 пенса). Чосер, скорее всего, возвращался в Англию в составе свиты герцога Кларенса.

Ангерран VII де Куси мог познакомиться с Фруассаром и Чосером во время своего путешествия из Франции в Англию, но в дошедших до нас источниках об этом не говорится ни слова. Однако некоторое время спустя, уже в Англии, Фруассар, стремившийся завести знакомство со всеми, кто своими знаниями мог бы ему помочь в написании исторического труда, на одном празднестве при дворе английского короля обратил внимание на блестящего молодого человека по имени Ангерран де Куси, ставшего впоследствии его покровителем. В своей хронике Фруассар пишет: «На этом празднестве особый блеск танцам и пению придавал юный сеньор де Куси. Он находился в большом фаворе и у французов, и у англичан, ибо что бы ни затевал, то все делал хорошо и с изяществом, а своими приятными манерами всех очаровывал».

В средневековье делом жизни молодого рыцаря считались подвиги во славу Марса и Венеры. «Если ты хорошо владеешь оружием, — говорит бог любви в „Романе о Розе“, — тебя будут любить во сто крат сильнее. Если ты обладаешь хорошим голосом, никогда не отказывайся петь, поскольку хорошее пение дарует удовольствие». Согласно тому же роману, рыцарю надлежало содержать в чистоте зубы, руки и ногти, аккуратно причесывать волосы, но не пользоваться румянами, которые не к лицу даже женщинам. Рыцарю надлежало также опрятно и модно одеваться и носить обувь в обтяжку, чтобы «простые люди удивлялись тому, как она налезает на ноги».

Следовал ли Ангерран VII этим советам, сказать затруднительно, ибо его прижизненного портрета не существует, поскольку в те времена рисовали портреты только членов королевских семей или в редких случаях — других известных людей, подобных полководцу Бертрану Дюгеклену. О внешности Ангеррана VII известно лишь то, что он был высоким и сильным — так он предстает в описании его последнего боя, когда он сражался сразу с несколькими врагами. Правда, существует и портрет Ангеррана, но он написан спустя двести лет после кончины рыцаря. На этом портрете Ангерран изображен в зрелом возрасте и кажется высокомерным и властным. Но так как портрет был заказан основанным Ангерраном целестинским монастырем, художнику могли высказать пожелания, каким хотят видеть своего отца-основателя; внешний вид Ангеррана, скорее всего, творческая фантазия живописца.

Однако, если судить по тому, что юный сеньор де Куси, по словам Фруассара, «придавал особый блеск

танцам и пению, а своими приятными манерами всех очаровывал», то вполне возможно увидеть юного Ангеррана в оруженосце из «Кентерберийских рассказов» Чосера. Конечно, нельзя с уверенностью сказать, что Чосер, постоянно общавшийся с рыцарями и оруженосцами при дворе английского короля, имел в виду именно Ангеррана, когда в прологе своего сочинения описывал сквайра. Тем не менее, как представляется, сходство есть.

Сквайр был веселый влюбчивый юнец
Лет двадцати, кудрявый и румяный.
Хоть молод был, он видел смерть и раны:
Высок и строен, ловок, крепок, смел,
Он уж не раз ходил в чужой предел...
Весь день играл на флейте он и пел,
Изрядно песни складывать умел,
Умел читать он, рисовать, писать,
На копьях биться, ловко танцевать.
Он ярок, свеж был, как листок весенний...
Всю ночь, томясь, он не смыкал очей
И меньше спал, чем в мае соловей.

Французские высокопоставленные заложники даже придали дополнительный блеск двору английского короля. Они жили за свой счет в окружении свиты и многочисленных слуг. Так, у герцога Орлеанского имелось шестнадцать слуг, а свита его превышала

шестьдесят человек. Эти заложники весело проводили время: охотились, танцевали, ухаживали за дамами. Французы и англичане взаимно хорошо обращались с заложниками, хотя равно стремились получить за них большой выкуп — в отличие от германцев, державших своих пленников в кандалах.

Ангерран VII не чувствовал себя чужим за границей. Еще недавно де Куси владели в Англии большим участком земли, полученным в наследство от прабабушки Ангеррана Кэтрин де Балиоль, но конфискованным во время войны Эдуардом и пожалованным им человеку, взявшему в плен шотландского короля Давида II.

У англичан и французов была схожая культура, а знатные люди говорили на одном языке, что было следствием норманнского завоевания Англии. Правда, примерно в то время, когда Ангерран вместе с другими заложниками прибыл на поселение в Англию, французский язык стал постепенно уступать место национальному языку — английскому. Но еще перед разгулом чумы на французском разговаривала английская знать, этот язык был рабочим в парламенте и судах. На французском даже преподавали в школе, правда, к негодованию местных буржуа, полагавших, что такое преподавание «уничижает родной язык, что немыслимо в других странах». Но когда многие церковники, преподававшие на французском, умерли во время чумы, в школе стали преподавать на английском, что «принесло и пользу, и вред», как считал хронист Иоанн Тревизский. «Школьники стали быстрее обучаться грамматике, — писал он, — но, не зная французского языка, пересекавшие море люди, оказавшись на континенте, испытывали определенные неудобства».

В связи со своим островным положением и более ранним развитием парламентаризма, англичане были сплоченнее французов и обладали большим чувством национального достоинства, которое усиливалось растущим неприятием папства. Военные победы, присоединение к стране новых земель, пленение двух королей — французского и шотландского — затмили прежние неудачи, связанные с уступками Вильгельму Завоевателю. Но все же последствия войны с Францией еще терзали страну.

Преуспев в разбое на территории Франции, некоторые оказавшиеся не у дел англичане, вернувшись домой, стали объединяться в разбойничьи отряды, чтобы заняться освоенным прибыльным ремеслом. Эти отряды пополнялись местными людьми вне закона. Разбойники грабили путешественников, облагали данью деревни, брали пленников с целью выкупа. В 1362 году английский парламент законодательным актом обязал судебные органы собирать сведения «обо всех, кто занимался разбоем на континенте, а вернувшись в Англию, стал бродяжничать, а не обратился к ранее привычным трудам».

Весной 1361 года, двенадцать лет спустя после окончания «великого мора», в Англии и во Франции опять произошли вспышки чумы. Но еще в сентябре 1360 года одной из первых жертв страшной болезни стала вторая жена Иоанна, французская королева. *Pestis Secunda* («вторую чуму») иногда называли «мором детей», ибо болезнь преимущественно поражала людей юного возраста, не имевших иммунитета, приобретаемого после перенесения инфекционной болезни; в основном, согласно философу Иоанну Редингскому, это были лица мужского пола. Гибель

молодежи во время «второй чумы» остановила естественный прирост населения. Согласно средневековой хронике, женщины, интуитивно стремясь произвести на свет отпрысков, сами искали свиданий с мужчинами и, не стесняясь, вступали в связь даже с низшими по социальному положению.

В связи с тем, что во время «второй чумы» ее легочная форма отсутствовала (или проявлялась лишь в редких случаях), смертность от чумы была ниже, чем во время ее первого проявления. И все же в Париже ежедневно умирали от семидесяти до восьмидесяти человек, а в Аржантее, городе на Уазе близ ее впадения в Сену, из тысячи семисот семей остались в живых лишь пятьдесят. Во Франции в наибольшей степени от чумы пострадали Пикардия и Фландрия.

Хотя смертность во время «второй чумы» была меньше, чем при «великом море», это второе проявление смертельной болезни привело к страху и неуверенности в будущем. Люди боялись, что чума может вернуться в любое время, как, к примеру, отряд беспощадных разбойников. Во второй половине XIV столетия чувство безвыходности стало господствующим, и появились пророчества о грядущем Апокалипсисе.

Наиболее известным из пророков конца света стал Жан де ла Роктайяд, францисканский монах, заключенный в тюрьму в Авиньоне за наставления, в которых он обвинял в развращенности и продажности прелатов и знать. Подобно Жану де Венету, Роктайяд симпатизировал простому народу и порицал власть имущих. В своем труде, написанном в камере, Роктайяд предсказал, что во Франции, как и во всем христианском мире, возникнут неисчислимы бедствия: сначала будет

господствовать тирания, затем народ поднимется против власти, которую «безжалостно покарают»; многие женщины овдoveют и лишатся достатка; в земли латинов вторгнутся татары и сарацины; правители объединятся с народом, чтобы отобрать у священнослужителей, погрязших в разврате и роскоши, их огромную собственность; знать лишится своих многочисленных привилегий; явится Антихрист и будет распространять свое пагубное учение; ураганы, наводнения и чума уничтожат большинство человечества, чтобы подготовить путь к обновлению.

Как большинство средневековых провидцев, Роктайяд полагал, что мировая разруха станет прелюдией к лучшему, справедливому миру. Он считал, что папа станет реформатором церкви, очищенной от скверны нуждой и страданиями, а также предполагал, что французского короля — вопреки всяким правилам — изберут императором Священной Римской империи и он станет самым рассудительным и справедливым правителем с начала времен. Вместе с папой этот монарх изгонит сарацин и татар из Европы, обратит в христианство всех евреев, мусульман и язычников, искоренит ересь и установит всеобщий мир, который станет господствовать на земле до Судного дня и конца времен.

«Вторая чума» поразила и некоторых французских заложников. Так, ее жертвой стал граф Ги де Сен-Поль, «благочестивый и добродетельный рыцарь, милосердный к бедным и обездоленным», питавший отвращение к продажности мира и вожделению и выступавший за святость брака. Умер от чумы и герцог Ланкастерский,

по-видимому самый богатый человек в Англии. Он оставил свой титул и состояние Иоанну Гентскому, третьему сыну короля Эдуарда.

В 1357 году, спустя восемь лет после окончания «великого мора», в Лондоне все еще проживало лишь две трети прежнего населения, и санитария в городе не улучшилась. Горожане опорожняли ночные горшки на улицу, а пищевые отходы и мусор зачастую выбрасывали в окно, ленись дойти до сточной канавы. Помещения, в которых содержался домашний скот, утопали в навозе. Указа городских властей о запрете загрязнения улиц горожане, как правило, не придерживались. Положение изменилось к лучшему только тогда, когда городские власти организовали работу наемных мусорщиков.

Перспективы французских заложников в Англии не были радужными. Их возвращение на родину зависело от регулярности и полноты поступлений в Англию платежей в счет выкупа Иоанна. Однако уже первый платеж был меньше оговоренного договором. Сбор денег осложнялся новой вспышкой чумы и разорением страны разбойничьими отрядами. Так, в бургундском городе Буксо, как упомянуто в королевском указе 1361 года, «из-за вспышки „второй чумы“ и набегов разбойников уцелела лишь пятая часть населения, и потому, если заставить оставшихся в живых горожан платить налоги, как прежде, им придется покинуть город и жить подаянием». Поэтому им было предписано платить лишь один налог в год вместо обычных двух.

Пострадали и церкви, на что приходские священники постоянно жаловались епископам. Свечи в церквях в большинстве своем не горели, потому что по храмам гулял ветер из-за выбитых стекол в окнах, крыши

текли, дождь заливал алтарь, денег на ремонт не было. Аббаты и аббатисы с трудом выискивали средства к существованию. Прелаты были вынуждены передвигаться пешком (к чему они не привыкли) и не в окружении свиты, а в сопровождении лишь одного слуги. Университеты также испытывали не лучшие времена, теряя большое число студентов, не имевших возможности вносить плату за обучение. В университете города Монпелье число студентов сократилось с тысячи до двухсот.

Петрарка, посланный Галеаццо Висконти поздравить Иоанна II с освобождением, был потрясен, увидев Францию «в ужасных развалинах». Хотя Петрарка имел склонность преувеличивать изъяны и недостатки окружавшего его мира, стоит принять во внимание его описание французской действительности, какой он увидел ее в январе 1361 года. «Повсюду безлюдные, ранее заселенные благоденствующие места; куда ни погляди — опустошение и убогость, всюду невозделанные поля, везде разрушенные дома, за исключением городов, окруженных крепостными стенами, на каждом шагу губительные следы вторжения англичан, кровоточащие шрамы от ударов их нещадных мечей». Тот же Петрарка писал: «В Париже, уронившем себя в глазах всей Европы, даже Сена течет медленно, не спеша, словно пришла в уныние и оплакивает горькую судьбу Франции».

Петрарка от имени Галеаццо преподнес французскому королю два кольца — одно с большим рубином в подарок и другое, ранее принадлежавшее самому Иоанну, которое сняли с его руки во время битвы при Пуатье и которое Галеаццо каким-то образом выкупил. Вручив Иоанну кольца, Петрарка прочел при

этом присутствовавшим выдержку из библейского текста, посвященную возвращению Манассии из Вавилона, сопроводив свое чтение комментарием об изменчивости Фортуны. По словам Петрарки, король и дофин слушали его с большим интересом, и он чувствовал, что его рассуждения о Фортуне особенно заинтересовали дофина, «молодого человека недюжинного ума».

Незадолго до этого дофина постигло личное горе. В октябре 1360 года в течение двух недель умерли его единственные дети, малолетние дочери Иоанна и Бонна. Возможно, они умерли от чумы, но это доподлинно неизвестно. После того дофин и сам заболел, в результате чего у него выпали почти все волосы, а сам он «высох, как палка». Симптомы указывали на отравление мышьяком, и стали распространяться слухи, что дофина отравили по указке Карла Наваррского. Еще в апреле 1359 года, когда англичане подошли к Реймсу, Карл, опасаясь, что королем Франции может стать Эдуард, замыслил взойти на престол. По разработанному им плану, вооруженным отрядам надлежало войти в Париж, захватить Лувр, убить дофина и членов его Совета, а затем занять в столице ключевые позиции. Но этот заговор, как и многие другие замыслы Карла Наваррского, не удался, а узнавший о заговоре дофин прервал с Карлом все отношения, и последнему осталось, как обычно, плести новые, не приносившие ему успеха интриги.

Судьба французских заложников зависела не только от выкупа Иоанна, но и от передачи англичанам земель в соответствии с заключенным в Бретињи договором. По словам одного хрониста, французы слишком легко заключили мир, не подумав о людях, живущих на территориях, передаваемых неприятелю. Узнав об

условиях мира, заключенного с англичанами, жители Ла-Рошели стали умолять короля не отдавать их под владычество иноземцев, сообщив, что отдадут половину своего достояния, если не окажутся под управлением англичан. «Мы можем согласиться на власть англичан словами, — говорили жители Ла-Рошели, — но сердцем и душой — никогда». Жители Каора жаловались на то, что король превратил их в сирот. Небольшой городок Сен-Ром-де-Тарн отказался впустить английских чиновников, хотя на следующий день все же послал делегацию к иноземцам — принести клятву верности английскому королю.

Большинство французов ненавидело англичан. Одним из ярых противников иноземцев был Ангерран Рангуа, в свое время командовавший французами, совершившими нападение на Уинчесли. Он жил в Аббевиле, переходившем в управление англичанам, но Рангуа наотрез отказался признать власть чужеземцев. Тогда его доставили в Англию, на время посадили в тюрьму, а затем привезли к дуврским утесам, где перед ним поставили выбор: или присягнуть на верность английскому королю или быть сброшенным вниз, на скалы. Рангуа сам бросился с утеса.

Между тем освобождение французских заложников постоянно задерживалось из-за несвоевременных выплат в счет выкупа короля и медленной передачи французских земель в управление англичанам. Также предполагалось, что некоторых французских заложников заменят другие люди, но желавших отправиться на чужбину нашлось немного, а те, кто все-таки согласился, не устроили Эдуарда по своему социальному положению. Наконец в ноябре 1362 года четверо потерявших терпение самых знатных заложников — сыновья короля, Людовик и

Иоанн, а также герцоги Орлеанский и де Бурбон, ожидавшие, что их освободят годом раньше — заключили собственный договор с Эдуардом, согласно которому обязались заплатить английскому королю двести тысяч флоринов и передать ему земли, принадлежавшие герцогу Орлеанскому, в обмен на свою свободу и свободу еще четырех заложников. Согласно этому договору, им следовало находиться в Кале до выполнения оговоренных условий, дав при этом честное слово, что они не сбегут раньше времени. Однако для вступления в силу договора требовалось согласие Иоанна, но французский король поставил обязательное условие: в число выпускаемых на свободу заложников должны войти граф д'Алансон, граф Овернский и сир де Куси. Теперь уже запротестовал Эдуард: люди, названные Иоанном II, были знатнее тех, кого вместе с четырьмя высокопоставленными французами собирались выпустить на свободу. Завязалась долгая, ни к чему не приводившая переписка, и в конце концов Иоанн, удалившийся в Авиньон, потерял к этим переговорам какой бы то ни было интерес и устранился от них. Когда все-таки сыновья короля Людовик и Иоанн, а также герцоги Орлеанский и де Бурбон возвратились на родину, а Ангерран де Куси остался в заложниках, к нему вскоре проявили особый целенаправленный интерес английский король и его дочь Изабелла.

Затем произошло немыслимое, поразительное событие: король Иоанн, для возвращения которого из неволи его страна многим пожертвовала, неожиданно добровольно вернулся в Англию. Мотивы его поступка по сию пору невыяснены, поэтому остановимся на событиях, предшествовавших невероятному решению французского короля. Вернувшись на трон, Иоанн сделал попытку

покончить с разбойничьими отрядами, терроризировавшими Центральную Францию. К выполнению этой задачи он привлек «протоиерея» Арно де Серволя, а также выделил отряд из двухсот рыцарей и четырехсот лучников под командованием графа де Танкарвиля и прославленного Жака де Бурбона, графа де ла Марша, правнука Людовика Святого, который в сражении при Креси спас жизнь королю Филиппу VI.

В апреле 1362 года, вопреки мнению Арно де Серволя, де Танкарвиль и Жак де Бурбон приказали своему войску атаковать расположившийся на высоте у Бринье, городка близ Лиона, большой разбойничий отряд. Разбойники встретили нападавших градом камней, пробивавших доспехи рыцарей и валивших с ног лошадей. Отбив атаку, разбойники сами перешли в наступление, орудуя короткими пиками, и разбили противника наголову. Жак де Бурбон, его старший сын и племянник погибли на поле боя, а де Танкарвиль попал в плен. После этого Лион обзавелся пушками, укрепил крепостные стены и стал выставлять на них караульных. Сельская местность осталась во власти непобежденных разбойников.

После этой огорчительной неудачи Иоанн отправился в Авиньон, где пробыл около года. Но еще до этой поездки он пришел к мысли организовать крестовый поход — предприятие, от которого двумя десятилетиями ранее пришлось отказаться в связи с начавшейся войной с англичанами. Хотя Иоанн не мог ни защитить собственную страну, ни внести за себя надлежащий выкуп, ни освободить из неволи несколько десятков заложников, находившихся в Англии вместо него, он решил привести в исполнение невыполненный обет своего отца, поклявшегося отправиться в крестовый

поход. Фруассар полагал, что Иоанн надеялся этим предприятием удалить из страны разбойников, которые, как он посчитал, вольются в ряды крестоносцев, но «держал сие намерение при себе». Но Иоанн мог руководствоваться и другими мотивами. Возможно, он полагал, что крестовый поход — подходящее предприятие для «христианнейшего короля», а может быть, считал, что участием в крестовом походе искупит свое недавнее унижение. Могло быть и иначе: во Франции царил хаос, и Иоанн просто искал предлог, чтобы покинуть страну.

У Иоанна был еще один замысел: присоединить к французскому королевству Прованс с входившим в него Авиньоном. Для этого он намеревался жениться на Иоанне, королеве Неаполитанского королевства, имевшей на Прованс наследственные права. К тому времени она второй раз овдовела и, как поговаривали, свое второе вдовство устроила собственными руками. Однако в связи с тем, что Неаполь был папским фьефом, замужество Иоанны должно было быть одобрено папой. Считалось, что француз Иннокентий VI возражать не станет.

Однако в сентябре 1362 года, когда Иоанн был на пути в Авиньон, Иннокентий неожиданно умер. Урбан V, его преемник, хотя тоже был французом, посчитал, что вхождение Прованса во французское королевство является угрозой папской самостоятельности, и согласия на новый брак Иоанны не дал. А вот новый крестовый поход Урбан V одобрил, тем более что его проведение поддержал номинальный король Иерусалима и король Кипра Пьер де Лузиньян, прибывший в Авиньон для устройства дел.

Иерусалимское королевство к тому времени перестало существовать. Европейские поселенцы в Сирии перебрались на Кипр, а в Сирию приезжали лишь торговать. В то время процветала торговля с мусульманами, и с ними не враждовали. Священная война потеряла свою идеологическую направленность, больше никто не рвался воевать за освобождение Иерусалима и гроба Господня от ига магометан. Тому были и сопутствующие причины: ослабление европейского единства, борьба с еретиками и сокращение европейского населения в связи с разгулом чумы. Однако мусульман все еще считали угрозой христианскому миру, и находились желающие возобновить экспансию на Восток. Для церкви крестовые походы теперь представлялись средством обогащения, а для знати и короля — возможностью проявить рыцарский дух. Кроме того, на восточное побережье Европы вторглись агрессивные турки, представлявшие новую угрозу христианскому миру. Однако организовать крестовый поход, как и прежде, было непросто: не хватало людей, способных собраться в поход за свой счет, а чтобы набрать наемную армию, требовались немалые деньги.

Король Кипра де Лузиньян и король Франции Иоанн, находясь в Авиньоне, в течение нескольких месяцев обсуждали вместе с папой Урбаном V организацию нового выступления на Восток. Наконец в Великую пятницу они объявили, что крестовый поход состоится. Иоанна назначили генерал-капитаном, и он стал собирать крестоносцев, в число которых вошли освобожденный из плена граф де Танкарвиль и оставшиеся в живых рыцари, участвовавшие в сражении при Бринье. Однако желающих отправиться в крестовый

поход набралось недостаточное количество, и де Лузиньян направился в Англию, чтобы пополнить ряды участников предприятия. Он встретился с Эдуардом, но английский король, «снисходительно извинившись», отказался ему помочь. Де Лузиньян не нашел поддержки и у других европейских монархов, и крестовый поход пришлось отложить до лучших времен.

В июле 1363 года Иоанн вернулся в Париж, где его ожидали новые неприятности. Регент и королевский совет воспротивились договору, заключенному между родовитыми заложниками и королем Эдуардом, и их освобождение из неволи снова отсрочилось. Однако один из них, сын короля Людовик, нарушив честное слово, бежал из Кале в Булонь, где обосновалась его жена, на которой он недавно женился и которую очень любил. Иоанн посчитал, что Людовик опозорил корону. Этот неблагоприятный поступок сына, а также задолженность по внесению выкупа за него самого, аннулирование договора заложников с Эдуардом и невыполнение других договоренностей с англичанами привели Иоанна к мысли, что его имя запятнано. По словам французского короля, это и склонило его к тому, чтобы вернуться в Англию.

Королевский совет, прелаты и приближенные Иоанна отговаривали его от опрометчивого поступка, считали намерение монарха «безрассудством», но король настоял на своем, пояснив, что «честь и порядочность вовек сохраняются в сердцах и поступках высокородных людей, даже если все остальные утратят эти понятия». После Рождества Иоанн возвратился в Англию.

Его поступок вызвал удивление современников. Жан де Венет, не жаловавший знатных людей, предположил, что король отправился в Англию «для приятного

времяпрепровождения». Историки называют другие причины его поступка: король возвратился в Англию, чтобы предотвратить войну с англичанами, чтобы уменьшить сумму своего выкупа, чтобы убедить Эдуарда не иметь дел с Карлом Наваррским; но если его намерения и были таковыми в действительности, то ни одно из них не удалось выполнить. Если вернуться в Англию Иоанна заставили соображения чести, то почему он не принял во внимание интересы собственного королевства? Почему Иоанн не подумал о суверенитете своей страны и о своих подданных, отдававших последние деньги, чтобы выкупить короля? Что же стало истинной причиной его поступка? Возможно, его обусловила трагедия человека, чувствовавшего себя неспособным выполнить свое предназначение в жизни, возложенное на него по праву рождения. Быть может, осознав эту реальность, Иоанн решил обрести покой?

Он приехал в Лондон в январе 1364 года, был встречен с большим почетом, но в марте заболел «неизвестной болезнью» и в апреле того же года умер в возрасте сорока пяти лет. Эдуард устроил заупокойную службу в соборе Святого Павла, во время которой горели четыре тысячи факелов и три тысячи свечей, каждая весом в десять фунтов. Похоронили Иоанна во Франции в усыпальнице королей Сен-Дени. Там Иоанн обрел наконец покой.

Оставалось еще заплатить миллион флоринов в счет его выкупа, и поэтому немало заложников до сих пор пребывало в Англии. В дальнейшем англичане начали отпускать некоторых заложников, взяв с них слово вернуться через оговоренное время, но заложники, как правило, обещание нарушали. Некоторые купили свободу, расплатившись частью своих земель. Другие

просто бесследно исчезли. И все-таки некоторые заложники провели на чужбине немало лет. Так, Матье де Руа, прославленный рыцарь, которого хорошо охраняли, пробыл в Англии долгие двенадцать лет. Ангеррану де Куси даровали свободу в 1365 году, что определили особые обстоятельства.

ГЛАВА 9

АНГЕРРАН И ИЗАБЕЛЛА

Изабелла Английская, второй ребенок и старшая дочь короля Эдуарда и королевы Филиппы, была любимицей английского короля. Из политических соображений ее пытались выдать замуж пять раз, но дело неизменно заканчивалось ничем. Когда Изабелле исполнилось девятнадцать, после очередной неудачной попытки выдать дочь замуж Эдуард разрешил ей жить своим домом. В 1365 году, когда избалованной и своенравной принцессе исполнилось тридцать три, Изабелла была старше Ангеррана VII на восемь лет.

В младенческом возрасте Изабелле была предоставлена позолоченная красивая колыбель, застланная тафтой и одеялом из шестисот семидесяти беличьих шкурок, хотя девочка родилась в июне. При первом появлении на людях на маленькой Изабелле было отороченное дорогим мехом шелковое платье, сшитое в итальянской Лукке, а Филиппа по этому случаю надела платье из красного и пурпурного бархата, расшитое жемчугом. Принимая гостей, королева возлежала на красивой резной кровати с покрывалом из зеленого бархата размером 7,5 на 8 эллов^[6], по всему полю

⁶ Если площадь этого покрывала указана хронистами во фламандских аллах (один

расшитым тритонами и русалками, державшими гербы Англии и Эно. В тот день все фрейлины королевы и другие придворные — от канцлера до прислуги — щеголяли в новой одежде. Показной блеск в те времена был не чужд даже верховной знати.

Дети короля — Эдуард, Изабелла и Иоанна — жили одним домом, совместно. У них были свои капелланы, музыканты, гувернеры и гувернантки (у Изабеллы и Иоанны еще и фрейлины) и целый штат слуг: повара, буфетчики, виночерпии, горничные, кастелянши, привратники, конюхи, всех и не перечесать. Дети короля ели на серебре, спали на обитых шелком кроватях и носили отделанную мехом одежду. Их гардероб обновлялся к каждому празднику: к Рождеству, Пасхе и Дню всех святых. Когда Изабелла и Иоанна ездили верхом из Лондона в Вестминстерское аббатство, их лошадей вели под уздцы пажи, а сопровождавшие их особые люди подавали милостыню нищим и заключенным Ньюгейтской тюрьмы. В одной хронике рассказывается о том, что когда Изабелле и Иоанне было соответственно десять и девять лет, им для посещения рыцарского турнира восемнадцать мастеровых в течение девяти дней под присмотром оруженосца самого короля украшали платья, использовав одиннадцать унций сусального золота.

Когда Изабелле было двенадцать лет, у нее имелось семь фрейлин, а у Иоанны, которая была годом младше, — лишь три. В 1349 году во время «великого мора» Изабелла вместе со своими фрейлинами посетила рыцарский турнир в Кентербери. Дамы были в масках,

элл равен 27 дюймам), то размер покрывала — 17 на 18 футов, если в английских эллах (один элл равен 45 дюймам), то размер покрывала — 28 на 30 футов.

вероятно боясь заразиться, но это не помогло: вскоре умерла любимая фрейлина Изабеллы леди де Троксфорд. Несмотря на разгул чумы, в том же 1349 году при дворе Эдуарда состоялось ежегодное грандиозное торжество в честь рыцарей, вступивших в орден Подвязки, включавшее рыцарские турниры и другие увеселения. Это празднество почтили своим присутствием королева Филиппа, Изабелла и триста наиболее знатных дам. Дамы, под стать членам ордена, надели голубые и серебряные подвязки, не забыв и о девизе ордена, украсившем их одеяния.

Когда Изабелле было три года, Эдуард вознамерился выдать ее замуж за короля Кастилии Педро, но переговоры не увенчались успехом — вероятно, к счастью для Изабеллы, ибо ее потенциальный жених получил позже известность как Педро Жестокий. Вместо Изабеллы выйти замуж за Педро должна была Иоанна, но в 1348 году она умерла от чумы в Бордо. Вторым женихом Изабеллы был сын герцога Бранбургского, находившийся с нею в родстве. Пока папа раздумывал, дать или не дать разрешение на этот брак, Изабелла оказалась помолвлена с Людовиком Фландрским, но незадолго до венчания Людовик пошел на попятный. Двумя годами позже Эдуард нашел Изабелле нового жениха — короля Богемии Карла IV. Состоялось обручение, и дело близилось к свадьбе, но не склонный обременять себя узами брака Карл в последний момент помолвку расторг.

Затем пришел черед Изабеллы отказать жениху. В 1351 году, когда ей исполнилось девятнадцать, Эдуард объявил о предстоящем бракосочетании Изабеллы с Бераром д'Альбре, сыном Бернара-Эзи д'Альбре, правителя Гаскони и своего вассала. Хотя д'Альбре не

были венценосной семьей, они занимали высокое положение и находились в феодальной зависимости и от французского и от английского короля. Эдуард благоволил этой семье и в год помолвки Изабеллы с Бераром пожаловал Бернару-Эзи тысячу фунтов, отметив его преданность Англии и противодействие, как угрозам, так и задабриванию со стороны французского короля.

Хотя союз с родом д'Альбре не являлся политическим триумфом английского короля, этот пакт был ему безусловно выгоден, ибо Эдуард делал все возможное для того, чтобы укрепиться в Гиени. Эдуард говорил о своем желании «дать возможность лорду д'Альбре и его потомству установить более тесную связь с английской короной» — мотив, который впоследствии повторился, когда женихом Изабеллы стал де Куси. В то же время английский король весьма неохотно расставался со своей старшей дочерью, к которой «был очень привязан». Эдуард дал в приданое Изабелле четыре тысячи марок и годовой доход в тысячу фунтов и еще обязался оставить ей это приданое, даже если ее бракосочетание с Бераром д'Альбре по какой-либо причине не состоится.

Изабелла со своей свитой, включавшей фрейлин и рыцарей, должна была отправиться в Бордо на пяти кораблях. В ее приданом имелись одеяния из парчи и шелка из Триполи, а также плащ из индийского шелка, отороченный горностаем и украшенный узорным шитьем с изображениями серебряных листьев, голубей и медведей. Имелось среди ее туалетов и платье из темно-красного бархата с модной в то время вышивкой, над которой в течение двух недель работали искусные вышивальщицы. Изабелла взяла с собой и подарки — сто девятнадцать шелковых чепцов, украшенных жемчугом, с

изображением агнца посередине, увитого листьями и цветами.

Однако в Бордо Изабелла так и не отплыла. Добравшись до порта, она неожиданно передумала и вернулась домой. Что стало тому причиной? Возможно, она решила отвергнуть жениха в отместку за то, что ее столько раз оставляли прежние женихи. Или, может, она не захотела выходить замуж за человека, несравнимого с ней по социальному положению? А может, Изабелла вспомнила свою сестру Иоанну, приехавшую в Бордо, чтобы выйти замуж, и умершую от чумы? Или она просто поначалу согласилась на брак, чтобы обновить свои туалеты?

По некоторым сведениям, Берар д'Альбре был так потрясен отказом невесты, что отказался от наследства в пользу младшего брата и вступил в орден францисканцев. По другому источнику, он женился на госпоже де Сен-Базейль, в 1370 году получил от французского короля большое поместье и учредил себе странный герб: два льва поддерживают голову Мидаса, что, возможно, символизировало обратную сторону францисканского нищенства.

Несмотря на своенравие Изабеллы, отец продолжал преподносить ей дорогие подарки: фьефы, поместья, замки, фермы, монастыри и, разумеется, драгоценности. Однако ее расходы, как и прежде, превышали ее финансовые возможности. Но если Изабелла покупала какую-то вещь в кредит, Эдуард благодушно расплачивался за дочь. В 1358 году, когда ей было двадцать шесть лет, он обеспечил ее еще одним годовым доходом в тысячу фунтов, которым она пользовалась до кончины отца. Шестью годами позже Эдуард назначил

свою дочь опекуншей богатого подростка Эдмунда Мортимера, графа Марча, но Изабелла продала опекунство матери графа за годовой доход опять же в тысячу фунтов с твердо оговоренным условием, что если квартальная выплата запоздает хотя бы на один день, взнос за этот период увеличится вдвое.

Когда именно Изабелла заинтересовалась Ангерраном VII де Куси во время его пятилетнего пребывания в Англии, доподлинно неизвестно. Английский хронист Ранульф Хигден утверждает, что Изабелла «хотела выйти замуж лишь по любви». Возможно, после долгих лет одиночества она на самом деле влюбилась — или согласилась с отцом, предложившим ей в мужья Ангеррана, и была рада выйти замуж за молодого привлекательного, богатого и знатного человека. Вероятно, именно Эдуард явился инициатором будущего союза Ангеррана и Изабеллы. Владея обширными землями (включая Кале), граничащими с Пикардией, английский король, видимо, собирался, выдав дочь замуж за Ангеррана, не только защитить свой форпост, но и переманить на свою сторону сильного французского феодала. Чтобы склонить Ангеррана на брак с Изабеллой (а может, лишь потому, что тот пришелся ему по сердцу), Эдуард вернул юноше во владение обширные земли в Йоркшире, Ланкашире, Уэстморленде и Камберленде, унаследованные Ангерраном от своей богатой прабабушки.

Когда Ангерран впервые задумался о женитьбе на Изабелле, в хрониках не рассказывается. Можно лишь с уверенностью сказать, что, хотя он и был заложником, жилось ему в Англии хорошо. Рыцари разных стран относились друг к другу с почтением. Между ними, следует признать, существовала некая

«транснациональная» связь, которая укреплялась, едва военные действия между странами прекращались. Женитьба на Изабелле была Ангеррану, конечно, выгодна: он не только переставал быть заложником, но и освобождался от выкупа. Другой вопрос — что он думал о самой Изабелле, не подходившей на роль непорочной красавицы и вряд ли обещавшей стать смиренной женой.

Жизнь Изабеллы при королевском дворе, где были обычны амурные своеволия, едва ли позволяет рассуждать о ее невинности. Придворные дамы не отличались безгрешностью. Так, Джоанна, вдова графа Холланда, ставшая в 1361 году женой Черного принца, считалась не только «первой красавицей Англии», но и «самой любвеобильной». Она вызывающе одевалась, подражая своими нарядами облачению разбойников Лангедока. На рыцарских турнирах нередко присутствовали, шокируя публику, дамы сомнительной репутации, «весьма привлекательные, но не лучшие в королевстве», одетые в мужские наряды, старавшиеся походить на участников состязания. В цветных блузах, коротких плащах и с кинжалом за поясом, они разъезжали на скаковых лошадях «не страшась Божьего гнева и не тушуясь под взглядами толпы».

В те времена особо порицались женщины, которые выщипывали себе брови и выбривали волосы надо лбом, что полагалось безнравственным, видимо, потому, что противоречило Божьим установлениям. Считалось, что демоны этим женщинам, попавшим в чистилище, в наказание за их мерзости втыкают «раскаленные шилья и иглы в места, из которых вырывали волосы». Когда некоего отшельника напугал сон, в котором ему привиделась дама, подвергнутая такому же наказанию,

ангел успокоил его, сказав: «Эта женщина заслужила столь ужасную кару».

Жан де Мен в «Романе о Розе» словами дуэньи повествует об ухищрениях, к которым прибегали дамы в XIII–XIV веках, чтобы привлечь к себе внимание противоположного пола. Если у дамы была красивая грудь, она носила платье с декольте; чтобы придать свежесть лицу, она пользовалась различными притираниями, но втайне, чтобы не догадался возлюбленный. Если она опасалась, что у нее изо рта дурно пахнет, то держалась от собеседника в отдалении. Дамы прелестно смеялись и даже плакали обольстительно, красиво ели и пили, стараясь не выпить лишнего и не заснуть за столом. Они ходили в церковь и на приемы в лучших нарядах и при каждом удобном случае приподнимали платье, чтобы показать красивые ноги. Они расставляли сети для всех мужчин, чтобы поймать хоть одного, а если им попадалось несколько, то они делали все для того, чтобы те о своих соперниках ничего не узнали. Дамы никогда не любили бедных, поскольку с них нечего было взять, и старались не жаловать чужестранцев, за исключением случаев, когда те им дарили деньги и драгоценности. Дама неизменно уверяла своего кавалера, что любит его без памяти, понуждая того делать подарки не только ей, но и ее матери, сестрам и даже служанкам.

Возможно, желание дам обогатиться за счет кавалеров преувеличено автором сатирического романа, но сатира всегда опирается на реальность. И для Изабеллы, согласившейся выйти замуж за Ангеррана, деньги имели существенное значение. По слухам, в штате

у Изабеллы находились два-три ювелира, семь-восемь вышивальщиц и два или три скорняка.

Если у Изабеллы к ее тридцати трем годам и были любовные похождения, то о них ничего неизвестно, но, судя по времяпрепровождению ее молодых современниц, она не была им чужда. Так, некая высокородная девица семнадцати лет соблазнила Гийома де Машо, поэта и музыканта, человека намного старше ее годами. Возможно, этой девицей была Агнесса Наваррская, сестра Карла Злого. Но кто бы ни была та девица, она понуждала Машо посвящать ей стихи и песни и наконец побудила его предать гласности их отношения в откровенной поэме «Правдивая история». Агнесса — станем так называть ту девицу — передала поэту золотой ключ от своего пояса целомудрия, охранявшего ее «самую недоступную драгоценность». Но, как впоследствии обнаружил Машо, Агнесса все время обманывала его точно так же, как, оказалось, преданная Фьяметта, внебрачная дочь неаполитанского короля, обманывала Боккаччо.

Средневековые девушки достигали брачного возраста в пятнадцать-семнадцать лет, но знатные, высокородные девочки могли быть выданы замуж в детстве или даже в младенчестве. Одна девица, пятнадцатилетняя героиня из стихотворения Дешана «Разве я не прекрасна?», как и Агнесса, имела ключ от своей «драгоценности», но вряд ли такой предмет был принятым в обиходе. Скорее всего, Дешан был знаком с поэмой Машо и этот атрибут героини перенял у него. Считают, что пояс непорочности заимствован из практики мусульман, использовавших для сохранения «драгоценности» женщин специальные скобки с замочком, завезенные в свое время в Европу. Однако это

специфическое устройство, потрафляющее чувству собственности мужчин, находчивым европейкам, вероятно, доставляло гораздо меньше хлопот, чем порабощенным восточным женщинам.

В каждой строфе своего сочинения Дешан воспеваает женские прелести — алые уста, зеленые глаза, тонкие брови, изящный подбородок, лебединую шею, высокую грудь, осиную талию, стройные ноги — и сопровождает описание это рефреном «Разве я не прекрасна? Разве нет? Разве нет?». Разумеется, это — мужское видение привлекательной девушки, но и Агнесса, и насмешливая Фьяметта были реальными женщинами, хотя обе сделались известными — а виртуально вместе с ними и другие средневековые женщины — благодаря мужскому перу. Сами женщины о себе не высказывались, разве что страдалница Элоиза, жившая в XII веке, и феминистка Кристина Пизанская из XIV столетия. Большинство женщин безмолвствовало.

Средневековые незамужние женщины — как знатные, так и простолюдинки — мало чего не знали об интимных связях с мужчинами. Известны назидательные рассказы шеваляе де Ла Тур Ландри, в которых он предостерегает девушек, растущих без матери, от необдуманных чувственных поступков. В своих сочинениях он осуждает разврат и внебрачные связи, иллюстрируя назидания как ссылками на былое (рассказы о дочерях Лота и кровосмешении, которому подверглась Фамарь), так и примерами из окружающей его жизни. Так, он осуждает некую даму, которая для того, чтобы проводить время с возлюбленным, каждый раз говорила мужу, что отправляется в паломничество согласно данному обету. Другой рыцарь из рассказа того

же автора советует даме не ходить по ночам в спальни к мужчинам и не принимать у себя всякого без разбора.

В средневековье были популярны не только рыцарские романы. Наряду с ними получили распространение фаблио, небольшие, чаще юмористические рассказы, порой грубые, непристойные и гротескные. Иногда написанные в стихах, как пародии на рыцарские романы, они трактовали интимные отношения как плотские удовольствия и при чтении вслух хорошо принимались публикой: в замках, в тавернах и, возможно, даже в монастырях.

Изабелла могла слышать рассказы Жана де Конде, поэта и ее современника, в Эно, при дворе ее матери. Тематику его сочинений можно проиллюстрировать повествованием об игре в «Правдивый рассказ», проводившейся при дворе перед началом рыцарского турнира. Королева спросила некоего рыцаря, есть ли у него дети, на что тот ответил, что у него нет детей. И действительно, он не выглядел человеком, способным в постели доставить удовольствие женщине, ибо «его борода была чуть больше пушка, существующего у дамы в известном месте». Королева ответила, что верит ему, «поскольку легко судить по состоянию сена, хороши ли вилы для ворошения». Затем рыцарь задал королеве вопрос: «Ответь мне без утайки, есть ли у тебя волосы между ног?» Королева ответила отрицательно, что рыцарь прокомментировал: «Я верю тебе, ведь на утопанной дорожке трава не растет».

Авторы фаблио в основном смеются над обманутыми мужьями, но иногда эта незавидная участь выпадает на долю незадачливого любовника. В этих рассказах мужчины изображаются как

привлекательными, так и противными, а женщины неизменно выступают в роли соблазнительниц и обманщиц. Они непостоянны, неразборчивы в средствах, бесстыдны, вздорны, распутны. Фаблио в известной степени реалистичны, но вряд ли ближе к жизни, чем рыцарские романы, а вот изображение в этих рассказах женщин как непристойных особ отражает общее отношение к ним того времени, тон которому задавала церковь.

Церковь считала женщин коварными и искусительницами, помехой святости, ловушкой дьявола для поимки мужчин. В «Зеркале» Винсента из Бове, энциклопедии XIII столетия, любимого сочинения Людовика Святого, женщина — «ненасытное существо, которое постоянно смущает мужчин и способствует их разорению, а также вместилище разнообразных тревог и препятствие набожности». Винсент был доминиканским монахом, членом ордена, породившего инквизицию, и, возможно в угоду своим собратьям, слегка переусердствовал в обвинениях, но и другие проповедники того времени женщин не жаловали. Они объявили женщин рабынями тщеславия и суетной моды, понуждавшей их облачаться в непристойные одеяния, вызывающие похотливые желания у мужчин. Правда, в то же время проповедники признавали, что многие женщины слишком заняты детьми и домашним хозяйством, для того чтобы должным образом думать о служении Богу.

В те времена богословие считалось прерогативой мужчин, полагавших, что в первородном грехе виновата женщина. Разве не по почину женщины случилось несчастье, понудившее Адама покинуть рай? В Книге Бытие первородный грех заключается в неповиновении

Богу через познание греха и зла, а история грехопадения служит источником всех тягот человеческой жизни. В христианском учении, согласно святому Павлу, первородный грех стал вечной виной человечества, а Христос принес себя в жертву за грехи человеческие и стал вечным искуплением за людей. Святой Августин придал грехопадению сексуальное содержание и поставил христианскую догму в оппозицию самому сильному человеческому инстинкту. Парадоксальным образом отрицание плотского удовольствия сделалось источником притяжения, что предоставило церкви власть над людьми, а верующих поставило перед постоянной дилеммой — грешить или не грешить.

«В любви нет греха!» — восклицала Батская ткачиха. В ее восклицании чувствуется смятение и даже чувство вины, хотя, вероятно, она не очень обеспокоена тем, что то и дело «грешит». Наиболее откровенно во все века секс славили женщины, но супружеский долг почитался общим. В этом вопросе богословы ссылались на поучение святого Павла: «Посему... человек... прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть», но они настаивали на том, что секс должен служить продолжению рода, но ни в коем случае удовольствию.

Святой Августин полагал, что Бог и Природа придали совокуплению удовольствие для того, чтобы побудить мужчину к этому акту и тем самым продолжить род человеческий и поклонение Богу. Совокупление только для наслаждения без учета надобностей Природы есть прегрешение как против Бога, так и против самой Природы. Обет безбрачия и целомудрие женщины — предпочтительные состояния человека, поскольку ведут

к ничем не ограниченной любви к Богу («к женитьбе и замужеству бессмертной души»).

Борьба с похотью одолевала некоторых людей на протяжении всей активной жизни, но большинства она не затрагивала. Эта борьба не одолевала и Окассена, героя средневекового рыцарского романа, который предпочитал раю ад, если он мог там оказаться со своей возлюбленной Николеттой. Не коснулся этой борьбы и «Роман о Розе», монументальное возвеличивание любви. Этот роман состоит из двух частей, написанных двумя разными авторами с интервалом в пятьдесят лет. Первая часть романа написана в куртуазной манере, а вторая полна скрытых изящной словесностью непристойностей. Когда 21 789 строк романа, полного аллегорий, подходят к концу, герой наконец завоевывает свою Розу, с которой срывает все лепестки, проливая семя в самый центр бутона и «исследуя чашечку цветка до самого дна».

А вот Петрарка после двадцати лет воспевания прекрасной Лауры, когда ему пошел пятый десяток, но «еще оставались силы и не угасло желание», стал отцом двух внебрачных детей от связи с другими женщинами, после чего он постарался избавиться от излишеств пылкого темперамента, «к которому в глубине души питал отвращение». Хотя он еще испытывал влечение к женщинам, Петрарка стал исповедоваться в грехах, молиться семь раз в день и наконец решил избегать общения с женщинами, без которых не мыслил своего существования раньше. Чтобы погасить пагубное желание, он увлекся мыслями о том, что «вправду представляют собою женщины», видимо, руководствуясь церковной доктриной, согласно которой «красота женщины прикрывает ее внутреннее уродство».

Опасность чувственных связей с женщинами обычно осознавалась мужчинами в конце жизни, когда их желание угасало и приходила боязнь за свои грехи попасть в ад. Так, Дешан, воспевавший в молодости любовь, в конце жизни разразился «Зерцалом брака», сочинением, в котором представил брак мучением для мужчин. В этом произведении из двенадцати тысяч строк Дешан вторит церковным установлениям и перечисляет пороки женщин: распутство, вздорность, своенравие, расточительность, невоздержанность на язык и изнурение мужа чувственными желаниями. И все же Дешан (кстати, бывший примерным мужем) прежде всего — поэт, воспевавший любовь и плотские удовольствия.

Церковная догма, твердо установившая, что совокупление только для наслаждения есть не что иное, как грех, вызывала немало вопросов. Если таинство брака священо, как может сексуальное удовольствие в браке быть греховным? Если удовольствие простительный грех, то почему, становясь похотливым или чрезмерным желанием, оно становится смертным грехом? Является ли зачатие ребенка вне брака, служащее для произведения отпрысков, более тяжким грехом, чем сексуальное удовольствие в браке без цели зачать ребенка? Может ли муж спать со своей женой в период ее беременности, когда зачатие невозможно? Если женатого мужчину искушает другая женщина, а он, чтобы «охладить» вспыхнувшее при этом желание, ложится спать со своей женой, то не является ли это грехом во спасение от другого греха? Если рыцарь, оправляясь в крестовый поход, оставляет дома жену, то не является ли это пренебрежением к воспроизводству потомства, хотя и не расходится с учением церкви? Конечно, все эти вопросы, главным образом, задавали

себе критические умы, обыкновенных людей они мало заботили.

Как и к ростовщичеству, к сексу относились неоднозначно, за исключением общего негативного отношения к любой сексуальной практике, противоречащей законам природы. Все отклонения от этих законов назывались «педерастией». Этот термин обозначал не только гомосексуализм, но и любой сексуальный контакт с человеком противоположного пола, если он совершался в «неподходящей» позиции или задействовал «неположенное» отверстие. Этим же термином называли занятие, свойственное Онану, и скотоложство. Все это считалось педерастией, извращением законов природы, выступлением против Бога и потому «самым тяжким грехом» в распутстве.

Брак признавался связью мужчины и женщины, объединенных общими интересами. Эта тема развивается в «Кентерберийских рассказах», при этом наиболее дискутируется вопрос: кто главный в семье — муж или жена. Этот вопрос актуален и для «Парижского домовода», составленного неизвестным французским автором для своей пятнадцатилетней жены. В этом руководстве семейной жизни говорится о том, что жена должна выполнять все распоряжения мужа, а своим поведением — доставлять ему удовольствие, ибо «удовольствие мужа для жены превыше всего». Жена не должна быть надменной, не должна прекословить мужу, особенно на людях, поскольку, согласно установлению Бога, «женщина подвластна мужчине», но она может добиться желаемого от мужа любовью и послушанием. Жене следует искусно и деликатно отвращать мужа от безрассудных поступков, но никогда не ворчать и не

придираться к нему, потому что мужчина не склонен подчиняться жене и действовать по ее наставлениям.

Жен, имеющих обыкновение перечить мужьям, нередко наказывали. Ла Тур Ландри рассказывает о том, как некий муж, которого жена отчитала на людях, разъярился до такой степени, что ударом кулака сбил ее с ног, сломав ей при этом нос, после чего «злая на язык женщина не смогла показываться на публике», чего заслужила «за пререкания с мужем». Средневековые авторы, упоминая в своих работах о женщинах, неизменно советуют им быть послушными и уступчивыми, и можно предположить, что женщины того времени отличались противоположными качествами. Например, гнев воплощался в то время в образе женщины, хотя другие грехи, в основном, олицетворяли мужчины.^[7]

Если средневековая женщина действительно отличалась сварливостью, то надо думать, что брань и вздорность были ее единственным средством против безоговорочного подчинения мужу. Фома Аквинский считал, что для поддержания порядка в семье одни должны повиноваться другим, «более умным», и потому женщина, «слабая и душой, и телом по природе своей», должна в полной мере подчиняться мужчине, «сильному и духом, и телом». Фома Аквинский также считал, что отца следует любить больше, чем мать, потому что он — инициатор зачатия, а роль матери при этом пассивна. Как полагал тот же автор, мать должна заботиться о

⁷ В иллюстрированной рукописи XIV столетия гордость — рыцарь на льве, зависть — монах на собаке, лень — крестьянин на осле, скупость — купец на барсуке, обжорство — юноша на волке, гнев — женщина на кабане, роскошь — женщина на козле.

ребенке в младенчестве, а ответственность за его воспитание, как духовное, так и физическое, должен нести отец.

Оноре Боне в своем сочинении задается вопросом: может ли королева в отсутствие короля, когда управляет страной, судить рыцаря за провинность? И сам же отвечает на этот вопрос: нет, не может, «поскольку не вызывает сомнения, что мужчина превосходит любую женщину как умом, так и добропорядочностью, и потому женщина не может судить того, чьи достоинства превышают ее умственные и нравственные начала».

В середине XIV столетия получила распространение история безропотной терпеливой Гризельды, рассказанная Боккаччо, затем Петраркой и Чосером (в «Рассказе студента») и наконец изложенная автором «Парижского домовода».

Гризельда безропотно отнеслась к словам своего жестокосердого мужа, когда тот сообщил ей, что хочет убить их детей. В дальнейшем оказалось, что этот бесчувственный эгоист всего лишь хотел проверить, насколько жена покорна и послушна ему. Когда Гризельда узнала об этом, она охотно вернулась в объятия своего мужа.

Автор «Парижского домовода», человек с добрым сердцем, хотя и изложил вслед за другими авторами историю смиренной Гризельды, считал, что история эта мало правдоподобна, но все же вставил ее в свое руководство, посчитав, что его жена должна с ней ознакомиться, чтобы в разговоре с другими дамами, любившими в часы досуга послушать развлекательные рассказы, поддержать разговор, если он коснется популярной в то время истории. Чосер также считал, что

история эта маловероятна, да вдобавок унижает женщин, и потому, завершая «Рассказ студента», дает дамам утешительные советы:

Коль ты красива, на глазах людей

Цвети и надевай все украшенья.

А коль дурна, расходов не жалея,

Чтоб приобрести друзей для услуженья.

Будь весела, как листья лип весной,

А мужу предоставь плач, вой, мученья.

Любовь в замужестве, несмотря на игривость куртуазных романов, все же являлась целью супругов. Но эта задача вваливалась на плечи жены, обязанной завоевать любовь мужа и «принести в семейную жизнь мир и спокойствие» через постоянную заботу о муже и проявление кротости, покорности и терпения. Все советы автора «Парижского домовода» сводятся, по существу, к одному: «Чтобы наилучшим образом угодить мужчине, следует доставить ему удовольствие». Третье сословие, к которому принадлежал автор «Парижского домовода», придавало большее значение браку, чем знать, что объяснялось более близкими отношениями между супругами в буржуазной семье. В английском Данмоу, городе в Эссексе, одаривали копченым свиным боком супружескую чету после года совместной жизни и клятвенного заверения в том, что супруги никогда не бранились и не жалеют о вступлении в брак.

В средневековье, наряду с культом куртуазной любви, возвысившим знатных дам, распространился и культ Девы Марии, но эти духовные устремления не

мешали бесславить женщин за пустословие, пересуды, кокетство, назойливость, фантазерство, сентиментальность и чрезмерное сострадание к странствующим студентам и нищим. Женщин также порицали за поведение в церкви. Придя в храм, они до крайности суетились: поминутно окропляли себя, молитвы читали вслух, преклоняли колени перед каждой святыней, крутили головой, обращая на все внимание, а вот проповеди нисколько не слушали. Доставалось даже монахиням, которые, как считалось, постоянно угрюмы и раздражительны, «словно собаки, сидящие на цепи». В монастыри женщины уходили по разным причинам: одни по религиозным соображениям, другие — разуверившись в мирской жизни, а третьих в монастырь отдавали родители. Но, как правило, монастыри были доступны лишь тем, кто мог сделать церкви достаточное пожертвование.

В средневековье женщины в возрасте от двадцати до сорока лет умирали чаще мужчин-ровесников, что, вероятно, обуславливали смертность при родах и недостаточная сопротивляемость женского организма болезням. После сорока лет смертность женщин была ниже, чем у мужчин, и вдовам разрешалось выйти замуж вторично.

В повседневной жизни знатные дамы, как и простолюдинки, имели свои обязанности, вытекавшие из их социального положения, а порой определявшиеся стечением обстоятельств. Крестьянки могли арендовать участок земли и тогда выполняли ту же работу, что и мужчины, но в связи с более низким заработком имели меньший доход. Женщины объединялись иногда в гильдии, занимались прядением, ткачеством и даже пивоварением. К занятию некоторыми ремеслами

женщин не допускали, за исключением жен и дочерей членов гильдии. Купчихам в отсутствие мужа помимо домашних дел приходилось вести бухгалтерию и следить за торговлей.

Некоторые женщины имели познания в медицине. В 1322 году в Париже преследовали судебным порядком некую Якубу Фелицию за то, что она, не имея научной степени, занималась лечением горожан. Однако один из свидетелей на суде показал, что, по мнению многих людей, Якуба Фелиция «более сведуща в медицине, и особенно в хирургии, чем лучшие парижские доктора». В шестидесятые годы в Болонском университете преподавала Новелла д'Андреа. Она была так красива, что приходила на лекции в шляпке с вуалью, чтобы не будоражить студентов. Правда, о научной квалификации этой женщины в хронике не сообщается.

У жен кастелянов забот было еще больше. Они даже занимались порой защитой замков от неприятеля. Четырнадцатый век сопровождался бесконечными войнами, и кастеляны участвовали в боевых действиях и иногда попадали в плен. В их отсутствие жены кастелянов, как, например, Иоанна де Монфор, выполняли их непростые обязанности, связанные с принятием сложных решений во время осады замка. А вот Марсии Орделаффи пришлось защищать целый город, Чезену, в то время как ее не в меру вспыльчивый муж (убивший своего сына) защищал другой итальянский город от папских войск. Марсия, несмотря на наличие у противника осадных машин, бомбардировку улиц камнями и непрекращавшиеся попытки противника взять город штурмом, наотрез отказалась сдаться. Когда она узнала, что ее ближайший советник ведет тайные переговоры с противником, то арестовала его и предала

смерти. Только когда рыцари известили ее, что падение цитадели приведет к гибели всего населения и что они намерены сдаться даже без ее ведома, Марсия согласилась вступить в переговоры с противником и провела их весьма успешно. Ей гарантировали, что сохранят жизнь ей самой, ее семье, окружению и всем солдатам, воевавшим на ее стороне. Говорили, что она опасалась лишь гнева своего сурового мужа и, видно, не без причины, потому что, несмотря на свои показные куртуазные устремления, рыцари нередко избивали строптивых, как им казалось, жен. Граф Арманьяк был предан суду за нанесение своей жене сильных побоев и содержание ее взаперти с целью присвоить себе ее собственность.

Среди образованных женщин XIV столетия следует выделить Кристину Пизанскую, единственную средневековую женщину (насколько это известно), зарабатывавшую на жизнь литературным трудом. Она родилась в 1364 году и была дочерью Томмазо де Пизано, врача и астролога с докторской степенью, полученной в Болонском университете. В 1365 году, по приглашению французского короля Карла V, Томмазо переехал вместе с семьей в Париж и стал служить королю. Отец учил Кристину латыни, философии и многим другим наукам, не принятым при обучении женщин. Через десять лет, после смерти отца и внезапной кончины мужа, она осталась одна с тремя детьми на руках, лишившись средств к существованию. Тогда Кристина занялась литературным трудом, занятием, которое не оставляла всю жизнь. Она начала с

поэзии, рассказывая в рондо и балладах о счастливом замужестве и горькой доле вдовы.

Никто не знает, как трудно утихомирить
мое бедное сердце,

Чтобы скрыть свое горе, ведь я не нахожу
ни у кого утешения.

Когда нет любви, на глаза просятся слезы,

Но я не жалуясь, не скулю и не хнычу,

А смеюсь, когда надо плакать,

И, без размера и рифмы, наскоро сочиняю
стихи,

Чтобы унять сердечные раны.

Проникновенные лирические стихи (и, возможно, симпатия, которую вызывала Кристина) развязали кошельки высокородных людей, считавших своей обязанностью покровительствовать искусству, что воодушевило Кристину продолжить труды, и она взялась за переводы и переложение работ других авторов — привычная литературная практика того времени. Кристина работала в разных жанрах. Она написала большую работу о военном искусстве, основанную на труде Вегеция «Краткое изложение военного дела», роман на мифологическую тему, трактат об образовании женщин и ценную историческую работу — биографию Карла V. В «Книге о Граде женском», посвященной известным женщинам прошлого, Кристина повествует о своей достопримечательной жизни и о своей страстной любви.

Кристина написала пролог к работе Боккаччо — «О знаменитых женщинах», которую перевела на французский. В прологе Кристина задается вопросами: «Почему мужчины единодушны в приписывании женщинам слабости?», «Почему женщины хуже мужчин, ведь они тоже созданы Богом?» В прологе изображены три аллегорические фигуры: Справедливость, Вера и Милосердие, по мнению которых «нынешнее восприятие женщин навязано заносчивыми мужчинами». Чтобы оценить женщин по праву, они рассказывают о женщинах прошлого: о Церере, способствовавшей успешному земледелию, об Арахне, положившей начало ткачеству, о героинях Гомера и мученицах за христианскую веру.

В «Послании к богу любви» Кристина задается вопросом: почему раньше во Франции женщин чтили и уважали, а теперь их оскорбляют не только простолюдины, но и образованные знатные люди? «Послание» — явный протест против клеветнического изображения женщин во второй (сатирической) части «Романа о Розе», написанной Жаном де Меном. Профессиональный писатель, магистр искусств Парижского университета, Жан де Мен был Джонатаном Свифтом своего времени, сатириком, обличавшим доктринерство в философии и религии и едко смеявшимся над куртуазной любовью. Жан де Мен ратовал за естественные поступки и чувства, за близость к природе и высмеивал фарисейство и целомудрие, которые олицетворяли в его сочинении нищенствующие монахи. Но, подобно церковникам, ставившим в вину женщинам порождение у мужчин плотских желаний, Жан де Мен обвинял женщин в утрате человечеством возвышенных идеалов. Считая куртуазную любовь искусственным восхвалением слабого пола, он сделал

женщин олицетворением вероломства и лицемерия и верно, как сам считал, показал изнанку куртуазной любви с высоты положения безгрешного самоуверенного мужчины. Не так ли в наши дни полицейские сажают за решетку проституток, а к их клиентам относятся снисходительно?

Своим протестом Кристина старалась вызвать дискуссию между сторонниками и противниками Жана де Мена. Но она не забывала и о поэзии, в которой звучали меланхоличные нотки.

Уж месяц прошел с тех пор,
Как мой милый покинул меня,
И сердце мое молчит
С того самого горького дня.
«Уезжаю. Прощай!» — молвил он,
Не услышав мой скорбный стон.
Как печальная судьба моя,
Целый месяц прошел с тех пор.

Как видно из дошедших до нас книг Кристины, роскошно переплетенных, ее работы пользовались успехом, по меньшей мере, у образованных богатых людей. В возрасте пятидесяти четырех лет она ушла в монастырь. Кристина прожила еще одиннадцать лет и в эти годы написала поэму, посвященную женщине, возвысившейся в то время над другими людьми, — Жанне д'Арк.

В XIV веке на литературной стезе проявила себя и другая женщина, англичанка Марджери Кемп. В

двадцатилетием возрасте Марджери вышла замуж, но после первых родов тяжело заболела, и ей не давали покоя видения, призывавшие ее отречься от мира. Она стремилась следовать этим установлениям и посвятила свою жизнь паломничеству. О своих странствиях и видениях она написала книгу, надиктовав ее двум писцам, которая получила известность как «Книга Марджери Кемп». Во время паломничества в Иерусалим Марджери на месте мученичества Христа «испытала безграничную горечь и великую щемящую боль». После этого у нее начались припадки, сопровождавшиеся безудержным плачем. Припадки эти повторялись с разными интервалами: когда происходили раз в месяц, когда раз в неделю, иногда ежедневно, а то и следовали один за другим и настигали даже в церкви или на улице. Вид распятия вызывал у нее неистовое волнение, а когда она видела раненого человека или покалеченное животное, или когда при ней били ребенка или хлестали лошадь кнутом, ей казалось, что она видит, как истязают Христа. Марджери старалась на людях скрывать чувства и не плакать навзрыд, чтобы не раздражать окружающих, ибо ее постоянно осыпали ругательствами. Одни полагали, что она злоупотребляет вином, другие — что в нее вселился злой дух и лучше бы ей отправиться на тот свет. Марджери Кемп была, разумеется, неприятной соседкой, как и всякий, кто не в силах скрыть своих душевных страданий.

Двадцать седьмого июля 1365 года в Виндзорском замке Изабелла Английская и Ангерран де Куси сочетались браком. На пышном празднестве выступали лучшие английские менестрели. На невесте переливались, горели и искрились драгоценные камни

стоимостью 2370 фунтов 13 шиллингов и 4 пенни — свадебный подарок, преподнесенный Изабелле семьей. Приданое Изабеллы, увеличившееся после смерти сестры, теперь составляло четыре тысячи фунтов годового дохода. Подарок английского короля Ангеррану был не менее ценен: он получил свободу без всякого выкупа.

Четыре месяца спустя, в ноябре, супружеская чета получила разрешение короля уехать во Францию. Эдуард расстался с дочерью неохотно и в письме, ей написанном, подчеркнул, что отпускает ее лишь для того, чтобы «ознакомиться со своими французскими землями и поместьями». Изабелла в то время была уже в положении, и Эдуард в том же письме дал дочери обещание, что все ее дети, рожденные за границей, станут наследовать земли в Англии и «обладать всеми другими причитающимися правами, как если бы они родились на территории английского королевства».

В апреле 1366 года у Ангеррана и Изабеллы родилась дочь Мария. Не прошло и месяца после этого, как Изабелла с мужем и дочерью поспешила вернуться в Англию. До порта она ехала в четырехколесном крытом фургоне с мягкими комфортабельными сиденьями. Изабелла захватила с собой в дорогу постельное белье, серебряную посуду и даже кое-какую мебель. Впереди ехали слуги, чтобы заранее обустроить помещение для ночлега. Нелегкое путешествие с новорожденной дочерью на руках, сначала по тряской дороге, а затем по, возможно, бурному морю казалось странным и даже безрассудным поступком со стороны Изабеллы, но, видимо, ее тянуло домой. За все годы замужества Изабелла в Куси-ле-Шато так и не прижилась, и как только Ангерран уезжал по делам на долгое время, она

немедленно возвращалась ко двору своего отца. Возможно, в огромном замке, возвышавшемся на холме, она чувствовала себя неуютно, но более вероятно, она просто стремилась туда, где прошла ее молодость и где все ей потакали.

Едва Ангерран вместе с семьей возвратился в Англию, Эдуард постарался как можно теснее приблизить его к себе. Одиннадцатого мая 1366 года канцлер в присутствии Эдуарда оповестил членов парламента, что «поскольку король выдал свою дочь замуж за Ангеррана де Куси, владельца превосходных поместий в Англии и во Франции, Эдуард полагает, что породнившийся с ним Ангерран достоин титула графа, и потому просит парламент согласиться с этим намерением». Парламент охотно одобрил предложения Эдуарда, представив королю право определить самому, какие земли даровать Ангеррану, в итоге наделенному графством Бедфорд. Пополнился новым членом и орден Подвязки. С этого времени Ангерран под именем Ингелрам^[8], граф Бедфорд, стал появляться в английских хрониках.

В то же время Эдуард подарил Изабелле новые земли, приносившие ей в год двести фунтов. Она, как обычно, распоряжалась этими деньгами по-своему, пуская их на дорогие покупки. Казалось, сорить деньгами на такого рода приобретения стало для Изабеллы навязчивым состоянием. Больше того, она нередко покупала дорогостоящие товары в кредит (к примеру, шелк, бархат, тафту, парчу), и эти ее долги приходилось

⁸ Имена собственные по разные стороны Английского канала произносились по-разному и могли, говоря откровенно, безбожно перевираться. В «Кентерберийских рассказах» Чосера монахиня-аббатиса «по-французски говорила хорошо и свободно, как этому учат в Стратфорде, но парижский французский был ей неизвестен».

оплачивать Эдуарду, который с той же смиренностью выкупал отданные дочерью в заклад драгоценности.

В 1367 году незадолго до Пасхи (отмечавшейся тогда 18 апреля) у Ангеррана и Изабеллы, когда они находились в Англии, родилась еще одна дочь. Ее назвали Филиппой в честь бабушки-королевы. Эдуард и Филиппа преподнесли внучке серебряную посуду: шесть кубков, шесть чашек, четыре кувшина, четыре блюда, двадцать четыре тарелки и столько же солонок и ложек; стоимость подарка составила 239 фунтов, 18 шиллингов и 3 пенни.

Ангерран и в дальнейшем был в милости у английского короля, который ввел его во владение еще одним графством — теперь во Франции. Одним из французских заложников в Англии был Ги де Блуа де Шатийон, граф де Суассон, племянник Филиппа VI и Карла де Блуа Бретонского, который, несмотря на свое высокое социальное положение, не мог собрать необходимых денег для выкупа. Тогда он с согласия взошедшего на французский престол Карла V, чтобы наконец получить свободу, уступил свое графство английскому королю, а Эдуард, в свою очередь, пожаловал это графство зятю в качестве приданого Изабеллы, назначенного в размере 4000 фунтов. Так, Ангерран стал графом де Суассон. Графство это соседствовало с землями де Куси, и теперь во владении Ангеррана оказалась значительная часть Пикардии. В июле 1367 года граф де Суассон вместе с семьей возвратился во Францию.

ГЛАВА 10

СЫНЫ БЕСЧИНСТВА

В те семь лет, что де Куси был в Англии, главным фактором европейских событий стали бесчинства наемников-бригандов, или «вольных отрядов», расплзшихся по Франции, Савойе, Ломбардии и папским владениям. Это был не преходящий феномен, не вмешательство сторонних сил, нет — наемные отряды сделали образ жизни, стали частью общества, правители использовали их и присоединялись к ним, даже если порой и пытались от них избавиться. Бриганды объедали общество подобно Эрисихтону, «разрывателю земли». Сын Триопа вырубил священные деревья в роще Деметры и был наказан богиней вечным терзающим голодом. Не в силах утолить голод, Эрисихтон пожрал самого себя.

Дисциплина и организация сделали бригандов полезнее рыцарей: последние грезил о славе и не подчинялись командам. Правители нанимали бригандов: так, граф Савойский Амадей VI договорился с одним из самых отчаянных капитанов, чтобы тот в его собственном владении истребил отряд противника, не чураясь крайней жестокости. Либо по приказу, либо по собственной воле бриганды сделали грабежи своим ремеслом. Атмосфера XIV века пропиталась жестоким торжеством бандитов.

Во Франции происходил передел территорий. Несмотря на королевские указы, многие бриганды отказывались расформироваться и покинуть свои убежища. Лишившись постоянной службы, они, словно

пчелы из разоренного улья, создавали новые маленькие ульи, группируясь вокруг какого-нибудь капитана и присоединялись к «воинству опоздавших» (*Tard-Venus*). Оказалось, что служба наемника вкупе с разбоем приносит неплохой доход, и потому занятие бригадов получило широкое распространение: они привлекали в свои ряды тех, кто, потеряв работу, быстро впадал в беззаконие. Низшие чины доставались выходцам из нищих городских районов и заброшенных деревень, а также людям, выкинутым из всех профессий, в том числе и Церковных. Военачальниками же становились представители высших слоев общества. Это были либо землевладельцы — их неудержимо влекла возможность добыть богатство с помощью оружия, — либо неудачники рыцарского сословия, этих отыскивали сами бандиты. Поскольку жить на разоренных землях было невозможно, они вступали в ряды наемников, предпочитая мирным занятиям подобный «лихой» образ жизни. «Готовые на любую жестокость», по словам папской буллы 1364 года, они казались беззащитным людям разновидностью чумы, снизошедшей с далеких планет; другие считали их божьей карой.

Во Франции бойцов из бригад называли живодерами (*ecorcheurs*) и разбойниками с большой дороги (*routiers*), в Италии — кондотьерами, от слова *condotta* — контракт, который они заключали с хозяевами. Они взимали доход с беззащитных городов в форме *appatis* — дани за свободу, за ненападение, причем условия такого соглашения излагались в письменной форме. Для управления делами они привлекали обычных людей — нотариусов, юристов, а также писцов, кузнецов, кожевников, бондарей, мясников, врачей, священников, портных, прачек,

проституток и, часто, собственных законных жен. Делами они заправляли через маклеров, продававших то, что награбили бандиты, за исключением редкого оружия или предметов роскоши, которые наемники хотели оставить себе — например, драгоценности, женское платье, сталь для мечей либо страусовые перья и касторовые шляпы. Постепенно они вписались в социальную структуру. Когда в 1364 году Бургундию захватил «протоиерей» Арно де Серволь, молодой герцог Филипп принял его уважительно, назвал своим советником и компаньоном, поселил в замке и даже предоставил, под видом «охраны», несколько благородных заложников. Серволь жил в замке, пока герцог не собрал две тысячи пятьсот золотых франков. С помощью этих денег Филипп купил уход де Серволя из страны. Для сбора необходимой суммы Филипп воспользовался испытанным средством — обложил налогом подданных, и это стало еще одной причиной озлобления людей против герцога.

Бертука д'Альбре из того же семейства, что и отвергнутый жених Изабеллы, принадлежал к высшему сословию. Таких людей следовало бы называть бандитами, а не феодалами. Спустя много лет, в старости, д'Альбре вздыхал по прошлому: «Мы могли нападать на богатых купцов из Тулузы, из Ле Риоля или из Бержерака; с каждым днем мы становились богаче, нам доставалась знатная еда и отличная выпивка». Его друг и земляк, гасконец Сеген де Бадфоль, которого часто называли «королем компаний», пять фигур на щите отцовского герба заменил пятью медальонами, или золотыми монетами, отражавшими его главный интерес. Мериго Марше, тридцать лет занимавшийся разбоем и окончивший жизнь на эшафоте, хвастал шелками,

добытыми в Брюсселе, шкурами, награбленными на ярмарках, специями из Брюгге, дорогими тканями из Дамаска и Александрии. «Все было нашим, все, чего только стоило пожелать или получить в качестве выкупа... Крестьяне из Оверни приходили в наш замок, приносили пшеницу, муку, свежий хлеб, сено для лошадей, хорошее вино, говядину и баранину, откормленных ягнят и птицу. Едой мы были обеспечены не хуже короля. А когда ехали по стране, все дрожали».

Каждое преступление бандитов разжигало ненависть в сердцах населения, будь то поедание мяса во время поста, изнасилование беременных женщин, что приводило к гибели плода или пусть и родившихся, но не дождавшихся крещения младенцев. Три четверти Франции оказались во власти банд, особенно области, богатые виноградниками, — Бургундия, Нормандия, Шампань и Лангедок. Укрепленные города могли организовать сопротивление, ответить жестокостью на наступление противника, от этого земля еще больше страдала, население превращалось в бродяг, крестьяне разорялись, ремесленники пускались в бега в поисках работы, священники теряли приходы.

Банды не щадили церквей. «Не страшась гнева Господня, — писал Иннокентий VI в пасторальном письме от 1360 года, — сыны бесчинства... рушат церкви, крадут священные книги, потиры, кресты, предметы церковного ритуала и делают их своей добычей». Храмы, в которых проливалась кровь, считались оскверненными, и их запрещалось использовать по прямому назначению, пока не проходил долгий бюрократический процесс очищения. Тем не менее налогов папа не отменял, и священники из разрушенных приходов, обнищав, нередко вступали в ряды бывших гонителей. «Вот до чего все дошло, —

сокрушался Иннокентий в упомянутом письме, — люди, в обязанности которым вменено нести Божественную благодать... принимают участие в грабежах и хищениях и даже проливают кровь».

Если уж священнослужители и рыцари превращались в сынов бесчинства, то обычный человек чувствовал, что живет в разбойном веке и при этом, однако, бессилён что-либо изменить. «Если б сам Бог был солдатом, он бы тоже грабил», — сказал английский рыцарь по имени Тальбот.

Одно звено в цепи все еще держалось — необходимость отпущения грехов. Страх смерти без покаяния столь крепко внедрился в сознание, что люди верили: привидения — это души неисповедовавшихся, и они вернулись на землю получить отпущение грехов. Сколь далеко бандиты ни отступали бы при жизни от Божьих заповедей, даже они настаивали на соблюдении обряда, пусть тот и представлялся им формальностью. Теоретически, человек, встретивший смерть «в честном бою», шел напрямик на небо, если перед сражением покаялся в грехах; но рыцарь, виновный в грабеже, должен был доказать раскаяние возвратом похищенного добра. Не притворяясь в участии «в честной войне» и не собираясь отдать похищенную добычу, бандиты добивались отпущения грехов силой, добывали, словно кошелек с золотом. Обсуждая сумму выкупа или вознаграждения у пленников, даже у тех, кого они искалечили или пытали, условием освобождения своих жертв они ставили отпущение грехов, а в случае отказа требовали у папы отлучить несчастных от церкви.

Преемник Иннокентия, Урбан V, в 1364 году издал две буллы об отпущении грехов — «Cogit Nos» и

«Miserabilis Nonullorum». Эти документы накладывали запрет на любое сотрудничество и пособничество бандам, папа даровал также полную индульгенцию тем, кто погиб в противоборстве бандитам. Если этот запрет и беспокоил бандитов, то не остановил.

Выдающимся командиром «опоздавших», тех, с кем предстояло сразиться де Куси, был сэр Джон Хоквуд, возглавивший один из отрядов, осаждавших Авиньон в 1361 году. Его происхождение мало чем отличалось от происхождения людей, вливавшихся в ряды бандитов. Он был вторым сыном мелкого землевладельца и дубильщика; из дома ушел, когда его старший брат унаследовал имение, шесть лошадей и повозку, а Джон остался безземельным, с двадцатью фунтами и десятью шиллингами в кармане. В 1350-х годах во Франции Хоквуд вступил в английскую армию. Он по-прежнему был «бедным рыцарем, не имевшим ничего, кроме шпор», когда после заключения мирного договора в Бретиньи присоединился к «опоздавшим». Тогда ему было около тридцати пяти лет. Хоквуда манило папское золото, и из Авиньона он переехал в Италию, где командовал «белым отрядом», состоявшим из 3500 всадников и 2000 пехотинцев. Это имя подарили отряду белые флаги, блузы и начищенные до блеска нагрудники. С первого же появления в Ломбардии отряд вызывал у населения ужас своей яростью и разнузданностью, со временем для людей «не было ничего ужаснее, чем услышать английское имя». Бойцы отряда заслужили репутацию «коварных и злобных» (*perfidy e scelleratissimi*), хотя все соглашались с тем, что «в отличие от мадьяр, англичане не сжигали и не калечили своих жертв».

Хоквуда нанимал то один, то другой итальянский город-государство, и вскоре он смог назначать за свои услуги самую высокую цену. Какими бы беспощадными ни были его методы — не зря ведь о нем говорили, что «это итальянский наемник, англичанин по происхождению, — исчадие ада», — но просто разбоем Хоквуд не занимался, он заключал договор с теми, кто ему платил за работу, и служил тем, кто давал более высокую цену. Он сражался за Пизу против Флоренции и за Флоренцию против Пизы, за папскую армию против Висконти и наоборот. Исполнив заказ Висконти, он честно передал Галеаццо замки, которые отвоевал «белый отряд». Война для Хоквуда была бизнесом, однако он ставил единственное условие: против короля Англии он не воевал. Когда спустя тридцать пять лет он умер в Италии знаменитым человеком, с землями и большими деньгами, его похоронили в соборе Флоренции и почтили его память фреской работы Паоло Уччелло: над дверью художник изобразил конный памятник кондотьеру. В год смерти Хоквуда национальная гордость потребовала вернуть кондотьера домой, и по личной просьбе Ричарда II тело сэра Хоквуда было перевезено в Англию, где его и похоронили в родном городе.

В Италии наемные отряды использовались в межгосударственных войнах фактически как официальные войска. Во Франции они действовали бесконтрольно. Единственной противодействующей силой могла бы стать постоянная армия, но о ней государство не задумывалось, вдобавок королевству это было бы не по карману. Легче заплатить наемникам, чтобы те убрались восвояси. Когда король Венгрии попросил о помощи в борьбе против турок, папа,

император и король Франции объединили свои силы в крестовом походе, дабы устранить опасность.

Человек, которого предложил бывший регент, а ныне Карл V, в качестве командующего походом, был странным и грубым, как и его бретонское имя. Французы называли его Бертран де Клекен, или Кескен, или Клески, пока в конце концов не остановились на Дюгеклене. Низкорослый, нескладный, с плоским носом и темной кожей, «не найдешь никого безобразнее от Ренна и до Динана» — так начинается рифмованная эпическая поэма Кювелье, в которой автор создает образ французского героя, способный соперничать с образом Черного принца в панегирике герольда Чандоса. «Родители столь сильно его ненавидели, что часто в сердце своем желали ему смерти. Они называли его негодником, дураком или клоуном, полуголодного ребенка презирали, взрослые и слуги ни во что его не ставили». Родители Дюгеклена принадлежали к бедному рыцарскому сословию. Неотесанный сын, не принимавший участия в турнирах, выучился воевать на службе у бретонского герцога Шарля де Блуа. В партизанских войнах Бретани он постиг тактику засад, маскировался, прибегал к шпионажу, тайным гонцам, дымовым завесам, скрывавшим передвижение воинов, не гнушался подкупать деньгами и вином, пытал и убивал пленников, устраивал неожиданные нападения во время перемирия. Он был бесстрашным настолько же, насколько и беспринципным, отважно действовал мечом, однако всегда предпочитал применить хитрость, как любой живодер, был жесток, коварен и беспощаден.

Родился он где-то между 1315 и 1320 годами, а в рыцарское звание его возвели лишь после 35 лет; на местном уровне Дюгеклен прославился при обороне

Ренна. Он захватил крепость у наваррцев, что засвидетельствовал дофин, с этого и началось продвижение Дюгеклена на службе короля. Хотя сам Карл V не был воином, дух у него был воинственный. Все эти годы, начиная с мирного договора в Бретиньи, единственной потаенной и всепоглощающей целью Карла было прекращение территориальных уступок, поскольку это сулило гибель королевству. Желания возглавить войско на поле боя у него не возникало, следовательно, нужно было найти достойного полководца, и король нашел его в «борове в доспехах» — первом успешном военачальнике, выступавшем на французской стороне и сопоставимом ратными подвигами с Черным принцем или сэром Джоном Чандосом.

В 1364 году, в первый год правления Карла, Дюгеклен привел французов к победе в первом сражении, но во втором его войско было разбито. В первом сражении при Кошереле против Карла Наваррского численность французской армии была небольшой, зато результат значительным, поскольку победа позволила устранить хроническую наваррскую угрозу Парижу. Эта битва была даже более значимой, поскольку в плен был взят капталь де Буш, кузен Карла Наваррского, которого впоследствии Карл V освободил, не спрашивая выкупа, в надежде завоевать его сердце, чтобы де Буш перешел на французскую сторону. Второе сражение произошло через пять месяцев при Орэ, на скалистом побережье Бретани. Шарль де Блуа, французский претендент на герцогство, был убит, а Дюгеклен оказался в плену. Это было последнее противостояние герцогов Бретани, оставившее во главе английского кандидата — Жана де Монфора, хотя по условиям договора в Бретиньи герцогство было

французской вотчиной. Поражение Карл V фактически обратил в свою пользу. С помощью огромного пособия он уговорил вдову де Блуа отказаться от притязаний, покончил тем самым с войной и гибелью французских солдат. Если мог заплатить, Карл V предпочитал не воевать.

Дюгеклена выкупили из заточения, и он не утратил расположения короля. Его возвышение, предсказанное астрологами и пророчествами Мерлина, вероятно, было по душе Карлу, поскольку он, как и Дюгеклен, почитал астрологию. Бертран не только держал при себе астролога во всех своих кампаниях, но и был женат на женщине, глубоко изучившей этот предмет и прославившейся своими оккультными способностями. Король смотрел на астрологию, скорее, с научной точки зрения. Как и большинство правителей, он имел придворного астролога, который проводил с королем конфиденциальные беседы и советовал ему благоприятное время для совершения каких-то действий; кроме того, Карл заказывал переводы астрологических работ и основал астрологический колледж при Парижском университете, сформировал для него библиотеку, купил необходимые инструменты и назначил стипендии.

В 1363 году он пригласил ко двору Томаса Пизано, доктора астрологии из университета Болоньи, богатый дар воображения которого, хотя и при склонности к риску, должно быть, привлекал короля — недаром монарх платил ему сто франков в месяц. Не исключено, что постоянные хвори Карла вызваны были лекарством, содержащим ртуть; это лекарство готовил для него Томас, за что врача сильно винили. Томаса критика не остановила, и он продолжил эксперимент, «уникальный и

секретный», целью которого было изгнание англичан из Франции. Он отливал из свинца и олова полые фигурки нагих мужчин, набивал их землей, собранной из центра и из четырех углов французской территории; на лбах фигурок вырезал имя английского короля Эдуарда или одного из его придворных, а когда звезды на небе выстраивались так, как следовало, закапывал фигурки лицом вниз и читал заклинания, требуя изгнания, уничтожения и погребения упомянутого короля, английских придворных и всех приверженцев Эдуарда.

Когда понадобилось рассеять отряды наемников, прибегли к более практичному способу — объявили крестовый поход на Венгрию. Император Карл IV, желавший изгнать турок, сам приехал в Авиньон с предложением оплатить поход и поручился, что Богемия в течение трех лет будет платить наемникам жалование. Император появился на мессе в день празднования Троицы и уселся рядом с Урбаном V. Впервые за долгое время в сердцах людей затеплилась надежда. Урбан объявил, что налоги, собранные с французского духовенства, будут переданы королю Франции с тем, чтобы он профинансировал участие в походе. Несмотря на обещанные деньги и рай в придачу — ведь папа заявил, что крестоносцы получают отпущение грехов, — бригаанды восприняли поход в Венгрию с большим неодобрением и спрашивали: «К чему нам воевать так далеко от дома?». Тем не менее их прижали к стенке посулами, а в качестве предводителя дали человека из их рядов — Арно Серволя, призванного сменить Дюгеклена. Некоторых наемников это убедило. Летом 1365 года в Лотарингию подтянулись отряды из разных районов империи.

Все закончилось фиаско. Ужасная репутация наемников всколыхнула население Эльзаса, и люди оказали отчаянное сопротивление. Несмотря на заверения Арно, что злого умысла против населения у него нет и он хочет всего лишь напоить лошадей в Рейне, жители Страсбура не позволили отрядам перейти через мост и заставили императора явиться вместе с армией и преградить дорогу пришельцам. Через месяц наемники повернули назад, и сделать это их вынудило не столько сопротивление людей, сколько собственное нежелание идти в поход. Тем временем новое предприятие потребовало их присутствия в Испании.

Англо-французская война в Бретиньи не закончилась, а перекинулась в Испанию, где соперники поддерживали разных претендентов на корону. Педро Жестокий, король Кастилии, притеснения которого вызвали в стране мятеж, соперничал со своим братом, доном Энрике Трастамарой, старшим из десяти бастардов отца и лидером оппозиции. Основные события происходили вокруг Лангедока, Аквитании и Наварры. Англичане поддерживали Педро. Король, по слухам, убил свою жену, сестру королевы Франции, и дон Энрике стал протее французам; к тому же восшествие Трастамары на престол добавило бы Франции важного союзника. В самой Испании усилилось противостояние прежних антагонистов. Дон Педро был к тому же врагом папы. Святой отец отлучил его за отказ прибыть на суд в Авиньон, где папа намеревался обвинить короля в недостойном поведении.

Испанская территория, на которую наемники пришли под прикрытием крестового похода, объявленного против мавров Гранады, представляла собой идеальное место и, возможно, могилу для отрядов.

Дюгеклен, как назначенный военачальник, убедил двадцать пять капитанов самых опасных отрядов, включая Хью Калвли, Эсташа д'Обресикура и других, кто был его противниками в Оре, последовать за ним в Испанию. Им пообещали высокое жалование, однако люди из отрядов не хотели переходить через Пиренеи, не имея на руках настоящих денег. Конфронтация, с помощью которой цель была достигнута и в которой, по большому счету, выразилась суть XIV столетия, ядовито описана в эпической поэме Жана Кювелье «Песнь о Бернаре Дюгеклене», хотя о поэте и говорили, что «тирания рифмы дает ему мало свободы для точности».

Вместо того чтобы сразу пойти в Испанию, наемники разбили лагерь напротив папского дворца, стоявшего в Вильневе на берегу Роны. Папа отправил к ним дрожавшего от страха кардинала и приказал сообщить бандитам, «что он, обладающий властью Бога, всех святых, ангелов и архангелов, отлучит от церкви всю вашу компанию, если вы тотчас не уйдете отсюда». Дюгеклен и «ученый, мудрый и скромный рыцарь» маршал д'Одрем, ветеран битвы при Пуатье, вежливо приняли кардинала и спросили, принес ли он деньги; кардинал тактично ответил, что его послали узнать, какова цель их прихода в Авиньон.

«Монсеньор, — ответил д'Одрем, — вы видите перед собой людей, которые за десять лет совершили у вас множество злодеяний, но сейчас они идут в Гранаду на борьбу с еретиками, правители направляют их туда, чтобы они никогда более не вернулись во Францию». Перед выступлением каждый надеялся на прощение, а потому просил святого отца отпустить им все грехи и не наказывать за тяжкие преступления, которые они

совершали с самого детства — а еще молил его святейшество выдать им в дорогу двести тысяч франков.

Изменившись в лице, кардинал ответил: несмотря на то, что численность войска велика, он думает, что может отпустить всем грехи, но не деньги. «Монсеньор, — быстро вмешался Бертран, — мы должны получить все, о чем попросил маршал, потому что многих мало тревожит отпущение грехов, они скорее предпочтут деньги. Мы ведем их туда, где они с полным правом смогут грабить, не нанося вреда христианам». Дюгеклен подчеркнул: пока их требования не будут исполнены, люди не тронутся с места, и чем дольше они прождут, тем хуже будет для Вильнева.

Кардинал поспешно вернулся обратно и рассказал папе о желании наемников получить отпущение грехов: он, мол, уже выслушал перечисление их преступлений. «Они совершили... все самое ужасное, что может совершить человек, и более того, о чем можно поведать, а потому они просят о Божьем прощении и ждут от вас полного помилования».

«Они его получают, — тотчас промолвил папа, — при условии, что покинут страну». И тут кардинал изложил дополнительную просьбу наемников ценою в двести тысяч франков. Урбан видел из своего окна, как вооруженные люди хватают скот, кур, гусей, хороший белый хлеб и все, что только можно было унести. Папа собрал совет, на котором стали решать, как собрать деньги. Урбан предложил обложить налогом богачей Авиньона, «чтобы богатства Господа не уменьшились». Так были собраны деньги, и прево Авиньона принес их Дюгеклену вместе с документом об отпущении грехов, подписанным и заверенным печатью. Дюгеклен спросил,

откуда деньги, из папской ли казны. Узнав, что деньги пожертвовала община Авиньона, он в «самых непочтительных выражениях» осудил алчность святой церкви и поклялся, что не возьмет от населения и самой мелкой монеты: деньги должны поступить от церкви, а все собранные ею средства необходимо вернуть людям, которые их отдали. «Монсеньор, — сказал прево, — да дарует Господь вам счастливую жизнь; бедные люди будут счастливы». Деньги должным образом вернули, а из папской казны изъяли двести тысяч франков, впрочем, Урбан быстро возместил ущерб, обложив дополнительным налогом французских священнослужителей.

Англичане тоже заботились о собственной репутации, к примеру, герольд Чандоса, воспевавший правление Черного принца Аквитанского, прославлял это время как «семь лет радости, мира и удовольствий», хотя все было ровно наоборот. Заносчивость и экстравагантность принца возбуждали в гасконцах гнев, горечь и заставляли смотреть в сторону Франции. Вдохновляемый идеалами величия и считавший, что в банкротстве есть нечто благородное, принц не обращал внимания на разницу между доходами и расходами. Он заполнял эту брешь налогами, что подрывало лояльность подданных, которой ему следовало ожидать как наместнику короля. «С тех пор, как родился Бог, не было дома столь красивого и благородного». Он кормил «более восьмидесяти рыцарей, а сквайров и вчетверо больше того», каждый день за его столом сживали около четырехсот человек, он держал огромную свиту, состоявшую из оруженосцев, пажей, лакеев, управляющих, писарей, сокольников и егерей; закатывал

банкеты, устраивал охоты и турниры, а ухаживать за собой допускал лишь рыцаря с золотыми шпорами. Его жена, прекрасная Джоанна, превосходила свою невестку Изабеллу по части роскошных тканей, мехов, драгоценных камней, золота и финифти. Правление принца — восторженно умилялся герольд Чандоса — было отмечено «свободой, высокими устремлениями, здравомыслием, умеренностью, благочестием, справедливостью и сдержанностью». За исключением первых двух характеристик, принц не обладал ни одним из перечисленных качеств.

Воины Дюгеклена отправились в Испанию, где они воевали столь успешно, что дон Педро пустился в бег, дона Энрике короновали, а наемники, которые понесли очень мало потерь, быстро вернулись во Францию. Интересы Англии, однако, потребовали возобновления войны. Дон Педро обратился к Черному принцу, и тот, жажда войны и славы, с готовностью откликнулся. Ему необходимо было также разрушить франко-кастильский альянс, который, благодаря сильному испанскому флоту, угрожал английским связям с Аквитанией и увеличивал страх Англии перед иноземным вторжением. Финансы, как и всегда, находились в критическом состоянии. Дон Педро поклялся оплатить все расходы после возвращения на трон, и, хотя Черному принцу советовали не доверять человеку, известному своим коварством, он решил ввязаться в войну. Дюгеклен и французские кондотьеры снова выступили на стороне дона Энрике, в 1367 году война возобновилась, но триумф на сей раз праздновала другая сторона.

В апреле 1367 года в битве при Нахере англичане одержали победу, прославленную в средневековых анналах, а французы потерпели еще одно поражение,

которое не только подкосило значение предыдущих побед, но и поставило под удар их военное превосходство. Дюгеклен и маршал д'Одрем советовали дону Энрике не рисковать — не вступать в сражение с принцем и «лучшими на свете воинами» и «отрезать пути поступления продовольствия и без единого удара уморить их голодом». Тот же совет был дан французам при Пуатье, они его тогда проигнорировали. По разным причинам — рельеф местности, погода, ложное чувство стыда у нового короля Испании — и этот совет не был принят. Результат оказался катастрофическим. Дон Энрике бежал, дона Педро восстановили на троне, а Бертрана Дюгеклена во второй раз взяли в плен. Принц предпочел бы не отпускать его, однако, будучи задет словами Бертрана, что он, дескать, держит его «из страха», он согласился выпустить Дюгеклена за крупную сумму в сто тысяч франков.

Если в Нахере французы потерпели бесславное поражение, то неудача в Оре обернулась некоторыми преимуществами, потому что во Францию вернулись жалкие остатки отрядов кондотьеров. На радостях Дюгеклену выдали кредит, и, по словам Дешана, простой народ за него молился. Еще большее облегчение вызвали смерти капитана отряда наемников Сегена де Бадфоля и «протоиерея» де Серволя: первого бандита Карл Наваррский отравил на обеде, чтобы ему не платить, а второго убили его же соратники. Передышка, однако, была короткой. Когда дон Педро, как и предсказывали, не заплатил свои долги, Черный принц под нажимом разгневанных солдат «подстрекнул их проникнуть во Францию» и обеспечить себя, как и всегда, с помощью силы. Малочисленные, но закаленные в войне и потому грозные англо-гасконские банды вошли в Шампань и

Пикардию, «где нанесли немало вреда и свершили много злодеяний».

Битва при Нахере быстро забылась; для принца победа стала пиком славы, на который его вознесла Фортуна, но затем колесо судьбы неумолимо пошло вниз. Гордыня принца вызывала у гасконцев отторжение, ибо «он ни во что не ставил ни рыцаря, ни горожанина, ни жену горожанина и ни единого простого человека». Когда в 1367–1368 годах принц свалил на народ Гиени груз долгов доня Педро в виде ежегодного подымного налога, знать возмутилась и начала переговоры с Карлом V о возвращении во французское подданство. У французского короля появился повод и инструмент к отмене договора в Бретињи.

ГЛАВА 11

ЗОЛОТОЙ ПОКРОВ

Вот такой была Франция, когда в 1367 году туда вернулся де Куси. Его собственный домен страдал от нехватки рабочей силы, впрочем, после эпидемии чумы это стало обычным явлением для всех землевладельцев. Пикардия, кроме того, пострадала не только от английского нашествия, но и от Жакерии, и от бесчинств англо-наваррцев. После поражения французов крестьяне, не желая снова платить налоги, ушли в соседние имперские земли — в Эно, на другой берег реки Мез.

Дабы удержать рабочую силу, де Куси применил запоздалое средство — освободил сервов, или несвободных крестьян. «Из ненависти к рабству, — признавал он в своей хартии, — они уходят с наших земель в другие места и освобождаются, когда

пожелают, без нашего на то разрешения». (Если серв сбегал от хозяина и оставался в другом месте на протяжении года, он считался свободным.) Вообще крестьяне поздно стали разбегаться с земель Де Куси, причиной тому, возможно, являлось их былое процветание. Во Франции до чумы большинство крестьян были свободными. Отмена крепостного права стала результатом не столько морального осознания несправедливости этого явления, сколько из желания получать деньги за ренту земель. Хотя оплаченный труд свободных нанимателей обходился дороже бесплатного труда сервов, рента приносила большой доход; кроме того, арендаторов не надо было кормить, а питание требовало значительных расходов.

Хартия де Куси от августа 1368 года представляла собой вариант коллективного «дарения», освобождавшего двадцать два городских и сельских района в обмен на ренту и подати «в бессрочное владение наше и наших наследников». Арендная плата составляла от 18 ливров в Троли до 24 су во Френе (эти деревни существуют до сих пор) и 18 пенсов за очаг в Курсоне. Изложение документа, пусть и цветистое, дает ясную и четкую картину средневекового законодательства в отношении землевладения, в отличие от запутанного освещения этого вопроса в последующие годы.

«По обычаю и традиции», — говорится в документе, — все люди, живущие в феодальном владении де Куси, являются «нашими мужчинами и женщинами, обязанными отдавать нам наиболее ценное (*morte-main*), а перед свадьбой делать брачный взнос [*formarriage*]». Поскольку многие ушли, «земля наша осталась необработанной и превратилась в пустыню, а

потому упомянутая земля сильно понизилась в цене». В прошлом местные жители в обмен за свободу предлагали отцу Ангеррана пожизненную ренту, а потому «наш дорогой, возлюбленный отец, да упокой Господь его душу, поразмыслил и счел, что ему выгоднее покончить с традицией и обычаем и воспользоваться предлагаемым доходом», однако он умер прежде, чем успел удовлетворить их просьбу. Достигнув совершеннолетия, сын получил в наследство земли отца и, выслушав ту же просьбу, более ему выгодную, нежели упомянутые *morte-main* и *formarriage*, которых еще надо было дожидаться, рассудил, что, если он откажется от уз серважа, у него «и людей прибавится, и земля будет обработана и станет более ценной для нас и наших потомков». «Да будет известно, что после глубоких размышлений на сей предмет, понимая наши права и выгоды, мы навсегда отказываемся от *morte-main* и *formarriage* во всех наших имениях. Мы не сохраняем и не возобновляем серваж ни сейчас, ни в будущем. То же относится и к нашим потомкам и любым другим людям, если они будут иметь к этому отношение. Рента и сборы, получаемые от вышеупомянутых земель, будут присоединены к нашему наследству, к феоде и поместью, которые мы получили от короля, его мы и попросим о согласии и утверждении нашего прошения». Три месяца спустя де Куси получил королевское согласие.

Большинство землевладельцев, особенно бедных, со слишком маленькими наделами, не позволявшими получать стабильный доход, страдали от бедствий последних двадцати лет больше, чем крестьянство. Труд сервов, погибших во время чумы, не мог быть восполнен, поскольку нельзя поработить свободных людей. Мельницы, зернохранилища, пивоварни, амбары и другие

сельскохозяйственные строения приходилось перестраивать за счет владельца. Траты на выкуп и содержание пленников за двадцать лет проигранных сражений, даже если цену эту платили города и крестьяне, тоже истощали доходы, хотя де Куси, которому всегда благоволила фортуна, в данном случае не слишком пострадал. Выкупа он не платил, кроме того, в июне 1368 года он получил от короля Франции Карла V тысячу франков в качестве возмещения затрат на пребывание в плену и исправления ущерба, нанесенного войной его поместьям.

Переход на оплачиваемые отношения ослабил связи землевладельца и крестьян, зато доход от ренты приносил значительные выгоды и свободу. Богатые люди стали строить в Париже роскошные особняки и постепенно обретали тягу к урбанистической жизни. Центром притяжения сделалась новая королевская резиденция Сен-Поль на восточной оконечности города, рядом с Бастилией. Стоявшие там несколько домов король превратил во дворец, окруженный семью парками и вишневым садом. Дома соединялись друг с другом посредством двенадцати галерей и дворов, деревья в садах были затейливо подстрижены, в зверинцах держали львов, а в птичниках — соловьев и горлиц.

Карл жил в беспокойную пору, но и в такие времена существуют нетронутые места, жизнь в которых наполнена красотой и играми, музыкой и танцами, любовью и работой. Облака дыма над головой и зарево костров по ночам свидетельствовали, что где-то пылают города, зато над соседней областью небо ясное; в одном месте стонут пленники, подвергающиеся пыткам, а в другом слышен тихий звон: это банкиры пересчитывают монеты; неподалеку, в полях, крестьяне идут за плугом,

который тащат смиренные быки. В ту пору смута не накрывала всех людей одновременно, и, хотя эффект ее накапливался, упадок, который она за собой влекла, ощущался далеко не сразу.

Мужчины и женщины во владениях де Куси охотились, куда бы ни шли — в церковь, в суд, на обед. На запястье у них сидел любимый сокол с колпачком на голове. Иногда в банкетном зале выпускали мелких птиц — устраивали соколиную охоту. На башне замка, возле флага феодала, стоял дозорный с горном и трубил при приближении незнакомцев. Трубил он также с наступлением рассвета, вместе с криком петуха, после чего о наступлении утра возвещал капеллан, и в церкви начиналась месса. По вечерам менестрели играли на лютнях, арфах, на тростниковых свирелях, волынках, трубах, литаврах и цимбалах. В XIV веке наступил расцвет классической музыки, и в обиход вошли 36 различных инструментов. Если после ужина не было концерта или представления, гости развлекали друг друга пением, разговорами, словесными играми, обсуждением событий дня, поднимались «галантные вопросы» о превратностях любви. В одной игре на маленьких пергаментных свитках участники писали более или менее дерзкие стихи, свитки передавали по кругу, зачитывали вслух и, вероятно, обнаруживали автора.

На таких вечерах аристократы не пользовались настенными светильниками, они предпочитали придерживаться старинного обычая — освещать помещение факелами, которые держали слуги. Такой обычай удовлетворял тщеславие господ. Феодалы устраивали «шутихи»; самыми замысловатыми механизмами в замке Эден прославился граф Робер Артуа. Статуи в его саду внезапно брызгали на прохожих

водой, либо, словно попугаи, раздражались потоком слов; под ногами вдруг опускался замаскированный люк, и человек падал на разложенную внизу перину. Не подозревавший подвоха гость отворял дверь, сверкала молния, и на человека обрушивался дождь либо снег. Под ногами женщин вскидывались из-под земли фонтаны, и дамы намокали по пояс. Когда замок перешел во владение Филиппа Бургундского, тот распорядился, чтобы все эти устройства поддерживались в рабочем состоянии.

В Пикардии развлечения устраивались для всего населения: в июле и августе проводились «лебединые праздники» — во всех трех поместьях охотились на молодых лебедей, которых выращивали в местных прудах и каналах: у птиц были подрезаны крылья, и они не могли улететь. Лодочную флотилию возглавляли священники, за ними следовали аристократы, зажиточные горожане и простолюдины, звучала музыка и сверкала иллюминация. Участникам празднеств запрещалось убивать добычу. Охота проводилась ради спорта и продолжалась несколько дней.

Поскольку жизнь была коллективной, то и отношения складывались чрезвычайно тесные; они опирались на этикет, большое значение придавали вежливости и чистым ногам. Руки тщательно мыли как до, так и после еды, несмотря на то, что ножи и ложки, хотя и являлись редкостью, были уже известны. Возле места хозяина стояла индивидуальная ванночка с водой. При входе в банкетный зал гости заходили в специальную комнату, где одновременно несколько человек могли вымыть руки у маленьких умывальников и вытереться полотенцем. Господин и госпожа часто принимали ванну, горячую воду в спальню приносили в

деревянной бадье, в нее и садился купальщик; один известный аристократ мылся в бадье в собственном саду и под заботливой опекой трех дам чувствовал себя на редкость комфортно. Для господ чином пониже устраивалось совместное купание, обычно в комнате рядом с кухней.

В день полагались две трапезы, обед подавали в десять утра, а ужин — на закате. Понятия завтрака не существовало, разве только кусок хлеба и стакан вина, но даже и это считалось роскошью. Желание хорошо одеться подавить не могли, несмотря на новые законы, ограничивавшие расходы; особенно старались запретить туфли с узкими длинными носами. Носы туфель набивали, чтобы они загибались кверху, или привязывали к колену золотыми и серебряными цепочками; новички (*poulaines*) двигались неуклюже, что вызывало насмешки и обвинения в испорченности нравов. Аристократия осталась приверженной легкомысленной моде, обувь становилась все элегантнее: иногда ее делали из бархата, расшитого жемчугом, или из кожи с золотым тиснением, иногда туфли на ногах были разного цвета. Женские костюмы для охоты обвешивали колокольчиками, колокольчики свисали и с пояса, к которому привязывали также кошелек, ключи, молитвенник, четки, шкатулки, перчатки, футляры с ароматическими шариками, ножницы и наборы для шитья. Всадницы надевали сорочки и панталоны из тонкого полотна; непременной составляющей костюма были меха, чтобы не замерзнуть. Приданое несчастливой Бланки де Бурбон, неосмотрительно выданной замуж за Педро Жестокого, насчитывало 11 794 беличьи шкурки, привезенных, по большей части, из Скандинавии.

Аристократы частенько покидали храм до окончания мессы, едва произнесся «Отче наш». Другие, более религиозные, во время путешествия имели при себе переносные алтари и делали пожертвования духовникам, хотя подаяния эти бывали куда меньше того, что сами высокородные господа тратили на одежду или на охоту. Все люди без исключения, религиозные и не слишком, не расставались с часословом, модной богослужебной книгой XIV века. В ней содержались молитвы, которые следовало произносить в течение дня, имелись покаянные псалмы, библейские притчи и жития святых; книги эти замечательно иллюстрировались. Поля часословов украшали цветочные орнаменты, присутствовали и сценки из народной жизни, отражавшие чувство юмора, фантазию и сатиру средневековья. Посреди вьющихся растений кривлялись бесы и шуты-буффоны; кролики сражались с солдатами; демонстрировали свои трюки дрессированные собаки; в толпе длиннохвостых фантастических созданий едва можно было разглядеть священные тексты; на башни карабкались голозадые монахи, тела драконов венчали головы с тонзурами. Священники с козлиными ногами, обезьяны, менестрели, цветы, птицы, замки, похотливые демоны и фантастические животные вступали в экзотическое соседство с текстом молитв.

Религия часто мешалась с богохульством. Во время мессы, как жаловался некий священник, паства «предавалась иным занятиям, не обращала внимания на службу и не произносила молитв». В момент церковного причащения верующий, вкушая тело и кровь Христа, участвует в искупительной жертве сына Божьего на кресте; этот ритуал — главный обряд христианства и предпосылка к спасению. Затемненный метафизикой

пресуществления, обряд этот слабо понимался простым мирянином, который верил лишь в магическую силу, заключенную в освященной облатке. Крестьянин клал ее на капустные листья в огороде, чтобы отогнать насекомых, и засовывал в улей, надеясь на то, что святой кусочек, управляя пчелиным роем, вынудит набожных пчел выстраивать вокруг себя восковую часовню с окошками, арками, колокольней и алтарем.

Даже и в этом случае причастие и приобщение святых тайн, которые по правилам должны были проводиться каждое воскресенье и в каждый религиозный праздник, в среднем совершались раз в год, на Пасху. Когда одного простого рыцаря спросили, почему он не посещает мессу, столь важную для спасения души, он ответил: «Этого я не знал, я-то думал, что попы устраивают мессу ради пожертвований». Согласно подсчетам, истинными верующими в Северной Франции было около 10 процентов населения, 10 процентов в Бога не верили, а остальные посещали храм от случая к случаю.

Перед смертью, однако, люди не колебались: они исповедовались, молились за свою душу и часто лишали семьи наследства, завещая накопления храмам, часовням, монастырям, отшельникам и паломникам.

Согласно преданному биографу Карла, Кристине Пизанской, дочери астролога Томмазо, король был на редкость набожным человеком. Проснувшись, он тотчас осенял себя крестом и первые слова обращал к Богу. Причесанному и одетому королю приносили бревиарий, сборник проповедей, и вместе со священником он часами читал священные тексты, в восемь часов утра во время торжественной мессы распевал в церкви молитвы, а на

малой мессе молился в собственной часовне. Потом он давал аудиенцию «всем людям — богатым и бедным, дамам и девицам, вдовам и прочим». В установленные дни Карл председательствовал на заседаниях королевского совета, решая дела государственного значения. Он жил с сознанием того, что достоинство короны подчиняется строгим законам. В полдень после обеда он слушал пение менестрелей и «воспарял духом», а затем два часа принимал послов, принцев и рыцарей, часто в «больших залах собирались такие толпы, что было не повернуться». Он слушал доклады о сражениях и приключениях, новости из других стран, подписывал письма и документы, раздавал поручения и принимал подарки. После часового отдыха Карл проводил время с королевой и детьми — с сыном-наследником, родившимся в 1368 году, с младшим сыном и двумя дочерьми. Летом король гулял в саду, зимой читал, занимался, беседовал с придворными, а после ужина и вечернего развлечения отходил ко сну. Постился он один раз в неделю и постоянно читал Библию.

Любящий отец тем не менее унаследовал страсть Валуа к приобретениям и роскоши. Карл занялся перестройкой Венсеннского замка, намереваясь превратить его в летний дворец; вскоре он построит или приобретет еще три или четыре дворца. Король нанял знаменитого шеф-повара Гийома Тиреля, который подавал Карлу жареных лебедей и фазанов, являвшихся на стол в перьях, с позолоченными клювами и лапами: птицы покоились на свойственных им природных ландшафтах, выполненных из сахарных волокон и раскрашенной выпечки. Карл собирал уникальные предметы: в инкрустированных драгоценными камнями раках хранились священные реликвии — обломок посоха

Моисея, частица головы Иоанна Крестителя, различные фрагменты, имевшие отношение к распятию, в том числе шипы тернового венца Спасителя; все это хранилось в королевской часовне. К концу жизни у Карла имелось 47 золотых корон, инкрустированных драгоценными камнями, и 63 полных комплекта церковной утвари, в том числе запрестольные образа, потиры, богослужебные книги, облачения и золотые распятия.

Король был на два года старше Ангеррана де Куси, и в 1368 году ему исполнилось тридцать лет. Карл был бледным, худым и серьезным, с рыжеватыми волосами, длинным, выступающим вперед носом, пронизательными глазами и тонкими, плотно сжатыми губами. Король отличался сдержанными манерами, жизнь научила его держать мысли при себе, а потому Карла считали коварным и скрытным. Король оправился от мигреней, зубной боли, расстройства пищеварения и других недугов, однако все еще страдал от боли то в правой кисти, то в лучезапястном суставе — возможно, это была подагра — и от таинственной фистулы и воспаления в левой руке (быть может, туберкулез). Предполагали, что все хвори проистекают из попытки Карла Наваррского отравить его в 1358 году. Дядя-император прислал к нему знаменитого врача из Праги, тот лечил короля от отравления, однако сказал, что свищ не исчезнет, и Карл умрет через пятнадцать дней — мол, за это время ему надо привести свои дела в порядок и подумать о душе. Неудивительно, что король жил в ожидании скорой кончины.

Человеком он был любознательным, Карла интересовали причины и следствия, он увлекался философией, наукой, литературой и собрал одну из самых больших библиотек своего времени, которую

поместил в Лувре — в своей второй резиденции. Стены библиотеки были облицованы панелями из кипариса, окна из цветного стекла забраны железными решетками «супротив птиц и других животных», серебряная лампа горела всю ночь, чтобы король мог читать в любое время. Короля интересовала не только наука, но и распространение знаний. Он пригласил известного ученого Николая Орезмского и попросил того объяснить простым языком теорию обращения денег. Государственная деятельность короля и дала ему прозвище — Карл Мудрый. Он перевел на французский язык труды Ливия, Аристотеля и работу Августина Блаженного «О граде Божиим» «для общественного блага всего христианского мира»; у короля было много других работ классиков, трудов отцов церкви и арабские научные трактаты во французском переводе. Подбор книг в библиотеке был эклектичным, у короля хранились сочинения Евклида, Овидия, Сенеки, Иосифа Флавия, Иоанна Солсберийского, «Роман о Розе» и знаменитая книга путешествий XIV века «Приключения сэра Джона Маадевиля». В библиотеке имелась энциклопедия XIII столетия, собрание работ о крестовых походах, книги по астрологии и астрономии, 47 романов артуровского цикла и другие романы, своды законов, комментарии, грамматики, работы по философии, теологии, современная поэзия, сатира... Если верить инвентарному списку 1373 года, библиотека насчитывала свыше тысячи томов, фактически все самое ценное национальной библиотеки Франции. Когда короля попрекали за то, что он слишком много времени тратит на книги, Карл отвечал: «Пока в стране ценятся знания, она процветает».

Все три его брата были невероятно склонны к стяжательству: Людовик Анжуйский, старший из троих, был охоч до денег и до королевства, Жан Беррийский — до искусства, а Филипп Бургундский — до власти. Высокий, крепкий и светловолосый, как и его отец, герцог Анжуйский был упрям, тщеславен и ненасытно амбициозен. Герцог Беррийский, чувственный любитель удовольствий, был замечательным коллекционером, квадратное, простоватое лицо с приплюснутым носом и толстая фигура резко контрастировали с его любовью к искусству. У Филиппа Бургундского были грубые, тяжелые черты лица, но он отличался большим умом и непомерной гордыней. Каждый из них ставил собственные интересы выше интересов королевства, каждого одолевало желание возвыситься и продемонстрировать свой престиж, и каждый, пользуясь своим влиянием, восхвалял предметы искусства, непревзойденные в своем роде: герцог Анжуйский — гобелены на тему Апокалипсиса; герцог Беррийский — часословы («Великолепный» — *Trus Riches Heures* и «Прекрасный» — *Belles Heures*), иллюминированные для него братьями Лимбур, а герцог Бургундский — скульптуры Клауса Слютера «Колодец Моисея» и «Плакальщики».

Заметнее всего великолепии принцев выразилось в двух событиях 1368–1369 годов, де Куси в них тоже принял участие. Шурин де Куси — Лайонел, герцог Кларенс, овдовевший в двадцать девять лет, — в апреле 1368 года заехал в Париж по пути в Милан, где он должен был жениться на Виоланте, тринадцатилетней дочери Галеаццо Висконти. Лайонела сопровождала свита в 457 человек и 1280 лошадей (вероятно, часть лошадей везла подарки). Герцога разместили в Лувре, в

специально отделанных покоях. Сестра — госпожа де Куси — и Ангерран приехали в Париж встретить его, и двухдневные пиры, которые король и его братья дали в честь Кларенса, потрясли своей роскошью бывшего врага.

Еще одним заметным гостем был кузен Ангеррана и дядя невесты — Амадей VI Савойский, прозванный «зеленым графом», так как в пору его рыцарства, в возрасте девятнадцати лет, он появился в нескольких турнирах в шляпе с зеленым плюмажем, в зеленой шелковой блузе, и даже конь графа щеголял в зеленой попоне. За Амадеем следовали одиннадцать рыцарей, все, как один, в зеленых одеждах, каждый пригласил на арену даму в зеленом платье, дамы вели лошадей за зеленые поводья. Амадей никому не уступал в хвастовстве. По случаю торжества парижские магазины выставили лучшие товары, и «зеленый граф» выказал изрядную страсть к покупкам — он скупал драгоценные ожерелья, столовые ножи, ботинки, туфли, плюмажи, шпоры и соломенные шляпы. Амадей подарил королю «часовню» из рубинов и крупных жемчужин, стоившую ему 1000 флоринов; за подаренный роман он пожаловал поэту Гийому де Машо три золотых франка. Своей жене он привез четыре отреза реймской ткани, стоившей 60 франков, и плащ, подбитый беличьими шкурками.

В честь Кларенса давали балы, обеды и ужины, устраивали игры в Сен-Поле и в Лувре. Тщательно подготовленный банкет обошелся герцогу Бургундскому в 1556 ливров. Стол поражал обилием разнообразной дичи, рыбы и птицы, обитавшей в ту пору в лесах и реках, мясо за обедом было от специально откормленных домашних животных. В сборниках рецептов приводится описание сорока видов рыбы и тридцати жарких.

Провожая гостя, король подарил ему и его свите подарки на сумму в двадцать тысяч флоринов. Существовал обычай вручения подарков, демонстрировавший статус дарителя; одариваемый тоже извлекал пользу: он всегда мог отдать подарки в заклад и получить за них живые деньги.

В Милане герцога ожидала кульминация хвастовства. Галеаццо Висконти уже купил своему сыну дочь короля Франции, постарался и для дочери: нашел для нее английского принца. Висконти сознавал, что одержал двойной триумф, — еще одно чудо Бисциона. Такое прозвище получил семейный герб Висконти, на котором изображен змей, глотающий человека, предположительно сарацина. В Ломбардии правили совместно два Висконти — Галеаццо и его страшный брат Бернабо. Убийства, жестокость, алчность, удачное правление, сочетавшееся с диким деспотизмом, уважение к знаниям, поощрение искусства и похоть, доходившая до сексуальной мании, — все это характеризовало как одного, так и другого брата. Их предшественник Лукино был убит собственной женой, случилось это на речной барке после оргии, во время которой она развлекалась одновременно с несколькими любовниками, включая дожа Венеции и родного племянника Галеаццо. Жена решила убить мужа, прежде чем он исполнил то же намерение в отношении нее самой. Бесчинства Маттео, старшего брата Бернабо и Галеаццо, были таковы, что стали угрожать существованию государства, а потому в 1355 году братья убили его через год после вступления на престол, и тот «умер, как собака, без покаяния».

Война с папством, в результате которой братья Висконти захватили Болонью и другие феоды Ватикана,

являлась их главной заботой. Когда легат привез Бернабо папскую буллу об отлучении от церкви, Бернабо заставил посланника съесть этот декрет вместе с шелковым шнурком и свинцовыми печатями. По слухам, он сжег на костре в железной клетке четверых монахинь и монаха-августинца. Причина неизвестна, возможно, это была месть церкви.

Жадный, коварный, жестокий и свирепый, часто впадавший в немотивированный гнев, Бернабо был воплощением разнузданного аристократа. Если какая-нибудь из его пятисот охотничьих собак была не в лучшей форме, он, не раздумывая, вешал всех псарей. Четырешагупница — *quaresima* — программа пыток, приписываемая Бернабо и его брату, вероятно созданная после вступления во власть, — была настолько страшной, что целью ее было скорее запугивание, чем применение на практике. В этой программе говорилось о дыбе [*strappado*], о пыточном колесе, о сдирании кожи, выдавливании глаз, срезании носа и губ, отрубании конечностей — по одной за раз; за днем пыток следовал день отдыха, а заканчиваться все должно было смертью «предателей» и сознавшихся врагов.

Бернабо был на удивление похотлив, так что дом у него больше напоминал султанский сераль, нежели жилище христианского аристократа. От жены Регины у него было семнадцать детей — ходили слухи, что только она могла приближаться к нему, когда Бернабо пребывал в дурном расположении духа; еще больше детей, незаконнорожденных разумеется, было у него от многочисленных любовниц. Когда Бернабо ехал по улицам, все жители обязаны были опускаться на колени; он часто заявлял, что у себя он — Бог, папа и император.

Бернабо правил в Милане, а его брат Галеаццо — в древнем городе Павия, в двадцати милях от Милана. Более ста башен, затемнявших узкие улочки Павии, свидетельствовали о бесконечных распрях итальянских городов. Большой квадратный замок Галеаццо, законченный в 1361 году, был встроен в северную крепостную стену города; замок выходил на сады и фруктовые деревья. Хронист Корио с патриотической гордостью называл его «первым дворцом вселенной», а более поздний воздыхатель — «самым красивым местом в Европе». Замок был построен из розового кирпича, изготовленного из ломбардской глины, сто окон здания смотрели на величественный двор. Петрарка, бывший в течение восьми лет украшением двора Висконти, описал корону из башен, «поднимающихся к облакам», где «с одной стороны можно увидеть заснеженные вершины Альп, а с другой — лесистые Апеннины». На балконе, выходившем на ров, семья властителя могла летом обедать, глядя на воду, сады и богатый дичью лесопарк.

Галеаццо, не такой тиран, как его брат, был умерен и в личной жизни и привязан к жене, «доброй и нежной» Бьянке Савойской. Ее рыжевато-золотистые волосы — распущенные или заплетенные в косы — он перекидывал «себе на плечи, убирал их в шелковую сетку или украшал цветами». Галеаццо сильно страдал от подагры — «болезни богачей», как называл ее граф Фландрский, мучившийся той же болезнью.

Бракосочетание Лайонела Английского и Виоланты Висконти должно было состояться в Милане, главном городе Ломбардии, сопернике Генуи и Венеции. Удаленный от моря город был центром торговли и тысячу лет доминировал над Северной Италией. Чудеса Милана, описанные монахом предыдущего столетия, включали в

себя шесть тысяч фонтанов с питьевой водой, триста печей общественного пользования, десять больниц, самая большая из которых вмещала тысячу пациентов, по два человека на кровать; в городе трудились полторы тысячи юристов, сорок переписчиков документов, десять тысяч монахов всех орденов и сто оружейников, изготавливавших знаменитое миланское оружие. В середине XIV века все осуждали падение нравов и грустили о старых добрых временах. Мужчин упрекали за экстравагантную моду, особенно за иностранную узкую одежду, как у испанцев, за чудовищные шпоры, как у татар, за украшения из жемчуга, как у французов. Женщин осуждали за завитые волосы и за обнажавшие грудь платья. В Милане было так много проституток, что Бернабо облагал их налогом, а на вырученные деньги укреплял крепостные стены.

Когда Лайонел прибыл в Милан, то в дополнение к собственной свите он прихватил тысячу пятьсот наемников «белого отряда»: покинув папскую службу, они перешли к Висконти. Следом за Галеаццо гостя приветствовали восемьдесят одинаково одетых женщин: так было принято для придания торжественности в особо важные моменты. На дамах были расшитые золотом алые платья с белыми рукавами и золотыми поясами, еще гостя встретили шестьдесят рыцарей на конях и шестьдесят оруженосцев, также в одинаковой форме. В дополнение к приданому дочери, такому огромному, что на обсуждение его ушло два года переговоров, Галеаццо заплатил жениху и его свите за полгода вперед по 10 000 флоринов в месяц.

Застолье, устроенное в июне на свежем воздухе, потрясло воображение. Необходимо было уверить всех «в широте души герцога Галеаса, в одобрении им этого

брака и в богатстве казны». Тридцать перемен мясных и рыбных блюд сопровождалась подарками после каждой подачи. Под руководством брата невесты, Джан-Галеаццо младшего, семнадцатилетнего отца двухлетней дочери, подарки раздавались свите Лайонела в соответствии с чином. Гостей одаривали дорогими кольчугами, шлемами с плюмажем, защитным облачением для лошадей, верхним платьем, расшитым драгоценными камнями, борзыми в бархатных ошейниках, соколами в серебряных колпачках, отборным вином в глазурированных бутылках, алыми и золотыми тканями, одеждой, отороченной горностаем и жемчугом. В число подарков вошло семьдесят шесть лошадей, в том числе шесть красивых маленьких лошадок, накрытых чепраком из зеленого бархата с алыми кистями, шесть больших боевых коней, облаченных в алый бархат с золотыми розами, и два породистых скакуна по имени Лайон и Эббот. Гостям подарили также шесть свирепых и сильных служебных собак-алантов, их использовали иногда для переноски горячей смолы — привязывали котелки к собачьим спинам. В число даров вошли и двенадцать великолепных откормленных быков.

Позолоченные шафраново-яичной пастой блюда подавали парами — молочные поросята с крабами, зайцы со щукой, целый теленок с форелью, перепела и куропатки тоже с форелью, утки и цапли с карпами, говядина и каплуны с осетрами; к телятине и каплунам подавали карпа в лимонном соусе. Мясные пироги и сыр шли в компании с пирогами с угрем, а заливное из мяса — с заливным из рыбы. В число непарных блюд входили жареная козлятина, оленина, павлин с капустой, фасоль, маринованный бычий язык, сладкий сыр с мускатным орехом и сливками, сыр, вишня и другие фрукты и ягоды.

Оставшуюся еду обычно приканчивали слуги, говорят, что ею можно было накормить тысячу человек. Среди людей, приглашенных к обеду, был Петрарка, он занимал за столом почетное место; среди присутствующих были Фруассар и Чосер, хотя сомнительно, чтобы двух молодых незнакомцев представили знаменитому итальянскому лауреату.

Никогда еще колесо Фортуны не опускалось вниз с таким треском, и тщеславие никогда так не наказывалось. Спустя четыре месяца в Италии герцог Кларенс скончался от неизвестной «лихорадки»; естественно, что сразу заговорили о яде, поскольку эта смерть разрушила выгодный альянс, купленный Галеаццо за немислимую цену. Впрочем, причиной смерти был, вероятно, отложенный эффект позолоченного мяса, поданного в жаркое ломбардское лето. Судьба Виоланты оказалась не более счастливой. Ее выдали замуж за полусумасшедшего садиста, семнадцатилетнего маркиза Монферра, которому нравилось душить мальчиков-слуг собственными руками. После смерти маркиза Виоланта вышла за двоюродного брата, одного из сыновей Бернабо, однако его убил один из родных братьев Виоланты. Трижды овдовев, Виоланта умерла в 31 год.

Через год после бракосочетания Висконти Ангерран де Куси присутствовал на не менее грандиозной свадьбе, имевшей еще большее политическое значение. Карл V перехитрил английского короля и сумел женить своего брата Филиппа Бургундского на невесте, которую король Эдуард присмотрел для своего сына Эдмунда. Это была Маргарита Фландрская, дочь и наследница Людовика Мальского, графа Фландрии, того, кто однажды избежал союза с Изабеллой. Эдуард пять лет вел переговоры, возлагая большие надежды на этот брак, и даже готов

был заложить Кале и отдать отцу Маргариты 170 000 ливров. Но поскольку жених и невеста состояли в четвертой степени родства, хотя в Европе вряд ли можно было найти двух отпрысков королевского рода, не связанных родственными узами, требовалось разрешение папы. Карл вознамерился отдалить Фландрию от Англии и воспользовался тем, что папа по национальности француз. Урбан V отказал в браке Эдмунду и Маргарите и, выждав для приличия какое-то время, разрешил Филиппу брак с Маргаритой, хотя они находились в той же степени родства. Карл праздновал успех, однако союз Бургундии и Фландрии породил чудовищное государство, которое стало сражаться с родителем, а в следующем столетии в самой темной стадии войны отомстило Англии.

Чтобы удовлетворить страсть Маргариты к драгоценностям, герцог Бургундии обшарил Европу в поисках бриллиантов, рубинов и изумрудов, и лучшим его приобретением стало жемчужное ожерелье, купленное у Ангеррана де Куси за одиннадцать тысяч ливров.

В Гент прибыли три огромных сундука с драгоценностями еще до того, как туда приехал жених. Герцог старался произвести впечатление на фламандцев — закатывал в их честь пиры, засыпал подарками аристократов и бюргеров, устраивал процессии и турниры, встречал гостей на границах государства. Эта демонстрация имела для Филиппа политическое значение, таким путем он создавал престиж государству. Сам он всегда был великолепно одет, носил шляпы с плюмажем из перьев страуса, фазана и «индийской птицы» (павлина), а также привезенные из Италии шляпы из дамаста с золотой тесьмой. Этот энергичный

человек целые дни проводил на охоте, часто ночевал в лесу, играл в теннис и был неутомимым путешественником, переезжая с места на место до ста раз в году. Многие его путешествия являлись паломничествами. Куда бы ни ездил герцог, он не расставался с четками и ракой. Филипп посещал мессу почти столь же усердно, как и король, и молился, как Карл, в одиночестве в собственной часовне, никогда не забывая совершить пожертвования на церковь. После женитьбы он подарил собору Турне статую девы Марии, а священникам — золотое облачение, подбитое горностаем и расшитое собственными гербами и гербами молодой жены.

Аристократия въехала в Гент в роскошных одеждах на богато убранных лошадях. «В особенности, — сообщает Фруассар, — хорош был господин де Куси, он лучше других знал, как следует себя вести, для того его туда король и отправил». Вот так, понемногу, складывался образ человека, выделявшегося манерами и наружностью среди равных ему людей.

Пышность подобных мероприятий во времена постоянных бедствий кажется необъяснимой не столько в связи с мотивом, сколько с источником затрачиваемых средств. Откуда брались все эти деньги посреди разрушений, упадка и снижения дохода от обезлюдевших имений и городов, откуда эта роскошь? Во-первых, деньги не подвержены чуме, в отличие от людей, они не исчезали, и даже если их и похищали бандиты, то монеты снова пускались в оборот. При уменьшившемся населении количество твердой валюты становилось пропорционально больше. Возможно также, что,

несмотря на большую смертность от чумы, способность производить товары и оказывать услуги не уменьшилась, так как в начале века численность населения была избыточной. Пропорционально к выжившим товаров и услуг стало больше.

У правителей в обычае были пышные церемонии, их целью являлось поднятие собственного авторитета и пробуждение страха в сердцах подданных. Однако во второй половине XIV века правители стали доходить до крайностей, словно пытались не обращать внимания на неуверенность в будущем. Потребление достигло бешеной неумеренности, а золотой покров, сброшенный на чуму, прозванную «Черной смертью», и на проигранные сражения, отражал отчаянное желание показаться успешными во времена наступающего бедствия.

Смысл жизни в скорбные времена выразился в искусстве, запечатлевшем человеческую драму. Дева Мария еще сильнее горюет о мертвом сыне; на расписанном в эти годы в Нарбонне алтарном покрывале мадонна лежит без чувств на руках своих почитателей. В версии мастера часослова Рогана, все страдания человечества сосредоточены в лице апостола Иоанна. Поддерживая бесчувственную мать у подножия креста, он обращает горестные глаза к Богу, словно спрашивая: «Как Ты допустил это?».

Боккаччо почувствовал, что тучи сгущаются, и от добродушного, жизнелюбивого «Декамерона» перешел к жесткой сатире на женщин в едком памфлете «Корбаччо». Прелестная женщина из прежних его рассказов превращается в жадную гарпию, интересующуюся только тряпками и любовниками, она

готова вступить в греховную связь со слугой или с черным эфиопом. Затем Боккаччо выбрал еще одну унылую тему — как после великих исторических побед из-за собственной гордыни и глупости люди лишаются счастья и богатства и впадают в нищету.

«Таковы времена, мой друг, в которые мы пали», — согласился Петрарка в письме к Боккаччо от 1366 года. Земля, писал он, «возможно, лишилась настоящих людей, но никогда еще не было на ней столько порока и столько порочных существ».

Пессимизм был нормальным настроением средневековья, поскольку человеку внушали, что он греховен с рождения и ему необходимо спасение, но во второй половине столетия эта тема звучала все настойчивее, и разговоры о приходе антихриста затевались все чаще. Все верили, что существуют спекуляторы, или разведчики, они отыскивают признаки, которые свидетельствуют о приближении конца света. Этого события ожидали со страхом и с надеждой, так как антихрист в конце концов должен быть повержен. Армагеддон принесет царство Христа и новую эру.

ГЛАВА 12

ДВОЙНОЙ АЛЬЯНС

Поскольку, судя по всему, дело шло к возобновлению войны между Францией и Англией, Ангерран, по милости своей английской супруги, оказался в двусмысленном положении. Он не мог выступить против тестя, вассалом которого являлся, а с

другой стороны, он был ленником собственного правителя — короля Франции.

Карл резко возражал против провозглашения независимости, на которой настаивали гасконские феодалы. Стараясь подготовить тщательно продуманное оправдание для возобновления войны, Карл попросил официального мнения видных юристов из университетов Болоньи, Монпелье, Тулузы и Орлеана. Неудивительно, что они ответили так, как и требовалось королю. Карл пригласил в Париж Черного принца с тем, чтобы тот ответил на выдвинутые против него жалобы. «Свирепо взглянув» на гонцов, принц ответил, что с радостью приедет, «только на голове моей будет шлем, и со мной за компанию явятся 60 000 человек». После такого заявления Карл тотчас объявил его нелояльным вассалом, денонсировал договор в Бретињи и в мае 1369 года объявил войну.

По мере развития событий феодалы, служившие обоим королям, «были сильно обеспокоены... в особенности господин де Куси, ибо его это сильно задевало». Положение Ангеррана было и в самом деле затруднительным: он должен был служить обоим монархам, вступившим в войну друг с другом; вассал, по словам Боне, обязан воевать за того феодала, которому он присягнул раньше, и послать вместо себя человека, который будет воевать за другого феодала — это было хитроумное, но затратное решение. Эдуард не смог уговорить де Куси бороться против собственного короля, но было ясно, что если он станет воевать за Францию, то большие владения Ангеррана как лорда Бедфорда будут конфискованы, а возможно, и земли Изабеллы.

Первым намерением Ангеррана было уехать, отправиться за габсбургским наследием — материнскими землями, находившимся за Юрой со швейцарской стороны Эльзаса; эти земли намеревались присвоить себе кузены де Куси, австрийские герцоги Альберт III и Леопольд III. На гербе де Куси 1369 года имеется щит, разделенный на четверти австрийским оружием, сделано это в той же манере, что и герб, который разделил французским оружием король Эдуард, давая знать тем самым о своих притязаниях на французскую корону. Фигурка на гербе, без лица, около двух дюймов в высоту, необычной позой отражает гордыню, которой дышит и девиз де Куси. В отличие от типичных гербов аристократов, на которых присутствовало изображение рыцаря, мчащегося с поднятым мечом на пущенном в галоп коне, рыцарь на гербе де Куси стоит неподвижно, на нем боевое облачение, забрало опущено, он суров и строг, в правой его руке меч, опущенный на землю, в левой руке — щит. Такая редко встречающаяся фигура означала регентство или королевское происхождение, и во времена де Куси ее изображение можно было увидеть на оружии герцогов Анжуйского, Беррийского и Бурбонского. Прямая неподвижная фигура в той или иной форме, иногда в шлеме со спускающимся на плечи плюмажем, оставалась на гербах де Куси на протяжении всей его жизни.

В сентябре 1369 года с небольшой свитой из рыцарей и смешанным отрядом воинов из Пикардии, Бретани и Нормандии де Куси въехал на имперскую территорию Эльзаса. Примерно в это же время Изабелла вернулась в Англию с дочерьми, то ли для того, чтобы защитить свои средства, то ли чтобы проститься с матерью, умиравшей в Виндзоре, а может, и по обеим

этим причинам. Смерть доброй королевы Филиппы в августе 1369 года имела историческое значение, она заставила Фруассара вернуться во Францию, к французским покровителям (одним из которых был де Куси) и к французскому взгляду на развивающиеся события.

В Эльзасе де Куси заключил договор с графом Монбельяром на сумму в 21 000 франков, эти деньги понадобились ему для борьбы с Габсбургами. В обращении к жителям Страсбура и Кольмара он опроверг какие-либо враждебные намерения относительно этих городов и сообщил о своем праве на наследство. Как свидетельствуют факты, обращение де Куси было отвергнуто. Некоторые говорят, что австрийские герцоги переманили графа Монбельяра на свою сторону, другие утверждают, что 30 сентября Карл V срочно вызвал де Куси к себе — король хотел, чтобы Ангерран принял участие в войне против Англии. Де Куси, должно быть, объяснил королю причину, вынудившую его держать нейтралитет, во всяком случае, в следующие два года о нем ничего не слышно, за исключением единственной ссылки.

Эта ссылка находит де Куси в Праге. Судя по документу, датированному 14 января 1370 года, он послал 40 фунтов стерлингов из своих английских доходов сенешалю, канонику де Роберсару. Поездка в Прагу была естественным способом добиться императорского влияния на Габсбургов в деле о наследстве. Позже Фруассар поведаёт, что де Куси часто жаловался императору на нарушение своих прав, и тот признавал правоту Ангеррана, однако не мог «выдворить

герцогов из Австрии, потому что они там находились под сильной вооруженной охраной».

После документального пробела длиной в двадцать два месяца мы наталкиваемся на письменное свидетельство, судя по которому де Куси находится в Савойе. Вместе со своим кузеном «зеленым графом» он выступал против нескончаемой толпы противников этого аристократа. В 1372–1373 годах они оба на службе у папы воевали против Висконти.

Со времен падения Римской империи и переезда папского престола в Авиньон в высококультурной Италии воцарился политический хаос. В итальянских городах процветали искусства и торговля, сельское хозяйство развивалось там быстрее, чем в других странах; итальянские банкиры наращивали капиталы и захватили финансовую монополию в Европе. Тем не менее борьба фракций не прекращалась: одни хотели усиления власти императора, другие боролись за ограничение власти императора в пользу папы. Стремясь навести в стране порядок, гвельфы и гибеллины превратили Италию в страну деспотов. Города-государства, некогда выступавшие за республиканскую автономию, стали жертвами Малатесты и Висконти, управлявшими по праву силы, а не по праву рождения. Угодливую по отношению к тиранам страну — за исключением Флоренции, а также Венеции, являвшейся независимой олигархией, — Данте сравнивал с распутницей и с рабыней. Ни один народ, кроме итальянцев, не говорил так много о создании и объединении государства и при этом ничего не делал.

Из-за подобной обстановки в Италии нашли применение своим навыкам иностранные кондотьеры.

Они не были связаны вассальными обязательствами и служили за деньги, кормили их войны, потому-то бандиты и продлевали последние всеми способами, а страдало при этом несчастное население. Торговцам и пилигримам приходилось нанимать вооруженную охрану. По ночам люди крепко-накрепко запирали городские ворота. Настоятель монастыря возле Сиены переезжал в город по два и по три раза в году со всеми пожитками «из страха перед этими вольными ротами». На торговца из Флоренции, проходившего мимо захваченной горной деревни, напали бандиты, и, хотя он громко кричал, звал на помощь, и деревня его слышала, никто не осмелился прийти к нему на выручку.

И все же, пусть на дорогах творятся бесчинства, а нападения становятся в порядке вещей, жизнь идет своим чередом, так же неумолимо, как пробивается из-под земли трава. Крупные морские республики — Венеция и Генуя — по-прежнему везли в Европу грузы с Востока, сеть итальянских банков деловито вела свой невидимый бизнес, ткачи Флоренции, оружейники Милана, стеклодувы Венеции, ремесленники Тосканы по-прежнему занимались делом под красными черепичными крышами.

В середине XIV века авиньонское папство отчаянно пыталось сохранить здесь влияние. Управлять срединной Италией из другой страны было фактически невозможно. Ценой таких попыток стали череда жестоких войн, кровопролитие, резня, жесткое налогообложение, чужие, ненавистные правители и возрастание вражды к папству на его же территории.

Попытка отвоевать Папскую область наткнулась на экспансию Милана под предводительством Висконти. В

1350 году он захватил Болонью и грозил превратиться в доминирующую силу в Италии. Когда папским войскам удалось вернуть Болонью, рассвирепевший Бернабо Висконти принудил священника с вершины башни провозгласить анафему папе. Не считаясь с папским авторитетом, Висконти захватывал церковную собственность и заставил миланского архиепископа преклонить перед собой колени, он запретил пастве платить налоги и иметь какие-либо отношения с курией, отказался принимать в приходы на своей территории папских назначенцев, рвал и топтал папские послания. Когда в 1363 году Бернабо проигнорировал папский приказ явиться в Авиньон, где его должны были осудить за дебоширство, жестокость и «дьявольскую ненависть» к церкви, Урбан V предал еретика анафеме и попытался организовать против него крестовый поход. Итальянцы были враждебно настроены к Авиньону, им не нравилась алчность папства, его поглощенность земными заботами и то, что оно находится на французской земле. Италия считала Урбана орудием французов и не обращала внимания на его призывы.

Гийом де Гримуар родился в Лангедоке в благородной семье. Он был истинно верующим человеком, в прошлом бенедиктинским монахом; де Гримуар искренне хотел восстановить доверие к церкви и повысить папский авторитет. Урбан сократил многочисленные приходы, поднял образовательные стандарты для священников, принял строгие меры против ростовщичества, симонии и клерикального внебрачного сожительства; запретил в курии ношение обуви с загнутыми длинными носами... Все это не внушило к нему любви даже в коллегии кардиналов. Да он и не состоял в коллегии: когда его избрали

понтификом, Гийом был всего лишь аббатом церкви Святого Виктора в Марселе. Его возвышение над кандидатами более высокого ранга, включая амбициозного Талейрана-Перигора, состоялось из-за неспособности кардиналов остановиться на выборе. Должно быть, Господь подсказал им удивительную мысль — выйти за пределы собственных рядов и подыскать другого человека. По словам Петрарки, обратившегося вновь к излюбленной теме, «только Святой Дух мог заставить кардиналов подавить ревность и тщеславие и открыть дорогу папе, пожелавшему вернуть папство в Рим».

Урбан намеревался сделать это после установления собственной власти над церковью Святого Петра. Горячее желание верующих вернуться в Рим было отражением их мечты очистить церковь. Если папа разделял это чувство, то он признавал также, что возвращение — единственное средство управления курией, и понимал необходимость покончить с тем, что остальная Европа рассматривала как подчинение французам. Было ясно, что чем дольше папство остается в Авиньоне, тем слабее будет его авторитет и тем меньше престиж в Италии и Англии. Несмотря на решительные возражения кардиналов и сопротивление короля Франции, Урбан вознамерился вернуться.

В Италии Бернабо был не единственным врагом священников. Франческо Орделаффи, деспот Италии, так ответил на отлучение от церкви: по его распоряжению на базарной площади сожгли набитые соломой чучела кардиналов. Даже Флоренция, хотя и вступавшая время от времени в союз с папством из необходимости противостоять Милану, настроена была антиклерикально и соответственно относилась к папе. Флорентийский

хронист Франко Саккетти оправдал Орделаффи, покалечившего священника, по причине того, что совершил он это не из алчности и было бы неплохо для общества, если бы со всеми священниками поступали подобным образом.

В Англии говорили: «Папа римский, может, и француз, зато Иисус англичанин». Англичане все с большей неприязнью относились к тому, что папа назначал иностранцев в английские приходы, в результате чего английские деньги убегали за рубеж. Желая независимости, англичане, сами того не сознавая, уже двигались к созданию англиканской церкви.

В апреле 1367 года Урбан начал великое переселение и отплыл из Марсея под вой кардиналов, которые, как говорят, кричали вслед: «Подлый папа! Безбожный брат! Куда он тащит своих сыновей?» — словно бы Урбан увозил их в ссылку, а не наоборот. Кардиналы не желали оставлять роскошь Авиньона и менять ее на ненадежный и разрушенный Рим, и потому поначалу всего пятеро человек отправились вместе с папой. Большая часть огромной административной структуры осталась в Авиньоне.

Первой остановкой Урбана был Ливорно, где папу вышел встречать Джованни Аньелло, «одиозный и властный» правитель, дож Пизы; сопровождал его сэр Джон Хоквуд и тысяча вооруженных солдат в блестящих доспехах. Увидев их, папа задрожал от страха и отказался сойти с корабля, посчитав это неблагоприятным знаком для возвращения в Вечный город.

Над возвращением папства в Рим витал злобный дух XIV столетия. Святой отец вступил в главный город

христиан, к тому времени сильно разрушенный, только после того как собрал значительную армию и огромную свиту из итальянских аристократов. Рим зависел от бизнеса папского двора. В отличие от Флоренции или Венеции, торговля, на которую город мог бы опереться, шла ни шатко ни валко. В отсутствие папы город впал в нищету и хаос, население сократилось. До «Черной смерти» в городе проживали пятьдесят тысяч человек, а теперь осталось лишь двадцать тысяч. Классические памятники были разрушены землетрясениями или небрежением, да и вандалы постарались — расхитили камни; в покинутых церквях держали скот; на замусоренных улицах стояли зловонные лужи. Поэтов, таких как Данте и Петрарка, в Риме не было, не было и «непобедимого ученого», подобного Оккаму, не было университета, такого как в Париже и Болонье, не было процветающих мастерских художников и скульпторов. В Риме была одна известная святая, Бригитта Шведская, добрая ко всем, но при этом страстно разоблачавшая продажность церковной иерархии.

Когда в 1368 году в Ломбардию явился император для заключения союза с папой против Висконти, в том усмотрели доброе предзнаменование. Однако ничего из этих усилий не вышло: вражда и соперничество возобновились. В 1369 году старинная мечта объединения с Восточной церковью казалась почти достижимой: в это время император Византии Иоанн V Палеолог приехал к Урбану в Рим, и в соборе Святого Петра состоялась величественная церемония. Иоанн надеялся получить от Запада помощь против турок в обмен на воссоединение с Римской церковью, однако надежды не оправдались: церкви не смогли договориться о правилах культа.

Напуганный новыми мятежами в Папской области и скоплением отрядов Бернабо в Тоскане, Урбан, потеряв надежду, тайком вернулся в Авиньон. Бригитта Шведская в опустевшем Риме предрекла Урбану раннюю смерть за то, что папа предал мать церкви. Через два месяца, как и король Иоанн, он скончался от неизвестной болезни. Причиной тому, возможно, было отчаяние.

При выборах преемника кардиналы решили поставить на чистокровного француза из старинной баронской семьи, бывшего кардинала Пьера Роже де Бофора. Став папой, он назвался Григорием XI. Это был набожный и скромный священник сорока одного года, его подтачивала болезнь, и он мучился от болей; считалось, что у него не хватит сил на то, чтобы справиться с опасностями, подстерегавшими в Риме. Он приходился племянником великолепному Клименту VI, сделавшему Пьера кардиналом в девятнадцать лет. У нынешнего папы не было ни властных манер дяди, ни его авторитета, ни силы характера. Кардиналы, однако, не учли преображающего эффекта верховной власти.

Как только Григорий воссел на престол, он, как и его предшественник, ощутил желание переехать в Рим. К тому, чтобы уехать из Авиньона, призывала и религиозная, и политическая необходимость — возвращение папства на исконное место. Григорию, человеку нерешительному по природе, лучше было бы вести спокойную жизнь, однако, став понтификом, он задумался о своей миссии. И все же в Италию он переехать не мог из-за угрозы, которую представлял папскому государству Висконти. Объявив войну Милану, Урбан организовал с этой целью Папскую лигу, которую Григорий и унаследовал. В 1371 году Бернабо захватил

новые феодалы Ватикана, поэтому необходимо было действовать.

В том же году в Пьемонт вошел «зеленый граф» — Амадей Савойский. Он собирался начать войну против одного из своих вассалов в том месте, где его земля граничила с Ломбардией. Сопровождал Амадея кузен, Ангерран де Куси, которого граф Савойский назначил наместником Пьемонта.

Зимой 1371–1372 годов Ангерран, вместе с сотней всадников, перешел через заснеженные Альпы; случилось это где-то между ноябрем и мартом. В XX веке невозможно перейти через Альпы зимой, тогда как в Средние века путешественники, с помощью горцев из Савойи, переходили через эти горы в любое время года. В отличие от своих довольно изнеженных потомков, люди средневековья меньше опасались потенциальных рисков. Монахи из местных монастырских гостиниц и деревенские жители, освобожденные от налогов за службу, следили за тем, чтобы тропы были помечены, и натягивали веревки вдоль горных хребтов. Они проводили груженых мулов и тащили путешественников на *ramasse* — грубом матраце, сплетенном из веток и связанном веревкой. Путешественники надевали специальные очки, шапки и капюшоны — похожие на маски, они закрывали лицо. В ноябре видели, как кардинальский обоз из 120 лошадей совершал подобный переход: лошади жмурили глаза от летящего в морду колючего снега. Весной проводники убирали тела путешественников, не справившихся с метелью или не успевших до наступления ночи к горной гостинице.

Графы Савойи осуществляли успешный контроль за альпийскими тропами. «Зеленый граф» Амадей VI был

предприимчивым человеком с твердым характером, его отец и бабушка де Куси с материнской стороны были братом и сестрой. Представитель семнадцатого поколения династии, шурин королевы Франции, основатель двух рыцарских орденов, предводитель крестового похода, изгнавшего в 1365 году турок из Галлиполи и восстановивший на троне императора Византии, Амадей презирал наемников, считал их «негодьями» и «ничтожествами», но тем не менее брал на службу. При случае он не гнушался подкупать их, и они разрывали предыдущие контракты. Для операции против маркиза Салюццо в 1371 году он нанял ужасного и грубого Анакино Баумгартена вместе с его германо-венгерским отрядом, состоявшим из 1200 копий, 300 стрелков и 600 разбойников [*briganti*].

Де Куси вошел в Пьемонт как предводитель савойской вольной роты. Есть сообщения, что де Куси «разорил» землю Салюццо, после чего направил к Амадею гонцов с просьбой прислать людей, чтобы еще больше очистить страну. Такая тактика, побуждающая противника к сдаче, быстро увенчалась успехом. Де Куси завоевал три города, а осада четвертого спровоцировала контратаку Бернабо в пользу союзника. Амадей вступил в Папскую лигу против Висконти, что очень не понравилось его сестре Бланке, жене Галеаццо Висконти. В благодарность за то, что Амадей пообещал содержать за свой счет 1000 копий, папа назначил его главнокомандующим Папской лиги в западной Ломбардии.

В последующей борьбе противники запутались в паутине взаимоотношений, важных им самим, а не их потомкам. Их объединяли либо брак, либо вассальные отношения, либо тот или иной договор; воюющие

стороны входили и выходили из альянсов или состояния вражды подобно шахматным фигурам, разыгрывающим гигантскую партию, — этим можно объяснить странный характер войны. Впоследствии войной заправляли бриганды, их ничто и ни с кем не связывало, и они переходили на сторону противника еще быстрее, чем их заказчики. Глава Мантуи начинал как член Лиги, а потом покинул папу и присоединился к Бернабо. Сэр Джон Хоквуд служил Бернабо, а потом оставил его и вступил в Лигу. Маркиз Монферра, осаждаемый Галеаццо, женился на его дочери, овдовевшей Виоланте. Амадей и Галеаццо были врагами поневоле, поскольку их связывала любовь к Бланке. Они больше боялись Бернабо, чем друг друга, а потому и пришли к взаимопониманию. Война, которую два года в Ломбардии вел Ангерран де Куси, представляла собой яму с клубком змей.

В Асти, центре савойской кампании, в августе 1372 года де Куси выступил против «белого отряда» сэра Джона Хоквуда, нанятого Висконти. Каждому человеку Хоквуда, как писал об этом Виллани, прислуживали один или два пажа, которые начищали его латы так ярко, что они «сверкали, словно зеркало, и тем самым наемники внушали еще больший страх». Во время боя лучники всегда спешивались, поручая коней пажам. Выстраивались они в круг, по двое держа копье. «Наклонив копья, они шли на врага медленным шагом, и было очень трудно разбить их строй». Виллани добавляет, что действовали они успешнее не в открытом бою, а ночью, нападая на деревни, а когда одерживали победу, то «было это, скорее, из-за трусости наших людей», а не из-за смелости противника и не из-за превосходящего морального духа.

Страдая от подагры и не имея возможности лично вступить в бой, Галеаццо назначил своего сына, 21 года от роду, номинальным командующим при осаде Асти. Джан-Галеаццо, или граф Вирту — титул этот он получил после заключения брака с Изабеллой Французской — был высоким, хорошо сложенным молодым человеком с рыжеватыми волосами и красивыми, отцовскими чертами лица, но еще большее впечатление, чем отличная внешность, производил на окружающих его незаурядный ум. Единственный сын любящих родителей был обучен искусному управлению государством, но не успел испытать себя на военном поприще. Молодого Висконти, отца троих детей, сопровождали двое охранников, которые, по приказу родителей, следили, чтобы сына не убили или не взяли в плен, а это, как они говорили, «частое явление на войне». Охранники ревностно исполняли свои обязанности и не позволили Хоквуду встретиться с Висконти лицом к лицу, и тогда Хоквуд в раздражении свернул лагерь. В результате савояры освободили город. Бернабо вполнину снизил штраф Хоквуду, и тот переметнулся к папе. Вскоре после этого Баумгартен, наемник савояров, перешел к Висконти.

Для савояров освобождение Асти пусть и не являлось блестящей военной победой, зато открывало возможность к наступлению на Милан. Джан-Галеаццо, вернувшись домой после боевого крещения, успел попроситься с двадцатитрехлетней женой, Изабеллой Французской. Она умерла, родив их четвертого ребенка, сын пережил мать всего на семь месяцев.

Роль Ангеррана при Асти, хотя и не упомянутая в хрониках, вероятно, была значительной и, возможно, решающей, потому что папа немедленно уполномочил своего легата, кардинала Сент-Эсташа, «от имени церкви

заклучить договоры, союзы и соглашения с Ангерраном, господином де Куси», и назначить того командующим папским войском, которое кардинал приведет в Ломбардию. Первую выплату де Куси — 5893 флоринов — следовало провести через банкира Флоренции, ее «надлежало передать лично», а если де Куси не выполнит условия соглашения с кардиналом, он должен будет возратить в папскую казну 6000 флоринов.

Если принять во внимание, что за копьё в месяц платили 20 флоринов, вышеупомянутая сумма означает, что отряд де Куси должен был состоять из трехсот копий, а не из тысячи, как поначалу обещал папа. Триста копий — таково обычное число для отрядов того времени, количество копий в них колебалось от шестидесяти-семидесяти до тысячи, и каждое подразделение состояло из трех всадников, плюс конные лучники, пехотинцы и слуги.

В декабре папа официально назначил де Куси командующим папской армией, воюющей в Ломбардии против «сыновей проклятия». Назначение это отражало нетерпение Григория, поскольку Амадей Савойский, намеревавшийся пойти на Милан с запада, все еще находился в Пьемонте, защищая свою территорию от Висконти. Задачей де Куси было соединение с Хоквудом, служившим ныне у папы: он прибыл в Болонью после того, как переметнулся на другую сторону, и в данный момент двигался на запад, надеясь охватить Милан. Де Куси должен был проследовать вместе с ним навстречу Амадею, что завершило бы охват города.

В феврале 1373 года, заключив с Галеаццо пакт о ненападении, Амадей наконец-то вошел на миланскую территорию. Прекращению несчастливой семейной

ситуации явно содействовала его сестра Бьянка — еще бы! брат разорял земли ее мужа. В соглашении Амадей пообещал не трогать территорию Галеаццо, а в ответ на это Галеаццо обязывался не помогать Бернабо, действовавшему против Амадея. Таким образом, Галеаццо вышел из войны и развязал руки Амадею, который теперь мог выступить против Бернабо, не опасаясь, что его атакуют с тыла.

К январю 1373 года де Куси соединился с Хоквудом где-то под Пармой, оттуда они двинулись на Милан. 26 февраля, когда они уже подошли к своей цели, папа вдруг предложил де Куси обеспечить появление братьев Висконти в Авиньоне в конце марта.

Григорий поддался на предложение Висконти вступить в переговоры и попал на удочку Бернабо: тот хотел выиграть время на сбор войска. Радуюсь тому, что противники собираются сдаться, Григорий написал де Куси и предложил ему действовать «храбро и решительно на благо церкви Италии», а также поблагодарил Ангеррана за редкое качество — «безраздельную преданность». Два дня спустя, обнаружив, что Висконти его обманули, папа с болью воспринял тот факт, что де Куси «согласился на мирные предложения врагов церкви». Григорий распорядился впредь не выслушивать такие предложения, а исполнять свою миссию и объявить, что папа «более не намерен вести переговоры». В письмах ко всем, причастным к этой ситуации, Григорий умолял собраться с силами и исполнить поставленную задачу.

В апреле де Куси и Хоквуд перешли через реку По и добрались до горного города Монтикьяри, в сорока милях к востоку от Милана. К этому времени Амадей окружил

Милан с севера и после долгой паузы, предположительно вызванной тем, что агенты Бернабо отравили его провизию, проследовал к месту, находившемуся не далее пятидесяти миль от Хоквуда и де Куси. Здесь он остановился, вероятно готовясь к защитным действиям против тысячи копий под командованием герцога Баварии — зятя Бернабо. Тот, по слухам, уже приближался.

Между поделенными пополам папскими войсками, на реке Ольо, Бернабо построил две дамбы, их можно было открыть и затопить равнину, помешав проходу противника. Чтобы не допустить охвата города, Бернабо попросил у Галеаццо подкрепления, тем самым он отомстил бы сиру де Куси и Джованни Акуто — так называли Хоквуда итальянцы. Галеаццо не мог сражаться против своего шурина графа Савойского, зато ему ничто не мешало выступить против де Куси и Хоквуда. Он отправил своего сына во главе объединенных сил, состоявших из ломбардцев и наемников Баумгартена; войско насчитывало более тысячи копий, входили в него также стрелки и большое число пехотинцев. Джан-Галеаццо вышел уверенно, поскольку знал о численности противника и о маршруте его следования от правителя Мантуи.

В Монтикьяри войско де Куси и Хоквуда насчитывало шестьсот копий, семьсот лучников и некоторое количество поспешно собранных *провизионати*, или крестьянских пехотинцев. Увидев, что его отряд значительно меньше по численности, де Куси передал командование Хоквуду, дескать, у того больший опыт и знание итальянских приемов ведения войны, однако последующие события покажут обратную картину — де Куси сам будет пускаться в атаку со страстью,

свойственной итальянцам. При столкновении сторон «противники так теснили друг друга, что невозможно было понять, как они это выдерживают». Де Куси понес тяжелые потери и потерпел бы поражение, если бы не Хоквуд, который, по словам Фруассара, «пришел к нему на помощь со своими пятью сотнями воинов только потому, что де Куси был женат на дочери английского короля». Несмотря на тяжелые потери, они сумели отступить на вершину холма, в то время как наемники Висконти, полагая, что победа у них в кармане, разбежались по сторонам и по привычке принялись за мародерство. Наемниками всегда трудно управлять. Джан-Галеаццо был человеком неопытным, а Баумгартен либо слишком самонадеян, либо в тот момент его не было на месте. В отчетах о сражении его имя не упоминается.

Увидев свой шанс, де Куси и Хоквуд перегруппировались и устремились в атаку на Джан-Галеаццо. Спешившегося молодого человека, без шлема и с выбитым из руки копьем, спасли храбрецы из миланского войска: они прикрыли отступление Галеаццо с поля боя, но потерпели поражение, прежде чем наемники успели собраться. Поражение противника было неожиданным: более слабая папская армия одержала победу и, празднуя успех, унесла с поля боя знамена Висконти и захватила двести пленников, включая высокородных ломбардцев, что сулило получение богатого выкупа. Папа назвал эту победу чудом, известие о сражении быстро донеслось до Франции и покрыло де Куси нежданной славой. В маленьком мирке его времени легко можно было обрести славу, но гораздо важнее было то, что он узнал: де Куси никогда больше не

пускался в отчаянную атаку, что было свойственно французским рыцарям.

В военном отношении Монтикьяри имело не слишком большое значение. Это место было удалено от Савойи, а обессиленная, потрепанная армия де Куси и Хоквуда не могла туда прорваться и, к большому разочарованию папы, отступила в Болонью. Понтифик все просил войти в Савойю и уничтожить Бернабо, этого «сына Белиала». Папа пообещал Хоквуду, что припоздавшие выплаты вскорости придут, и осыпал де Куси комплиментами, писал о его «преданности и осторожных, здравых суждениях, о его необыкновенной честности и знаменитом благоразумии». Признавая его «решительность и предусмотрительность, проявленную в сражениях», в июне папа вновь назначил де Куси командующим своим войском. Хоквуд, опиравшийся только на силу, не намерен был действовать бесплатно, тем более что его люди, не получившие денег, стали бунтовать. Проходя через Мантую, они учинили такой разбой и разгром, что правитель Мантуи пожаловался папе, и Григорий, в свою очередь, попросил де Куси удержать «силы церкви» от дальнейших беспорядков. Опасность, если не ирония того, что для возвращения папского авторитета пришлось воспользоваться услугами бандитов, стала очевидной.

Граф Савойский с боем прорвался по узкой тропе и соединился с де Куси и Хоквудом в Болонье, откуда все они в июле снова двинулись на запад. Наемники в Модене вызвали возмущение у горожан, и папа почти со слезами упрашивал де Куси утихомирить народ, тем паче что Модена принадлежала к Папской лиге. В августе 1373 года папские войска дошли до Пьяченцы и стали осаждать город, но Амадей заболел, и боевой дух

выветрился. Сильные ливни, разлившиеся реки, нападения войска Бернабо и отсутствие энтузиазма свели все преимущество на нет.

Де Куси, командовавший дезорганизованным и скомпрометированным войском, понимал, что у папской войны нет будущего. Он обратился к папе за разрешением на отпуск, сославшись на долгую разлуку с женой и детьми, и указал, что ему необходимо привести в порядок дела в пострадавшей от войны Франции.

23 января 1374 года Григорий великодушно разрешил де Куси отпуск и вновь наградил его льстивыми словами — упомянул о его верности, преданности, решительности, «высокой честности», не забыл и о других достоинствах, которыми «небеса наградили» де Куси. Папа догадывался, что де Куси уходит насовсем, и переизбытком лести прикрывал отсутствие денег, которые еще много лет спустя не поступали из папской казны.

Отъезду де Куси, возможно, поспособствовало возвращение в 1373–1374 годах в Италию и южную Францию «Черной смерти». Под влиянием чумы военные усилия Григория увяли. Измученный болезнью Амадей заключил сепаратный мир с Галеаццо и покинул папу, но его собственные интересы в Пьемонте были сохранены. Галеаццо, в свою очередь, опасаясь, что политика Бернабо приведет к разрушению, равно готов был отделиться от своего брата. Бернабо, говорят, так был взбешен заключением мира с Савойей, что попытался убить свою невестку Бьянку, способствовавшую этому договору. Принужденный папой к миру, он с помощью подкупа папских советников добился выгодных для себя условий в договоре, заключенном в июне 1374 года. Ни

одна сторона ничего в этой войне не добила, потому что никто, кроме папы, не сумевшего осуществить свое затаенное желание, не сражался ни за что фундаментальное, а война — слишком неприятное и дорогое занятие, чтобы заниматься им без причины.

Джан-Галеаццо оказалось достаточно его второго поражения. Он больше никогда не брал на себя роль командующего. Искусный политик, приведший империю Висконти к пику могущества, Джан-Галеаццо оставался меланхоличным человеком; возможно, его угнетала неспособность управлять без обмана и жестокости, такому настроению способствовали и семейные трагедии. После потери жены и младенца сына его старший сын умер в возрасте десяти лет, а второй сын — в тринадцать; с Галеаццо осталась только обожаемая им дочь, которой тоже уготована была несчастливая судьба.

Когда пришла третья волна чумы, распространение заразы встретили в большей готовности, хотя вряд ли кто стал лучше понимать природу заболевания. Бернабо приказал каждую жертву выносить из города в чистое поле и оставлять там либо умирать, либо выздоравливать. Любой человек, ухаживавший за чумным пациентом, должен был находиться десять дней в карантине; священников под угрозой смерти обязали присматриваться к пастве в поиске симптомов и сообщать о них в специальную комиссию; человек, занесший болезнь в город, приговаривался к смерти и конфискации имущества. Венеция не пускала к себе корабли, если подозревала, что они разносят инфекцию вместе с блохами и крысами. Но предосторожности, хотя и благоразумные и оправданные, не могли остановить

разносчиков заразы. В Пьяченце, там, где де Куси остановил войну, умерла половина населения, а в Пизе, где эпидемия длилась два года, умерли четверо из каждых пяти детей. Самой знаменитой смертью 1374 года стала смерть Петрарки в возрасте семидесяти лет, но умер он не от чумы. Поэт мирно сидел в кресле, положив голову и руки на стопку книг. Его старинный друг Боккаччо, больной и расстроенный, последовал за ним на следующий год.

В долине Рейна, не затронутой чумой, распространялась новая зараза, известная как «безумная пляска», иначе хорей. Возникла ли она из-за несчастий и бездомности, вызванных в том году весенним половодьем Рейна, либо оказалась спонтанным проявлением тревожного времени, истории неизвестно, зато современники не сомневались в причинах. Они считали себя одержимыми демонами. На улицах и в церквях они собирались в кружок и плясали часами, подпрыгивая и визжа, выкликали демонов по имени, просили, чтобы те их не мучили, или кричали, что видят Христа, Деву Марию или раскрывшиеся небеса. Устав, они падали на землю, катались по ней и стонали, словно в агонии. Эта мания распространилась на Голландию и Фландрию, плясуны являлись с венками на голове, двигались толпой, переходили с места на место, словно флагелланты. В основном, это были бедняки — крестьяне, ремесленники, слуги и попрошайки, большую часть составляли женщины, особенно незамужние. За плясками часто следовали сексуальные оргии, однако главной целью таких действий являлось изгнание дьявола. В агонии тех времен люди чувствовали присутствие демона, и в их мозгу ничто так четко не указывало на происки Сатаны, как мода на туфли с длинными

загнутыми носами, осуждение которых они столь часто слышали в церкви. Люди усматривали в этой обуви нечто слегка безумное, отмеченное печатью дьявола.

И плясуны, и флагелланты враждебно относились к церкви. В стремлении подавить сумасшествие священники устраивали множество экзорцизмов, а народ заворуженно наблюдал процесс изгнания бесов. Людей призывали молиться за страдальцев. Через год сумасшествие исчезло, хотя и в следующие два столетия оно нет-нет да и появлялось снова. Какова бы ни была его причина, это явление свидетельствовало о растущем подчинении сверхъестественному, на что обратил внимание и папа. В августе 1374 года он объявил право инквизиции на вмешательство в суды над колдунами, с этих пор такие суды считались уголовным преступлением. Поскольку колдовство вершилось с помощью демонов, Григорий объявил подобные дела юрисдикцией церкви.

По возвращении домой де Куси обнаружил, что его страна впервые за тридцать лет получила преимущество в войне. У Франции появился король, пусть и не главнокомандующий, зато целеустремленный лидер, заботившийся о восстановлении территорий, изувеченных войной. Пока де Куси был в Италии, Англия потеряла большую часть «заморских» территорий и трех своих великих солдат — сэра Джона Чандоса, капталя де Буша и Черного принца. Если бы де Куси был здесь в период восстановления страны, а не оказался «нейтрализован» своим английским браком, он вполне мог бы играть главную роль, которая без него досталась Дюгеклену. Как бы там ни было, Карл V, постоянно

стремившийся завоевать поддержку важнейших баронов, тотчас попытался приблизить к себе де Куси. Он даровал ему титул «сир», а в те времена этот титул ценился почти как титул короля или принца.

Едва Ангерран вернулся, король тотчас вызвал его к себе. Карл устроил обед в честь де Куси и расспросил о новостях папской войны. Из Парижа Ангерран поехал домой, к жене, «и если они широко отметили это событие, то у них на то была важная причина», заметил Фруассар, «ибо они давно не видели друг друга». За супружеским воссоединением последовало торжественное чествование: в ноябре 1374 года Карл V назначил де Куси маршалом Франции и послал к нему рыцаря с королевским стягом; рыцарь доставил Ангеррану знак отличия. Поскольку де Куси по-прежнему был связан двойным вассальством, он вынужден был отклонить маршальский жезл. Тем не менее в августе 1374 года король положил де Куси ежегодное жалование в шесть тысяч франков, первую выплату из которого в размере тысячи франков Ангерран получил уже в ноябре.

Нежелание де Куси участвовать в войне, отъезд из Франции и стойкий нейтралитет заслужили Ангеррану в дальнейшем уважение обеих сторон, и такое поведение защитило его имения от английских атак. В 1370 году, во время набега Ноллиса на Пикардию, «земля господина де Куси осталась нетронутой, ни один мужчина и ни одна женщина не лишились имущества ни на экю, если они говорили, что имущество это принадлежит господину де Куси». Если крестьян грабили, а потом узнавали, кто они такие, деньги им возвращали в двойном размере. Один французский рыцарь, шевалье де Шан, совсем не по-рыцарски воспользовался этим «иммунитетом» и в 1373 году, во время грабежей в Пикардии, стал носить

знамя с гербом де Куси. Англичане при виде знамени страшно удивлялись и говорили: «Как случилось, что господин де Куси прислал сюда людей против нас, ведь он наш друг?» Однако они были так уверены в его благородстве, что поверили в знамя и землю его не тронули — «не сожгли и не нанесли никакого другого ущерба».

Стратегия Карла сводилась к тому, чтобы по возможности избегать крупного сражения, но при этом он посылал отряды в каждое уязвимое место, главным образом в Аквитанию. В 1369 году он отправил Дюгеклена в Испанию с целью вернуть Кастилию в качестве союзника. Результат был впечатляющим: «в великой и яростной баталии» возле Толедо два брата — дон Энрике и король Педро — бились врукопашную, пока Педро не пленили. Фруассар всегда предпочитает благородную версию, но, согласно испанскому хронисту, вероятно, лучше информированному, пленение произошло не столь благородно. Окруженный и запертый в замке, Педро предложил Дюгеклену за свое освобождение шесть феодалов и двести тысяч золотых дублонов. Притворившись, что согласен, Бертран осторожно вывел короля и тотчас сдал его Энрике. Увидев брата, «Педро взялся за нож и, не задумываясь, зарезал бы Энрике», если бы не проворный французский рыцарь: тот схватил Педро за ногу, перевернул его вниз головой, и тогда Энрике убил его кинжалом и вернул свою корону.

Для Франции результат оказался бесценным: она получила сильную кастильскую флотилию, а вот в Англии усилился страх перед иноземным вторжением. Впоследствии на Англию валилась одна неудача за другой. Черный принц страдал от инфекционной

дизентерии, распространившейся среди англичан и гасконцев, а в его случае болезнь осложнилась водянкой. С распухшими ногами, «ослабевший, он едва мог сидеть на лошади», затем он стал еще тяжелее и слабее, уже не смог забираться на коня и слег в постель. Бога войны, человека действия и невероятной гордости, в 38 лет свалила унижительная болезнь, это было ужасно, тем более что ситуация становилась все хуже. Принц был в бешенстве, но прежде чем события дошли до трагической кульминации, произошло еще одно неприятное событие.

В патриотическом порыве французские аристократы требовали корону, возвращали отобранные замки, формировали маленькие отряды из 20, 50 или 100 человек и отвоевывали города и крепости на уступленных территориях. В одной из таких схваток в начале 1370 года в Люссаке, между Пуатье и Лиможем, сэр Джон Чандос, сенешаль области, с отрядом примерно триста человек, схватился с французским отрядом на горбатом мосту над рекой Вьеной. Спешившись, он пошел навстречу противнику «в окружении своих людей, неся перед собой знамя вместе с дощечкой с его именем поверх герба». Он поскользнулся на земле, покрытой утренней росой, упал, и вражеское копье ударило его в переносицу и дошло до мозга. Чандос не видел, откуда наносится удар, так как потерял глаз с этой стороны. По непонятной причине он не опустил забрало. Его люди расвирепели и отбили врага; после кровопролития они залились слезами со всей искренностью средневековых эмоций. Собравшись вокруг бесчувственного тела своего командира, «они ломали свои руки и рвали на себе волосы», восклицая: «Ах, сэр Джон Чандос, цвет

рыцарства, да будет проклят тот, кто выковал копье, что ранило тебя и подвергло опасности твою жизнь».

Чандос умер на следующий день, так и не придя в сознание, и английские рыцари в Гиени говорили, что «теперь они потеряют все по обе стороны моря». Архитектор и тактик английских побед при Креси, Пуатье и Нахере, Чандос был величайшим командиром своей страны, если не обеих стран. Хотя противник радовался потере врага, некоторые французские сеньоры также оплакивали Чандоса по интересной причине: они считали, что это — общая потеря. Чандос, — говорили они, — «был мудр и полон различных планов, и он бы нашел какие-нибудь средства, дабы установить мир между Францией и Англией». Даже рыцари жаждали мира.

Спустя несколько месяцев война для Черного принца вступила в завершающую фазу. Из рук его выскальзывали целые территории, отвоеванные отрядами под командованием Дюгеклена и герцога Анжуйского. Политика Карла, направленная на мирные переговоры с городами и знатью, в августе 1370 года помогла вернуть Лимож, епископ которого, хотя и давал клятву верности Черному принцу, легко позволил выкупить себя герцогу Беррийскому, правителю центрального региона. Магистраты и горожане с радостью шли навстречу, поскольку их освобождали на десять лет от акцизных сборов. Над городскими воротами Лиможа был поднят флаг с геральдической лилией, и после торжественной церемонии герцог уехал, оставив гарнизон в сто копий, слишком маленький, чтобы предотвратить то, что последовало.

Взбешенный Черный принц поклялся, что заставит город дорого заплатить за предательство, и решил подать пример, чтобы впредь всем было неповадно. Прикованный к носилкам, он возглавил сильную армию, в которую вошли двое его братьев и лучшие рыцари. Все двинулись на Лимож. Саперы подкопались под стену, подперли свод деревянными столбами и подожгли, что вызвало обрушение части стены. Солдаты ворвались в проем, блокировали выходы из города и устроили резню, невзирая на пол и на возраст. «Всхлипывая от ужаса», люди падали на колени перед носилками принца, просили пощады, но он был «так разъярен в своей жажде мести, что никого не слушал», и горожане погибали под ударами мечей. Несмотря на приказ не жалеть никого, впрочем, некоторых знатных людей, которые могли заплатить выкуп, взяли в плен, в том числе и епископа, на которого принц бросил злобный взгляд и поклялся отрубить ему голову. Тем не менее брат принца, Иоанн Гентский, договорился с епископом, и тот уехал в Авиньон, где и поведал о страшном событии.

Рыцари, наблюдавшие со стороны или принимавшие участие в резне, не отличались от тех, кто столь искренне оплакивал Чандоса, ибо открытому проявлению эмоций в XIV веке не мешала нечувствительность к боли и смерти. Чандоса оплакивали потому, что он был одним из них, в то время как жертвами Лиможа были посторонние рыцари. К тому же жизнь не столь уж ценна; ведь, в конце концов, что такое тело? — мертвечина, временно пребывающая на земле, земное существование — всего лишь остановка на пути к вечной жизни.

В наказание Лимож, как и было заведено, разграбили и сожгли, а его укрепления разрушили до

основания. Хотя кровавая месть, распространившаяся по Франции, на какое-то время приглушила сопротивление, в сердцах французов поселилась ненависть к англичанам, которая через пятьдесят лет породит Жанну д'Арк.

Героя поджидал мстительный ответ в Лиможе. Будучи не в силах управлять, принц передал власть в Аквитании Иоанну Гентскому, в это же время ему пришлось пережить страшный удар — смерть старшего сына Эдуарда, шести лет от роду. В январе 1371 года принц покинул Бордо и больше не вернулся во Францию. С женой и вторым сыном Ричардом он уехал домой, где прожил беспомощным инвалидом еще шесть лет.

Франция взяла инициативу в свои руки, чего нельзя было сказать о военной стратегии Англии. Целью вторжения сэра Роберта Ноллиса в Северную Францию в 1370 году было причинить как можно больше разрушений, чтобы свести к нулю французскую военную тактику и отогнать противника от Аквитании. Ноллис разрешал войску грабить деревни и сжигать созревшие злаки, но при этом призывал не захватывать крепости и не провоцировать открытое столкновение. Рыцари стали проявлять недовольство, поскольку не видели перспектив получить выкуп или обрести славу. Англичане приблизились к Парижу, и это обстоятельство вселило во французов тревогу, потому в октябре вызвали Дюгеклена и назначили его коннетаблем Франции.

Сведения о том, что его четырежды брали в плен, наводит на мысль, что речь идет о безрассудном или неумелом воине, но Бертран не был отчаянным сорвиголовой вроде Рауля де Куси. Напротив, он был осторожным и коварным, обычно изматывал противника

лишениями и голодом, потому Карл его и выбрал. Первым его действием стало заключение персонального договора с жутким бретонцем, одноглазым Оливье де Клиссоном, прозванным «мясником» за привычку отрубать противнику в бою руки и ноги. Отряд Мясника и его приспешников изнурял и преследовал Ноллиса, и, когда английское войско раскололось из-за дезертирства недовольных рыцарей, Дюгеклен победил их в бою в нижнем течении Луары. Отряды Дюгеклена освобождали одну территорию за другой, нанося удары то там, то здесь и подкупая английских командиров.

Главное преимущество было завоевано на море, это случилось в июне 1372 года в Ла-Рошели: франко-кастильский флот одержал победу над английским конвоем. Английские корабли везли людей и лошадей в Аквитанию, в том числе 20 000 фунтов жалования солдатам, считалось, что этого им будет достаточно на год. Карл заранее знал об этой экспедиции, ему доложили разведчики, а потому он вступил в альянс с королем Энрике. Кастильские галеоны водоизмещением в двести тонн, управляемые 180 гребцами — свободными людьми, а не преступниками, закованными в кандалы, — были маневреннее неуклюжих английских торговых судов, которые не могли лавировать и ходили только по ветру. Испанским флотом командовал адмирал Амбросио Бокканегра, отец которого был адмиралом при доне Педро, однако, не упуская из виду милости фортуны, в нужный момент перешел на другую сторону. Английским командиром был граф Пембрук, 25-летний зять короля Эдуарда, он пользовался плохой репутацией и не имел опыта морских сражений. Кастильский флот напал в бухте на его корабли, кастильцы обливали маслом английский такелаж и

палубы и тут же поджигали горящими стрелами. Затем с ютов или «замков», более высоких, чем у противника, они швыряли камни в английских лучников. За два дня сражения английские корабли были сожжены, разгромлены и потоплены. Судно с деньгами пошло ко дну.

Потеря денег ослабила английские позиции в Аквитании, потому что войскам надо было платить. Контроль кастильцев над морем сделал опасной связь с Бордо и, что еще хуже, открыл дорогу к набегам французов на английские берега. Имея это в виду, Карл строил морскую базу и верфь в Руане, откуда самые большие корабли могли подниматься по Сене вместе с приливом. Не дожидаясь, пока французы нападут на него дома, стареющий король Эдуард — ему исполнилось шестьдесят — поклялся сам пойти в море, ибо «с такой мощью он сможет дать бой всей военной силе Франции».

Еще одну флотилию собрали привычным способом — «арестовали» торговые суда вместе с их хозяевами и командами. Король Эдуард взял с собой больного Черного принца и Иоанна Гентского и в конце августа 1372 года готов был сразиться с кастильцами, однако его подвела погода. В течение девяти недель ветры дули в противоположном направлении и поворачивали корабли назад; так флот и простоял в порту, пока не стало слишком поздно. Королю пришлось оставить попытку, которая обошлась ему в огромную сумму, затраченную на провизию, снаряжение, на жалование морякам и военным; торговля в это время не велась, владельцы судов потерпели экономический урон, к тому же нарастало недовольство народа, уставшего от войны.

Средневековые технологии могли создавать архитектурные шедевры — росли здания в двести футов высотой, появились ткацкие станки, производившие ткани с набивным рисунком, лопасти под воздействием ветра вращали тяжелые мельничные колеса, однако пока не удавалось изобрести косое парусное вооружение и поворотные стрелы, способные ставить паруса под ветер. Между тем от этой неспособности ума зависели война, торговля и история.

Морское фиаско косвенным образом повлияло на судьбу третьего английского героя, капталя де Буша. Пока флот Эдуарда пытался отчалить от берега, французы прибирали к рукам Ла-Рошель и ее окрестности. Во время одного из столкновений капталь был взят в плен. Ночью его захватил франко-кастильский десант под командованием Овейна Уэльского (этот протеже французов уверял, что именно он — настоящий принц Уэльский). Капталь отчаянно боролся при свете факела, однако его одолели. Карл, известный своим рыцарством, держал тем не менее капталя в тюрьме, в парижском Тампле, не оказывая ему никаких привилегий и не запрашивая выкуп. Судьба капталя ошеломила рыцарей.

Карлу V важнее была политическая целесообразность, а не рыцарский культ. Он не простил капталю перехода на другую сторону после сражения при Кошереле в 1364 году, когда де Буш, польстившись на предложенные большие деньги, сначала подался к французам, а потом снова ушел. Его сердце принадлежало товарищу по оружию, Черному принцу, а когда в 1369 году война возобновилась, он отрекся от присяги, данной королю Франции, вернул собственность

и воссоединился с англичанами. Карл теперь был намерен вывести его из игры.

Хотя король Эдуард предложил совершить обмен капталя на троих или четырех французских пленников с выкупом в сто тысяч франков, Карл отказался выпустить гасконца, несмотря на то, что когда-то в Мо он спас жену и детей Карла. Когда капталь стал чахнуть, французские аристократы умоляли короля не дать храброму рыцарю умереть в тюрьме, но Карл сказал, что капталь не был сильным воином, потому что сменил много мест службы. Карл соглашался отпустить его, только если де Буш вступит во французскую армию, на что капталь ответил отказом. К королю обратились с петицией, от лица группы выступил де Куси; тогда Карл подумал немного и спросил, что он может сделать. Де Куси ответил: «Сир, если вы попросите его поклясться, что он никогда более не обратит оружие против французов, то вы сможете освободить его, и такой поступок сделает вам честь».

«Мы сделаем это, если он поклянется», — сказал король, но исхудавший и ослабевший капталь заявил, что «никогда не принесет такую клятву, лучше умрет в тюрьме». Такой выбор в пользу свободы означал, что он «никогда не возьмет в руку меч, не сядет на лошадь». Капталь медленно чах, не хотел ни есть, ни пить, постепенно впал в беспамятство и через четыре года, в 1376 году, умер в тюрьме.

Вслед за несостоявшимся походом Эдуарда англичане предприняли еще одну попытку. Собрали новую армию, вероятно, она насчитывала от четырех до пяти тысяч человек, а не десять и пятнадцать тысяч, о которых писали хронисты. Командовал армией Иоанн Гентский, герцог Ланкастерский, без отца и без старшего

брата: оба были неспособны воевать. В июле 1373 года армия дошла до Кале с заявленной целью — освободить Аквитанию. Это был самый долгий и странный военный поход.

Герцог не вызвал французов на решительный бой, хотя в этом отношении англичане обычно превосходили соперника, и не выбрал прямой путь на юг, где он встретился бы с войском Дюгеклена. Вместо этого он пустился в обход, за Париж, и двинулся в долгий мародерский марш через Шампань и Бургундию, через горный массив Оверни. Спустя пять месяцев, одолев почти тысячу миль, он добрался до Аквитании. Вероятно, как и Ноллис, он вознамерился причинить стране наибольший ущерб и хотел отвлечь французов от организации возможного вторжения в Англию. Возможно также, что герцог просто искал рыцарских приключений и добычи, которой он покрыл бы военные расходы, слишком тяжелые для государства.

Проходя по восемь или девять миль в день в обычном трехрядном построении — так было легче прокормиться за счет противника и собрать добычу, — армия громила все на своем пути, провоцируя ответные действия французских рыцарей. Эта тактика провалилась в связи со строгим запретом Карла ввязываться в схватку и в связи с тем, что население попряталось за стенами укрепленных городов. Началась осень с ее холодом и дождями; провизия заканчивалась, лошади голодали и умирали, трудности перешли в невзгоды, а невзгоды — в лишения. Люди герцога Бургундского, следуя за английской армией, подбирали оставших, сопротивление местного населения приносило англичанам все больше потерь; а Дюгеклен устраивал на юге засады. Ноябрь застал англичан на продуваемом

всеми ветрами плато Оверни: потерявшие лошадей рыцари плелись пешком, некоторые побросали проржавевшие доспехи, другие, войдя в Аквитанию, просили милостыню. Измученная армия, добравшаяся в Рождество до Бордо, потеряла половину солдат и почти всех лошадей.

Старая Аквитания оказалась в руках англичан, но хотя она осталась в первоначальных границах, то, что было утрачено, уже не восстановили. К 1374 году договор в Бретињи отменили. У Англии, за исключением Кале, осталось не больше территорий, чем было до Креси. Без финансов у англичан не было возможности содержать территорию, не на что кормить армию. Когда война возобновилась, они не смогли удерживать регионы, население которых было враждебно к ним настроено. Не помогало и военное превосходство, потому что противник уклонялся от открытого боя. В августе 1374 года король Эдуард объявил о готовности заключить перемирие.

Пришло время действовать для обеих сторон. Умница Карл V и Дюгеклен с его оригинальной тактикой выработали стратегию, основанную на прямой антитезе борьбы за честь — главном принципе рыцарства. Хронисты того времени пытались сделать из Дюгеклена идеального рыцаря, а биограф Карла — Кристина Пизанская — славил его за все, кроме реального вклада короля в историю, но на самом деле именно нерыцарские качества этих двух здравомыслящих людей помогли Франции избежать уничтожения. Карл добился в войне своей цели, хотя и за счет разграбленной и измученной страны. После нескольких уверток он согласился послать своих представителей на мирные переговоры в Брюгге.

ГЛАВА 13

ВОЙНА ДЕ КУСИ

Мирные переговоры в Брюгге закончились ничем, потому что англичане намеревались вернуть под свой суверенитет прежние владения во Франции, а Карл V столь же решительно настроился на возвращение Гиени, уступленной в Бретиньи. Его юристы утверждали, что уступка суверенитета не имела законной силы, поскольку нарушала святую клятву феодальной присяги, а посему Черный принц и король Англии виновны в бунте, сравнимом с тем, что устроил против Бога Люцифер. Карл продемонстрировал свою приверженность закону, но на англичан это никакого впечатления не произвело. Чтобы не понапрасну завершить переговоры, которые герцоги Бургундский и Ланкастерский устроили с большой пышностью, заключили перемирие на один год, с июня 1375 года, и при условии возобновления переговоров в ноябре.

Французские бригады, оставшиеся из-за перемирия безработными, снова принялись грабить население, которое они же недавно освободили. Более чем за год до этого, в январе 1374 года, королевское правительство радикальным указом попыталось обуздать вольницу наемников. Указ предусматривал создание системы «легальных» отрядов с фиксированным жалованием и с назначенными королем командирами. Под угрозой наказания они должны были отказаться от грабежей и отвечать за поведение своих людей. Попытка была разумной, но наемники выросли в военную систему,

которую требовалось либо выкорчевать, либо приручить. И в итоге бриганды продолжали грабить население.

Король, крайне обеспокоенный этой ситуацией, обратился к своим советникам. Они отправились к сиру де Куси. Предполагалось, что он станет новым Крысоловом, которому придется вывести из Франции отряды наемников.

Тяжба де Куси с австрийскими герцогами и его намерение продолжить эту тяжбу были хорошо известны. Де Куси мог послужить Франции, не будучи при этом связанным с Англией. Предложение, которое ему сделали управляющий и казначей короля — Бюро де ла Ривьер и Жан Лемерсье, — заключалось в следующем: если он возьмет на службу двадцать пять бригад из разных районов Франции и поведет их против габсбургских герцогов, король выдаст 60 000 ливров на оплату кампании. В особенности королю досаждали свирепые бретонцы, сторонники Дюгеклена и Клиссона, которые продолжали разбойничать и после окончания войны.

У де Куси имелся опыт общения с наемниками в Ломбардии, и он знал об опасностях и ненадежности, которые подстерегали командующего такими отрядами, даже если этот поход сулил замечательные перспективы достижения собственной цели. На тот момент де Куси было 35 лет, и он был достаточно богат, чтобы ссудить деньги герцогу Беррийскому, но не финансировать кампанию против Габсбургов из собственных ресурсов. Де Куси принял предложение.

Среди командиров, вставших под знамя де Куси, был брат коннетабля — Оливье Дюгеклен, который захватывал и разорял земли герцога Беррийского, и его кузен Сильвестр Буд, командир бретонских наемников,

бывших проклятием папы и бедствием Авиньона: они уничтожили даже зерно, которое в 1375 году король прислал населению для спасения от голода. Напрасно папа вел переговоры, умолял, платил, отлучал от церкви. Вот и теперь он заплатил бретонцам 5000 франков и согласился аннулировать отлучение от церкви, если наемники пойдут с де Куси. «Великий ужас» покатился по Бургундии, когда они двинулись на север, к левому берегу Роны. Глашатаи оповещали об их продвижении, города и деревни рассылали гонцов, зовя на помощь. Словно свирепая саранча пронеслась в июле через Шампань, а в августе, заодно с присоединившимися отрядами, бретонцы подчистили Лотарингию и в сентябре вошли в Эльзас, габсбургский домен империи.

Рыцари Пикардии, Артуа, Вермандуа и Эно пришли со своими оруженосцами «с честью послужить» сеньору де Куси. «Честь» в лексиконе рыцарей означала борьбу с другими рыцарями, в данном случае с австрийцами. Эластичность человеческого сознания позволяла чести не тревожиться из-за партнерства с наемниками и бандитами. Среди рекрутов были дядя Ангеррана Рауль де Куси, виконты де Мо и д'Онэ и другие сеньоры, а также знаменитый и деятельный Овейн Уэльский. Отец его был казнен королем Англии, Овейн вырос при дворе Филиппа VI. Отважный, заносчивый, агрессивный, он бился при Пуатье, в 1368 году — в Ломбардии, в Лотарингии воевал за и против герцогов Бара, в Испании сражался сам по себе, а вместе с Дюгекленом участвовал в кампаниях 1370-х годов, во время которых возглавил нападение на Нормандские острова с целью пленения каптала де Буша.

В 1375 году Овейн только что с успехом закончил осаду гарнизона Сен-Совер-ле-Виконт на побережье

Нормандии, где впервые с заметным эффектом была использована пушка. Сорок орудий, больших и малых, метавших шары из металла и кожи, а также и камни, не смогли обрушить стены, однако так напугали защитников, что те не смогли оказать сопротивление. «Они были столь накрыты ядерным градом, что не осмеливались выйти в город или из замка, а оставались в башнях». Даже и в этом случае один снаряд влетел в комнату, в которой лежал в постели больной английский капитан; снаряд несколько раз прокатился вокруг стен и, «словно гром небесный, вошел в его комнату». Англичанин решил, что настал его последний час, но снаряд проломил пол и рухнул в помещение этажом ниже.

По контракту с Ангерраном, заключенному 14 октября 1375 года, этот удивительный Овейн должен был возглавить отряд из четырехсот человек за четыреста франков в месяц и за сто франков для его заместителя. Согласно договору, он не должен был брать к себе в заместители никакого другого капитана и заключать другие союзы, а де Куси, в свою очередь, не мог заключать мир без согласия Овейна. Любой город или крепость, взятые Овейном, должны были быть переданы де Куси, но Овейн в виде выкупа получал добычу и пленников на сумму до двухсот франков. Если стоимость превышала эту сумму, де Куси полагалась одна шестая от этого числа, а если бы в плен попал сам австрийский герцог, Овейн передал бы его де Куси в обмен на 10 000 франков.

Поход, словно магнит, притянул к себе беспокойных рыцарей и даже отвлек сто рыцарей Тевтонского ордена от их ежегодных забав в прусских лесах. Еще не просохли чернила на договоре о перемирии в Брюгге, как

на встречу прискакали английские рыцари, привлеченные лидерством зятя короля Англии. Все были хорошо вооружены, в сверкающих кирасах, блестящих шлемах, в чудесных длинных накидках; и лошади у них были отменные, с серебряными уздечками. Англичан, предположительно, насчитывалось шесть тысяч, их репутация, внушавшая страх, перекинулась и на армию де Куси, в результате чего противник стал называть всех скопом «англичанами» (*Englander*).

Общая численность войска, хотя и не слишком точная, соответствовала разным прикидкам — сорок, пятьдесят, шестьдесят и даже сто тысяч. Если судить по количеству капитанов, то, возможно, их было около десяти тысяч (сравнительно с армией, которую привел в Испанию Дюгеклен). Эльзасская хроника упоминает 16 000 рыцарей «в шлемах и капюшонах». Остроконечные шлемы и широкие капюшоны тяжелых накидок от холода упомянуты во всех документах. Прозванные *Gügler* (от швейцарско-германского «капюшон», или «острие»), шлемы эти дали название и вторжению — «война гуглеров».

Перед походом де Куси на случай смерти позаботился о своей душе. С большим размахом, соответствовавшим его положению, в аббатстве Ножан-су-Куси он заказал для себя, для своих предков и для потомков две мессы «каждый день и на неограниченный срок». Эти распоряжения, как и у большинства аристократов его круга, были четкими и ясными, не оставлявшими разнотолков. Молитвы должны были совершаться перед образом Богородицы в часовне, уже предназначенной для будущего захоронения Ангеррана и его жены. Сто ливров в год положены были на содержание монахов и отправление богослужения.

Деньги на это следовало брать из «пожизненной» ренты и из талы — де Куси взимал этот земельный налог с отдельных городов, рассчитывая его до су, например 50 ливров с одного города, 45 ливров и 10 су с другого, 4 ливра и 10 су с третьего. Как и его современники, де Куси полагался на постоянство без каких-либо изменений. Впоследствии он позволил монахам Ножана ловить рыбу в реке Эйле на конкретном участке — от Рю де Брасс до Пон-Сен-Мар.

Основательное завещание де Куси отличалось от поспешно составленных документов других дарителей. Каптал де Буш, к примеру, в 1369 году отказался от присяги на верность Франции и, очевидно, почувствовал, что за это надо расплатиться, а потому составил завещание, в котором распорядился отдать 40 000 золотых экю на проведение 50 000 месс. Все эти мессы должны были отслужить в год его смерти, плюс к этому де Буш оставил средства на постоянно горящие лампы и дополнительные богослужебные обряды.

К таким обрядам относились пожертвования на помин души, рассчитанные на период в тридцать или пятьдесят лет, а то и бессрочно, поминались обычно родственники дарителя, предусматривалось жалование священнослужителей и доход церкви. Неженатые священники могли жить на пожертвования, и, как обычно все предполагали, вести ленивую и распутную жизнь. Принцесса Уэльская содержала троих священников, в чьи обязанности входило лишь чтение молитв за ее усопшего первого супруга.

Сборная армия шесть недель, с октября и по ноябрь, грабила Эльзас, а де Куси все еще не приступал к своим

командирским обязанностям. Эта отсрочка в ту странную зимнюю войну — первая загадка среди многих, которые не могут быть распутаны, потому что хроники изобилуют пропусками и противоречиями. Уж не сознательно ли он медлил, чтобы измучить наемников зимними тяготами? Тот факт, что Дюгеклен в 1365 году тоже до декабря не начинал свой поход через Пиренеи, указывает на закономерность. Де Куси явно собирался довести войну с кузенном его матери Леопольдом до победы, а потому не хотел понапрасну вести свою армию через Юру, чтобы не потерять ее в заснеженных горах.

В конце сентября он написал герцогу Брабантскому, имперскому наместнику Эльзаса, и сообщил ему о намерении вернуть себе Брайсгау, Зундгау и маленькое графство Феррет, на что получил заверение, что империя не станет противодействовать его желанию добиться справедливости. Чтобы сделать свою войну справедливой и отделить себя от обычного командира отряда наемников, де Куси написал также в эльзасские города Страсбур и Кольмар и заверил в том, что ничем им не угрожает, напротив, он хочет, чтобы они помогли ему вступить в свои законные права, и он объяснит свое дело, если они того пожелают. Его письма не потребовали ответа, потому что отряды наемников в городах уже творили бесчинства.

Если крики ужаса в местных хрониках представляют собой доказательство, то более страшной резни, чем в Эльзасе, еще не бывало. Сорок деревень в Зундгау были ограблены и уничтожены, жители Ватвилера убиты без всякого снисхождения, мужчин и женщин захватывали, чтобы они исполняли все прихоти бандитов, францисканский монастырь Тан сожгли дотла, женский монастырь Шоненштайнбах разрушен столь

основательно, что монахи из него бежали, а монастырские земли расчистили лишь спустя двадцать лет. Наемники занимались своим обычным делом: богатые платили им деньги, отдавали лошадей и хорошие ткани, а бедняки — обувь, лошадиные подковы и гвозди. Когда наемников спрашивали о цели кампании, некоторые капитаны отвечали, что они пришли за «шестьюстами тысячами флоринов, шестьюдесятью жеребцами, годными для войны, и шестьюдесятью платьями из золотой парчи». Епископ и магистраты Страсбура заплатили по три тысячи флоринов, чтобы спасти город от нападения. В одном месте крестьянам удалось убить двадцать наемников, за что на них обрушилась такая кара, что крестьяне отчаялись и бежали, бросив свои дома.

Поначалу командиры, получавшие жалование от де Куси, попытались поддерживать дисциплину, и некоторые капитаны почти каждый день вешали преступников, стараясь остановить бесчинства. Однако на людей, привыкших к беззакониям, казни не подействовали, и насилие продолжалось.

Перед лицом вторжения Леопольд воспользовался той же стратегией, что и Карл V: он приказал эльзасцам уничтожить все, что могло помочь врагу — не давать крова и еды и прятать вещи и провизию, имевшиеся в городах и замках. Как и Карл, он приказал укрепить города и замки, способные к обороне, а остальные снести и сжечь окрестные деревни. На бумаге эти приказы легко исполнялись, а на практике можно представить себе отчаяние крестьянина, уничтожающего свой дом и плоды своего труда, которые худо-бедно могли прокормить его

в следующем году. До какого предела доходили решительные меры, трудно вообразить.

В отсутствие достаточных сил для противодействия войску де Куси Леопольд удалился в крепость Брайзах на Рейне, рассчитывая на сопротивление полагавшихся на свои силы швейцарцев, которые не собирались позволять врагу продвинуться еще дальше. Из собственного болезненного опыта он знал способность швейцарских подданных к борьбе.

Сопротивление в начале века настоящего или легендарного Вильгельма Телля австрийскому наместнику Геслеру персонифицировало борьбу против габсбургской тирании. Дважды после этого за шестьдесят лет швейцарцы наносили позорное поражение габсбургской кавалерии. В битвах при Моргартене и Лаупене в 1315 и 1339 годах победы пехотинцев над рыцарями-всадниками стали достоянием военной истории. В битве при Моргартене в лесу кантона Швиц швейцарцы укрылись над горной тропой и стали сбрасывать вниз на рыцарей булыжники и бревна, когда те ехали по ущелью, а затем накинута на ошарашенную колонну и стали резать их, «словно овец в загоне». Они не давали пощады, потому что не ждали выкупа, и одержали победу, потому что место для сражения выбрали именно они, а не противник. Рыцари твердили потом, что в поражении виновата местность, и на самом деле кавалерии в горах было не развернуться, но не меньшую роль сыграл воинственный дух кантонов, желавших добиться независимости Швейцарии.

В поражении при Лаупене на открытом горном склоне нельзя было сослаться на местность. К бернцам присоединились люди из лесных кантонов под

командованием местного рыцаря. Они заняли позицию на горе, куда пришлось подниматься габсбургским рыцарям. Швейцарцы, пусть и окруженные, сформировали фалангу в виде «ежа», она стояла на месте и не допустила продвижения противника. Пока швейцарцы врукопашную сражались с рыцарями, разя тех своими алебардами, резерв напал на аристократов с тыла и разбил их наголову. С поля вынесли семьдесят шлемов с плюмажем и двадцать семь знамен. Хотя с той поры прошло тридцать лет, гуглеры вели себя осторожно.

Швейцарцы вяло отреагировали на призыв Леопольда выступить против де Куси. Габсбургов они ненавидели еще больше, чем агрессоров. Три лесных кантона в центре страны отказались от военных действий. Во главе со Швицем, самым отважным из трех кантонов, давшим родовое имя будущей нации, они заявили, что не хотят жертвовать собой ради защиты владений Леопольда против сира де Куси, который ничем их не обидел. Они предпочитают оставаться «наблюдателями», разве только им не придется защищать себя от победителя, если тот слишком разойдется. Тем не менее Цюрих вместе с Берном, Люцерном и Золотурном согласились защищать Аргау, район, примыкающий к Эльзасу вдоль реки Ар, поскольку тот соприкасался с их границами и был их «рубежом».

Примерно в день святого Мартина, 11 ноября, де Куси прибыл в Эльзас вместе с полуторатысячным отрядом, чтобы возглавить армию. Приближалась зима, территория была сильно разрушена, и ни провизии, ни фуража не достать. Описание событий в хрониках в этот критический момент необъяснимо искажено, несмотря на то, что Фруассар излагает их, выслушивая рассказ де Куси. Мятежные капитаны, согласно Фруассару, созвали

собрание, на котором обвинили де Куси в том, что он их обманул. «Как так? — кричали они. — Это что же, австрийское герцогство? Сир де Куси сказал нам, что здесь одни из самых плодородных земель на свете, а мы видим, что они бедны. Он нас подло обманул. Если мы перейдем через Рейн, то не вернемся, потому что умрем или нас возьмут в плен наши враги германцы, а это люди, которым неведома жалость. Вернемся же во Францию, и да будет он проклят».

Подозревая грядущее предательство, де Куси заговорил мягко: «Сеньоры, вы взяли мои деньги и мое золото, и теперь я в долгу перед королем Франции, а вы связаны клятвой, вы согласились участвовать в этой кампании. Если это не так, я стану самым бесчестным человеком в мире». Но отряды отказались идти вперед, бандиты ворчали, что Рейн слишком широк и без кораблей через него не перебраться, к тому же им неизвестно, какие дальше дороги, и «никто, в отличие от вас, не позовет солдат из хорошей страны».

На самом деле, чтобы войти в Аргау, не было нужды переплывать Рейн, изгибающийся под прямым углом к Базелю, но в глазах наемников река выглядела грозно. Мир, по которому передвигался наемник, имел неясные очертания, как и политическая цель, ради которой его использовали. Понапрасну де Куси пытался убедить солдат, что за темными горами, которые наемники видели впереди, они найдут хорошую землю. Леопольд направил де Куси послание, в котором предложил Ангеррану одно из спорных владений, — графство Феррет, приносящее двадцать тысяч франков дохода в год; однако предложение было отклонено, де Куси и его советники сочли эту «подачку» неприемлемой.

Убедившись, что наемники дальше не пойдут, Ангерран, по версии Фруассара, «впал в великую меланхолию» и, «посоветовавшись сам с собой как с мудрым и дальновидным рыцарем», решил, что, не дождавшись обещанного жалования, наемники продадут его австрийскому герцогу, а «если его отдадут германцам, свободы ему не видать». По совету друзей он решил, что лучше будет вернуться во Францию. В компании двух людей, переодевшись, он тайно уехал под покровом ночи, и два дня уходил от опасности, пока самые близкие его соратники не узнали, куда он подевался. Когда он добрался до Франции, король и его братья были «очень удивлены, потому что думали, что он в Австрии, и в первый момент им показалось, что они видят перед собой трех призраков». Когда Ангеррана попросили объяснить, де Куси без труда ответил, «ибо он был красноречивым человеком, и у него имелось правдивое оправдание». Он рассказал королю и герцогам обо всем, что случилось, и тем «стало ясно, что он прав, а во всем виноваты отряды наемников».

Тот факт, что ничего подобного не произошло, иллюстрирует проблему, связанную со средневековыми хрониками. На самом деле де Куси и наемники вошли в Аргау, покинув Эльзас 25 ноября, в день святой Екатерины, и проследовали к Базелю, где за три дня показали горожанам свою силу, так что ни у кого и желания не возникло дать им отпор, и армия направилась к Юре. Епископ Базеля разрешил им свободный проход, как считают, из ненависти к Берну.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что темный пурпур Юры — это сосны, покрывающие низкую горную цепь. Передвигаясь вдоль ручья, бегущего в обратном направлении, к Франции, солдаты перебрались

через вершину, прошли по горным тропам Хауэнштайна и Бальсталя, спустились в долину, а по пути грабили и разрушали маленькие поселения, пока не достигли Ара, широкого притока Рейна, служившего границей Аргау. Сопrotивление им оказали незначительное, поскольку владельцы местности покинули ее еще до вторжения и вместе с Леопольдом нашли себе надежное убежище, а потому армия де Куси без особого труда захватила замки и старинный деревянный мост в Ольтене.

По призыву Леопольда бернцы двинулись было наперерез противнику, но, увидев, что нобили покинули территорию, развернулись в негодовании и пошли домой. Жители Аргау в страхе побросали оружие, бежали из деревень и попрятались в городах, оставив гуглерам села. Возмущившись непослушанием бернцев, Леопольд встретил врага страшными разрушениями. Его приспешники сожгли колосившиеся поля, повалили деревья и оставили после себя такое опустошение, что деревенькам всю зиму приходилось отгонять вышедших из леса голодных волков. Озлобленные люди высмеивали австрийцев — те, дескать, «разлеглись на Рейне — безопасно, точно в сундуке». Они обвиняли графа Рудольфа Нидау и других представителей местной знати в том, что те открыли путь армии, которая разоряет кантоны.

Люди де Куси подчистили все, что могли найти. Разделившись на три группы, они все глубже заходили в Аргау — туда, куда гнали их голод и жажда наживы. Де Куси разместил свой штаб менее чем в пяти милях к востоку от реки, в аббатстве Святого Урбана. Тылом аббатство было обращено к поросшим сосной холмам, а лицом — к широким полянам. Если судить по аббатским хроникам, де Куси пробыл там восемнадцать дней. Более

важные города Аргау стали залогом за невыплаченную часть приданого его матери. Сумей он взять эти города, его личная цель была бы достигнута, но рассредоточение армии и мощь крепостных стен помешали этому. Он сделал не больше того, что сотворил во Франции Эдуард. Даже маленький город Бюрен в долине Ара выдержал осаду, которую возглавлял лично де Куси, хотя правитель городка граф Нидау был наказан за свое двурушничество: когда он высунул из окна голову, его сразила вражеская стрела.

В декабрьские холода, охотясь маленькими группами в поисках пропитания, отряды Ангеррана подошли к Цюриху и Люцерну. Небольшая численность отрядов делала их уязвимыми, к тому же преступления наемников провоцировали швейцарцев на сопротивление. В Швице, возле озера Земпах, в горном районе Энтлебух, крепкие крестьяне, гордившиеся древними привилегиями, собрали отряд из нескольких сотен человек, готовых к отпору. Вдохновленные их примером, некие молодые парни из Люцерна проигнорировали запрет магистратов, перебрались ночью через стену и присоединились к ополчению вместе с другими людьми из соседних городков. 19 декабря группа числом около шестисот человек окружила городок Буттисхольц, где стояли на постое три тысячи гуглеров. Швейцарцы атаковали и убили триста человек, а тех, кто попрятался в церкви, сожгли заживо. Остальные пустились в бегство. Жители Энтлебуха, празднуя победу, забрали с собой захваченное оружие и другие трофеи и двинулись назад, в горы. Увидев их, аристократ, не принимавший участия в битве, насмешливо выкрикнул из своего замка, обращаясь к горцу, ехавшему на боевом коне и успевшему надеть на

себя шлем и кирасу мертвого рыцаря: «Такое облачение впору рыцарю благородных кровей, а не виллану». Всадник не затруднился с ответом: «Сир, сегодня мы так смешали кровь нобилей и лошадей, что уже и не скажешь, кому что принадлежит». На месте, где произошла эта битва, воздвигли памятник, отмечающий разгром гуглеров (*Niederlage der Gügler*).

Услышав эту новость, «медвежий» город приободрился. За шесть дней бернцы и жители соседних городков, в том числе Нидау и Лаупена, собрались под руководством магистрата Берна. В рождественскую ночь в Йенсе, что в пятнадцати милях от Берна, ополчение застало врасплох бретонцев, погибли еще триста гуглеров, и хотя собственные потери бернцев были невелики, на следующую же ночь они ушли оттуда.

На сей раз целью бернцев стало аббатство Фраубруннен, где с большим отрядом квартировал некто-нибудь, а Овейн Уэльский. В морозную ночь 26 декабря горожане вышли со знаменем с изображением медведя и до рассвета окружили аббатство. Оглашая пространство громкими боевыми кличами, они подожгли факелами здания, где спали «англичане», и убили многих, те даже не успели проснуться. Остальные вскочили, схватили оружие и принялись отчаянно защищаться. Монастырь, привыкший к торжественной тишине, огласился криками и лязгом оружия, воины бились — рана за рану и удар за удар. Дым и пламя заволкли все здания аббатства. Овейн с дикой яростью размахивал мечом, командир бернцев Ханнес Ридер был убит, однако его люди обратили гуглеров в бегство. «Ате, кто бежал, были повержены, а те, кто остался, сожжены». Овейну удалось бежать, но восемьсот его людей остались лежать на поле боя. Швейцарцы тоже

понесли тяжелые потери, но те, кто выжил, вернулись в Берн со славой. Среди захваченных знамен, до сих пор выставленных в городе, есть красно-белый стяг, запачканный и порванный. Предполагают, что он принадлежал де Куси.^[9] Был ли Ангерран лично во Фраубруннене? Присутствие его документально не зафиксировано, хотя такая возможность не исключена.

Берн объявил о ежегодном сборе благодарственных пожертвований; песни и хроники воспевали победу над ненавистными наемниками, так долго измывавшимися над правоверными христианами. Баллады рассказывали о том, как «рыцарь де Куси с сорока тысячами бойцов в остроконечных шлемах» отправился в поход, чтобы захватить замок и город; он «решил, что вся земля его, и привел с собой сородичей из Англии, чтобы те ему помогли», «пришел в своем золотом шлеме герцог Иво из Уэльса»; епископ из Базеля коварно пообещал помогать гуглерам, и когда наконец герцог Иво пришел во Фраубруннен,

Рассвирепевший медведь взревел:

«Ты вторгся в мой исконный предел,

И за это я возьму тебя силой»,

И вскоре все вдовы заголосили:

«Этот медведь — коварный, сильный и злой.

⁹ В Историческом музееерна считают, что это знамя в XV веке воспроизведено с оригинала. Бернар Осьен предполагает, что его, возможно, захватили в 1388 году, когда швейцарцы отвоевали Нидау, переданный короной де Куси по окончании похода в Аргау.

О мужи, в Берн более ни ногой!»

Позднее история вторжения де Куси была описана без лишних эмоций, хотя и неточно, на каменной стеле, воздвигнутой во Фраубруннене:

В поисках приданого возлюбленной
супруги,

Которое дал за нею австрийский брат,
Английский вождь Куси повел за море
могучие силы.

Рыцарь нещадно разорял чужие земли.

В этом месте, на этом склоне, граждане
Берна

Уничтожили вражеский лагерь и убили
В кровопролитной схватке многих людей.

Да защитит всемогущий Бог Медведя

От нападений и тайных происков врага.

В военных песнях и памятниках звучит голос пробудившейся гордости и уверенности народа в собственных силах. Битвы при Буттисхольце, Йенсе и Фраубруннене, состоявшиеся в рождественскую неделю 1375 года, хоть и не уничтожили гуглеров, но нанесли им значительный урон, если принять во внимание размер этих городков. Одержанные победы придали сил швейцарцам, боровшимся против Габсбургов, и подготовили их к решительному сражению при Земпахе, которое произойдет через одиннадцать лет. В том сражении Леопольд был убит, но Габсбурги удержали

кантоны, пусть и разрушенные. Окончательная победа конфедерации будет одержана лишь через сто лет. В строительстве нации поход де Куси сыграл несчастливую роль, сходную с побоищем, которое устроил в Лиможе Черный принц. И даже если столкновения, спровоцированные де Куси, укрепили способность простых людей постоять за себя, то урок этот не вышел за пределы Швейцарии, разве только в какой-то степени его усвоили фламандцы. Другие же попытки гражданской борьбы, такие как Жакерия, были подавлены.

После Фраубрунна де Куси вынужден был вернуться во Францию. Леопольд воевать отказывался, а де Куси так и не смог получить свое наследство. Не мог он и держать в студеную пору отряды наемников в сожженной, пустой стране; к тому же после поражений солдаты пребывали не в лучшем настроении. Как Эдуард, как Ланкастер, как любой агрессор своего времени, де Куси отправился в путь, не обеспечив армию продовольствием, вот и результат у него оказался тем же. Мрачные повторения истории нигде не были так очевидны, как в войне гуглеров. Привычка становится особенно цепкой в эпоху застоя, когда все происходит, как и в Средние века.

Вывод войска из Эльзаса в январе сопровождался голодом и стужей. Солдаты падали замертво, либо дезертировали, бросали оружие и упряжь и оставляли умирать голодных лошадей. Более сильные продолжали грабить население. Люди запирали городские ворота на засов, опасаясь погромщиков, и надеялись на помощь Девы Марии. Жители Альткирха, решившись сразиться с гуглерами, готовившими нападение, поджидали на

крепостной стене сигнала для начала боя, и ночное небо, словно полярное сияние, озарилось вдруг яркими огнями. Убежденные в том, что их заступница, Святая Дева, сообщает о своей помощи, воодушевленные горожане перешли в наступление. Небесное покровительство произвело на противника не меньшее впечатление, но с противоположным знаком: гуглеры обратились в бегство.

Впоследствии в Ваттвилере, городке, находившемся на расстоянии дня езды от замка Леопольда в Брайзахе, австрийские герцоги и де Куси подписали соглашение. Согласно этому документу от 13 января 1376 года австрийцы уступали де Куси феод покойного графа Нидау, включая город Бюрен, а де Куси отказывался от других своих притязаний. Представлял ли де Куси существенную угрозу, готов ли он был силой отнять это графство или обо всем договорились заранее, чтобы де Куси ушел восвояси, так и не выяснено. В любом случае, домой он удалился не с пустыми руками.^[10] В январе-феврале нестройной толпой наемники двинулись назад. Де Куси удалось вывести наемников из Франции лишь через полгода, дольше, чем это делал Дюгеклен в 1365 году, когда выводил войско из Испании.

В феврале король Карл срочно призвал к себе де Куси вместе с маршалом Сансером, Оливье де Клиссоном и несколькими рыцарями, служившими ранее с гуглерами; он хотел, чтобы Ангерран возглавил операцию против бывших «коллег», продолжавших грабежи в Шампани. Сир де Куси, «рыцарь-знаменосец с двумя рыцарями-бакалаврами и семью оруженосцами из

¹⁰ Если судить по швейцарским источникам, уступка была сделана лишь десять лет спустя, когда Леопольду понадобилась поддержка де Куси против Швейцарии в борьбе, которая привела к Земпаху.

его дома» и маршал Сансер взяли с собой Клиссона и 200 солдат и повели их «против нескольких бригад, только что вернувшихся с границ Германии». Судя по всему, эта операция завершилась успехом. К марту бретонские бригады снова появились на Роне, а в мае их нанял папа для возобновления войны в Италии.

Англо-французские переговоры в Брюгге, возобновленные в декабре 1375 года в присутствии герцогов, кардиналов, коннетабля Дюгеклена и других знатных персонажей, исчерпали себя в многочисленных обсуждениях требований закона, в показном остроумии, в турнирах, празднествах и банкетах и привлекли еще больше внимания, чем на предыдущих слушаниях, пока все не пресытились. Диспут о спорных территориях и суверенитете сделался и того запутаннее после того, как Карл потребовал от Эдуарда возмещения за нанесенный войной ущерб. Соглашения достичь не удалось, просто заключили перемирие еще на год. И снова Карл, хотевший «доброго мира», вспомнил о сире де Куси, чьи связи с Англией позволяли «договориться о мире между двумя королями».

Еще до похода де Куси на австрийских герцогов беспокойная его супруга Изабелла уехала домой, в Англию, и покинула Францию на несколько месяцев. Судя по многочисленным подаркам и денежным суммам, которые обрушил на нее король, Эдуард по-прежнему не чаял души в своей дочери. Одряхлевший король находился и под не менее сильным влиянием красивой и вульгарной любовницы Алисы Перрерс. Он подарил ей платья и драгоценности покойной королевы, а Алиса под весьма показательным титулом «леди Солнце»

разъезжала по Лондону в пышной карете. В предыдущий визит Изабелла не стала проживать во дворце рядом с той, что заступила на место ее матери, однако сейчас дочерняя любовь взяла верх над щепетильностью, хотя, может быть, Изабелла дожидалась новых даров. Король оплатил долги и расходы дочери, выдал жалование ее слугам и простил троих преступников, за которых просила дочь, включая того, кто убил слугу другого человека. Письменные свидетельства не сообщают, почему Изабелла была в этом заинтересована. Свету она была представлена «лично королем», по этому случаю она надела алый наряд, капюшон и рукава платья были подбиты горностаем. В день святого Георгия королевская дочь щеголяла в новом платье такого же стиля; на Рождество Изабелла и ее дочь Филиппа нарядились в бархатные платья, отороченные горностаем (Мария, как наследница де Куси, оставалась во Франции).

Внучка короля Эдуарда, восьмилетняя Филиппа, была заметным персонажем: в четыре года ее обручили с Робертом де Вером, Девятым графом Оксфордом, на ту пору десятилетним мальчиком. В связи с этим альянсом Филиппа обрела титул графини Оксфорд. На Новый год Эдуард подарил Изабелле полный набор церковных принадлежностей и два седла, одно из них было покрыто алым чепраком, расшитым золотыми фиалками, а на другом были вышиты золотые и медные солнца. Изабелла охотилась в Виндзоре, стреляла из лука вместе с двенадцатью дамами, каждую из них ей представил король, и можно не сомневаться, что в январе 1376 года она с неохотой вернулась во Францию, куда в это же время из Аргау приехал де Куси. В апреле Изабелла готова была снова ехать домой. И в этом месяце де Куси

попросил позволения у французского короля навестить Англию вместе с женой.

Со времени возвращения из Аргау друзья де Куси побуждали его стать «добрым и истинным французом». По словам Фруассара, они говорили, что если уж делать выбор, то у де Куси нет необходимости терять наследственные земли, потому что король Англии не ждет, что Ангерран бросит свои куда более обширные французские владения, тем более что он француз «по имени, крови, гербу и происхождению». Поскольку де Куси и сам чувствовал себя обязанным французскому королю и испытывал благодарность за то, что Карл финансировал его австрийскую экспедицию, у него не возникало желания в случае возобновления войны снова оставаться в вынужденном и трудном нейтралитете. Де Куси должен был принять решение. Но он надеялся во время визита решить вопрос со своими английскими землями и источниками дохода. Его английская жена, горячо любившая родину, наверняка стала бы возражать против отречения от родного дома. Тем не менее ее супруг, мысленно принимая новое назначение, в уме уже сделал свой выбор.

«Поскольку он считался одним из мудрейших и рассудительных нобилей... в ком никто бы не заметил недостатка благородства и верности, то ему сказали: „Сир де Куси, желание короля и его советников состоит в том, чтобы вы остались с нами, во Франции, ведь вы можете помочь и посоветовать нам в отношениях с англичанами. Поэтому мы просим, чтобы визит ваш был осторожным и разумным, вы ведь сами знаете, как это сделать, узнайте у короля Англии и его советников, на

каких условиях может быть заключен мир между нами"». И де Куси поспешил в Англию.

ГЛАВА 14

АНГЛИЙСКАЯ СУМАТОХА

Де Куси приехал в Англию в апреле 1376 года, когда недовольство англичан дошло до точки кипения и Добрый парламент объявил импичмент нескольким министрам. В этот исторический период монархия обнаружила, что у народа закончилось доверие к правительству, поскольку оно не способно ни выиграть войну, ни ее завершить.

Неудача с заключением мира в Брюгге ознаменовала высшую степень публичного осуждения коррумпированных королевских чиновников. Народ был недоволен бездарной войной, неумной военной стратегией, возмущен растратой и присвоением собранных с населения налогов. Такие же неприятности за двадцать лет до этого побудили третье сословие предъявить иск французской монархии. В Англии воспользовались той же возможностью, когда короне потребовалась новая субсидия на заключение очередного годового перемирия. Парламент собрали в апреле и, когда прибыли лорды, Лондон уже буквально вибрировал из-за «великого народного ропота».

При дворе сира де Куси с супругой встретил радостный прием, однако они тут же оказались в гуще народного гнева, направленного на королевскую семью и сфокусированного на брате Изабеллы, Иоанне Гентском, известном как герцог Ланкастерский. Поскольку принц был болен, а король впал в детство, Иоанн стал в глазах

широкой публики козлом отпущения в королевском правительстве и виновником всех бед страны.

Семьдесят четыре рыцаря от графств и шестьдесят бургов представляли собой Общины Доброго парламента. Действуя при некоторой поддержке лордов, они потребовали рассмотрения 146 претензий, мол, только после этого они дадут согласие на сбор налога. Главным их требованием было увольнение продажных министров вместе с любовницей короля. Алису называли и продажной женщиной, и ведьмой. Кроме того, Общины потребовали ежегодного созыва парламента, свободных выборов, а не назначения министров, и представили длинный список ограничений в судебной практике и деятельности правительства. Две самые большие претензии были обращены не против правительства, а против злоупотреблений чужеземного клира и против несоблюдения законов о рабочих. Эти проблемы имели большое значение: одна из них привела к разрыву с Римом, а другая — совсем скоро — окончится крестьянским восстанием.

Энергичная и ликующая Англия после победы при Пуатье, та Англия, которую знал де Куси, превратилась в печальную и раздраженную страну. Гордость одержанными победами и богатством от выкупов растаяла, как дым, жизнерадостная энергия и уверенность потонули в ссорах и пустом времяпрепровождении, расширившаяся было империя заметно ужалась, английский флот с позором выставили из Ла-Манша, на границе не унимались воинственные шотландцы — Эдуард воевал с ними даже дольше, чем с французами. Герои Англии — Генри Ланкастер, Чандос, принц Уэльский — были мертвы или умирали; добрую королеву сменила проститутка, о которой говорили, что

она взяла власть над королем, восстановив его сексуальную силу с помощью черной магии. Некогда энергичный Эдуард, смотревший с мельницы в Креси на свое победоносное войско, превратился в ослепленного страстью старика, ставшего «не умнее восьмилетнего ребенка». Высокие достижения обратились в потери, и каждую потерю оплачивала подорванная торговля и поднятые налоги. После пятидесяти лет войны люди сожалели о напрасно потраченных усилиях и понимали, что страной управляют не так, как следует.

Англия подхватила заразную болезнь — беззаконие, а война распространила ее по всему континенту. Солдаты, возвращавшиеся с войны без трофеев, сбивались в банды и жили грабежами или становились вассалами рыцарей, владения которых в результате чумы тоже обеднели. Целое поколение, начиная от взятия Кана — первой победы Эдуарда — и заканчивая походом в Аргау, привыкло к грабежам и тащило добро домой. Согласно жалобам, поданным в парламент, мужчины сбивались в шайки, даже те, кто состоял на службе у рыцарей. Они «разъезжают по стране», захватывают имения и земли, насилуют женщин и молоденьких девушек, увозят их в другие графства, «мужчин избивают и калечат, отнимают их жен и их добро», похищают людей с целью выкупа, а «иногда они предстают перед судом в таком виде и ведут себя так непотребно, что судьи пугаются и боятся исполнить закон». Они устраивают бунты, совершают «ужасные проступки», а потому страна, «к великому недовольству и огорчению людей», пребывает в полном беспорядке. Королевское правосудие не делало серьезных попыток справиться с этим, потому что король зависел от военных

отрядов нобилей, которые и были ответственны за беспорядки.

Развал правосудия был главной причиной недовольства Общин. В «Видении о Петре Пахаре», аллегорической поэме, впервые появившейся в 1377 году, Мир жалуется на Неправду, воплощенную в лице королевского офицера, — он увел лошадей крестьянина и забрал зерно, Мир говорит, что не может подать на него в суд, потому что «Неправда велит своим людям убить меня». Процветало беззаконие и на частном уровне. «Скажите мне, — спрашивал сторонник Общин, епископ Рочестер, — почему в Англии столь много грабежей остается ненаказанными, в то время как в других странах убийц и воров вздергивают на виселице? В Англии земля наводнена убийствами, и люди, не задумываясь, проливают кровь».

Среди свободных крестьян беззаконие нарастало потому, что из-за сокращения численности населения поиски более высоких заработков приводили людей к постоянному конфликту с законом. Статут о наемных работниках, изданный в мире, верившем в постоянство, по-прежнему сохранял уровень заработков, существовавший до чумы; закон был слеп к спросу и предложению. Поскольку трудно было запретить переход работников от одного нанимателя к другому, количество наказаний постоянно росло. Нарушители, которых не удавалось поймать, объявлялись вне закона. Свободные крестьяне переходили к кочевому образу жизни. Из страха перед судебным преследованием они оставляли родной дом и скитались с места на место в поисках поденной работы и приличных заработков, а если таковых не находили, то опускались до воровства или попрошайничества. Так разрушались социальные связи,

бедные люди испытывали классическую вражду к властям, вроде ненависти Робин Гуда к шерифу Ноттингемскому.

Легенды о Робин Гуде приобрели популярность у простолюдинов, но не у господ и не у солидных торговцев. Те жаловались, что «негодные» работники и слуги уходят, когда им вздумается, а «если хозяева ругают их за плохую работу или предлагают платить им в соответствии с законом, то вовсе уходят и срываются с места... живут, как бандиты, и на пару или втроем грабят в деревнях бедноту».

Землевладельцы шли на многие уступки, лишь бы оставить крестьян на земле; города звали скитальцев восполнить недостаток ремесленников, но те становились только агрессивнее и независимее. Люди были очень обозлены, подстрекали других на бесчинства и, согласно Ленгленду, когда их доходы возрастали, придирались к еде. «Работники, что не имеют земли, чтобы жить ею, но только руки, не соглашались есть за обедом вчерашнюю капусту; не нравился им ни эль за пенни, ни кусок ветчины. Требовали жарить только свежее мясо или рыбу, ели лишь теплое или совсем горячее, чтобы не простудить себе желудок. Рабочего можно нанимать лишь за высокую плату — иначе он станет браниться и оплакивать то время, когда он сделался рабочим». Сбиваясь в шайки заодно с вилланами и ремесленниками, работники научились бастовать против нанимателей, собирали деньги для совместной защиты, устраивали большие бунты и договаривались помогать друг другу в сопротивлении хозяевам. Подрастало поколение, готовое выступить против тирании.

Возвращение в 1374–1375 годах «Черной смерти», той самой эпидемии, что ускорила отъезд де Куси из Ломбардии, осиротило еще больше домов и снизило поступление налогов. Повторение чумных вспышек имело кумулятивный эффект — оно способствовало сокращению численности населения и погрузило столетие во мрак. Письменные свидетельства сообщают, что при сборе подушного налога в 1379 году четыре деревни Глостершира ничего не сдали; в Норфолке шесть столетий спустя деревенские жители, посещая друг друга, увидели, что пять маленьких церквей стоят пустыми, заброшенными с XIV века. Однако, как и раньше, количество смертей было величиной непостоянной, и не ощущалось недостатка в охочих до земли сыновьях, бедных родственниках и безземельных крестьян, готовых взять оставшуюся без владельца собственность и приступить к возделыванию земли.

Беспокоили общественность и религиозные волнения, и эти настроения выразил оксфордский теолог и проповедник Джон Уиклиф. С исторической точки зрения, это был самый выдающийся англичанин своего времени. Материализм церкви и светскость ее представителей были известными претензиями, общими для всей Европы, но особенно остро они ощущались в Англии, враждебно настроенной к иноземному папству. Как и повсюду в Европе, всем хотелось ограничить светскость церкви, очистить дорогу к Богу, засоренную деньгами, пошлинами и жертвоприношениями. В Уиклифе политические и духовные устремления английского протестантизма сошлись и слились в философию и программу.

Тридцатишестилетний магистр Баллиола подогревал антиклерикализм и заслужил внимание публики своими прочувствованными проповедями. Обличая проникший в церковь «вирус» мирского, он развивал опасные мысли Марсилия Падуанского и Уильяма Оккама, возглавил борьбу англичан против верховенства папского закона над королевским двором и возражал против выплаты налогов папству. В 1368 году, в должности королевского капеллана, он поехал на переговоры с папой в составе королевской свиты.

В год приезда де Куси Уиклиф метафорически прибил к двери храма свои тезисы в виде трактата «О гражданской власти»; а документ этот предлагал не больше не меньше, как отъем церковной собственности и исключение священников из правительства. Вся власть, говорил Уиклиф, происходит от Бога, а решением земных вопросов должны заниматься гражданские власти. Путем логических построений, в острой полемической борьбе, заполненной ссылками на «вонючие» монашеские ордена и на антихристов от церкви, он пришел к радикальному утверждению — духовенство в качестве посредника между человеком и Богом следует устранить.

Специфические взгляды Уиклифа отражали как национальные интересы, так и народные чаяния. Десятилетиями парламент жаловался на то, что иностранные владельцы богатых церковных приходов, такие как высокомерный кардинал Талейран-Перигор, вытягивают деньги из английской казны. Эта сумма, как говорили, вдвое превышала доходы короны, а церковная собственность в Англии оценивалась в треть всей земли государства. Продажа папских индульгенций с фальшивой папской печатью была широко распространена и превратилась в бизнес.

Священнослужители оставались неподвластными гражданским законам, в результате, жалобы пропадали без ответа, и это стало еще одной причиной для недовольства. Больше всего людей возмущало двурушничество священников. Если священник мог купить в епархии лицензию на содержание любовницы, то у него, по-видимому, имелся лучший подход к Богу, нежели у простого грешника. Слабость священства к женскому полу была такова, что если какой человек признавался на исповеди в прелюбодеянии, духовнику не разрешалось спрашивать имя любовницы, — считалось, что иначе он сам может воспользоваться «податливостью» этой женщины.

Продажность, если не распутство приходского священника обычно являлись результатом низкого жалования, что приводило к необходимости продажи услуг, даже причастие могло не состояться, пока причастник не расплачивался со святым отцом, и это превращало ритуал в насмешку. Иуда, как известно, продал Христа за тридцать серебрянников, а «нынешние священники делали это ежедневно за пенни». Легкомыслие было еще одной причиной для недовольства: епископы часто бранили викариев за то, что те с церковной галереи бросали свечные огарки на головы прихожан, либо совершали мерзкие пародии на церковные обряды «с целью вызвать смех, а возможно, и раздоры». Светских клириков в 1367 году обвиняли за ношение коротких, обтягивающих дублетов с длинными рукавами и с меховой или шелковой подкладкой, за дорогие кольца и пояса, за вышитые кошельки, за ножи, напоминавшие сабли, за цветные башмаки, причем некоторые носили и обувь, отмеченную «печатью дьявола» — с острыми загнутыми носами.

Высшие прелаты из знатных семейств вели себя столь же величественно, как и светские особы, они ездили с оруженосцами, клириками, сокольничими, грумами, гонцами, пажами, кухонными слугами, носильщиками. О щедрости и милости они забыли — писал Ленгленд; епископы святой церкви некогда распределяли наследие Христово среди бедных и нуждающихся, «а ныне ключ в руках у Алчности». Когда-то благотворительность находили в «рясе странствующего монаха, но было это давно, при жизни святого Франциска». Собрат Ленгленда по ремеслу, поэт Джон Гауэр, говоривший «от всего христианского люда», обличал священников и епископов, наживавшихся на взятках с богачей, замеченных в любодействе; поэт клеймил надменных епископов, чьи красные камилавки «открывались навстречу солнцу, словно алые розы, но краснота эта — цвет нечистой совести».

От обличения таких священников Уиклиф перешел к отрицанию состоятельности самого института священников, необходимого для спасения грешников; он наносил удар по самому основанию церкви и ее толкованию роли Христа. С этого момента он неотвратимо приблизился к отрицанию пресуществления, ибо без сверхъестественной силы священник не может преобразовать хлеб и вино в тело и кровь Христовы. Отсюда последовало и остальное — отсутствие необходимости в священнике, отрицание анафемы, исповеди, паломничества, поклонения реликвиям и святым, индульгенции и Сокровищницы заслуг. Уиклиф все это, так сказать, выметал метлой.

Вместо этого он предлагал Библию, переведенную на английский язык его учениками; эта книга могла донести до народа смысл религии в той форме, какую

простолюдины могли понять без необходимости обращения к священнику и его бессмысленным латинским виршам. Ни один другой акт религиозного реформаторства не мог так сильно ударить по тысячелетним основам христианской церкви, но до этого момента должно было пройти еще несколько лет. В семидесятых годах началось движение лоллардов (слово пришло из фламандского языка, оно означает «бормочущий молитвы»). Это движение распространилось более всего среди простых людей и низшего священства, потом охватило и рыцарей, и часть аристократов, которым не по нраву было вмешательство церкви в политику. Граф Солсбери убрал из своей домашней церкви статуи всех святых и получил титул «насмешник над изваяниями и святынями»; были и те, кого называли «рыцарями в шляпах»: они отказывались снимать шляпу, когда по улицам проносили гостию.

Идеи Уиклифа и потребности короны подходили друг другу, как меч и ножны, потому и случился этот странный альянс: Иоанн Гентский взял Уиклифа под свое покровительство. Теория Уиклифа, благодаря которой нобили могли забрать назад земли, которые их предки завещали церкви, узаконивала желание Иоанна ограбить богатые церковные владения. То, что Генриху VIII удалось сделать спустя полтора столетия, Иоанн Гентский замыслил еще в 1376 году. Тем временем потеря территории во Франции, за которую были ответственны епископ Винчестерский Уильям Уикем и его собратья-священники, помогла выставить их из правительства. В 1371 году лорды парламента решили, что никто, кроме мирян, «кои могут ответить за свои преступления в королевском суде», не имеет права

занимать должности канцлера, казначея, судьи казначейства и советника.

Во Франции между тем накатывала «встречная волна». Купцы и землевладельцы вряд ли были довольны тем, что из них выжимают налоги. Деньги эти герцог Ланкастер и его свита в Брюгге растрачивали на «жутчайшие сумасбродства» (*horribles expenses et incredibiles*). Согласно суровому монаху аббатства Сент-Олбанс Томасу Уолсингему, ненавидевшему Ланкастера за его антиклерикальную политику, посланники проводили время в «бесчинствах, кутежах и танцах», обошедшихся в двадцать тысяч фунтов. Делая скидку на предвзятость записей Уолсингема, нельзя не признать их ценность, поскольку в них содержится живая информации о том безумном времени.

Лояльность людей проходила суровую проверку и в вопросах снабжения: во время путешествия король имел преимущественное право на скупку продуктов питания по обе стороны от дороги и на снабжение армии продовольствием. Поставщики королевского двора «хватают людей и лошадей, работающих на поле, пахарей, идущих за волами», «люди стонут и ропщут» при приближении короля. То, что было досадной помехой в мирное время, в войну сделалось экономической тиранией. Нобили, заведовавшие поставками, богатели на военных контрактах не менее поставщиков королевского двора и судей казначейства. Прибрежные города страдали от расквартированных войск, покуда те дожидались кораблей, которые должны были перевезти их в пункт назначения. Из-за нарушений в режиме судоходства торговля приходила в упадок, денежные штрафы уже не текли в экономику золотым потоком, а если они и прибывали, то корона платила

этими деньгами английским войскам и освобождала английских пленных. Деньги за выкуп короля Иоанна достигли всего трех пятых от необходимой суммы, когда король Карл прекратил финансирование войны и потребовал возвращения денег в качестве возмещения. Иными словами, Англия не разбогатела от войны, а становилась все беднее.

В 1376 году состоялось заседание парламента, Общины существовали только как орган, выдающий согласие на налоги. Верхняя палата работала на постоянной основе и имела в своем составе сильную антиланкастерскую фракцию, готовую противостоять герцогу. В совет двенадцати входили четыре епископа, четыре графа и четыре барона. Лидером фракции стал бывший подопечный де Куси, молодой граф Марч, женатый на Филиппе, дочери старшего брата Ланкастера, покойного герцога Кларенса. Филиппа претендовала на корону после смерти Черного принца и его девятилетнего сына Ричарда, а потому муж Филиппы считал, что у него есть причина опасаться герцога Ланкастера, который, как все считали, вынашивает коварные планы с целью отнять корону у племянника.

Ланкастер и в самом деле подумывал о короне, но о кастильской, по праву женитьбы на дочери покойного Педро Жестокого. Он уже именовал себя королем Кастилии — или мсье д'Эспань, — хотя, возможно, у него и не было серьезного намерения узурпировать права племянника: он просто хотел побыстрее закончить войну с Францией и мобилизовать английские войска для захвата испанского трона. В качестве председателя королевского совета он был реальным главой

правительства; вместе с Алисой Перрерс Ланкастер управлял своим отцом-королем и завоевал репутацию вольнодумца, поскольку открыто содержал любовницу Екатерину Суинфорд, вдову рыцаря, убитого в Аквитании. Впоследствии они поженились, и от их брака началась династия Тюдоров. Он жил на берегу Темзы в прекрасном Савойском дворце, славившемся террасами и благоуханным розовым садом; у него была великолепная коллекция драгоценных камней и наследство, оставленное отцом его первой жены — первым герцогом Ланкастерским; короче говоря, он обладал всеми атрибутами власти и богатства, за которые его ненавидели и считали негодяем. Эта репутация, как и репутация его старшего брата — образца рыцарства, — возможно, преувеличена.

Народные волнения усилились после приезда принца Уэльского, который прибыл в Вестминстер на заседание парламента из своего загородного имения. Принц хотел увериться в том, что лорды и Общины преданы его сыну, но народ решил, что он приехал поддержать Общины, настроенные против его брата-герцога, амбиций которого опасался. На самом деле горячий темперамент принца не приветствовал вмешательства в дела монархии, однако значение имеет не то, что есть на самом деле, а то, в чем уверено общественное мнение. Члены парламента верили, что принц их поддерживает, потому и черпали из его присутствия уверенность и силу.

В Вестминстере, в Расписной палате, состоялось бурное собрание Общин, а лорды заседали в Белом зале дворца. Де Куси, как граф Бедфорд, мог присутствовать 28 апреля на церемонии открытия вместе с лордами,

однако письменным свидетельством о том, что он там был, мы не располагаем.

Общины перешли в наступление и впервые в истории избрали спикера в лице рыцаря из графства Херефорд, сэра Питера де ла Мара, который не напрасно был сенешалем у графа Марча. Критические моменты часто рождают людей, которые приходят на помощь. Сэр Питер проявил себя как мужественный и стойкий человек, «боговдохновенный», как сказал о нем Уолсингем. От имени Общин он обвинил в должностных преступлениях министров — королевского управляющего лорда Латимера и сэра Ричарда Лайонса, богатого купца, члена королевского совета и финансового агента, а также Алису Перрерс, получавшую, как было сказано, «каждый год из королевской казны до трех тысяч фунтов. От ее устранения государство получит большую прибыль».

Латимер был важной персоной — рыцарь Подвязки, ветеран сражений при Креси, Оре и ланкастерского похода, бывший коннетабль Дувра и уполномоченный союза пяти портов. Спикер обвинил его и Лайонса в обретении больших состояний благодаря мошенничеству, сообщил, что они жульничали с налогами: взяли у короля в долг двадцать тысяч фунтов, а вернули двадцать тысяч марок, при этом цена марки составляла две трети от стоимости фунта.

Члены палаты — оратор за оратором — по очереди выходили к аналою в центре зала, и каждый добавлял свои обвинения и жалобы. Люди говорили, что королевские советники богатеют за счет обнищания народа; они обманывают короля — тратят его доходы и требуют новых субсидий. Население совсем обеднело и

не может платить непосильные налоги. Пусть парламент решает, как королю вести войну из его собственных средств.

Ланкастер рассвирепел и без свидетелей пригрозил «так напугать межевых рыцарей, чтобы они его больше не провоцировали». Доброжелатель предупредил его: «ваш брат принц поощряет Общины», их поддерживают лондонцы, и в обиду они себя не дадут. На следующий день, дождавшись удобного момента, герцог посетил Общины и напустил на себя такой любезный вид, что члены Общин изумленно на него уставились, однако это не помешало им снова выдвинуть обвинения против Латимера и Лайонса. В качестве свидетелей они вызвали двух прежних казначеев и других чиновников, потребовали предъявить счета и провели судебное расследование. Выслушав все доказательства, члены Общин в один голос воскликнули: «Господин герцог, теперь вы видите и слышите, что лорд Латимер и Ричард Лайонс трудились исключительно ради своей выгоды, а потому мы требуем наказания и удовлетворения!»

Латимер осведомился, кто предъявляет ему обвинения, и сэр Питер де ла Мар дал исторический ответ, что обвинения выдвигают Общины как государственный орган. Так одним махом он создал конституционный инструмент импичмента и увольнения министров. Лайонс хотел провалить процесс, послав Черному принцу взятку в тысячу фунтов, спрятанную в бочке с осетрами. Принц вернул бочку назад, но король, как человек циничный, принял такую же взятку, сказав при этом, что забирает свое.

Парламент подтвердил справедливость обвинений. Два обвиненных министра и четверо помощников,

включая зятя Латимера, лорда Невилла, мажордома королевского двора, были признаны виновными, изгнаны со службы, им вменили штрафы и посадили в тюрьму; впрочем, Латимера вскоре освободили под поручительство группы друзей. Алису Перрерс обвинили во вмешательстве в правосудие, поскольку она сидела рядом с судьями и понуждала их принимать решения в пользу ее друзей. Одряхлевший король вынужден был согласиться с устранением Перрерс.

Иоанн Гентский принял петиции о реформе от имени короля; он понял, что на настоящий момент у него нет достаточной поддержки в палате лордов и воспрепятствовать он не может. Общины потребовали не только ежегодного заседания парламента, но и выборов его членов из «лучших людей» графств, а не назначения шерифом. Петиция призывала внедрить статут о наемных работниках и распоряжение об аресте и наказании нарушителей закона; документ отражал растущий антагонизм между нанимателем и работником. Петиция продемонстрировала и нараставшую вражду к папству, она призывала к отмене папских налогов и к запрету экспорта денег. К миру она не призывала, возможно, потому, что, по мнению Общин, неудачами в войне страна была обязана некомпетентным и продажным властям, которые теперь намеревались заменить.

Из поэмы Ленгленда явствует, что «нацепить колокольчик на кота Иоанна Гентского» так и не удалось, реформы не состоялись, поскольку парламент был распущен. В новый совет вошли девять лордов и прелаты, в том числе бывший канцлер Уильям Уикем и архиепископ Кентерберийский Саймон Садбери, прозаический персонаж незнатного происхождения. Молодость парламента сродни юности человека, когда

мужчины меряются силой. Кроме Уикема и Садбери, шестеро из семи других членов, включая Уильяма Кортни, епископа Лондонского, были моложе тридцати четырех лет, двоим из них под тридцать, а одному — графу Марчу — двадцать пять. Их оппоненту, великому герцогу Ланкастеру, ровеснику де Куси, исполнилось тридцать шесть.

Едва парламент сформировался, принца настигла фатальная фаза его болезни, осложнившаяся дизентерией. Он так ослабел, что то и дело терял сознание, и каждый раз казалось, что он умер. Его покои заполнились врачами и хирургами, друзья, соратники и члены королевской семьи, приходившие к нему прощаться, и рыдали навзрыд. Сестра принца, Изабелла, и сир де Куси пришли к постели умирающего и тоже залились слезами. Явился Иоанн Гентский и два младших брата — Эдмунд Лэнгли, будущий герцог Йоркский, человек ничтожный, и Томас Вудсток, неприятный, сумасбродный тип с несчастливой судьбой. Пришел король, и «никто в этих горьких обстоятельствах не мог удержаться от слез, глядя на короля, прощавшегося с сыном навеки», с пятым из взрослых детей, ушедших прежде него.^[11]

Двери покоев принца были открыты настежь, чтобы старые товарищи и все, кто служил ему, могли проститься, и «каждый человек то горько всхлипывал, то тихонько рыдал», а принц сказал всем: «Поручаю вам своего сына, он еще очень юн и мал, и как служили вы мне, так же преданно служите и ему». Он попросил

¹¹ Остальные были — Лайонел, умерший в Италии, Жанна, умершая от чумы, и две дочери — Маргарет, вышедшая замуж за графа Пембрука, и Мэри, вышедшая замуж за бретонского герцога.

короля и Ланкастера поклясться, и все горячо поклялись, графы, бароны и рыцари поклялись тоже, «и стало очень шумно от плача, вздохов и громких всхлипываний».

В день кончины последняя воля принца была исполнена и тщательно проведены все приготовления. Хотя смерть есть всего лишь вылет души из телесного узилища, обычно ей сопутствовала невероятная забота о похоронах, могильном камне и всех хлопотах о бранных останках, что, похоже, подчеркивало нежелание человека уходить из этого мира. Завещание принца было необычно подробным: украшение его кровати, включая полог, вышитый изображениями подвигов Саладина, досталось сыну. Отданы были специальные распоряжения о лошадях, похоронная процессия продумана до последней трубы, заказана надгробная статуя, которая должна была представить его «в полном рыцарском облачении в разгаре битвы... наше лицо кроткое, и шлем обтянут леопардовой шкурой».

Священники велели умирающему попросить прощения у Бога и у всех, кого он обидел. В последней вспышке гордыни он отказался, но, когда конец приблизился, сложил ладони и попросил прощения у Бога и людей. Но кротости от него ожидать не стоило и в этот миг. Когда сэра Ричард Стери, лоллард, выставленный из королевского двора Добрым парламентом и в какой-то момент повздоривший с принцем, пришел мириться, принц горько сказал: «Подойди, Ричард, подойди и посмотри на то, что ты так долго хотел увидеть». Стери запротестовал, и принц ответил: «Господь воздаст каждому по его заслугам. Оставь меня, не хочу более тебя видеть». Духовник попросил принца не умирать без прощения, но принц молчал и только под уговорами пробормотал наконец:

«Прощаю». Через несколько часов 8 июня 1376 года он скончался в возрасте 46 лет.

Как граф Бедфорд и как член семьи де Куси ехал в растянувшейся на милю похоронной процессии вместе с королем Эдуардом и братьями принца позади катафалка, который тащили двенадцать лошадей. На памятнике в Кентербери, где принц хотел быть похороненным, высекли стихи на французском языке на традиционную тему о недолговечности земной власти: высокородный покойный, имевший земли, дома, богатства, серебро и золото и лишившийся всего вместе с красотой, лежит теперь один, напоминая прохожему:

Таким, как ты сейчас, был когда-то и я,

Таким, как я сейчас, будешь и ты.

Облаченная в броню надгробная статуя говорит о другом: из-за длинных усов и надвинутого на лоб шлема лица человека почти не видно, но и в этом немногом ни следа христианского смирения.

Оставшись с выжившим из ума королем, с ребенком-наследником и с взявшим на себя властные полномочия ненавистным регентом Ланкастером, нация погрузилась в горе, смешанное со страхом. Поражения на море оживили страх перед французским вторжением, англичане чувствовали себя лишившимися защитника, «ибо, когда он жил, — писал Уолсингем, — они не боялись никакого вражеского вторжения, а даже если оно и происходило, их не страшило никакое сражение». Хотя, даже будь принц жив и здоров, он смог бы отвести неприятности от короля-ребенка, но вряд ли справился бы с социальными волнениями. Пусть Уолсингем и восклицал: «Твоя несвоевременная смерть!», смерть не

может быть несвоевременной. В отличие от своего отца, принц умер в глазах людей героем. Фруассар называл его «цветом рыцарства всего мира», а хронист «Четырех первых Валуа» именовал «одним из величайших рыцарей на земле, самым известным среди всех». Карл V заказал заупокойную мессу в честь своего бывшего врага в часовне Сен-Шапель и сам присутствовал на богослужении вместе с французскими аристократами.

Что же такого было в Черном принце, что приводило всех в восхищение? Товарищи гордились им, ведь он воплощал собой представление рыцарей о самих себе, а на побоище в Лиможе они смотрели сквозь пальцы. Простой народ оплакивал принца, потому что при Пуатье он захватил в плен вражеского короля, да и другие его победы возвеличили страну. Хотя его знаменитая победа в Испании оказалась эфемерной, а империя в Аквитании развалилась и героизм померк в результате болезни, принц тем не менее представлял собой тот эмоциональный выбор, который делают люди из желания иметь лидера нации.

Смерть принца стала решающим доводом в пользу Иоанна Гентского. Парламент, однако, принял меры предосторожности и утвердил наследником малолетнего Ричарда. Собрание завершилось 10 июля, парламентарии заседали и семьдесят четыре дня, дольше, чем когда-нибудь. Впечатляющее завершение парламентских слушаний в тот же миг померкло. Стоило всем разъехаться по домам, и Общины прекратили свое существование как орган власти, поскольку у них не было постоянного организационного комитета и возможности проведения независимых заседаний. Предложенные реформы не облеклись в форму законов и, как французский Великий ордонанс, были попросту

сведены к нулю рукой, обладавшей настоящей властью. Ланкастер взял верх привилегиями и угрозами и нейтрализовал лидеров оппозиции, а графа Марча принудили подать в отставку. На его место назначили сэра Генри Перси, одно время союзника Марча, позднее переметнувшегося к герцогу.

Отсутствие у лордов политической принципиальности стало причиной коллапса. Ланкастер объявил заседание парламента незаконным, восстановил в правах лорда Латимера и его соратников, распустил новый совет и призвал старый, арестовал и посадил в тюрьму без суда сэра Питера де ла Мара, изгнал из двора епископа Уильяма Уикема, а когда тот попытался протестовать, забрал его собственность. Затем Ланкастер вернул Алису Перрерс, чтобы восстановить ее влияние на короля, а епископы, которые ранее действовали заодно с Общинами, «были словно немые собаки, неспособные лаять».

Работа Доброго парламента, за исключением череды отставок, не оставила конституционного следа. И все же, выразив на короткое время столь отчетливо и эффективно волю среднего класса, Общины произвели большое впечатление на нацию и заронили семена политической активности, которые дадут всходы впоследствии.

Насмотревшись на английскую смуту, де Куси вернулся во Францию в конце лета или в начале осени 1376 года. Поскольку его визит в Англию совпал с кризисом, то вряд ли он ясно представлял себе, на какие условия пойдет Англия для заключения мира, но наверняка составил доклад о попавшей в трудное

положение и уязвимой стране. По словам Фруассара, он посоветовал Карлу V не дожидаться, когда король Англии по окончании перемирия возобновит войну, а предложил выманить того из страны, потому что «англичане никогда еще не были так слабы и их легко победить».

До отъезда де Куси из Англии король Эдуард тяжело заболел, «все врачи впали в отчаяние и не знали, как его лечить и какие давать ему лекарства». Хотя он быстро поправился, конец его правления явно приближался, а вместе с ним и момент, когда де Куси должен был принять решение. Было неясно, вернется ли Изабелла к нему во Францию или останется со своим угасающим отцом. Из уважения к тестю де Куси прямо ничего не высказывал, однако по возвращении немедленно принял дипломатическое предложение графа Фландрии, направленное против Англии. К этому моменту де Куси был членом королевского совета и полагался на проницательность и дипломатичность Карла V. В 1373 году короля сильно беспокоило душевное здоровье королевы Жанны, поскольку «она совсем потеряла память и утратила способность мыслить». Преданный ей муж много молился и совершал паломничества, и Жанна восстановила здоровье, а после смерти короля ее назначили опекуном дофина. Жанне должен был помогать регентский совет в составе пятидесяти человек, в совет входили прелаты, королевские и парламентские министры и десять «самых известных и достойных» парижских буржуа. Двенадцать членов совета находились в постоянном услужении у королевы. Де Куси как член совета получал жалование — тысячу франков в год в дополнение к пятистам маркам в месяц из его годовой пенсии в 6000 франков. Примерно в это время его дочь Мари, наследница де Куси, была принята ко

двору королевы, и Жанна занялась ее обучением наряду с образованием дофина, его братьев и сестер. В апреле 1377 года, судя по письменным свидетельствам, де Куси на случай возобновления войны заплатил из своей пенсии две тысячи франков за закупку арбалетов для нескольких своих замков.

Все еще пытаясь предотвратить катастрофу, Карл снова отправил де Куси на возобновление дипломатических переговоров с Англией, на сей раз без оказания почестей герцогам, поскольку это было бы чересчур накладно для казны. С января по июнь 1377 года переговоры проводились в Булони, Кале и на полпути, в Монтрее на побережье. Как единственный «непрофессионал» в группе министров, де Куси захватил с собой своего старшего коллегу, Бюро де ла Ривьера, двоих священнослужителей — епископов Лана и Байе, а также нескольких членов совета.

С английскими посланниками, представлявшими сторонников Ланкастера и покойного принца, де Куси, скорее всего, был знаком по недавнему визиту в Англию, если не раньше. Англичане включили в состав делегации опекуна наследника трона — сэра Гишара д'Англя, галантного и популярного гасконца, закадычного друга Черного принца, а также сэра Ричарда Стери, которого Ланкастер восстановил в должности. Не обошлись они и без ветерана французских войн лорда Томаса Перси — брата сэра Генри Перси, без графа Солсбери и наконец без Джеффри Чосера, верного слуги двора, связанного с окружением Ланкастера.

Чосер был успешным служащим, недавно его назначили на хорошо оплачиваемый и важный пост таможенного надсмотрщика и контролера в лондонском

порту. Другая его жизнь, как поэта, расцвела в 1369 году: он сочинил длинную поэму о рыцарской любви — «Книгу герцогини». Книга была написана не по-французски, как следовало бы, если судить по сюжету и предполагаемым читателям, а на нелитературном и все еще «сыроватом» английском языке. Хотя Чосер хорошо знал французский — в свое время он перевел «Роман о Розе», — нечто в атмосфере времени побудило его писать на том же языке, что и его мрачный и нищий современник из низшего духовенства Ленгленд, который называл себя «Долговязым Уиллом» и прибавлял, что он «слишком высок, чтобы низко поклоняться».

Чосер, в отличие от Ленгленда, жил совсем по-другому: он получил денежный дар от короля, вдобавок тот пожаловал поэта ежедневным кувшином вина из королевских погребов. Чосер женился на Филиппе, сестре Екатерины Суинфорд, и этот брак позволил им обоим войти в дом герцога. «Книга герцогини» была красивой элегией в честь первой жены Иоанна Гентского — Бланки, всеми любимой дамы, умершей в 27 лет, но успевшей родить мужу семерых детей. Хотя выбор языка произведения показался странным, автор поэмы не утратил расположения окружающих. В 1373 году его послали в Италию с дипломатической миссией — заключить коммерческий договор с дожем Генуи и повернуть «секретную сделку» во Флоренции. В этом году Боккаччо читал во Флоренции лекции о творчестве Данте. Чосер вернулся с новыми впечатлениями, но эпическому произведению «Троил и Хризеида», источником для которого послужила поэма Боккаччо, нужно было дожидаться, пока Чосер не вернется с переговоров о заключении мира с Францией.

Поэты и писатели часто выступали в качестве послов, поскольку их риторические способности придавали изысканность речи, что и требовалось в таких случаях. Петрарка исполнял для Висконти роль посланника или, по крайней мере, украшал собой ту или иную миссию. При переговорах с папой Боккаччо выступал от имени Флоренции, а поэт Дешан служил Карлу V и его преемнику. Дипломатия была церемониальной многословной процедурой, большое внимание уделялось юридическим тонкостям и вопросам чести; возможно, это и было одной из причин, почему так часто не удавалось прийти к соглашению.

Продолжительные переговоры 1377 года познакомили де Куси со всеми особенностями сложных взаимоотношений Англии и Франции. На этих встречах обсуждали предложения и контрпредложения, запутанные сделки, трудные вопросы относительно Шотландии, Кастилии, Кале, а также новую династию в Аквитании под управлением сына Эдуарда III. Тот попробовал отречься от связей с Англией, а когда ему это не удалось, потребовал раздела или обмена феодалов и затеял игру, разобраться в которой было не легче, чем в игре в тавлеи. Как и всегда с тех пор как началась война, папские нунции принимали деятельное участие в переговорах в качестве посредников. Хотя преимущество было за французами, англичане из-за слабости и нерешительности не могли прийти ни к какому соглашению, даже к будущему бракосочетанию принца Ричарда и Марии — семилетней дочери короля Карла.

Первые переговоры оказались безрезультатными и были прерваны, а месяц спустя возобновлены. Перемирие, срок которого истекал 1 апреля, продлили на месяц с тем, чтобы снова начать переговоры. Послы

серьезно и долго работали. Какова была роль де Куси и какова роль Чосера? Их речи не сохранились, письменных свидетельств не осталось, поскольку дискуссии, особенно те, на которых речь шла о браке, были засекречены. Карл отдал распоряжения своим посланникам — «король не хочет обсуждать бракосочетание, но если англичане поднимут этот вопрос, выслушайте, что они скажут, а после доложите королю».

Французы сделали много предложений, в том числе дали названия двенадцати городам в Аквитании (находившейся во владении Англии), если Эдуард вернет Кале и все то, что он забрал в Пикардии; либо это, сказали они, «либо ничего». Англичане упрямо отказывались, считая, что до тех пор, пока удерживают плацдарм в северной Франции, они смогут отвоевать свои потери.

Дома — в Англии — в это время произошел еще один кризис. Ланкастер подавил его, но далеко не погасил недовольство народа. Новый парламент, сформированный герцогом, послушно выдал субсидии в январе. Епископы были не так сговорчивы, их мишенью стал Уиклиф. Он пока не сообщил прилюдно об отрицании святого причастия и клириков, но его заявление о гражданской власти и лишении клириков дохода отдавало явной ересью. Хотя призыв Уиклифа к наказанию священников, совершивших прегрешения, и его антипапизм клирики поддержали, однако они не захотели покорно дожидаться, пока их лишат доходов. Архиепископ Садбери и лондонский епископ Кортни в феврале призвали к себе Уиклифа, чтобы потребовать от него отчета за распространяемую ересь. Периодически повторявшаяся борьба между короной и церковью

разыгрывалась снова, и на сей раз скандал произошел в соборе Святого Павла.

Ланкастер надеялся дискредитировать епископов с помощью мирян. На помощь Уиклифу он призвал четырех магистров теологии и сам явился в собор вместе с маршалом сэром Генри Перси и вооруженной свитой. В собор набился взволнованный народ, возмущенный слухами о том, что Ланкастер хочет доверить маршалу исконное право города поддерживать общественный порядок. Люди разгневались еще больше, когда вооруженные стражники стали расталкивать их в стороны, освобождая дорогу герцогу и маршалу. После того как Кортни отказал герцогу, потребовавшему стул для Уиклифа, началась перебранка. Молодой и энергичный епископ, сын графа и потомок Эдуарда I, не намерен был слушаться приказов у себя дома.

«Я заставлю подчиниться и вас, и всех остальных епископов», — прорычал Ланкастер. Толпа зашевелилась, послышались злобные выкрики; Ланкастер пригрозил арестовать нарушителей порядка, на что Кортни ответил, что если герцог сделает это в храме, то будет отлучен от церкви. Слышно было, как герцог произнес: «Еще что-нибудь в этом роде, и я вытащу тебя из собора за волосы». Толпа рассвирепела, и герцог с маршалом благоразумно решили удалиться. Уиклиф даже ничего не сказал. Ланкастеру удалось прервать допрос, что и было его целью, однако, сделав это, он еще больше озлобил народ, но не против священников, а против самого себя.

Лондон кипел и при известии, что Перси арестовал человека за то, что тот оскорбил герцога, взорвался. Собравшаяся толпа в воинственном настроении кинулась

к Савойскому дворцу, по пути им попался священник, который оскорбительно высказался о Питере де ла Маре, и люди забили его до смерти. Вот так же двадцать лет назад марсельская толпа убила несчастную жертву, попавшую ей под горячую руку. Ланкастер и Перси в это время во дворце завтракали устрицами, их предупредили о случившемся, и они бежали — взяли лодку и по Темзе добрались до дворца уважаемой всеми принцессы Уэльской и ее сына, где никто не осмелился бы к ним подступить. Епископа Кортни тоже предупредили. Опасаясь катастрофы, за которую его могли бы осудить, он поспешил к Савойскому дворцу и успокоил толпу.

После побега и унижения Ланкастер потребовал, чтобы город принес ему официальное извинение. Принцесса попросила горожан примириться ради нее с герцогом, власти Лондона заплатили за свое поведение тем, что освободили Питера де ла Мара, а духовенству вернули должности канцлера и казначея. Но в итоге противодействие между сторонами только усилилось, и впоследствии это не лучшим образом сказалось на государстве.

В связи со скандалом в соборе Святого Павла к рассмотрению дела Уиклифа так и не приступили. Английские прелаты, разрывавшиеся между клерикальными интересами и чувством патриотизма, возможно, были довольны, что так все получилось, но о папстве этого сказать было нельзя. В мае Григорий XI издал пять булл, адресованных английскому епископату, королю и Оксфордскому университету, в них он клеймил прегрешения Уиклифа и требовал его ареста. Все дискуссии о еретических доктринах должны были быть прекращены, а все те, кто его поддерживал, — уволены со службы. Новый парламент при этом пребывал в

постоянной оппозиции к папе; король, бормотавший только о соколиной охоте и не думавший о спасении души, уже умирал. На какой-то момент Англия застыла в тревожном ожидании смены власти, и тут епископы все-таки начали процесс против Уиклифа.

Переговорщики провели последнюю встречу в мае в Монрее. Заседание проходило в старинном замке, западные бастионы которого были обращены к морю. В переговорах принимали участие канцлеры обеих стран — Пьер д'Оржеман от Франции и епископ Сент-Дэвид от Англии. В открытом судебном заседании долго обсуждались условия. Карл хотел, чтобы вторая сторона официально приняла его последнее предложение, и ждал твердого ответа. Он его не получил. Соглашаясь с тем, что многое оставалось в руках англичан, он настаивал на суверенитете других частей Франции, в особенности Кале. Англичане уклончиво отвечали, что им нужно посоветоваться, они, мол, должны донести до короля условия французской стороны. Как вскоре выяснилось, французы в этот момент начали подготовку к войне. За время переговоров в Париже скончалась маленькая принцесса Мария, так что вопрос бракосочетания отпал сам собой. Переговоры прервались, и не было назначено ни места, ни даты другого заседания, не заключили и нового перемирия.

Когда английские переговорщики прибыли домой, король Эдуард тоже умер, произошло это 23 июня, в предпоследний день перемирия. Юбилейный год правления короля прошел незаметно, да и смерть не обратила на себя особого внимания. Эдуард умер, оставленный своими миньонами, включая и Алису

Перрерс; рассказывают, что перед отъездом она сняла все кольца с пальцев мертвого короля. На трон взобрался десятилетний мальчик, ознаменовав тем самым время раздоров, перевалившее и на следующий век и подтвердившее предупреждение Ленгленда, взятое им из Священного писания: «Горе тебе, земля, когда царь твой отрок».

Изабелла де Куси, вызванная в апреле из Франции по «неотложному делу»^[12], находилась возле постели отца, когда тот скончался. Незадолго до конца она направила с этой новостью курьеров к мужу и сообщила, что необходимо обсудить «важные вопросы».

Для Ангеррана де Куси проблема заключалась не просто в вассальной зависимости. Родственные связи в то время имели огромное значение. К тому же, как кавалер ордена Подвязки, он был связан обетом. Отречься от вассальной верности, родства, дружеских отношений — задача нелегкая. Другие знатные господа, такие как капталь де Буш и Клиссон, переходили с одной стороны на другую, но это были, в основном, гасконцы, бретонцы или валлонцы, а они не ощущали себя ни чистыми французами, ни англичанами. Взять хотя бы сенешаля де Куси — храброго каноника де Роберсара: он становился англичанином, пока в шестидесятых годах был в Англии вместе с де Куси. Принеся клятву Эдуарду III, он вместе с армией Ланкастера спокойно вернулся грабить Пикардию, которую несколькими годами ранее ревностно оборонял. Он был, однако, уроженцем Эно.^[13]

¹² Не совсем ясно, были ли курьеры посланы к ней во Францию, или она сама вызвала их из Англии и отослала к своему мужу во Франции.

¹³ Роберсар осел в Англии с тремя сыновьями и стал основателем династии, которая закончилась 200 лет спустя на Эми Роберсар, несчастливой жене

Де Куси не мог принимать большего участия в делах своей страны, поскольку ранее он соблюдал нейтралитет. Ему необходимо было встать на чью-то сторону, и он, без сомнения, хотел это сделать. Во времена французского возрождения возрос патриотизм. Во многих городах Пикардии, Нормандии и Аквитании, отвоеванных Карлом V, торжествовали победу. В стихотворной аллегории 1376 года «Сновидение садовника» рыцарь восклицал: «Ни Роланд, ни Артур, ни Оливье со своим оружием не совершали таких подвигов, какие свершили вы своей мудростью, властью и молитвами!» — и, как мог бы добавить автор панегирика, с помощью весьма убедительного аргумента — денег. «Когда вы взошли на трон, мечи и гордыня ваших врагов вознеслись до небес. Благодарение Господу, вы сломали их мечи и унизили их».

В военном противостоянии с Англией у французов родилось чувство национального самосознания. В диалоге французского и английского солдат, написанном около 1370 года будущим кардиналом Пьером д'Альи, англичанин утверждал, что, по крайней мере, Нормандия должна принадлежать Англии, потому они здесь в своем праве. «Успокойся! — восклицает француз. — Это неправда. На этом берегу моря вы ничего не удержите, разве только силой; море есть и должно быть вашей границей». Это была новая идея. Обязательства вассала и династические браки до сих пор являлись формой лояльности, но страна обретала доминантное значение. Французский аристократ уже не мог без зазрения совести вступить в английскую армию и напасть на родную

страну. Де Куси не мог более проявлять свою верность по другую сторону Ла-Манша.

Через два месяца после смерти короля Эдуарда Ангерран де Куси обратился к Ричарду II с официальным отречением от вассальной зависимости. Обращение это датировано 26 августа 1377 года и представлено Ричарду несколькими лордами и оруженосцами, посланными де Куси для засвидетельствования вручения документа. В письме он отзывал «альянс», который заключил с «моим высокочтимым господином и отцом, недавно почившим королем (да будет милостив к нему Господь)», и продолжал:

«Случилось так, что между королем моей страны и Вашей началась война, о чем я сожалею более всего на свете и что страстно желал бы исправить, но мой король приказал, чтобы я служил ему и исполнял свой долг. Вы знаете, что я не могу не повиноваться, а потому буду служить ему до конца.

А посему, высокочтимый и могущественный господин, дабы никто не мог сказать обо мне дурного слова или усомниться в моей чести, я и сообщаю Вам это и возвращаю все, что получил от Вас на правах вассала.

Добавлю еще, высокочтимый сир, что мой почтенный господин и отец был настолько милостив, что удостоил меня чести находиться в самой благородной компании и наградил меня орденом Подвязки, а посему осмелюсь попросить Вас, высокочтимый сир, взять на мое место кого Вам будет угодно, а меня прошу извинить».

Двойной альянс был разрушен. Становясь «добрым и верным Французом», де Куси выбрал национальность, даже если этого слова тогда еще не существовало. В

этом выборе было нечто примечательное: он расстался не только с английской собственностью, но и с женой. Обычно пишут, что он чувствовал себя обязанным расстаться с нею, чтобы свободно выбрать Францию, но это стало бы необходимо, если только Изабелла отказалась бы пожертвовать своими английскими владениями. При отречении от вассальной зависимости собственность подлежала конфискации. Все, что нам известно об Изабелле, указывает на то, что это и был решающий момент. Ее маниакальная экстравагантность, невротическая зависимость от дома и от расположения отца — которую она, возможно, надеялась распространить на своих братьев и племянника — и неуверенность во Франции дают основание предположить, что расставание было ее выбором, а не выбором мужа.

Что испытывал де Куси к своей тщеславной, испорченной, эгоистичной, своевольной жене — любовь или безразличие, — история умалчивает. Судя по тому, что известно о ее темпераменте, она не была любимым Плантагенетом, и сведений о ней сохранилось мало. В любом случае, она вернулась в Англию и осталась там со своей младшей дочерью Филиппой, которая сызмальства жила на родине. Все английские владения ее мужа — «имения, деревни, правительственные награды, территории, города, животные, фураж, движимое и недвижимое имущество» — были конфискованы короной и переданы в управление Изабелле, архиепископу Йоркскому, двум епископам и четырем другим членам комиссии. Поскольку женщинам не возбранялось владеть собственностью, такой расклад указывает, что братья Изабеллы ей не доверяли. По условиям договора, доходы

с собственности должны были выплачиваться попечителями «до тех пор, пока она остается в Англии».

Неопределенный статус Изабеллы — ни жена, ни вдова — длился всего два года. В апреле 1379 года при неизвестных обстоятельствах она умерла в возрасте 47 лет. Все земли в Англии достались дочери де Куси Филиппе.

Французы возобновили войну тотчас по окончании перемирия. Вместе с испанским флотом они осуществили серию нападений на южное побережье Англии даже прежде, чем узнали о смерти короля Эдуарда. В попытке сохранить это событие в секрете, пока власть переходила к другому монарху, англичане «преградили все ходы и выходы королевства». Все это оказалось напрасным, потому что французы их опередили.

Под командованием адмирала Жана де Вьена 29 июня французы и испанцы высадились в порту Рай, против Булони, и за двадцать четыре часа ввергли его в ад — жгли, грабили, убивали мужчин, женщин и детей, похищали девушек и уводили их на корабли, то есть сознательно поступали так, как и англичане, нападавшие на французские города. Объятая пламенем церковь «удивительной красоты» (по словам Уолсингема) была полностью уничтожена. Несмотря на стремление нескольких французских рыцарей сделать Рай постоянной базой — вроде Кале, — адмирал не согласился. Целью французов была не оккупация, а уничтожение и террор, чтобы заставить Англию подписать мир и предотвратить укрепление Кале, потому что французы планировали направить главный удар именно туда.

Французы встретили слабое сопротивление, а потому двинулись по южному побережью, нападая поочередно на Фолкстон, Портсмут, Уэймут, Плимут, Дартмут, после чего прошли десять миль внутрь острова, сожгли Льюис, рассредоточились и уничтожили отряд из двухсот солдат во главе с местным приором и двумя рыцарями. Прodelав все это, они погрузились на корабли и уплыли, а месяц спустя вернулись и опустошили остров Уайт рядом с Саутгемптоном. Атавистический страх, доставшийся англичанам в наследство от набегов данов и других викингов, получил реальное воплощение.

Слабость обороны была вызвана не ложным чувством безопасности. На эти города французы нападали и ранее. Более того, в последние полгода перед окончанием перемирия королевские указы предупреждали о французском нападении, однако в те смутные времена мало что было сделано для укрепления обороны. Когда пришли захватчики, судьба городов не слишком взволновала английских аристократов. Сэр Джон Арундел успешно оборонял Хэмптон с войском из 400 копий, но только после того, как горожане, по его требованию, собрали деньги и фактически купили услуги солдат.

Когда замку Ланкастера Певенси на побережье графства Сассекс стала угрожать опасность, герцогу сообщили, что враждебно настроенный к нему Уолсингем отказался посылать помощь. Ланкастер насмешливо ответил: «Пусть французы сожгут замок, я достаточно богат, чтобы его перестроить». Похоже, эти слова придуманы, однако в них чувствуется та же ненависть к нобилям, о которой поведал другой священник-хронист — Жан де Венет, — и по той же причине: рыцари не сумели защитить от врагов землю и людей. Не случайно,

что в завоеванных графствах — Кенте и Сассексе — произошло крестьянское восстание.

ГЛАВА 15

ИМПЕРАТОР В ПАРИЖЕ

Самым пышным, если не самым значительным событием десятилетия во Франции был визит в Париж императора Священной Римской империи Карла IV. Произошло это в декабре-январе 1377–1378 годов. И опять потребовалось присутствие де Куси, как и прежде во время бракосочетания герцога Бургундского: недоставало его изящества и великолепия, которые придавали особый шик свите нобилей. К тому моменту правление Карла V во всем его блеске вступило в зенит. Публика испытывала благоговение и наслаждалась роскошными церемониями, а за прославление Валуа пришлось, вероятно, выложить несметную сумму.

Хотя Карл V был представителем третьего поколения Валуа на троне, он был не слишком уверен в легитимности собственного титула, оттого что сомневался, действительно ли он рожден в законном браке. По личным и по государственным причинам он постоянно старался придать достоинство короне. Политическая цель организации визита состояла для него в изоляции Англии и в укреплении связи со своим дядей-императором, к тому же он хотел обсудить матримониальные темы и вопросы относительно передачи территорий. С эмоциональной точки зрения родство с императором было для него не менее важно, хотя он из опыта знал расчетливую и скользкую натуру своего дяди. А самое главное — у него появилась

возможность провести грандиозную публичную церемонию, что было весьма важно в эпоху средневековья.

Теоретически император Священной Римской империи обладал временной властью, сходной с духовной властью папы над человечеством. Хотя престиж императорской власти еще сохранялся, но ни империя, ни титул уже не соответствовали действительности. Имперский сюзеренитет в Италии был пустышкой, он мало что значил и на западной границе империи в Эно, Голландии и Люксембурге и отступал на востоке под натиском крепнувших новых государств — Богемии, Венгрии и Польши. Сердцевиной империи была бессистемная федерация германских княжеств, герцогств, городов, маркграфств, архиепископств и графств с переменчивым и перекрывающимся суверенитетом. Габсбурги и Люксембурга, Гогенштауфены, Гогенцоллерны, Виттельсбахи и Веттины уничтожали друг друга в бесконечных войнах; *риттер*, или рыцарь жил тем, что грабил торговцев; каждый город верил, что его процветание зависит от уничтожения соперника; в городах боролись за власть купцы и гильдии ремесленников; эксплуатируемое крестьянство периодически огрызалось бунтами. У империи не было политического единства, не было столицы, общих законов, общих финансов и общей власти. Она являлась реликтом мертвого идеала.

Теоретически лидер христианского сообщества — император — был монархом, избранным из Люксембургской династии правителей Богемии. У Карла IV существовали родственные связи с Францией, здесь же предпочитал жить его отец, Иоанн Слепой. Карл IV с семилетнего возраста рос при французском дворе, был

женат на сестре Филиппа VI, а его сестра Бонна вышла замуж за сына Филиппа — Иоанна II. Несмотря на то что Карл IV был слегка горбат и имел землистый цвет лица, в молодости он был красив: длинные черные волосы и борода, пронзительный взгляд черных глаз. Сейчас, в 61 год, он пережил трех жен, женился на четвертой и поженил семь или восемь своих детей, пристроив их в венгерскую, баварскую и Габсбургскую династии. Внешне он казался приветлив и мягок, а на деле был скор и тверд в решениях, но беспокоен и находился в постоянном движении. У него была привычка остругивать ивовые ветки, куда, с виду рассеянно, он выслушивал просителей и советников, но неизменно под конец выдавал каждому ответ, «исполненный мудрости». Он говорил и писал по-чешски так же хорошо, как и по-французски, по-итальянски, по-немецки и по-латыни. Человек с острым и живым умом, он, как и его племянник Карл V, был полной противоположностью неразумному несдержанному отцу.

Карл IV был достаточно проницателен, чтобы понять: его империя далеко не та, какой была при Карле Великом. Главной его заботой стало королевство Богемия, и он занимался его расширением и культурным обогащением, за что императора называли «отцом своего отечества». Он воплощал в себе националистические тенденции, которые фактически превращали его императорский титул в ничто.

Пока готовились к приезду императора, де Куси вступил в войну с Англией, но не на своей родине в Пикардии, а в Лангедоке, под командованием герцога Анжуйского, наместника Лангедока, — против гасконцев.

Как и Ланкастер, герцог был братом короля. Анжуйский и сам мечтал о короне. Вступив в его армию, де Куси обрек себя на то, что спустя несколько лет прибил участие в судьбоносной борьбе герцога Анжуйского за корону Неаполя.

После двух месяцев осады и стычек в Гаскони де Куси вернулся в Париж, где занял место в свите императора. Делегация от принимающей стороны, которая должна была встречать в Каморе, включала в себя кроме де Куси двух главных советников короля — Ривьера и Мерсье, а также множество нобилей, рыцарей и оруженосцев, общим числом 300 блестящих всадников. 22 декабря они отъехали от города на лигу вперед, навстречу приближающимся гостям. Двести знатных горожан Камбре и священников во главе с епископом двигались рядом в окружении стрелков. Император в зимнем меховом плаще ехал на серой лошади рядом со своим старшим сыном Венцеславом, немецким королем. Гостей сопровождали в город, где император спешился с некоторым трудом, поскольку страдал подагрой, и епископ препроводил его в церковь.

Главная цель визита, как позднее, за обедом, сказал император французам, — повидаться с королем Карлом, его супругой-королевой и их детьми; он хотел увидеть их «больше, чем кого-либо в мире». Когда он сделает это и представит своего сына, то умрет со спокойной душой, если Господь пожелает забрать его к себе. Император и в самом деле доживал последний год своей жизни, и, возможно предчувствуя смерть — ведь в те времена мало было лекарств и способов излечения, — это трудное путешествие он предпринял, скорее, из желания

посетить Париж своей юности, а не ради извлечения политической выгоды из визита.

Пока он проезжал по Пикардии, в каждом городе и деревне кортеж ожидал радушный прием, гостям подносили мясо, рыбу, вино, пригоняли возы овса и сена, и все это оплачивал французский король. При каждом удобном случае император не забывал сказать, что он — гость короля Франции, а хозяева старались не подчеркивать имперского превосходства и потому не звонили в колокола и не совершали других ритуалов. При въезде в город император не случайно выбрал серую лошадь, обычно он ездил на белом коне. Французские официальные хронисты отмечали, что французский король очень беспокоился о протоколе встречи. Карл хотел, чтобы визит подтвердил его рассуждения о справедливой войне, но пусть французский народ не думает, что император — верховный монарх. Тщательно продуманный этикет и ритуал празднеств означали, что он придает большое значение этому визиту. В полуофициальных хрониках правления Карла V не менее восьмидесяти страниц посвящены подробному описанию визита императора.

В Компьени, возле Парижа, императора приветствовал брат королевы герцог Бурбонский со свитой в новых бело-голубых ливреях. В Санлисе императора встретили герцоги Беррийский и Бургундский и архиепископ Санский со свитой из пятисот человек, одетых одинаково — в серое и черное, — рыцари в бархатных одеждах, а оруженосцы в шелках тех же цветов. Наблюдатель, увидевший такое зрелище, должен был бы поведать о величии церемонии, однако несчастному герою праздника было не до пышности и блеска: у него разыгралась подагра, запланированный

банкет он еще вытерпел, а остальной путь проследовал на носилках дофина, которые тащили два мула и две лошади.

В аббатстве Сен-Дени императора поджидали три архиепископа, десять епископов и весь королевский совет; там Карла IV подняли с носилок и перенесли в храм — помолиться у гробницы святого Людовика. Поскольку император говорил, что «безумно хочет» повидать знаменитую святыню и мощи, ему показали забальзамированное тело святого Деонисия, которого в свое время язычники после пыток обезглавили на склоне горы Монмартр (потому гора так и называется — дословно «холм мученика»): святой взял отрубленную голову в руки, дошел до вершины, положил голову на землю и основал аббатство. Император долго осматривал реликвию, украшенную драгоценными камнями корону святого Людовика и королевские усыпальницы; особого внимания удостоилась усыпальница Филиппа VI, бывшего шурина императора.

В Париж Карл IV въехал не на черном боевом коне, которого приготовил ему король, а в носилках королевы. Охрана старшины купеческой гильдии, две тысячи купцов, магистраты и жители Парижа, все верхом, все одинаково одетые в платье двух цветов — белого и лилового — поджидали императора с тем, чтобы проводить его к королю. К дьяволу подагру, эта церемония должна была совершаться верхом. Императора посадили в седло, сын был подле него, и они стали ждать приближения парада, что двигался к ним от старого дворца на острове Ситэ. Тогдашнее поколение еще не видело столь пышной королевской процессии. Особое внимание уделили тому, чтобы всякий человек, несмотря на толпу, мог все увидеть. Охрана с жезлами и

мечами стояла на каждом дорожном перекрестке; за день до этого события глашатаи предупредили горожан, что им запрещается переходить через улицу Сен-Дени. Были установлены загородки, и сержанты отдавали четкие приказы относительно того, куда и когда могут двигаться пешеходы и всадники.

Сначала проехал маршал Сансер и его охрана в широкополых шляпах, у каждого охранника по два меча; за ними последовали королевские трубачи с яркими вымпелами на серебряных трубах. Четверо герцогов — Беррийский, Бургундский, Бурбонский и де Бар, муж сестры короля и будущий тесть Марии де Куси — ехали по два человека в ряд. За ними следовали двенадцать графов, в том числе и де Куси как граф Суассон, а также длинная вереница прелатов, нобилей, советников и офицеров королевского двора, каждая группа, в зависимости от титула и сана, была одета одинаково. На гофмейстерах — бархатная или шелковая одежда двух оттенков алого, на мажордомах — бархат, небесно-голубой и бежевый; королевские грумы щеголяли голубым дамастом, церемониймейстеры облачились в сине-красную форму, а на дворецких был атлас, белый и беж; повара и их помощники вышли в шелковой, подбитой мехом парадной одежде с перламутровыми пуговицами, на камердинерах были костюмы в черно-белую полоску с серой отделкой, а у сомелье полоска была красно-коричневая.

Последним явился тощий и длинноносый король на белом скакуне. Карл облачился в подбитый мехом алый плащ, на голове шляпа с козырьком «по старинной моде». Требовалось полчаса, чтобы такая длинная процессия выехала из дворца, а поскольку народ напирал, времени ушло еще больше. Наконец два

монарха встретились лицом к лицу. Оба сняли шляпы. Карл занял место между императором и Венцеславом, стараясь не задеть больные ноги дяди; вот так, втроем, они и направились к дворцу через весь город.

Сидя в накрытом золотой парчой кресле, во дворе, где некогда старшина купцов Марсель бросил тела убитых маршалов, император выслушивал приветствия короля, а потом, уже в покоях, «они говорили очень дружелюбно, радуясь встрече». Следующие дни были заполнены пирами, беседами, церковными службами, вручениями подарков от парижских ювелиров и осмотром реликвий в часовне Сен-Шапель. Часовня была столь богато украшена и освещена, что «дивно было посмотреть». В перерывах между всеми этими мероприятиями монархи вели частные беседы, одна длилась три часа, «на ней даже канцлер не присутствовал», так что, как отметил хронист канцлера, «никто не знает, что они друг другу говорили».

Официальные обеды воплощали собой все величие XIV века, и целью их было желание восхитить, изумить и накормить гостей до отвала. Факелоносцы, словно живые канделябры, стояли возле колонн, их было так много, что в огромном каменном зале «было светло, как днем». Столько кушаний, столько перемен блюд, «что и сказать нельзя» — слишком много для больного почетного гостя. Король заказал четыре переменны по десять пар блюд в каждой, но потом, подумав, убрал одну переменну, чтобы сократить время, которое императору пришлось бы просидеть за столом. За вычетом указанной перемены, гостям предложили тридцать пар блюд. Жареные каплуны и куропатки, седло зайца, мясное и рыбное заливное, пироги с жаворонками, котлетки на мозговой косточке, черный пудинг, колбасы

и миноги — всего не перечесать. В перерывах между кушаньями на стол подавали лебедей, павлинов, выпь и «рожденных высоко» цапель; пироги с олениной и мелкими птахами, рыбу речную и морскую с подливкой, цветом своим напоминавшей «персиковые деревья по весне», ржанки с луком-пореем, утку с жареными свиными рубцами, фаршированных поросят, угрей, жареные бобы, а на десерт — фруктовые вафли, груши, засахаренные фрукты, мушмулу, очищенные орехи и вино с пряностями.

Банкет на восемьсот персон, состоявшийся шестого января, был организован великолепно. Столы для людей попроще обслуживали не менее споро и ловко, что и столы высоких особ; на всех столах стояла золотая и серебряная посуда. Венценосные особы и гости самого высокого ранга сидели на возвышении за пятью столами, над которыми раскинулись балдахины из золотой ткани, а мраморный стол, за которым восседали император, король и архиепископ Реймский, стоял в центре площадки. Столы были накрыты скатертями из расшитой лилиями золотой ткани, гардины на окнах и колонны украшала та же ткань, стены были увешаны гобеленами. Де Куси сидел рядом с герцогом де Бурбоном за столом девятилетнего дофина, дабы «составить ему компанию и защитить от толпы». Юная Мария де Куси находилась среди «великих дам», сопровождавших королеву. В конце вечера, за десертом, поданным после выступления менестрелей, герцог Беррийский и его брат герцог Бургундский поднесли королю и императору вино со специями, но усталый хронист не упомянул, сделали ли они это сидя верхом, как было принято среди благородных рыцарей. В 1365 году, в предыдущий визит императора к графу Савойскому, аристократы, сидя

верхом, подавали гостям блюда с едой, поднося их на наконечниках копий со специальными «лопатками». Для такого маневра требовалось иметь сильные запястья.

В ожидании гвоздя празднества все восемьсот гостей направились в зал парламента, где был представлен спектакль — взятие Иерусалима во время первого крестового похода. Эта постановка являлась триумфом сценографии XIV века. От Чосера (история Франклина из «Кентерберийских рассказов») мы знаем, что на пирах в зал обильно напускали воду, по которой, как по озеру, скользили взад и вперед лодки, появлялись грозные львы, распускались на лужайках цветы, со стен свисал виноград, возникал каменный замок, а потом все вдруг исчезало, «так был искусен зрения обман». На пиру, состоявшемся во времена де Куси, некий видам, иначе наместник епископа, Шартрский расписал потолок, уподобив его небесам, и оттуда на машинах, напомиравших облака, блюда спускались и поднимались, когда тарелки пустели. Десерт сопровождал искусственный ветер, на протяжении получаса обрушивавший на гостей душистый дождь и град конфет.

В сказочных спектаклях и мистериях добивались эффекта реальности. С помощью лебедек из гробницы поднимали Христа и возносили его к облакам. Ангелы и дьяволы таинственным образом появлялись из люков. Ад открывал и захлопывал свою чудовищную пасть, из-за кулис с помощью перевернутых цистерн на сцену изливался Ноев потоп; бочки, наполненные камнями, изображали раскаты грома. Когда надо было обезглавить Иоанна Крестителя, актера убирали, а на его место мгновенно выставляли «обезглавленный труп», из якобы отрубленной головы лилась ослиная кровь, и публика визжала от ужаса. Актеры, изображавшие Христа, иногда

по три часа висели привязанными к кресту и читали стихи.

Сцена отражала средневековую жизнь полнее любого другого источника. Возникнув из литургических пьес, разыгрываемых перед дверями храма, драма оставила церковь и вышла на улицу; там, на подвижных платформах, ее представляли гильдии или *confreries* (братства), которые разыгрывали различные сцены. Труппы переезжали из города в город, привлекая все общество — крестьян и буржуа, монахов и студентов, рыцарей и дам; в первом ряду усаживался местный важный сеньор. Глашатаи загодя предупреждали публику о каком-либо важном представлении. Пьесы ставились на религиозные темы, но манера исполнения была светская, рассчитанная на развлечение. Каждая история о Христе и главное чудо — спасение, свершившееся через рождение и смерть Христа, исполнялись на примерах повседневной жизни натуралистично и конкретно, непочтительно, кроваво и вульгарно. Пастухов показывали как людей, крадущих овец; жертву Исаака демонстрировали во всех подробностях; публика с удовольствием смотрела на комическую сцену с Валаамовой ослицей или на Богоматерь верхом на осле, спасающуюся бегством в Египет. Рев актера, накрытого ослиной шкурой, и лепешки, падающие из-под поднятого хвоста животного, вызывали у публики взрывы хохота, несмотря на то, что по сюжету этот осел нес в Иерусалим Иисуса.

Секс и садизм воспроизводились в сцене в изнасиловании Дины, актеры показывали грехи содомитов, обнаженного и пьяного Ноя, изображали старцев, подглядывающих за Сусанной, и демонстрировали разодранную плоть святых мучеников. Сцена с Нероном, вспарывающим живот своей матери,

чтобы посмотреть, откуда он вышел, исполнялась с помощью окровавленных свиных внутренностей от местного мясника. Наслаждение страданиями других — *шаденфройде* — не являлось в средневековье чем-то необычным, это было воистину темное чувство, своего рода следствие чумы и постоянных неурядиц, что и находило выражение в мрачных сценах мучений на кресте, когда солдаты оплевывали Спасителя человечества.

В тот беспокойный век «Чудо Богородицы» — серия пьес, появившихся во второй половине столетия — несла утешение и веру в Божественное всемогущество. Несчастливого человека, бедного или злого, могло утешить чудесное вмешательство Святой Девы. Самая уязвимая фигура в обществе — падшая женщина, соблазненная и брошенная или понапрасну обвиненная в преступлении, становилась обычно главным персонажем пьесы. В одном спектакле молитвы женщины, долго неспособной родить, были наконец услышаны Богоматерью и принесли ей сына; но, утомившись после тяжких родов, она уснула, пока купала младенца. Ребенок захлебнулся, мать обвинили в убийстве младенца и осудили к сожжению на костре. В ответ на мольбы ее мужа с неба спустилась Богоматерь, чтобы его утешить, а грешная мать высказала перед казнью последнюю просьбу — взглянуть на своего ребенка, и младенец ожил в ее руках.

Люди, испытывающие чувство вины, неверные супруги, распутные монахини, беременные аббатисы, прелюбодейки-королевы, родовые муки, жестокие смерти детей — все это присутствовало в сюжетах представлений. Персонажами выступало все человечество — гордые кардиналы и жалкие нищие, судебный пристав, жена мясника, евреи, хозяйка

постоялого двора, шумные студенты, рыцари, дровосеки, повитухи, деревенские дурачки. Пресвятая Дева была добра к ним и прощала всех, даже мать папы, раздувшуюся от гордости и полагавшую, что она выше Богоматери. После соответствующего наказания она тоже обретала благодать.

В представлениях Бог был одет в белое, его голову украшал золотой парик, борода и даже лицо тоже были золотыми, как и крылья у ангелов. У Ирода была черная борода и сарацинская одежда, на дьяволах и демонах — безобразные маски, головы венчали рога, имелись и раздвоенные хвосты, а тела нечисти были покрыты конским волосом. Часто они выбегали в публику, пугали и щипали зрителей.

Об апокалипсисе никогда не забывали, разыгрывали представления «Судный день» и «Сошествие в ад» — в последней постановке Христос спускается в ад и выводит Адама и пророков в рай. Антихрист появляется в назначенное время — традиционно за три с половиной года до Судного дня. Антихрист рожден в результате соития сатаны и вавилонянки, он искушен во всех демонических искусствах и обрел такую власть, что короли и кардиналы платят ему дань, пока не наступает Армагеддон и добро не побеждает зло. Спасенные отделяются от проклятых, а ангелы опустошают сосуды со злом.

Один английский лоллард, желая оправдать постановки XIV века, заявлял, что мужчины и женщины, глядя на страсти Христовы и святых, «сочувствуют и проливают горькие слезы, они не презирают Бога, а почитают Его». Зрители видят, как дьявол вводит людей в искушение, в гордыню и заставляяет себе служить, но

«Бог наставляет малых сих на путь истинный, свершает чудо, и люди начинают верить». Возможно, не убежденный собственными доводами, он резонно добавлял, что люди нуждаются в некоем развлечении и лучше пусть смотрят на чудеса, чем на фривольные представления.

Вернемся к прерванному рассказу. Сцена осады Иерусалима, разыгрывавшаяся перед императором, впервые показала историческое событие. От технических чудес и живости инсценированной битвы захватывало дух. Корабль крестоносцев — с мачтой, парусом и трепещущими знаменами — пронесся по залу «так легко и мягко», словно и в самом деле двигался по воде. Рыцари в достоверном облачении, с гербами, соответствовавшими трехсотлетней давности, высыпали с корабля на штурм иерусалимских крепостных стен. С нарисованной мусульманской башни муэдзин певуче возносил арабскую молитву Аллаху. Сарацины в тюрбанах размахивали острыми ятаганами, крестоносцев сбрасывали с лестниц, приставленных к стенам, зрители смотрели во все глаза, тронутые красотой картины, их волнение перерастало в восторг, им захотелось нового крестового похода, а ведь представление на это и было рассчитано. Карл так восхищался главным «пропагандистом» похода Филиппом де Мезьером, что взял его в королевский совет и назначил учителем своего сына.

Следующий день преподнес еще одно чудо. Корабль, специально построенный, как резиденция, с залами, комнатами, каминами, трубами и кроватями под балдахинами, должен был перевезти гостей на полмили вниз по течению реки, в новый дворец на Луаре. Император явно был поражен. Король показал ему, как

переделал старую крепость, — теперь это был «настоящий королевский дворец»: окна и широкая лестница, часовни, сады, фрески, залы, отделанные панелями, и оружейная комната со стрелами, украшенными перьями. После ужина императору представили глав факультетов университета, и он на латыни ответил на официальное приветствие ректора.

Основным вопросом для короля была война против Англии, эту тему обсуждали на следующий день на собрании, на котором присутствовали пятьдесят человек со стороны императора и примерно столько же от французов — герцоги, прелаты, пэры (в том числе и де Куси), а также рыцари и члены королевского совета. Согласно хронисту, короля беспокоила «ложь, которую распространяли в Германии англичане», но Карл всегда старался найти оправдания тому или иному поступку. Король изложил дяде, которого, возможно, почитал, как отца, ряд уступок, предложенных во имя мира, и попросил императора рассудить его.

Король говорил два часа, начал со старинной ссоры Элеоноры Аквитанской, коснулся мирного договора в Бретиньи и пересказал сложные обстоятельства, при которых этот договор был подписан, а потом напомнил о возобновлении войны в 1369 году. Если его речь была путешествием из прошлого в настоящее, то ответ императора стал шедевром изящных формулировок. Он говорил о верности и братстве, о том, с каким глубоким почтением он сам, его сын и подданные относятся к чести французского короля и его страны, к братьям и детям Карла, отметил, что противоборствующие стороны действительно можно назвать «союзниками». Суть речи тем не менее была туманной. Хотя по окончании императорского визита к заключению союза так и не

пришли, необходимые слова все-таки прозвучали, и, возможно, именно этого французский король и добивался.

Он не поскупился на дальнейшее проявление любезностей и на вручение даров; они обменялись с императором эмалевыми кубками и кинжалами, украшенными рубинами, бриллиантами, сапфирами и жемчугом. Карл считал, что драгоценные камни, гобелены и искусство ювелиров являются свидетельством монаршего великолепия. Его дядя не постеснялся попросить у племянника изысканный часослов, и, когда Карл положил перед ним две книги — большую и маленькую, чтобы он мог выбрать, — император предпочел не выбирать, а взял обе. Он проявил и тактичность — посетил королеву и ее мать, вдовствующую герцогиню Бурбонскую, чья сестра Беатрис была его первой женой. Оба залились слезами, хотя Беатрис умерла тридцать лет назад и ее место с тех пор занимали последовательно три жены. Последний день провели с приятностью — в Венсенне, где на опушке благородного леса на берегу реки король построил свой любимый замок — Боте-сюр-Марн. Здание было роскошным и удобным, с великолепными гобеленами, фламандским органом и воркующими во дворе горлицами. Этот замок воспел поэт Дешан — «Поистине там все ласкает взгляд, / там дивну песню слышишь соловьину; / вокруг замка Марна вьются, шелестят деревья / щедры...»^[14]

Император отбыл из Реймса; до границы королевства его провожал де Куси и другие аристократы.

¹⁴ Здесь и далее перевод Д. Сильвестрова.

Возможно, его утомили столь многочисленные церемонии: смерть императора последовала через десять месяцев, в ноябре 1378 года.

Знаменательный визит, пусть и лишенный практической пользы, прославил французскую корону. Пусть пределы королевской власти были столь же неопределенными, как и прерогативы королевского совета, а институты королевского правления неустойчивыми, мнение Карла V о роли короны оставалось неизменным: монархия зависит от воли короля. Король зависел от закона, и долг его — в укреплении закона, ибо Господь не допускает в рай тиранов. Теоретически санкции проистекали из согласия подданных на управление, и великий теолог Жан Жерсон вынужден был напомнить преемнику Карла, что короли и принцы «выбирались вначале с общего согласия». Карл отлично знал, что культ монархии — основа народного согласия. Он сознательно подпитывал этот культ, но в то же время показывал, что правление может осуществляться децентрализованно, независимо от «главнокомандующего».

Даже в, казалось бы, благополучном 1378 году Франция не была застрахована от неприятностей. В Бретань и Нормандию вернулась война; Карл Наваррский, столь же злобный, как и двадцать лет назад, вступил в опасный союз с Англией; ересь и колдовство снова оказались на подъеме, востребованные людьми, которые были недовольны церковью.

Пожалуй, не найти эпохи, когда бы церкви, несмотря на ее господство, не оказывали где-нибудь сопротивления. В смутном XIV веке Бог казался

враждебно настроенным к человеку, и тем не менее потребность в единении с Богом никогда не была такой острой — и столь неудовлетворенной Его земными представителями. Церковь была занята войной в Ломбардии, сборами налогов в Авиньоне и постоянной заботой об укреплении своего положения, но все это не отвечало нуждам народа. Монашеское движение мнилось последним оплотом реформирования, но когда и монахи соблазнились наживой, люди, искавшие душевного спокойствия, постепенно стали отдаляться от церкви, прислушиваться к мистическим сектам.

Беггарды, или братья свободного духа, утверждавшие, что обретают Божественную благодать без посредничества священника или святого причастия, не только распространяли свои взгляды, но и сеяли смуту в обществе. Одна из сект добровольной бедности, постоянно протестовавшая против церкви, более века благополучно существовала в Германии, Нидерландах и на севере Франции. Иногда в связи с преследованиями проповедники притихали, уходили в подполье, но в XIV веке они оживились — подействовали светскость Авиньона и «вольнодумство» нищенствующих орденов. Братья свободного духа верили, что Бог в них самих, а не в церкви, они считали себя совершенными, безгрешными и думали, что могут делать то, что запрещено обычным людям. Список таких поступков возглавляли секс и владение собственностью. Братья практиковали свободную любовь и прелюбодейство, их обвиняли в групповом сексе, которым они якобы занимались в своих владениях. Они поощряли нудизм, тем самым демонстрируя отсутствие греха и стыда. Как «святые нищие», братья провозгласили право использовать и брать то, что им приглянулось — будь то цыплята у

рыночной торговли или обед в таверне, который они потребляли бесплатно. Пользуясь «правом от Бога», братья даже считали, что им позволено убивать тех, кто осмелится возразить.

Пусть деяния братьев были не так чисты, как теория, побуждения их тем не менее были вполне религиозными. Они не искали социальной справедливости, их волновало только личное спасение. Средневековые ереси были связаны с Богом, а не с человеком. Бедность трактовалась как подражание Христу и апостолам, а также как намеренное противодействие алчности продажных обладателей собственности. Люди, не обладавшие собственностью, считались безгрешными. Это было не отрицание религии, а избыток набожности, стремление к очищению христианства. Подобные взгляды, разумеется, считались ересью: в мистическом отрицании собственности церковь распознала ту же угрозу, что и в проповедях Уиклифа.

В монашеской, намеренно порванной одежде братья свободного духа, словно воробы, заполнили города — молились, попрошайничали, прерывали церковную службу, насмехались над монахами и священниками. Родом они были из писцов, студентов, инакомыслящих священников и из имущего класса, особенно женщины, язык у них был подвешен, люди эти были, как правило, грамотные. Женщины впадали в мистику из разочарования и поиска экстаза. В бегижах (общежитиях) они сформировали новую секту — мирской союз для благочестивых целей. Когда в женских монастырях не находилось места, бегижи давали приют незамужним женщинам и вдовам, или, как писал один епископ, критиковавший бегинок, убежище от «принуждения к брачным оковам». Вступая в секту,

женщины давали клятву на верность Богу перед приходским священником или другим клириком; тем не менее движение это не было официально принято церковью. На уличных собраниях бегинки читали Библию, переведенную на французский язык.

В то время как братья свободного духа принимали к себе людей обоего пола, два их главных трактата были написаны или сформулированы женщинами. Одна из них — загадочная фигура, известная как сестра Катерина (*Schwester Katrei*), вторая, Маргарита Поретанская, написавшая «Зерцало простых душ», в 1310 году была отлучена от церкви и сожжена вместе со своим творением. По ее стопам следовала Хельвига, дочь богатого брюссельского купца, привлекавшая своим учением фанатичных учениц. В 1372 году инквизиция осудила это движение и сожгла пропагандировавшие его книги в Париже на Гревской площади; сожгли и женщину из французской общины, Жанну Добантон, вместе с трупом скончавшегося в тюрьме мужчины-беггарда. Но, несмотря на инквизицию, еретическое движение францисканцев, как и братство свободного духа, упорствовало и расширяло свое влияние.

Все предрекало апокалипсис. Герцог Анжуйский разрешил медицинскому факультету университета Монпелье вскрывать по одному трупу в год, и в 1376 году, глядя на такой труп, заметил, что население сильно сократилось из-за эпидемий и войн, и, «если этот ход событий продолжится, миру придет конец». Под влиянием страшных и непредвиденных происшествий взвинченные умы обратились к магии и сверхъестественному. Французский инквизитор в 1374 году спрашивал у папы, обращает ли тот внимание на колдунов, и Григорий XI заверил, что будет усиленно их

преследовать. С начала столетия папство принимало карательные меры в отношении всего сверхъестественного, особенно во время сверхактивного правления Иоанна XXII. В двадцатых годах XIV века папа Иоанн издал несколько булл, в которых называл колдунов еретиками и приказывал их карать, поскольку они заключили «договор с преисподней», оставили Бога и идут на поводу у дьявола. Их книги с магическими заклинаниями папа приказал найти и сжечь. Впрочем, вопреки буллам, случаев преследования отмечено мало, пока не наступила вторая половина века, когда колдовство и демонология не обрели новую жизнь, и тогда были приняты новые суровые меры. В 1366 году совет Шартра приказал каждое воскресенье во всех приходских церквях предавать колдунов анафеме.

Демонология и черная магия были противоположностью ереси, но религиозность в них отсутствовала, поскольку те, кто их исповедовал, искали союза не с Богом, а с дьяволом. На своих обрядах адепты славилы Люцифера, называя его царем небесным, верили в то, что он и другие падшие ангелы захватят небо, а архангел Михаил со товарищи отправятся в ад. Договор с дьяволом предлагал удовольствия без раскаяния, радости плотской любви, удовлетворение земных амбиций. За все это требовалось платить вечным адским огнем, во всяком случае многие ожидали этого в Судный день. Демонология, как и всегда, была не более чем помрачением ума, и все-таки церковь считала ее опасной.

Распознать, какая магия является законной, а какая дьявольской, представлялось проблематичным. Уважаемые колдуны заверяли, что, благодаря крещению и изгнанию бесов, их восковые или свинцовые

изображения набирают силу, а обряды освящены; мол, Господь добился послушания демонов, и Господу угодно их искусство, поскольку желания людей исполняются. Теологи такие претензии отвергали. Даже если колдуны возвращали загулявшего любовника или излечивали больную крестьянскую корову, помощь они оказывали вне дозволенного церковного канона, без священников и святых. По мере того как времена становились все мрачнее, магию и колдовство все чаще воспринимали как договор с сатаной.

Женщины обращались к колдовству по той же причине, по которой они впадали в мистицизм. В 1390 году в Париже одну женщину подвергли пыткам за то, что она применила магию к неверному любовнику: уйдя к другой, тот сделался импотентом. В результате и колдунью, и неверного любовника сожгли на костре. На следующий год еще две женщины были приговорены к смерти по обвинению в причинении вреда (*maleficiam*). Поскольку в судах применялись пытки, обвинители вытягивали из людей любые признания, в том числе об обладании бесовской силой; а поскольку обвиняемые зачастую были слабоумными или фанатиками, они тотчас сознавались в наличии у себя таких способностей. Они признавали, что общаются с демонами, утверждали, что заключили договор с дьяволом из-за вожделения или из чувства мести. Говорили, что принимают участие в дьявольских обрядах, летают по ночам и сношаются с дьяволом, принимающим облик огромного черного кота, или козла с горящими глазами, или чернокожего великана с огромным фаллосом и глазами, пылающими, как угли. Дьявол представлялся сатиром с рогами и раздвоенными копытами, острыми зубами и клыками, а иногда и с ослиными ушами, от него исходил серный

запах. Знания о магии развивались, чему способствовали и обвинители, и галлюцинирующие обвиняемые; вместе они заложили основу для ненависти к колдовству, проявившей себя во всей красе в следующем столетии.

В это время прозвучал ясный голос здравого смысла — советник короля, философ Николя Орем презирал и астрологию, и колдовство. Человек ученого склада ума, хотя и священник, он был математиком и астрономом, перевел труды Аристотеля по экономике и политике. Одна из его работ начиналась предложением: «Земля круглая, точно мяч», — в этой работе философ выдвинул теорию о вращении Земли. Опровергая способности, приписываемые колдунам, Орем отрицал, что они вызывают духов, хотя и не исключал при этом существования демонов. Он писал, что не все явления можно объяснить естественными причинами, некоторые чудеса или сверхъестественные события, должно быть, являются следствием деяний ангелов или демонов, однако сам предпочитал искать всему естественные и рациональные объяснения. Колдуны, говорил он, склонны использовать особые средства, при помощи которых добиваются иллюзий, — темнота, зеркала, лекарства, газы или дым рождают видения. Основой для возникновения иллюзий могло стать и помрачение сознания, вызванное постом или испугом. Орем опередил свое время, он предположил, что причиной появления демонов и духов может быть болезнь или меланхолия. Он также отметил, что признание в колдовстве нередко добывается пытками, а «чудеса» творят священники ради увеличения доходов церкви.

Орем доказывал несостоятельность обобщений. Король высоко ценил философа, но в то же время держал при дворе астролога Фому Пизанского. Дабы

истребить англичан, Фома с согласия короля отливал их восковые фигурки и втыкал им в сердца иглы.

Склонность к науке не могла помешать вере в то, что на нынешний век оказывают влияние некие злые силы. Столетие вступило в последнюю четверть, и все поверили в силу демонов и ведьм. Теологический факультет Парижского университета в конце века торжественно объявил, что древние злые силы, почти было забытые, снова восстали и с удвоенной энергией терзают общество. Был даже составлен индекс из 28 пунктов, отвергавший не черную магию как таковую, а законность ее использования. Не менее страстно теологи отвергали скептицизм тех, кто сомневался в существовании и злокозненности демонов.

Отступничество от веры вызвало, как и всегда, переполох, несоразмерный проблеме. В конце концов ересь и колдовство, пусть укрепившиеся, не превратились в норму жизни. В 1378 году церковь столкнулась с реальной опасностью, причем возникшей изнутри.

ГЛАВА 16

ПАПСКАЯ СХИЗМА

В 1375 году в Италии возобновилась борьба за право Папского государства на существование. За время перемирия ненависть итальянцев к папским наемникам и английским легатам не только не уменьшилась, но продолжала накапливаться. Агенты французского папы смотрели на население с презрением, характерным для колониальных губернаторов по отношению к аборигенам. Когда племянника аббата Монмайе, легата в Перудже,

охватило вдруг желание к жене одного местного жителя, он вломился к ней в спальню и взял бы ее силой, если бы в поисках спасения дама не подбежала к окну; потом она споткнулась, выпала на улицу и погибла. Возмущенные граждане направили делегацию к аббату и потребовали, чтобы он осудил племянника; аббат же беспечно ответил: «*Que donc!* [А что такого?] Неужто вы думали, что все французы евнухи?» Эта история облетела немало городов и породила всплеск ненависти по отношению к французам. Особенно остро ненависть проявилась во Флоренции.

Утверждение сильного Папского государства у своих границ Флоренция восприняла как угрозу, и это ощущение усилилось, когда в Тоскану прибыл Хоквуд, недовольный просрочкой уплаты налогов в папскую казну. Флорентийцы вынуждены были откупиться огромной суммой — 130 000 флоринов. Горожане решили, что Хоквуда натравил на них папа. Антипапизм флорентийцев выплеснулся во вспышке давней вражды гвельфов и гибеллинов. Позднее французский наместник Генуи поведал о наследственной черте итальянцев — бессмысленной вражде, понуждавшей их вцепляться друг другу в горло.

Ссора вспыхивает не из-за земли и не из-за власти, достаточно лишь сказать: «Ты гвельф, а я гибеллин, мы должны ненавидеть друг друга». По этой причине люди, незнакомые друг с другом, могут, точно собаки, в любой день убить и изувечить один другого — как сыновья, так и отцы. Год за годом вражда не прекращается, и нет средства ее обуздать... Так появляются деспоты, их избирают люди без причины и без закона. Едва одна партия берет верх над другой, те, кто сверху, кричат: «Да здравствует тот-то и тот-то!» и «Смерть тому-то и

тому-то!», они избирают кого-то из своих рядов и убивают противника, если тот не успевает сбежать. А когда верх берет другая партия, она поступает таким же образом, и тогда ярость народа, от которой Господь нас защищает, сметает все на своем пути.

Недовольство гвельфов папской партией, впрочем, не достигло еще такого накала, чтобы они взяли в руки оружие и повернули его против церкви. Но в голодные 1374–1375 годы папские легаты наложили запрет на экспорт зерна из Папского государства во Флоренцию, и вот тогда страсти дошли до точки кипения. Под надписью «*Libertas*» (свобода), выведенной золотом на красном знамени, в 1375 году Флоренция восстала против папства, и к ней присоединились Милан, Болонья, Перуджа, Пиза, Лукка, Генуя и правители других городов, имевшие зуб на папство.

Имеется свидетельство хрониста — «нынешние времена выпали на управление планеты, сеющей раздоры и склоки». В августинском монастыре возле Сиены, писал он, «монахи убили своего приора ножом», а в соседнем аббатстве случилась драка в стенах святого заведения, после чего «шестерых братьев изгнали». Из-за ссор между монахами глава Картезианского ордена вынужден был вмешаться и переселил всех в другие дома. «Не лучше было между людьми одной крови... Весь мир пребывал в драчливом настроении. В Сиене ни один человек не держал слова, люди спорили со своим начальством, не соглашались ни с кем, весь мир превратился в долину теней».

Этот бунт вознес человека, ставшего катализатором новой катастрофы. Роберт Женевский,

тридцатичетырехлетний легат папы в Италии и кардинал, не гнушался применять силу для овладения территориями. Брат графа Женевского, потомок Людовика VII и кузен Карла V, родственник графов Савойских и половины европейских монархов, он, как и многие принцы, не признавал никаких ограничений. Он был хром и косоглаз; одни говорили, что еще он мал ростом и толстый, другие утверждали, что он красив и хорошо сложен, — характеристика зависела от того, какую сторону в наступающей схизме занимал очевидец. Роберт обладал внушительными манерами, голос его был певуч, язык красноречив, письменная речь тоже хороша; человеком он был образованным, читал на нескольких языках и умел подчинять себе людей.

Во имя отвоевания Папской области он убедил Григория XI нанять бретонцев, самых отчаянных головорезов, и отправить их подальше от Авиньона. В мае 1376 года бретонцы перешли через Альпы и спустились в Ломбардию, наведя ужас на Италию своими мечами, благословленными папским легатом. Им не удалось, однако, захватить Болонью, центр Папской области, к тому же они потерпели несколько поражений от флорентийцев, чем вызвали гнев нанимателя. Разъяренный кардинал решил показать пример жестокости и воспользовался случаем в Чезене, возле восточного побережья, между Равенной и Римини. Когда расквартированные там бретонцы захватили еду, не заплатив за нее, то спровоцировали тем самым мятеж горожан, которые взяли за оружие. Поклявшись в милосердии своей кардинальской шапкой, кардинал Роберт убедил горожан Чезены сложить оружие и завоевал их доверие, выдав в качестве свидетельства своей доброй воли пятьдесят заложников. Потом он

призвал из соседнего города наемников, в том числе Хоквуда, и приказал устроить массовую бойню — «поучить справедливости». Встретившись с возражениями, он воскликнул: «*Sanguē et sanguē!*» («Крови, как можно больше крови!») — вот что он понимал под справедливостью.

Кардиналу повиновались. Три дня и три ночи, начиная с 3 февраля, солдаты проливали кровь при запертых городских воротах. «Все площади были забиты мертвецами». Сотни человек, пытавшихся сбежать, утонули во рвах, сброшенные туда безжалостными мечами. Женщин хватали и насиловали, за детей требовали выкуп, следом за убийствами шел грабеж, произведения искусства уничтожали, изделия ремесленников выбрасывали, «что не могло быть унесено, то сжигалось, либо портилось». Число убитых оценивали по-разному — в среднем между двумя с половиной и пятью тысячами человек. Восемь тысяч горожан, умоляя о милосердии, бежали в Римини. Двадцать лет спустя великий проповедник Бернардино Сиенский все еще пугал людей этой страшной историей.

Хоквуд, говорят, был не совсем уж бессердечным: он отослал тысячу женщин в безопасный Римини и позволил некоторым мужчинам ускользнуть из города. В целом, его больше волновали деньги, а не убийства, и сразу после побоища в Чезене он уволился с папской службы, где платили немного, и заключил более выгодные контракты, предложенные Флоренцией и Миланом. Чтобы поставить наемничество на постоянную основу, Бернабо Висконти отдал за Хоквуда одну из своих дочерей, рожденных от любимой наложницы, с приданым в 10 000 флоринов. Политические и финансовые ресурсы

принца, отца тридцати шести детей, были весьма значительными.

Остававшиеся до его смерти двадцать лет Хоквуд жил в богатстве и уважении, синьория Флоренции избрала его капитаном и платила ему за службу, или за громкое имя, средствами, которые получала почти со всех городов-государств центральной и северной Италии. Хоквуд остался в памяти итальянцев удачливым разбойником, его пример вдохновил местных кондотьеров — Джакопо дель Верме, Малатесту, Коллеони, Сфорцу, — и вскоре они заняли места иностранных капитанов.

Роберт Женевский, прозванный итальянцами «Кровавым» и «Мясником Чезены», ни разу не попытался оправдать свои действия или извиниться. Он считал, что все горожане — бунтовщики по природе, точно так же в свое время смотрел на жителей Лиможа и Черный принц. Террор, развязанный Робертом и отозвавшийся по всей Италии, отнюдь не содействовал укреплению авторитета церкви. «Люди больше не верят ни папе, ни кардиналам, — писал хронист из Болоньи по поводу побоища в Чезене, — ибо таковые действия разрушают веру».

Тем временем папа отлучил от церкви Флоренцию и повелел всем не флорентийцам «изничтожать торговлю нечестивцев». Торговые обозы флорентийских купцов следовало захватывать, собирать долги в пользу города запрещалось, а клиентам более не было необходимости оплачивать заказы, исполненные Флоренцией. Разумеется, Флоренция отреагировала — конфисковала церковную собственность и заставила местное духовенство вновь открыть церкви, вопреки папскому

запрету. Общественное недовольство оказалось столь велико, что Совет восьми, управлявший городом, прозвали Советом восьми святых, а конфликт города с папой в итальянских хрониках получил известность как война Восьми святых.

Теперь уже обеим сторонам хотелось закончить войну, которая не только нанесла сокрушительный удар по торговле Флоренции, но и посеяла раздоры в Лиге. Мирное сосуществование итальянских городов-государств сделалось невозможным. Вдобавок невозможно стало управлять Папской областью из Авиньона; возникла и новая опасность — Флоренция начала посулами заманивать в Лигу Рим. Григорию, как и его предшественнику, стало ясно, что пора возвращаться домой. А требовательный голос подле него придавал убедительности этому намерению.

С июня 1376 года Екатерина Сиенская, которую через сто лет после ее смерти канонизировали и вместе с Франциском Ассизским называли святой покровительницей Италии, предлагала папе реформировать церковь и вернуться в Рим. Когда Екатерине исполнилось 29 лет, ее уже почитали и прислушивались к ее страстному и настойчивому голосу. После причащения святых тайн она впала в транс, и на ее ладонях, ступнях и на сердце появились стигматы, как у Христа после снятия с креста. Хотя следы эти видела только она сама, Екатерина была уверена, что Флоренция избрала ее послом для примирения с папой и снятия интердикта (папской анафемы). Главной своей миссией Екатерина считала заступничество за человечество, для чего ей надо было полностью слиться с Богом и Христом через очищение и

обновление церкви. Господь напрямую говорил с ней, и Его речь сохранилась в «Диалогах», которые она диктовала своим ученикам. Ученики верили в то, что «лично Господь-Отец отвечает славной и святой девственнице, Екатерине Сиенской... а она, будучи в экстазе, действительно слышит, что Господь говорит с нею».

За трансамы стоял суровый пост, недостаток сна и удобства. Чем больше крайностей в практиках такого рода, тем сильнее человек отдалялся от материальной жизни. (Согласно Жоффруа де Ла Тур Ландри, «есть один раз в день значит вести жизнь ангела, дважды в день — правильная жизнь мужчин и женщин; а более двух раз — жизнь животного».) Екатерина, говорят, съедала немного сырого салата, а если ее заставляли съесть что-нибудь еще, она отворачивалась и выплевывала только что прожеванное; если же пища или питье попадали в желудок, принуждала себя к рвоте. Она практиковала аскетизм с семилетнего возраста, когда ей было первое видение. Возможно, это связано с тем, что она была младшей из двадцати трех детей. Впоследствии она удалилась от большого и шумного семейства отца-красильщика и посвятила свое девство Христу.

Экстазы, в которые впадала Екатерина, были для нее реальными, как и для многих женщин, не пожелавших связывать себя брачными узами и ушедшими в религиозную жизнь. Христос подтвердил ее помолвку, писала Екатерина, «не серебряным кольцом, а кольцом Своей святой плоти, ибо когда Ему совершали обрезание, с Его святого тела было взято такое кольцо». Доминиканская сестра из благородной семьи выучила двадцатилетнюю Екатерину читать, и она перечитывала «Песнь песней» снова и снова, повторяя в своих

молитвах слова невесты — «Да лобзает он меня лобзанием уст своих», и была вознаграждена, когда Иисус явился ей и запечатлел «поцелуй, наполнивший ее невыразимой сладостью». После долгих молитв, которые она произносила в «полной вере», дабы сделаться инструментом для спасений грешников, Иисус назвал ее Своей невестой — то есть произошла церемония, «устроенная Богоматерью». На церемонии присутствовали святой Иоанн, святой Павел и святой Доминик, а на арфе играл царь Давид.

Поскольку в доминиканский монастырь Екатерину как женщину принять не могли, она посвятила себя заботе о человечестве — заботилась о заключенных, бедных и больных, ухаживала за чумными пациентами, среди которых оказались и двое ее братьев (а восемь племянников и племянниц умерли). Однажды в критической ситуации Екатерина отсосала гной из раны пациента, при этом она воображала, что прикается к ранам Христа как к духовному источнику.

По словам немецкого мистика Иоганна Таулера, современника Екатерины, необходимо было «прижаться губами к ранам распятого». Кровь, вытекавшая из ран, из-под шипов, из язв, оставленных кнутом, сводила с ума религиозных фанатиков. Это мнилось им священным источником, в котором можно очиститься от грехов. Пить кровь, омыwać ею душу означало спасение. Таулер столь долго размышлял об этом, что ему почудилось, будто он присутствует на месте распятия. Он подсчитал количество ударов бичом, он знал, что Иисус был так туго привязан к кресту, что кровь брызгала у него из-под ногтей; сначала его хлестали кнутом по спине, потом по груди, пока тело его не превратилось в одну сплошную рану. Святая Бригитта в своих откровениях видела

кровавые следы, когда Сын Божий шел по земле, а когда на голову ему надели терновый венец, «Его глаза, уши, Его подбородок залились кровью; челюсть Его раздулась, рот открылся, язык распух от крови. Живот Его так втянулся, что прилип к позвоночнику, словно внутренностей у Него больше уже не было».

Когда Екатерина заговаривала о Христе, своем женихе, то всегда упоминала кровь — «кровь агнца», «кровь, исполненную вечной божественности», «кровь, истекающую из сердца Иисуса». В каждой фразе — *sangue; sangue* и *dolce* (кровь и сладость) были ее любимыми словами. И слова изливались из нее потоком, не нуждавшимся в пере. Даже ее преданный духовник, Раймонд Капуанский, образованный человек, выходец из знатной семьи, будущий глава доминиканского ордена, иногда засыпал под звуки речи святой. За то, что так много сохранилось из откровений Екатерины, следует благодарить средневековых писцов, успевавших записывать ее многословные речи. Хорошо, что тогдашние ораторы использовали повторы: это позволяло слушателю вникнуть в смысл сказанного. Информация, по большей части, доходила до людей, пока они слушали герольдов, речи ораторов и чтение вслух, по этой причине писцы до наступления эры печати писали быстрее и лучше, чем когда-либо еще.

Слухи о видениях Екатерины и о ее постах распространились по свету, люди приходили посмотреть на нее, когда она впадала в транс. Екатерина разрешала гражданские споры и обращала на путь истинный отъявленных негодяев и проходимцев. Она приглашала к себе учеников, «как мать, зовущая дитя к своей груди». Ученики, в свою очередь, звали ее *татта*. С 1370 года она стала все больше участвовать в общественной жизни

— давала политические и духовные советы правителям, прелатам, магистратам и частным лицам.

Екатерина была абсолютно убеждена в том, что воля Бога и ее воля — одно целое. «Творите волю Божию и мою!» — велела она Карлу V в письме, склоняя короля к крестовому походу; в том же тоне писала она и папе: «Я требую... чтобы вы выступили против неверных!». Вслед за реформой церкви постоянной ее темой был «святой сладчайший крестовый поход». Григорий и сам во всех письмах выступал поборником крестового похода не только как средства оборонительной войны против турок, но также и как способа примирения Франции и Англии и удаления наемников из Европы. Екатерина же просила мира и страстно восклицала: «Мира, мира, ради Господа...» — с такой же страстью она обращалась ко всем правителям. Для нее крестовый поход имел религиозное значение. Это был труд христиан во славу Господа, и самыми главными радателями этого труда были Екатерина и Филипп де Мезьер.

«Будьте не боязливым ребенком, а мужем, воспряньте, святой отец! Долой небрежение!» — подначивала Екатерина папу. Она и Хоквуда призывала подняться против врагов Христа, а не мучить Италию бесчинствами и разрушениями. В письме, адресованном кондотьеру «господину Джованни» и доставленном лично отцом Раймундом, она писала: «Умоляю Вас слезно, поскольку Вы находите удовольствие в войнах, не воюйте более с христианами, ведь этим Вы обижаете Бога». Потом она призвала его идти воевать с турками — «из солдата и слуги дьявола Вы обратитесь в мужественного человека, истинного рыцаря. Все же желает душа моя, чтобы Вы изменили свою жизнь и принесли служение и

крест распятого Христа и стали его служителем, а с Вами и все Ваши сотоварищи и последователи».

Любимым увещанием Екатерины было: «Будьте мужественны!». В ее видениях Дева Мария почти не появлялась, вся страсть Екатерины была устремлена на сына Богоматери. И все же в мирских делах Екатерина часто взывала к женскому влиянию и обращалась не к Бернабо Висконти, а к его решительной жене Регине; писала не королю Венгрии, а его властной матери, Елизавете Польской. Герцога Анжуйского Екатерина считала вождем крестового похода и просила, чтобы именно он презрел все удовольствия мира и отправился с крестом на священную войну. Когда она лично посетила его и герцогиню, герцог уже вполне приготовился возглавить поход и внял этому призыву.

В Авиньоне Екатерину угнетала атмосфера сладострастия и «греховного зловония», а также любопытство аристократок, которые щипали ее, чтобы проверить, действительно ли она впадает в транс после причастия, и даже кололи длинной иглой. Все свои тревоги она высказывала в бесконечных письмах папе, к которому обращалась «святой отец» и «сладчайший мой папа» (*dolce babbo mio*), а также на публике и во время частных аудиенций; при этом Раймунд Капуанский служил в качестве переводчика, поскольку Екатерина говорила на тосканском наречии, а папа — на латыни. Она требовала, чтобы папа начал реформу церкви с назначения достойных священников. Необходимо успокоить Италию, но не оружием, а милосердием, папа должен вернуться в Рим, но не с вооруженной охраной и с мечом, а с крестом, словно святой агнец, «ибо кажется мне, что кротость и прощение превратят свирепых волков в ягнят... и я приведу их, покорных, к Вашей

груди. О, святой отец, добейтесь мира во имя любви к Богу».

Ее голосом говорили люди, страдавшие под властью «свирепых волков», и жажда религиозной реформы. Реформа для большинства людей означала освобождение от вымогательств церкви. В Германии в 1372 году сборщиков папских налогов хватали, калечили, некоторых даже душили, а священники Кельна, Бонна и Майнца клялись, что не станут платить десятую часть доходов, которую требовал от них Григорий XI. В церковных приходах, разрушенных наемниками, десятины доводили священников до бедности. Многие уходили, оставляя деревни без литургии и причастия, а опустевшие церковные здания разрушались или использовались как сараи. Некоторые священники пополняли скудные доходы подработкой в тавернах, на конюшнях или в других местах, что считалось для клириков *inhonesta* (неприличным).

Прелатов из высших кругов отвлекали управление собственностью и светские обязанности, они переставали заботиться о своих епархиях. Поскольку церковь могла предложить амбициозным мужчинам карьеру, сулившую власть и богатство, многие, вступавшие на эту стезю, были озабочены материальным, а не духовным вознаграждением. «Нет более страха перед Господом, — горевала в Риме Бригитта, — на его месте бездонный мешок с деньгами». Все десять заповедей, обронила она, сведены к одной: «Неси сюда деньги».

Сознавая собственные прегрешения, церковь выпускала эдикты, в которых осуждала неподобающую одежду, внебрачное сожителство, недостаток религиозного рвения, однако она не могла

реформироваться, не пойдя против своих же интересов. Церковь стала зависеть от финансовой системы, это усугубилось ее пребыванием в Авиньоне; и хотя все признавали необходимость реформ, церковь сопротивлялась. Даже Екатерина в моменты просветления понимала, что реформа не может прийти изнутри. «Не плачьте, — сказала она отцу Раймунду, когда духовник прослезился из-за очередного церковного скандала, — ибо этим дело не кончится», дескать, в будущем не только миряне, но и клирики восстанут против церкви. Как только папа попытается осуществить реформу, продолжала она, прелаты окажут сопротивление, и церковь будет разделена, как при еретиках.

Саму Екатерину никто не упрекнул бы в ереси, она не была ни разочарованной, ни непокорной. Церковь, папство, священство, доминиканский орден были ее домом, а святость — его фундаментом. Она позволяла себе ворчать, но в кругу единомышленников. Разочарование же породило среди духовенства великих еретиков — Уиклифа, а в следующем поколении — Яна Гуса.

Обращения Екатерины позволяли Григорию XI противостоять давлению французского короля и кардиналов, настроенных против возвращения папства в Рим. Карл V утверждал: «Где папа, там и Рим», и послал своих братьев, герцогов Анжуйского и Бургундского к папе с тем, чтобы они его разубедили. Кардиналы тоже возражали против переезда в Рим, ведь короли Франции и Англии, «столь долго разделенные войной, разрушающей землю», вели разговоры о мире, и им требовалась помощь папы. Григорий оставался

непреклонен. Несмотря на мрачные времена, он верил, что только присутствие папы может удержать Рим для папства, а когда Рим в случае его возвращения пообещал подчиниться, ничто уже не могло отложить отъезд Григория.

В сентябре 1376 года он выехал из Авиньона. Папу не остановили ни его французское происхождение, ни слабое здоровье, ни ужасный шторм, от которого, словно в предупреждение, пострадали корабли. В последний момент его старый отец, граф Гийом де Бофор, в несдерживаемом порыве, характерном для тех времен, распростерся перед сыном и умолял его остаться. Григорий переступил через отца и пробормотал слова из псалма: «На аспида и василиска наступишь». Один из его епископов писал: «О Боже, если бы только горы сдвинулись и преградили нам путь».

Из-за нестабильной обстановки в Рим папа въехал лишь в январе 1377 года, а пятнадцать месяцев спустя, в марте 1378 года, Григорий скончался. Оставшееся ему время он боролся с сумятицей, царившей в итальянской политике, но оказался беспомощным, как и его предшественник Урбан V. На Григория навалились немалые трудности и хлопоты, а французские кардиналы, непрестанно призывавшие вернуться в Авиньон, рассказывали, что он уже согласился на возвращение, однако, чувствуя приближение смерти, сознательно затягивал отъезд, чтобы умереть в Риме: в этом случае избрание нового папы должно было произойти в этом городе, и тогда папство уже наверняка осталось бы там, где ему и надлежало быть. Разумное намерение Григория тем не менее лишь ускорило кризис, окончательно разрушивший средневековую церковь.

Схизма не имела ничего общего с доктриной или религиозным законом. В Риме собрались шестнадцать кардиналов — один испанец, четверо итальянцев и одиннадцать французов, разделившихся на две враждебные партии — лиможскую и галльскую. Поскольку ни одна французская фракция не готова была избрать папу из соперничавшей группы, обсуждение проходило бурно, особенно усердствовал еще при жизни Григория лидер галльской партии Роберт Женевский. Когда необходимые две трети голосов так и не удалось собрать, в качестве компромисса решили выбрать «серую мышку», чтобы ни одна из противоборствующих французских фракций не злорадствовала по поводу поражения соперника. Этой «мышкой» оказался Бартоломео Приньяно, архиепископ Бари и вице-канцлер курии, неаполитанец низкого происхождения. Этот человек невысокого роста и плотного телосложения был трудолюбив и непритязателен. В Авиньоне он прослужил долго, и обе французские группировки сочли его достойным кандидатом. Хотя он был ярым противником симонии и коррупции и характер имел вспыльчивый, как и у большинства южных итальянцев, им можно было вертеть при должном умении, а главное — склонить его к переезду в Авиньон.

После смерти Григория римляне увидели наконец возможность покончить с правлением французских пап и направили в Ватикан депутацию уважаемых горожан, дабы избрать «достойного человека из итальянцев», лучше всего римлянина. Рассматривали двух римлян — кардинала Тебальдески, «хорошего святого человека», пусть старого и дряхлого, и кардинала Орсини — этого посчитали слишком молодым и неопытным. Члены

коллегии не хотели рассматривать их кандидатуры именно по той причине, что они были римлянами.

Предчувствуя неприятности, французские кардиналы перевезли в замок Святого Ангела папскую казну и все домашнее имущество — столовое серебро, драгоценности, деньги, книги. Они потребовали от города обеспечения общественного порядка и защиты от насилия и оскорблений. Кардинал Роберт Женевский надел на всякий случай кольчугу; испанский кардинал Педро де Луна продиктовал завещание. Распространился слух, что папа находится под влиянием французов, свидетельством тому его переезд в Авиньон. Народ волновался, на улицах собирались толпы. В окружении «могучих солдат и воинственных аристократов» кардиналы вошли в Ватикан. Им было слышно, как под окнами народ кричит: «*Romano lo volemo!* („Мы хотим римлянина!“) *Romano! Romano!*» В воздухе витали призраки Кола ди Риенци и растерзанного толпой Якоба ван Артевельде.

Из страха за собственные жизни кардиналы принялись одевать дрожащего кардинала Тебальдески, не обращая внимания на протесты старика. Они надели на него тиару и облачение и посадили на трон, якобы как избранного папу, а сами потихоньку покинули Ватикан и спрятались в укрепленном месте за пределами города. Колокола на соборе Святого Петра перекрывали шум на улице. Толпа кричала «*Non le volemo!*» («Не хотим!») и «Смерть кардиналам!». Сверкнули мечи, люди прорвались в папские погреба, напились и разбушевались.

На следующий день, 9 апреля, кардиналы объявили об избрании новым папой архиепископа Бари; под

усиленной охраной Урбан VI проехал на белой верховой лошади в Латеранский дворец, его провожали злые глаза толпы. Известие об избрании папы передали шести кардиналам, остававшимся в Авиньоне, в тексте сообщения не было намека на возможную несостоятельность данного решения — ведь оно было принято в результате запугивания. Напротив, в первое время кардиналы относились к понтифику Урбану как к законному правителю и, как водится, засыпали его петициями, в которых просили за своих родственников.

Власть, поднявшая новоиспеченного папу над высокородными кардиналами, тотчас ударила Урбану в голову. Из скромного непредставительного чиновника, совершенно не готового к папскому трону, он за одну ночь превратился в непримиримого борца с симонией; к этому его толкало не религиозное рвение, а обыкновенная ненависть к привилегиям. Он публично и сурово критиковал кардиналов за уклонение от обязанностей, за роскошь и распутство, не разрешал им держать или продавать приходы, запрещал принимать от мирян деньги и другие блага; приказал папскому казначею не выплачивать им, как раньше, половину налогов, а использовать эти деньги для реставрации церквей в Риме. Мало того, он велел церковным владыкам ограничить свои трапезы одним блюдом.

Урбан обращался с прелатами бесцеремонно, не считаясь с их достоинством, лицо его становилось пунцовым, а голос — хриплым от гнева. Он грубо прерывал их возгласами «Чушь!» и «Заткнись!». Кардинала Орсини он называл *sotus* (полоумным) и чуть было не ударил кардинала Лиможского, но его остановил Роберт Женевский — оттащил и воскликнул: «Святой отец, святой отец, что вы делаете?». Урбан обвинил

кардинала Амьенского, выступавшего в качестве посредника между Францией и Англией, в том, что он берет деньги от обеих сторон. Кардинал вскочил и с «невероятным высокомерием» назвал его святейшество «лжецом».

Уверившись в собственной непогрешимости, Урбан ввязался в мирские дела Неаполя и объявил, что королевство дурно управляется, потому что правительница, королева Джованна, — женщина, и пригрозил заточить ее в монастырь либо свергнуть королеву за неспособность заплатить Неаполю папский налог. Эта беспричинная ссора, которую папа не захотел прекратить, стала поводом для объединения его врагов.

Чувства людей, поднявших над собой Урбана, вероятно, должным образом описать нельзя. Некоторые думали, что власть сделала папу *furiosus et melancholicus* — «гневливым и меланхоличным», короче, сумасшедшим. Вспышки гнева и оскорбления перенести еще можно, но не лишение доходов и привилегий. Когда Урбан отказался возвращаться в Авиньон, как это планировалось изначально, наступил кризис. Вместо того чтобы попытаться потребовать от буйного папы подписания «акта капитуляции», кардиналы задумали сместить Урбана. Поскольку процедуры удаления папы за непригодность не существовало, решили объявить выборы недействительными, — дескать, они проводились во время народных волнений. Кардиналы и в самом деле были напуганы, когда избрали Урбана, однако решение о его выдвижении было принято еще до угрозы бунта.

Первые разговоры о недействительном избрании возникли в июле 1378 года. С помощью герцога Фонди из Неаполитанского королевства кардиналы принялись

собирать воинское подкрепление. Тем временем вооруженные отряды римлян сплотились вокруг Урбана, поскольку тот завоевал их поддержку, отказавшись вернуться в Авиньон. Папа укрепил свои позиции, заключив мир с Флоренцией, и, к радости народа, отменил интердикт. Его посланник с оливковой ветвью сделал папство популярным у флорентийцев.

Кардиналы выехали из Рима в папскую летнюю резиденцию в Ананьи под охраной бретонских наемников Сильвестра Буда, бывшего с де Куси в Швейцарии. 9 августа они опубликовали обращение ко всем христианам: документ объявлял избрание Урбана незаконным, так как выборы понтифика проходили в обстановке, «опасной для жизни», под звуки «шумных и ужасных голосов». Кардиналы объявили папский престол пустующим и заранее опровергли оспаривание этого решения Вселенским собором на основании того, что собор может созвать только папа. В следующем манифесте они предали Урбана анафеме, назвали его «антихристом, изменником, тираном и обманщиком, избранным путем насилия».

Отречение папы являлось судьбоносным актом, и невозможно было представить, чтобы кардиналы предвидели раскол церкви. Скорее, они действовали в уверенности, что, выйдя всем составом из курии, заставят Урбана уйти в отставку или, в худшем случае, снимут его силой оружия. Отряд Буда, действовавший от их имени, в июле в вооруженном столкновении уже одержал победу над римскими защитниками Урбана.

Сначала кардиналы обратились за поддержкой к Карлу V. Все сведения, полученные королем Франции, говорили против Урбана, да и политические интересы

Карла склонялись в том же направлении. Одиннадцатого сентября он пригласил на совещание прелатов, юристов и теологов и предложил им заслушать сообщения посланников от кардиналов. После двухдневных размышлений совет благоразумно посоветовал королю воздержаться от поспешного решения по столь «рискованному и сомнительному делу». Если совет и уклонился от решительного ответа, то во всяком случае проявил разумную осторожность, которой Карл не последовал. Хотя король не предпринял никаких резких движений, дальнейшее развитие событий указывает, что он, должно быть, намеревался поддержать кардиналов, — и это стало его главной ошибкой.

Кардиналам никак не удавалось заручиться одобрением Парижского университета, и тогда они поехали в Фонди, во владения Неаполитанского королевства, и 20 сентября на конклаве избрали из своих рядов нового папу. Сложившиеся обстоятельства требовали сильного и решительного человека, и кардиналы сделали невероятный выбор. Человеком, которого в тот же день увенчали тиарой как Климента VII, был Роберт Женевский, «мясник Чезены».

Избрание антипапы неизбежно сулило распри; возможно, интересы папства продиктовали бы выбор, наиболее приемлемый для итальянцев. А вот избрание человека, которого боялись и ненавидели по всей Италии, означало вызов, почти такой же сумасшедший, как и поведение Урбана. Возможно, и сам XIV век был не вполне вменяем. Если критерием здравого смысла является личная корысть, свободная от предрассудков, то, по суждению Мишле, «ни одна эпоха не была столь естественно безумной». Коллегия кардиналов, в которой доминировали французы, не обращала внимания на

чувства итальянцев, однако так боялась сокращения доходов в результате реформ, что даже три итальянских кардинала^[15] молча согласились на избрание нового папы. Таков был результат авиньонской ссылки. Только циничный материализм позволил Роберту Женевскому занять престол святого Петра.

«О, несчастные люди! — восклицала Екатерина, выражая тем самым реакцию итальянцев. — Вы, кого церковь вскормила у своей груди, кого взрастила она в своем саду, как благоуханные Цветы, дабы вы, словно столпы, поддерживали Христа и, словно лампы, освещали мир и распространяли веру... вы, некогда ангелы на земле, вступили на путь дьявола... В чем дело? Мир разрушает яд себялюбия». Богатое воображение Екатерины, возможно, и было спутанным, но в нем чувствовалось почтение к великим церковникам и ощущение предательства. Врожденное здравомыслие святой, изменявшее ей, правда, в моменты экстазов, не позволяло Екатерине верить утверждениям кардиналов, что они избрали Урбана под давлением чрезвычайных обстоятельств.

Урбан и не подумал подать в отставку; вместо этого он за неделю сформировал новую коллегию кардиналов, а для защиты престола нанял отряд наемников под руководством одного из первых итальянских кондотьеров — Альбериго да Барбиано. Раскол дал Екатерине новую святую цель. «Настало время для новых мучеников, — подстрекала она Урбана. — Вы первый отдали свою кровь, какой же великий плод Вам достанется!» Поначалу так все и было. Силы Урбана одержали победу

¹⁵ Четвертый кардинал, старый Тебальдески, к тому времени умер.

в сражении против соперника, армией которого командовали Сильвестр Буд и племянник Климента граф Монтье. Они отвоевали замок Святого Ангела и взяли в плен двух вражеских капитанов, в результате чего Климент вынужден был бежать из Рима и укрыться у Джованны Неаполитанской. Однако население было настроено враждебно, люди кричали: «Смерть антихристу! Смерть Клименту и его кардиналам! Смерть королеве, которая его защищает!»; поэтому Климент вынужден был уехать. Поняв, что в Италии пощады ему не будет, в апреле 1379 года вместе со своими кардиналами он вернулся в Авиньон.

Один папа и коллегия кардиналов в Риме, другой папа и коллегия кардиналов в Авиньоне... Раскол сделался ужасным и неопровержимым фактом. После войны, чумы и вольных рот он стал четвертым бедствием несчастного века. Выборы в Фонди прошли, и каждый король должен был определиться, чью сторону принять, кого выбрать — правителя или папу, с кем остаться — с папой или с народом. В ноябре 1378 года Карл V официально признал Климента и издал закон, запрещающий любому человеку в королевстве подчинение Урбану, будь то священник или мирянин. Он отверг постановления Вселенского собора, в защиту которых выступил Парижский университет, потому что не хотел решений, противоречивших интересам Франции. Университет вынужден был подчиниться.

Англия, пребывавшая в естественной оппозиции к Франции и французскому папе, оставалась лояльной Урбану; Шотландия, разумеется, приняла другую сторону. Фландрия, хотя и являлась феодалом Франции, оставалась, по большей части, сторонницей Урбана, потому что граф Фландрии занимал в войне

проанглийскую позицию. Император Карл IV вовремя скончался, и ему не пришлось принимать решения, однако его сын и наследник Венцеслав, недавно столь радушно принятый в Париже, объявил, что поддерживает Урбана, и увел за собой большую часть империи, за исключением некоторых территорий, таких как Эно и Брабант, примыкавших к Франции. Позицию нового императора одобрили Венгрия, Польша и Скандинавия, чем весьма разочаровали Карла V, поскольку он думал, что его решение привлечет других монархов и оставит Урбана в изоляции.

Старый союзник Карла, король Кастилии дон Энрике, тоже умер, и решение ему принимать не пришлось, а его сын, Хуан I, хотя Карл V и оказывал на него сильное давление, не поддержал Климента и предпочел нейтралитет. Он заявил, что верен альянсу с Францией, но против желания своих подданных не пойдет. Простые люди, аристократы, клирики, ученые — писал он, — все выступают за Урбана. «Какое правительство, о мудрый государь, — вопрошал он у Карла, — когда-либо преуспевало в изменении настроений общества на свой лад? Можно ли наказаниями поработить свободную душу?» За время своего непростого правления Хуан I всерьез задумывался об отношениях правителя и подданного. К сожалению, Карл уже демонстрировал, что может силой воздействовать на общественное сознание. Нейтралитет, за которым попытался спрятаться и Педро IV Арагонский, оказался иллюзорным. Король Испании и особенно Португалии ощущали на себе политическое давление, что и вынудило их сделать выбор в пользу Климента.

Действия Урбана после его отказа покинуть трон стали грубыми, иррациональными и неконтролируемыми.

Он отлучил от Церкви Джованну Неаполитанскую за то, что она поддержала Климента. Урбан отказал ей от трона в пользу одного из ее родственников, алчного до власти Карла Дураццо. Таким образом, Урбан обратил свое правление в беспощадный конфликт. Из-за этого он ссорился и с Екатериной Сиенской, а когда в 1380 году та умерла, сознательно доведя себя до истощения, Урбан потерял искренний голос в свою поддержку. Он изыскивал многочисленные способы продвижения своего ничтожного племянника Франческо Приньяно, а когда Карл Дураццо отказался предоставить племяннику некоторые льготы, Урбан обратился к оружию. Карл Дураццо созвал войска и взял папу в осаду, Урбан по четыре раза на дню поднимался на крепостную стену и отлучал противников от церкви. Если до сих пор он и не был сумасшедшим, то поведение кардиналов и в самом деле расстроило его психику.

Доведенные до крайности буйством и мстительностью Урбана, два его кардинала переметнулись к Клименту, однако большинство чувствовало, что выбора у них нет и лучше уж остаться с Урбаном, а не возвращаться во Францию. Обремененные сумасшедшим папой, они создали нечто вроде совета регентов, который собирался управлять от его имени, но Урбан узнал о заговоре и арестовал шестерых кардиналов. Пока их пытали, добиваясь признания, Урбан, по свидетельству очевидца, ходил взад и вперед под окнами и громко читал молитвы из требника, прислушиваясь в то же время к стонам жертв. Пятеро были казнены, шестой, английский кардинал Адам Истон, помилованный благодаря вмешательству Ричарда II, выжил и рассказал, чему был свидетелем. По прошествии лет Урбана возненавидели так же, как и его соперника. С

двумя такими людьми, возглавившими святую церковь, казалось, что у Бога есть все причины пожалеть, что Он создал свое царство на земле.

Из всех предсказанных для этого века бед и напастей самым губительным было влияние раскола на общественное сознание. Если один папа отлучал от церкви приверженцев другого понтифика, то кто мог быть уверен в спасении? Каждый христианин обнаруживал, что находится под проклятием либо одного, либо другого папы и при этом не был уверен, что тот, чьим приверженцем он является, — истинный папа. Возможно, людям говорили, что святые дары, которые им давали, ненастоящие, потому что священник служит «не тому папе», или что масло для крещения не освященное, потому что его благословил епископ-раскольник. В некоторых областях могли назначить епископов, находившихся в подчинении разным папам, и святые отцы служили мессу, а ритуал другого священника объявляли кощунством. Один и тот же религиозный орден в разных странах мог вызвать локальный раскол, так как во главе монастырей стояли противоборствующие приоры и аббатства конфликтовали друг с другом. Если, например, во Фландрии в результате политического и экономического соперничества город объявлял себя приверженцем французского папы Климента, то люди, лояльные Урбану, опасаясь жить в подчинении антихристу, покидали дома, бросали лавки и мастерские и переезжали в епархию «истинной веры».

Раскол произошел не в результате принятия некоего религиозного закона, но тем не менее стал установленным фактом, и противоборствующие стороны испытывали друг к другу ненависть, проявившую себя в последующих религиозных войнах. Оноре Боне

воспринимал Урбана как падающую звезду из Апокалипсиса святого Иоанна, звезду, которой дарован ключ от бездны. «Дым огромной печи», поднимающийся из ямы и заволакивающий солнце, — вот чем была схизма, затемняющая папство. «Саранча и скорпионы, римляне-предатели», терроризируя конклав, силой добились фальшивых выборов.

Поскольку папские доходы были разорваны пополам, раскол довел финансы Папского государства до катастрофического состояния. Чтобы спасти оба папства от банкротства, удвоили симонию, фактически насильно продавали приходы и повышение по службе, возросло количество обвинений за распространение разного рода религиозных учений; взимались налоги за каждый документ, запрашиваемый в курии. Продажа индульгенций — зародыш Реформации — сделалась важнейшей статьей доходов. Множились злоупотребления, подрывавшие веру. Когда умирал французский епископ или аббат, то, по свидетельству монаха из монастыря Сен-Дени, написавшего «Хронику царствования Карла VI», сборщики налогов из Авиньона налетали, словно стервятники, под предлогом погашения долгов и уносили вещи покойного и церковное убранство. Повсеместно пренебрегали службой Богу; религиозное рвение паствы ослабевало; денег не стало, и священнослужители с унылым видом слонялись по стране.

Папские легаты уже не искали мира между Францией и Англией, открыто выступали за ту или за иную сторону, потому что для уничтожения соперника каждый искал военной поддержки. Непристойная перебранка над телом церкви позорила христианство. Церковь тянут то в одну, то в другую сторону,

сокрушался монах из монастыря Сен-Дени, — «словно уличную девку, найденную на месте драки». Церковь стала предметом сатиры и насмешек для людей всего мира, и о ней каждый день сочиняли куплеты.

Карл V более, чем кто-либо другой, нес ответственность за появление схизмы, ибо без поддержки Франции Климент попросту не надел бы тиару. Климент осознал свой долг, едва сделавшись папой, и отдавал королю треть налогов французского духовенства. Под конец своего правления Карл испортил все, чего прежде добился для благоденствия Франции. Стремясь подчинить папство Франции, он добился избрания французского кандидата. Но, хотя Карла и прозвали Мудрым, король не был застрахован от болезни, присущей правителям, — он переоценил свою способность управлять событиями.

Более ярого приверженца Климента, чем брат короля герцог Анжуйский, было не сыскать. Причиной тому оказались амбиции. Как только герцог узнал об избрании Климента, он тотчас сообщил об этом на улицах Тулузы, в соборе отслужили мессу, во всех церквях пели «Тебя, Бога, славим». Говоря о новом понтифике как о «близком родственнике, принадлежащем, как и я, к французскому двору», герцог приказал слушаться нового папу, раздал деньги кардиналам и разослал гонцов за поддержкой во Флоренцию, Милан и Неаполь. Когда Климент потерпел поражение от армии Урбана и потерял Италию, папа обратился за военной помощью к Анжуйскому. Герцог потребовал взамен королевство.

По соглашению между ними, засвидетельствованному буллой от 17 апреля 1379 года,

герцог Анжуйский должен был отвоевать Папскую область в Италии и забрать себе большую ее часть — королевство Адрия. Название это происходило от Адриатики, на берегах которой королевство находилось. В состав королевства должны были войти Феррара, Болонья, Равенна, Романья, Анконская марка и герцогство Сполето. Эта территория должна была стать феодалом, выплачивающим Ватикану каждый год по 40 000 франков. Каждые три года герцог Анжуйский обязывался дарить папе белого коня в знак своего вассальства. В булле отмечалось, что Адрия и Неаполь никогда не будут подчиняться одному правителю. Для сбора финансов и воинов герцогу Анжуйскому дали отсрочку в два года; было условлено, что если по истечении двух месяцев с указанного срока он не отправит в Италию экспедицию или не пошлет вместо себя «способного полководца», соглашение станет недействительным.

Адрия была «королевством в облаках». Папским войскам ни разу не удалось овладеть желанными территориями, и не было резона предполагать, что французский принц преуспеет там, где провалились они. Однако переоценка своих способностей все больше и больше влияла на французских политиков, а вдобавок им срочно требовалась помощь герцога Анжуйского для удержания королевы Джованны на троне Неаполя — единственной базы Климента в Италии. Чтобы у герцога был законный интерес прийти к ней на помощь, герцога Анжуйского — как дальнего родственника Джованны — сделали наследником бездетной королевы. Назвав его будущим королем Неаполя и предполагаемым королем Адрии, Климент тем самым подготавливал правление, которое он до того предавал анафеме; возможно, он не ожидал, что Анжуйскому удастся и то и другое. Неаполь

поманил к себе герцога, теперь его судьба была связана с Италией, и вскоре туда же притянуло и де Куси.

Для привлечения французского общества папе Клименту требовалось нечто большее, чем просто указ. В апреле-мае 1379 года в Париже состоялось несколько публичных заседаний, целью которых было внушить горожанам мысли о незаконности избрания Урбана. Кардинал Лиможа, который едва не пострадал от Урбана, лично поведал обо всем, что случилось. Прижав руку к груди и призывая в качестве свидетелей своей искренности Бога, ангелов и святых, он поклялся, что кардиналы проголосовали за Урбана «из страха смерти». А вот Климента, сказал он, избрали законно, в обычных условиях, необходимых для выбора настоящего понтифика. Вслед за ним Карл V объявил, что все сомнения насчет избрания Климента должны быть устранены, так как совершенно ясно, что столь авторитетный и мудрый муж, как кардинал Лиможа, не станет «закладывать свою душу из любви или ненависти к живому человеку». На последующих собраниях другие кардиналы тоже клятвенно подтвердили версию о насильственном избрании Урбана.

7 мая в замке Венсенн, в присутствии короля, герцога Анжуйского, сира де Куси и других знатных персон — аристократов, прелатов и теологов — было получено официальное согласие. Король снова просил кардиналов по очереди рассказать все, что им известно об обстоятельствах избрания Урбана, дабы избавить людей от сомнений и «укрепить нашу веру». Скрывая в душе тревогу, собравшиеся единогласно высказались в пользу нового папы. Спустя неделю состоялась торжественная церемония. На площади перед собором Нотр-Дам на возвышении, специально построенном по

такому случаю, четыре кардинала, поддержанные герцогом Анжуйским, провозгласили папой Климента VII и объявили раскольником любого, кто откажется ему подчиняться.

Парижский университет остался непримирим. На магистров теологии не произвел впечатления компромисс, к которому пришло общество, они сдались не так легко, как епископы. Для них избрание наследника святого Петра было делом серьезным. Под сильным давлением со стороны короны 30 мая они формально приняли Климента, однако согласие было вынужденным, не единодушным, и предвещало неприятности. Через два года после смерти Карла V все четыре факультета предложили созвать Генеральный совет, положить конец схизме и добиться от короны исполнения этих требований. Хотя вероятность подобного исхода была невелика, в истории церкви известно пятнадцать таких советов, занимавшихся решением серьезных вопросов. Обращение университета от 1381 года, представленное магистром теологии Жаном Руссом, было адресовано враждебно настроенному герцогу Анжуйскому, на ту пору регенту. В качестве устрашающего примера, чтобы другим было неповадно, герцог велел арестовать Русса и заточить в Шатле. Такое оскорбление духовенству и университету вызвало скандал, не стихший и после того, как Русса освободили при условии запрета каких-либо дискуссий о выборах папы.

Выдающиеся доктора теологии в смятении бежали в Рим, к Урбану. Уезжали и другие. Студенты и преподаватели, не желавшие подчиняться Клименту, отбыли в университеты Италии и в Оксфорд. Один магистр, уезжавший из Франции, сказал так: «У солнца

познания случилось затмение». В этот период Парижский университет начал утрачивать репутацию международного научного центра.

В Англии схизма привела к поворотному моменту, из которого впоследствии родится протестантизм. Поначалу Уиклиф приветствовал Урбана как реформатора, но финансовые злоупотребления «святых отцов» становились вопиющими, и Уиклиф увидел в схизме естественный конец коррумпированного папства. С того момента как церковь позволила пастве покупать покаяние, Уиклиф понял, что из этого, кроме зла, ничего не выйдет. В 1379 году он пришел к радикальному заключению: поскольку церковь не в состоянии себя реформировать, ее следует передать под управление мирян. На короля он смотрел как на заместителя Бога на земле, раздающего власть епископам, следовательно, через него, как попечителя церкви, можно провести реформы. Уиклиф готов был ликвидировать всю церковную верховную власть — папство, священноначалие, ордена. Отвергнув божественную власть церкви, он отверг и ее суть — силу обрядов, в том числе и евхаристию.

Далеко зайдя в своей ереси, он заявил, что церковь не властна спасать человека, и препоручил спасение каждому в отдельности: «Ибо всякий человек, которому грозит проклятие, получит его по собственной вине, и всякий спасшийся заслужит спасение своей добродетелью». Сам того не зная, Уиклиф стал провозвестником нового мира.

Когда Уиклиф предложит лишить церковь собственности у него нашлись могущественные друзья; когда же он отверг божественную власть духовенства,

его патроны, испугавшись ереси и геенны огненной, отказались от него. В 1381 году совет, составленный из двенадцати докторов Оксфордского университета, объявил восемь тезисов Уиклифа «неканоническими», а четырнадцать — еретическими, и запретил ему читать лекции. Хотя Уиклифа заставили замолчать, работы его распространялись поскольку он перевел Библию на английский язык. Священное писание примерно из 750 000 слов было переведено Уиклифом и его учениками-лоллардами и открыло тем самым прямую дорогу к Богу в обход священников. После крестьянской революции наступила мрачная реакция, лолларды подвергались нападкам, и человека могли обвинить в ереси только за то, что находили у него Библию на английском языке, а потому изготовление копий Священного писания сделалось опасным и рискованным занятием. Поскольку 175 копий до сих пор сохранились, в то время как многие, должно быть, были уничтожены во время преследования еретиков, а другие экземпляры за несколько столетий просто утеряны, — можно предположить, что многие сотни, вероятно, были терпеливо и тайно переписаны от руки. Уиклиф умер в 1384 году, а преследование еретиков усилилось, в связи с чем назревало и недовольство. Когда в 1415 году Яна Гуса сожгли на костре за ересь, в это же время власти приказали выкопать и сжечь кости Уиклифа. Даже раздираемая расколом, церковь по-прежнему сохраняла властные полномочия. Расшатывание старых и знаменитых зданий — процесс медленный и незаметный, поскольку фасад выглядит все так же солидно.

Европу раздирали два папства, а потому церкви все труднее было покончить с расколом, поскольку противостояние с каждым годом лишь усиливалось.

Умные люди понимали, насколько губительно такое положение для общества, пытались найти способ воссоединения, но в схизме, как и на войне, явная вражда не позволяла перекинуть мост через пропасть. Вселенский собор, при поддержке Парижского университета и многих заинтересованных лиц, был очевидным решением. Тем не менее оба папы решительно отвергали это посредничество. Раскол в христианстве длился сорок лет. Согласно популярному высказыванию в конце века, никто из тех, кто начал схизму, не вошел в царствие Божие.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 17

ВОЗВЫШЕНИЕ ДЕ КУСИ

Вновь став «истинным французом», де Куси оставался правой рукой короля до самого конца его правления. Несмотря на то что Карлу V исполнился всего 41 год, он чувствовал, что время поджигает. В феврале 1378 года его супруга, королева Жанна Бурбонская, ровесница Карла, умерла от родовой лихорадки, произведя на свет дочь Екатерину. Через три недели скончалась и последняя из пяти старших дочерей, так что из восьми детей короля остались лишь двое сыновей и новорожденная девочка. Король страшно горевал по жене, и «многие другие хорошие люди — тоже, потому что они с королевой любили друг друга, как верные супруги». Спустя месяц случилась еще одна смерть — еще до раскола — скончался папа Григорий XI, с которым Карл был очень близок, в ноябре умер и дядя короля — император, а вслед за ним и давний союзник Карла, король Кастилии Энрике. Во всех этих потерях Карл не мог не ощутить приближение собственного конца, а потому он торопился оставить свое королевство в мире и согласии.

С этой целью он хотел уничтожить три источника опасности — постоянные предательства Карла Наваррского, альянс герцога Бретани с англичанами и непрекращающуюся войну с Англией. Военные и дипломатические таланты де Куси и надежность, на которую обратил внимание еще Григорий XI, сделали

Ангеррана опорой для короля. Первым заданием, которое Карл дал де Куси, было окончательно изгнать Карла Наваррского из Нормандии.

Узнав об этом, Карл Наваррский снова договорился тайком — открыл Нормандию англичанам, и тогда Карл V поклялся выставить неверного вассала из всех городов и замков, которые у него имелись. У Наваррского было два сына, в Нормандии на их имя были оформлены феоды. Поскольку их мать, сестра Карла V, скончалась, дядя мог оформить опеку, ссылаясь на закон, оспорить который было нельзя: оба сына в это время находились при французском дворе. Почему их отец позволил этому случиться, неясно, разве только он собирался замаскировать свои отношения с Англией.

Законное свидетельство измены Наваррского представилось, когда в Париж прибыл его канцлер Жак де Рю с письмами для сыновей. При допросе де Рю сознался — без пыток, как отметил в своем дневнике король, — что Карл Наваррский планировал отравить короля сразу после Пасхи, собирался устроить это с помощью королевского пекаря. Воспользовавшись суматохой и переходом трона по наследству, Карл Наваррский захватил бы французские крепости на Сене, а англичане тем временем высадились бы в Нормандии.

В эту историю легко поверили, ведь Наваррский уже покушался на жизнь своего шурина графа де Фуа, и в той мелодраме, как в зеркале, отразился весь «мертвенный блеск» XIV столетия. Де Фуа женился на кокетливой Агнес, сестре Наваррского, однако будучи человеком «с горячими страстями», не прекратил любовных интрижек, в результате Агнес обиделась и ушла искать пристанища у брата. Из-за денежной ссоры король и граф уже

пребывали в натянутых отношениях. Когда пятнадцатилетний сын Агнес Гастон пришел к матери и умолял вернуться, она отказалась — пусть, мол, об этом попросит ее супруг. Карл Наваррский дал своему племяннику мешочек с порошком и сказал, что это заставит его отца пойти на мировую, только мальчик должен сохранить все в тайне, иначе ничего не получится. По возвращении Гастона домой мешочек с порошком обнаружил его брат-бастард Ивен, он показал мешочек графу, и тот скормил порошок одной из собак. Бедняга умерла в жутких судорогах.

Граф не стал убивать наследника — единственного законнорожденного сына, — но заточил его в крепость, а всю свиту Гастона, ездившую в Наварру, допросил и пятнадцать человек казнил. Гастон же, поняв, что дядя замыслил сделать его убийцей, впал в отчаяние и отказался принимать пищу. Услышав об этом, граф де Фуа, чистивший на ту пору ножом ногти, помчался к сыну, схватил его за горло, завопил: «Ну что, предатель, почему ты не ешь?» и случайно порезал ему шею ножом, который был у него в руке. Не проронив ни слова, мальчик упал, рана оказалась смертельной, и Гастон скончался в тот же день. К длинному списку прегрешений Карла Наваррского прибавился еще один смертный грех.

Подтверждением преступлений и предательств Карла Наваррского против короля Франции стала зашифрованная корреспонденция, которую изъяли у арестованного советника Пьера дю Тертра. На суде огласили все собранные свидетельства и признания, подписанные двумя советниками. Суд прошел в торжественной обстановке, на нем присутствовали множество магистратов, священнослужителей, нотариусов, торговцев и гостей Парижа. Обоим

советникам вынесли смертный приговор и немедленно привели его в исполнение. На эшафоте остались лежать обезглавленные трупы, а на четырех главных городских воротах повесили отрубленные конечности.

Нормандская кампания была готова начаться. При первом сообщении о предательстве Наваррского французский король собрал в Руане армию и «спешно послал за сиром де Куси и сиром де Ривьером». Он подчинил их номинальному вождю похода, герцогу Бургундскому. Опасаясь высадки англичан, Карл V поставил де Куси и Ривьеру задачу — завоевать города и замки Наварры, особенно те, что находились вблизи побережья, и сделать это требовалось как можно скорее — силой или путем переговоров. Бюро де ла Ривьер, канцлер короля, с которым де Куси был близко связан и в этой, и в последующих кампаниях, принадлежал к выходцам из буржуазных кругов, братья короля называли их «мармозетами», имея при этом в виду каменных обезьянок, глядящих с карнизов и колонн церквей. Де Ривьер был вежливым и любезным человеком, Карл V его высоко ценил и определил ему ведущую роль в регентском совете. Король учредил этот совет, сознавая, что, когда он умрет, дофин будет еще ребенком.

В союзе де Куси и де Ривьера гармонично сочетались военная и политическая стратегии. Осада укрепленных городов была медленной и затратной. Для быстрой сдачи населенного пункта требовалось согласие осаждаемых, но для его получения необходимо было продемонстрировать силу, а в большинстве случаев и провести «предупредительный» штурм. Для придания большей убедительности своей позиции полководцы взяли с собой сыновей Карла Наваррского и «показывали

их противнику, убеждая в том, что война ведется ради наследия этих детей».

Первой целью был Байе — «красивый и сильный город» на полуострове Котантен, там можно было ожидать высадки англичан. Город находился в десяти милях от места, гораздо позднее получившего известность как Омаха-бич. Де Куси и Ривьер привели войско под крепостные стены, предъявили молодого наследника Наваррского как законного правителя и предупредили горожан — «весьма внушительно», — что если город будет взят штурмом, «все вы будете зарезаны, а на вашем месте поселятся другие». В каждом таком случае у капитана наваррского гарнизона возникала проблема: его могли обвинить в предательстве, если он уступит без боя, однако горожанам не было резона сопротивляться. И поскольку в случае победы осаждающей стороны капитанов обычно запирали в цитадели, они предпочитали обороняться.

На гарнизон Байе уговоры епископа и сыновья Карла Наваррского во вражеском войске произвели сильное впечатление, поэтому горожане попросили три дня перемирия для обсуждения условий. Такие переговоры всегда были непростым делом: документ требовалось оформить письменно, подписать, заверить печатью и отдать по экземпляру каждой стороне. Когда с этим было покончено, де Куси и Ривьер вошли в город и завладели им от имени короля Франции. Заменяя магистратов собственными назначенцами и во избежание бунта оставив в городе гарнизон, они двинулись по полуострову к следующей крепости. Города и замки, осаждаемые «оружием и словом», брались без большой потери времени, хотя и с применением суровых осадных мер — под стены подкладывали заряды, сходились в

боях, с обеих сторон были убитые и раненые. Чтобы не тратить время попусту, де Куси и Ривьер предлагали выгодные условия и разрешали убежденным сторонникам Наваррского уйти, если они того хотели. Тесно сотрудничая с Ривьером, де Куси продемонстрировал холодный политический расчет — черту, которая была свойственна и французскому королю; к тому же Ангерран зарекомендовал себя человеком действия.

Самого Наваррского в Нормандии не было, когда на эту территорию напал король Кастилии. Поскольку ветры дули в противоположном направлении, туда смогли пробиться лишь несколько кораблей его английских союзников. Одной группе удалось захватить Шербур, однако французы осадили город и заперли в нем противника. Наваррским капитанам повсеместно приходилось делать тяжелый выбор: в случае сопротивления помощи ждать было не от кого, а в случае сдачи территории король Наварры потерял бы Нормандию. Эвре, главный город его нормандских владений, защищал самый сильный гарнизон, и верное Наваррскому население отчаянно сопротивлялось де Куси и Ривьеру. Каждый день они начинали штурм и так плотно окружили город, что в конце концов Эвре вынужден был капитулировать. Падение Эвре восхитило французского короля, и он приехал в Руан приветствовать победителей, ведь они «столь быстро отличились». Только Шербур выдерживал длительные осады, поскольку англичане снабжали его с моря. В разное время осадой города руководили Дюгеклен и де Куси.

С этим единственным исключением к концу 1378 года Карл Наваррский потерял в Нормандии все свои владения. Крепостные стены и укрепления были снесены,

чтобы «никогда более не попасть в руки врагов Франции». Сеньория Монпелье, последнее владение Карла Наваррского на юге Франции, была захвачена герцогом Анжуйским. После тридцатилетнего маниакального плетения интриг Карл Наваррский, сломленный и всеми покинутый, доживал последние десять лет в своем горном королевстве, слишком тесном для его души. Все равно что Сатана, запертый в загоне для овец.

Знаменитые рыцари, ставшие впоследствии компаньонами де Куси, приняли участие в эпизодах нормандской кампании. Среди них можно отметить брата покойной королевы — добродушного, пусть и невзрачного, герцога Людовика де Бурбона, энергичного нового адмирала Жана де Вьена и, самое главное, — одноглазого Оливье де Клиссона, это он при осаде Эвре привел на помощь де Куси бретонцев. То ли в это, то ли в какое-то другое время эти два совершенно непохожих друг на друга персонажа сдружились, как только могут сдружиться братья по оружию, когда оба оказывают друг другу взаимную поддержку и делят доходы пополам.

Де Клиссон происходил из беспокойного бретонского семейства. Его отец, обвиненный в связях с Эдуардом III, был обезглавлен Филиппом VI. Король арестовал его посреди турнира, заточил в тюрьму и нагим провел без суда к месту казни. По слухам, жена жертвы отвезла отрубленную голову мужа из Парижа в Бретань, положила перед своим семилетним сыном и заставила того поклясться в ненависти к Франции. Затем на лодке, в штормовую погоду, изнуренные голодом, они уплыли в Англию, где Эдуард всеми силами старался

завоевать лояльность бретонцев и осыпал благодеяниями вдову и сына де Клиссона.

Оливье воспитывался при английском дворе вместе с юным герцогом Жаном де Монфором; герцог ревновал его и ненавидел, Оливье отвечал ему тем же. Жан отличался высокомерными аристократическими манерами, поскольку у него было раздутое представление о собственной персоне. Клиссона одно время называли «грубияном» за плебейский язык. Оливье помнил о данной клятве и с невероятной яростью сражался против французов при Реймсе, Оре, Кошереле и в Испании при Нахере. Он размахивал двуручным мечом с такой силой, что, как говорят, «никто из тех, кто получал эти удары, более не поднимался», хотя однажды сам не смог увернуться от вражеского топора, пробившего ему шлем, и в результате потерял глаз. В ходе войны в Бретани Монфор разозлил Клиссона тем, что выделял сэра Джона Чандоса, и, когда герцог наградил Чандоса — отдал ему город и замок, — Клиссон обвинил Монфора, оскорбил его и снес предназначенный для Чандоса замок, а из развалин построил себе новый дом.

Карл V вернул де Клиссону земли, конфискованные у отца, осыпал подарками и даже посылал ему, «как другу», оленье мясо. Причина то ли в материальных «аргументах», то ли в высокомерии англичан по отношению к французам, только в 1369 году Оливье снова стал французом и обратил свою ярость на бывших сторонников. Ярость эта достигла предела, когда он узнал, что его оруженосец, раненный и захваченный в плен, убит, поскольку англичане обнаружили, что он служит де Клиссону. Оливье торжественно поклялся, что во имя Богоматери не пощадит ни одного англичанина...

На следующий день, в отсутствие осадных машин, он атаковал английскую крепость с таким пылом и, взяв ее, устроил такую бойню, что у противника в живых осталось не более пятнадцати защитников. Заперев их в башне, Оливье приказал выпускать пленников по одному, и едва человек выходил из двери, срубал ему голову одним ударом топора; к ногам его скатилось пятнадцать голов. Так Оливье отомстил за гибель своего оруженосца.

Хладнокровный де Куси и свирепый бретонец, должно быть, удачно дополняли друг друга, ибо два этих властных барона, согласно биографу де Клиссона, «представляли собой прекрасную гармонию». В это время де Куси только что потерял своего соратника по швейцарской кампании — Овейна Уэльского. Пока де Куси был в Нормандии, Овейн руководил осадой Мортани в устье Жиронды. Ранним красивым утром, он, как и всегда, в рубашке и плаще, уселся на пень и стал смотреть на замок и окрестности, пока валлийский оруженосец Джеймс Лэм расчесывал ему волосы. Этот человек недавно был взят к нему на службу и, назвавшись соотечественником, приносил хозяину новости о родной стране, говорил, «что весь Уэльс будет рад видеть Овейна своим правителем». Встав позади хозяина, прежде чем все вышли из дома, Джеймс Лэм вонзил в тело Овейна испанский кинжал: «клинок вошел чисто, и Овейн упал замертво».

Убийцу наверняка подослали англичане, возможно, чтобы лишить непокорных валлийцев, с которыми они воевали, их вождя — или, как думали современники, отомстить за смерть в тюрьме капталя де Буша, взятого в плен Овейном. Если даже и так, все равно они нанесли бесчестный удар по безоружному человеку, с чем

согласился английский капитан в осажденной Мортани, когда Лэм рассказал ему о своем поступке. «Он покачал головой и сказал: „А, это ты убил его... Этого поступка мы будем стыдиться, тут нечем хвастаться“». Карл V, хотя и сильно рассердился, не слишком горевал о гибели Овейна, разбойника, виновного во многих неблагоприятных делах. Его убийство отразило новый вид вражды, рожденной войной. Подкупленные убийства в рыцарской среде стали новинкой XIV века.

В разгар нормандской кампании де Куси послали укрепить оборону: на границе с Фландрией появились новые опасности. Граф Фландрии в юности был верен французам, но с тех пор минуло много лет, и экономические интересы сблизили его с Англией. Карл V решил навсегда избавиться себя от проблем Бретани и задумал конфисковать герцогство, а вместе с ним и устранить Монфора из-за «предательства по отношению к своему правителю». Будучи уверенным, что большинство бретонских нобилей настроены профранцузски, он задумал объединить герцогство во главе с соперницей Монфора Жанной де Пентьевр, однако раздавить бретонское осиное гнездо ему не удалось, — напротив, он возбудил бретонцев против себя.

В декабре 1378 года во Дворце правосудия в присутствии сидящего на троне Карла пэры королевства судили Монфора заочно, поскольку герцог проигнорировал приглашение на суд. Совет из двенадцати мирских и двенадцати клерикальных пэров Франции не имел четко оговоренного состава, и бароны де Куси иногда принимали участие в его заседаниях.

Фруассар называет Ангеррана VII «пэром Франции», и в тот раз он был одним из четверых баронов, сидевших рядом с пэрами королевской крови и восемнадцатью прелатами, включая четверых аббатов в митре. Королевский судебный пристав трижды выкрикнул имя Монфора — у входа в зал, во дворе возле мраморного стола и у дворцовых ворот. Ему ответили, что Монфора нет. Тогда прокурор зачитал обвинение, перечислил все преступления герцога, все нанесенные им обиды и ранения, включая убийство посланного за ним священника. (По обычаю Висконти, Монфор утопил посланника в реке вместе с привязанным к шее приглашением.) Последовало долгое перечисление прав и обязанностей герцогства, и титул Монфора признали незаконным. Король объявил, что отныне Бретань принадлежит французской короне.

Ошибка Карла стала очевидной сразу, поскольку в герцогстве вспыхнул бунт, протестовала даже профранцузски настроенная партия. Снова начались бесконечные ссоры, и поскольку Монфор тайно сотрудничал с графом Фландрии, а оба они с Англией, то Карл опасался нового вторжения через северную границу. В этой ситуации и понадобился де Куси, охранявший северные ворота страны.

В феврале 1379 года король послал Жана Ле Мерсье, чиновника, распоряжавшегося королевской собственностью, проинспектировать владения де Куси. Ле Мерсье должен был «посмотреть состояние имений упомянутого сеньора и доложить» королю. В марте, получив отчет Мерсье, Карл поехал сам на неделю в замки и города домена де Куси. Король неважно себя чувствовал и с носилок наблюдал за устроенной в его честь «увлекательной охотой на оленя». Присутствовал

ли при этом Ангерран, неизвестно, и отсутствие таких сведений наводит на мысль, что, возможно, он был в это время на севере и собирал войско для обороны либо находился в Нормандии — осаждал Шербур.

Короля, однако, сопровождал придворный поэт Эташ Дешан, немедленно сочинивший балладу, которая воспевала чудесные владения де Куси. Мастер вербальной акробатики, но при этом реалист и в душе сатирик, Дешан называл себя «королем уродов», говорил, что у него кожа хряка и лицо мартышки. Он был низкого происхождения, начинал с простого курьера, потом сделался распорядителем, судебским чиновником и королевским кастеляном, а при следующем короле отвечал за леса, воду, а потом и за финансы. Он готов был сочинять стихи по любому поводу и написал 1675 баллад, 661 сонет, 80 виреле, 14 баллад и разнообразные пьесы. В тот раз он описал в стихах «крепости храбрых мужчин» — главные замки де Куси: Сен-Гобен, Сен-Ламбер и Ла Фер, а также парк Фолембре, прекрасное имение Сен-Обен, соколиную охоту на цапель и знаменитый донжон:

В сердце французского королевства,
Среди высоких лесов и живописных озер
Возвышается устремленная в небо
крепость,
Неприступная, гордая и державная.
Если вы хотите ею полюбоваться,
Поезжайте в домен Куси —
Другого такого места нигде не найти.

Там вы воскликнете: «Куси — это чудо!»

Высказывали предположение, что Карл собирается купить замок. Король хотел, чтобы самая сильная крепость на севере была у короны. Покупка больших феодалов не была беспрецедентной; сам де Куси приобрел Суассон через подставных лиц. И все же мог ли он получить настоящую цену за огромное поместье? Остается неясным, почему он мог согласиться на продажу и удовлетворить желание короля. Возможно, все дело в том, что сына у него не было, а имелась единственная наследница, к тому же англичанка.

Бракосочетание Марии, единственной наследницы, подлежало обсуждению. В свои тринадцать лет она была одной из трех кандидаток, наряду с племянницей короля Иоландой де Бар и Екатериной Женевской, сестрой папы Климента, — их прочили в жены недавно овдовевшему сыну короля Арагона. Такие места долго не пустовали. Через восемь дней после смерти супруги испанский принц отправил гонцов к де Куси, к герцогу Анжуйскому — дяде Иоланды — и к графу Женевскому с наказом устроить дело, как можно быстрее, с одной из претенденток. Избрали Иоланду, а Мария вышла замуж за брата Иоланды Анри де Бара, старшего сына герцога де Бара и Марии Французской, сестры Карла V. Союз с наследником большого герцогства на границе с Лотарингией поднял и без того высокий уровень матримониальных связей де Куси.

Неизвестно, произвела ли на Ангеррана впечатление новая королевская связь или он загордился из-за успеха в Нормандии, только в это время он основал собственный рыцарский орден — орден Короны. Как заметил Дешан, воспевавший орден в стихах, корона

призвана была символизировать не только величие и власть, но и окружавшие короля достоинство, добродетель и благородство. Поэт перечислил «двенадцать сияющих цветов королевской власти» — веру, добродетель, умеренность, любовь к Богу, благоразумие, правду, честь, силу, милосердие, щедрость, преданность, широту взглядов. С 1379 года на печатях де Куси появляются крошечные короны и фигура с крестом в руках, корона на его гербе перевернута. Несмотря на свое громкое название, орден отличался демократичностью: он допускал в свои ряды дам, молодых девушек и оруженосцев.

В 1379 году в Англии умерла Изабелла де Куси, теперь Ангерран мог снова жениться. Он проявил меньшую поспешность, чем принц Арагонский; к тому же человеком он был занятым, а потому жена у него появилась лишь семь лет спустя. Из визита короля к нему в домен ничего не вышло, но заинтересованность короны в имени ничуть не снизилась.

Новый король на троне не принес англичанам успеха в войне. Англия потеряла Ла-Манш из-за того, что Карл V заключил альянс с Кастилией, обладавшей сильным флотом, а также из-за предпринятых французами усилий по строительству флота. Когда войско под командованием герцога Ланкастерского наконец-то высадилось в Бретани возле Сен-Мало, ситуация с Шербуром развернулась на сто восемьдесят градусов. Сен-Мало, удерживаемый французами, стойко переносил осаду и настолько вымотал герцога, что тот возвратился домой не солоно хлебавши. Общины начали роптать: дескать, все это затеяли нобили, и ничего у них

не вышло. Неудачи в войне вызвали не только ропот. Пока Ланкастер медлил и терпел неудачи в Бретани, французские и шотландские пираты нападали на английские купеческие суда. Торговцы жаловались в королевский совет, а нобили и прелаты отвечали, что за оборону острова отвечают Ланкастер и его флот.

Узнав об этом, Джон Филпот, богатый олдермен и будущий мэр Лондона, хозяин бакалейной компании, снарядил на собственные средства флотилию с тысячью моряков и солдат и дал бой пиратам, нескольких захватил в плен вместе с отобранными английскими судами. В Лондоне его встретила ликующая толпа, однако Филпота тут же вызвал королевский совет и задал вопрос: почему он действовал без королевского разрешения? В горячем ответе бакалейщика отразилось недовольство третьего сословия, раздосадованного неадекватным поведением сословия второго. Филпот ответил, что потратил собственные деньги и рисковал своими людьми не с целью посрамления нобилей или из желания прославиться, а «из сочувствия к людям и стране, пострадавшей от дикого народа из-за вашего бездействия. Поскольку в защиту страны вы и пальцем не пошевелили, я рискнул собою и своей собственностью, дабы обеспечить безопасность и свободу нашим людям». Даже если Филпот и его товарищи-купцы главным образом были заинтересованы в сохранности своих товаров, слова о защите родины были весьма уместны.

Ни одной из сторон война не принесла успеха, обе страны хотели мира. Нарастание враждебности в Бретани стало противовесом успеху Франции в Нормандии, а религиозный раскол подогревал эту вражду. Карл V чувствовал приближавшуюся кончину и не хотел перекладывать на сына споры с Англией и

непрекращающиеся раздоры в Бретани. После смерти короля Эдуарда переговоры закончились, не принеся результата и оставив тяжелое впечатление. Во избежание неприятностей было предложено собираться по отдельности: англичане в Кале, а французы в двадцати милях оттуда, в Сент-Омере. В качестве посредника Должен был выступить архиепископ Руана. В связи с расколом этот план отложили, но в сентябре 1379 года предполагалась новая попытка.

Де Куси, Ривьер и Мерсье — то вместе, то порознь — были на этих переговорах полномочными представителями от Франции; делегировали их также и для встречи с графом Фландрии в Аррасе. Надеялись, что граф устроит им встречу с герцогом Бретани. Не успели они чего-то добиться, как во Фландрии произошел бунт, и графу стало не до них: он старался подавить восстание, но ничего не вышло, и Фландрию охватила гражданская война.

Бунт в Генте не имел отношения к прошлогоднему восстанию ремесленников, захвативших власть во Флоренции. Хотя события в этих двух ткацких городах были спонтанными и никак не связаны друг с другом, они породили классовую войну, растянувшуюся на следующие пять лет; причиной войны стало ухудшившееся положение трудового люда, чему поспособствовала и чума. Во Флоренции, Фландрии, Лангедоке, Париже, Англии и снова во Фландрии и северной Франции восстания следовали одно за другим, без видимой связи, за исключением последнего этапа. Бунты вспыхивали в городах и в селах; некоторые восстания случались от отчаяния, другие — от осознания

собственной силы, но всем им предшествовало введение суровых налогов.

В Генте, где ткачи были особенно сильны, граф вызвал народные волнения, когда решил ввести налог с города для оплаты турнира. Один разгневанный купец крикнул, что налог не должен оплачивать «прихоти принцев и содержание актеров и шутов». Горожане отказались платить. Играя на коммерческом соперничестве городов и получив поддержку Брюгге, граф пообещал построить канал, соединяющий город с морем, с тем чтобы, в отличие от Гента, торговля Брюгге процветала. Когда пятьсот землекопов начали работу на канале, отводя в сторону реку Лис, Гент послал боевые отряды, и с этого момента конфликт только набирал силу. Фруассар писал о событиях во Фландрии: «Что скажут те, кто читает это, или те, кто слышит то, что читают? Скажут они одно — это происки дьявола».

В это же время в противоположном конце Франции, в Лангедоке, вспыхнула революция. Несчастное население не смогло более терпеть жесткое правление герцога Анжуйского — голод, притеснения, войну и налоги. Нетерпеливый, торопивший события герцог распространил свою власть на четверть территории страны. Он забирал налоги целиком, не разбираясь, что должно пойти на его личные нужды и что требуется для обороны Лангедока или королевства. Чтобы удержать на прежнем уровне сборы подымного налога при сократившейся численности населения в результате чумы, налог этот каждый год поднимали, но люди не получали обещанной защиты. В их селах по-прежнему орудовали банды и нещадно грабили и убивали. В 1378 году налоги на продукты особенно тяжело ударили по беднякам. Когда сборщики налогов стали обыскивать

дома, словно посланцы инквизиции, негодование достигло предела.

«Как можно так жить? — восклицали протестующие толпы, обращаясь за помощью к статуе Мадонны. — Как нам прокормить себя и наших детей, если мы не можем заплатить огромные налоги, которые требуют с нас богачи ради удовлетворения своих прихотей?» Бунты и беспорядки распространялись по стране и в июле 1379 года вылились в восстание, когда совет герцога Анжуйского ввел новый подымный налог в размере двенадцати франков, лишь уведомив местные советы. Сам герцог в это время отсутствовал: он воевал в Бретани. Гнев его подданных, обремененных неподъемными налогами, вырвался с невероятной силой; они выступили против всех властей — королевских чиновников, нобилей, богатых буржуа из городских советов. Простые люди считали именно их повинными в новом налоге. «Убейте, убейте всех богачей!» — кричали они, как докладывал потом сеньор из Клермона. «Сеньоры и другие добрые люди бежали из сел и городов, боясь смерти. Если дерзких простолюдинов не прижать, может быть еще хуже».

В Ле-Пюи, Ниме, Клермоне и других городах люди собирались в вооруженные толпы, грабили богатые дома, убивали чиновников и совершали дикие преступления — даже, как сообщали, «вспарывали ножами крещеных людей и поедали». В октябре в Монпелье были убиты пятеро советников герцога Анжуйского, восемьдесят других, по слухам, были зарезаны. Восставшие рассылали гонцов, надеясь поднять всеобщее восстание, однако у них не было солидной производственной базы и традиций фламандской борьбы, а потому бунты быстро вспыхивали и так же быстро подавлялись. Климент VII,

зависевший от способности герцога Анжуйского наводить порядок, немедленно послал кардинала Альбано, уроженца Лангедока, успокоить людей и предупредить их о страшном наказании за «оскорбление величия». Опасаясь возмездия, заправины бунта покорились.

Судьба Монпелье драматизировалась намеренно. В январе, в день возвращения герцога Анжуйского, кардинал провел через городские ворота большую процессию горожан, в том числе и четырнадцатилетних подростков, там же были уцелевшие чиновники, священники, монахи, образованные люди и студенты университета. Все они встали на колени по обеим сторонам дороги и, обращаясь к ехавшему верхом герцогу и его вооруженной свите, кричали: «Смилуйтесь!». Магистраты стояли без плащей, шляп и поясов, женщины в платьях без украшений, горожане с веревками на шеях, и все, в том числе и дети младше четырнадцати лет, молили о пощаде. Герцогу униженно подали ключи от городских ворот и язык от большого колокола. В последующие два дня, по приказу герцога Анжуйского, все оружие сдали, а главные здания города передали рыцарям.

Затем с возвышения, сооруженного на главной площади, герцог сделал ужасное объявление: шестьсот человек приговаривались к смерти — одну треть из них должны были повесить, вторую обезглавить, а третью сжечь. Все имущество преступников подлежало конфискации, а дети приговаривались к пожизненной каторге. Половина собственности всех прочих горожан была конфискована, налагался штраф в шесть тысяч франков и возмещение расходов, понесенных герцогом за время восстания. Стены и ворота города надлежало

снести, а университет терял все свои права, собственность и архивы.

После оглашения приговора слышались громкие крики, кардинал и прелаты умоляли пожалеть людей, университетские рыдали; женщины и дети завывали, стоя на коленях. На следующий день приговор значительно смягчили. Предыдущее представление устроили, чтобы как следует напугать горожан. Карл V в письме, адресованном кардиналу за два месяца до восстания, предлагал проявлять милосердие, однако для укрепления власти короне требовалась показательная порка.

События в Лангедоке имели далеко идущие последствия: отчаяние подданных заставило короля испытать муки совести. Он понимал, что брат его алчен и жесток и его непопулярность плохо сказывается на авторитете короны, а потому Карл снизил подымный налог и отозвал герцога Анжуйского из Лангедока. К несчастью, после краткого «губернаторства» Дюгеклена сменил его герцог Беррийский, чье правление, «исполненное наживы», не оправданной политической выгодой, оказалось, если такое возможно, даже более хищническим, чем правление его брата.

В апреле 1379 года де Куси и Ривьер с несколькими товарищами снова отправились в Булонь для мирных переговоров. Им разрешили сделать новые уступки территории и суверенитета и предложить бракосочетание — на сей раз сватали грудную дочь Карла за Ричарда II. Шесть переговоров за последние шесть лет — те, кто хотел обрести мир, гонялись за миражом. В этот период, если не считать успех

французов в Нормандии, война не принесла успеха ни той ни другой стороне; напротив, вырос взаимный антагонизм и подозрения, закончить войну становилось все труднее.

Англичане прибыли на переговоры с двойственными намерениями: с одной стороны, они хотели воспользоваться дипломатическими средствами, а с другой — показать свою заинтересованность, пока ведется подготовка к новому вторжению. Восстание Монфора предоставило им возможность еще раз вторгнуться во Францию и отвоевать территории, которые они считали своими. С тех пор как Карл отказался от договора в Бретињи и последовавших за этим неприятностей, они возненавидели французов за вероломство и за то, что те несправедливо лишили англичан собственности. Защита соотечественников, возможно, была довольно вялой, но в заморских сражениях всегда можно поживиться, и потому недостатка в желании воевать не было, только вот денег не доставало. Другие средства были израсходованы, деньги на поход в Бретань в 1379 году собрали благодаря введению различных степеней подушного налога — нового способа, предназначенного для взимания денег у духовенства и крестьян, обладавших более низкими доходами. При предварительном подсчете, с даже неясными представлениями о численности населения, этот способ должен был принести 50 000 фунтов стерлингов, однако собрали всего двадцать тысяч и все деньги вложили во флотилию сэра Джона Арундела.

Выход в море, ввиду отсутствия ветра, отложили до зимы, а затем еще раз, из-за угрозы вторжения французов. Арундел перевел часть войска в Саутгемптон

— охранять от врага прибрежную территорию, однако там английские солдаты вели себя не лучше, чем противник. Мало того, что они грабили население, — Арундел разместил пехотинцев и лучников в монастыре, позволил им насиловать монахинь и бедных вдов, а потом и забрать их с собой на корабли. Наконец войско приготовилось к отплытию. Арундел заявил, что пока ему не выдадут деньги, он не станет защищать города южного побережья от набегов французов. Если верить Уолсингему, деньги он тратил на себя без всякого удержа. Говорят, он приехал с гардеробом, включавшим в себя пятьдесят два расшитых золотом костюма и привез лошадей и разного снаряжения на сумму в семь тысяч фунтов стерлингов.

Отчалили в декабре и сразу попали в сильный шторм; чтобы облегчить корабли, Арундел приказал выбросить за борт захваченных женщин. С командой он обращался отвратительно, избил лоцмана, и в результате корабли налетели на скалы ирландского побережья. Из тридцати двух кораблей погибло двадцать пять со всем снаряжением. Тело Арундела выбросило на берег три дня спустя. Оставшиеся корабли так и не дошли до места назначения, то есть налоговые средства пропали зря.

Еще в 1378 году Общины жаловались, что деньги уходят на войну и не служат национальным интересам. Пусть война являлась доходной статьей не только для нобилей, Общины заявляли, что это все затея короля и что он потратил 46 000 фунтов стерлингов на удержание Кале, Шербура, Бреста и других городов. Правительство ответило, что удержание заморских «барбаканов» суть залог спокойствия королевства, «иначе мы никогда не отдохнем и не примиримся с нашими врагами, потому что они придут к нашим порогам и навяжут войну, которую

запрещает Господь». Такие доводы не смогли убедить города южного побережья, уже настрадавшиеся от войны, пришедшей к их порогам, ведь на них то и дело совершали набеги французы и кастильцы. В августе 1380 года задрожал даже Лондон, когда дерзкий кастильский отряд поднялся на пятнадцать миль по течению Темзы, разграбил Грейвсенд и оставил его полыхать в огне.

В ответ на протесты Общин королевский совет заявил, что опорные пункты во Франции дают королю «удобный проход к врагу, противник пожалеет, когда король начнет действовать». Это было открытое утверждение о намерении продолжить войну, и возглавить ее должен был молодой дядя нового короля, граф Бэкингем. Гордый, агрессивный, нетерпеливый молодой человек двадцати пяти лет от роду, он был новой версией Бертрана де Борна, жившего в XII веке; тот однажды с чувством воскликнул, обращаясь к рыцарям, собратьям по оружию: «Никогда не прекращайте войну!».

В марте 1380 года англичане снова пообещали помочь Монфору, но отложили свое намерение, пока в Булони шли переговоры о мире. На встрече де Куси вместе с товарищами предложил новые уступки — целое графство Ангулем в качестве приданого за Екатериной, но англичане почувствовали подвох. А вдруг французы предлагают это, чтобы помешать им прийти на помощь Монфору? Однако на самом деле нежелание англичан достичь мирного соглашения объяснялось просто: им хотелось продолжить войну, тем более что в христианском мире произошел церковный раскол.

Папа Урбан, пока еще окончательно не сошедший с ума, делал все, лишь бы не допустить брака Ричарда с

французской принцессой; он видел для него другую невесту — сестру Венцеслава Анну Богемскую, это заставило бы Англию и империю возвращаться вокруг Урбана. Когда в мире имелся всего один папа, Англия была настроена против папизма, но существование двух пап требовало от нее выбора. Советники Ричарда отвергли французский брак, переговоры сорвались, и спустя два года король Англии женился на Анне Богемской. По иронии судьбы, схизма, за которую нес ответственность Карл, оказалась повинна в том, что мир, за который он боролся, так и не был заключен.

Не смог Карл прийти к соглашению и в Бретани. Де Куси и другие советники выехали с разными миссиями, по-видимому изыскивая способы выхода из сложившейся ситуации. Бретонское собрание трех штатов умоляло простить своего герцога, но Карл не доверял Монфору, а потому не простил его. Монфор, со своей стороны, не желал мириться с правителем, конфисковавшим его владения. Другие, особенно Дюгеклен, смотрели на ситуацию как на запутанный узел конфликтующих лояльностей. Дюгеклену не хотелось сражаться с бретонскими соотечественниками, к тому же придворные затеяли против него интриги, а потому Дюгеклен покинул Бретань и повел свое войско в Овернь, на войну с бригадами. Осаждая крепость, он внезапно заболел и в июле 1380 года скончался. Пока его с почетом хоронили в королевской усыпальнице в Сен-Дени, «словно сына короля», тронулась в путь новая английская экспедиция под предводительством Бекингема. Франция осталась без коннетабля в то время, когда враг стоял на пороге, а в Бретани и Фландрии было неспокойно.

Срочно собрали советников — надо было решить, кто станет преемником Дюгеклена. Главными

кандидатами были де Куси и Клиссон. Поскольку де Куси пользовался в Нормандии доброй славой, ему и предложили эту должность, самую высокую и прибыльную в королевстве.

Коннетаблю как главному офицеру армии подчинялись принцы королевской крови; нападение на него считалось оскорблением величества — *lese-majeste*. Он отвечал за сплоченность вооруженных сил и за тактику, когда король не принимал участия в походе. Коннетабль контролировал призыв в армию, отвечал за обеспечение провиантом и за прочие приготовления к войне, а потому возможности для увеличения состояния были у него огромными. Если король был в отлучке, над побежденными городами реяло знамя коннетабля, все трофеи теоретически принадлежали ему, за исключением денег и пленных, зарезервированных за королем и за мастерами, изготавливавшими арбалеты и стрелы. В дополнение к фиксированному жалованию в две тысячи франков в месяц — как во время войны, так и в мирное время — ему платили и за погашение мятежей (сумму, равную ежедневной оплате службы воина-наемника). Даже если отбросить военные расходы, получалась колоссальная выгода. Помимо всех привилегий, коннетабль получал реальную власть при расширении военных действий.

По загадочным причинам, от этого назначения де Куси отказался. Королю он сказал: чтобы удержать Бретань, коннетабль должен быть человеком, которого знают, человеком, хорошо знакомым с бретонцами, таким, как де Клиссон. Его кандидатуру де Куси и предложил. Объяснение де Куси кажется неубедительным. Бретань представляла собой серьезную проблему, тем не менее если бы удалось заключить

соглашение с Монфором, де Куси, как бывший шурина Монфора, скорее сумел бы договориться, чем смертный враг Монфора де Клиссон. Де Куси и Монфор были женаты на дочерях Эдуарда III. Хотя жены их скончались, родство в Средние века имело большое значение и фактически определяло выбор де Куси в качестве посредника при следующем правлении.

Чего-то в объяснениях де Куси недоставало. Невероятно, чтобы он отказался из-за неспособности исполнить задание. Скромность явно не была чертой рода де Куси, а Ангерран VII, судя по его печатям и ордену перевернутой короны, был о себе весьма высокого мнения. Он без колебаний принимал другие назначения — участие в боях, дипломатическую службу, секретные миссии, войну за рубежом, службу на родине, — никогда не сидел без дела, включая и последнее, стоившее ему жизни. Он был не просто рыцарем на коне, нет, он был из числа тех аристократов, которым в силу осложнений в публичных делах выпала судьба стать государственными деятелями. Высокое положение де Куси, отвага и обладание большими территориями в любом случае гарантировали командную должность, но столь необходимыми короне делали его другие качества. Ум, такт, красноречие и хладнокровие были более важными достоинствами, чем традиционная бездумная порывистость закованного в железный кокон рыцаря.

Почему же тогда он отказался от должности коннетабля? Тот факт, что маршал Сансер, следующий, кому предложили эту должность, тоже отказался, предполагает некий общий мотив, возможно связанный с ухудшением здоровья короля. Карлу V оставалось два месяца до смерти, и, вероятно, это было очевидно.

Маленький дофин и три алчных, амбициозных и враждебно настроенных друг к другу брата, каждый из которых хотел стать регентом, — такая ситуация могла оказаться опасной для нового коннетабля. Де Куси мог потерять больше, чем выиграть. В отличие от Клиссона, готового принять пост, Ангерран не хотел наживать врагов; к тому же ему, с его огромными землями и древним наследием, не требовались дополнительная власть и могущество.

Услышав отказ, король назначил де Куси главнокомандующим Пикардии и подарил ему Мортань вместе с городом и замком, на северной границе между Турне и Валенсинье, с тем, чтобы этот аванпост находился в надежных и сильных руках. Король также включил де Куси в регентский совет. После смерти королевы Карл все больше беспокоился о сыне. А поскольку герцоги не хотели Клиссона, должность коннетабля осталась вакантной.

В тот день — 19 июля 1380 года, — когда де Куси получил Пикардию, герцог Бэкингем высадился в Кале. Судя по казначейским документам, с войском численностью 5060 человек, он начал грабительский поход по региону, прервать который теперь оказалось обязанностью де Куси. Чтобы оплатить экспедицию, английский король прибегнул к церковной десятине и наложил экспортный налог на шерсть и овечьи шкуры, но, так как доходы еще не поступили, вынужден был заложить корону за десять тысяч фунтов стерлингов, чего хватило лишь на начало операции. Впоследствии солдатам пообещали платить с грабежей. Поскольку Англия понесла потери на море, кораблей не хватало, и войска вынуждены были переправляться постепенно: две недели понадобилось на то, чтобы пройти по узкому

горлу пролива к Кале, а о прямой переправе к Бретани нечего было и думать.

Рейд Бэкингема оказался вынужденным повторением похода Ланкастера семилетней давности — герцог шел с открытыми глазами навстречу нужде и голоду, сознавая тщетность этой попытки. Стратегическая цель экспедиции состояла в оказании поддержки Монфору в Бретани и возвращении власти Англии над этой территорией. Бэкингом, однако, как и Ланкастер до него, вместо того чтобы прямо пойти к месту назначения, двинулся в обход на восток, через Шампань и Бургундию, в поисках добычи. Поскольку эта тактика принесла предсказуемый результат, встает вопрос: к чему эта безумная настойчивость?

Томас Бэкингом — вот часть ответа. Агрессивный и отчаянный, «на редкость властный», как и его брат Черный принц, Бэкингом осуждал Ланкастера за чрезмерное властолюбие и считал, что именно ему должна достаться слава, которой были окружены его отец и старший брат. Англичанам казалось, что они до сих пор живут в триумфальную эпоху Пуатье и Нахера. «Англичане, — сказал Клиссон после того, как ушел от них, — так гордятся собой после многих счастливых дней [на войне], что просто уверены: проиграть они не могут».

Во Францию Бэкингема сопровождали самый опытный английский воин — сэр Роберт Ноллис — и другие знаменитые рыцари, такие как лорд Томас Перси и сэр Хью Калвли. Манила их и людей помоложе возможность скрестить оружие с французами, обрести славу, добычу и желание навредить Франции. Для бедных рыцарей, оруженосцев и йоменов война была

средством заработать на жизнь. Бэкингем говорил: «Они предпочитают жить войной, а не миром, потому что в лежании на боку нет никакой заслуги». Большинство рыцарей шли на войну «показать себя». О стратегической национальной идее они не помышляли, так что Бретань была не более чем поводом.

С войском, половину которого составляли тяжеловооруженные всадники, а вторую половину лучники, англичане проехали Артуа и северную Пикардию, держась близко друг к другу на случай французской атаки. «Им будет дан бой, прежде чем они закончат переход», — заверил де Куси французских рыцарей, которые принесли ему сведения о продвижении противника, хотя Ангерран и знал, что король запретил сражение. Карл V не отступал от своей философии войны. Не будучи сам воином, он тем не менее страдал при воспоминании о былых поражениях. Собственная инициатива вступить в войну в ужасный день Пуатье оставила неизгладимый след в королевской памяти. Англичане были убеждены в том, что «проиграть они не могут», а Карл страдал от противоположного чувства. Из опыта крупных сражений на начальной стадии войны он вынес убеждение, что войсками не всегда можно управлять, и война — слишком серьезное дело, чтобы оставлять ее на волю случая.

Из ставки в Перонне на реке Сомма де Куси обратился ко всем рыцарям и оруженосцам Артуа и Пикардии. Судя по документам, он переезжал с места на место — в Эден, Аррас, Аббевилль и Сен-Кентен, — беседовал и расставлял отряды для защиты городов, «потому что он тревожился и не хотел, чтобы по его вине были понесены потери». Насколько де Куси, человек военный, соглашался с политикой короля,

сказать трудно; он отдавал приказы избегать сражений с Бэкингемом, даже если герцог оставлял после себя горящие деревни в домене де Куси, однако, судя по некоторым поступкам, видно, что он разделял нетерпение рыцарей сразиться с врагом.

Отряды французских рыцарей держались близко к английскому войску, и эта близость манила: хотелось вступить в драку. Несмотря на то, что одно сообщение описывает французов неподвижными, словно камни (*immobilis quasi lapis*), схватки были неизбежны, и славы в них никто не снискал. В одном случае ожесточенное сражение длилось час, в нем были задействованы и всадники, и пехота; англичане взяли в плен восемнадцать человек из тридцати; в другой схватке французы, поняв, что противник сильнее, подали сигнал к отступлению и бежали. «Лошади ощущали боками шпоры, и весьма уместно для оных всадников, что городские ворота перед ними распахнулись», но не прежде чем были взяты в плен пятнадцать человек. Еще один отряд из тридцати англичан, желавших затеять бой, вышел на рассвете с фуражирами, однако цель не была достигнута: группе французских аристократов удалось уйти. «Боже! — восклицали англичане. — Как бы мы обогатились, если б захватили их, они бы заплатили нам 40 000 франков».

Ограбив территорию, под страхом нападения англичане требовали от городов еду. Получив отказ от Реймса, надежно защищенного крепостными стенами, они за неделю сожгли шестьдесят соседних деревень. Обнаружив несколько тысяч овец, пасшихся во рву за городскими стенами, англичане под прикрытием лучников послали солдат вывести животных. Лучники были столь меткими, что ни один житель Реймса не

осмелился не только выйти, но даже и появиться на стене. Еще англичане пригрозили сжечь урожай зерна на поле, и горожанам пришлось отдать шестнадцать возов хлеба и вина.

Вот так Бэкингем добрался до Бургундии, где две тысячи французских рыцарей и оруженосцев собрались с желанием отказаться от «позорного бегства» и вступить в бой. Первые нобили королевства — Бурбон, де Куси, герцог де Бар, граф д'Э, адмирал Жан де Вьен — собрались под предводительством герцога Бургундии Филиппа Смелого. Вооруженный с головы до ног, с боевым топором в руке, герцог был настроен воинственно. Он оглядел свое войско: герольды выехали с обеих сторон, готовясь призвать солдат к подвигам. И все же король из Парижа запрещал вступать в бой до тех пор, пока французы не окажутся в явном преимуществе. Бургундский не осмеливался нарушать этот запрет, но сдержанности пришел конец, когда в стычке был убит английский оруженосец. В ответ на вызов противника рыцари, в том числе и де Куси, вступили в бой за воротами Труа. Исход схватки оказался неубедительным — Бэкингем отступил, французы двинулись следом, умоляя короля не позволить противнику ускользнуть из рук. Карл лишь ответил: «Оставьте их в покое, они уничтожат себя сами».

Французы собрались на Луаре и наконец-то превосходили численностью войско противника. Де Куси и его товарищи намеревались дать бой — «хочет того король или нет», — прежде чем противник уйдет в Бретань через Сарту. Тем временем Карл вел переговоры и убедил Нант, ворота в Бретань, настроенный профранцузски, не допустить англичан и, забыв про Монфора, объявить о своей верности Франции. В первую

неделю сентября англичане все же перебрались через Сарту, и в эту же неделю состояние здоровья короля резко ухудшилось. Гной в фурункуле на его руке высох, что предвещало смерть, и врачи вместе с пациентом правильно истолковали этот сигнал. Карла перенесли на носилках в его любимый замок Боте-сюр-Марн; король послал за своими братьями и зятем, за исключением герцога Анжуйского — его Карл надеялся держать на расстоянии от королевской казны, — и приготовился отдать последние распоряжения.

Филипп Смелый поспешил в Париж, как и де Куси, поскольку был членом регентского совета. Герцог Анжуйский, которого извещали обо всем сторонники в Париже, тоже поспешил из Лангедока, хотели его видеть на совете или нет.

Последние дни король мучился от физической боли, но еще тяжелее были моральные страдания. На совести Карла лежали два греха — участие в схизме и сомнительная легальность налогообложения. Он увеличил временные права штатов, и они десять лет взимали с населения налоги, пусть король использовал эти деньги для обороны королевства и для «народного блага». Королевские сундуки он наполнил и купил верность аристократов народными деньгами. Что он скажет Богу? Он поднял Францию из руин, отнял у англичан — за исключением Кале — земли, захваченные противником во времена правления его отца и деда; выбил Наваррского из Нормандии; и, если ему и не удалось заключить мир, сумел добиться лояльности всех, кто в час выбора почувствовал себя французом.

Но не купил ли он возрождение страны за счет людских несчастий? Восстание в Лангедоке показало

заплаченную цену, и Карл знал по сообщениям сборщиков налогов о недобром ропоте населения. «Угнетение подданных изъязвляло его душу», ибо незаконно введенные налоги вызывают гнев небес, а жалобы тех, кому король причинил вред, будут сопровождать его и за гробом, вплоть до Божьего суда. Анонимный автор аллегорического произведения «Сон садовника» назвал тиранами всех принцев, обременивших подданных невыносимыми налогами, а теологи предупреждали правителей, что нужно прекратить поборы и вернуть награбленное, если они надеются на спасение. Эта надежда и продиктовала королю последний поступок.

За несколько часов до смерти, полностью одетый и усаженный в кресло перед взволнованной толпой прелатов, сеньоров и советников, представлявших три сословия, король слабым голосом заговорил — сначала о схизме. Он взволнованно сказал, что «хотел пройти по этой, самой надежной дороге, и если поползет слух, что кардиналы действовали по наущению демонов, то знайте: на мой выбор не влияли соображения родства, но исключительно заявления этих кардиналов и советы прелатов, клириков и моих советников». Затем он указал, что всегда подчинялся решениям генерального совета церкви: «Господь не станет упрекать меня, если по моему невежеству я действовал противно истинному решению церкви». Это были слова чрезвычайно встревоженного человека.

В Средние века дрожащий путник, стоявший у дверей смерти, чаще всего порицал то, что совершил за свою жизнь. Когда речь зашла о налогах, то Карл, самый честный правитель своего времени, осудил себя за их взимание. Он объявил свою волю — «отменить

подымный налог и чтобы с сегодняшнего дня и вовеки люди его не платили».

Существовали и другие, косвенные налоги, но подымный налог был основой, на которой держалась финансовая система страны. Объявить, что налог будет отменен, означало лишить своих преемников — если будет соблюдаться закон — важного инструмента управления. Поступок Карла не был помрачением ума. Правители и до него отменяли налоги и возвращали незаконно отнятые субсидии. Государи часто на смертном одре исправляли совершенное ими зло, и нередко, если монаршая воля исполнялась, королевская семья могла обанкротиться. Карл оставил своему сыну огромное состояние, но к 1380 году никто и помыслить не мог, что король должен жить с доходов собственного домена. Карл отлично понимал, что систематические финансовые вливания — главная забота правительства. Но, стоя у порога смерти, он чувствовал, что главное сейчас — веление души.

Карл получил последнее помазание, передал братьям своего двенадцатилетнего сына, а последними словами умирающего были слова о налогах: «Отмените их как можно быстрее». Бюро де Ривьер со слезами на глазах встал на колени у постели и обнял короля. Всхлипывавшую толпу удалили из комнаты с тем, чтобы последние мгновения Карла прошли в тишине. Он скончался 16 сентября 1380 года, и его последнее распоряжение было объявлено на следующий день. Народ возрадовался, а вот у братьев покойного короля возникли смешанные чувства, и даже создалась взрывоопасная ситуация.

В том же месяце Бэкингом встретил неоднозначный прием в Бретани. Монфор всю свою жизнь балансировал между противоборствующими сторонами, интриговал, воевал, ссорился, заключал альянсы, действовал в зависимости от собственной выгоды. Карл скончался, и Монфор приготовился заключить мир с новым королем, начал переговоры с французами — и в то же время обещал Бэкингу помощь в осаде Нанта. Однако нежелание бретонских нобилей поддержать нападение на соотечественников заставило Монфора сделать выбор в пользу Франции. Де Куси хотел установить мир с Бретанью и стал одним из переговорщиков, заключивших в январе 1381 года союз с Монфором. Бэкинга не уведомили об этом союзе, и он страшно удивился, когда ворота городов и замков перед ним стали закрываться, а провизия вдруг оказалась недоступной за толстыми стенами. Его поредевшая армия переходила зимой с места на место, солдатам не хватало еды и негде было укрыться. Наконец Монфор сообщил, что он должен уйти, и в марте 1381 года Бэкингом со товарищи взошел на корабль и отплыл в Англию. За исключением нескольких рыцарских поместий, выкупов и награбленного добра, «к великому неудовольствию всего английского народа», Бэкингом и его соратники не достигли военной цели.

Обе нации с мальчиками-королями страдали из-за амбициозных, соперничавших друг с другом дядьев, которые, не будучи коронованы, безответственно пользовались верховной властью. Война затихла, а внутреннее давление достигло точки кипения.

ГЛАВА 18

ЗЕМЛЯНЫЕ ЧЕРВИ ПРОТИВ ЛЬВОВ

«Пусть убирается к дьяволу! Он достаточно пожил, — вскричал некий ремесленник, прослышав про смерть короля. — Всем было бы лучше, если б он подох десять лет назад!»

Несколько месяцев после кончины короля Франция переживала бунт трудового народа, прежде такие же восстания прошли во Флоренции и Фландрии. Суровые налоги стали поводом к выплескиванию застарелой ненависти бедных к богатым, народ потребовал расширения своих прав. В XIV веке концентрация богатства усилилась, и разрыв между классами стал очевиден; к тому же катастрофы последних лет увеличили число нуждающихся. Бедняками еще можно было управлять, пока их существование поддерживалось благотворительностью, но ситуация изменилась, когда городское население настрадалось от войны и чумы, и в людях проснулась новая агрессивность.

Мастера стали богаче, а ремесленники опустились до уровня поденщиков без всякой перспективы на улучшение. Простым ремесленникам членство в гильдиях было заказано, мастера приберегали места для сыновей и родственников из более обеспеченного класса. Во многих профессиях работали на дому, а женам и детям (которым по закону работать было нельзя) платили меньшую зарплату. Религиозные праздники, которых насчитывалось от 120 до 150 в год, снижали доходы ремесленников. Хотя стачки были запрещены,

ремесленники создавали союзы и требовали от хозяев большей платы. У них были собственные налоги, кассы и связи за границей, и все это служило «каналами агитации».

Росло и самосознание народа. Христа часто изображали человеком из народа, на фресках и гравюрах его окружали инструменты мастерового или крестьянина — колотушка, молоток, нож, топор, клещи, рожок, колесо и гребень чесальщика шерсти, — а не атрибуты, которые обычно связывают с распятием. Во Флоренции ремесленники называли себя «Божьим народом» (*il popolo di Dio*). «Да здравствует народ» (*Viva il popolo!*) — этот девиз сопровождал революцию чомпи (чесальщиков шерсти) в 1378 году. Поскольку Флоренция была самым крупным промышленным центром того времени, именно там и началось восстание рабочих.

Чомпи представляли собой низший класс рабочих, они не состояли ни в одной гильдии, революцию называли в их честь, хотя в восстании приняли участие ремесленники всех уровней, за исключением тех, кто работал в крупных гильдиях. Чомпи трудились за фиксированную плату, часто ниже прожиточного уровня, по шестнадцать-восемнадцать часов в день, причем жалование у них могли удержать, чтобы покрыть порчу сырья. Союз церкви с богачами был понятен, в пасторском письме епископа объявлялось, что за порчу шерсти ткачей могут отлучить от церкви. Рабочих могли выпороть или снять с работы за сопротивление хозяевам, могли отрубить руку. Агитаторов стачки могли повесить — так, в 1345 году по обвинению в агитации казнили десять чесальщиков шерсти.

В начале 1378 года, после мятежа в городе, рабочие пришли к ступеням Синьории и предъявили свои требования. Они хотели свободного вступления в гильдии, требовали права на организацию союзов, реформы системы штрафов и наказаний, а самое главное — добивались права на участие в городском правительстве. В те времена, когда еще не придумали ружей и слезоточивого газа, толпы внушали властям ужас. Хотя ратуша имела необходимые средства защиты, Синьория перепугалась и капитулировала. Рабочие сформировали новое правительство, основанное на представительстве гильдий. Правительство просуществовало 41 день, но потом стало разваливаться из-за внутренних противоречий и давления магнатов. Добытые в ходе мятежа реформы стали тормозиться, и к 1382 году крупные гильдии восстановили если не доверие, то управление городом. Страх перед новым восстанием способствовал впоследствии закату республиканского правления и подъему Медичи — диктаторской правящей семьи.

Ткачи Гента продержались дольше. В Ипре и Брюгге граф Фландрский жестоко подавил первое восстание — людей сжигали и вешали. Но гентцы, вытерпев осады, перемирия, измены и жестокое возмездие с обеих сторон, продолжили войну несмотря на голод. Борьба в Генте не была противостоянием классов, хотя именно так ее впоследствии и рассматривали. Скорее, это было упрямое отстаивание автономии города, неподчинение графу, хотя сюда примешались социальные и религиозные распри. Это было соперничество городов и ремесел как на горизонтальном, так и на вертикальном уровнях. Ткачи подавляли валяльщиков шерсти с той же жестокостью, с какой они действовали против графа.

Во Франции распоряжение короля о снятии налогов, сделанное на смертном одре, подняло волну нетерпения: люди ждали, когда это обещание будет исполнено. Гнев из-за налогов, собиравшихся якобы для войны с англичанами, достиг предела, когда Бэкингем беспрепятственно прошелся по стране и люди увидели, что их деньги пропали понапрасну. На самом деле деньги, собранные Карлом V, укрепили оборону городов и замков, и те лучше противостояли противнику, чем в жалкие годы после сражения при Пуатье. Но это не снизило бремени, навалившегося на беднейшие слои населения, не уменьшило горечь разочарования. Независимые города вынуждены были платить за то, что по закону являлось обязанностью короля. В результате Лан отказался открыть ворота де Куси, главнокомандующему Пикардии, и отказал в предоставлении тридцати лучников. В Сен-Кентене и Компьене восставшие толпы сожгли налоговые конторы, напали на сборщиков налогов и выгнали их из города.

В Париже из-за борьбы за трон правительство почти парализовало. Старший из дядьев юного короля, герцог Анжуйский, был назначен регентом и воспользовался своим положением — забрал из казны уйму средств с целью создания собственного королевства в Италии. Зная о хищнических наклонностях братьев, покойный король распорядился покончить с регентством, когда его сыну исполнится четырнадцать, однако Карл умер за два года до этой даты. Король назначил опекунами своего сына брата, герцога Бургундского, и брата его жены де Бурбона. Вместе с регентом герцогом Анжуйским и советом двенадцати они и должны были управлять государством. У Людовика де Бурбона амбиций не было, и он держался подальше от заговорщиков; в отличие от

дядьев мальчика, его называли «хорошим герцогом», но Бурбон имел меньше влияния, потому что в нем не текла королевская кровь.

Дядюшек раздирали противоречивые интересы: герцог Бургундский интересовался Фландрией, Анжуйский — Италией, Беррийский — коллекционированием; их не заботила целостность королевства. Объединяло герцогов одно желание — убрать от управления государством министров покойного короля. Тем не менее они нашли время для того, чтобы растащить великолепную библиотеку покойного брата, насчитывавшую тысячу томов. Герцог Анжуйский забрал тридцать два тома, переплетенные в шелк и украшенные золотыми застежками, самые красивые в собрании, в том числе и «Правление принцев».

Коннетаблем назначили Клиссона и с коронацией поторопились ради усиления авторитета власти. Церемонию, состоявшуюся 4 ноября, омрачила постыдная сцена. Герцоги Анжуйский и Бургундский, которые терпеть друг друга не могли, подрались за пиршественным столом за почетное место рядом с новым королем. Быстро созвали совет, и он сделал выбор в пользу герцога Бургундского как первого пэра Франции; тем не менее Анжуйский захватил вождеденное место, но Филипп Смелый столкнул его и сам уселся на спорный стул. Вот с такого недостойного эпизода и началось новое правление.

Двенадцатилетний Карл VI был красивым, хорошо сложенным мальчиком, высоким и светловолосым, как его дед, но с невыразительным лицом, что свидетельствовало о неглубокой натуре. «Блестящее, отполированное оружие радовало его больше всех

сокровищ мира», и он обожал рыцарские ритуалы. Эти ритуалы как нельзя лучше продемонстрировали на пире в честь коронации. Де Куси, Клиссон и адмирал де Вьен, на лошадях, покрытых чепраками из золотой парчи, спускавшейся до земли, подавали королю праздничные блюда. Чтобы придать приезду в Париж больше блеска (*éclat*), празднества продлили на три дня, звучала музыка, на покрытых коврами площадях пели менестрели. Народ приходил в изумление при виде «новых чудес» — фонтанов, выпускавших струи молока, вина и чистой воды.

Этого оказалось недостаточно. На собрании Генеральных Штатов, состоявшемся 14 ноября, предложили заменить подымный налог, и народ встревожился, не зная, чего ожидать от нового сбора. Взволнованные группы ремесленников обсуждали на улицах грядущую напасть, по ночам устраивались тайные собрания, возбужденные люди обвиняли правительство — все хотели освободиться от ярма налогов.

Когда канцлер Милон де Дорман, епископ Бове, известил штаты о том, что королю нужна помощь, произошел ожидаемый взрыв негодования. Толпа простолюдинов набросилась на купцов, которые, хотя и возражали против поборов, не были готовы противиться королевскому указу.

«Видите, граждане, как вас презирают!» — кричал сапожник своим сторонникам. В его обвинении отразилась вся горечь маленьких людей по отношению к «большим», он говорил о бесконечной жадности сеньоров: «Они бы, дай им волю, отобрали у вас дневной свет и установили налог на воздух, которым вы дышите. Они давят народ своими поборами год от года все

больше. Они не хотят, чтобы мы дышали или говорили, или чтобы у нас были человеческие лица, они не хотят смешиваться с нами в публичных местах... Эти люди, которым мы вынуждены служить, которые кормятся за наш счет, хотят лишь сверкать золотом и драгоценностями, строить прекрасные дворцы и придумывать новые налоги для горожан». Сапожник клеймил трусость купцов и приводил в пример жителей Гента, взявшихся за оружие и выступивших против своего графа.

Если красноречию сапожника частично и поспособствовал монах из Сен-Дени, рассказавший об этом эпизоде, отсюда следует вывод, что многие монахи-хронисты с симпатией относились к народным бунтам. В своем знаменитом пророчестве монах Жан де Роктайяд предвидел день, когда «земляные черви безжалостно пожрут королевских львов, леопардов и волков... простые люди свергнут тиранов и изменников».

Для сапожника и его трехсот товарищей этот день настал. Размахивая ножами, они заставили купцов передать герцогу Анжуйскому и канцлеру требование отменить налог. За мраморным столом во дворе герцогского дворца прево умолял герцога снять «невыносимое бремя». Толпа страшными криками подтвердила его слова, люди клялись, что платить не будут, лучше сто раз умрут, чем страдать, такая жизнь для них «бесчестье и стыд». Эти неожиданные слова часто появляются в протестах, словно прибавляя достоинства рыцарской клятве. Бедняки не менее богачей хотели, чтобы с ними обращались достойно.

Гладкими сочувственными словами герцог Анжуйский пообещал добиться у короля разрешения на

отмену налогов. Всю ночь звучали опасные речи с призывами нападать на аристократов и священников. Если верить хронисту из Сен-Дени, люди говорили, что «правительство должны возглавить они, а не господа». Действительно ли простолюдины об этом помышляли или хронист опасался такого развития событий, неизвестно.

Когда на следующий день напуганное правительство согласилось на отмену налога, облегчение наступило слишком быстро. Торжествующим людям хотелось потратить неизрасходованный гнев, и они кинулись грабить и избивать евреев — единственных представителей общества, на которых бедняки без опаски могли излить свою агрессию. По слухам, нападение спланировали некоторые аристократы: в этом случае они избавлялись от долгов. В то время как часть толпы носилась по городу — хватала сборщиков налогов и уничтожала регистрационные книги, основная масса, вместе с аристократами, устремилась в еврейский квартал с криками «*Noel! Noel!*» («Рождество!»). Они взламывали двери, уносили товары, документы и ценности, гнались за евреями по улицам, бросали тех, кого могли, в реку, хватали детей и насильно их крестили. Большинство евреев укрылись в темнице Шатле, но десять трупов, включая и тело раввина, были обнаружены после побоища. Погромы распространились на Шартр, Санлис и другие города. Гонения продолжались и в следующее десятилетие, что свидетельствовало о нездоровье общества; в 1394 году королю даже пришлось издать декрет об изгнании евреев.

Корона нуждалась в деньгах, а потому взяла евреев под королевскую защиту и делала это руками Уга Обрио, главного прево Парижа, — одиозной фигуры,

пользовавшейся дурной славой. Обрио рассылал повсюду гонцов, и те от его имени требовали у населения возвращения всего награбленного у евреев, в том числе и похищенных детей. Очень мало кто подчинился приказу. Впоследствии то, что прево пытался вернуть крещеных еврейских детей, было поставлено Обрио в вину и способствовало его падению.

Согласно эдикту от 16 ноября, правительство, как и обещало, отменило «отныне и навсегда все налоги, церковные десятины, налоги на соль (габели), очень огорчавшие наших подданных и направлявшиеся на войну со времен нашего предшественника короля Филиппа». Этот указ отражал кратковременную панику правителей, а не серьезное намерение. Кроме Карла V, монаршие особы в большинстве своем действовали импульсивно.

В поиске средств правительство тотчас обратилось к провинциальным собраниям депутатов с просьбой о добровольной помощи, но результат оказался неудовлетворительным. Когда в Нормандии один министр предложил проголосовать за сбор средств, собрание единогласно воскликнуло: «Ничего! Ничего!». В Руане и Амьене все как один высказались против такого предложения. «Клянусь Богом, это не пройдет!» — закричал один купец на митинге, устроенном на свином рынке города Санс. Все придерживались единого мнения: королевской казны достаточно для нужд короны, а если собрать деньги с населения, они пойдут на прихоти аристократов. Некоторые области все же согласились на сбор пожертвований, но провинциальные собрания продолжали сопротивляться.

Ситуацию осложняли и противоречивые интересы третьего сословия. Мелкие буржуа стремились вырвать власть у богатых купцов и у старейшин гильдий; впрочем, те и другие хотели использовать в своих интересах растущее недовольство трудящихся. Они разжигали это чувство у неквалифицированных безземельных крестьян, вынужденных из-за войны и лишений податься в города.

Дядюшкам юного короля не терпелось избавиться от прежних советников, и потому правительство покойного Карла V вскоре было расформировано. Представитель герцогов обвинил в предательстве фаворита Карла V Бюро де ла Ривьера, но на помощь Ривьеру пришел Клиссон: на глазах у всего двора он бросил перчатку, и никто из придворных не осмелился принять этот вызов. Опасаясь репрессий, Ривьер покинул двор; изгнали также канцлера д'Оржемана, Мерсье, а еще один бывший советник, Жан де ла Гранж, кардинал Амьена, нашел уважительную причину для ухода в отставку.

Юный король недолюбливал де ла Гранжа, поскольку враги кардинала внушили королю, будто де ла Гранж одержим демонами. Однажды при приближении кардинала десятилетний Карл осенил себя крестом и воскликнул: «Бегите от дьявола! Избавьтесь от дьявола!», что, естественно не понравилось служителю церкви. Кардиналу стало известно, что при восшествии на престол юный король сказал другу: «Настал момент отомстить этому священнику». Кардинал спрятал свои накопления в надежном месте, бежал в Авиньон и уже не вернулся.

Сенсационное падение прево Парижа еще раз доказало разрушение власти. Угу Обрио было за шестьдесят, он завоевал расположение Филиппа Бургундского экстравагантными пирами и дарами, понравился он и буржуазии тем, что построил канализацию и отремонтировал стены и мосты. Однако духовенство его не жаловало, потому что он открыто оскорблял клириков, а к университету тоже относился не лучшим образом, называя тот «рассадником попов». Обрио не соглашался с привилегиями студентов и арестовывал их при каждом удобном случае. Говорили, что он приготовил в Шатле две темницы для ученых и клириков. На похоронах Карла V Обрио не разрешил университетским преподавателям встать в начале похоронной процессии. Между сержантами прево и учеными произошла громкая ссора, а кончилось все тем, что многие преподаватели были ранены, 36 человек брошены в тюрьму. «Ох уж этот сброд! — воскликнул Обрио. — Жаль, что с ними не случилось чего-нибудь похуже».

Вмешательство Обрио в гонения на евреев позволило университету отомстить прево. Его обвинили в ереси, содомии и в ложном христианстве, особенно порицая за «профанацию святости крещения». В мае 1381 года Уга Обрио привлекли к суду в присутствии епископа Парижа. Кроме обвинений в презрении к евхаристии, в отказе от исповеди в Пасху и в публичном проявлении неуважения к духовенству, прево обвинили в пренебрежении к женской добродетели. В суде утверждали, будто он покупал девственниц и был склонен к колдовству, говорили, что прево сажает в тюрьму мужей, чтобы проводить время с их женами,

Обрио будто бы прибегал к извращенному сожительству с женщинами и имел половую связь с еврейками.

Благодаря влиянию герцога Бургундского, сожжение преступника на костре было отменено. Обрио поставили на колени на деревянный эшафот напротив собора и заставили просить об отпущении грехов, в числе которых припомнили попытку вернуть родителям крещеных еврейских детей. Епископ и ректор университета грехи отпустили, однако Обрио осудили на пожизненное заключение в тюрьму, где он должен был сидеть на хлебе и воде. Осуждение прево и ослабление правительства способствовали тому, что парижане восстали.

Во время этих невеселых событий де Куси состоял в королевском совете, он был в хороших отношениях с герцогами, и каждый из них желал его поддержки. Одним из первых распоряжений герцога Анжуйского в качестве регента стала передача де Куси в пожизненное пользование Мортани, доставшейся герцогу от покойного короля. Де Куси обладал большим обаянием и способностью не наживать себе врагов. Он всегда был готов работать с тем, кто обладал властью — возможно, благодаря политической мудрости, приобретенной в связи с обстоятельствами его брака. После того как в январе 1381 года де Куси заключил мирный договор с герцогом Бретани, его снова направили к англичанам в Монтрей — обсудить условия перемирия. Позже в том же году, как явствует из документов, он заплатил шпионам, собиравшим для него информацию об английских крепостях в Кале, Эно и в других городах. В мае его вызвали в Париж: герцог Анжуйский хотел получить от Ангеррана совет насчет своего проекта в Италии.

Герцог мечтал о королевстве, а для исполнения этого желания требовались деньги. Он узнал, что Карл V держал для своего сына деньги в Мелене, и Анжуйский завладел ими, пригрозив казнить попечителя фонда. Монах из монастыря Сен-Дени, однако, не подтверждает достоверность этой истории — «никто не знает правды, дело это темное». Средств герцогу все же не хватило. В 1381 году он продолжал требовать вспомоществования и получил несколько сумм то там, то здесь, но чаще всего ему отказывали.

Пока во Франции тихо тлело недовольство, в Англии в июне 1381 года вспыхнула настоящая революция — восстали не горожане, а крестьяне. В стране, экономика которой была по большей части сельскохозяйственной, значительное влияние имели ремесленники. Третий раз за четыре года крестьян обложили подушным налогом, собирали мзду со всех, начиная с пятнадцатилетнего возраста. В ноябре 1380 года послушный парламент высказался за финансирование похода Ланкастера в Испанию, но деньги, собранные с населения, составили лишь две трети ожидаемой суммы; объяснялось это не в последнюю очередь тем, что сборщиков налогов подкупали и они обходили стороной «нужные» семьи или фальсифицировали численность населения. Потребовалось повторить сбор налогов, и это сулило неприятности в том случае, если бы лорды, прелаты и дядюшки юного Ричарда прислушались к постоянным жалобам по поводу притеснений в сельской местности. Внимания они не обратили и навлекли на себя тем самым кровопролитнейшее восстание этого века.

В конце мая деревни в Эссексе на восточном побережье, чуть выше Лондона, отказались платить налоги; сопротивление распространилось и дальше, были свидетельства, что все происходит не вдруг, а поговору, и в соседнем графстве Кент, к югу от Темзы, случилось насилие. Крестьяне вместе с йоменами, принимавшими участие во французских войнах, вооружились ржавыми мечами, вилами, топорами и луками, потемневшими от времени, и атаковали замок, в темнице которого томился сбежавший виллан. Избрав себе в предводители Уота Тайлера, красноречивого демагога и ветерана войны, они захватили Кентербери и заставили мэра принести присягу королю Ричарду и Общинам, после чего освободили из тюрьмы архиепископа, идеолога движения равенства Джона Болла. Он был странствующим священником, ученым и фанатиком, ходил по стране двадцать лет, его часто задерживали за оскорбление церкви и государства и за радикальные проповеди о всеобщем равенстве.

Хотя искрой, вызвавшей восстание, был подушный налог, главной причиной недовольства стали путы феодальной зависимости и отсутствие законных и политических прав у крестьян. Вилланы не могли подать в суд на своего хозяина, в парламенте от их имени никто не выступал, по отношению к господам вилланы были связаны долгом и не имели права его нарушить, и разве только силой могли они добиться изменения этого закона. В том и состояла задача восстания, а поход на столицу начался с Кентербери.

Когда жители Кента дошли до Лондона, покрыв за два дня расстояние в семьдесят миль, навстречу им вышли повстанцы из Эссекса. Аббатства и монастыри на пути следования мятежников вызывали у них особую

враждебность, потому что клирики всегда стояли за рабский труд. В городах ремесленники и мелкие торговцы поддержали восстание бедняков против богачей, оказывали крестьянам помощь, в частности давали им еду. Простой народ из других графств, услышав о восстании, тоже принялся бунтовать, и мятеж распространялся.

«Сумасшедшие толпы» из Кента и Эссекса открывали ворота тюрем, грабили поместья, сжигали документы. Некоторые из личной ненависти убивали землевладельцев и чиновников и насаживали их головы на колья. Богачи из страха смерти бежали и прятались в тех же лесах, в которых до того момента скрывались от них вилланы. Некоторых лордов восставшие силой заставляли идти с ними, «хотели они того или нет»: тем самым они создавали видимость участия аристократов в восстании.

Крестьянский вождь поклялся убить «всех адвокатов и слуг короля», которых найдут мятежники. За исключением короля — их воображаемого защитника, — все чиновники были врагами, будь то шерифы, лесники, сборщики налогов, судьи, аббаты, епископы и герцоги, особенно судьи, потому что именно они сажали вилланов в тюрьмы. Не случайно главный судья Англии сэр Джон Кавендиш стал одной из первых жертв наряду со многими судебными секретарями и присяжными. Есть свидетельства, что дома всех адвокатов, мимо которых проходили восставшие, были уничтожены.

Если Жакерия за двадцать три года до этого была бунтом без программы, то крестьянское восстание Тайлера выросло из идеи свободы. Хотя теоретически вилланы были свободны, они хотели устранить все

ограничения, налагавшиеся законом о наемных рабочих, — этот закон вот уже тридцать лет пытался привязать виллана к лорду. Люди слушали священников-лоллардов и светских проповедников, которых тревожила несправедливость мира, они слышали о теории равенства Джона Болла. «Дела в Англии не могут идти хорошо, — говорил Болл, — покуда все у нас не станет общим, когда не будет ни вассалов, ни лордов, когда лорды будут не господами, а такими же, как мы... Разве все мы не приходим от одних и тех же родителей — Адама и Евы?»

В воздухе витал дух Уиклифа, осмелившегося покуситься на высшую власть. Что произошло в последние тридцать лет, что выросло из чумы, войны, притеснений, дурного правления? Народ перестал робко подчиняться системе, появилось недоверие к правлению и к правителям, как светским, так и церковным, пробудилось ощущение, что власти надо возражать, что перемены возможны. Если власти продажны — даже бедняки видели это, ведь им приходилось подкупать сборщиков налогов — солдаты грубы, а церковь жестока, то желание перемен все сильнее.

Это желание подогревали проповедники, осуждавшие власти. Турниры богачей, говорили они, суть мучение для бедняков. Проповедники клеймили «злых принцев», «палачей, казнящих невинных людей и оставляющих неутешных вдов», «порочных священников, подающих дурной пример людям», и, самое главное, нобилей, опустошающих кошельки бедняков и тратящих эти деньги на свои удовольствия. Аристократы «презирают прочих за низкое происхождение, за телесные недостатки, за глупость, за неуклюжесть и гнушаются говорить с ними, в то время как сами

лопаются от гордости за высокородных предков, за богатство, власть, красивую внешность, за силу, за детей... Всех их в Судный день бесы утащат в ад».

В день гнева, вещал доминиканец Джон Бромьярд понятными крестьянам словами, богачам «повесят на шею ослов, овец и других домашних животных, которых они забрали у вас и не расплатились». Добродетельные бедняки, обещал францисканский монах, в Судный день встанут против жестоких богачей и обвинят их в их злодеяниях на земле. «Ха, ха! — скажут другие, ужасно напуганные. — Этих людей раньше все презирали. Смотрите, в каком они теперь почете, они среди сыновей Бога! Что нам наше богатство и уважение? Унижают теперь нас».

Если бедняки и в самом деле были сыновьями Бога (даже если проповедники попрекали их жадностью, мошенничеством и непочтительностью), то зачем дожидаться своих прав до Судного дня? Если все люди родились от Адама и Евы, то почему их держат в подчинении? Если всех уравнивает смерть, как постоянно подчеркивают священники, то не лучше ли добиться равенства на земле и пойти наперерез воле Бога?

На окраине Лондона восставшие крестьяне Тайлера одолели правительство. Против наступавшей толпы не приняли никаких мер отчасти — из презрения ко всяким Уилли, Коббам и Джекам — деревенским парням с черными ногами, а отчасти — из отсутствия вождя среди аристократов и нехватки оборонительных средств. Ланкастер в это время был на шотландской границе, Бэкингам — в Уэльсе, а единственные организованные вооруженные силы под предводительством третьего дяди

короля, Эдмунда Кембриджского, грузились в это время в Плимуте на корабли, чтобы плыть в Испанию. За исключением пятисот или шестисот вооруженных стражников королевской охраны, у короны никого не было. На лондонцев надежды тоже было мало — многие горожане сочувствовали восставшим, а некоторые даже к ним присоединялись.

Двадцать тысяч крестьян разбили лагерь у стен города и потребовали встречи с королем. Юному королю обещали безопасность, но намеревались срубить головы архиепископу Садбери, а также канцлеру и казначею сэру Роберту Хейлсу: его считали ответственным за подушный налог; восставшие требовали также голову хитрого «предателя» Иоанна Гентского, который был для них символом плохого управления и неумения вести войну. Джон Болл обратился к крестьянам с горячим призывом сбросить ярмо, которое они так долго носили, и уничтожить всех знатных лордов, судей, адвокатов и завоевать свободу, чины и власть.

Напуганное правительство посовещалось и не нашло иного выхода, кроме как вступить в переговоры. Ричард II, слабый красивый четырнадцатилетний мальчик, в сопровождении рыцарей выехал навстречу восставшим и выслушал их требования — отмена подушного налога, уравнение всех сословий, установление денежной ренты в четыре пенса за акр, свободное пользование лесами, все задокументированное и заверенное королевской печатью. Бунтовщикам ответили, что все их требования удовлетворят, — в надежде, что толпа разойдется и отправится по домам.

Между тем сочувствующие открыли городские ворота и впустили отряд во главе с Уотом Тайлером внутрь. Они захватили лондонский Тауэр, убили архиепископа Садбери и сэра Роберта Хейлса. Затем набросились на Савойский дворец Иоанна Гентского, разгромили его и сожгли. Восставшие действовали по приказу Уота Тайлера: дворец не грабить, а уничтожить. В подвале обнаружили бочки с порохом, их и побросали в пламя, гобелены разодрали, драгоценные камни топорами разбили в пыль. Темпл — квартал юристов — уничтожили вместе со всеми документами. Затем последовали убийства; семьи ломбардцев и фламандцев были вырезаны (просто потому что иностранцы), также поступили с магнатами, чиновниками и «предателями» (в их числе был богатый купец Ричард Лайонс, которого Добрый парламент отправил в отставку, а герцог Ланкастерский восстановил в должности).

В хаотичной смене событий только юный Ричард передвигался словно в магически очерченном круге: к нему, как к королю, восставшие испытывали почтение. Он сидел на высоком боевом коне — очаровательный мальчик в пурпурном плаще, расшитом королевскими леопардами, на голове сияла корона, в руке зажат золотой жезл. Подросток улыбался простолюдинам и черпал уверенность в восхищении, которое буквально излучала толпа. Он издавал указы, и тридцать писцов вручали свитки восставшим. Многие крестьяне разошлись, поверив в то, что король — их защитник.

Пока сэр Роберт Ноллис срочно собирал войско, Уот Тайлер, воспламененный схваткой и пролитой кровью, призывал своих сторонников к захвату Лондона и уничтожению правящей верхушки. Королевские указы его не удовлетворили: он подозревал, что это пустышка,

Тайлер понимал, что ему никогда не будет даровано прощение. Он мог идти только вперед, к захвату власти. Если верить Уолсингему, Тайлер похвалялся, что «через четыре дня все законы Англии будут исходить из его уст».

Тайлер вернулся в лагерь в Смитфилде, чтобы еще раз встретиться с королем. При разговоре он выдвинул новые требования, намеренно чрезмерные, чтобы спровоцировать отказ, и рассчитывал захватить Ричарда в плен. Тайлер потребовал отмены сословного деления: все люди должны быть равны перед королем, церковная собственность отобрана, а земли поделены между крестьянами, в Англии достаточно одного епископа, а священники не нужны вообще. Король согласился все исполнить. Свидетельства о том, что произошло в следующий момент, настолько разнятся, что этот эпизод до сих пор не прояснен. Похоже, Тайлер затеял ссору с оруженосцем из королевской свиты, Уот вытащил кинжал и тут же был сражен мечом мэра Лондона Уильяма Уолворта.

Все пришло в смятение. Крестьяне схватились за луки, выпустили несколько стрел. Но Ричард с редкостным хладнокровием приказал всем не двигаться, выехал вперед и обратился к мятежникам: «Господа, чего вы хотите? Я ваш капитан, я ваш король. Успокойтесь». Пока король вел переговоры, Ноллис быстро собрал войско и окружил лагерь восставших: солдаты выглядели грозно — забрала опущены, оружие сверкает. Крестьяне, оставшись без вожака, испугались; наколотая на копье голова Тайлера ввергла их в панику (ситуация напоминала парижское восстание и смерть его лидера, Гийома Каля).

По приказу короля восставшие сложили оружие и, услышав заверения о помиловании, разошлись по домам. Вождей бунта, включая Джона Болла, повесили, а мятежи в других частях Англии были подавлены, хоть и не так жестоко, как после французской Жакерии. С английским восстанием, как и во Франции, покончили в течение месяца, но действовали не силой, а больше обманом. Королевские указы безо всякого раскаяния отменили, парламент объявил, что их принимали под давлением. Когда из Эссекса прибыла депутация напомнить королю об обещании покончить с феодальной зависимостью, Ричард ответил: «Вы вилланы и вилланами останетесь».

Автократы нередко запаздывают с пониманием. Экономические силы уже подтачивали феодальную зависимость, но наказания, несмотря на поражение революции, продолжались, пока несвободных крестьян не осталось вовсе. Ускорила ли революция этот процесс или задержала, неясно, но быстрый результат вселил в правителей, начиная с короля, невероятное самодовольство. Возможно, у опьяненного успехом Ричарда проявились начатки абсолютизма, но он не обрел закалки, необходимой для обращения с врагами, и в итоге пал жертвой одного из них. Военные не видели необходимости в каких-либо переменах, церковь твердо выступала против реформ. Привилегированные сословия, напуганные учением лоллардов о всеобщем равенстве, решительно высказывалось против любых перемен. В поэме Гауэра «Глас вопиющего» поэт обличал лоллардов как провозвестников раскола между церковью и государством и утверждал, что в мир их послал Сатана. Лолларды ушли в подполье, тем самым надолго отложив утверждение протестантского сепаратизма.

В дни гнева и страданий, дни бедствий и несчастий крестьянская революция казалась многим еще одним испытанием, означавшим, как и «Черная смерть», гнев Божий. Связывая крестьянское восстание с землетрясением, случившимся в 1382 году, и с бубонной чумой, анонимный поэт заключил, что эти три явления

Вызваны Божьим гневом,

Наказанием за грехи.

Монах Уолсингем полагал, что и нападения французов на английское побережье можно расценивать как Божью кару: «Насылая на людей такие ужасы, Господь призывает их к раскаянию». Восстания, если трактовать их подобным образом, не имели политического значения. Как писал флорентийский хронист, «человек не может изменить того, что послал нам Господь за наши грехи».

Какое влияние оказало английское восстание на революционные настроения людей за рубежом, неизвестно. Как бы то ни было, война и сопутствующие ей бедствия и налоги должны были подбросить достаточно топлива в топку недовольства. И все же война давала работу и деньги оружейникам, возчикам, продавцам зерна, пекарям, коннозаводчикам и сотням мастеровых других профессий, не говоря уже о лучниках, пехотинцах и о тех, кто обслуживал армию. Люди того времени не говорили о войне как об экономическом стимуле, зато оставили много свидетельств о том, какое тяжелое бремя она накладывала на бедняков. «Необходимо взять за принцип, — писал Виллани, — что

за войну не должны расплачиваться бедняки, платить должны те, кому принадлежит власть».

Герцог Анжуйский не признавал этот принцип; охота за деньгами, которую он развязал начиная с февраля 1382 года, спровоцировала во Франции новую волну бунтов. Ожидавшееся наследство — Неаполитанское королевство — в случае отречения от трона королевы Джованны грозило сорваться. Де Куси вновь вызвали из Пикардии для консультаций, однако, не послушав его совета, герцог вознамерился повести армию в Италию. На встрече с купеческими старшинами и знатными буржуа в январе 1382 года он, похоже, сумел вырвать у них согласие на новый налог на вино, соль и другие продукты. Поскольку он боялся народного гнева, эдикт был подписан тайно, а назначение на прибыльную должность главного сборщика налогов провели в Шатле за закрытыми дверями. Многие с охотой бы согласились, однако боялись публично в том признаться. Двор в Венсенне испытывал не меньший страх.

Когда торговцы и путешественники разнесли весть о новом налоге, не только в Париже, но и в Лане, Амьене, Реймсе, Орлеане и Руане вспыхнули бунты. Представитель столичной буржуазии Жан де Маре, пожилой уважаемый и красноречивый адвокат, служивший всем королям, начиная с Филиппа VI, тщетно пытался убедить герцога Анжуйского отменить эдикт. Владельцы магазинов не пускали сборщиков налогов, явившихся оценивать их оборот; горожане хватили оружие, забили в набат и накидывались на налоговые конторы. Гнев народа подогревали «английский пример» и даже «письма и записки от фламандцев». Дело было,

однако, не столько в совместных действиях, сколько в страхах правящих кругов.

В конце февраля мятеж в Руане, столице Нормандии, разгорелся не на шутку. Знатные виноторговцы, узнав о новом налоге на вино, решили возбудить народное сопротивление и при этом не скомпрометировать себя. Они обратились к ремесленникам и мелким купцам: стыдно, мол, подчиняться новому налогу, — и напоили всех дармовым вином. Под крики «*Haro!*» (этот возглас означал вызов) — против правительства и против сборщиков налогов — толпа из двухсот нетрезвых торговцев ринулась в ратушу и принялась бить в набат. Так началась знаменитая «Гарель».

Собрав сторонников, торговцы принялись грабить дома богачей, взламывали сундуки, выбрасывали на улицы вещи, разбивали окна, вскрывали бочки с вином и выливали все, что не смогли выпить. Они нападали на священников, ростовщиков, евреев, на дома бывших мэров, набат гремел всю ночь. Богачи бежали, укрывались в монастырях, а нескольких королевских чиновников и сборщиков налогов убили. Главу торговой гильдии, толстого и глупого, прозванного за дородность фигурой Большим Жаном, против его воли назначили вожаком и пронесли по улицам на троне, компрометируя тем самым богатых буржуа, которые желали остаться за кулисами.

К восставшим присоединилось множество обеспеченного люда, и мятежники напали на аббатство Сан-Уэн. Это аббатство ненавидели за то, что оно владело большими земельными угодьями, и за особые привилегии. Двери разбили топорами, конторские книги

сожгли, аббата заставили подписать отказ от всех долгов. Тот факт, что документы сформулированы правильным юридическим языком, доказывает роль, сыгранную в восстании верхним слоем буржуазии. Впоследствии на торжественном собрании на рыночной площади толпа обратилась с петицией к толстяку-«королю», дескать, объявил нас свободными от налогового бремени. Некоторые, глядя на это представление, смеялись и качали головами.

Богатые буржуа, во избежание королевской опалы, направили в Венсенн делегатов с просьбой о помиловании. Королевский совет, опасаясь, в свою очередь, распространения восстания на другие города, посоветовал мальчику-королю не демонстрировать гнев, а постараться успокоить разбушевавшихся людей. Как и подобало носителю священного королевского титула, Карл VI выехал в Руан, где магистраты, явно встревоженные беспорядками, посулили передать в казну определенную сумму в обмен на прощение. В целом, конфликт удалось притушить, но не загасить окончательно; недовольство готово было вырваться наружу при любом удобном случае, причем с обеих сторон.

Не успел утихомириться Руан, как восстал Париж. Объявить публично о новом налоге никто не рисковал, пока некий глашатай за деньги не выехал на рыночную площадь. Он обратил на себя внимание народа тем, что пообещал вознаграждение за возврат золотого блюда, украденного из дворца, после чего объявил о новом налоге и, ударив шпорами коня, галопом умчался прочь. Когда новость распространилась по городу, люди собрались во множестве и поклялись «ужасными клятвами» ничего не платить и сопротивляться.

Последовали аресты подстрекателей — носильщиков, жестянщиков, свечных мастеров, пекарей, точильщиков, портных, то есть ремесленников, мелких торговцев и слуг. На следующее утро, 1 марта, когда на рынке Ле Аль сборщик налогов потребовал деньги у женщины, продававшей салат, «рыночный люд» напал на него и забил до смерти.

Париж гудел. Люди бегали по улицам, призывали соседей к оружию «за свободу страны», поднимали народ яростными криками, исполненными угроз. «Если вы не вооружитесь, как мы, — кричал один, — мы убьем вас в вашем собственном доме!» Затем толпа вломилась в Отель-де-Виль на Гревской площади, захватила три тысячи боевых молотов с длинными ручками, которыми обычно пользовалась полиция. У молотов были цилиндрические, окованные свинцом головки; Уг Обрио запасся ими на случай войны с англичанами. По-французски «молот» — *maillet*; от этого слова мятеж получил прозвище восстания майотенов (или молотобойцев).

Вооруженная толпа вызвала у властей еще больший ужас. Пока на правом берегу Сены молотобойцы занимались грабежами, аристократы, прелаты и чиновники поспешно грузили ценные вещи в экипажи и бежали в Венсенн. Майотены запоздало закрыли городские ворота, натянули поперек улиц цепи и поставили стражу, чтобы воспрепятствовать бегству богачей (некоторые из последних вынуждены были вернуться). Еще майотены гонялись за нотариусами, юристами и за каждым человеком, так или иначе связанным с налогами, вламывались в церкви и вытаскивали оттуда сборщиков налогов, — одного выволокли от алтаря церкви Сен-Жак, где он в ужасе

цеплялся за статую Святой Девы, и перерезали ему горло. Дошедшие до нас записи свидетельствуют, что повсюду пылали костры и, как и всегда, был разграблен еврейский квартал. «Обратись в христианство, или мы убьем тебя!» — велели некой еврейке. «Она сказала, что скорее умрет, — свидетельствовал очевидец, — тогда ее ограбили и убили». Евреи снова искали убежища в Шатле, но чиновники их не пускали из страха перед майотенами. Из тридцати с лишним людей, убитых в первый день восстания, половину составляли евреи.

Состоятельным буржуа хотелось и усмирить восстание, и воспользоваться им, чтобы добиться уступок от короны. Они быстро сформировали ополчение, готовое противостоять бунтовщикам и королевским вооруженным отрядам. На перекрестках расставили заградительные команды, разведчиков послали на колокольни церквей, откуда они могли засечь приближение военных отрядов. «Они быстро показали себя настолько сильными, — писал Бонакорсо Питти, флорентийский банкир в Париже, — что со временем майотены стали им подчиняться», и в результате буржуа руками бунтовщиков добились чего хотели от короны.

Парижское восстание, случившееся сразу же после событий в Руане, усилило страхи перед революцией. Двор поспешил начать переговоры. Де Куси, прославившегося своим «вежеством» и способностью убеждать, вместе с канцлером и герцогом Бургундским отправили в предместье Сент-Антуан — выслушать требования бунтовщиков. Жан де Маре выступил в роли посредника. Парижане настаивали на отмене всех введенных после коронации налогов, требовали амнистии для бунтовщиков и освобождения четверых буржуа, арестованных за выступления против налога

герцога Анжуйского. Чтобы снизить накал страстей, королевские переговорщики согласились освободить четверых заключенных, однако результат оказался не тем, на какой они рассчитывали. Не дослушав посланцев короля, толпа напала на Шатле и другие тюрьмы, отворила все камеры и темницы и выпустила заключенных; те были настолько измученными, что не могли идти, и их пришлось нести на руках до больницы Отель-Дье. Все судебные книги регистрации и признания арестантов сожгли на кострах.

Среди освобожденных был и самый знаменитый арестант — Уг Обрио. Майотены посадили бывшего прево Парижа на «маленькую лошадь» и проводили до дома. Они просили Обрио стать их вожаком. Каждому восстанию требовалось одно и то же, и ради этого прилагались те же усилия — необходимо было убедить или заставить человека из правящего сословия выдвигать обвинения и отдавать приказы. Обрио не хотел принимать в этом участия. Ночью, пока бунтовщики ели, пили и дебоширили, Обрио удалось покинуть Париж, и, когда утром обнаружили, что он сбежал, многие закричали, что город предали.

Буржуа требовали решения, утверждая, что «небывалая дерзость мелкого отребья не должна пойти во вред достойным людям». Готовясь подавить парижское восстание каким угодно способом, король согласился на все, за исключением помилования тех, кто был виновен в нападении на Шатле; впрочем, намерения вдохновителей мятежа были не более честными, чем у Ричарда II. Получив королевские письма, подтверждавшие прощение, буржуа сразу заметили, что письма составлены весьма двусмысленно, а к тому же

конверты запечатаны не зеленым воском на шелке, а красным на пергаменте, что умаляло их значение.

Пренебрегая ропотом масс, возмущенных таким двуличием, двор продолжал ужесточать свою политику. Города, где вспыхивали мятежи, действовали самостоятельно, не согласовывая действия с мятежниками из других поселений, а потому властям легче было их подавлять. В Венсенне собирались вооруженные силы, и Париж охватил страх расправы. Двор принудил городские власти выдать сорок зачинщиков восстания: четырнадцать человек публично казнили, к большому негодованию населения. Если верить свидетельству монаха из монастыря Сен-Дени, других мятежников, по королевскому приказу, тайно утопили в реке. Двадцать девятого марта, убедившись в безопасности монарха, герцоги отправили короля в Руан — нанести отсроченный ответный удар. При виде короля горожане попытались изобразить положенную радость: облекшись в праздничные зеленые и голубые одежды, они выстроились на улицах и приветствовали монарха криками «*Noel, Noel, Vive le Roi!*», но герцога Бургундского это не устроило. Чтобы пробудить в людях правильное настроение и подготовить их к наказанию, он приказал своим солдатам врезаться в толпу с обнаженными клинками и заставить собравшихся громко молить о милосердии с накинутыми на шею веревками. Все это должно было означать право короля повесить их или помиловать.

Чтобы заплатить штраф, горожане продали все серебряные и золотые блюда братств (*confreries*), а также подсвечники и курильницы. Короля и двор это не удовлетворило. Несмотря на обещанное прощение, дюжину бунтовщиков казнили, набатный колокол сняли,

как и цепи, перекрывавшие улицы; была аннулирована руанская хартия вольностей, а магистрат утратил самостоятельность и перешел в подчинение королевского бальи. Испугавшись столь показательного примера, штаты Нормандии проголосовали за подходящий налог и за налог на соль. Подавляя восстание, корона не забывала пополнять казну и — что важнее — не упускала возможности отменить городские хартии и усилить королевскую власть.

Парижский бунт было подавить не так-то просто, а бурные события в Генте усилили страх перед возможным всеобщим восстанием. Призыв к солидарности — «*Vive Gant! Vive Paris no'mere!*» — разносился по городам от фламандской границы и до Луары.

В Генте вновь появились белые капюшоны времен Якоба ван Артевельде. Созвали народное ополчение, капитаном которого стал сын Артевельде Филипп, исполненный злобы и острый на языки надело маленький быстроглазый человек. За ним пошли, ибо аура имени была по-прежнему сильна. Обстоятельства, а не предпочтения вынудили его опереться на простой люд, он говорил, что все могут высказывать свое мнение — «как богатые, так и бедные», и все будут есть одинаковую пищу. Тридцать тысяч человек две недели не видели хлеба, и Филипп заставил аббатства поделиться запасами зерна, а торговцам велел продавать его по фиксированным ценам. Беспорядки во Фландрии традиционно способствовали тому, что граф, аристократы и городские богачи заключали между собой временные противоборствующие союзы, но на сей раз они увидели в мятеже опасный революционный огонь и

под предводительством графа сплотили ряды для подавления восстания.

В апреле 1382 года голодающий город пошел на переговоры. Граф потребовал, чтобы все жители Гента от пятнадцати и до шестидесяти лет с непокрытыми головами, в одних рубашках и с веревками на шеях прошли половину расстояния до Брюгге. Там, на месте, граф решит, сколько человек он простит и сколько казнит. Представители народа передали этот приказ голодающим горожанам на собрании, состоявшемся на рыночной площади. Было предложено три варианта действий — покориться, голодать или бороться. Избрали третий путь: собрали войско из пяти тысяч человек, способных сражаться, и двинулись на Брюгге, к ставке графа. В результате произошло самое неожиданное поражение века.

Ополчение Брюгге не менее графа было уверено в своей победе. Они болтались по городу и до самого утра 5 мая орали и пели в пьяном угаре. Напрасно граф и рыцари пытались призвать их к порядку. Жители Гента атаковали ополченцев, забросали градом камней и металлическими ядрами. Панику и бегство остановить не удалось, а фламандские рыцари поспешили отступить. Графа Людовика Мальского сбили с лошади. Он тщетно пытался собрать отряд при свете фонаря и избежал пленения только потому, что поменялся одеждой со своим пажом и пешком добрался до лачуги бедной женщины. «Ты меня знаешь?» — спросил он. «О да, монсеньор, я часто просила милостыню у ваших ворот». Графа нашел один из его рыцарей, он и раздобыл ему лошадь. Людовику пришлось трястись без седла на крестьянской кобыле, он прискакал на ней в Лилль, и это было отнюдь не такое счастливое путешествие, как

много лет назад, когда он вихрем умчался от брака с Изабеллой.

Гент теперь обеспечил себя едой, и к нему радостно примкнули другие города. Захватив Брюгге и пятьсот самых знатных буржуа в качестве заложников, Филипп ван Артевельде объявил себя регентом Фландрии. Ему сдались все города, он назначал новых мэров и старшин, издавал новые законы. Артевельде перенял замашки аристократа: о его появлении извещали трубы, впереди несли развернутый флаг с гербом — соболев в трех серебряных шапках, — возле его дверей играли менестрели. Артевельде носил пурпур, а еду ему подавали на серебряных графских блюдах.

И снова, как при его отце, на карту оказались поставлены интересы Англии и Франции. Людовик Мальский обратился за помощью к своему зятю и наследнику, герцогу Бургундскому. Артевельде предложил альянс с Англией. Общины одобрили этот союз ради торговли шерстью и потому что фламандцы, как и они сами, поддерживали Урбана. Папа Урбан объявил крестовый поход в помощь Фландрии, а это означало неизбежное обложение церковной десятиной. Несмотря на такую выгоду, английская аристократия не решалась сотрудничать с бунтовщиками, и пока они медлили, шанс был упущен.

В апреле герцог Анжуйский уехал в Италию, собрав достойными и недостойными средствами достаточно денег для найма девяти тысяч солдат и окружив себя невиданной роскошью. Короне повезло меньше, когда она потребовала у Парижа новых средств. Король в это время находился в городе Мо на реке Марна. Понадеявшись, что дело можно уладить, если

умиротворить Париж, совет решил послать на переговоры с парижанами де Куси, «ибо он лучше других знает, как с ними обращаться».

Де Куси не взял с собой других аристократов, сопровождали его лишь родственники. Он въехал во враждебный город, где ему оказали радушный прием. Де Куси остановился в собственной резиденции, которую приобрел недавно — в клуатре Сен-Жан возле Гревской площади.^[16] Пригласив нескольких вожаков горожан для переговоров, он сообщил им «мудро и благоразумно», что поступили они дурно: не следовало убивать чиновников короля и открывать тюремные ворота. За все это король дорого оплатит, если пожелает, но он этого не хочет, потому что любит Париж, город, в котором родился, столицу государства, не хочет «уничтожать добронравных жителей». Де Куси добавил, что приехал примирить горожан с правителем и будет просить короля и его дядей «милостиво простить горожан за их дурные поступки».

Горожане ответили, что с королем они воевать не хотят, но налоги следует отменить, по крайней мере в Париже. Когда это будет сделано, они готовы примириться с королем. Де Куси тут же уточнил: «Какими способами?» Они ответили, что согласны передавать выбранному лицу определенные суммы на солдатские нужды. Де Куси спросил, сколько они будут платить, и парижане сказали: «Как договоримся».

¹⁶ В некоторых текстах того времени резиденция называлась Рюле или Нюле. Она находилась на несуществующей ныне улице Сен-Жан-ан-Грев, тянувшейся от нынешнего Отель-де-Виль до улицы Риволи. Резиденция числилась проданной Раулю де Куси, «советнику короля», в 1379 году. Вероятно, произошла ошибка: вместо имени Ангеррана написали «Рауль».

Гладкими речами де Куси добился обещания в двенадцать тысяч франков в обмен на прощение. Король принял условие, но обстановка, при которой ему надлежало въехать в Париж, внушала нервозность. Парижанам велели сложить оружие, отворить ворота, снять с улиц цепи и послать в Мо в качестве заложников шесть или семь вожаков. Майотены гневно отвергли эти условия и потребовали от купцов, чтобы те к ним присоединились. С большой неохотой шестеро буржуа приехали в Мо. Они пояснили придворным, что вынуждены были приехать, так как боятся прогневать народ. Правительство решило применить силу. Солдат послали вверх по течению реки — занять мосты и отрезать пути поступления продуктов в город. Другим отрядам разрешили грабить предместья и нанести им такой ущерб, какой причинили бы враги. Приготовившись к нападению на Париж, аристократы собрали пустые повозки — «увезти из города добро, если представится такой случай». Парижане развесили уличные цепи, раздали оружие и поставили дозорных на крепостные стены.

Умеренные партии с обеих сторон под предводительством де Куси, державшего сторону короля, и Жана де Маре, защищавшего город, все еще старались договориться. Благодаря их красноречию и влиянию, город согласился выплачивать налог в 80 000 франков, который должны были собирать сборщики-горожане и, минуя королевских дядюшек и казначеев, передавать непосредственно войскам. Взамен Париж должен получить прощение и письменное обещание короля, что согласие горожан не станет поводом для новых налогов и король не станет держать зла на парижан. Если вера в королевское прощение еще сохранялась, то только

потому, что король в глазах людей был символом и им очень хотелось верить, что он противостоит аристократам и защищает народ.

Тут как раз случилась ошеломительная победа Гента над Фландрией, напугавшая сановников и подтолкнувшая двор к мирному соглашению с Парижем. Герцог Анжуйский уехал в Италию, герцог Беррийский отправился в Лангедок, наместником которого он являлся, так что делами заправлял герцог Бургундский, поставивший себе целью при помощи французской армии вернуть свои владения во Фландрии. Вот так и случилось, что договор с Парижем заключили быстро.

К огромному разочарованию горожан, король въехал в столицу всего на один день. Руан опять восстал из-за нового налога на шерсть. Бальи быстро подавил бунт с помощью вооруженной речной галеры. В южной Франции тоже было беспокойно: там орудовали банды обездоленных крестьян и бродяг. Монах из монастыря Сен-Дени называл их отчаявшимися и голодающими (*désespérés et cruve-de-faim*), а народ — тюшенами. Некоторые полагают, что это слово происходит от *tue-chien* (убить собаку), то есть люди дошли до того, что от голода ели собак; другие считают, что слово *touche* заимствовано из местного диалекта и означает людей, лишенных собственности и скрывающихся в лесах.

На возвышенностях Оверни и на юге тюшены собирались в банды из двадцати, шестидесяти или ста человек и вели партизанскую войну против знати. Они нападали на священников, устраивали засады на путников, похищали аристократов и требовали выкуп, в общем, хватали всех, у кого на руках не было мозолей. Как и сицилийская мафия, появились они не от хорошей

жизни, но, когда стали собираться в отряды, богачи начали использовать их в местных разногласиях. Города и сеньоры нанимали тюшенов для борьбы с королевскими чиновниками. На следующий год волнения в Лангедоке переросли в восстание.

Высшее общество чувствовало, что власти приходит конец. Прошел слух, что в Безье, в Лангедоке, восставшие собираются убить всех горожан, имеющих более ста ливров дохода, а сорок заговорщиков хотят убить своих жен и жениться на самых богатых и красивых вдовах жертв. В Англии, по свидетельству хрониста, крестьяне напоминали «бешеных собак... или пляшущих вакханок». Простолюдинов именовали «головорезами, лиходеями, ворами... бесполезными ничтожными людьми... грязными и оборванными», а майотены считали себя их братьями. Ткачи Гента, по слухам, собирались уничтожить всех «добрых людей» с шестилетнего возраста.

Главный источник опасности представлял собой именно Гент.

Предчувствуя опасность, французы во Фландрии приготовились к наступлению. Тут сошлось воедино все — бунт бедняков против богатых, опасный альянс англичан и Артевельде, приверженность фламандцев папе Урбану. Де Куси одним из первых заговорил об армии, он вступил в нее вместе с тремя другими рыцарями-баннеретами, десятью рыцарями-вассалами, тридцатью семью оруженосцами и десятью лучниками, затем армия увеличилась до шестидесяти трех оруженосцев и тридцати лучников. Кузен де Куси Рауль, сын его дяди Обера, был заместителем Ангеррана, хотя и

числился оруженосцем. Понадобилось шесть месяцев для сбора хорошо подготовленной армии, и поход начался лишь в ноябре. Многие не советовали начинать наступление в преддверье зимы, но стремление опередить англичан, несмотря на свинцовые дожди и холод, подстегивало кампанию.

Общая численность армии, по сообщениям, достигла пятидесяти тысяч, а на самом деле составляла около двенадцати тысяч — достаточно для того, чтобы приказать пехотинцам, как это часто требовалось, рубить кусты и деревья и расширить дорогу для похода.

Четырнадцатилетний король ехал вместе с армией в окружении дядюшек — герцогов Бургундского, Бурбонского и Беррийского, а также самых знатных аристократов Франции — де Клиссона, Сансера, де Куси, адмирала де Вьена, графов де ла Марша, д'О, де Блуа, д'Аркура и многих других знатных сеньоров и оруженосцев. Алюю орифламму, которую поднимали лишь на торжественных церемониях или для битвы против неверных, пронесли впервые со времен Пуатье, дабы подчеркнуть священный характер войны. Неловкость заключалась в том, что если враг — сторонник Урбана, то, стало быть, врагом является и союзник короля Людовика Фландрского. Впрочем, он и так не пользовался популярностью, поскольку был связан с англичанами. На протяжении всей кампании на Людовика смотрели косо.

В тылу к армии относились враждебно. Французские города и население, сочувствовавшее Генту, придерживали продовольствие либо препятствовали его поступлению и по-прежнему не хотели платить налоги. Герцога Бургундского, уже чуть ли не короля, громко

осуждали. Майотены Парижа поклялись на своих молотах оказывать сопротивление сборщикам налогов. Они изготавливали по ночам шлемы и оружие и планировали захват Лувра и особняков Парижа, чтобы теми не воспользовались против них как крепостями. От открытого противостояния их, однако, удерживал совет Николя де Фламана, торговца тканями, замешанного в 1358 году вместе с Этьеном Марселем в убийстве двух маршалов. Он советовал майотенам подождать, пока они не убедятся, что за гентцами преимущество, тогда, мол, и наступит момент. В это же время простолюдины бунтовали в Орлеане, Блуа, Шалоне, Реймсе, Руане, выказывая такую жестокость, что хронист писал: «Дьявол вселился в их головы и понуждает убивать всех нобилей».

Дойдя до реки Лис, на границе с Фландрией, королевская армия обнаружила, что мост, ведущий к Комину, разрушен противником, а все корабли исчезли. Берега реки были болотистыми и грязными; на другой стороне поджидали девятьсот фламандцев под командованием заместителя Артевельде, Петера ван ден Боске, стоявшего с боевым топором в руке. Де Куси советовал переправиться через реку с восточной стороны, в Турне: там можно и организовать подвоз продовольствия из Эно; но Клиссон настоял на прямом пути и сейчас был страшно раздосадован, вынужденный признать, что ему следовало послушаться совета де Куси.

Пока часть солдат отправили за лесом для починки моста, группа латников пошла к трем затопленным лодкам. Лодки вытащили, между берегов натянули канат в месте, скрытом от фламандцев. На этих лодках латники и оруженосцы, по девять человек за раз, переправлялись на другой берег, пока основное войско отвлекало

внимание фламандцев стрельбой из луков и бомбард — маленьких переносных пушек. Опасаясь быть обнаруженными, но желая обрести славу отважных людей, храбрецы, к которым присоединился и маршал Сансер, продолжали переправу, пока четыреста человек не оказались на другом берегу.

Решив сразу захватить Комин, они взялись за оружие, развернули знамена и пошли боевым строем на глазах страшно взволнованного коннетабля, у которого «от страха за них кровь закипела в жилах». «Ах, святой Ив, святой Георгий, пресвятая Дева Мария, что я там вижу? Ха, Роан! Ха, Бомануар! Ха, Рошфор, Мальтруа, Лаваль! — кричал де Клиссон, называя каждое замеченное им знамя. — Что я вижу? Я вижу цвет нашей армии! Лучше бы мне умереть, чем увидеть это... Какой же я после этого коннетабль Франции, если без моего совета вы пустились в эту авантюру? Если падете, всю вину возложат на меня, скажут, что это я вас туда послал». Он заявил, что все, кто хочет, должны присоединиться к армии на другом берегу, и приказал немедленно починить мост. С наступлением темноты командир фламандцев велел прекратить сражение, и французы остановились по той же причине. На холодном ветру, в грязи, под дождем, стекавшим по шлемам, они провели ночь, стараясь не потерять боевой дух. На рассвете обе армии зашевелились, французы громко называли имена отсутствующих сеньоров, чтобы противнику показалось, что их всемеро больше. И снова Клиссон испытывал страшные душевные муки, терзаясь от невозможности перейти через реку со всей армией. Когда начался бой, длинные французские стрелы с наконечниками из бордосской стали превзошли фламандское оружие, пронзали тонкое боевое

облачение. Питер ван ден Боске был ранен в голову и в плечо, но солдаты унесли его в безопасное место. Фламандцы отчаянно сражались, деревенские колокола призывали на помощь, но в это время французы закончили ремонт моста. Армия де Клиссона устремилась на другой берег, смяла защитников и захватила Комин. За фламандцами устроили погоню, их убивали на улицах и полях, на мельницах и в монастырях, в соседних городах — везде, где они искали прибежище. Мародеры тотчас принялись рыскать по улицам в поисках богатой добычи, так как фламандцы, верившие, что противнику не перебраться через Лис, не укрыли имущество и скот в безопасном месте.

Когда король въехал в Комин, богатые буржуа Ипра и соседних городов прогнали наместников Артевельде и прислали к французам своих представителей. Стоя на коленях перед Карлом VI, двенадцать богатых нобилей Ипра предложили королю их город в обмен на мирную сдачу. Королю приятно было получить сорок тысяч франков. Малин, Кассель, Дюнкерк и девять других городов последовали этому примеру и выплатили шестьдесят тысяч франков. Хотя условия сдачи должны были избавить города от разграбления, бретонцев было не остановить. Они не стали обременять себя мехами, тканями и сосудами, а дешево продали награбленное имущество жителям Лилля и Турне, «себе оставили только серебро и золото». Бизнес, словно шакал, бежал вслед за войной.

В Генте Филипп ван Артевельде призвал под свои знамена каждого мужчину, способного носить оружие; он заверял солдат, что они победят французского короля и завоюют независимость Фландрии. Несколько месяцев его посланники уламывали Англию, но посулы таковыми

и остались: обещанные корабли с английскими солдатами не пришли. Впрочем, у Артевельде имелся другой союзник — близилась зима. Если они сумеют укрепиться и приготовятся к обороне, остальное можно предоставить зиме и скудости снабжения в эту пору года. Однако угроза заговора, который могли учинить сторонники графа Фландрского, чтобы вернуть Брюгге французам, заставила Артевельде действовать, хотя он по-прежнему удерживал в заложниках знатных горожан Брюгге. Возможно, им двигал не страх, а самоуверенность, а может, он просто неверно рассчитал.

Собрали армию, насчитывавшую «сорок или пятьдесят тысяч» (на самом деле фламандцев было меньше двадцати тысяч). Они вооружились дубинами и палками с металлическими наконечниками и большими ножами за поясом; возглавляли армию девять тысяч гентцев, на них Филипп в основном и полагался. Они несли знамена своих городов и гильдий и двинулись на юг, навстречу противнику. Разведчики донесли французам о приближении фламандцев, и королевская армия заняла позицию между горой и городом Рузбек, в нескольких милях от Пашендаля, где в 1916 году произойдет еще одно кровопролитие. Людовик Мальский, будучи сторонником Урбана, вынужден был удерживать свой отряд от участия в бою, поскольку он не мог воевать плечом к плечу с еретиками и раскольниками. Шел дождь, было холодно, и армия с нетерпением ожидала начала боя, «ибо им было очень неуютно в такую погоду».

На военном совете накануне сражения было принято удивительное решение: Клиссон должен уйти в отставку в день битвы, его заменит де Куси. Клиссон страшно разволновался, говорил, что армия сочтет его

трусом, а потому умолял короля отменить решение. Озадаченный мальчик долго молчал, а потом согласился: «Ибо вы понимаете в ратном деле лучше меня и тех, кто предложил это».

О причине такого предложения хроники не сообщают; единственное объяснение — это тревожное настроение Клиссона при переправе через Лис. Такая тревога для человека, который, не моргнув глазом, срубил пятнадцать голов, свидетельствовала о необычном напряжении. Поэтому товарищи Клиссона и обратились к де Куси: они посчитали его человеком, способным заменить коннетабля в ответственный момент. Победа или поражение в противостоянии другим рыцарям кардинально ничего не меняла, но в этом бою нобили чувствовали угрозу своему сословию. Это чувство Фруассар отразил в «Хрониках» во многих вариациях: если французский король и «доблестное рыцарство» потерпят поражение во Фландрии, всем аристократам Франции придет конец, потому что простолюдины из других стран поднимут восстание и уничтожат дворянство.

Накануне сражения Артевельде высказывался за оборону и советовал не двигаться, а противостоять врагу. У него было преимущество в диспозиции: войско стояло на холме, и он считал, что французы, испытывая нетерпение, поведут себя опрометчиво, а может даже, и вовсе повернут назад. Предложение Артевельде было отвергнуто, поскольку люди пребывали в приподнятом настроении: гордились своей победой над графом в Брюгге и рвались в бой. Приняв решение, Артевельде приказал армии не давать пощады и не брать пленников, кроме короля, «ведь он всего лишь ребенок, который делает то, что ему прикажут. Мы отвезем его в Гент и

научим говорить по-фламандски». Тактика была проста — держаться сомкнутым строем, скопом, «чтобы никто вас не разъединил», и даже сцепиться руками. Фламандцы должны были обрушить на врага ливень стрел и ядер, как в Брюгге, а потом, двигаясь плечом к плечу, сломать линию французов массой и сплоченностью рядов.

В ночь перед боем фламандские стражники доносили о криках и звоне оружия из французского лагеря, словно бы противник готовился к ночному нападению. Кое-кто подумал, что «бесы пляшут на месте боя в ожидании большой добычи».

Двадцать девятого ноября 1382 года две армии двинулись навстречу друг другу сквозь туман, «такой густой, что казалось, будто утро еще не наступило». Французы шли пешими, оставив лошадей позади, и прежде такая тактика была им несвойственна; они двигались молча, без боевых криков, приглядываясь к темной массе, двигавшейся навстречу. Спускаясь с холма сомкнутым строем, с поднятыми кверху кольями, фламандцы напоминали движущийся лес. Они открыли огонь из луков и ядер, затем опустили колья и устремились вперед, словно разъяренные кабаны. Французы полагались на королевский отряд под командованием коннетабля, он должен был удерживать центр, в то время как два более сильных фланга — одним командовали Бурбон и де Куси — должны были взять врага в «клещи». Под напором фламандского строя французский центр попятился, и отряд Бурбона и де Куси оказался заблокированным.

«Послушайте, кузен, — крикнул Бурбон (как сообщает его биограф), — мы не можем атаковать врага иначе, как сквозь ряды нашего коннетабля!»

«Монсеньор, вы правы, — ответил де Куси; он, как и всегда, принимал решение на месте. — Мне кажется, что надо идти вперед, мы поднимемся на холм и устроим хорошую драчку, если Господь попустит».

«Милый кузен, это хороший совет», — согласился Бурбон. И так, как свидетельствует военная история XIV века, они поднялись на холм и напали на соперника сзади, забросав его дождем копий, рубя топорами и мечами. «Тот, кто видел сира де Куси, вломившегося в строй фламандцев, рубящего направо и налево, никогда не забудет храброго рыцаря». Во время передышки, которую обеспечила эта атака, отряд коннетабля перестроился и вернулся в бой вместе с другим флангом. Тяжелые топоры и булавы рубили фламандские шлемы с таким громким шумом, «словно все оружейники Парижа и Брюсселя заработали одновременно». Фламандцев прижали друг к другу еще теснее, их внутренние ряды не могли поднять рук с оружием, было трудно кричать и даже дышать.

Французские копья и топоры беспрепятственно уничтожали сомкнутые ряды тел, многие лишились шлемов и кирас, мертвые падали друг на друга. Французские пехотинцы, пролезая между рыцарями, приканчивали упавших фламандцев ножами, «без всякой жалости, словно это были собаки». Отряд Бурбона и де Куси напал на задние ряды противника, и фламандцы, побросав оружие, обратились в бегство. Филипп ван Артевельде, бившийся в передних рядах, попытался остановить их, но с его позиции сделать это было

невозможно. Ему не хватало твердости Черного принца при Пуатье, который управлял битвой с холма. Толпа понесла его назад, и Артевельде был затоптан своими же солдатами, как и знаменосец, а также женщина по имени Большая Марго.

Бурбон и де Куси вскочили на лошадей и повели свой отряд в погоню за беглецами; в ожесточенной схватке они выгнали три тысячи фламандцев из леса, где те собирались держать оборону. Произошел полный разгром. Пока отряд преследовал и убивал противника и гнался за ним до Кортрейна, де Куси и Бурбон прискакали назад, в Рузбек. Король «радостно их встретил и вознес хвалу Господу за победу, которую Он подарил». Сражение окончилось через два часа. Много фламандцев погибло от давки, многие тысячи пали от французского оружия, так что «земля пропиталась кровью». Число убитых казалось фантастическим, во фламандской армии мало кто уцелел. Тела убитых оставили на пищу собакам и воронам, и несколько дней зловоние на поле боя было непереносимым.

Король в своем алом шатре снял боевое облачение и пожелал увидеть Артевельде — живого или мертвого. За вознаграждение в сто франков нашли его тело и положили перед победителями. Некоторое время те смотрели на него в молчании. Король легонько ткнул его ногой. После этого труп унесли и «повесили на дерево». Впоследствии в гобелене с изображением битвы был выткан и Артевельде. Герцог Бургундский постелил этот гобелен на пол, потому что ему нравилось ходить по черни, осмелившейся нарушить заведенный порядок.

Кортрейн был разграблен до основания в отместку за поражение в «битве шпор», случившейся восемьдесят

лет назад. Горожане напрасно прятались в подвалах и церквях: солдаты выволакивали их на улицы и убивали. Людовик Мальский на коленях просил пощадить город, но его мольбы проигнорировали. Все дома были разграблены, знатных горожан и их детей пленили в надежде на выкуп. Герцог Бургундский снял с собора часы, лучшие во Фландрии, и перевез их на запряженной ослом телеге в Дижон (где эти часы можно увидеть и сейчас). Когда король уехал, Кортрейн по его приказу подожгли, чтобы «все знали: здесь побывал французский король». Клиссон, вернувшийся в свое нормальное свирепое состояние, тоже приложил руку к этому разгрому.

У оглушительной победы имелся один большой недостаток. Город Гент так и не был взят. Услышав новость о поражении своей армии, горожане впали в ступор и отчаяние, так что если бы французы явились к их воротам через несколько дней после сражения, то «вошли бы без всякого сопротивления». Но в Средние века нередко забывали о политической цели, это можно даже назвать тенденцией. Устав от холода и дождя, насладившись мстостью и обзаведясь награбленным добром, победители не пошли на север, решив, что Гент сдастся по первому требованию.

Петер ван ден Боске, несмотря на раны, добрался до Гента и вдохновил город; он утверждал, что война не закончена, что зимой французы не придут, а с новыми людьми по весне «мы сделаем больше, чем раньше, и обойдемся без помощи Англии». Англичане, кстати, едва услышав о поражении фламандцев, тотчас прервали переговоры, причем нельзя было сказать, что они «так уж недовольны» результатом. Если бы все пошло по-другому, рассудили они, простонародье возгордилось

бы, что привело бы к новому восстанию в их собственной стране.

Впоследствии, когда французы попытались начать переговоры, гентцы вели себя так твердо и надменно, словно это они одержали победу, и наотрез отказались покориться графу Фландрии, — сказали, что признают лишь главенство короля Франции. Граф и в особенности наследник, герцог Филипп Бургундский, такое заявление отвергли. В это время, в конце декабря, слишком поздно было начинать осаду. Восстановив власть короны в остальной Фландрии, несмотря на то, что жители отказались присягать папе Клименту, французы приготовились возвращаться домой. Надо было улаживать дела в Париже.

В первую неделю января 1383 года королевская армия остановилась возле Парижа; послали за прево и магистратами, чтобы удостовериться в покорности столицы. С армией, вдохновленной победой при Рузбеке, корона завоевала больше, чем в предыдущий год, и своей властью она готова была воспользоваться. Бретонские и нормандские отряды расположились полукругом возле Парижа, им не терпелось приступить к грабежу. Огромное ополчение парижан в отчаянной попытке продемонстрировать силу вышло, вооруженное луками, щитами и молотами, и выстроилось за Монмартром в боевой порядок. К ним осторожно выдвинулись переговорщики, среди которых были коннетабль и де Куси. Им поручили оценить истинную численность парижан и уточнить, почему горожане настроены так воинственно. Парижане отвечали, что, мол, хотят, чтобы король убедился в их силе, поскольку

по своему малолетству он еще не видел настоящего сопротивления Парижа. Горожанам строго наказали вернуться по домам и сложить оружие, если они желают, чтобы король въехал в Париж. После Рузбека парижане приуныли, их сила была, в общем-то, мнимой, а потому они не стали противиться и повернули назад. И все же король вступил в Париж в сопровождении армии, как в завоеванный город.

Маршала Сансера и де Куси послали открыть ворота: они велели снять с петель большие створки и убрать цепи, протянутые через улицы. Створки бросили наземь, чтобы король мог проехать по ним и «растоптать гордость города» — грустно замечал монах из Сен-Дени. Горожане ворчали и беспокоились, ночью на всякий случай выставили охрану со словами: «Перемирие еще не подписано. Король уничтожил и разграбил земли Фландрии, то же самое он может учинить и в Париже». Чтобы унять тревогу горожан, глашатаи объявляли, что «мирным людям» ничто не угрожает. В день прибытия короля старшина купеческой гильдии, магистраты и пятьсот парижских нотаблей, все в праздничных одеждах, поднесли монарху положенную петицию о помиловании. Все они стояли на коленях, а король и его свита, среди которой был и де Куси, в окружении конных стражей с копьями наперевес проехали в проем, где прежде висели ворота.

Стражники немедленно выставили посты возле мостов и на площадях — в обычных местах сбора горожан. В домах, где расквартировали солдат, двери было приказано держать открытыми. Всем, у кого имелось оружие, велели принести его, обернутым в

холстину, в Лувр, а оттуда собранное оружие перевезли в Венсенн.

Тотчас начались аресты, пристального внимания удостоились те нотабли, в ком корона признала опасных противников. Среди трехсот арестованных горожан оказались Жан де Маре и Николя де Фламан. Два богатых купца, торговец мануфактурными товарами и ювелир, были немедленно казнены, еще тринадцать человек казнили в течение недели. Николя де Фламана, пощаженного в 1358 году, обезглавили на плахе. Всех буржуа, служивших во время восстания в городском ополчении, вызывали по очереди на королевский совет и приговаривали к крупным штрафам. Королевское правительство карало нещадно — последующие шесть недель были заполнены присуждением штрафов и вынесением смертных приговоров. «Головы рубили, — свидетельствовал мэр Парижа, — по три или по четыре в день»; в целом, казнили более ста человек, не считая тех, кого вывели на плаху в других мятежных городах.

После того как восстание потерпело поражение, вновь ввели налог с продаж, 12 су с каждого ливра на все товары, и дополнительно на вино и соль — тот самый налог, что вызвал восстание майотенов, тот самый, который парижане отказывались платить в предыдущий год. Спустя неделю на собрании городской знати был зачитан указ короля, отменявший парижские торговые привилегии, равно как и право на самоуправление, завоеванное городами в трудной борьбе; действие этого указа распространялось и на другие города. Купеческого старшину и магистратов Парижа подчинили напрямую короне. Крупные гильдии лишились независимости, их стали контролировать инспекторы, назначаемые парижским прево. Полицейские подразделения, до той

поры подчинявшиеся старшине купеческой гильдии, упразднили; отныне за оборону Парижа отвечал король. Всякие братства (*confreries*) — возможные зачинщики смуты — были запрещены, за исключением богослужебных. Любое незаконное собрание приравнивалось к бунту, участников таких собраний приговаривали к смерти и конфискации имущества.

Затем последовал суд над Жаном де Маре. По свидетельству монаха из Сен-Дени, он не покинул Париж, как другие нотабли, более года пытался усмирить народный гнев и выступал посредником между двором и городом. За это его и стали преследовать. На суде выступили свидетели обвинения, утверждавшие, что де Маре якобы подстрекал бунтовщиков взять в руки оружие. Его осудили на смерть, сняли с него одежду и повезли в повозке вместе с дюжиной других осужденных к месту казни на Ле Аль. В повозке де Маре поставили выше остальных, «чтобы все его видели», и он кричал, обращаясь к толпе на улицах: «Где те, кто меня осудил? Пусть они выйдут вперед и подтвердят свои обвинения». Люди ему сочувствовали, но никто не осмелился выступить в его защиту.

Палач предложил ему просить помилования у короля, чтобы тот простил его преступления, но де Маре ответил, что не сделал ничего, за что следует просить прощения: «От Бога только прошу я милости и умоляю Его простить мне мои грехи». Затем он попрощался с народом — все люди плакали — и повернулся к палачу.

Первого марта, в годовщину восстания майотенов, корона созвала суд «мраморного стола» — прозвище от мраморного стола в одном из залов королевского дворца. На суд созвали парижан — по одному человеку от

каждого дома, причем все должны были явиться с непокрытой головой. Карл VI, в сопровождении дядей и королевского совета, сидел на возвышении, а канцлер Пьер д'Оржеман от имени короля зачитал обвинения в преступлениях, совершенных парижанами с кончины Карла V, и огласил указ о казнях. Закончив чтение, он закричал страшным голосом: «Еще не все кончено!». Присутствующие знали свои роли. Толпа взывала от страха. Жены осужденных рвали на себе волосы и одежду, протягивали к королю руки и умоляли о прощении. Гордые дядюшки и младший брат короля Людовик коленопреклоненно просили смягчить наказание: под смягчением подразумевался штраф. Д'Оржеман объявил, что король, подчиняясь своему природному мягкосердечию и просьбам родных, согласился помиловать всех при условии, что парижане никогда более не позволят себе ослушания. Дескать, осужденных освободят из тюрьмы и избавят от пыток, но не от штрафов. Некоторые богачи вынуждены были отдать все, чем владели, — деньги, дома, землю — и в результате полностью разорились.

Те же карательные меры предприняли в Лане, Бове, Орлеане и других городах; в Амьене отменили старинную городскую хартию. Штрафы позволили собрать огромные суммы — в Париже до сорока тысяч франков и примерно столько же в провинциях. Большая часть этих денег пошла на обогащение дядюшек короля, поживился и коннетабль, также деньги выдали и другим королевским чиновникам, не получавшим жалования в последние два года. Кроме того, возместили расходы нобилям, в том числе и де Куси: Ангерран получил 13 200 франков и треть от обещанной суммы на покрытие затрат по укреплению городов и замков.

Несмотря на то что де Куси сломал городские ворота, он по-прежнему пользовался уважением парижан. Люди говорили, что «сир де Куси не побоялся возражать королю, сказал ему, что ежели тот уничтожит собственную страну, ему придется поработать лопатой». Пророчество, в котором король вынужден заниматься крестьянским трудом, еще долго занимало умы людей.

Авторитет львов был полностью восстановлен. Париж на тридцать лет лишился старшины купеческой гильдии, а Руан так и не восстановил свобод, которыми пользовался до восстания «Гарель». Если где-то бунтовщикам и удавалось взять власть, происходило это из-за отсутствия организованной военной силы, которая могла бы навести порядок. Государство на ту пору не имело в своем распоряжении специально обученных отрядов для борьбы с мятежниками.

Восставшие, за исключением Гента, не могли удержать власть, потому что у них тоже отсутствовала организация, и в их рядах не было согласия. Бедняки представляли собой взрывоопасную массу, однако они повиновались распоряжениям купечества, лелеявшего иные интересы. Мятежи не достигли цели и потому, что многие города были настроены друг против друга. Гент держался более двух лет, после смерти Людовика Мальского привилегии города были восстановлены герцогом Бургундским. В других городах привилегии и автономия были растоптаны или серьезно урезаны. Процесс, начавшийся с восстания Этьена Марселя, продолжился: города теряли, а монархия приобретала — при финансовой поддержке корона находила себе все больше союзников среди знати.

После бунтов на простой народ стали смотреть с опаской и с подозрением: ведь он превратился из пассивной в динамичную часть общества — при этом кто-то боялся, а кто-то относился к простолюдинам с симпатией. Дешан писал: «... невинных, коих губит лютый глад, / волчища жрут, что для своих потреб. / И по сту и по тысяче растят / добро худое: то зерно и хлеб, / кровь, кости пасынков презлых / судеб крестьян, чьи души к небу вопиют / о мести, господам же — горе шлют».

Волна бунтов схлынула, оставив после себя Францию почти прежней в том, что касалось условий существования трудового люда. На чашах исторических весов инерция тяжелее перемен. Лишь через четыреста лет потомки майотенов разрушили Бастилию.

ГЛАВА 19

ОБАЯНИЕ ИТАЛИИ

На французов Италия производила столь же неотразимое впечатление, как и Франция на англичан. С тех пор как в 1381 году герцог Анжуйский перешел через Альпы, Неаполитанское королевство манило французов на юг, и в итоге случилось некое подобие интервенции, растянувшейся на пятьсот лет. Все происходило по схеме, начало которой было положено, когда экспедиция Анжуйского почти сразу встретилась с неприятностями и на протяжении 1383 года посылала депеши с просьбой прислать подкрепление — во главе с сиром де Куси.

Анжуйская династия правила Неаполитанским королевством и Сицилией со времен Карла Анжуйского, младшего брата Людовика Святого, посаженного на трон

в 1266 году не без папского влияния. В конце века Арагонское королевство поглотило Сицилию, но Анжуйская династия удержала материковую часть, захватив всю нижнюю часть Италии к югу от Рима — это был самый большой домен полуострова.^[17] Во времена «куртуазного» правления Роберта Неаполитанского, «нового Соломона», чьего одобрения искал Петрарка, в королевстве процветали торговля и культура. Боккаччо предпочитал жить в «счастливом, мирном, радушном и великолепном Неаполе с одним монархом», а не в родной республиканской Флоренции, «пожираемой бесчисленными заботами». Роберт построил замок Кастель Нуово на берегу несравненного Неаполитанского залива, туда приходили торговые корабли из Генуи, Испании и Прованса. Там же возвели свои дворцы аристократы и купцы, привезли из Тосканы художников, и те заполнили палаццо великолепными фресками и изваяниями. Справедливые законы, стабильная валюта, безопасные дороги, гостиницы для странствующих торговцев, празднества, турниры, музыка, поэзия — все это отличало поистине «райское» правление Роберта, закончившееся в 1343 году. Граждане передвигались по Калабрии и Апулии без оружия, если не считать деревянной палки, которой отбивались от бродячих собак.

Кончина доброго короля ознаменовала наступление смуты, характерной для XIV века. Таланты Роберта, к несчастью, не передались его внучке и наследнице Джованне. Неудавшиеся попытки брачными узами поддержать наследование трона женщиной вызвали

¹⁷ Название «Сицилия» оставалось закрепленным за Неаполитанским королевством, что приводило к путанице.

смуту, закончившуюся схизмой. Противостояние пап сделало Неаполь полем боя. Когда Джованна высказалась в пользу Климента и по его наущению назвала своим наследником герцога Анжуйского, взбешенный Урбан назвал ее еретичкой и признал королем Неаполя другого представителя рода Анжуйских — Карла Дураццо. Герцога из малоизвестного албанского княжества нежданно-негаданно возвысили и под именем Карла III посадили на трон средиземноморского королевства.

Этот маленький светловолосый человечек напоминал Роберта мужеством, умом и любовью к знаниям. Мягкий характер Дураццо не помешал ему вступить в борьбу с Джованной. За два месяца он разбил ее армию, занял Капель Нуово и заключил королеву в тюрьму, надеясь склонить Джованну к тому, чтобы она назначила его своим наследником и тем самым узаконила его победу. Целью каждого переворота является признание легитимности. Когда Джованна отказалась признать Дураццо своим наследником, в Италию к ней на помощь явился герцог Анжуйский, и Карл не стал медлить. По его приказу королеву задушили в тюрьме, ее труп пролежал в замке шесть дней до похорон, чтобы все убедились в смерти Джованны.

Тем временем в Авиньоне папа Климент короновал герцога Анжуйского, и тот стал королем Неаполя, Сицилии, Иерусалима и Прованса, а его соперника Карла Дураццо отлучили от церкви. Несмотря на умение убеждать, герцог Анжуйский не смог во время бунтов во Франции собрать достаточно денег, чтобы явиться в Неаполь, и понапрасну старался убедить королевский совет профинансировать его поход. Будучи правителем Прованса, герцог напечатал огромное количество денег и

позволил своей армии беспрепятственно грабить новых подданных под предлогом наказания за недавние бунты. Папа Климент обеспечил ему дополнительные денежные вливания, кроме того, к походу герцога присоединился деятельный «зеленый граф», Амадей Савойский — он пожаловал Анжуйскому тысячу сто копий.

С пополненным пятнадцатитысячным войском герцог прошел сквозь Ломбардию, за ним следовали триста мулов с поклажей и бессчетное количество повозок. В снаряжение «зеленого графа» входил огромный зеленый шатер, украшенный двенадцатью щитами с гербами графов Савойских. Граф прихватил и зеленый шелковый плащ, расшитый красно-белым узором, двенадцать зеленых конских упряжей и четыре венгерские упряжи для своего ближайшего окружения, зеленые сапоги, плащи с капюшонами, блузы для пажей. Некоторые бароны возражали против похода по разным причинам, но он заставил их замолчать и прибавил с несчастливым предвиденьем: «Я сделаю то, что обещал, даже если это будет стоить мне жизни». Многие аристократы встали под знамена графа «из восхищения его героизмом и душевной широтой».

В Милане герцог Анжуйский пополнил свою казну благодаря Висконти. Герцог сосватал своего семилетнего сына к дочери Бернабо Лючии. За перспективу дочери сделаться в будущем королевой Неаполя Бернабо заплатил пятьдесят тысяч флоринов. Эта сумма примерно соответствовала годовому доходу ста буржуазных семей^[18], а дополнительную сумму герцог получил от

¹⁸ В 1388 году Джованни де Мусси из Пьяченцы отмечал, что семье из девяти человек с двумя лошадьми требовался минимальный годовой доход в 300 флоринов. В 1415 году богатый итальянский гражданин тратил на свадебные торжества 574 флорина. Преуспевающий ремесленник в эту пору зарабатывал

Джан-Галеаццо. Анжуйский использовал все возможности для сбора средств, требовавшихся «подлинному королю» на пути в свое королевство.

В шлемах с плюмажами, нагруженный подарками, герцог Анжуйский вместе с Амадеем и рыцарями с помпой покинул Милан. За ними следовало такое количество людей и повозок, что со стороны все «напоминало армию Ксеркса». Они двинулись на восток, к Адриатическому побережью, по обходному пути, ибо Флоренция, противопоставившая себя и герцогу, и Дураццо, не желала разорения и выслала отряд в шесть тысяч человек, которые заблокировал дорогу через Тоскану. По словам монаха из Сен-Дени, который, как и его товарищ, монах Уолсингем, косо смотрел на герцогов-мародеров, герцог Анжуйский и его аристократы тешили себя мыслью, что французские лилии распространяют повсюду «сладкий аромат славы». Во время похода они славили свое предприятие песнями и стихами, воспевавшими сказочное мужество французов.

Хотя герцог провозглашал намерение «улучшить судьбу церкви силой рыцарства», то есть силой оружия, применить эту силу против Урбана ему не удалось. Покинув побережье возле Анконы и вознамерившись перейти Апеннины в начале сентября, он не пошел на Рим, хотя решительным натиском вполне мог бы в это время взять город. Разведчики доносили, что «белый отряд» Хоквуда, обещавший защищать Урбана, задержался возле Флоренции по просьбе этого города. Герцог не согласился с советом Амадея Савойского и пошел к Неаполю по нижней дороге. Армии пришлось

двигаться через ущелья и взбираться на вершины, «упиравшиеся в небо», и невзгоды подстерегали ее на каждом шагу. Горные отряды, действовавшие по указке Неаполя, нападали на обоз и на арьергард, охранявший повозки, так что в Казерту, город на расстоянии дневного перехода до Неаполя, Анжу прибыл намного беднее, чем был в начале пути. К рекогносцировке местности в средневековых войнах не прибегали, а потому схватки разгорались неожиданно и часто.

Настал ноябрь. Перед въездом на территорию Неаполитанского королевства герцог на неделю остановился в Аквиле для участия в приветственных церемониях, устроенных его приверженцами. Эта задержка дала время Хоквуду, отпущенному наконец Флоренцией, прийти на помощь Урбану. Герцог был вынужден решать быстро — и направил традиционный вызов Дураццо: потребовал, чтобы тот сообщил время и место сражения. Карл III не торопился с ответом. Укрепленный замок Кастель Нуово позволял рассчитывать на длительную осаду; Карл намеревался пересидеть герцога и истощить его ресурсы, после чего легко с ним расправиться, заодно вернув территории, которые герцог захватил. Сделав вид, что рад вызову, Карл заставил герцога двинуться далее и, маня битвой, изматывал армию противника на болотах.

К Рождеству герцог сильно беспокоился, даже составил завещание, а граф Амадей, потерявший надежду на победу, предложил заключить мир. Герцог отказывался от своих притязаний на Неаполь, а Карл Дураццо должен был отказаться от притязаний на Прованс и обеспечить противнику безопасный проход к побережью и возвращение во Францию. От этих условий Карл III отказался. Договорились о сражении между

десятью воинами с каждой стороны, но, как часто случалось, когда ставки были высоки, сражение это не состоялось.

В феврале 1383 года в армии, стоявшей в горах над Неаполем, началась эпидемия, которая унесла много жизней, в том числе жизнь Амадея Савойского: он скончался в возрасте 49 лет. Первого марта, вдали от снегов Савойи, закончилась великолепная «зеленая» карьера. Герцог Анжуйский бессильно плакал у смертного одра товарища.

Вымотанная и голодная армия отступила к «каблуку итальянского сапога». Все, что осталось от королевских сокровищ, истратили на еду. Золото и серебро принесли мало денег, продали даже корону, которую герцог вез для венчания на трон. Великолепную кольчугу с золотой отделкой постигла та же судьба, герцог надел простую кирасу с желтыми лилиями. Вместо изысканного мяса и выпечки, к которым он привык, Анжуйский вынужден был питаться тушеным кроликом и ячменным хлебом. Шли месяцы, голодные вьючные животные не в силах были передвигаться, а боевые кони «уже не мчались вперед с гордым ржаньем, а бродили с опущенными головами, словно старые клячи».

С тех самых пор как оставил Париж, герцог Анжуйский забрасывал королевский совет письмами и направлял на родину гонцов, требуя исполнить обещание и профинансировать неаполитанскую кампанию под руководством Ангеррана де Куси. Еще в Авиньоне он просил своего представителя в Париже Пьера Жерара употребить все силы для привлечения де Куси. Герцог говорил, что не станет ничего платить Жерару, пока тот

ему не сообщит добрые вести, но Жерара предупредили, чтобы он «вел себя с сеньором как можно почтительнее». Папа Климент поддерживал стремление герцога к короне: извещал Анжуйского об «отличных предложениях, поступающих из разных уголков Италии», сулил успех и выразил глубокое соболезнование в связи с отказом королевского совета помочь предприятию, от которого зависит благополучие церкви. Тем не менее герцог так и остался без поддержки в год сражения при Рузбеке. Только после подавления парижского восстания, когда казну пополнили штрафами, корона изъявила готовность исполнить свое обещание. К тому времени Амадей был мертв, а остатки «армии Ксеркса» ютились в Бари.

Де Куси готов был выехать на помощь к герцогу. Он постоянно консультировался в Париже с канцлером герцога, епископом Жаном ле Февром, и неоднократно спрашивал, получил ли ле Февр положительный ответ от короля. Наконец в апреле 1383 года совет согласился выделить герцогу сто девяносто тысяч франков, семьдесят тысяч из которых представляли собой денежные субсидии от его собственных владений. Как раз в этот момент Англия затеяла новое вторжение. Все силы бросили на то, чтобы справиться с новой бедой, и всем тяжеловооруженным всадникам, по приказу герцога Бургундского, запретили покидать королевство. Экспедиция де Куси сорвалась. Армию вместо похода в Италию выдвинули во Фландрию, где англичане захватили Дюнкерк.

Плодом усилий Урбана, призывавшего к крестовому походу против раскольничьей Франции, стало английское

вторжение под предводительством епископа Нориджа Генри Диспенсера. Началось все со скандала и закончилось фиаско. Финансирование крестового похода нанесло папскому влиянию в Англии моральный вред, перевешивавший все, чего папство смогло добиться ранее. Монахи, эти папские агенты, распорядились «чудотворными индульгенциями» и имели немалые возможности торговать — или, того хуже, отказывать в отпущении грехов, «пока люди не отдадут все, что у них есть». Прихожанам даже иногда отказывали в причастии, если те никак не поддерживали крестовый поход материально. По свидетельству хрониста Найтона, золото, серебро, драгоценные камни и деньги требовали «у благородных дам и у других женщин... Так извлекали тайные сокровища королевства, находившиеся в женских руках». В стране снова зазвучали протестующие возгласы, и появился один из последних трактатов Уиклифа, «Против клерикальных войн». Священники-лолларды обвиняли «мирских прелатов... командиров сатанинских войн, выступающих против добродетельной жизни и милосердия». Из-за фальшивых отпущений грехов, по утверждению лоллардов, «невозможно исчислить, сколько душ отправилось в ад благодаря сим антихристам».

Диспенсер был воинственным человеком. Уолсингем описывал епископа как «молодого, необузданного и дерзкого... не обогащенного ни знаниями, ни благоразумием, не умеющего дарить и сохранять дружбу». К тому моменту он собрал достаточно денег и армию численностью около пяти тысяч человек, но его предполагаемые союзники в Генте были, к несчастью, разгромлены. Диспенсеру, однако, удалось после высадки в Кале быстро захватить Гравлен, Дюнкерк и

Бурбур на фламандском побережье. Осада Ипра провалилась, и тогда он обратил внимание на Пикардию, которую в качестве главнокомандующего защищал де Куси. Диспенсер отступил без борьбы, когда половина армии под руководством ветерана, сэра Хью Калвли, отказалась следовать за ним. Преимущество было за многочисленным французским войском, и Диспенсер поспешно заперся в Бурбуре, а Калвли ушел в Кале. «Клянусь, — с отвращением сказал ветеран, — мы совершили самый постыдный поход, такого безобразия Англия еще не знала. Нориджский епископ решил полетать, прежде чем отрастил крылья».

В августе огромная французская армия приступила к осаде Бурбура, развлекая друг друга турнирами и празднествами, навещая чужеземных рыцарей и соперничая с ними в роскоши и храбрости, дабы «воздать хвалу древнему рыцарству». Во всех этих забавах де Куси «преизядно отличился», особенно он блистал в искусстве верховой езды. Сидя на прекрасной лошади и ведя за собой несколько других, облаченных в попоны с геральдическими отличиями его рода, он демонстрировал изящную манеру езды к восторгу всех, кто его видел и радушно приветствовал. Четыре месяца прошли в приятной атмосфере, разительно отличавшейся от той, что сложилась годом ранее, когда рыцари воевали против восставшего народа. Французы не стремились к штурму, но при приближении зимы довели эту историю до конца, чему поспособствовал герцог Бретани. Диспенсера за выкуп с позором отправили домой. Военная слава Англии, и без того уже подмоченная, оказалась растоптанной, и моралисты немедленно обрушились с нападками на воинов, «творящих несправедливость». «Длань Божия против

них, — вещал Томас Бринтон, епископ Рочестера, — потому что их рука против Бога».

Хотя противники не могли этого знать, вторжение Диспенсера оказалось последним в столетии, пусть и не в Столетней войне. Сражения так и не состоялось, но Англия с Францией не сумели прийти к соглашению. После осады Бурбура начались, как обычно, переговоры, но ничего лучше девятимесячного перемирия не придумали, — и подписали договор в январе 1384 года. На сей раз де Куси не было среди переговорщиков, поскольку он был занят «частной» войной на благо своего будущего родственника, герцога де Бара, ставшего впоследствии свекром его дочери. Тот очень кстати заплатил Ангеррану двести тысяч франков на покрытие расходов. Бракосочетание Марии с Анри де Баром отпраздновали в ноябре.

Все это время герцогиня Анжуйская и канцлер ее мужа, Жан ле Февр, умоляли королевский совет оказать герцогу обещанную помощь. Положение герцога Анжуйского было серьезнее, чем когда-либо, потому что некий аристократ ограбил его на сумму от восьмидесяти до ста тысяч франков, собранных для герцога женой (или, по другим источникам, занятых у Висконти). Грабителем, который десять лет спустя совершит еще одно преступление, получившее исторические последствия, был Пьер де Краон, рыцарь благородного происхождения и обладатель больших поместий: он сопровождал Анжуйского в Италию. Герцог послал его за деньгами, а Краон вернулся в Венецию, где растратил большую часть средств на экстравагантные увеселения, азартные игры и кутежи; похоже, он хотел показать себя человеком не скупее господина, интересы которого

представлял. Оставшиеся деньги он прибрал себе и к герцогу не вернулся.

Подобное преступление против сюзерена кажется почти невероятным, если только к этому не приложил руку кто-то, заинтересованный в неудаче герцога Анжуйского и обладавший полномочиями, которые помогли бы защитить Краона от преследования. Таким человеком мог быть только герцог Бургундский, но маловероятно, что он пошел бы на подобное ради гибели своего брата. Тем не менее, когда Краон вернулся во Францию, он избежал наказания благодаря протекции герцога Бургундского, чьей супруге приходился родственником.

Честь Франции в глазах короля и совета нельзя было опозорить поражением герцога Анжуйского — ведь это означало доставить несказанное удовольствие папе Урбану. Весной 1384 года заключили перемирие с Англией; после смерти тестя герцог Бургундский вступил во владение Фландрией, и де Куси наконец-то выступил в поход ради спасения герцога Анжуйского. Спасать самого Анжуйского было поздно, но де Куси был не из тех людей, что собираются в полет, не отрастив крылья. В дуэли оружия и мозгов он проявил находчивость, ответственность, талант и магическую способность оставаться невредимым в окружающем хаосе.

В мае, перед выступлением, как и ранее перед швейцарской кампанией, де Куси заказал ежедневную мессу за себя и за своих соратников, на сей раз в аббатстве Святого Медарда возле Суассона. Корона выделила ему семьдесят восемь тысяч франков, восемь тысяч из которых подлежали возмещению папой. Еще четыре тысячи франков де Куси получил в качестве

компенсации за невыплату обещанных ему денег в предыдущем году. Он собрал армию в тысячу пятьсот копий, численностью, вместе с пехотинцами и лучниками, около девяти тысяч человек. Милон де Дорман, бывший канцлер, очень хотел пойти с ним еще в прошлом году, и теперь он присоединился к де Куси вместе с отрядом в двести копий. Ядро армии составляли наемники, частично набранные в Авиньоне, куда де Куси ездил для переговоров с Климентом.

В июле он перешел через Альпы по перевалу Мон-Сени, намереваясь заключить брак по доверенности между сыном герцога Анжуйского и дочерью Бернабо. Бернабо пригласил его письмом в Милан вместе с двумястами высокородными рыцарями, число которых де Куси то ли из-за бахвальства, то ли из осторожности увеличил до шестисот. Бернабо радостно их приветствовал у ворот, и они вместе въехали в город, «но людей было так много, что мост сломался». Похоже, это был единственный промах (*faux-pas*) де Куси, но он не помешал пышным церемониям и дождю подарков, обрушивавшемуся на французов на протяжении всего пребывания в Милане.

Эти две недели не были слишком долгим сроком для прокладывания маршрута в запутанном лабиринте соперничавших городов и партий Италии. Взаимоотношения Венеции, Генуи, Пьемонта, Флоренции и разнообразных правителей и сообществ северной Италии постоянно менялись. Едва одна партия объединялась с другой и ради сиюминутной выгоды выступала против третьей, все альянсы и политические разногласия оборачивались сменой партнеров, словно в танце «треченто». Венеция враждовала с Генуей, Милан настраивал один город против другого и враждовал с

Флоренцией, а несколько провинций Пьемонта и Флоренции конфликтовали со своими соседями — Сиеной, Пизой и Луккой — и формировали союзы против Милана; папская же политика сводилась к сдерживанию этой «аморфной массы».

Первой опасностью для Ангеррана была взаимная ревность между Бернабо и его меланхоличным племянником Джан-Галеаццо, правившим в Павии с 1378 года после смерти отца. Скрытный и обманчиво мягкий, Джан-Галеаццо пользовался репутацией человека робкого; тем не менее характер у него был таким же твердым и непреклонным, как и у Бернабо. Впоследствии, когда его узнали получше, Франческо Каррара, правитель Падуи, сказал о нем так: «Я знаю Джан-Галеаццо. Ни слава, ни жалость, ни клятва ни разу не склонили его на бескорыстный поступок. Если он когда-либо и делает что-то хорошее, то не по моральным побуждениям, а только потому, что это совпадает с его интересом. Добро для него, как и ненависть или гнев, — предмет расчетов». Мнение Каррары было недружелюбным, но нельзя сказать, что необъективным; характер, приписываемый Джан-Галеаццо, спустя сто с лишним лет возродился в государе Макиавелли.

Джан-Галеаццо негодовал и в то же время боялся, что Бернабо вмешается в его отношения с французским королевским семейством. «Бернабо заключает все новые союзы с Францией, — предупреждала его мать. — Если он заведет там родственные связи, то покусится на твою независимость». У Джан-Галеаццо оставался всего один ребенок, и тягаться с многодетной семьей своего дяди он не мог. Если уж так случилось, значит, надо устранить

дядю; холодный расчет — позднее это было надежно установлено — стал складываться в его голове.

Между тем он спокойно заплатил свою долю «взносов» для герцога Анжуйского и приготовился встретить де Куси в Павии. Прошло десять лет с их встречи в Монтикьяри, и с тех пор Джан-Галеаццо настолько утвердился в отвращении к войне, что никогда уже не выходил на поле боя. Но де Куси не появился в Павии для возобновления знакомства. Возможно, Бернабо не допустил встречи племянника с французским посланником.

Северная Италия взволновалась, услышав о приближении де Куси. Сиена тайно послала в Милан переговорщиков — торговаться о поддержке в борьбе против Флоренции. Флоренция направила своих представителей, чтобы те, убедив де Куси красивыми словами, увели его из Тосканы. Флорентийской дипломатией заведовал канцлер Колуччо Салютати, «сей просвещенный муж» переписывался с иноземными политиками на витиеватой латыни, и это поднимало престиж республики. Салютати являлся канцлером на постоянной основе, что соответствовало должности главного администратора; он пользовался большим влиянием, и тот факт, что на протяжении тридцати лет бурливой флорентийской политики его назначение регулярно возобновлялось, характеризует его как человека удивительного политического таланта и хладнокровия. Он страстно увлекался литературой и был родоначальником нового гуманизма, при ведении дел отличался высокой работоспособностью и эрудицией, все восхищались его стилем и чистотой языка. По словам Джан-Галеаццо, документы, написанные Салютати, в

политическом смысле весили не менее сотни всадников, а ведь это было мнение оппонента!

В ответ на флорентийские приветствия де Куси проявил исключительную любезность. «Мы встретились, — свидетельствует доклад, возможно написанный Салютати, — со взаимными радостными объятиями и приветствиями, и он говорил с нами ласково и спокойно. Он называл нас не друзьями и братьями, а своими отцами и хозяевами... Он не только обещал не выказывать к нам враждебности, но готов был поддержать нас оружием в нашем походе». Де Куси, судя по всему, изучил итальянскую манеру ведения дел. Он заверил флорентийцев в том, что их страхи беспочвенны, и пообещал идти по строго заданному маршруту. Флорентийцы приняли его заверения не потому, что поверили, а, скорее, потому, что Хоквуда не было в Неаполе и у них не имелось войска, способного преградить путь де Куси. Однако, исполненные подозрений, они все же собрали «для охраны» четырехтысячное ополчение из крестьян и горожан-простолюдинов.

Де Куси начал поход в августе. Перейдя Апеннины, он вошел во владения «тосканского чуда». Ярко-голубое небо, стройные кипарисы, виноградники, карабкающиеся по крутым склонам, серебристые оливы... На вершинах холмов либо замок, либо деревенька, и медлительные белые волы на земле, возделываемой на протяжении двух тысяч лет. Французская армия взорвала это спокойствие, ее продвижение не было мирным, как обещал де Куси. К потрясению и печали (*stupor et dolor*) жителей, как впоследствии жаловались флорентийцы королю Франции, «в сердце своем относился он к нам не так, как на словах». Частично для острастки — дать

понять Флоренции, чтобы та оставалась нейтральной, а частично для того, чтобы накормить своих наемников и заплатить им, де Куси собирал дань с городов, грабил деревни и даже захватывал замки. Флоренция отправила новых послов, они кричали «Мир, мир!» и предлагали богатые дары, а также заверяли в нейтралитете, если де Куси обойдет Флоренцию стороной. Де Куси по-прежнему произносил утешительные слова, но наемников было уже не унять.

«Они не только крали гусей и кур, грабили голубятни и уводили овец, баранов и прочий скот, — жаловались флорентийцы, — но и брали штурмом наши безоружные стены и незащищенные дома, словно мы воевали с ними. Они захватывали в плен людей, мучили их и заставляли платить выкуп. Они зверски убивали мужчин и женщин и поджигали их пустые дома».

По мере продвижения французского войска Флоренция со смятением осознавала, что де Куси общается с изгнанниками-аристократами из Ареццо, древнего горного города в сорока милях к юго-востоку от Флоренции. Флорентийцы давно зарились на этот город и готовились его присоединить. История Ареццо восходит к этрускам с их знаменитой краснофигурной керамикой. Из его скопища башен с бельведерами и балконами святой Франциск на картине Джотто изгоняет крылатых демонов. В 1380 году правящее семейство города Тарлати, они же синьоры Пьетрамала, потерпело поражение в противостоянии гвельфов и гибеллинов, но победители были слишком слабыми, чтобы удержать власть, и позвали на помощь Карла Дураццо. Он и его приспешники смотрели на Ареццо как на завоеванный город, а потому грабили, взимали с жителей штрафы, и в результате те стали лучше относиться к Флоренции.

После сложных торгов флорентийцы договорились выкупить город у Дураццо, но вторжение де Куси грозило разрушить их планы. Они узнали, что аристократы Пьетрамала предложили Ангеррану помощь в захвате Ареццо, и де Куси заключил с ними договор. У де Куси была одна цель — помочь герцогу Анжуйскому, и он хотел надавить на Флоренцию, чтобы та поставляла продовольствие армии. Дабы ослабить противников герцога, де Куси собирался вытянуть на себя из Неаполя войско Хоквуда.

Между де Куси и Флоренцией началась дипломатическая дуэль: де Куси выдвигал жесткие требования и все реже выступал с успокоительными заявлениями. В ответ на еще один протест флорентийцев, возмущенных грабежами, де Куси обвинил жителей в сопротивлении армии и дерзко потребовал дань — от Флоренции двадцать пять тысяч флоринов, а от Сиены — двадцать тысяч. Синьория встревожилась и устроила заседание; кто-то предлагал заплатить, кто-то отказывался, некоторые советовали для видимости сохранить дружеские отношения, предотвратив тем самым нападение де Куси. Флоренция посылала на переговоры гонцов с разнообразными предложениями, а сама тем временем предупредила правителя Ареццо Джакопо Карачоло и посоветовала укрепить стены и приготовить провизию для отрядов, которые пообещала выслать в качестве подкрепления. Нападение на город ожидалось 18 сентября. Богатые горожане выделили крупные денежные суммы, и Флоренция начала собирать войско.

Ожидая ответа на свои требования, де Куси в течение недели оставался в окрестностях, не двигаясь с места. Сиена заплатила ему семь тысяч флоринов;

Флоренция не отказалась, но и не заплатила. Словно бы удовлетворившись таким ответом, де Куси возобновил поход, но вместо того чтобы пойти в Ареццо, двинулся на юг, к Кортоне. Такое решение было уловкой для усыпления бдительности Караччоло. В ночь с 28 на 29 сентября де Куси повернул к Ареццо и, приблизившись к городу, разделил свое войско на две части. Одну часть он послал для взятия крепостных стен и приказал громче кричать, а более сильную часть повел сам вместе с лучшими рыцарями. Они молча обошли город с другой стороны, выдвинулись к воротам Сан Клементе. Выломав створки, французы хлынули в город с криками «Да здравствуют король Людовик и сир де Куси! Смерть гвельфам и герцогу Дураццо!». Люди Караччоло ринулись навстречу французам, город заполнили боевые кличи и звон мечей, бои завязывались на каждой улице и вокруг старинного римского амфитеатра. В конце концов защитники дрогнули перед превосходящим числом нападавших и укрылись в цитадели. Изгнанники Пьетрамала с торжеством вернулись в свои дома, и, пока Ареццо подвергался насилиям и грабежам, де Куси объявил, что город теперь принадлежит королю Людовику Неаполитанскому, Сицилийскому и Иерусалимскому.

К тому моменту герцог Анжуйский был мертв уже девять дней. Полтора года он чахнул на «каблуке» итальянского «сапога», никакого королевства у него не было, только титул, армия растаяла: те, кто мог, добрались до кораблей и уплыли домой. Анжуйский владел Бари и другими городами Адриатики, к нему могли доставлять товары и продовольствие морским путем, и, возможно, он был вовсе не в таком ужасном положении, как писали хронисты-монахи, любившие

преувеличить степень падения некогда великого человека. Герцог пребывал в обездвиженности из-за недостатка средств. Его обедневшие рыцари ездили на ослах или ходили пешими, «торопя день сражения», но вынуждены были довольствоваться случайными стычками. В сентябре 1384 года герцог Анжуйский сильно простудился, пока вершил суд над мародерами из своей армии. У него поднялся жар и, ощущая приближение смерти, герцог, как и его брат Карл V, в последний день жизни написал завещание. В те времена умирающие, похоже, знали, когда приходит их час; наверняка это объяснялось тем, что на излечение они не надеялись и определенные симптомы воспринимали как фатальные. Как выходило, что им столь часто удавалось напоследок продиктовать завещание или отдать дополнительные распоряжения, объяснить еще труднее. Вероятно, умирание представляло собой организованный ритуал, при котором присутствовало много помощников.

Тяга к битве у герцога сохранялась даже на смертном одре, и в своем завещании он призвал папу Климента сделать все, чтобы его сын Людовик II унаследовал Неаполитанское королевство. Обратился он и к Карлу VI — призвал «взмахнуть мечом несравненной силы» и отомстить за королеву Джованну. Анжу назначил де Куси своим наместником, повелел продолжить кампанию и не отступать, если только ему не прикажет этого герцогиня Анжуйская с согласия короля. Герцог скончался 20 сентября в замке Бари, в комнате, окна которой смотрели на море. Тело его в свинцовом гробу отправили для похорон во Францию, армию распустили. Карл Дураццо устроил поминальную службу в честь бывшего соперника, и двор Карла погрузился в траур.

На Арно о смерти герцога Анжуйского еще не знали, и Флоренция впала в ступор, услышав, что де Куси захватил Ареццо. Быстро, как и всегда в моменты кризиса, созвали *балию*, или Союз десяти. В Геную, Болонью, Падую, Перуджу, Верону, Неаполь, даже в Милан направили письма и послов с призывом присоединиться к Флоренции для борьбы против захватчика, чье присутствие угрожает всей Италии. Из Неаполя вызвали отряд Хоквуда, папу Урбана попросили ввести для духовенства особый налог, чтобы выдворить из Италии «раскольников» и насолить антипапе. В разгар суматохи из Венеции пришло известие, что французский претендент на Неаполь скончался. Флоренция возрадовалась и с новыми силами взялась за приготовления, намереваясь окружить де Куси в Ареццо.

Не ведая о буре, поднявшейся вокруг него и покойного герцога, де Куси с удовольствием оповестил Синьорию о захвате Ареццо: дескать, он не сомневается, что они придут в восторг и порадуются за приверженцев короля Людовика. С еще большим удовольствием Синьория написала ответ «знаменитому и дорогому другу», в котором «с прискорбием сообщила», что герцог Анжуйский скончался, а несколько его главных соратников объявились в Венеции по дороге домой. Де Куси, естественно, не поверил этому известию, решил, что флорентийцы попросту хотят его «опечалить до глубины души».

Дабы произвести впечатление на горожан, де Куси начал подыскивать в Ареццо сторонников герцога Анжуйского — приглашал к столу и радушно принимал всех, кто объявлял себя приверженцами намерений герцога. Осаждая крепость, он вскоре узнал, что окружают его самого — флорентийцы на севере, бывший

боевой соратник сэра Хоквуд с юга. Когда до него дошло подтверждение смерти Анжуйского, де Куси осознал, что кампания провалилась.

Ангерран обнаружил себя посреди Италии в окружении и без малейшей возможности прорваться. Надо было действовать. Оставаться в Ареццо ради продолжения кампании и исполнения воли покойного герцога было бы честно, но сулило малоприятный исход. Послания от оставшихся сторонников герцога Анжуйского понуждали де Куси идти в Неаполитанское королевство и объявить себя его правителем, но де Куси не относился к числу героических глупцов, которые, не рассуждая, мчатся в бой и выказывают при этом бездумную храбрость. Воспользовавшись тем, что Ареццо в его руках, де Куси решил завершить поход, не потеряв лица и заодно восполнив потраченные средства.

Рычагом давления для него стала Сиена, отказавшаяся примкнуть к флорентийской Лиге. Он предложил Сиене выкупить Ареццо за двадцать тысяч флоринов, понимая, что соперничество побудит Флоренцию предложить большую цену, включая безопасный проход его войска через Тоскану. Флоренции не удалось добиться твердой поддержки, поскольку другие города-государства боялись, что она воспользуется ими для своего возвышения. В интересах союза с Францией Бернабо посоветовал вернуть Ареццо не силой, а деньгами и предупредил Флоренцию, что французский король и его дядюшки могут предъявить суровые претензии флорентийским купцам и банкирам, если на Куси нападут.

Флоренция тоже знала, когда воевать, а когда следует проявлять благоразумие и поступаться отвагой.

Благодаря де Куси, ее план захватить Ареццо неожиданно оказался близок к осуществлению. Флорентийцы подкупили правителя Караччоло, предложив ему сдать город и выплатить жалование его солдатам. Задумавшись о деньгах, с которыми они уже мысленно попрощались, люди Караччоло заявили своему вожаку, что готовы прекратить бесполезное сопротивление. И Караччоло согласился сдать город при условии, что Флоренция компенсирует ему ущерб, понесенный при защите Ареццо. Во времена рыцарства без денежных вливаний не обходилось ни одно сражение.

Вопреки обещанию сохранять нейтралитет, Флоренция готовилась использовать против де Куси вооруженную силу, однако ее беспокоили возможные репрессии со стороны Франции. Играя на опережение, Синьория представила Карлу VI обширный перечень прегрешений де Куси на флорентийской территории — грабежи, поджоги и прочий ущерб, а также требование дани и якшанье с бунтовщиками (Пьетрамала). В письме сообщалось, что, разглагольствуя о своих мирных намерениях, де Куси повел себя как враг. «Незнакомые доселе с обманом, мы тем не менее видели насквозь его коварные планы и печалились оттого, что благородный человек галльской крови, которому должно быть свойственно великодушие, позволял себе ложь и устраивал нам ловушки. Видя такое его поведение, мы не можем поверить, что он взаправду представляет короля Франции, а потому мы подготовили армию, дабы ответить силой на силу, и вот теперь с горечью пишем об этом. Мы хотим, чтобы вы поняли: наши действия можно оправдать».

Изложив все это, Флорентийская республика 5 ноября заключила с де Куси два искусно составленных дружественных договора. В первом документе Ангерран де Куси, признавая дружелюбие, преданность и уважение, с которыми республика Флоренция всегда относилась к королевскому дому Франции, передавал Флоренции в постоянное пользование Ареццо с его стенами, крепостями, домами, запасами, жителями, правами и привилегиями. Не было сделано никакого намека на то, что договор, заключенный де Куси, изначально готовился в интересах герцогов Анжуйских против Дураццо. Де Куси поставил условие, согласно которому Пьетрамала должна быть возвращена их собственности; также Флоренция обязана сохранять нейтралитет по отношению к Неаполю, французским посланникам должен быть обеспечен свободный проезд в Неаполь с правом покупать провизию, а де Куси и его людям предоставлены те же условия для возвращения во Францию.

Сумма, на которой сошлись во втором договоре, была в два раза больше той, что Ангерран запросил у Сиены. Принимая во внимание большие издержки сира де Куси при взятии Ареццо и то, что он прошел по флорентийской территории, «не причинив большого ущерба» (Флоренция в таких вопросах проявляла гибкость), и поскольку он предполагал уйти в той же манере, республика согласилась заплатить сорок тысяч золотых флоринов. Три четверти этой суммы флорентийцы обязались заплатить сразу, а остальные десять тысяч, по его желанию, — в Болонье, Пизе или Флоренции в течение двух недель после ухода де Куси из Ареццо. В день ухода из Ареццо французам разрешили унести с собой из города то, что они смогут взять.

Соглашение стало шедевром дипломатического искусства, а французы, добившись цели, сохраняли невозмутимый вид. Дураццо оказался в проигрыше, ему пришлось принять свершившийся факт; семейство Пьетрамала, ожидавшее, что снова обретет власть, впало в ярость; жители Ареццо тоже были немало разочарованы, поскольку не получили никакой компенсации. В отместку в день ухода Ангеррана Пьетрамала устроили засаду французским фуражирам, других заманили «к себе домой обещанием хорошего угощения, а после убили». Де Куси тотчас потребовал от Флоренции наказания, заявил, что подобные действия подрывают веру в «установившуюся между нами дружбу». Флоренция выразила глубочайшее сожаление и велеречиво заклемила «негодных» Пьетрамала. Их родовое имя — Тарлати — как говорят, происходило от слова, означавшего «дерево, сгнившее от насекомых-короедов», а имя Пьетрамала произошло от *pietra*, то есть «камень», и этому роду оно очень соответствовало, ибо «все они тверды и постоянны в своих преступлениях». Де Куси выслушал эти образные, но бесполезные замечания, и на этом дипломатическая дуэль между Флоренцией и де Куси закончилась.

Обоюдные обязательства были выполнены. 15 и 17 ноября Флоренция выплатила тридцать тысяч флоринов, Карачоло сдался 18-го, де Куси покинул Ареццо 20 ноября. Не желая встречи с враждебным населением, он не стал возвращаться по дороге, по которой сюда явился, а перешел через горы и по восточному склону спустился в Болонью, причем, изображая победоносное возвращение, выдвинул арьергард вперед. В Болонье на Рождество с ним полностью рассчитались. В Авиньон де

Куси вернулся в январе 1385 года. Через Альпы он перешел, не потеряв ни одного солдата.

Талант де Куси, необычный для того времени, заключался в понимании обстановки, особенно наглядно это проявилось в итальянской кампании; стоит сравнить его поведение с поведением герцога Анжуйского. Охота за неаполитанской короной — как бы строго ни судили ее впоследствии критики — не обязательно была обречена на катастрофу. У герцога Анжуйского был шанс не хуже, чем у соперника. Погубили его поздний старт, плохое руководство, напрасная трата времени и ресурсов на демонстрацию королевского достоинства, прежде чем он стал королем. Если бы он повел за собой армию быстро и в спартанских условиях, то нашел бы своим ресурсам лучшее применение, и результат мог бы быть другим. Но мы смотрим на средневековую историю с современной точки зрения.

Кампания оказалась весьма затратной. Цена войны стала ядом, отравлявшим весь XIV век. Средства, пожалованные короной и собранные самим герцогом, не говоря уже о сумме, похищенной Пьером де Краоном, были выжаты из французского народа ради цели, которая ни в настоящем, ни в будущем не принесла ему блага. Все это не осталось незамеченным, и народ волновался. Услышав о смерти герцога, портной из Орлеана по имени Гийом Жупонье, изрядно выпив, разразился тирадой, которой хронист засвидетельствовал голос народа: «Чего ради он поперся туда, этот герцог Анжуйский? Он ограбил нас и увез наши денежки в Италию, ему вздумалось захватить другую землю. Теперь он сдох, и будь он проклят, и Людовик Святой и прочие

короли вместе с ним. Дрянь, дрянь, а не король! Не надо нам короля, Бог — вот наш король! Вы думаете, они честно заработали то, что у них есть? Они дерут с меня налог, им мало, и они снова берут, злятся, что не могут взять все, что у нас есть. Зачем они забирают у меня то, что я зарабатываю своей иглой? Пусть только тронут моего сына, да будь моя воля, я бы всех королей увидел в гробу».

В этом письменном свидетельстве выражено то, что не осмеливались сказать другие. Портной был арестован и посажен в тюрьму, но правитель Орлеана его помиловал.

Вдова герцога Анжуйского, урожденная Мария Бретонская, дочь блаженного, пусть и безжалостного Карла Блуасского и его непреклонной жены, добивалась неаполитанской короны для своего сына Людовика II с тем же рвением, с каким ее родители добивались Бретонского герцогства, — и с не лучшим результатом. В пожизненном соперничестве с Карлом Дураццо и его сыном Людовик II оказался не более успешным, чем отец. Неаполем стала править арагонская династия, потом испанские Бурбоны, а герцоги Анжуйские на протяжении двух веков по-прежнему упорствовали в своих притязаниях, настаивая на возврате отнятой у них короны.

Другой целью французов в Италии было утверждение папы Климента. Это желание превратилось в наваждение. В припадке безумия папа Урбан поссорился с Карлом Дураццо и был изгнан из Неаполя. Он набрал наемников и пошел с войском по Италии, осаждал города, захватывал пленных, обрушивал на врагов анафемы, отлучал от церкви, возил с собой

шестерых пленных кардиналов, которых обвинил в заговоре против себя. Когда лошадь одного из кардиналов охромела, Урбан забил несчастного прелата до смерти и бросил его труп подле дороги. Потом он казнил четверых из пяти оставшихся.

После кончины герцога Анжуйского Пьер де Краон вернулся во Францию, явно обогатившись. В то время как многие из его недавних спутников, уцелевших в походе, шли пешком и просили подаяния, Краон явился ко двору с великолепной свитой, что вызвало негодование придворных. «Ха! Низкий предатель! — воскликнул герцог Беррийский, увидев де Краона, входящего в зал королевского совета. — Коварный предатель, ты заслуживаешь смерти! Из-за тебя умер мой брат. Хватайте его, да свершится правосудие!» Но никто не осмелился исполнить этот приказ из страха перед бургундскими связями Краона. Краон по-прежнему украшал собой двор Карла VI и долгое время избегал судебного преследования со стороны герцогини Анжуйской и ее сына, хотя ему и приказали вернуть сто тысяч франков.

По иронии судьбы, выйдя из Италии целым и невредимым, в Авиньоне де Куси упал с лошади и серьезно повредил ногу. Вероятно, это был сложный перелом, из-за него он почти четыре месяца был прикован к постели. На него как на вице-короля герцога Анжуйского возложили ответственность за вернувшихся из Бари ветеранов, а также за раздачу денег и проведение судебных заседаний. Вдова Анжуйского приехала в Прованс, дабы подтвердить права своего сына, и де Куси несколько раз навестил ее (очевидно, на носилках). Де Куси давал ей советы в деле Пьера де Краона и «утешал, сколько мог». Во время этих визитов

он, скорее всего, встречался и говорил с автором одного из самых великих описаний XIV столетия.

Оноре Боне, бенедиктинский приор аббатства Салон в Провансе, был до некоторой степени связан с домом герцога Анжуйского. В 1382–1386 годах Боне проживал в Авиньоне, тогда он и записывал наблюдения за событиями, в которых принимал участие де Кузи. Трактат «Древо сражений» представляет собой размышления о праве на войну и о ее неизбежных моральных и социальных последствиях. Цель написания этой книги, по словам Боне, состояла в попытке найти ответ на причины «великих возмущений и злодеяний» его времени. На вопрос «Может ли мир прожить без столкновений?» Боне отвечал без обиняков: «Нет, не может».

«Вначале моей книги выстроил я древо печали, — писал он, — на нем можно увидеть три плода — бедствия, вызванные расколом, коих прежде не бывало; вражду между христианскими принцами и королями и горе и разногласия между общинами». Боне рассмотрел также много практических и моральных вопросов — «если кто взят в плен, будучи под началом другого, — должен ли он озаботиться выкупом за собственный счет?»; «должен ли человек предпочесть смерть бегству с поля боя»; каковы права рыцаря на вознаграждение, следует ли платить заболевшему воину и тому, кто находится в отпуске. Через всю книгу проходит главная идея — война не должна причинять вред тем, кто в ней не участвует, хотя во времена Боне все было ровно наоборот. Автор с горечью наблюдал, как «страдают бедные труженики... а ведь благодаря этим людям папа и все господа в мире получают мясо, и питье, и одежду». На вопрос, можно ли брать в плен купцов, землепашцев и пастухов со стороны врага, Боне отвечал — нет. Все

пастухи и землепашцы с волами делают свое дело, так же и любой осел, мул или лошадь, впряженные в плуг, не подлежат захвату, ибо они трудятся. Причина ясна: безопасность землепашца и его скотины дает благо всем, потому что они работают на всех.

Боне отмечал растущее недовольство, горе и несогласие, которые вызывались ежедневным нарушением этого принципа. Монахи вроде него и поэты наподобие Дешана открыто осуждали такое поведение во время войны не потому, что были чувствительнее других людей, а потому, что они умели говорить и привыкли выражать свои идеи на письме. Не строя иллюзий в отношении рыцарства, Боне писал, что некоторые рыцари осмелели из желания славы, другие — от страха, а третьи — от жажды наживы. «Древо сражений», посвященное Карлу VI, появилось в 1387 году, и автор отнюдь не подвергся гонениям за изложенную в нем правду. Напротив, его пригласили ко двору и назначили пенсион. Как случилось и с другими пророками, Боне почитали, а потом забыли.

ГЛАВА 20

ВТОРОЕ НОРМАННСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

Во время пребывания де Куси в Авиньоне потребовались его дипломатические таланты: нужно было осторожно проинформировать папу Климента о предполагаемом брачном альянсе короля Франции с невестой, принадлежавшей к другой стороне схизмы. Невестой этой была Елизавета Баварская — или Изабо, как ее именовали во Франции, — представительница

Виттельсбахской династии и внука Бернабо Висконти. Бавария, как и все германские государства, к большому разочарованию Карла V, оставалась послушной Урбану. Брак с германской принцессой тем не менее был необходим: он придавал Франции дополнительный вес в противоборстве с Англией, особенно учитывая, что Ричард II затеял переговоры о женитьбе на Анне Богемской, дочери покойного императора.

Бавария была самым мощным и процветающим германским государством, а Виттельсбахи — самыми богатыми из трех семейств (два других — Габсбурги и Люксембурга), в разное время занимавших императорский трон. Альянс с Виттельсбахами виделся настолько желанен, что Бернабо Висконти поженил с ними четверых своих детей. Его дочь Таддея с приданым в сто тысяч золотых дукатов вышла замуж за герцога Баварского Стефана III, который, хотя и правил совместно с двумя братьями, в избытке обладал автократическими замашками. Дерзкий, расточительный, хвастливый, любвеобильный, беспокойный, не представлявший свою жизнь без войн и турниров, он хорошо подходил дочери Висконти, а, когда та умерла после двенадцати лет брака, ее место заняла сестра, Маддалена, принеся с собой еще сто тысяч приданого. Изабо, дочь Стефана от первого брака, в 1385 году была хорошенькой, пухлой пятнадцатилетней девушкой, не подозревавшей, сколь нелегкая судьба ей уготована.

О браке Изабо с Карлом VI впервые было объявлено, когда ее дядя, герцог Фридрих, приехал поучаствовать в забавах французских рыцарей — осаде Бурбура. Он узнал об условии, выдвинутом королем Франции — предполагаемая невеста должна полностью раздеться, чтобы придворные дамы осмотрели ее и

решили, сформировалась ли она для вынашивания детей. Предложение было с негодованием отклонено. Что, если ее отправят обратно? Герцог Стефан отверг предложенную корону. На альянсе, однако, тактично настаивали его дядя, правитель Голландии Альберт Баварский, и герцог Бургундский, уже совершившие двойное бракосочетание своих сыновей и дочерей. Согласие Стефана удалось получить после того, как Изабо решили послать во Францию под предлогом паломничества, хотя Стефан предупредил брата, который должен был ее сопровождать: мол, если он ее вернет, «в моем лице ты обрешь самого главного врага».

Слухи о запланированном браке достигли Милана и спровоцировали сенсационный «дворцовый переворот века» — спокойный и вроде бы не интересующийся политикой племянник Бернабо Джан-Галеаццо сверг своего дядю. Матримониальная политика дядюшки нарушала независимость Джан-Галеаццо из-за привычки Бернабо, не советуясь с племянником, раздавать в качестве приданого земли или доходы с этих земель, на которые Галеаццо имел одинаковые права с дядей. Перспектива вступления внучки Бернабо на французский трон, а дочери Бернабо Лючии — на трон Неаполя грозила Джан-Галеаццо утратой французской поддержки. Герцогиня Анжуйская, постоянно подстрекавшая французских родственников к очередной попытке отвоевания неаполитанской короны, сумела добиться осторожного обещания в свою пользу и послала за Лючией для заключения брака с ее сыном по доверенности. Все эти обстоятельства и заставили Джан-Галеаццо действовать.

В мае 1385 года он послал своему дяде записку, в которой сообщал, что собирается осуществить

паломничество в монастырь Мадонна-дель-Монте, возле озера Лаго-Маджоре, и будет рад встретиться с ним в окрестностях Милана. Его предложение выглядело вполне естественным, поскольку Джан-Галеаццо, хотя и «не слишком высокого ума, в мирских делах был весьма расторопен»: человеком он был очень набожным, носил четки, и, куда бы он ни шел, его сопровождали монахи. Все знали, что Галеаццо склонен к покаянию и паломничеству. К тому же он весьма доверял астрологам и советовался с ними перед принятием решений — однажды отказался от дипломатической беседы, поскольку для нее был выбран неблагоприятный момент. Галеаццо писал одному своему корреспонденту: «Я советуюсь с астрологами во всех своих делах». Эти наклонности и страх перед дядей, проявившиеся в том, что он увеличил свою охрану вдвое и отдавал на пробу всю пищу, вызывали у Бернабо презрение к племяннику. Когда некий придворный заподозрил Джан-Галеаццо в злом умысле и предупредил Бернабо о возможном заговоре, тот лишь фыркнул: «Ты ничего не понимаешь. Мне ли не знать своего племянника?!» Семидесятишестилетний тиран, всю жизнь запугивавший людей, был слишком самоуверен и беспечен. Именно на этом и строился план Джан-Галеаццо.

С двумя сыновьями, но без охраны, Бернабо выехал за ворота. Джан-Галеаццо же прибыл с большой охраной. Он спешил, обнял дядю и, крепко прижав к себе, выкрикнул по-немецки команду, после чего один из его вояк, кондотьер Якопо дель Верме, срезал с Бернабо пояс с мечом, а другой охранник с криком: «Ты наш пленник!» выхватил у него жезл власти и взял тирана под стражу. Отряд Джан-Галеаццо тотчас ворвался в Милан и занял в городе все важные позиции. Поскольку

Галеаццо проводил в Павии разумную политику, население решило, что избавилось от тирана. Они приветствовали его как освободителя возгласами: «Да здравствует граф!» («*Viva il Conte!*») и «Долой налоги!». Чтобы смягчить впечатление от своего переворота, Джан-Галеаццо позволил толпе разграбить дворец Бернабо и сжечь налоговые книги. В качестве первого шага новой власти он снизил налоги, погасив разницу из золотых запасов Бернабо. Для подтверждения своей легитимности или ее подобия он созвал большой совет, который официально передал ему владения Висконти, после чего Галеаццо разослал перечень преступлений Бернабо правителям всех государств.

В Милане теперь остался всего один правитель, власть которого со временем только усиливалась. Сыновья Бернабо были нейтрализованы: одному дали пожизненное заключение, другого, ввиду его ничтожности, проигнорировали, а третьему, самому младшему, пожаловали пожизненный пенсион. Города Ломбардии на переворот никак не отреагировали, а тирана заперли в крепости Треццо, где в декабре того же года он и скончался, предположительно отравленный по приказу узурпатора. Покойного с почетом похоронили в Милане и установили в его честь конную статую, как того и хотел Бернабо.

Падение современного Тарквиния изумило мир, эхо этого события дошло до «Кентерберийских рассказов», о нем упомянуто в «Рассказе монаха» — «Твой бег к вершине власти завершен / двойным сородичем (тебе ведь он / был и племянником и зятем вместе), / в узилище ты тайно умерщвлен, / как и зачем не знаю я по чести». Важным последствием этого события было и то, что в пустом и безжалостном, как выяснилось позднее,

сердце Изабо Баварской поселилось желание отомстить Джан-Галеаццо, лишившему власти, а может, и убившему деда, которого она, впрочем, никогда не знала. Поскольку узурпатор был одной из главных фигур Европы, а она — королевой Франции, результаты оказались серьезными и имели далекие последствия.

Семнадцатилетний Карл VI был страстным, непостоянным юношей, участвовал в девяти боях турнира, посвященного двойному бургундскому бракосочетанию. Его воинственный дух подстегивали дяди, желавшие войны в собственных интересах. Физически природа, казалось, была щедра к Карлу. Выше среднего роста, крепкий, со светлыми до плеч волосами, он был искренним, энергичным, грациозным, великодушным, раздавал всем и каждому от щедрот своих, однако ему недоставало твердости и серьезности. Рассказывают, что во время охоты, когда ему было тринадцать, Карл подстрелил оленя, на золотом ошейнике которого старинными буквами была выгравирована надпись: «Цезарь мне сие даровал» («*Caesar hoc mihi donavit*»). Королю сказали, что олень, должно быть, жил в лесу со времен Юлия Цезаря или какого-либо другого римского императора. Мальчик пришел в восторг и приказал выгравировать оленя с ошейником на всей королевской посуде и на других предметах. Амурные дела воспаляли его столь же сильно. По словам монаха из Сен-Дени, он был «жертвой плотского аппетита», но быстро разочаровывался. В здоровом теле трепетал нестабильный дух. Его мать, королева Жанна, в 1373 году переживала приступы безумия. Своей дурной наследственностью он был обязан родственным бракам; кстати, все его сестры, кроме одной, умерли, не достигнув совершеннолетия.

В апреле 1385 года в Камбре состоялось двойное бракосочетание сына и дочери герцога Бургундского. Филипп был человек с большими претензиями и хотел, чтобы церемония превзошла все, совершавшиеся до тех пор. Он занял драгоценности у Карла VI, привез из Парижа гобелены и лошадей, приказал сшить ливреи из красного и зеленого бархата (два самых дорогих цвета), нарядил дам в платья из золотой парчи и приготовил для турнира тысячу копий. Оба папы выдали соглашения на браки, поскольку те позволяли «перекинуть мост через пропасть схизмы». Все пять дней празднеств раздавали подарки, их стоимость в два раза превысила стоимость нарядов. На праздник затратили сто двенадцать тысяч ливров, что равнялось одной четверти доходов фламандско-бургундского государства, и это в эпоху нарастающих социальных конфликтов и острой нужды.

Изабо приехала во Францию в июле, пройдя краткосрочное обучение при дворе Виттельсбахов — ее наставляли во французском этикете, флирте и умении правильно одеваться. Встреча с Карлом состоялась в Амьене, куда французский двор переехал в связи с возобновлением войны во Франции. Король в сильном волнении явился в Амьен 13 июля, в тот же день, что и приехавший из Авиньона де Куси. Ангерран спешил сообщить новость, услышанную от папы, хотя в чем состояла эта новость, не сообщается. Карл не спал, нервничал и то и дело спрашивал: «Когда я увижу ее?», а когда увидел, тотчас влюбился и с восхищением смотрел на баварскую принцессу. Карла спросили, станет ли она королевой Франции, и он ответил с уверенностью: «Ну, разумеется, да!»

Изабо не понимала ничего из того, что ей говорили, поскольку из уроков французского почти ничего не

вынесла, запомнила лишь несколько слов, которые произносила с жутким баварским акцентом. Тем не менее манеры девушки были исполнены очарования, а нетерпение Карла было столь велико, что с бракосочетанием поспешили, и оно состоялось 17 июля под аккомпанемент шуток о горячей молодой паре. «И если бы они признались, — заметил Фруассар, — что провели эту ночь в наслаждениях, то никто бы в том не усомнился». Вряд ли столь страстная любовь приводила когда-либо к такому печальному концу — к сумасшествию, разгулу и ненависти.

Еще до окончания перемирия с Англией, то есть до октября, шотландцы прислали во Францию переговорщиков: они хотели совместно с французами «проделать в Англии дыру, так чтобы эта страна никогда уже не оправилась». Франция обрадовалась шансу показать себя сильной не только при отражении атаки, но и в нападении. Англичанам следовало внушить, что не только они могут быть агрессивны, — пусть привыкают, что и их могут атаковать на собственной территории, как в свое время предлагал Карлу V де Куси. Твердый и решительный правитель, Филипп Смелый предложил адмиралу де Вьену, «рыцарю, доказавшему свою храбрость и жажду славы», совершить экспедицию в Шотландию и приготовить все к приему многочисленной войска под командой Клиссона, Сансера и де Куси. И тогда вместе с шотландцами они перейдут границу.

Вместе с восьмьюдесятью рыцарями и отрядом из полутора тысяч воинов, которым заплатили за полгода вперед, де Вьен явился в Шотландию в начале лета 1385 года. Он подарил королю Шотландии пятьдесят тысяч золотых франков и поднес в дар его придворным пятьдесят рыцарских облачений, копья и щиты. Послы,

кроме того, просили короля вооружить тысячу шотландцев, но обстановка в Шотландии оказалась для французов неприятным сюрпризом. Голые и мрачные замки, да еще с примитивными условиями проживания — никаких удобств при столь ужасном климате. Дома вождей кланов были и того хуже — мокрые каменные стены, ни окон ни труб, комнаты наполнены дымом от тлеющего торфа и запахом навоза. Местные жители постоянно устраивали друг другу вендетты из-за кражи скота, похищения жен, из-за предательств и убийств. У них не было ни железа — подковывать лошадей, ни кожи для седел и упряжи, и ранее все это они закупали во Фландрии.

Французы, привыкшие к «замкам, к залам, украшенным гобеленами, и к мягким постелям», спросили себя: «Зачем мы сюда пришли? Оказывается, мы и не знали, что такое нищета». Хозяевам гости тоже не понравились. Они осудили французских рыцарей — любителей роскоши — и оказали им холодный прием. Вместо того чтобы ринуться в бой с развевающимися знаменами, они отступили, когда узнали, что приближается большая английская армия.

Французское подкрепление не пришло, потому что во Фландрии снова вспыхнуло восстание. Во время вынужденного безделья воинственный настрой адмирала де Вьена сменился любовным пылом, и он отдался запретной страсти с кузиной шотландского короля. Хозяева так разъярились, что адмирал оказался на волосок от гибели. Неизвестно, что поспособствовало окончанию этой кампании — последняя ссора или то, что шотландцы настоятельно требовали от гостей оплатить

постояй; в итоге адмирал заплатил из своего кармана, после чего нанял несколько кораблей и отбыл на родину.

Тем временем войско под командованием преемника Артевельде Франсиса Аккермана захватило Дамме — порт Брюгге в устье реки Шельды. Там должно было высадиться французское подкрепление, готовившееся плыть в Шотландию. Атаку подстроили англичане — им не давали покоя слухи о французском вторжении. Французская армия буквально стащила короля с брачного ложа и двинулась вместе с ним осаждать Дамме. Хотя солдаты страдали от жары, от английских лучников и от эпидемии чумы, после шести месяцев осады они все-таки отвоевали порт.

Наказание было суровым, особенно буйствовали бургундцы — они сожгли и уничтожили все, вплоть до ворот Гента. Многих пленных, взятых в расчете на выкуп, казнили, и остальным это послужило примером. Один из пленных, стоя у плахи, предупредил своих палачей, что «король может убить сильных духом людей, но если даже он уничтожит всех фламандцев, кости их поднимутся из могилы и восстанут против него». Герцог Бургундский понял, что «отчуждение» подданных — не в его интересах. В декабре начались переговоры, и в Турне заключили мирное соглашение, не предполагавшее наказаний и штрафов. Как ни старались восстановить разрушенную торговлю, ущерб, нанесенный многолетними восстаниями, было уже не исправить; век фламандского благоденствия закончился.

На де Куси, возможно, подействовали все эти бракосочетания, и в возрасте 46 лет он женился на девушке тридцатью годами его моложе. Бракосочетание

состоялось в феврале 1386 года. Невесту — Изабеллу, дочь герцога Лотарингского, «очень красивую девушку благородного рода Блуа» — готовили в невесты французскому королю, говорили, что она почти ровесница Карлу; выходит, ей было от шестнадцати до восемнадцати лет. Король почти уже согласился, но в это время сказал свое веское слово Стефан Баварский.

О второй Изабелле де Куси известно мало, за исключением того, что после бракосочетания Ангерран предпринял обширное обновление замка, из чего можно сделать вывод (хотя и не столь уж неоспоримый), что он старался порадовать молодую и красивую жену.

Сразу после свадьбы к замку пристроили новое северо-западное крыло, почти такое же грандиозное, как и обновленный донжон; внесли и многие усовершенствования.^[19] В новом крыле появился большой банкетный зал — 50 на 200 футов, его назвали залом героев. Это были личности, наиболее почитаемые в Средние века — Гектор Троянский, Александр Великий и Юлий Цезарь; три библейских еврея — Иисус, король Давид и Иуда Маккавей; три христианина — король Артур, Карл Великий и крестоносец Годфри Бульонский. Следующий зал был посвящен героиням — Ипполите, Семирамиде, Пенфесилее и другим легендарным царицам. В каждом зале с высокими сводчатыми потолками имелось по два огромных камина, в широкие арочные окна вливался солнечный свет, в отличие от узких окошек старой постройки. Особо важные персоны

¹⁹ По счастливой случайности, сохранились записи 1386–1387 годов о замке де Куси, которые местный букинист Люсьен Броше опубликовал в 1905–1909 годах. Во время Первой мировой войны оригиналы исчезли, вероятно, были уничтожены, поскольку Пикардия сильно пострадала в те годы.

могли наблюдать за танцами и развлечениями с высокой трибуны, построенной в зале героев. За трибуной выстроились в ряд барельефы девяти героев и героинь. Один восхищенный гость замка писал: «Я никогда не видел столь тонкой работы. Если бы сам не был тому очевидцем, ни за что бы не поверил, что можно столь изящно изваять в твердом камне плоды и листья».

Среди других нововведений можно отметить камин в дамском будуаре, расположившемся на стыке старой и новой постройки. На нижнем дворе появилась новая конюшня; по всей длине террас вытянулись парапеты. Под террасами, за двойной аркой, нашлось место для хранения дров; не забыли и собак: «для Бонифация и Гедона» выстроили конуру с отхожими местами; водохранилище размером шесть футов на восемь и глубиной шестнадцать футов обслуживало четыре большие каменные трубы, по которым вода поступала в кухню. В донжоне установили новые деревянные потолки; во всем замке перекрыли крыши, вычистили горгулий и сточные каналы; отремонтировали верхнее помещение — в свое время его испортила обезьяна первой мадам де Куси.

Были наняты ремесленники всех специальностей — мастер по изготовлению карет сузил экипаж, на котором приехала из Лотарингии новая мадам де Куси (карета оказалась слишком широка для ворот, и ее пришлось сузить на фут); резчики по дереву трудились над потолками в Орлином зале, в часовне и в гардеробной сира де Куси. Удлинили банкетный стол в новом зале; рабочие по металлу заменили старые ключи, замки, болты и петли, изготовили, в частности, новый замок для шкатулки в часовне сеньора; водопроводчики поработали над кухонными раковинами и водосточными

трубами; художники из Парижа украсили стены и «подшили заново красно-белые ливреи слуг де Куси».

Большая часть земли, как следует из отчетов, была отдана виноградникам. На новые посадки, культивацию почвы, сбор урожая требовались немалые средства. Нужно было также платить бальи и сборщикам налогов, жертвовать капелланам двух часовен. Выращивание рыбы, пополнение скота, рубка леса, сенокосные работы, платье сеньора и его домочадцев тоже требовали больших вложений. Де Куси ездил в Суассон и другие места в сопровождении восьмидесяти рыцарей, оруженосцев, слуг, был при нем и астроном — мэтр Гийом де Верден, исполнявший для сеньора какие-то важные поручения.

Второй брак, как и первый, не стал плодовитым — возможно, дело было в воинственной натуре Ангеррана или просто в его долгих отлучках. Сына-наследника династии он не дождался, родилась только дочь по имени Изабелла. Как и ее мать, она вышла замуж за второго сына герцога Бургундского. В неизвестный день, быть может, спустя несколько лет, у Ангеррана наконец-то родился долгожданный сын, хотя и в незаконном браке. Персеваль, которого называли бастардом де Куси, женился в 1419 году, — стало быть, он явился плодом позднего союза. Неизвестно, кто была его мать. Возможно, это была соперница жены де Куси, либо Ангерран сошелся с нею, пока пребывал в Гиени в качестве главнокомандующего. Очевидно, эта женщина занимала важное место в жизни де Куси, поскольку он гордился сыном или ими обоими, ибо признал свое отцовство и подарил Персевалю Оберман. Отныне

бастард мог называть себя сир де Куси и сеньор д'Оберман.

В год бракосочетаний — 1385/1386-й — де Куси посетил свадьбу в Дижоне: женился его габсбургский родственник и недавний враг герцог Альберт III. Невестой стала дочь Филиппа Смелого. Это был год исторической победы в Земпахе, когда швейцарские копейщики победили Габсбургов. Возможно, присутствие де Куси в Дижоне на бракосочетании было связано с желанием Габсбургов поддержать Ангеррана. В любом случае, ссора с семьей его матери была улажена. По словам документа, «они всегда заканчивали примирением».

Шотландское фиаско не разрушило планов французов относительно вторжения в Англию. Напротив, они решили перейти в широкое наступление, устроить, так сказать, второе нормандское завоевание. Французы считали, что только военная победа приведет к окончанию затянувшейся войны и утвердит верховенство французского папы. Кроме того, все знали, что Англию раздирают междоусобицы, высшее общество проявляет недовольство и не выступит в поддержку короля. Первоначально идею вторжения подал герцог Бургундский, а в апреле 1386 года королевский совет проголосовал за него единогласно. Многие из этих людей служили Карлу V, но им не доставало благоразумия покойного короля по отношению к возможной войне. Пуатье научил Карла соизмерять амбиции с возможностями, а во времена правления его сына все очень быстро забыли эту науку — к концу века французов обуяла *folie de grandeur*, или мания величия.

«Ты — величайший король, у тебя больше всего подданных, — говорил герцог Бургундский своему племяннику, — мне не раз приходило в голову, почему бы нам не пойти на Англию и не сокрушить гордость англичан... Наше предприятие навеки останется в истории». Когда после Пасхи герцог Ланкастерский с большой армией на двухстах судах вышел из Англии завоевывать кастильский трон, французы решили, что вот их шанс. Сведения о передвижениях друг друга стороны получали через французских и английских рыбаков, которые, не обращая внимания на вражду между двумя монархиями, обменивались уловом и свободно общались.

Французское вторжение должно было стать самым большим «с тех пор, как Господь сотворил мир». Та армия, которую Клиссон и де Куси должны были повести в Шотландию, разбухла до невероятных размеров. Хронисты писали о сорока тысячах рыцарей и оруженосцев, пятидесяти тысячах лошадей, шестидесяти тысячах пехотинцев... вряд ли эти цифры были точными, скорее всего, они призваны были произвести впечатление на противника и современников. Приготовления к шотландской операции шли полным ходом, когда их прервали фламандские события; теперь эти приготовления возобновили и чрезвычайно усилили. Началось, как и всегда, с денег. Пятипроцентный налог с продаж и двадцать пять процентов с алкогольной продукции, собранные по всему королевству для шотландской кампании, принесли двести две тысячи ливров. Налогообложение возобновили, поскольку денег всегда оказывалось недостаточно.

По всей Европе — от Пруссии и до Кастилии — нанимали и закупали корабли, на французских верфях

работа кипела днем и ночью. В предыдущий год собрали шестьсот судов, а теперь их количество возросло более чем вдвое, и зрелище, которое они собой представляли в устье Шельды, было воистину грандиозным. Боннакорсо Питти, вездесущий флорентиец, видел тысячу двести кораблей, из которых шестьсот были военными, оборудованными бойницами для лучников. Французские аристократы, рассчитывавшие на возмещение расходов через грабежи и выкупы, не скупились и соперничали друг с другом, украшали носы кораблей позолотой, мачты покрывали серебром, а паруса ставили из расшитого золотом шелка. Адмирал де Вьен нанял фламандского художника Пьера де Лиса, чтобы тот выкрасил его флагманский корабль в красный цвет и украсил гербами. Черный корабль Филиппа Бургундского был украшен гербами всех его владений, а на развевающихся шелковых знаменах реял гордый девиз «*Il me tarde*», что приблизительно можно перевести как «Я не жду»; этот же девиз повторил и в золоте на гроте. Кораблю де Куси, «одному из самых роскошных во флотилии... очень большому и богато украшенному», выпала несчастливая судьба: на Сене, где он стоял на якоре, его захватили два других судна — португальский адмирал был союзником герцога Ланкастерского.

Де Куси не чужда была претенциозность века. Его печать, поставленная на октябрьскую платежную квитанцию от 1386 года, украшена гербом, объединенным с королевским леопардом Англии. Видимо, де Куси был связан обязательствами, ведь его дочь Филиппа приходилась двоюродной сестрой английскому королю. Личный отряд де Куси в оккупационной армии насчитывал пять рыцарей, шестьдесят четыре оруженосца и тридцать лучников.

Широкие бухты Шельды предоставляли армаде просторное и надежно укрытое от морских ветров место, связанное с землей и морем внутренними каналами. Каждый день доставлялись различные товары — две тысячи бочек для сухого печенья, древесина для изготовления повозок, переносные мельницы для размалывания зерна, железные ядра для пушек, камень из Реймса, веревки, свечи, фонари, матрасы и соломенные тюфяки, мочеприемники, тазики для бритья, корыта, сходни для лошадей, лопаты, мотыги и молотки. Писцы строчили приказы. Закупщики рыскали по Нормандии, Пикардии, Голландии и Зеландии. За провизией ездили в Германию, в Испанию посылали за пшеницей для изготовления двух тысяч тонн галет, за соленой свининой и беконом, за копченой макрелью, лососем, угрем и сушеной сельдью, за горохом и бобами, за луком, солью, за тысячей бочонков (или четырьмя миллионами литров) французского вина. Из Греции, Португалии, Лепанто и Валахии привезли 857 бочонков вина. Герцог Бургундский заказал сто одну голову крупного рогатого скота, четыреста сорок семь овец, двести двадцать четыре окорока, пятьсот жирных кур, каплунов и гусей, а также ящики с имбирем, перцем, шафраном, корицей и гвоздикой, девятьсот фунтов миндаля, двести фунтов сахара, четыреста фунтов риса, триста фунтов ячменя, девяносто четыре бочки оливкового масла. Четыреста головок сыра ему доставили из Бри, еще сто сорок четыре — из Шони.

Были подготовлены мечи, копья, алебарды, доспехи, шлемы «с забралом по новой моде», щиты, знамена, двести тысяч стрел, тысяча фунтов пороха, сто тридцать восемь каменных ядер, пятьсот таранов для кораблей, катапульты, огнеметы. Оружейники все проверили и

отполировали, вышивальщицы трудились над знаменами, пекари готовили галеты, поступавшие товары подсчитывали, упаковывали и отправляли в хранилища. То и дело подходили грузовые суда, карраки, баржи, галеры и галеоны.

Самым важным во всех этих приготовлениях был переносной деревянный город, который должен был защитить солдат при высадке на берег. Огромный лагерь, способный вместить каждого командира и его отряд, представлял собой этакую искусственную крепость, приставшую к берегу канала. Размеры лагеря поражали воображение — девять миль в окружности, тысяча акров площадью. Лагерь окружала деревянная стена в десять футов высотой с башнями, что возвышались над стеной на расстоянии дюжины ярдов одна от другой. На улицах и площадях стояли дома, казармы, конюшни и рынки, куда отрядам полагалось приходить за провизией. Триста лет назад, во время высадки на английские берега, Вильгельм Завоеватель применил разборный деревянный форт, подобные сооружения использовались с тех пор неоднократно, но ничего столь смелого и грандиозного никогда еще не применялось. Пять тысяч дровосеков и плотников из Нормандии под руководством архитекторов приготовили все заранее, затем все надлежало упаковать, посекционно пронумеровать и отправить по морю с тем, чтобы при высадке огромное сооружение собрали бы за невиданно короткое время — три часа. В XIV, как и в XX веке, ради войны использовали самую продвинутую технологию. Такие бы способности да в мирных целях!

В порту Шельды толпились аристократы, чиновники, ремесленники и слуги всех родов. Всех их требовалось разместить, всем надо было платить жалование. Блеск

графа Савойского по наследству перешел к его сыну Амадею VII, прозванному «красным графом»: он развлекал бедных и богатых, не отпускал никого, не накормив как следует. Эсташ Дешан тоже не остался без дела, прославил это событие в своих стихах:

Затем галлы переплывут морской пролив

И истребят несчастных англичан.

И те скажут, проходя знакомым путем:

«В прежние времена тут была Англия».

В порту присутствовал весь цвет Франции, за исключением герцога Беррийского, чье запаздывание, стоит отметить, вызвало дурные предчувствия.

Всем не терпелось выйти в море. Нобили оставались в Брюгге, «чтобы чувствовать себя спокойнее», но то и дело выезжали в Слюйс, к королю: хотели узнать, назначен ли день отплытия. Каждый раз им говорили: завтра, на следующей неделе, когда поднимется туман, когда явится герцог Беррийский. Огромная масса людей, скопившихся на берегу, становилась все тревожнее. Многим, в том числе оруженосцам и рыцарям победнее, не выплачивали жалование, а стоимость проживания возрастала, так как местное население задирало цены. Рыцари жаловались на то, что за четыре франка они не могут купить ячмень, который ранее обходился в один франк. Фламандцы были мрачны и агрессивны, поскольку «за битву при Рузбеке простой народ испытывал к ним враждебные чувства». Они говорили друг другу: «Какого черта французский король не идет войной на Англию? Разве мы недостаточно бедны?» — хотя и признавали, что «французы не делают нас беднее».

Многочисленные причины проволочки теперь свелись к одной — к ожиданию приезда герцога Беррийского. Его отсутствие стало знаком того, что воинственный дух отнюдь не является всеобщим: за кулисами боролись конфликтующие интересы, и партия мира, представленная герцогом Беррийским, противостояла партии войны.

Герцог Беррийский был слишком поглощен приобретательством и искусством, и ему было не до войны. Он жил ради собственности, и слава ему была не нужна. У него было два дома в Париже — Отель-де-Нель и еще один, возле Тампля; кроме того, он построил или приобрел семнадцать замков в своих герцогствах — Берри и Оверни. Он буквально набил их часами, монетами, эмалями, мозаикой, маркетри, иллюстрированными книгами, музыкальными инструментами, гобеленами, скульптурой, триптихами, написанными на ослепительно золотом фоне в окружении драгоценных камней. Он не скупился на золотые сосуды и ложки, на инкрустированные драгоценными камнями кресты, на раки и редкие антикварные вещи. Он приобрел зуб Карла Великого, лоскуток от мантии пророка Илии, чашу Христа с Тайной Вечери, капли молока Мадонны, принадлежавшие ей же волосы и зубы, землю из различных библейских мест, клыки нарвала, иглы дикобраза, коренной зуб великана и отделанные золотой бахромой облачения, в которые можно было бы одеть священников трех соборов. Агенты держали его в курсе всех удивительных находок, и, когда кто-то сообщил о «костях гиганта», выкопанных возле Лиона в 1378 году, он немедленно их приобрел. Он держал лебедей и медведей, еще у него был зверинец с человекообразными обезьянами и одногорбыми

верблюдами, в саду росли редкие фруктовые деревья. Землянику он ел хрустальными палочками, оправленными в серебро и золото, а читал при свечах, горевших в шести подсвечниках из резной слоновой кости.

Как и многие богатые аристократы, он был обладателем хорошей библиотеки, в которой наличествовали классические и современные книги. Герцог нанимал переводчиков с латыни, приобретал у парижских книгопродавцев рыцарские романы, облачал их в дорогие переплеты, некоторые издания щеголяли красным бархатом с золотыми застежками. У знаменитых иллюстраторов он купил, по меньшей мере, двадцать часословов, среди них два настоящих шедевра — «Большой часослов» (*Grandes Heures*) и «Великолепный часослов» (*Tres Riches Heures*). Герцог с наслаждением разглядывал любимые сцены и портреты, включая свой собственный. Очаровательные города с башнями и замками, пасторали, рыцари и дамы в саду, охота и банкетный зал, невероятно элегантные наряды — все эти картины украшали молитвенники. Сам герцог одевался в небесно-голубую одежду, цвет которой был обязан красителям настолько дорогим, что два горшочка с этой краской поместили в перечень «сокровищ» герцога Беррийского.

Герцог установил в своей церкви только что изобретенный педальный орган и купил за четыре ливра новый жакет своему талантливому корнетисту, чтобы музыкант достойно исполнил соло перед Карлом V. Для устранения последствий обжорства и склонности к апоплексии он растирал золото и жемчуг и смешивал их в слабительный порошок. Любимым времяпрепровождением герцога была игра в кости. В

одной игре в компании с рыцарями он поставил на кон за сорок франков свои коралловые четки. Герцог постоянно переезжал из одного замка в другой вместе с лебедями, медведями и гобеленами, а его художники возили неоконченные работы, чтобы завершить их в другом месте. Герцог принимал участие в местных процессиях и паломничествах, посещал монастыри, осенью праздновал окончание виноградного сезона, а в июне как-то раз послал герцогине молодой горох, вишню и 78 спелых груш. Он коллекционировал собак и все время искал новых, сколько бы их у него ни было. Когда он услышал о необычной разновидности борзой в Шотландии, то добился от Ричарда II безопасного проезда для своих курьеров, чтобы те добрались туда круглым путем и привезли ему пару собак.

Средства на потакание своим вкусам он вытягивал из населения Оверни и Лангедока, когда там наместничал, и налоги у него были самыми высокими во всей Франции, а потому вызывали ненависть, вылившуюся в восстание в Монпелье и отставку Беррийского с поста наместника. В 1383 году, после восстания тюшенов, когда он снова стал правителем вместо Анжуйского, герцогу представилась выгодная возможность. Вместо того чтобы казнить лидеров восстания, он продавал прощения и наложил на общины огромный штраф в восемьсот тысяч золотых франков, что четырежды превышало весь «кошт», собранный Лангедоком для выкупа Иоанна II. Эту сумму рассчитывали взимать с помощью беспрецедентного подымного налога, равнявшегося двадцати четырем франкам. Нераскаявшийся герцог Беррийский еще тридцать лет кидался деньгами, пока не разорил свои владения и не умер в 1416 году в возрасте 76 лет.

Когда его ждали на Шельде, ему было сорок шесть. Это был тщеславный любитель удовольствий, упрямая жертва лизоблюдов и прихлебателей, человек, некрепкий духом, со средними умственными способностями, избавленный от вульгарности лишь благодаря своей любви к красоте. Возможно, эта страсть была реакцией на собственную грубую внешность, которую он даже подчеркивал: его курносое лицо мелькает на посуде, печатях, камнях, гобеленах, алтарных покрывалах, витражах, часословах. По слухам, герцог хотел окружить себя исключительно курносыми придворными.

Герцог не появился на Шельде до 14 октября. К этому времени дни становились все короче и холоднее, а Ла-Манш — все беспокойнее. К тому же в середине сентября был уничтожен передвижной город. Он направлялся из Руана на Шельду, погруженный на 72 судна, и тут конвой был атакован английской эскадрой, вышедшей из Кале. В результате англичане захватили три французских корабля вместе с главным мастером, отвечавшим за постройку передвижного города. Два французских корабля оказались слишком большими и не могли войти в Кале, так что их отбуксировали в Англию, а секции передвижного города выставили в Лондоне, и лондонцы взирали на них со страхом и радостью. Для французов это была огромная потеря.

Монах из Сен-Дени, веривший в приметы, сообщает об огромных стаях ворон, якобы несших зажженные угли и сбросивших их на соломенные крыши сараев, а также о страшном шторме — в его хронике такие штормы регулярно возникают в смутные моменты истории: в данном случае шторм вырвал с корнем самые высокие деревья, а молния уничтожила церковь. В тот день, когда

наконец-то приехал герцог Беррийский, природа, «похоже, разгневанная задержкой», подняла на море волны, «подобные горам», и корабли бились, точно скорлупки; вслед за бурей полили дожди — казалось, Бог посылает новый Потоп. Многие припасы, готовившиеся к отгрузке, были уничтожены.

Три недели прошли в бездействии. В ноябре капитаны ста пятидесяти французских кораблей представили перечень причин, по которым выход в море теперь невозможен. «По правде сказать, море проклято; ночи слишком длинные; слишком темно (далее длинный перечень пунктов); слишком холодно; слишком много дождей; нам нужна полная луна; нужен ветер; английское побережье слишком опасно; у нас слишком много старых кораблей и слишком много маленьких кораблей, мы боимся, что маленькие корабли могут быть потоплены большими кораблями...» Монотонный печальный перечень оправдывал уже принятое решение.

Огромное предприятие с вложенными в него средствами в виде кораблей, оружия, людей, денег и провизии было отложено, по крайней мере, на зиму. Многолюдную армию распустили, скоропортящуюся еду продали фламандцам по сниженным ценам, остатки передвижного города король отдал герцогу Бургундскому, и тот использовал их для строительства в своих владениях. На другом берегу канала англичане праздновали победу.

То, что герцог Беррийский не хотел плыть в Англию и вообще не желал этой экспедиции, понимали уже в то время. Обе стороны все чаще задумывались о мирных переговорах, хотя партии войны в обеих странах этому сопротивлялись. Больше всего хотели покончить с

«бесполезной войной» люди меркантильные, то есть деловые, а также те, кто сознавал, что война заводит в тупик: они выступали за мир и утверждали, что это — шаг на пути окончания раскола и объединения двух христианских королей против турок. Разделял ли эти мысли герцог Беррийский или нет, неизвестно, но он явно беспокоился из-за денег, которые отнимала война, и общался с герцогом Ланкастерским, выступавшим за мир с Францией, поскольку война мешала его амбициозным планам в Кастилии. Под предлогом мирных переговоров герцог Беррийский и Ланкастер встретились в начале года, и оба остались довольны свиданием. Спустя год вдовый герцог Беррийский стал свататься к дочери Ланкастера, впрочем, дело ничем и не закончилось.

Филипп Смелый, даже рискуя оставить королевство на своего брата, мог бы уплыть без него, соответствуя воля Филиппа гордому девизу, начертанному на флаге, что развеялся на мачте его корабля. Однако Филипп боялся, что без него во Фландрии начнется восстание. Флаги, провозглашавшие «Я не жду», были спущены, и Филипп стал ждать. Королевский совет тоже испытывал сомнения в военном успехе. Задолго до ворон-поджигательниц сараев и шторма, выворачивавшего деревья, пришел доклад из Авиньона, в котором сообщалось о бурных спорах — надо ли королю начинать вторжение или нет.

Решающим фактором, скорее всего, оказались сомнения, одолевшие, что называется, у кромки воды. Сомнительной представлялась уже переправа через Канал, тем более что в конце года там дули сильные западные ветры. Перед лицом такой опасности потенциальные «оккупанты», совершавшие столь

грандиозные приготовления, как в 1386 году, невольно отступали; это случилось и с Наполеоном, и с Гитлером. В ходе войны XIV века англичане договаривались о плацдарме во Фландрии, Нормандии или Бретани или высаживались в собственных портах в Кале и Бордо. У французов таких преимуществ не было, а потому они совершали лишь карательные набеги без какой-либо попытки удержать территорию противника. В период между 1066 и 1944 годами успешного вторжения ни с той, ни с другой стороны так и не произошло.

Если причиной и был страх, в нем, впрочем, не признавались. Вторжение в Англию решили отложить до следующего года. На текущий год запланировали экспедицию меньшего масштаба, а возглавить ее должны были коннетабль и де Куси. В марте 1387 года Карл VI нанес официальный визит в замок де Куси. Согласно сохранившемуся документу, целью монаршего посещения было обеспечение армии, с которой сир де Куси предстояло пойти на Англию. Визит короля был также вызван интересом короны к владениям де Куси. На сей раз это посещение не восславил ни один придворный поэт, но небольшое преступление, произошедшее во время этого визита, о котором стало известно из одного письма, позволяет заглянуть в жизнь бедняков той поры.

Некий Бодэ Лефевр, «бедный многодетный человек», взял из замка два жестяных блюда, которыми пользовались при обслуживании королевского стола. Он спрятал их под свою блузу и пошел в городскую гостиницу, где его увидел начальник караула «нашего дорогого и любимого кузена, сира де Куси». Караульный спросил Лефевра: «Что ты здесь делаешь?» «Греюсь», — ответил Бодэ. Во время разговора сержант заметил блюда и арестовал Бодэ. Его привели в тюрьму замка,

где обнаружили, что он прихватил еще и серебряное блюдо с королевской печатью. «В тюрьме он бы умер, однако Лефевр смиренно попросил прощения, и, поскольку Боду всегда был порядочным человеком и ничего плохого до сих пор за ним не было замечено, мы нашей милостью Даруем ему прощение, не станем взыскивать с него штраф и арестовывать имущество».

Документ, описывающий инцидент с кражей трех блюд — слово «кража» не было упомянуто, — составлен был, очевидно, с целью выставить короля защитником бедных.

В мае, через два месяца после визита короля, де Куси посетил собрание королевского совета, на котором присутствовали адмирал де Вьен, Ги де Тремуай, представлявший Бургундию, королевский министр Жан ле Мерсье и другие важные персоны. На собрании обсуждали новое вторжение в Англию. Согласно свидетельству монаха из Сен-Дени, «позорный» уход короля и нобилей с Шельды произвел неприятное впечатление на всех французов, а потому возникла необходимость сгладить это ощущение и нанести по Англии мощный удар. План завоевания страны явно утратил свою грандиозность и превратился, скорее, в набег.

Экспедицию решили разделить на две: первой группе под командованием коннетабля предписывалось выйти из Бретани, а вторая, под командованием адмирала, де Куси и графа Валерана де Сен-Поля, выходила из нормандского города Арфлера. Их целью был Дувр. Армия должна была состоять из шести тысяч всадников, двух тысяч арбалетчиков и шести тысяч

человек других воинских профессий. Оружие должно было быть в полном боевом порядке, запас продуктов рассчитывался на три месяца, не забыли об овсе и сене для лошадей. Намерения и в самом деле были серьезными, поскольку в июне судно сира де Куси в Суассоне загрузилось продуктами, посудой, кухонным оборудованием, бельем, оружием и шатрами и было приготовлено для выхода в Руан. Де Куси, де Вьен и остальные находились в это время в Арфлере. Горячий сэр Гарри Перси, прозванный Хотспером (Горячей Шпорой), совершавший набеги из Кале на прибрежную зону, этим приготовлениям не воспрепятствовал, потому что ошибся и пошел в северном направлении. Французы назначили день отправления, загрузили провиант, всем воинам выдали жалование за пятнадцать дней, и все думали, что экспедиции теперь ничто не угрожает.

Англичане все-таки постарались помешать — они сделали послушным орудием в своих руках известного конспиратора Жана де Монфора, герцога Бретани. Чтобы определить, куда в данный момент склоняется де Монфор, пытавшийся угодить и Англии и Франции, требовалось искусство фокусника. Поскольку политика противоборствующих сторон все время менялась, проблемы де Монфора больше и больше усугублялись. Неудивительно, что, по слухам, де Монфор в любой момент мог расплакаться.

Одно чувство в нем было постоянным — ненависть к своему земляку-бретонцу и подданному Оливеру де Клиссону, коннетаблю Франции. Это чувство, оставшееся не без взаимности, не помешало Монфору заключить в 1381 году с Клиссоном договор «в подтверждение любви и взаимной симпатии к нашему дорогому и возлюбленному кузену и вассалу Оливье сеньору де

Клиссону, коннетаблю Франции... Мы обещаем быть добрым, честным и милостивым по отношению к упомянутому сеньору... и будем охранять его честь и статус». Оливье обещал выполнять свои обязанности в качестве верного вассала. Любовь и симпатия Монфора обернулись гневом, когда Клиссон устроил брак своей дочери с Жаном де Пентьевром — сыном покойного соперника Монфора Карла де Блуа, ныне наследником герцогства, поскольку у Монфора на тот момент сыновей не было.

С помощью обещаний и запугивания Англия давила на Монфора с тем, чтобы тот не допустил французского вторжения. С другой стороны, Монфор находился под влиянием герцогов Бургундского и Беррийского. Будучи кузеном герцогини Бургундской, Монфор был связан с ее мужем: как было принято в Средние века, через брак он автоматически стал родственником герцога. В мае 1387 года Монфор заключил частный договор с герцогом Беррийским. А обоих братьев объединяло враждебное отношение к коннетаблю.

Как и предвидел де Куси, должность коннетабля порождала вражду, так произошло и с дядями короля. Любой человек на этой должности становился угрозой, а потому Клиссон внушал к себе антипатию, в данном случае и из-за своего богатства. Как коннетабль, он получал по двадцать четыре тысячи франков в год и приобретал феоды, построил себе дворец в Париже, ссужал деньги всем — королю, герцогине Анжуйской, герцогу Беррийскому, Бюро де ла Ривьеру, а в 1384 году ссудил папе семь тысяч пятьсот флоринов. Если должники запаздывали с отдачей долга, а обычно так и

бывало, Клиссон ждал, но при этом увеличивал процент с полагавшихся ему денег.

В июне 1387 года Монфор подловил одноглазого коннетабля на соучастии в заговоре, столь же сенсационном, как и нападение на Бернабо, однако уступавшем последнему в совершенстве. Монфор созвал парламент в Ванне, на который обязаны были явиться все бретонские нобили. Во время заседаний он обращался к Клиссону с подчеркнутым дружелюбием, дал в его честь обед и пригласил его вместе с его свитой в свой новый замок Эрмен возле Ванна. Монфор повел своих гостей по зданию, пригласил в погреб отведать вина, а при входе в донжон сказал: «Монсеньор Оливье, мне не известен человек по эту сторону моря, который бы знал о крепостях больше вашего, поэтому попрошу вас подняться по ступеням и сообщить ваше мнение о башне; если вы найдете там какие-либо огрехи, я заставлю их исправить по вашему совету».

— С удовольствием, монсеньор, — ответил Клиссон. — Я пойду за вами.

— Нет, монсеньор, ступайте один, — сказал герцог, прибавив, что пока коннетабль будет проверять башню, он поговорит с сиром де Лавалем, шурином Клиссона. Хотя у Клиссона не было причин доверять хозяину замка, он положился на свой статус гостя. Клиссон поднялся по лестнице, и, когда вошел в зал на первом этаже, поджидавшая стража схватила его и арестовала. На Клиссона надели три тяжелые цепи, а слуги заперли двери и ворота; «засовы громко лязгнули».

При этом звуке у Лавалю кровь застыла в жилах, и он уставился на герцога. «Бога ради, монсеньор! —

воскликнул Лаваль. — Что вы делаете? Неужели вы причините вред моему шурина-коннетаблю?!»

«Садись на лошадь и убирайся отсюда, — ответил ему Монфор. — Я знаю, что делаю».

Но Лаваль отказался уехать без коннетабля. В этот момент к ним подбежал еще один человек из компании Клиссона, Жан де Бомануар. Монфор ненавидел и его, а потому выхватил кинжал и накинулся на непрошеного гостя, словно бешеный: «Бомануар, ты что, хочешь стать таким, как твой хозяин?» Бомануар ответил, что почтет за честь. «Хочешь, стало быть? — в бешенстве заорал Монфор. — Что ж, я выколю твой глаз!» Он приставил дрожащей рукой кинжал к лицу Бомануара, но не смог вонзить лезвие в глаз. «Прочь, убирайся! — хрипел он. — Что ж, я поступлю с тобой так же, как с ним», и приказал своим людям посадить Бомануара в тюремную камеру и заковать в цепи.

Весь вечер Лаваль не отходил от герцога, умоляя не предавать Клиссона смерти. Трижды Монфор отдавал приказ отрубить пленнику голову или посадить в мешок и утопить, и дважды охранники снимали с Клиссона цепи, готовясь исполнить приказ. Каждый раз коленопреклоненному Лавалю удавалось в последнюю минуту отговорить герцога, напомнив ему, как он и Клиссон выросли вместе, как Клиссон бился за него при Оре. Как же он может убить его после того, как пригласил к себе, в свой замок, на ужин: «Не один принц еще так себя не обесчестил... вас возненавидит весь мир». Если же он хочет получить за Клиссона выкуп, Лаваль соберет большие деньги в городах и замках, либо предложит себя в качестве заложника.

На такое предложение Монфор наконец отреагировал. Он не хотел залога, но потребовал сто тысяч франков и передачу своим представителям двух городов и трех замков, включая Жослен, дом Клиссона, — тогда коннетабль будет освобожден. У Клиссона не было другого выбора, кроме как согласиться на эти условия. Он оставался в тюрьме, пока Бомануар ездил собирать деньги. «И я должен сказать, что такие дела случались, но не открою всего, что было, — замечает Фруассар, — ибо я пишу хронику, а не историю».

Известие об исчезновении коннетабля быстро распространилось, все поверили, что его убили, и решили, что экспедиция в Англию провалилась. Де Куси, Вьен и Сен-Поль в Арфлере и думать не хотели идти в поход без Клиссона, даже узнав, что он жив. Ужасный поступок герцога всех поразил, все расценили захват коннетабля как оскорбление короля, и о походе на Англию, похоже, забыли. Экспедиция со всеми кораблями, провизией, солдатами была вновь отложена, и потому возникает вопрос: уж не довольны ли были все заинтересованные лица подобной заминкой? Если заговор устроили для предотвращения экспедиции, то организаторы добились успеха — но только не Монфор, которому не хватало железной воли Жан-Галеаццо.

Как и церковный раскол, рыцарский разбой и отсутствие подлинной духовности у монахов, действия Монфора вели к разрушению устоев. Они имели ужасные последствия. Рыцари и оруженосцы с беспокойством говорили друг другу: «После того как герцог обманул этих нобилей, ни один человек уже не поверит принцу. Что скажет французский король? Такого позорного случая не было ни в Бретани, ни где-либо еще. Если бы

такой поступок совершил бедный рыцарь, он был бы навеки опозорен. Кому же еще верить, как не господину?»»

После освобождения, в сопровождении всего двух пажей, Клиссон галопом примчался в Париж. Он был в ярости, Клиссон так хотел добиться справедливости, что, согласно свидетельствам, покрыл за один день расстояние в сто пятьдесят миль и явился в столицу через сорок восемь часов. Король чувствовал, что задета его честь, и был готов к репрессиям, но дядья, которые до сих пор правили за него, не желали этого допускать. Они равнодушно отнеслись к злоключениям Клиссона, сказали, что ему не следовало принимать приглашения Монфора, тем более накануне похода на Англию, и отказались от каких-либо санкций против герцога. По этому вопросу в правительстве произошел раскол: с одной стороны были дяди короля, а с другой — коннетабль, поддерживаемый де Куси, Вьеном, Ривьером, Мерсье и младшим братом короля Людовиком. Де Куси настоял на том, чтобы король призвал к себе Монфора и заставил герцога отдать незаконно присвоенное. Дядья, недовольные влиянием Клиссона на короля и его близкими отношениями с де Куси и Ривьером, не хотели поднимать престиж коннетабля. А посреди этого противоборства случился еще один кризис.

Дерзкий молодой аристократ, герцог Гельдерн, совершил неслыханный поступок — оскорбил Карла VI: он объявил себя союзником Ричарда II, а стало быть, и врагом, готовым бросить вызов «тебе, который называет себя королем Франции». Его письмо было адресовано всего лишь Карлу де Валуа. Угрожающий жест, сделанный мелким германским князьком, правителем узкой территории, втиснутой между Мезом и Рейном,

ошеломил французский двор. Хотя такому поступку можно было найти объяснение. Герцогу Гельдерну недавно заплатили за то, что он объявил себя вассалом короля Англии, и потому его вызов французскому королю, несомненно, был инспирирован англичанами.

Карл после первого шока обрадовался выпавшей возможности. Он осыпал посланника подарками и стал мечтать о личной славе, которая достанется ему в противоборстве с противником, и о том, что он «увидит новые далекие страны». Перед лицом двух опасностей — Бретань на западе и Гельдерн на востоке — совет долго спорил, что делать. Некоторые полагали, что жест Гельдерна не что иное, как «фанфаронство», и не хотели принимать его в расчет, однако де Куси снова заговорил о достоинстве не столько короны, сколько аристократии. Он утверждал, что если король не отреагирует на такие оскорбления, то другие страны посчитают французских аристократов людьми недостойными, поскольку они являются советниками короля и поклялись не уронить его чести. Возможно, он чувствовал, что Франция должна что-то сделать после того, как дважды отказывалась от нападения на Англию. Его заявление произвело впечатление на слушателей, и они согласились с тем, что он «понимает германцев лучше, чем кто-либо еще, поскольку он вел беседы с австрийскими герцогами».

На этот раз де Куси нашел союзника в лице Филиппа Смелого, поскольку тот был лично заинтересован в кампании против Гельдерна. Филиппу хотелось расширить территорию своих владений за счет Брабантского герцогства, находившегося между Фландрией и Гельдерном. Поощряя воинственность короля, он призывал Францию к войне с Гельдерном, однако совет настаивал, что сначала надо разобраться с

Бретанью: дескать, если король и нобили отправятся воевать с Гельдерном, Монфор откроет дорогу англичанам.

Ривьер и адмирал де Вьен отправились на переговоры с Монфором, но получили резкий отказ. Герцог лишь повторял, что единственное, о чем он жалеет в инциденте с коннетаблем, — что он позволил тому уйти живым. Он не собирался извиняться за то, что захватил гостя: «человек может взять в плен своего врага, где бы тот ни находился». В бесплодных переговорах между враждующими партиями прошло несколько месяцев, и на протяжении всех этих отсрочек де Куси оказывал давление на совет. Решение вопроса повисло в воздухе, а под конец года ушел из жизни некогда главный возмутитель спокойствия — король Наварры Карл Злой.

После еще одной попытки отравления — на сей раз за нею стояли герцоги Бургундский и Беррийский — Карл умер ужасной смертью. Больной и преждевременно состарившийся, пятидесятишестилетний король мучился от озноба и все время дрожал. По совету врача, больного завернули на ночь в простыни, намоченные бренди, с тем, чтобы согреть его и дать пропотеть. Чтобы простыни не сбились, их зашили на манер савана, а когда ночью слуга наклонился над больным с зажженной свечой, чтобы обрезать нитку, ткань вспыхнула. Карл прожил еще две недели, но врачи не могли облегчить его агонию.

В новом году совет решил послать к Монфору де Куси, как бывшего родственника, чтобы договориться. Все знали, что нет более располагающего к себе человека, чем Ангерран, к тому же еще и обладающего

большим влиянием. С де Куси должны были отправиться Ривьер и Вьен — «все трое очень умные нобили». Узнав об их приезде, Монфор понял, что если послали де Куси, значит, разговор предстоит очень серьезный. Он любезно принял гостей, предложил взять Ангеррана на соколиную охоту, проводил до комнаты, «разговаривая о многих посторонних делах, как это принято у аристократов, долго друг друга не видевших». Когда речь зашла о деле, однако даже знаменитые достоинства де Куси — убедительность и красноречие — поначалу не тронули Монфора. Он стоял у окна, смотрел на улицу и долго молчал, затем повернулся к гостю и сказал: «Откуда взяться любви, если не существует ничего, кроме ненависти?» А затем повторил, что жалеет лишь о том, что оставил Клиссона в живых.

Понадобились два визита и самые красноречивые аргументы и тактичные намеки на слабость позиции Монфора — поскольку и собственные подданные плохо его поддерживали, — прежде чем де Куси добился цели. Сначала надо было уговорить Монфора вернуть замки Клиссона и деньги, но труднее всего оказалось вытащить герцога в Париж. Монфор ни в коем случае не хотел встречаться с Клиссоном и придумывал тысячу отговорок, но когда на него надавил герцог Бургундский, он сдался. Монфор боялся, что его убьют, но де Куси убедил герцога приехать в Блуа, где с ним встретились бы дяди короля. Король обещал безопасный проезд и давал собственный эскорт из тысячи двухсот человек. В июне 1388 года Монфор с флотилией из шести кораблей приплыл по Луаре напрямик к воротам Лувра. Возвращение собственности Клиссона и формальное прощение короля были закреплены обычной формулой примирения, в которой герцоги коннетабль поклялись

быть добропорядочными и верными сюзерену, а потом, злобно глядя друг на друга, выпили из одного кубка в знак «любви и мира».

Де Куси получил из рук короля французскую библию как самый значительный знак внимания, по мнению Фруассара. «Я знавал четверых сеньоров, бывших самыми занимательными собеседниками, это — герцог Брабантский, граф де Фуа, граф Савойский и особенно — де Куси, ибо он был самым любезным и убедительным сеньором во всем христианском мире... он лучше всех знал нравы и обычаи народов. Такова была у него слава среди сеньоров и дам во Франции, Англии, Германии, Ломбардии и во всех других местах, где его знали, ибо он путешествовал много и много на свете повидал, к тому же был невероятно вежлив».

Благодаря этим талантам де Куси и усмирил самого беспокойного вассала со времен Карла Наваррского.

ГЛАВА 21

ГДЕ ТОНКО, ТАМ И РВЕТСЯ

Двойная неудача французов, вознамерившихся завоевать Англию, а с английской стороны — последовательные фиаско Бэкингема и Норриджа, совершивших набеги на Францию, обнаружили пустоту рыцарских притязаний. Об этом же свидетельствует разгром австрийцев швейцарским ополчением при Земпахе: результат этого сражения 1385 года оказался обратным исходу битвы при Рузбеке.

По примеру французов во Фландрии, австрийцы спешили: они рассчитывали повторить тактику

избиения еретиков. Однако швейцарские ополченцы превосходили противника в гибкости и быстром передвижении, что совсем не походило на плотный строй фламандских ополченцев, ставший причиной их поражения. Когда швейцарцы развернулись и пошли на австрийцев, кавалерийский резерв последних дрогнул и бежал с поля боя так же, как отряд герцога Орлеанского в битве при Пуатье. Из девятисот человек передового подразделения австрийцев на земле остались лежать почти семьсот тел, включая и герцога Леопольда.

На исходе XIV века рыцарям не хватало новизны мышления. Придерживаясь традиционных методов сражения, они мало думали о тактике. Все аристократы были воинами, но в профессиональном отношении они не только не приобрели, но и потеряли.

Рыцарская конница не догадывалась о собственном упадке, а если и догадывалась, то еще больше придерживалась формы и увлекалась яркими ритуалами, убеждая себя в том, что вымысел — это и есть реальность. Сторонние наблюдатели, однако, смотрели на все критически, поскольку вымысел становился все более невероятным. С начала войны с Англией прошло пятьдесят лет, и эти годы не могли не уменьшить престиж рыцарского сословия, которое не умело ни выиграть, ни заключить мир, а только приносило несчастья народу.

Дешан открыто издевался над авантюрой в Шотландии в длинной балладе с рефреном «Вы теперь не на Большом мосту в Париже».

Вы разодеты, точно женихи,

Во Франции вы так сладко поете о
подвигах,

Которые совершите, и уверяете, что
отвоюете то, что потеряли.

Что это? Вспомните, чем издавна
славилась ваша страна.

Если хотите доказать, докажите делом, в
бою, а не нарядами...

Вы ведь теперь не на Большом мосту в
Париже.

Мезьер тоже не скрывал презрения и в 1388 году излил его в поэме «Видение старого паломника»; от упреков не удержался и Оноре Боне. При Рузбеке рыцари одержали победу над толпой сукновалов и ткачей и стали считать себя выше своих предков — короля Артура, Карла Великого и Годфри Бульонского. Из всех правил войны, написанных ассирийцами, иудеями, римлянами, греками и христианами, французская рыцарская конница не усвоила и десятой доли, однако считает, что нет в мире конницы, равной им.

Модная одежда аристократов, привычка к роскоши, блестящие покои, двери в которые были закрыты до полудня, мягкие постели и ароматные ванны, комфорт во время кампаний свидетельствовали о том, что рыцари «изнежились». Древние римляне, как несколько лет спустя саркастически заметил Жан Жерсон, канцлер парижского университета, не тащили за собой три или четыре тяжело нагруженные лошади, двойные палатки и повозки, набитые одеждой, драгоценностями, коврами и

обувью. Римляне не возили с собой ни утюгов, ни медных плит для выпечки пирожков.

Большее презрение вызывали даже не мягкие постели и пижонство, а падение нравов. Трубадуры уже не воспевали в романтических поэмах идеального рыцаря и идеальную любовь; на смену им пришли моралисты, изощрявшиеся в сатире, аллегориях и дидактических трактатах, и все их сочинения показывали, в кого превратился нынешний рыцарь — в хищника и агрессора, а не в поборника справедливости. Во второй половине столетия уже не сочиняли героических песней (*chansons de gestes*), а причиной исчезновения фаблио было не столько падение идеала, сколько снижение литературного духа. Пороки, глупые поступки и беспорядки того времени требовали морализаторства, но, несмотря ни на что, Фруассар, как и прежде, славил рыцарство.

В Италии жалобы затрагивали другую сторону вопроса. «Несколько лет назад, — сокрушался в конце века Франко Саккетти, — в рыцарство стали возводить мастеров, ремесленников, булочников и пуще того — чесальщиков шерсти, ростовщиков и жуликов-барышников. Зачем чиновнику становиться рыцарем? Чтобы управлять каким-нибудь провинциальным городом? Рыцари обязаны при жизни совершать различные подвиги, о которых долго было бы рассказывать. А между тем поступают они как раз наоборот. Я хотел, однако, коснуться этих подвигов, чтобы читатели поняли из этих примеров, что рыцарство умерло».

Слова Саккетти звучали мрачно, но его настроение разделяли многие. Во главе французского и английского

дворов стояли малолетки, которыми и противоборствующие группировки крутили, как хотели; новый император Венцеслав оказался пьяницей и грубияном, церковь раскололась, теперь у нее были два папы, причем каждый далек от святости, а все усилия правящего класса навести блеск заканчивались неудачей: то здесь, то там проступала предательская тусклость. Де Куси был прав в том, что престиж рыцарства снижается, хотя предложенное им лекарство лишь усугубило положение.

Кампания против Гельдерна в сентябре-октябре 1388 года доказала, что в военном деле давным-давно царит полный беспорядок. Экспедиция была задумана в масштабах абсолютно непропорциональных по отношению к ее мелкой цели или возможной выгоде. Благодаря своим связям в Баре и Лотарингии — герцогствах, находившихся на пути следования армии, а также благодаря знанию территории, де Куси рекрутировал в свое войско местных аристократов и спланировал кампанию. Предпочтительный маршрут лежал через Брабант, но магистраты городов и нобили этого герцогства предупредили, что не допустят к себе французскую армию, потому что она причинит их землям больше ущерба, нежели это сделает любой враг.

Было принято решение пройти через мрачный Арденский лес, куда, как с преувеличенным ужасом заметил Фруассар, «не ступала еще нога человека». Для этого понадобилось направить в Арденны разведчиков — найти дорогу. За ними должны были последовать 2500 человек: требовалось прорубить просеку — работа, сопоставимая со строительством передвижного города. Расходы предполагалось возместить тройным налогом на соль и налогом с продаж, что трудно было представить

как защиту королевства. Вероятно, по этой причине Ангерран собирал армию от своего имени, а не от имени короля. Де Куси назвал свою экспедицию еще одним походом против Габсбургов.

Авангард в тысячу копий начал поход под предводительством де Куси, за ним двинулся король и основная часть войска вместе с двенадцатью тысячами повозок, не считая вьючных животных. Затем де Куси неожиданно отделился и пошел в Авиньон. Цель такого похода нигде не поясняется, но, возможно, французы все еще не отказались от желания завоевать для Климента Рим. Через месяц де Куси вернулся, «к великой радости армии». Судя по тому, что расстояние, которое он прошел, составляло пятьсот миль туда и столько же обратно, переход был весьма энергичным.

Кампания против Гельдерна не принесла славы, увязнув в переговорах. Палатки под сильными ливнями насквозь промокли, повышенная влажность сгубила припасы, еды не хватало, несмотря на богатство территории. После вынужденных извинений герцога Гельдерна армия отправилась домой. Дорога раскисла, лошади спотыкались о скользкие бревна и камни, при переходе вброд люди тонули в реках, вышедших из берегов, уплывали и груженные повозки. Рыцари, оруженосцы и знатные сеньоры возвращались домой без славы, без добычи, многие заболели, выбились из сил и справедливо обвиняли герцога Бургундского и его амбиции в отношении Брабанта. На де Куси, похоже, зла не держали, поскольку во время восстания в Париже он никому не навредил. С самого начала правительство дядюшек ввергло страну в бессмысленные траты, устроив

серию грандиозных кампаний, закончившихся пшиком. После Гельдерна кредит доверия иссяк окончательно.

Из знамений и инцидентов, вкрапленных в летописи хронистов, к примеру монаха из монастыря Сен-Дени, можно вывести, что люди понимали: правительство справляется плохо. Когда в последнюю кампанию шел набор в армию, один отшельник, по свидетельству монаха, проделал длинный путь из Прованса в Париж. Он хотел сообщить королю и его дядям, будто ангел просил предупредить их — они должны обращаться с подданными мягче и снять с них бремя налогов. Придворные вроде бы посмеялись над бедным отшельником и остались глухи к его совету; пусть молодой король обошелся со «святым человеком» по-доброму и хотел его выслушать, дядья прогнали отшельника и объявили о введении тройного налога.

После кампании против Гельдерна сатира Дешана стала еще более ядовитой. Поэт лично принимал участие в походе и заболел, как и другие, желудочным расстройством. Военные не дружат с корреспондентами, страдающими от дизентерии. В многочисленных балладах Дешан нелестно сравнивал рыцарей с воинами прошлого. Те во время обучения и в долгих походах обрели твердость, выучились боевому искусству, единоборству со щитом и мечом, швырянию камней, умению покорять крепости. Ныне молодые люди увиливают от тренировок и называют тех, кто хочет научить их, трусами. Молодежь проводит свою юность на пирушках, швыряет деньги на ветер, делает долги; они «чистят себя до блеска, точно слоновую кость... каждый, словно паладин». Они спят на белоснежных простынях, просыпаются поздно, а проснувшись, тотчас требуют вина; они едят куропаток и жирных каплунов, заботятся

о прическах — укладывают волосок к волоску; понятия не имеют о том, как следует вести дела в поместье; ни о чем не волнуются, знают лишь, как тратить деньги. Они высокомерны, в Бога не верят, ослаблены от обжорства и распутства, не годятся для службы в армии, и «тяжелее их нет никого в мире».

Дешан обличал их мягкость и лень и осуждал за безрассудство и несправедливость. В «Лэ о храбрости» (*Lay de Vaillance*) он писал, что рыцари нарушают порядок, не стоят на ночной страже, не ходят в разведку, не соглашаются ехать в авангарде, не защищают фуражиров и позволяют захватывать повозки с провизией. «Когда хлеб задерживают на день или с утра идет дождь, они кричат: „Армия умрет с голода!“, а когда провизия портится оттого, что лежит на земле, они желают повернуть назад». Рыцари начинают походы зимой, совершают опрометчивые нападения, не спрашивают совета у старших, пока им не грозит опасность, громко жалуются при малейших трудностях и быстро сдаются. «Столь безрассудные армии можно только презирать».

Дешан ворчал, но при этом не выступал за фундаментальные перемены и вливание свежей крови в ряды рыцарей. Он симпатизировал буржуа, осуждал несправедливость по отношению к крестьянину, писал баллады, восхваляющие сельских Робина и Марго за их любовь к Франции, но обвинял крестьян, пытающихся стать оруженосцами и бросающих работу на земле. «Таких негодяев следует проучить, пусть знают свое место».

Филипп Мезьер в «Видении старого паломника» осуждал продажность общества. Это аллегорическое

произведение, как и поэма «Видение о Петре Пахаре», рассказывает о бедах своего времени; автор мечтал об «изменении всего мира, всего христианства и особенно Французского королевства». Пилигрим Страстное Желание и его сестра Добрая Надежда путешествуют по миру с целью проверить, готово ли человечество к возвращению Королевы Правды и ее свиты — Мира, Милосердия и Справедливости, давно исчезнувших со света. Мезьер не на шутку обеспокоен, он глубоко переживает несправедливость мира и высказывает мрачные прогнозы.

Словно в ответ на это, сразу после кампании против Гельдерна 1388 года двадцатилетний Карл VI отправил в отставку дядюшек и объявил о своей полной самостоятельности. Об этом намерении на собрании совета сообщил кардинал Лана. Спустя несколько дней кардинал заболел и умер, пав жертвой ненависти королевских дядюшек, все были уверены, что это они его отравили.

Позже Клиссон хвастался английскому послу, что именно он сделал Карла VI королем, подлинным хозяином страны, и вырвал правительство из рук его дядьев. Однако не только Клиссон с его личной враждой, но и де Куси, и другие члены совета очень хотели скинуть с себя и с короны бремя непопулярности королевских дядьев. А самым заинтересованным человеком был младший брат короля, умный, энергичный Людовик, герцог Турский, вскоре сделавшийся известным под именем герцога Орлеанского.

В 1389 году Людовик Орлеанский заменил в королевском совете герцога Бургундского и до конца своей короткой насыщенной жизни играл главную роль в

делах Франции, в чем ему особенно содействовал де Куси. Красивый искатель удовольствий и «преданный слуга Венеры», любивший компанию «танцовщиков, льстецов и прожигателей жизни», он был тем не менее очень религиозен и часто удалялся на два-три дня в целестинский монастырь, основанный его отцом в 1363 году (монастырь размещался на нынешней парижской набережной Селестен). Филипп Мезьер, наставник принцев, также с почтением относился к ордену покаяния, проповедовавшему правила воздержания, умерщвление плоти и сосредоточенность на вечности. Людовик находился под сильным влиянием Мезьера и называл его своим душеприказчиком. От Мезьера он узнал больше, чем его брат; говорили, что герцог был единственным членом королевской семьи, способным понимать дипломатическую латынь. Несмотря на то, что его можно было назвать ученым, Людовик азартно играл в шахматы, в теннис, не гнушался игрой в кости и карты. Компанию ему мог составить дворецкий, виночерпий, гравер, а во время игры в теннис он проигрывал своим приятелям-аристократам до двух тысяч золотых франков.

Людовик был жаден до власти не менее дядюшек, и он вытеснил их ради удовлетворения собственных амбиций. Вражда, в которую он вовлекся, закончилась девятнадцать лет спустя: Людовика убил кузен Жан, сын и преемник герцога Бургундского; это событие разделило Францию и Бургундию и открыло дорогу англичанам. Несмотря на потворство своим желанием, Людовик смотрел на мир мрачно. Стихи того времени описывают его так:

Грустный, даже печальный, хотя и
красивый,

Он кажется слишком меланхоличным для
того,

Чье сердце так же непроницаемо, как
сталь.

Хотя все подозревали, что в выдворении герцогов участвовал де Куси, тем не менее сразу после этого события Ангерран развлекал Филиппа Смелого и его сына, графа Неверского. Из документов герцога следует, что герцог и его сын 8 декабря обедали и спали в замке монсеньора де Куси, и во время этого визита Филипп подарил мадам де Куси кольцо с бриллиантом, а ее грудной дочери — брошь с сапфирами и жемчугом. Всем было выгодно угождать де Куси.

Реорганизованный совет предпринял серьезную попытку покончить с автократией герцогов и восстановить административную систему Карла V. Ривьер, Мерсье и другие чиновники снова пришли к власти, бюрократия избавилась от герцогских лизоблюдов, пяти поборникам реформ позволили выявить главные недостатки общественной жизни, реформаторы убрали продажных чиновников и заменили их «приличными людьми». В целях примирения с парижской бюрократией восстановили службу парижского прево и открыли, пусть и не все, прежние городские учреждения. Были приняты или хотя бы сформулированы меры по улучшению канализационной системы, объявили войну профессиональным нищим: в парижском районе, известном как «Двор чудес», мнимые больные и калеки отбрасывали костыли, снимали с глаз повязки и кутили на собранное подаяние.

Главными проблемами, с которыми столкнулось правительство, были финансовые и судебные реформы. Ривьер и Мерсье снова наложили на университет налог и, вдобавок к упомянутым герцогам, заработали себе тем самым еще одного заклятого врага.

В Англии между тем король тоже боролся с дядьями и другими противниками. События там развивались по более драматичному сценарию. Центральной их фигурой был муж Филиппы де Куси — Роберт де Вер, девятый граф Оксфорд, ближайший советник и друг короля Ричарда. Попав ко двору мальчиком и женившись на Филиппе, Оксфорд оказывал сильное влияние на Ричарда, оставшегося без отца и бывшего на пять лет моложе. Он «крутил королем, как хотел», и «если он говорил, что черное — это белое, Ричард ему не возражал... Все делалось по его указке, а без него не делалось ничего».

Двадцатилетний король был худ, светловолос, бледнолиц, легко краснел и заикался. Он не любил войну, носил великолепные одежды, был высокомерен, капризен и резок с домочадцами. Гордость Плантагенета и влияние Оксфорда сформировали непредсказуемого и своевольного монарха. Ради удовлетворения собственных прихотей он налагал на население непомерные налоги. Вместе с ним закончилась эра Плантагенетов. Ричард изобрел носовой платок, об этом осталась запись в домашних архивах: «маленькие кусочки материи, которые его величество король носил в руке, дабы подтирать и очищать свой нос».

Ричард наградил Оксфорда орденом Подвязки, а когда тому исполнился 21 год, сделал его членом

Тайного совета и осыпал благодеяниями — дарил земли, замки, доходы и пожаловал наследственную должность шерифа, принадлежавшую семье жены Бэкингема. Это было неразумное решение, но если бы автократы действовали разумно, история не получила бы столько моральных уроков. Жестокий Бэкингом, ныне герцог Глостер, не нуждался в дальнейших доказательствах, чтобы возненавидеть и презирать племянника за его нежелание продолжать войну. Призвав на свою сторону врагов Оксфорда, Глостер стал главной фигурой оппозиционной партии, намеренной отнять власть у королевского фаворита.

Борьба эта достигла предела, когда по случаю восстания в Ирландии Ричард пожаловал Оксфорду титул маркиза Дублинского и сделал его герцогом Ирландии; это вознесло фаворита над всеми графами. Ричард предоставил ему право покончить с восстанием, однако в Ирландию Оксфорд не поехал, к разочарованию аристократов, которым хотелось убрать фаворита подальше. Оксфорд влюбился во фрейлину королевы, супруги Ричарда. Страсть его была так сильна, что он вознамерился развестись с Филиппой, лишь бы жениться на девушке из Богемии, и это взбесило дядюшек Филиппы — герцогов Ланкастера, Глостера и Йорка. Несмотря на оскорбление королевской семьи, Ричард был так загипнотизирован Оксфордом, что готов был даже помочь ему отречься от собственной кузины. Оксфорд направил в Рим прошение о разводе, основанное на «ложных показаниях», и Ричард обратился с мольбой к папе Урбану, испрашивая положительного решения. Папа тотчас согласился, поскольку Филиппа была на стороне Климента.

Обращение Оксфорда со своей женой, по словам Фруассара, было главным прегрешением, «лишившим его чести». Даже мать Оксфорда присоединилась к общему осуждению и доказала это, взяв к себе Филиппу. Недовольство общества, скорее всего, объяснялось тем, что в жилах Филиппы текла королевская кровь, а также личной непопулярностью Оксфорда, а не моральной стороной его поступка. Хотя брак считался священным, развод прошел быстро, надо было лишь нажать на нужные пружины. В «Видении о Петре Пахаре» говорится, что все судьи готовы за деньги заключить и расторгнуть брак, и священники жаловались, что человек может избавиться от жены, подарив судье шубу. Теоретически развода не существовало; тем не менее брачные тяжбы заполнили средневековые суды. Развод стал фактом жизни, постоянным элементом в дисгармонии средневековой теории и практики.

В ноябре 1387 года группа лордов, известных своей добродетелью, подала в комиссию лордов-наблюдателей официальный иск против Оксфорда и четверых других советников королевской партии. Когда они назначили правительственную комиссию, возглавляемую Глостером с правами регента, Ричард и Оксфорд собрали армию, дабы утвердить самостоятельность короля с помощью оружия. Так называемое сражение произошло при Рэдкот-Бридже. Увидев превосходящие силы противника, Оксфорд сбежал — бросил часть оружия и, вскочив на лошадь, прыгнул в реку, перебрался на другой берег и галопом умчался в темноту. Он сел на корабль, идущий во Фландрию, где предусмотрительно припас крупную сумму в банке Брюгге.

Месяц спустя, в феврале 1388 года так называемый Безжалостный парламент обвинил Оксфорда и канцлера

королевства Майкла де ла Поула, графа Саффолка, которому тоже удалось скрыться, в государственной измене. Им вменили в вину заговор, имевший целью подчинение себе короля, устранение достойных советников, убийство герцога Глостерского, разорение короны и присвоение ее богатств, попрание парламента, возвращение Кале французскому королю в обмен на помощь в борьбе против отечественных оппонентов. Парламент приговорил Оксфорда и Саффолка заочно к казни через повешение как предателей. Троице другим бежать не удалось — главному судье, мэру Лондона и бывшему наставнику Ричарда, сэру Саймону Берли: их казнили. Ричард чувствовал себя униженным, кроме того, его навсегда лишили друга. Опасно унижить короля и оставить его на троне. Ричард должен был отомстить.

Несмотря на яростное сопротивление де Куси, в 1388 году Франция пригласила к себе Оксфорда, сославшись на то, что было бы полезно получить от него сведения о раздорах в Англии. Хотя де Куси «ненавидел его всей душой», он вынужден был согласиться. Оксфорд приехал, при дворе ему был оказан радушный прием, но де Куси не успокоился, пока не настоял, при поддержке Клиссона, Ривьера и Мерсье, чтобы король выдворил из Франции оскорбителя его дочери. Для Оксфорда в Брабанте подыскали резиденцию, и там в 1392 году, в возрасте тридцати лет, он был убит на охоте разъяренным кабаном. Король Ричард привез его тело в Англию, печально смотрел на забальзамированное лицо и надел кольцо на мертвый палец великого смутьяна. Между тем развод аннулировали, и Филиппа осталась законной графиней Оксфордской.

В это время французский король пожаловал де Куси субсидию, что было вызвано последствиями «Черной смерти» и нескончаемой войны. В ноябре 1388 года де Куси назначили великим кравчим Франции, что соответствовало должности главного сенешаля короны. К тому же ему была дарована привилегия проводить две ежегодные ярмарки длительностью по три дня каждая без взимания налогов. Дело в том, что владения де Куси трижды пострадали из-за недостатка рабочей силы, вызванной большой смертностью. В предыдущие войны жители упомянутых владений де Куси так обеднели и численность их настолько сильно сократилась, как и количество домов, имений, доходов, движимого имущества, что возникла опасность того, что «земли эти опустеют и будут необитаемыми, пропадут виноградники, зарастут поля, и все придет в полный упадок».

Цель субсидии, выданной после того, как в предыдущем году король осмотрел поместье, была ясна: король не менее де Куси был заинтересован в оздоровлении пришедших в упадок владений. Поместье барона, как было заявлено, являлось «ключом и границей» королевства, его границы доходили до Фландрии, а замок — «одно из самых замечательных и красивых зданий государства. Если город и замок опустеют, могут произойти большие неприятности, что нанесет непоправимый ущерб». Тот факт, что субсидия была пожалована тотчас после передачи власти группе, в которой доминировали «мармозеты», Клиссон и сам де Куси, вряд ли случаен.

С этого времени де Куси негласно исполнял обязанности первого председателя счетной палаты — пост, связанный с обязанностями управляющего винным погребом, первоначально заведовавшего королевскими

доходами. Хотя, судя по всему, жалование за этот пост де Куси не платили, он по-прежнему получал от короны ежегодный пенсioen. Его домен, значительно расширившийся за счет многих приобретений, состоял уже из ста пятидесяти городов и деревень.

Пикардия, его родной регион, столь часто оказывавшийся на пути захватчиков, был «разорен и наказан и сегодня уже не цветет», писал Мезьер, сам уроженец Пикардии. Последние крестьяне бежали из впавших в нищету мест в другие районы страны, так что «в настоящее время», согласно жалобному сообщению от 1388 года, «не найти никого, кто обрабатывал бы землю». Знаками столетия стали во Франции горюющее население, пришедшая в упадок торговля, заброшенные деревни, разрушенные аббатства; всех охватил пессимизм. В некоторых нормандских деревнях осталось по два-три дома, в епархии Байе с 1370 года опустело несколько городов, то же случилось и с несколькими приходами в Бретани. Торговля в Шалон-сюр-Марн сократилась: ранее там продавали по тридцать тысяч рулонов ткани в год, а теперь лишь восемьсот. В Париже и его окрестностях, согласно документам 1388 года, «многие известные древние дороги, мосты, переулки и улицы» были заброшены: их размывали реки, они заросли деревьями, кустарником, ежевикой, некоторые сделались непроходимыми и совершенно покинутыми. Те же примеры на юге страны можно было умножать бесконечно.

Схизма нанесла как физический, так и моральный урон. Когда дважды сожженное наемниками бенедиктинское аббатство было отрезано от Фландрии, оно потратило много денег на юристов и сумело доказать, что папа обязан уменьшить налог с двухсот

ливров до сорока на период в 25 лет. Другие аббатства, ограбленные наемниками или обезлюдившие из-за чумы, утратили дисциплину, там начались беспорядки, некоторые аббатства прекратили существование, и их земли были заброшены. Уменьшившиеся доходы и возросшие цены разорили многих землевладельцев, и они вынуждены были изобретать новые виды налогов. В результате люди стали уезжать, нобили пытались предотвратить отъезды, конфискуя имущество, и это лишь усилило враждебное отношение крестьян.

Собранные вместе, факты разложения производят сильное впечатление. В реальности жизнь человека представляет собой чередование черных и белых полос. В конце века испанский рыцарь дон Педро Ниньо, посетив Францию, оставил картину очаровательной буколической реальности, какой ее часто изображают на гобеленах и в часословах. Замок Серифонтен, который он посетил, располагался на берегу реки в Нормандии, он был украшен богато, «словно стоял в самом Париже». Перед замком «росло немало деревьев и кустарников. С другой стороны замка был весьма богатый рыбой пруд со створами, что закрывались на замок, и в любой день в этом пруду можно было получить столько рыбы, чтоб насытить триста персон». «Старый и недужный», но гостеприимный хозяин, Реено де Три, преемник де Вьена, адмирала Франции, содержал сорок или пятьдесят собак, двадцать лошадей всех видов для своего личного пользования, у него были леса, полные живности, крупной и мелкой, соколы для охоты над рекой, а «женой старого рыцаря была прекраснейшая из дам, когда-либо живших во Франции». Похоже, у нее были необычайные привилегии.

Эта дама «жила в доме рядом с домом господина адмирала, и между домами находился подъемный мост. Держали в домах до десяти родовитых девиц, изрядно упитанных и одетых, не имевших никаких забот, кроме как о собственном теле и об угождении своей госпоже. Представьте, сколько же там было горничных»... «Поднималась она утром одновременно со своими девицами, и шли они в ближайший лесок, каждая с часословом и четками. Усаживались в ряд и молились, раскрывая рот лишь для молитвы, затем собирали фиалки и другие цветы. Вернувшись в замок, в часовне слушали короткую мессу, после чего ели жаворонков и других жареных птиц» с серебряного блюда, наполненного едой, подавали и вино. Затем они «садились верхом на иноходцев в самой добротной и красивейшей сбруе, а с ними рыцари и дворяне, пребывавшие там, и все отправлялись на прогулку в поля. И слышалось там пение лэ, виреле, рондо, помпиент, баллад и песен всех родов, что известны труверам Франции, на разные и весьма созвучные голоса».

В пиршественном зале замка в обеденный час «каждую девицу усаживали рядом с рыцарем или оруженосцем». «Во время обеда тот, кто умел говорить, мог, храня учтивость и скромность, толковать о сражениях и о любви, уверенный в том, что найдет уши, которые его услышат». Менестрели играли во время обеда, после трапезы рыцари и дамы танцевали, и длился этот танец около часа и заканчивался поцелуем. После сиесты подавали пряности и вино, а потом вся компания поднималась и шла на соколиную охоту возле реки. «И тут начиналась прекрасная охота, и было великое веселье; плавали собаки, били барабаны; взлетали в

воздух вабила, а девицы и кавалеры столь радостно резвились на берегу реки, что и не описать». По окончании охоты «спешивались и доставали из корзины цыплят, куропаток, холодное мясо и фрукты, и каждый ел и пил», после чего все возвращались в замок, распевая песни.

Вечером ужинали, играли в мяч или танцевали при свете факелов до глубокой ночи, или иногда госпожа, возможно устав от развлечений, шла пешком в поля. «Тогда же приносили фрукты и вино, и, откланявшись, каждый уходил спать». Во времена падения Рима также, должно быть, наслаждались богатой жизнью и не знали тревог.

В Париже было по-другому. Дешан описывает бурную вечеринку без указания даты, которая началась с ужина в резиденции герцога Беррийского — Отель-де-Нель, после чего перешли в таверну и стали играть в кости. В числе гостей были де Куси и три герцога — Беррийский, Бургундский и Бурбон, а также «несколько добрых ломбардцев», рыцари и оруженосцы, чьи развлечения в простонародном окружении вдохновили поэта на пространное, хотя и вялое стихотворение, осуждающее азартные игры.

Дешан также ратовал за возвращение головных уборов, чтобы пощадить чувства лысых, среди которых он называет самого себя и двенадцать важных сеньоров, в том числе и сира де Куси. То, что лысина стала единственной специфической особенностью его внешности, попавшей в историю, пусть даже он и очутился в хорошей компании, де Куси не понравилось. Среди «скинхедов» оказались граф де Сен-Поль, сир де Анже, Гийом де Борд, тот, что нес орифламму при

Бурбуре, и другие знаменитые рыцари и знатные слуги покойного короля. Менее счастливыми были *cheveux rebourses* — эти господа носили с собой гребешки и зеркала и зачесывали плечи несколькими жидкими прядями. Удивительно, что непокрытые головы в любой момент могли стать модой, если это провозглашали тогдашние денди. Стоит придумать еще какую-нибудь модную новинку, жаловался священник Джон Бромьярд, и люди начинают на нее смотреть во все глаза.

Дешана интересовали люди такие, какие они есть, а не такие, какими они должны быть. Его произведения населяют содомиты, колдуны, монахи, брюзги, юристы, сборщики налогов, проститутки, прелаты, негодяи, сутенеры и разнообразные отвратительные колдуньи. С годами его взгляд на мир стал мрачнее, возможно, это было вызвано многочисленными недугами, в том числе и зубной болью — «самым жестоким из страданий». Для поправки здоровья он советовал пить легкое красное вино, разбавленное проточной водой, и предлагал воздерживаться от крепких напитков, от капусты, мяса, фруктов, каштанов, масла и сливок, а также от соусов, приготовленных с луком и чесноком. Зимой он советовал одеваться тепло, а летом легко, больше двигаться и не спать на животе.

Хотя в случае социальной несправедливости Дешан каждый раз приходил в негодование, на человека в целом он смотрел скептически, поскольку тот, наделенный разумом, совершает глупости. Более всего он проклинал нечестивость, из которой вытекает неповиновение Богу, и гордыню — мать всех пороков, а также содомию, колдовство и сребролюбие. При новом правлении, несмотря на то, что Людовик Орлеанский пожаловал Дешану пост метрдотеля, то есть

домоправителя, он чувствовал себя не на месте, поскольку был окружен легкомысленными, разряженными в пух и прах молодыми людьми сомнительной храбрости, двусмысленных поступков и неопределенных убеждений. Дешан порицал жизнь при дворе, как и деятельность правительства: по его мнению, она состояла из лицемерия, лести, лжи, предательства; там царили клевета и алчность, зато отсутствовал здравый смысл, правда боялась явиться на свет, и чтобы выжить, человеку следовало стать слепоглухонемым.

Через пятьдесят лет цель войны стала неясной, и люди почти забыли о ее причине. Хотя герцог Глостерский и английские «боровы» были все так же воинственны, денег для следующей экспедиции они найти не могли. А вот французы после неудавшегося вторжения в Англию утратили агрессивное рвение. Нарастали антивоенные настроения, впрочем, Мезьер считал, что полезно проявить враждебность против неверных. «Все христианство пятьдесят лет страдает от вашего желания расширить территорию. Кто здесь прав, кто виноват, уже не разобрать, но все христиане должны нести ответственность за пролитие рек христианской крови». Такой человек, как Мезьер, смотрел на крестовый поход не как на войну, а как на использование оружия во славу Бога.

После шести месяцев переговоров в июне 1389 года заключили трехлетнее перемирие, однако определенности не было, так как каждый раз в случае споров обсуждали суверенитет или передачу той или иной территории. Воспользовавшись перемирием, де Куси направил гонца к Филиппе в Англию: он очень

хотел увериться в том, что у дочери все в порядке. Де Куси назначили правителем Гиени, он должен был контролировать соблюдение перемирия на юге, охранять и защищать герцогство — от Дордони и до моря, включая Овернь и Лимузен.

Новость о перемирии была воспринята простым народом, по меньшей мере, со скептицизмом, возродилось приписываемое де Куси пророчество о короле и сошнике. Жители Буа в Лимузене принялись обсуждать новость о перемирии, которую принес им односельчанин-буржуа по возвращении из Парижа. На кого-то она впечатления не произвела — говорили, что скоро снова придется идти войной на Англию. Бедный слабоумный пастух по имени Марсиаль ле Вери, которого, как говорили, мучили в тюрьме англичане, высказал потрясающую версию, за что его позднее арестовали: «Не верьте этому. Мира вы никогда не увидите. Что до меня, то я в него не верю, потому что король разрушил и ограбил Фландрию, и Париж тоже. Больше того, сеньор де Куси принес ему сошник и сказал, что когда он станет уничтожать страну, ему нужно этим воспользоваться». Эти слова сделались широко известными.

Де Куси стал символом другого рода. До подписания перемирия ему бросил вызов Томас Моубрей, граф Ноттингем и будущий герцог Норфолк, один из лордов, которого Ричард назначил пожизненно графом-маршалом. Де Куси преподавал этому двадцатитрехлетнему человеку пример рыцарства. Встретиться с Ангерраном в бою означало научиться мастерству, доблести и добиться славы. Когда милосердие и добродетель — атрибуты рыцарского поведения — ставились под сомнение, честь и доблесть

тоже надо было отыскать. В одобрении нуждаются люди любого возраста, и когда этого не происходит, в истории наступают плохие времена.

Как «человек, известный своей честью, отвагой и рыцарским поведением», де Куси попросил Ноттингема назвать день и место поединка, чтобы сразиться на копьях, на мечах, на кинжалах и на топорах. От него требовали предоставить «правдивый и достоверный ответ», заверенный печатью короля, а если местом поединка станет Кале, Ноттингему в свою очередь надлежит представить такой же ответ от короля Англии. Де Куси предложил провести поединок в присутствии стольких персон, «сколько мы с вами пригласим», и у всех них должны быть соответствующие документы. В архивах не сохранилось записей о том, состоялся ли поединок. Де Куси не был в нем заинтересован, поскольку в тот момент шли переговоры о перемирии.

Ноттингем не снискал славы и на следующий год принял знаменитый вызов от Сент-Энгельберта, когда лихой Бусико и два его товарища, разозленные хвастовством англичан после подписания перемирия, пригласили к ристалищу всех, кто пожелает с ними сразиться в любом поединке в течение тридцати дней. Совет благоразумно выступил против ссоры, разгоревшейся чуть ли не сразу после подписания перемирия, и предложил сумасбродным рыцарям отказаться от поединков. На Бусико благоразумные советы не действовали. В шестнадцать лет он впервые обнажил меч в битве при Рузбеке, где огромный фламандец, посмеявшись над его юностью и маленьким ростом, посоветовал ему пойти домой, на ручки к маме. Бусико выхватил кинжал и всадил его обидчику в бок со словами: «Скажи, дети из твоей страны играют в такие

игры?». Во время поединков он и его товарищи проявили чудеса храбрости, впоследствии Бусико стал маршалом Франции и принял участие в последней аванюре де Куси.

Желание Ноттингема вступить в драку десятью годами позднее привело его уже как герцога Норфолка к исторической дуэли с Болингброком, ускорившей падение Ричарда II. Сосланный вместе со своим оппонентом, Ноттингем скончался в том же году.

Передвигаясь с места на место, нанося визиты, расследуя, задавая вопросы, Жан Фруассар приехал в Париж в тот месяц, когда перемирие было подписано, с тем, чтобы навестить «милого сира де Куси... одного из моих сеньоров и патронов». Через двадцать лет после кончины его первого патрона, английской королевы Филиппы, Фруассар пользовался поддержкой императора Венцеслава и проживал под патронажем Ги де Шатильона, графа де Блуа. Обязанностей, кроме написания хроник, у него не было. Когда Ги де Блуа обанкротился, де Куси предложил Фруассару должность каноника в Лилле; впрочем, это предложение так и не воплотилось в реальность.

Тем не менее

Добрый сеньор де Куси

Часто совал мне в руки

Флорины с красной печатью.^[20]

²⁰ В оригинале «*M'a souvient le poing fouci / De beaux florins a rouge escaille*»; значение не вполне ясно, но, возможно, имеется в виду, что монеты были хорошего качества, не изношенные, не подрезанные, их часто складывали в

Хотя получатель патронажа, в свою очередь, не скупился на комплименты, де Куси и в самом деле кажется необычайно любезным человеком. Слово «жантильный» обычно употребляли по отношению к любому значительному и уважаемому аристократу, имея при этом в виду, что он или она благородного происхождения. Де Куси, в дополнение к этому, называли человеком «тонким», «разумным», и *imaginative* или *fort-imaginatif* то есть умным, вдумчивым и предусмотрительным, а также *sage* или *tres-sage*, что означает «мудрый, разумный, рациональный, осмотрительный, здравомыслящий, хладнокровный, трезвый, уравновешенный, благонравный, устойчивый, добродетельный», или все вместе. Его также описывали как *cointe*, что означает «элегантный» в манерах, в умении одеваться, человек грациозный, вежливый, галантный, то есть все то, что свойственно рыцарю.

Первая книга «Хроник» Фруассара, в которой рыцарство немедленно опознало похвалу себе от восторженного поклонника, появилась в 1370 году и тотчас обрела широкую популярность. Старейшее рукописное издание первой книги находится сейчас в Королевской библиотеке Бельгии, на нем имеется герб де Куси.

Копирование рукописей больше не было монополией одиноких монахов, а стало занятием профессиональных писцов, создававших собственные гильдии. Получив лицензию Парижского университета, вероятно, дабы гарантировать точность воспроизводимых текстов, писцы сделали источником страданий для

живых авторов, которые горько жаловались на отсрочки и ошибки копиистов. Муки писателя, как писал Петрарка, были непереносимы. Писатель никогда не знает, что он найдет в книге, которую отдал переписать «невежественным, ленивым и бесцеремонным людишкам».

Буржуазии в XIV веке прибавилось, выросло производство бумаги, и, благодаря этому, расширилась читательская публика; аристократы, как известно, были знакомы с литературой понаслышке или по чтением, которые устраивались в их замках. Торговцы, знакомые с чтением и письмом в силу своей профессии, готовы были читать книги любого вида — поэзию, историю, романы, путешествия, вульгарные книжки, аллегии и религиозные произведения. Обладание книгами стало признаком культурного человека. Поскольку богачи и нувориши копировали манеры, идеалы и платье аристократии, широкую известность получили хроники о рыцарстве.

Неизвестно, что за книги были у Ангеррана VII в дополнение к «Хроникам» Фруассара и тем, что перечислены в королевских архивах в виде подарков от короля. Кроме французской Библии — от Книги Бытие до Псалмов, — которую подарили ему за службу герцогу Бретани, в 1390 году Ангерран получил книгу «Король Пеппино и его жена, Большеногая Берта», а также принадлежавшие королеве «Деяния Карла Великого», «хорошо написанные, в три колонки в очень большом фолианте». «Король забрал книгу у супруги и передал монсеньору де Куси».

Фруассар приехал в Париж с юга: там он посетил другого своего патрона — графа де Фуа, а в Авиньоне его

принял папа. Побывал Фруассар и на бракосочетании герцога Беррийского с двенадцатилетней невестой, это событие вызвало непристойные комментарии общества. Де Куси хотел услышать обо всем из первых уст, а потому попросил Фруассара сопровождать его в поездке в Мортань. По дороге они обменивались новостями, де Куси рассказывал хронисту о мирных переговорах, а Фруассар — о блестящем приеме у графа де Фуа. Оказалось, что граф де Фуа, бывший опекуном невесты герцога Беррийского, воспользовался страстью герцога и растянул брачные переговоры, пока герцог в своем нетерпении не согласился заплатить тридцать тысяч франков и тем самым покрыл затраты на девочку за то время, что она находилась под опекой Фуа.

Фруассар засыпал графа вопросами и из его ответов составил представление о том, как смотрит на мир современный аристократ. Гастон Феб де Фуа считал, что историю его времени будут изучать внимательнее, чем другие века, потому что «за эти пятьдесят лет в мире было больше битв и чудес, чем в предыдущие триста». Брожение века волновало графа, он не испытывал дурных предчувствий. В буре событий человеку недосуг думать о будущем.

Не было дурных предчувствий и о рыцарстве, тем более что в это время пышно праздновалось посвящение в рыцари двенадцатилетнего Людовика II Анжуйского и его младшего десятилетнего брата. Церемония длилась четыре дня, празднество состоялось в королевском аббатстве Сен-Дени. Франция XIV века повторяла декаданс Рима, и в самом деле посвящение в рыцари маленьких мальчиков не так далеко ушло от поступка императора, сделавшего сенатором собственного коня. Невероятная помпезность этого события и выбор

аббатства Сен-Дени в качестве места празднества были рассчитаны на прилив восторга в связи с желанием герцогов Анжуйских вернуть себе Неаполитанское королевство. На территории аббатства произвели радикальные изменения, чтобы проводить там турниры, балы и банкеты. О религиозных службах забыли, застучали молотки плотников, закипела стройка. Началась церемония, после ритуальных омовений и молитв к алтарю подошли два мальчика, одетые в длинные, до пят, меховые мантии, подбитые красным шелком. Сопровождали детей оруженосцы с обнаженными мечами и свисавшими с рукоятей золотыми шпорами. Карл VI возродил античные ритуалы, настолько позабытые во время правления его отца, что зрителям все казалось странным и непонятным, и они спрашивали, что все это значит.

Той же ностальгии был посвящен следующий день турниров: возрождая галантные времена старинных ристалищ, благородные дамы провожали на арену рыцарей в сверкающем облачении. Вынув из лифа яркую шелковую ленту, дама грациозно повязывала ее на своего рыцаря. Празднества длились день и ночь — турниры, танцы, маскарады, пиршества, пьянство и, по словам возмущенного монаха из Сен-Дени, «распушенность и прелюбодеяния». Вряд ли кого-нибудь вдохновило рыцарство, представленное двумя полузабытыми обычаями.

Правительство швырялось деньгами весь 1389 год, и траты достигли столь же невероятных размеров, что и при дядьях, хотя цель такого расточительства была не военной, а гражданской. Кульминацией стал торжественный въезд в Париж Изабо Баварской по случаю коронации ее как королевы. Это было событие

невероятного размаха, никогда еще публику так не развлекали. Хотя цена развлечений противоречила добрым намерениям нового правительства, само представление можно было уподобить древнеримским образцам. И в самом деле, что такое правительство как не соглашение, благодаря которому многие принимают власть нескольких? Цирки и церемонии созданы для того, чтобы народ принимал власть; такие мероприятия либо имеют успех, либо приводят к противоположному результату, если обходятся народу слишком дорогой ценой.

Частицу успеха королевы перехватила Валентина Висконти, новая жена Людовика Орлеанского. Она успела на церемонию. Поскольку брак с Людовиком в 1387 году был заключен по доверенности, то отец ее, Джан-Галеаццо, потребовал два переходных года: за это время он умножил огромное приданое дочери (полмиллиона золотых франков), присовокупив Асти и другие территории Пьемонта. Валентина была его единственным оставшимся ребенком, и Галеаццо был так к ней привязан, что ускакал из Павии, чтобы не видеть ее отъезда, потому что боялся при всех разрыдаться. Валентина, дочь его покойной жены Изабеллы Французской — и, стало быть, двоюродная сестра Людовика Орлеанского — выросла в доме, который ее отец сделал гаванью для знаменитостей — ученых и художников, которых весьма уважал. Валентина знала латынь, прекрасно говорила по-французски, по-немецки и привезла с собой во Францию книги и арфу. При переходе через Альпы ее сопровождали тысяча триста рыцарей, в ее приданом было платье, расшитое двумя с половиной тысячами жемчужин и сверкающими бриллиантами, будущий ее дом с Людовиком был устлан

арагонскими коврами, на гардины пошел алый бархат, расшитый розами и луками. Согласно сохранившимся записям, в доме были шелковые простыни стоимостью четыреста франков — подарок на Новый год, однако вся эта роскошь не могла скрыть печали от предстоящего замужества.

В великий день прибытия королевы по улице Сен-Дени прошла процессия, она двинулась к замку Шатле и к Большому мосту, переброшенному через Сену. Это был женский день, герцогиню и знатных дам в сопровождении благородных аристократов несли на богато украшенных носилках. Де Куси сопровождал свою дочь Марию и ее свекровь герцогиню де Бар, а жену Ангеррана несли на других носилках. Платья и драгоценности дам были шедевром вышивальщиц и ювелиров, потому что король хотел затмить все предыдущие церемонии. Он приказал изучить архивы Сен-Дени и выяснить подробности коронаций прежних королей. Герцог Бургундский, первый придворный модник, не нуждался в помощи: он надел бархатный дублет, на котором были вышиты сорок овечек и сорок лебедей, причем у каждого из них на шее висел жемчужный колокольчик.

Вдоль рю Сен-Дени стояли тысяча двести буржуа — с одной стороны улицы они все были одеты в зеленые платья, а с противоположной — в темно-красные. Народу было так много, что, казалось, поглазеть на коронацию пришел весь свет. Дома и окна по всей улице Сен-Дени были завешаны шелковыми полотнищами и гобеленами в таком изобилии, что можно было подумать, будто «эти ткани не стоят и гроша».

У ворот Сен-Дени процессия остановилась под небесно-голубым шатром, изображавшим небесный свод, усеянный золотыми звездами. Среди плывущих облаков сидели дети в обличье ангелов, они тихо напевали нежные мелодии. Фонтан выпускал струи красного и белого вина, его обслуживали юные девушки с золотыми чашами, и они тоже пели. Перед церковью Святой Троицы воздвигли помост, на котором должна была быть разыграна битва христиан с султаном Саладином — драма третьего крестового похода. Процессия проследовала дальше, ко вторым воротам, тут были установлены декорации, изображавшие еще один небесный свод, на котором величественно восседала фигура Бога. Затем распахнулись «райские врата», и оттуда выпорхнули два ангелочка с золотой короной с вкрапленными в нее драгоценными камнями. Корону они возложили на голову королевы, сопровождая это действие пением под доносившиеся из шатра звуки органа. У ворот Шатле на возвышении был построен чудесный замок, вокруг него насажен целый лес пышных зеленых деревьев — здесь разыграли пьесу «Ложе правосудия».

Тема представления была основана на вере в то, что король осуществляет правосудие в пользу маленьких людей. В искусственном лесу, среди птиц и зверей, двенадцать девушек с обнаженными мечами защищали белого оленя от льва и орла, олицетворявших насилие.

Так много чудес надо было еще увидеть и восхититься, что только к вечеру процессия перешла через мост, перекинутый к собору Парижской Богоматери и главному зрелищу. Здесь по натянутой веревке от башни собора до самого высокого дома возле моста Сен-Мишель шел человек, переодетый ангелом, неся в каждой руке зажженный факел. Он шел, распевая песню,

и все, кто видел его, думали, что это — чудо. Человека этого наблюдал весь Париж и люди на расстоянии двух миль от города. Возвращавшуюся из собора процессию ночью освещали пятьсот факелов.

Коронация и остальные празднества сверкали золотой парчой, в глазах рябило от горностаев, бархата, шелков, корон, драгоценностей. В том же зале, в котором Карл V принимал императора, устроили банкет, после пиршества показали представление — «Падение Трои», с замками и передвигавшимися на колесах кораблями.

За главным столом, кроме короля и королевы, сидели прелаты и восемь дам, включая мадам де Куси и герцогиню де Бар. На короле была золотая корона, алый костюм, отороченный мехом горностаея; принимая во внимание, что дело было в августе, поневоле приходил на ум Дешан, советовавший летом одеваться легко. В зале было так многолюдно и так жарко, что королева, находившаяся на седьмом месяце беременности, эти пять августовских дней находилась в полубморочном состоянии, а мадам де Куси и в самом деле потеряла сознание; один же из столов, за которым сидели дамы, опрокинулся под напором толпы. Окна отворили, чтобы впустить в помещение воздух, но королева и многие дамы удалились в свои покои.

Жара подействовала и на турниры; рыцари жаловались на пыль, поднятую копытами лошадей, но сир де Куси, как и всегда, блистал. Король приказал вылить на пыль двести бочек воды, «однако и на следующий день пыли было слишком много».

Сорок знатных парижских буржуа подарили королю и королеве драгоценные камни и золотые сосуды в надежде на снижение налогов. Дары подносили два

человека, одетые античными мудрецами, подарки лежали на носилках, покрытых тонким шелком, под которым блестели драгоценные камни и мерцало золото.

Устроенная с выдумкой церемония, увы, произвела не такое впечатление, которого заслуживала. Спустя два месяца король поехал на юг — продемонстрировать народу свою недавно обретенную самостоятельность. Налоги в Париже подняли, как только он уехал: надо было возместить расходы на коронацию и новое путешествие, которое оказалось столь роскошным, что налоги не только не понизились, но и возросли. Вдобавок была совершена денежная манипуляция: запретили серебряные монеты в четыре и двенадцать пенсов, бывшие в ходу у простого народа, в результате чего бедняки Парижа две недели не могли покупать на рынках продукты. Кто мог сказать, что весило больше — две недели голода и гнева или удивительное зрелище акробата на проволоке и фонтаны с вином?

ГЛАВА 22

ОСАДА КОРОЛЕВСТВА БЕРБЕРОВ

В 1390 году де Куси исполнилось пятьдесят. Теперь он был самым влиятельным лицом после брата короля и его дяди по материнской линии, на него полагались как на политика и как на военного. Де Куси занимал официальную должность главнокомандующего Оверни и Гиени и был членом королевского совета, но события, произошедшие на пятидесятом году его жизни, сделали де Куси человеком, намного переросшим эти обязанности.

В сентябре 1389 года Карл VI вместе со своим братом Людовиком и дядей Бурбоном отправился на переговоры к папе в Авиньон, и де Куси возглавил королевский эскорт. В цели поездки входили поиск способа вернуть Клименту единоличную власть над папством и укрепление королевских позиций в Лангедоке, пошатнувшихся по вине герцога Беррийского. Делегаты с юга Франции, преклонив колени, со слезами рассказывали королю об «ужасной тирании» и «невыносимых поборах» чиновников герцога. Если король не поможет, говорили они, за сорока тысячами жителей Лангедока, сбежавшими в Арагон, последует гораздо больше народа.

Поскольку с Англией было заключено перемирие, Ривьер и Мерсье посоветовали Карлу совершить эту поездку, узнать, как обращаются с его подданными, и постараться заслужить их расположение, дабы изыскать средства для пополнения казны. В свои двадцать два года, то есть в том возрасте, когда его отец уже слыл зрелым правителем, Карл VI был беспечным юнцом, тратившим деньги, которых не был достоин. Чиновники казначейства старались перекрыть поток королевских трат, но их восклицания («Он слишком много потратил» или «Он должен расплатиться») были напрасны.

Герцоги Бургундский и Беррийский были весьма раздосадованы тем, что король не взял их с собой в поездку и приказал оставаться дома. Понимая, что этот приказ исходил от Ривьера и Мерсье и что король вознамерился «учинить инквизицию» правителям Лангедока, они посоветовались и решили, что пока следует «пропустить сей афронт», но придет час, «когда те, кто дал совет королю, пожалеют об этом». Пока мы вместе, решили герцоги, другие «не смогут причинить

нам вреда, поскольку мы — самые важные люди Франции» — так без тени смущения реконструировал их диалог Фруассар.

Король и его свита выехали из Лиона и продолжили путешествие в Авиньон на корабле по Роне — это было удобнее, чем верхом. В таких поездках королевская свита рассаживалась на нескольких судах; на королевском корабле имелась каюта с двумя каминами, в других отсеках помещались кухня, кабинеты, кладовая для хранения посуды и драгоценностей, которые при необходимости закладывали, чтобы получить наличность. На Роне Карл, должно быть, делал много остановок, знакомился с городами, и потому это путешествие растянулось на девять дней. Организованные встречи, похоже, мало чем отличались от сегодняшних приемов высоких гостей. На деревянных платформах собиралось до тысячи детей, одетых в платья королевских цветов, они размахивали флажками и выкрикивали приветствия в честь монарха.

Тридцатого октября, в алом костюме, отороченном горностаем, Карл вошел в папский дворец, где его встретили Климент и шестнадцать кардиналов. Гостей ожидал роскошный пир. Карл подарил папе мантию из синего бархата, на которой жемчугом были вышиты ангелы, лилии и звезды. Не важно, что кошелек короля был пуст, — Карл «хотел, чтобы и в других странах поражались его величию».

Папство Климента опиралось исключительно на французскую поддержку, оно растаяло бы, как дым, и разрушительной схизме пришел бы конец, если бы французы того захотели. Но такого желания у них не возникало. Люди редко признают свои ошибки, а

государства этого не делают никогда. Государства действуют, исходя из амбиций правителей и их представлений о власти, при этом последние всегда зашоренные. Климент не мог воздействовать на Италию ни политически, ни силой оружия. Урбан, каким бы сумасшедшим он ни был, а после него и его преемник, пользовались настоящей поддержкой итальянцев. Французы же игнорировали очевидное и стремились к своей цели со слепым упорством, граничившим с безрассудством.

На встречах с Климентом Карл VI и его советники предложили пойти на Рим, обещая свою поддержку в управлении Италией. Они намеревались все-таки возвести на трон Людовика Орлеанского, воскресить существовавшее на бумаге королевство Адрия на севере и посадить на юге, в по-прежнему недоступном Неаполитанском королевстве и Сицилии, Людовика II Анжуйского. С этой целью Людовика II, привезенного в Авиньон его неугомонной матерью, провозгласили королем Неаполя и Сицилии (включая Иерусалим). Всякий раз на эти церемонии приглашали де Куси, поскольку ценили его «изящество и вежество». Он вместе с графом Женевским, братом папы Климента, верхом сопровождал юного короля.

Не успели закончиться церемонии, как пришла новость из Рима: оказывается, ужасный папа Урбан уже три недели как скончался, и на его место в спешке был избран неаполитанский кардинал Пьетро Томачелли, принявший имя Бонифация IX. Рим, как и Авиньон, не был готов к компромиссам. Французам и Клименту не удалось воспользоваться смертью Урбана, и теперь они решили устранить Бонифация. Карл VI пообещал, что по

возвращении во Францию «не успокоится, пока не добьется единства церкви».

Впрочем, пока эти вопросы обсуждались, король предавался развлечениям. Он, его брат Людовик и юный Амадей Савойский, сын покойного «зеленого графа», «будучи молодыми и легкомысленными», каждую ночь пели и танцевали с дамами Авиньона, каковые тепло принимали короля за подарки, которыми тот их осыпал. Распорядителем празднеств был брат папы. Наиболее запомнившимся развлечением стало литературное соревнование на тему придворной любви: что приносит наибольшее удовлетворение — верность или непостоянство? Четверо пылких молодых рыцарей, в том числе Бусико и кузен короля граф д'О, вернувшиеся из недавнего путешествия в Святую землю, коротали время за сочинением книги стихов под общим названием «Сто баллад» («Cent Ballades»). Временно заключенная в дамасскую тюрьму четверка обсуждала этот вопрос в стихах, а вернувшись через Венецию, присоединилась к авиньонскому собранию благородных друзей.

Людовик Орлеанский представил свою балладу, так же поступили Ги де Тремуай, друг Ангеррана Жан де Буси и еще один бастард де Куси по имени Обер. Ранее он был оруженосцем Ангеррана и двоюродным братом. Сын его дяди со стороны отца, он вступил в права по воле Карла VI после кончины де Куси. О нем известно лишь то, что Дешан назвал его одним из своих «гонителей» в группе, чересчур увлекавшейся вином. Хотя друзья Ангеррана присоединились к состязанию, сам де Куси участия в нем не принимал, — мелкая, но важная черта, характеризующая его как личность.

До наступления эпохи книгопечатания литературой, как и музыкой, наслаждались в салонах. Аудитория «Ста баллад» выслушала похвалу верности, которую защищал пожилой рыцарь де Вермей, все знали, что он высоко ставит любовь и уважает женщин. Доводы этого рыцаря были традиционными: верная любовь превосходит «наслаждения тела», поскольку она возвышает любовника, воспитывает любезное отношение ко всем женщинам, отдает чувства одной из них и вселяет отвагу в сердце воина, радуя тем самым возлюбленную. Любовь делает его более храбрым в осаде, в нападении, в засадах, в наступлении и в обороне, в паломничестве в Иерусалим или в крестовом походе против турок. Неверность, в свою очередь, грозит опасными связями. Всех несогласных рыцарь пригласил на диспут.

Хотя большинство благородных поэтов высказались в пользу Ютена де Вермея и отстаивали верность, были и сомневающиеся. Герцог Беррийский, только что женившийся на двенадцатилетней невесте, поздравил себя с тем, что «избежал любви», о верности он советовал лишь говорить, а измены практиковать. Тот же тон взял бастард де Куси: во всех своих стихах он пел о страстной и вечной любви, а заканчивал каждый куплет рефреном:

Aussi dist on, mais il n'en sera riens.

(Так говорят, но этого не бывает.)

Его баллада самая циничная. Что до других, то некоторые из них вполне искренние, другие сатирические, есть и, скажем так, двусмысленные, несколько баллад серьезны, но ни в одной из них не выражено по-настоящему глубокого чувства. Придворная

любовь была игрой, а не идеалом, к которому стремились и за который, как последователи святого Энгельберта, готовы были положить свою жизнь.

По дороге в Лангедок Карл VI и его свита торжественно въезжали в Ним, Монпелье, Нарбонну и Тулузу, их приветствовали на богато украшенных улицах, «так что любо было посмотреть». Навстречу выходили процессии всех сословий, в соответствующих одеждах, выставляли столы, за которыми люди могли есть и пить. В одном городе королю подарили отару овец, дюжину жирных волов и двенадцать охотничьих собак с серебряными колокольчиками на шеях. Министры между тем, расспросив население, оглашали намерение провести реформы и снимали самые тяжелые налоги.

В Безье король наказал главного чиновника герцога Беррийского — ненавистного казначея Бетизака. Секретные расспросы королевских министров вскрыли многие лихоимства, от которых страдало население. На допросах арестованный Бетизак уверял, что все деньги в сумме трех миллионов франков он передал в казну герцога Беррийского. Документы подтвердили его слова. Поведение Бетизака не тянуло на смертный приговор, один из следователей сказал: «Что поделать, если деньги, столь хитроумно потраченные... предназначались герцогу Беррийскому, самому сребролюбивому человеку на свете?» Другие следователи возражали, мол, Бетизак обездолил народ, и «кровь этих несчастных вопиет против него». Его следует наказать, ведь если уж он не смог удержать герцога, то должен был заявить на господина королю и совету.

Когда люди узнали об аресте Бетизака, на совет обрушился поток жалоб, и чиновники увидели, до какой степени народ ненавидит Бетизака; в то же время от герцога Беррийского поступили высокомерные письма, в которых тот уведомлял, что все, что делал Бетизак, осуществлялось по его, герцога Беррийского, приказам. Король возжелал приговорить герцога к смерти, но совет не мог найти законных оснований для вынесения такого вердикта, поскольку именно король назначил герцога наместником.

Проблему решили хитростью. Бетизаку с глазу на глаз сообщили, что его приговорят к смерти, и единственное, на что он может надеяться, это объявить себя еретиком. Если он это сделает, его передадут церкви и пошлют на суд в Авиньон, где никто не посмеет осудить его, поскольку папа зависит от герцога Беррийского — самого властного и преданного его сторонника. Поверив этим словам, «ибо люди, страшась за свою жизнь, не способны ясно мыслить», Бетизак поступил так, как ему посоветовали. Он повинился перед епископом Безье в прегрешениях против веры, а тот, согласно установившейся церковной практике с сознавшимися еретиками, тотчас передал его гражданскому суду. На Бетизака надели железный ошейник, заковали в цепи и притащили на городскую площадь, где уже был сложен костер. К всеобщему ликованию, Бетизака сожгли. Герцога сместили с должности наместника Лангедока и заменили командой королевских реформаторов. Народ восславил юного короля и собрал ему триста тысяч франков.

Послы из Генуи встретились с королем в Тулузе и предложили выступить против берберского королевства Тунис. Они хотели, чтобы французская конница возглавила кампанию по подавлению берберских пиратов, которые, при негласной поддержке султана, угрожали генуэзской торговле, совершали налеты на Сицилию, на острова Средиземноморья и продавали на своих рынках захваченных в плен христиан. Полагая, что после заключения перемирия с Англией Франция успокоилась и заскучала, генуэзцы решили, что французские рыцари будут только рады поучаствовать в сражении. Предполагаемой целью была Махдия, главная пиратская база и лучший порт на тунисском побережье. Когда эта твердыня окажется в руках христиан, сказали послы Карлу, власть берберских владык пошатнется, и их можно будет уничтожить или обратить в христианство. Генуя пообещала предоставить флот, провизию, лучников и пехотинцев в обмен на французскую боевую силу — рыцарей и оруженосцев. Для подтверждения договоренностей армию должен был возглавить принц королевских кровей.

Поскольку неверные всегда считались врагом, кампанию назвали крестовым походом. Послы заявили, что Франция прославилась борьбой с неверными и одного ее имени достаточно, чтобы остановить турок и сарацин.^[21] Неверные, предупредили послы, составляют большинство в Азии и Африке; они вошли в Европу, угрожают Константинополю и Венгрии, они заняли Гранаду. А французская кампания при поддержке Генуи продлится недолго, зато прогремит на века. «Это хорошо

²¹ Термин «сарацины» использовался для обозначения всех мусульман, были ли они берберами, арабами, маврами или турками.

для вашего величества, — сказали они Карлу, — ибо вы христианнейший король, и вас все знают».

Этот поход придумал Антониотто Адорно, «наиковарнейший» дож Генуи, чьи жестокие притеснения подданных обернулись усилением оппозиционных настроений в городе. Он надеялся ослабить эту угрозу, содействуя деловым интересам республики, и заодно привлечь на свою сторону крепких союзников. Французских рыцарей это предложение сразу же привлекло, но министры проявляли осторожность. Перемирие с Англией только-только вступило в силу, и они не хотели отпускать из страны армию, да и вопрос о вожде похода немедленно привел к распрям среди принцев. Генуэзцам пришлось вернуться домой без твердого ответа.

В Тулузе де Куси принял участие в королевской охоте. С наступлением ночи охотники заблудились в лесу. Они углубились в темную чащу и не находили дороги, пока король не поклялся, что если избежит опасности, то продаст свою лошадь, а вырученные за нее деньги отдаст церкви Богоматери Доброй Надежды в окрестностях Тулузы. В ответ на его слова с неба пролился свет, стало видно тропу, и на следующий день король исполнил свой обет; позднее этому событию была посвящена фреска, на которой сохранилось единственное прижизненное изображение Ангеррана де Куси. К сожалению, лица на ней не видно. В копиях фрески, уцелевших после разрушения монастыря в 1808 году, мы видим де Куси среди семи аристократов свиты короля, каждого можно узнать по родовому гербу. Это — Людовик Орлеанский, герцог Бурбон, Генрих Наваррский, Оливье де Клиссон, Филипп д'О, Анри де Бар и, наконец, де Куси. Он единственный из всех отвернул лицо от

наблюдателя, словно намеренно посмеявшись над потомками.

Вскоре после этого он, вероятно, уехал в Испанию — договариваться с королем и королевой Арагона о бракосочетании их дочери Иоланды, на ту пору восьмилетней девочки, с Людовиком II Анжуйским. Фруассар считает, что целью брака было обретение союзника в борьбе герцогов Анжуйских за корону Неаполя; со временем выяснилось, что дело это безнадежное, и королевство герцогам так и не досталось. По словам Фруассара, де Куси сопровождал герцога Анжуйского на свадьбу, которая на самом деле произошла в 1400 году. Фруассар ошибся и с годом, и с местом проведения церемонии. Тем не менее брачный контракт был подписан в 1390 году, и де Куси еще раз подтвердил свое умение переговорщика. Герцогиня Анжуйская после смерти мужа неизменно пользовалась его влиянием. Де Куси имел родственные связи с королевой Арагонской, урожденной Иоландой де Бар, сестрой его зятя. К тому же он заключил по доверенности предыдущий брак Людовика с дочерью Бернабо Висконти. (Брак этот был аккуратно аннулирован после того, как Бернабо потерял власть.)

В версии Фруассара, герцогиня Анжуйская попросила де Куси сопровождать ее сына в Испанию, и он «с удовольствием» согласился на эту поездку. Двенадцатилетний Людовик оставил папу римского и мать, те плакали, «сердца их сжимались от разлуки, ведь было неясно, когда они снова увидятся». Де Куси и мальчик доехали до Барселоны (более двухсот пятидесяти миль от Авиньона и двести от Тулузы), а когда добрались, королева Арагонская была «особенно рада увидеть сира де Куси», поблагодарила его за то, что

он привез юного Людовика Анжуйского, и сказала, что «все теперь будет лучше». Вероятно, ее ожидания не сбылись, ибо факты этого не подтверждают.

Если де Куси и в самом деле ездил в Испанию, он увидел беспокойную страну. Полуостров все еще переживал последствия восстания, прокатившегося по Европе десять лет назад. Долгая гражданская война между Педро Жестокий и его сводным братом Энрике повлекла за собой грабежи, притеснения и налоги. Социальный нарыв нашел мишень в евреях, которых регулярно объявляли средоточием мирового зла. В Испании евреи жили богаче, чем где-либо еще. Педро Жестокий использовал их как советников и агентов, к тому же у него была любовница-еврейка, и эти предпочтения брат Энрике поставил ему в вину, хотя впоследствии тоже пользовался финансовыми услугами евреев.

Народную ненависть воспламеняли агитаторы, пугавшие население якобы усилившимся влиянием евреев и требовавшие отмены долгов перед «убийцами Христа». Страх нищеты, в сочетании с религиозными мотивами, выплескивался потоками гнева. Фанатичный архидиакон Ферран Мартинес произносил антисемитские проповеди, напоминая гитлеровское «окончательное решение еврейского вопроса». В 1391 году начались убийства, захваты собственности и насильственные обращения евреев в христианство, за этим последовало всеобщее восстание против духовенства и собственников. Кульминацией его стал четырехдневный террор в Барселоне. Защиту евреев признали изменой христианству. Постепенно правители взяли верх, но агрессия против евреев была слишком выраженной и

опасной, чтобы с ней справиться полумерами. Через сто лет евреев окончательно изгнали из Испании.

Сохранились записи о пребывании де Куси в Тулузе 5 января 1390 года, а 28 января он приехал в Авиньон, где присутствовал на слушаниях, посвященных канонизации французского святого. Кандидатом в святые был Пьер де Люксембург, юноша из благородной и набожной семьи. Он скончался в семнадцать лет, а целью его канонизации было повышение статуса французского папы. Если в окружении папы появился святой, законность пребывания Климента в сане оспаривать становилось значительно сложнее. Имя Пьера впервые было упомянуто герцогиней Анжуйской в 1388 году, а затем от имени короля его повторил новый канцлер Парижского университета Пьер д'Альи.

Юноша был сыном набожного графа Ги де Сен-Поля, умершего от чумы в английском плену, и Жанны де Люксембург из того же семейства, что и покойный император Карл IV. Пьер осиротел в три года и уже в шесть лет дал обет целомудрия. Говорят, он повлиял на сестру, и в двенадцать лет она дал а тот же обет. Пьер упрекал своего брата за то, что тот смеялся, ведь из Евангелия Пьер узнал, что Христос плакал и никогда не смеялся. Восьмилетнего, высокого не по годам аскета с впалой грудью отправили учиться в Париж, где он голодал и бичевал себя, готовясь вступить в орден целестинцев. Несмотря на протесты опекунов, он регулярно посещал монастырь, вместе с братьями ел хлеб, пил воду и спал на голой земле, не раздеваясь, не снимая ремня и башмаков, чтобы после пробуждения, не теряя времени, приступить к ночным молитвам.

Поразительная набожность и высокое происхождение позволили ему в девять лет стать каноником, несколько лет спустя — архидиаконом, в пятнадцать он был уже епископом Метца, а в шестнадцать — кардиналом. Алое облачение не повлияло на его аскетизм и уединенные молитвы. Его жизнь была «всего лишь смирением», и он «бежал от тщеславия и соблазнов мира». Большую часть дня и ночи он проводил в одиноких молитвах или при свете свечи записывал в дневник свои грехи и дважды в день исповедовался в них своему духовнику. Его настойчивость, как и говорливость Екатерины Сиенской, бывала иногда слишком тяжела для духовника, и иногда, услышав стук в дверь посреди ночи, тот притворялся, что спит.

Мальчику-кардиналу досталась способность к чудесным излечениям: говорят, он спас герцогиню Бурбонскую от родовых мук, продолжавшихся две недели; излечил раны, от которых пострадал в турнире Ги де Тремуай; воскресил дворецкого де Бурбона, пораженного разрядом молнии. Помогал он не только придворным: Пьер вернул здоровье бедному крестьянину, которого замучили бандиты. В 1387 году Пьер умер от чахотки и самоистязания, его похоронили, как он просил, на кладбище бедняков в Авиньоне, и его могила стала объектом паломничества, туда приходили несчастные и больные, и каждый день там совершались чудеса. Короли и аристократы, включая сира де Куси, посылали кладбищу богатые дары и серебряные лампы. Фруассар не пропускал достойные упоминания новости и, попав в тот день на кладбище, воочию наблюдал собравшуюся у могилы толпу.

Слушания о канонизации Пьера продолжались шесть месяцев, были собраны свидетельства 72 человек.

В первую неделю слушаний де Куси выступил восьмым свидетелем, он рассказал, что когда Пьер стал епископом Метца, то потребовал, чтобы всадники его брата, графа Валерана де Сен-Поля, выселили клириков-урбанистов, занимавших епископальные владения. Когда Валеран стал настаивать, чтобы ему возместили расходы из епископальной казны, Пьер сказал, что скорее умрет, чем позволит этому произойти. Между братьями возникло несогласие, так что де Куси до принятия решения пришлось самому взять под опеку церковную собственность. Де Куси добавил, что знал Пьера с малых лет и удивлялся его набожности, он никогда не видел в Авиньоне другого столь добродетельного юноши.

Многочисленных свидетелей оказалось недостаточно. То ли неполная добродетель самого Климента была причиной тому, что он не смог решить этот вопрос, то ли папа медлил по иной причине, но процесс канонизации приостановился. Возможно, дело было в репутации самого антипапы, но лишь 140 лет спустя вопрос канонизации был поднят снова. В 1527 году Пьера причислили к лику праведников, но не святых.

Вместе с королем и придворными де Куси вернулся в Париж через Дижон, где герцог Бургундский собирался «лицемерить». Делал он это, как и всегда, с размахом, с целью восстановить доверие. О его празднествах, ливреях, банкетах, турнирах, подарках и затратах написана целая книга, но среди бедствий, свалившихся на XIV столетие, эти экстравагантные события свершались так часто, что им уже не удивлялись.

Такие празднества, должно быть, стимулировали экономику. К визиту короля в Бургундию портные, вышивальщицы, ювелиры, оружейники и другие ремесленники получили большие заказы. Один только герцог заказал триста двадцать новых копий для будущих турниров. Все города Бургундии, мимо которых должен был проехать король, получили деньги для очистки, украшения и даже ремонта улиц и площадей. Дижон с его многочисленными шпилями, колокольнями и трубами, оснащенными металлическими решетками (против гнездовой аистов), с его извилистыми улочками и пользовавшимися дурной репутацией тавернами, срочно стал освобождаться от запаха животных. Прежде собаки, кошки и свиньи свободно разгуливали по темным деревянным проулкам; разведению грязи и запаха особенно способствовали свиньи. Прожорливые драчливые и «нелюдимые», они служили постоянной темой жалоб на укусы, однажды даже был съеден ребенок, — виновное животное повесили. Законы, запрещавшие держать в городе свиней, и наказания владельцев, выбрасывавших свиной помет в реку, практически не работали.

Поскольку в городе не было зала, способного вместить всех гостей, соорудили гигантский шатер, на который пошло тридцать тысяч локтей ткани, и поставили его во дворе возле дворца. После отъезда короля ткань разрезали на куски и продали. В покоях герцога повесили голубые атласные драпировки, придворным дамам сшили триста платьев из шелка и дамаста, а рыцарям столько же дублетов из бархата и атласа. Похоже, эти закупки опустошили Фландрию. Сколько рукодельниц вышивало на драпировках девиз герцога «Яне жду», сплетенный с инициалами его жены

на фоне горлиц, сидящих на лимонных и апельсиновых деревьях? Сколько столяров и разнорабочих сносили стены, срубали деревья, трамбовали землю и строили крытые трибуны для трехдневных турниров, которые должны были состояться в февральскую погоду? Когда только у одного хозяина было тридцать боевых коней, сколько же ему должно было потребоваться грумов и мальчиков на побегушках? Жонглеры, актеры средневековых мистерий, акробаты и дрессировщики заполнили город, они развлекали народ в то время, как аристократы сражались в турнирах.

Де Куси даже в пятьдесят лет отличился на состязаниях, и герцогиня вручила ему в качестве награды аграф, украшенный жемчугом и сапфирами. Во время прощального обмена дарами (к каждому изделию был прикреплен ценник) герцог Бургундский перещеголял короля, вручив ему более дорогое подношение, чем то, что король пожаловал герцогине. Церемонии «в знак любви к королю, герцогу Орлеанскому, герцогу Бурбонскому и сиру де Куси» завершились пением и танцами знатных дам и юных девушек.

Вскоре после возвращения Карла в Париж его обещание хорошенько подумать над объединением церкви было отложено в пользу увлекательного предложения Генуи — выступления против королевства берберов. В отличие от разрешения папского кризиса, эта авантюра не требовала серьезного политического маневрирования. Крестовый поход, пусть даже имевший слабое отношение к кресту, придавал его участникам престиж, не говоря уже о *privilegium crucis* — привилегии креста, освобождавшей крестоносцев от долгов и судебных преследований. Несмотря на «огонь,

воспламенявший доблестные сердца», были приняты меры предосторожности: королевский совет ограничил число рыцарей, покидавших страну, до тысячи пятисот человек, и никто не мог уйти без королевского разрешения. Все, кто присоединялся к походу, должны были вооружаться за свой счет и не рекрутировать людей из других доменов.

Людовик Орлеанский, вознамерившийся сместить своего дядю, герцога Бургундского, главную фигуру королевства, хотел взять руководство походом в свои руки и в надежде получить пост командующего осыпал подарками влиятельных аристократов. У его дяди было достаточно власти не допустить этого, он ссылался на молодость и неопытность Людовика, чем только подогревал соперника. У герцога Бургундского слишком много интересов было на родине, вряд ли он хотел ее оставлять; герцог Беррийский не был воином и к тому же вышел из доверия. В конце концов вождем избрали герцога де Бурбона — он жаждал славы по примеру Людовика Святого, умершего в Тунисе во время своего последнего крестового похода. Де Куси стал заместителем герцога Бурбонского.

Перед отъездом де Куси основал церковь и монастырь. Поскольку религиозная жизнь занимала главенствующее положение по отношению к светской деятельности, то на человека, основавшего религиозное заведение, церковь смотрела в высшей степени благожелательно. Кроме того, как сказал герцог Бургундский, основавший в 1385 году картезианский монастырь в Шанмоле, «для спасения души нет ничего лучше, чем молитвы набожных монахов».

Де Кузи выбрал орден целестинцев: эти монахи настолько отреклись в своем усердии от всего земного, что, как ни парадоксально, сделались любимцами аристократов, увязших в светскости. В самом ли деле выбор парадоксален или всему виной духовный дискомфорт и ощущение необходимости раскаяния за жизнь, столь несхожую с принципами, на которых ее полагалось строить? Двойственность морали тогдашних христиан проявила себя, в частности, в отдалении Людовика Орлеанского от богатства, наслаждений и политических интриг ради ночных бдений целестинского монастыря. Суровая жизнь рядом с монахами облегчала муки совести. Даже граф де Фуа, рьяный материалист, легко впадавший в гнев и известный своим тщеславием и другими грехами, составил собственный молитвенник, в котором признавался в страданиях из-за того, что уверился в том, что «Бога нет, счастливые и несчастные судьбы приходят к людям естественным путем, без Бога. Под конец жизни наступает смерть, смерть тела и души».

Если христианская вера и приносила утешение, то и тревог было не меньше. Перед смертью Чосер завершил прозаическим «отречением автора» работу всей своей жизни — «Кентерберийские рассказы», поэму «Троил и Хризеида», «Книгу герцогини» и все поэмы, что не отличались набожностью. Он «покорно просил помолиться за него ради милосердия Господня», Чосер хотел, чтобы Бог простил ему грехи, «в особенности воспевание суеты житейской, чтобы в Судный день я мог быть прощен». Христианство воистину обладает трагической силой, если желание спастись приводит человека к пересмотру собственных произведений.

Основатель ордена целестинцев в юности избрал жизнь отшельника — удалился в пещеру и посвятил себя

Богу, абсолютно отрекшись от собственной природы. Шестнадцать часов в день он проводил в молитвах, не снимал власяницу, питался капустными листьями и запивал их водой, держал шесть сорокадневных постов в год. Он прославился и обрел единомышленников, его избрали папой Целестином V, однако в горьком раскаянии он совершил поступок, уникальный для папы, — вышел в отставку и вернулся к самоотречению и поискам Бога. Орден назвали в его честь, его почитали папы и короли, орден избавили от церковной десятины; он выдавал индульгенции истинно раскаявшимся, которые посещали монастыри целестинцев во время церковных праздников.

Не существует свидетельств о том, что де Куси часто навещал орден, да и вряд ли он был человеком, «дух коего отягощают заботы о духовном». По всей вероятности, выбор его был продиктован не тревогами, а тем, что аскетический образ жизни монахов-целестинцев внушал патронам ордена большую уверенность в собственном спасении.

Хартия, датированная 26 апреля 1390 года, открывается словами, в которых звучит уверенность в себе, присущая всему роду де Куси: «Сознаю, что преходящие светские блага бременной жизни распределены между теми, кто может и знает, как лучше ими распорядиться, и сохраняет их для Бога, пожаловавшего нам эти блага». Ради постоянной молитвы за себя, за свою жену, за предков и потомков, за всех рыцарей ордена Ангерран учредил монастырь для двенадцати монахов-целестинцев на своей земле в Вильнев, на берегу реки Эны, за пределами Суассона.

Де Куси пожаловал монастырю четыреста ливров ежегодного дохода и защитил орден множеством законных привилегий и льгот. Если бы в какой-то момент доход монастыря опустился ниже четырехсот ливров, де Куси позаботился о том, чтобы это исправить, и «монахи могли бы спокойно пользоваться этими доходами без какого-либо залога и принуждения с нашей стороны или со стороны наших потомков». В любом будущем споре монахи получают «совет, утешение и помощь от нас и наших судебных чиновников, наших советников и слуг, как если бы это была наша собственная тяжба». У целестинцев, по-видимому, был ловкий юрист, работавший над этим уставом, или же сам де Куси постарался застраховать свое будущее.

В последующие годы он никогда не забывал о монастыре. Когда по прошествии некоторого времени здания все еще не были достроены, де Куси добавил еще двести ливров к ежегодному доходу, чтобы завершить строительство. Позже он подарил целестинцам большое красивое имение в Суассоне, принадлежавшее братству лучников, с тем, чтобы монахам в случае войны было где укрыться и продолжить монашескую жизнь, которая, судя по предыдущему подарку, стала еще комфортнее. Узнав, что у монахов недостаточно вина — без которого обходились их предшественники, — Ангерран купил виноградник, который каждый год пополнял их запасы. Перед смертью Ангерран не успел официально оформить этот подарок, и виноградник стал причиной судебной тяжбы монастыря против наследников де Куси.

В поход против берберов собрались самые знатные аристократы королевства, к ним присоединились рыцари

из Эно и Фландрии, а также англичане из Кале во главе с незаконнорожденным сыном герцога Ланкастера Джоном Бофортом, графом Сомерсетом, основателем рода Тюдоров. Коннетабль Клиссон остался дома — охранять страну и не давать своевольничать своему оппоненту герцогу Бургундскому. Кроме герцога Бурбонского и де Куси, в армии были и другие великие люди: адмирал де Вьен, граф д'О, выделявшийся благодаря знатности своего рода, а также Жан д'Аркур VII; Филипп де Бар — брат зятя де Куси; Жоффруа Бусико, брат более знаменитого Жана; Ивен, незаконнорожденный сын графа де Фуа, и знаменитый гасконец по имени Судик де ла Трау, «один из храбрейших рыцарей мира».

Король выдал де Бурбону двенадцать тысяч франков и распределил более двадцати тысяч франков среди других аристократов. Бурбон занял еще двадцать тысяч у Людовика Орлеанского под залог доходов со своих имений. Де Куси только что получил шесть тысяч франков от короны на покрытие затрат в Авиньоне и Лангедоке и занял у Людовика Орлеанского еще десять тысяч, а потому, за исключением герцога Бурбонского, обеспечен был лучше других. Он и граф д'О привели с собой двести рыцарей. Папа Климент раздал множество индульгенций, проявляя «неслыханную щедрость», тем более что его цель поменялась, — можно сказать, что щедрость эта была неслыханной, поскольку задачей крестового похода было только возвращение Иерусалима. Если верить честному Боне, война «будет не против неверных», ведь Господь создал мир для всех и «мы не можем и не должны заставлять неверных принимать священное крещение или обращаться в святую веру».

Французы встретили генуэзские корабли в Марселе, оттуда проследовали до Генуи, чтобы забрать провизию, лучников, пехотинцев и иноземных рыцарей. Всего рыцарей и оруженосцев собралось около полутора тысяч, а общая численность войска достигла примерно пяти тысяч, не считая, возможно, тысячи моряков на сорока галерах и двадцати торговых судах. Бурбон, де Куси, граф д'О и храбрый Судик вышли на берег, там их встретил дож Генуи, одарил их пряностями, патокой, черносливом из Дамаска и «настойками, помогающими при болезни». Провизии, однако, недоставало, и Бурбон вынужден был прикупить дополнительно двести бочонков вина, двести кусков бекона и две тысячи цыплят для больных и раненых. Из-за недостатка места многих лошадей пришлось оставить и, чтобы не тратиться на содержание животных, их продали менее чем за половину стоимости. В последний момент вышел казус: никто не понимал надо ли священникам благословлять флотилию, поскольку Генуя и Франция принадлежали к разным папствам. Ради успеха в войне союзникам пришлось пойти на компромисс. В конце концов церемония прошла при участии священников, представлявших разных пап.

Преодолев эти трудности, внушительная армада приготовилась к отплытию 1 июля 1390 года; это было захватывающее зрелище, ставшее на долгое время излюбленным сюжетом для иллюстраторов. Нет необходимости уточнять, кто написал такие строки: «Что за прекрасное зрелище этот флот с великолепными знаменами аристократов, они сверкают на солнце, трепещут на ветру, а музыканты дуют в трубы, и звук их разносится и отдается эхом над морем».

Неудачи начались почти сразу, когда сильная буря с Эльбы разметала флот и вызвала девятидневную задержку, прежде чем все снова собрались и встретились на Мальте. В последнюю неделю июля флот подошел к Махдии, расположенной на берегу северного Африканского мыса, в ста милях к юго-востоку от Туниса. Окруженный крепостными стенами город стоял в центре самой высокой точки узкого полуострова длиной в милю; бухту защищала цепь и машины, бросавшие камни, на башнях.

Французы решили послать на берег отряд под руководством де Куси; этому авангарду вменялось отвлекать врага, а основная часть войска высадилась бы на следующий день. Отряд де Куси и молодого горячего графа д'О состоял из семисот всадников, их поддерживали генуэзские лучники. Гребцы вели суда по спокойному морю, «казалось, воды с восторгом несут христиан к берегам неверных». Обычно десантные суда доставляли до двадцати лошадей, всадники еще на борту опускали забрала шлемов и держали наготове копья; по широкому трапу с кормы они высаживались на берег и набрасывались на врага; если же конников начинали преследовать, они заскакивали обратно на палубу, и гребцы быстро уводили корабль в море.

Де Куси первым высадился на берег и выстроил отряд в боевом порядке для встречи с противником. Никто не вышел ему навстречу. Султан берберов Аббу аль-Аббас был предупрежден о предстоящем вторжении и, полагая, что его армия уступает христианам, допустил высадку и не стал вступать в бой. Он решил уклониться от сражения: пусть противник изматает себя у каменных стен под августовским солнцем и у него истощатся запасы еды. Султан применил ту же стратегию, которую

Карл V советовал против англичан, и с тех пор она много раз оправдывала себя при обороне.

Уверенные в победе над презренными неверными, крестоносцы разбили лагерь — перед городом выстроились яркие шатры, в центре, над шатром герцога Бурбонского, взвился флаг с королевскими лилиями, а на флангах разместились гинуэзские арбалетчики. Они могли блокировать Махдию с моря и на земле, посреди полуострова, однако город запасся провизией и имел доступ к свежей воде, которую добывали из подземных источников. В городе имелось значительное население и гарнизон численностью шесть тысяч солдат, расквартированный в подземных казармах. Если бы Махдия пала, христиане могли без помех завоевать Тунис, но султан позаботился об обороне города и призвал на помощь правителей соседних стран, которые сформировали армию вдали от прибрежной зоны.

Три дня захватчикам никто не мешал готовиться к осаде, но к вечеру третьего дня берберы вдруг «с дикими криками выскочили из крепости». Охрана христианского лагеря забила тревогу, и берберы были отброшены, при этом триста человек погибли. Город возобновил молчаливое сопротивление, а христиане, чтобы предотвратить новые нападения, возвели частокол из связанных между собой кольев высотой четыре фута, а с помощью скрещенных весел и копий смастерили укрытие для стрелков и расставили часовых через каждые сто двадцать футов.

Барабаны и трубы оповещали о приближении армии сарацин, насчитывавшей, по слухам, сорок тысяч воинов. Разбив лагерь позади города, они не вступали в решительное сражение, но тем не менее совершили ряд

чувствительных вылазок на быстрых скакунах. Они нападали на христиан в самое жаркое время дня и заставляли вступать в бой. Европейцы «почти горели» в своих стальных доспехах, в отличие от берберов, носивших нагрудники из кожи или стеганой ткани. Во время преследования берберы быстро разбегались, но тут же перегруппировывались и в свою очередь гнались за противником; тяжелые доспехи христиан не способствовали быстрому передвижению, и потому их армия несла большие потери. Нападения продолжались в течение семи недель почти каждый день, а иногда и ночью.

Генуэзские корабли с моря снабжали христиан провизией, которую привозили из Сицилии и Калабрии, однако поставки эти осуществлялись нерегулярно, бывали и долгие перерывы. От крепкого вина клонило в сон. Жара и жажда, ранения и лихорадка, расстройства желудка от плохой воды — то есть те же условия, за исключением чумы, от которых страдали воины во времена крестового похода Людовика Святого — выматывали осаждающих. Тучи насекомых действовали на нервы не меньше, чем неприступность города. Люди пытались экономить провизию и подбадривали друг друга. По словам преданного Фруассара, «сир де Куси в особенности заботился о рыцарях и оруженосцах — тех, что победнее». А вот герцог Бурбонский был равнодушен, сидел перед своей палаткой скрестив ноги и требовал обращаться к нему через третье лицо, не обращая внимания на унижения бедных рыцарей. Сир де Куси, напротив, старался быть с воинами на равных. Он был добр ко всем и вел себя любезнее, чем герцог Бурбонский, который не был вежлив с иноземными рыцарями и оруженосцами.

Поскольку христиане не привезли с собой осадных орудий, способных сокрушить стены, они начали строить большую передвижную башню. Башня была шириною в сорок футов и высотой в три этажа, выше стен Махдии. Тем временем защитники крепости, страдавшие от блокады, направили гонцов на переговоры. Гонцы предстали перед Бурбоном и де Куси, и те внимательно выслушали их речь в переводе гонуэзца. Гонцы спросили, почему французские и английские рыцари пошли войной на тех, кто не причинял им вреда. Сами они навредили, мол, только гонуэзцам, что естественно: между соседней издавна вошло в обычай хватать друг у друга все, что понравится.

Ответ требовал осторожности: для справедливой войны требовалась хорошая причина. Бурбон и де Куси проконсультировались с двенадцатью знатными аристократами и, очевидно предположив, что неверные невежественны, ответили, что пришли на войну с сарацинами потому, что те неверующие, и это делает их врагами, они также хотят посчитаться с ними за их предков, которые, мол, распяли сына Бога по имени Иисус Христос.

Услышав такой ответ, сарацины рассмеялись и сказали, что Христа распяли евреи. Переговоры, похоже, этим и завершились.

Впоследствии возле крепостной стены встретились бербер и христианин и вступили в спор на тему о достоинствах своих религий. Спор этот не был случайным, просто берберы искали способ взять пленных. Бербер предложил решить исход единоборством десяти воинов с каждой стороны. Десять крестоносцев тотчас откликнулись, среди них были Ги и

Гийом де Тремуай, Жоффруа Бусико и два английских рыцаря. Лагерь возбужденно галдел в ожидании поединка. Только де Куси был недоволен.

— Придержите языки, вы никогда не задумываетесь о последствиях, — говорил он. — Никакой выгоды в этом поединке не вижу.

А что, если сарадины пошлют не рыцарей, а простых пажей — много ли чести будет в победе над ними? Возможно, они задумали поединок, дабы захватить в плен христианских рыцарей, ведь до сих пор им этого не удавалось. К тому же такое противоборство все равно не позволит нам захватить Махдию. Да и можно разве вступать в вооруженный поединок с незнакомым врагом, не продумав все заранее, не посоветовавшись со старшими, не выяснив досконально все о соперниках, не узнав их имена, титулы и оружие? Ангерран пенял рыцарям за несоблюдение дисциплины и за нарушение субординации. В этом отношении де Куси, по сравнению со своими соотечественниками, придерживался передовых взглядов.

Хотя его совет встретил одобрение многих воинов, остальные поддержали графа д'О и Филиппа де Бара. Они настаивали на поединке, а Жоффруа Бусико в самоуверенной гордыне предложил выступить двадцати рыцарям против сорока, после чего все в полном облачении выехали в назначенное место. Их сопровождали товарищи, число которых увеличивалось до тех пор, пока на месте поединка не оказались все, способные передвигаться. Лагерь остались охранять только больные под командой де Куси. Увидев такое количество воинов, берберские воины не рискнули появиться.

Герцог Бурбонский вознамерился предотвратить стычку — несомненно, по совету де Куси. Он поспешил на своем муле на место поединка и оказался в окружении нескольких тысяч возбужденных воинов. Опасаясь, что ему не подчинятся, если он прикажет отступить, герцог решил оставить все как есть. Началось с атаки на вражеский лагерь, разгорелся бой. Христиане не смогли уничтожить во много раз превышавшую их числом армию сарацин; они задыхались в своем тяжелом облачении и понесли большие потери. Рыцари обливались потом, жадно хватали ртом воздух, их одолевала жажда. Раненые испускали последний вздох на руках товарищей, измученные воины падали на землю и оставались лежать неподвижно. К полуночи даже советники графа д'О решили, что следует отступить. Ведь если сарацины нападут на лагерь, его некому будет защищать. Кроме сира де Куси и больных солдат, там никого нет, и все погибнут.

Относительно потерь существует множество расхождений: два рыцаря и четыре оруженосца, если верить биографу герцога Бурбонского, и не менее шестидесяти — многие названы по имени — по словам Фруассара. Сколько бы их ни было на самом деле, люди погибли в бессмысленном сражении.

Двухмесячная осада вызвала всеобщее раздражение. Начались разговоры о снятии осады. Ворчуны говорили, что набегам город не взять. На место одного убитого врага придут десять — ведь сарацины находятся у себя дома. Приближалась зима с долгими и холодными ночами, появилось подозрение, что генуэзцы, «грубияны и предатели», могли дезертировать, отплыть тайком на своих кораблях. Нервничавшие из-за долгого простоя в торговле, генуэзцы и в самом деле

забеспокоились. Они думали, что французы возьмут Махдию за две недели, но выяснилось, что ни в этом году, ни в следующем они не смогут покорить город, а уж тем более весь Тунис. Посреди этих сомнений и несогласий военный совет решил брать Махдию штурмом.

В этот день произошла кровавая бойня. Пехота сарацин под предводительством сыновей султана сопротивлялась изо всех сил. Гарнизон Махдии боролся, словно «ожидая награды в другом мире», выпустил со стен настоящий ливень стрел, камней и горящего масла, в результате уничтоживший передвижную башню крестоносцев. Рыцари, взобравшиеся на стены, валились назад. Несмотря на ярость нападения, которое почти дотла спалило одни из трех городских ворот, Махдия устояла. Армию берберов удалось отбросить, но, как это часто бывало с французами, город выдержал их натиск.

После схватки обе стороны выказали желание «покончить с распрей». Осажденные берберы, страдавшие от вторжения и блокады, не могли продолжать войну на собственной территории. Преимущества в оружии и в тактике у них не было, и они не надеялись на окончательную победу на поле боя. Генуэзские подстрекатели были более чем готовы бросить все и уйти. Начались переговоры, захватчики спустили яркие знамена, скатали палатки, корабли подготовились к отплытию через девять недель после прибытия. «Поскольку вы, милый кузен, первым высадились на берег, — сказал Бурбон де Куси, — я хочу отчалить последним»; что и говорить, непривередливый выбор.

Договор, составленный генуэзцами, французы посчитали достойным, что позволило им уйти без позора, хотя и без победы. На последнем военном совете, собравшемся обсудить кампанию, они убедили себя, что действовали правильно. Они два месяца держали в осаде троих сарацинских королей и сильный город, сказал де ла Трау, и это «можно уподобить трем сражениям». Другие радостно поддержали его высказывание, и все, в том числе и де Куси, согласились принять условия договора.

Еще одно предприятие, четвертое с момента шотландского фиаско, оказалось напрасным и не из-за отсутствия воли, или мужества, или воинского умения, а из-за непрактичной военной цели. Сила крепостных стен и риск срыва поставок из-за моря были известны рыцарям не понаслышке. Они знали условия Северной Африки по двум крестовым походам Людовика Святого, несмотря на то, что с тех пор прошло 120 лет, и тем не менее положились на волю случая. Впрочем, военную беспечность можно в какой-то степени простить. В те времена скудных коммуникаций разведанных в нашем понимании попросту не существовало. О силе крепостных стен Махдии, вполне возможно, не подозревали. Незнание противника в те времена было повсеместным; противника презирали, его недооценивали.

Рыцари говорили впоследствии Фруассару: «Если бы нами командовал сир де Куси, результат был бы другим». Вряд ли такое было возможно. Хотя исход сражения частично зависел от командира, прорвать осаду берберов не удалось из-за отсутствия жизненного интереса. Когда такой интерес есть, когда ставки высоки, как это было при Карле V, стратегия сочетается с целью и исключаются бесшабашность и недалёковидность. Для

французов тунисская кампания была всего лишь рыцарской авантюрой, затеянной под религиозным призывом. Рыцарей вело желание прославиться, а не достичь политической цели с помощью оружия. Их занимало действие, а не результат, поэтому они так редко и добивались цели.

Во Франции никто не знал о судьбе экспедиции, там молились и просили Бога о милосердии к крестоносцам, воевавшим во имя Господне. В сентябре Карл VI посетил замок де Куси, вероятно желая успокоить молодую супругу Ангеррана; а может, он хотел еще раз осмотреть имение, которое, вероятно, вскоре останется без хозяина. Все страшно обрадовались, когда в середине октября крестоносцы вернулись в Геную. Там умерли многие больные воины, но остальные медленно шли на поправку. Зимой был совершен переход через Альпы, и только через шесть недель Бурбон и де Куси добрались до Парижа, а за ними спустя какое-то время, с перерывами, последовали их товарищи.

Расстояние и время скрасили горькую правду. Несмотря на то что крестоносцы вернулись без добычи, без выкупа, без пленников, их приветствовали, словно победителей. Франция считала, что неверные потерпели поражение. В Тунисе не было иностранных корреспондентов, которые могли бы написать правду, и газет во Франции не выходило, иначе они сообщили бы о провале кампании. Потери убитыми и пропавшими без вести среди рыцарей и оруженосцев составили двести семьдесят четыре человека, то есть двадцать процентов от войска; впечатления на народ такие потери не произвели: к этому привыкли. Напротив, Францией восхищались, да и Генуя оказалась в выигрыше:

появление французов в качестве ее союзников напугало берберов, и они приостановили свои пиратские вылазки.

Король Карл пожелал услышать обо всем, что случилось, а потому с пристрастием расспросил Бурбона, де Куси и остальных рыцарей. Их доклады ничуть его не обеспокоили, и король объявил, что как только будет заключен мир с Англией и уладятся церковные дела, он с радостью пойдет вместе с армией в те края — «распространять христианскую веру и обращать неверных». Постепенно у участников кампании сгладились воспоминания о тяготах и бессмысленности экспедиции, и, когда через несколько лет заговорили о новом крестовом походе против турок, их отношение к противнику ничуть не изменилось и энтузиазм не иссяк.

ГЛАВА 23

В ТЕМНОМ ЛЕСУ

Двусмысленный результат в Тунисе ничуть не обескуражил короля и королевский совет. Они без промедления перешли к более трудному предприятию — вздумали покончить со схизмой силой оружия. План похода на Рим с целью устранения папы Бонифация и замещения его папой Климентом был назван *Voie de Fait*, или насильственным путем, в противоположность «пути уступок», или добровольному отречению. Решение пройти по Италии и взять Рим силой было не менее смелым предприятием, чем только что посрамленное вторжение в Англию, но политики не колебались. В конце ноября, через несколько дней после возвращения де Куси и Бурбона из Туниса, совет принял решение.

План, представленный королю, стал прелюдией к папскому походу. Министры говорили Карлу, что он не может взять крест и идти против турок, пока церковь не воссоединилась. «Самое разумное, что вы можете сейчас предпринять, это вместе с тяжеловооруженными всадниками идти на Рим и уничтожить антипапу Бонифация... Это для вас самое благородное занятие. Надеемся, что, когда антипапа и его кардиналы поймут, что вы идете на них с сильной армией, они будут просить вашей милости». После столь великого свершения, заверяли они, появится блестящая перспектива похода на Иерусалим.

Король загорелся: когда он может начать? Он вырос под влиянием Мезьера, который внушил придворным, что крестовый поход — судьба Франции и спасение общества. Советники Карла решили, что кампанию можно начинать немедленно, и планы тотчас пришли в движение. К делу подключились все придворные, пригласили даже герцога Бретани, посчитав «неблагоразумным оставить его в стороне». Он, однако, добавил свою ложку дегтя, предсказав, что все «кончится словами».

Решили собрать большую армию из двенадцати тысяч копий, выйти должны были через четыре месяца из Лиона, в марте четырех тысяч копий, герцоги Бургундский, Беррийский и коннетабль — по две тысячи каждый; Бурбон и де Куси — по одной тысяче; всем полагался аванс за три месяца. Чтобы собрать такую армию, требовались новые налоги, но к этому, похоже, отнеслись легко, а на самом деле финансирование такого предприятия было столь же нереальным, как и сам «насильственный путь». Когда совет собрался для утверждения затрат, разразилась страшная буря, и это

предзнаменование заставило всех призадуматься. Уж не Бог ли предупреждает о том, что невозможно взваливать на измотанный народ новое бремя?

Университет возвысил голос против *Voie de Fait* и сделал это, в отличие от небесных грома и молнии, недвусмысленно. В двенадцатичасовой речи, произнесенной 6 января 1391 года перед королем и двором, Жан Жерсон, молодой ученый, прославившийся как проповедник, высказался от лица оппозиции. Жерсону было двадцать семь лет, через два года он получил степень доктора теологии. Жерсон являлся протее канцлера Пьера д'Альи, преемником которого он стал в возрасте 31 года. Схизма усугублялась, и Жерсон стал главным защитником верховенства Вселенского собора над папой и сделался самым известным французским теологом своего времени.

Жерсон был наглядным и живым доказательством бесполезности классификаций и обобщений. В вере он был мистиком, а в практике — рационалистом. Жерсон придерживался золотой середины и не доверял религиозным озарениям других мистиков и провидцев. Он был одновременно и конформистом и нонконформистом. Жерсон резко возражал ранним французским гуманистам в дискуссии, развернувшейся по поводу «Романа о Розе». Несмотря на неприязнь к провидцам, особенно женского пола, в последний год своей жизни он был одним из двух теологов, признавших подлинность духовного призвания Жанны д'Арк. Утверждал он это не потому, что в понимании современников был «либералом», а потому что сознавал силу религиозной веры Жанны. Он отражал идеи и интеллектуальные влияния своего века.

Если бы он жил в прежние времена, то стал бы монахом, но в последнюю сотню лет университет вырвал у монастырей главное — хранение знаний о прошлом и наблюдение текущей жизни. Жерсон поступил в Парижский университет в возрасте 14 лет и обнаружил, что теология и философия изобилуют сухими силлогизмами схоластики. В век Фомы Аквинского схоластика отвечала на любые вопросы веры здравомыслием и логикой, но оказалось, что здравомыслию не под силу объяснить Бога и вселенную, все усилия тщетны, остается лишь твердая скорлупа логики. Петрарка с отвращением высказался об «убеленных сединами детях»: «Если они начнут изрыгать свои силлогизмы, мой тебе совет: беги». Жерсон, как и другие в то беспокойное время, страстно желал для души чего-то более значительного и нашел альтернативу в мистической вере и прямом общении с Богом.

Он верил в то, что возродить общество можно только через обновление и погружение в веру, в которой не будет места «пустому любопытству». Знание Бога, писал он, «скорее достигается через смирение и покаяние, а не через размышления». Тот же взгляд у него был и на сверхъестественное, он подтверждал существование демонов и упрекал тех, кто смеялся над этим из-за недостатка веры и «зараженности разума». И все же Жерсон не мог удержаться от «посягательств разума». Он насмеялся над предрассудками магов и астрологов и рекомендовал тщательно изучать видения, прежде чем придавать им значение.

Он не одобрял перевод Библии на общедоступный язык, однако как поэт, учитель и оратор писал многие свои проповеди и трактаты по-французски, стараясь донести свои мысли до простых людей и разъяснить их

юношеству. Средневековые просветители обычно тратили много времени на сочинение проповедей для детей. Жерсон в особенности был заинтересован в детском развитии, он смотрел на них как на людей, отличающихся от взрослых. В программе для церковных школ Жерсон настаивал на необходимости постоянно держать в детской спальне лампу зажженной, он считал ее символом веры: нужно, чтобы она горела, когда в момент «естественной потребности» дети поднимаются ночью с постели. Реформация церкви, предупреждал он, должна начинаться с обучения детей, а реформы в колледжах — с реформы в начальных школах.

Он советовал духовникам пробуждать в детях чувство вины относительно их сексуальных пристрастий — так они поймут необходимость в покаянии. Мастурбация, даже без эякуляции, есть грех, что «забирает девственность ребенка даже в большей степени, чем если бы в том же возрасте он вступил в связь с женщиной». Отсутствие чувства греха в этом отношении у детей является ситуацией, которую необходимо изменить. Они не должны слышать грубые разговоры, не должны позволять целовать себя и ласкать друг друга, не спать в постели с лицом противоположного пола и с взрослыми, даже одного с ними пола. У Жерсона было шесть сестер, все они предпочли остаться девственницами и не вступили в брак. Столь сильная личность, очевидно, появилась не без мощного влияния семьи.

Секс был одним из факторов, вызвавших неприятие Жерсоном «Романа о Розе» Жана де Мена. Воспевание Менем плотской любви, его насмешки над целомудрием, возвеличивание разума, его скептицизм, антиклерикализм — все это было неприемлемо для

Жерсона. Когда в 1399 году Кристина Пизанская в своем «Послании богу любви» обрушилась с нападками на Жана де Мена, Жерсон поддержал ее в проповеди со всей страстью сжигателя книг. Он обличил «Роман о Розе», назвав его пагубным и аморальным: роман унижает женщин и делает привлекательным порок. Попади ему в руки экземпляр этого романа, сказал он, единственный из всех оставшихся и оцениваемый в тысячу ливров, то он, скорее, сжег бы его, препятствуя тем самым распространению пагубы. «В огонь, добрые люди, в огонь».

Почитатели Мена бросились на его защиту — написали открытые письма Кристине и Жерсону. Защитники — Жан де Монтрей, Гонтье и Пьер Коль — были клириками и учеными и служили короне. Вместе с академиками, придерживавшимися тех же взглядов, они были среди тех, кто избрал отличную от Жерсона дорогу в недовольстве замшелыми построениями схоластов. Веря в разум и понимая естественные инстинкты, они признавали за человеком свободу духа. В этом смысле они были гуманистами, хотя и не имевшими отношения к классическому гуманистическому движению во Флоренции. В творчестве Мена их привлекал свободный полет мысли и смелая атака на стандартные воззрения. Многие умные, ученые и начитанные люди, как уверял Жан де Монтрей, ставили «Роман о Розе» столь высоко, что скорее остались бы без последней рубашки, чем лишились бы этой книги. «Чем более исследую я значение тайн сего глубокого и прославленного творения, тем более изумляет меня ваше враждебное к нему отношение».

Пьер Коль был смелее в защите чувственности, так оскорбившей Жерсона. Он отважился объявить, что

Песнь песней Соломона сочинена во славу дочери фараона, а не церкви, и женские гениталии (в романе — роза) — святыня, о которой говорится в Евангелии от Луки, и сам Жерсон может стать жертвой безумной любви, как уже случилось до него с иными богословами.

Дебаты расширились. Кристина ответила «Беседами о Розе», а Жерсон — трактатом против «Романа о Розе», в котором аллегорические фигуры жалуются перед «священным двором христианства» на Жана де Мена и проклинают его. Хотя последнее слово в споре было за Жерсоном, он не смог разрушить притягательность этой книги. Ее продолжали активно читать и в XVI веке, она пережила даже попытку морализировать персонажей, когда Розу представили аллегорией Иисуса.

Жерсон оставался внутри официальной теологии, но поиски веры увлекали других в сторону институциональной религии. Они искали замены ритуалам, ставшим рутиной и источником коррупции. Казалось, люди потерялись в темном лесу, со всех сторон подстерегала опасность и все больше требовалась вера.

Ущерб, нанесенный схизмой, усугублялся. Ради поддержания собственного престижа оба папы вели себя экстравагантно, а для этого им требовалось все больше и больше денег. Папа Бонифаций имел в Риме долю с ростовщиков и бесстыдно торговал бенефициями, иногда перепродавая должности тем, кто платил больше. За деньги он позволял этим людям иметь одновременно и десять, и двенадцать бенефиций. Климент VII изымал «добровольные» пожертвования и субсидии и повышал церковные налоги до тех пор, пока в 1392 году епископы не отказались платить и не донесли свой протест до

папского дворца в Авиньоне. Будучи ставленником Франции, Климент взysкивал десятины с французских клириков. Денег ему не хватало, и он вынужден был занимать у ростовщиков и закладывать церковную утварь. После его смерти выяснилось, что он заложил даже папскую тиару.

В империи «эффект схизмы» был не слишком заметен, так как тамошняя обстановка и раньше была хаотичной, так что раскол не сделал ее намного хуже. Перед кончиной Карл IV принял меры предосторожности и заранее назвал императором своего старшего сына, короля Богемии Венцеслава, однако заблаговременная передача титула отнюдь не означала, что все будет просто и гладко. Это и неудивительно, поскольку Карл распределил управление имперскими территориями между двумя братьями Венцеслава — точнее, его дядей и двоюродным братом. Их интересы часто противоречили друг другу, соперничавшие дворы Виттельсбахов и Габсбургов враждовали друг с другом, более двадцати княжеств проявляли непокорность, города, боровшиеся за свои привилегии, формировали союзы. Из-за царившей анархии центральное правительство не имело возможности собирать положенные налоги, а император был не в состоянии контролировать ситуацию.

Венцеславу IV было восемнадцать, когда в 1378 году, вскоре после памятного визита в Париж вместе с отцом, его провозгласили императором. Несмотря на то, что отец учил его искусству управления, несмотря на то, что Венцеслав был хорошо образован и говорил на латыни, французском, немецком и чешском языках, характера ему не доставало, и он не мог повелевать обстоятельствами. Начальные попытки привести в равновесие разбалансированные силы и прекратить

постоянную вражду групп и классов, городов и принцев, мелких и крупных нобилей, германцев и чехов ни к чему не привели, образовался запутанный клубок, отрицавший сюзеренитет — и уничтожавший сюзерена.

Трагическая фигура — таким рисуют Венцеслава хронисты. Это был человек вроде Калибана — полушут, полузлодей, характер, составленный из полуправд и легенд и отразивший борьбу непримиримых противоречий. Поскольку его правление стало первопричиной гуситского восстания против церкви и возрождения чешского национализма, враждебно настроенного к германцам, то после смерти Венцеслав пострадал и от клириков, и от германских хронистов. Написанное слово одержало несправедливую победу. Впрочем, если в рассказах о Венцеславе многое преувеличено, некоторые записи похожи на правду.

Сторонники императора писали, что Венцеслав был недурен и хорошо воспитан, в то время как критики называли его «боровом», шлявшимся по ночам с дурными товарищами: по их словам, он вваливался в дома бюргеров и насиловал их жен, а свою жену упрятал в бордель; еще говорили, будто Венцеслав зажарил повара, который подал ему подгоревшую еду. Согласно этим версиям, он родился от сапожника и был уродливым и безобразным. Он якобы стал причиной смерти матери, скончавшейся при родах; в момент крещения он обгадил крестильную воду, а во время коронации, будучи двухлетним ребенком, испачкал покрывало на алтаре, потому что сильно потел. Все эти знаки, предвещавшие плохое правление, были выявлены постфактум. Венцеслав бывал счастлив только на охоте, по несколько месяцев проводил в лесу в охотничьем домике и пренебрегал своими прямыми обязанностями. Он

предпочитал компанию грумов и охотников, которых, к возмущению баронов, возводил во дворянство. Ранние попытки Венцеслава добиться правосудия и навести порядок лишили его душевных сил. Оказывая благоволение одной фракции, он настраивал против себя другую, ошибки в разрешении споров выставляли Венцеслава в глазах людей посмешищем и изрядно злили, он был неспособен проводить последовательную политику, бежал от проблем и находил удовлетворение в охоте и в пьянстве.

В Германии не находили ничего удивительного в мужчине, напивавшемся до бесчувствия. Но Венцеслав стал настоящим алкоголиком. Он становился раздражительным, угрюмым и праздным, не выезжал из Праги, игнорируя остальную империю. На него находили приступы гнева, во время которых он терял рассудок. Словно бы подражая своему хозяину, одна из собак набросилась на его первую жену Иоанну Баварскую и загрызла ее до смерти. Согласно другим источникам, Иоанна умерла от чумы и оставила безутешного (а может, очень пьяного) супруга, так что он даже не смог присутствовать на похоронах. Вряд ли он был столь безутешен, потому что вскоре женился на второй баварской принцессе, по слухам, очень красивой, и она будто бы сильно его любила. Церковь относилась к Венцеславу сдержанно, поскольку он позорил священников и их любовниц. Во времена его правления в 1389 году произошел знаменитый погром, когда в пасхальное воскресенье священника, шедшего с процессией по еврейскому кварталу, еврейский ребенок швырнул камень. Горожане выбежали из домов и набросились на евреев, в результате погибли три тысячи человек. Когда выжившие попробовали искать

справедливость у короля, Венцеслав заявил, что евреи заслужили такое наказание, и взял штраф с тех, кто выжил, а не с тех, кто учинил погром.

Самый знаменитый конфликт произошел с церковью и окончился канонизацией жертвы. Причина конфликта заключалась в обычной борьбе светской власти против церковников. В 1393 году вражда достигла пика, когда архиепископ Праги приказал своему викарию Яну Непомуку подтвердить выбор аббата, которого избрали монахи, а не кандидата, предложенного королем. Венцеслав разгневался и заточил в тюрьму архиепископа, викария и двух других прелатов. Архиепископа он затем освободил, а других заключенных подверг пыткам, чтобы вытянуть из них признание в злоумышленных замыслах иерарха. Узники молчали, и король, взбесившись, лично приложил горящий факел к ногам своих жертв. Напуганный тем, что сделал, он потом предложил сохранить им жизнь в обмен на клятвенное обещание никому не рассказывать о пытках. Ян Непомук был слишком измучен и не мог подписать это обещание, и тогда Венцеслав, желая уничтожить свидетеля, велел связать Непомуку руки и ноги и сбросить с моста во Влтаву. Впоследствии Яна Непомука канонизировали как великомученика и сделали покровителем всех мостов.

Неприятности короля продолжались все девяностые годы. Большую часть этого времени он был пьян, но не настолько, чтобы не суметь приумножить за счет богатых аристократов свои богемские владения. В результате аристократы объединились в своем антагонизме и в 1400 году сместили Венцеслава с императорского трона, хотя и оставили королем Богемии.

Трудности Венцеслава не сводились исключительно к особенностям его характера. Они олицетворяли собой весь XIV век. Венцеслав, как и остальные, заблудился в темном лесу своего времени. Как и французский король Иоанн II, он родился, чтобы править, но задача эта оказалась слишком тяжела для него в том столетии, где очень многое пошло не так, как следовало. Как и правительство, церковь в его стране не могла справиться с обязанностями, что послужило поводом к европейской Реформации. Гуситы позаимствовали доктрину Уиклифа и сто лет спустя открыли дорогу Реформации (самого Яна Гуса сожгли в 1415 году как еретика). В конце концов с Венцеславом случился апоплексический удар, от которого он и умер в 1419 году.

Во Франции в 1389 году разгорелись страсти по поводу непорочного зачатия девы Марии, и доминиканских монахов в его ходе обвинили в отравлении колодцев и рек. Доминиканский монах Жан де Монсон высказал мнение, что дева Мария зачала, как и прочие женщины. Парижский университет осудил его — он, как и францисканцы, защищал непорочное зачатие. Когда Монсон воззвал к папе Клименту, д'Альи и Жерсон отправились в Авиньон и потребовали официального одобрения их мнения. Папа Климент оказался перед дилеммой. Взгляды Монсона были из прежней ортодоксии, одобренной Фомой Аквинским. Если Климент их отвергнет, его соперник в Риме тотчас этим воспользуется. Если же он их поддержит, на него ополчится университет, и он возбудит гнев французского народа. Ситуация осложнилась, доминиканцам стали угрожать. В страхе за жизнь Монсон уехал в Рим, оставив Климента возвещать повсюду о непорочном зачатии.

Несмотря на то что поклонение деве Марии могло вызвать такие чувства, недоверие и непочтительность были отличительными чертами конца столетия, ведь жалобы священников отражали истинные настроения общества. Для клириков было обычным занятием распекать паству, но теперь напряжение усилилось. Многие люди «не верят в то, что находится выше крыши их дома», — жаловался будущий святой Бернардино Сиенский. Другой монах, Уолсингем, сообщал, будто некоторые английские бароны «полагают, что Бога нет, отрицают святость алтаря и воскрешение после смерти и считают, что смерть животного и человека одно и то же». С уходом веры, однако, никуда не делись завещания и оставление наследства часовням, монастырям, отшельникам и пожертвования верующим и паломникам. Из тех, кто при жизни проповедовал неверие, лишь немногие не принимали мер предосторожности перед смертью.

Жерсон и другие реформаторы осуждали слишком частое отлучение от церкви за то, что человек не принимает причастия или не соблюдает поста. Церкви пусты, мессу посещают редко, — писал Никола де Клеманж в большом трактате о горестях церкви «О церковном падении и восстановлении». Молодежь, по его словам, редко ходит в храм, разве что в дни постов, и то лишь для того, чтобы посмотреть на накрашенные лица дам, на их декольтированные платья и на прически — «огромные, увешанные жемчугом башни с рогами». Люди ходили на ночную службу в церковь не с молитвой, а с распутными песнями и танцами, а священники играли в кости. Жерсон осуждал ту же расслабленность: мужчины уходили из церкви среди службы, чтобы выпить, а «заслышав звон колоколов, означавший освящение хлеба

и вина, врывались в церковь, словно стадо быков». Он с гневом говорил об игре в карты, сквернословии, богохульстве; случалось, что во время церковных праздников в храмах вывешивались непристойные картины, соблазнявшие молодежь. Паломничества являлись поводом для дебоширства, прелюбодеяния и богопротивных удовольствий.

Непочтительность во многих случаях являлась побочным продуктом религии, она стала такой привычной, что на нее уже мало обращали внимания, однако к концу века хор упреков стал значительно громче, отражая растущее негодование. «Людам стало все безразлично, они закрывают глаза на скандалы, — печалился монах из Сен-Дени. — Говорить о реформе церкви значит понапрасну терять время».

Безразличие, однако, все равно, что вакуум в природе — неестественное состояние человеческих дел. В маленьких торговых городах северной Голландии, меж болот и вересковых пустошей возле устья Рейна, возникло новое религиозное движение. Кажется, только в удаленном уголке раздираемой междоусобицами Европы могло явиться на свет нечто свежее. Поскольку участники этого движения жили общинно, соседи узнали их как «братьев общей жизни», хотя сами они называли себя просто — «благочестивыми». Целью их было установить прямой контакт с Богом и с помощью молитвы и добросовестного труда создать благочестивое общество. Они не были экстремистами, как прежние братья свободного духа, называли себя «религиозными людьми, старающимися жить в мире», то есть в светском, незамкнутом пространстве.

Герард Гроот, основатель движения, был сыном преуспевающего торговца тканей из Девентера. Родился он в том же году, что и де Куси, изучал право и теологию в Парижском университете и вел при этом беспорядочную жизнь — ударился в магию, интересовался медициной и волочился за женщинами, занимался любовью «во всех зеленых лесах и на каждой горной вершине». Диспуты ученых он объявил «бесполезными и исполненными противоречий», после чего оставил университет и стал мирским священником. После карьеры пастора в Утрехте и Кельне он резко поменял свою жизнь — раздал собственность в Девентере и стал проповедовать жизнь, полностью посвященную Богу и не имевшую отношения к крещению и причащению святых даров.

Его рвение, ораторский дар и харизматичность привлекали многолюдные толпы, часто в церквях не хватало места всем тем, кто приходил издалека послушать его проповеди. Гроот ходил в старой заплатанной одежде и носил с собой стопку книг, с их помощью по окончании проповеди он посрамлял критиков. Гроот проповедовал любовь к соседям и к Богу, призывал избавляться от грехов и исполнять заповеди Господа. Он сокрушался из-за коррупции и предсказывал гибель церкви, клирикам проповедовал на латыни, а к мирянам обращался на доступном им языке. Один ученик записывал его слова, а другой сообщал о следующей проповеди в другом городе. Энтузиасты собирались в группы, усваивали принципы Гроота и постепенно начинали практиковать их; жили они в общих домах, мужчины и женщины отдельно.

Объединение было добровольным, в отличие от религиозных орденов, клятвой никого не связывали.

Согласно правилам Гроота, «Новому благочестию» (*Devotia Moderna*), члены братства должны были жить в бедности и целомудрии, не попрошайничать, а зарабатывать на жизнь, обучая детей; два члена братства, не состоявшие в гильдиях, копировали рукописи и готовили пищу. Работа, учил Гроот, «необходима человеку, потому что она побуждает мозг к чистоте», а не к коммерции. «Труд свят, а коммерция греховна». Умер Гроот от болезни в 1384 году, к тому времени количество домов с его последователями в Голландии и в долине Рейна перевалило за сотню, при этом женских домов было втрое больше, чем мужских.

Общины делали упор на индивидуальное служение, и само их существование без клятвы и без официальной регистрации являлось фактической критикой известных монашеских орденов. Добровольная религия, направленная на самого себя, была для церкви опаснее, нежели любое число неверных. Епископ Утрехтский запретил Грооту проповедовать. Когда впоследствии другие священники пытались задавить движение, его сторонники яростно и успешно отстаивали свои принципы. В 1415 году на совете Констанс Жерсон, пусть и не одобрявший эти доктрины, защищал их от обвинений в ереси. Общины сохранились, поскольку симпатизировали им не только миряне. Через два года после смерти Гроота братья основали первый официальный монастырь, он был связан с августинским орденом, хотя клятв там по-прежнему не приносили. Несмотря на то что движение было немногочисленным и ограниченным территориально, вскоре оно предъявило широкой публике трактат Фомы Кемпийского «О подражании Христу», и книга эта стала у католиков самой популярной после Библии.

В 1380 году в маленьком городе Кемпене, к югу от Девентера, в крестьянской семье родился сын, мать его была грамотной женщиной, в этом городке она заведовала школой для девочек. В двенадцать лет Фома из Кемпена (или Кемпийский, как стали его называть) поступил в школу общей жизни в Девентере, где жил и учился вместе со сверстниками, а затем и в связанный с этой школой августинский монастырь — там он пробыл до конца своей жизни, а прожил он 91 год. Фома любил книги и уединение, он собирал тексты проповедей Гроота и его учеников и пришел к мнению, что мир — иллюзия, а царство Бога внутри нас, и эта внутренняя духовная жизнь — приготовление к жизни вечной. С бесконечными вариациями и допущениями он повторял, что богатство, удовольствия и власть — то, чего хочет большинство людей и чего редко добивается — на самом деле не нужны, они лишь помеха на пути к вечной жизни, а путь к спасению лежит в отказе от земных желаний и в постоянной борьбе с грехом. В душе должно быть место для любви к Богу. Человек рождается со склонностью к пороку, но ради собственного спасения он должен в себе его преодолеть. Из труда рождается добро. И не важно, если не умеешь определить, что такое благоволение, лишь бы ты его чувствовал. Бедный и смиренный духом живет в изобилии мира; безопаснее быть в подчинении, нежели властвовать. Как только человек беспорядочно чего-либо желает, он тотчас становится беспокойным. В небесах должно быть жилище твое, смотри на все, что видишь, как странник в пути.

Все то, что изложено в трактате, не представляет ничего нового и примечательного. Книга «О подражании Христу» и в самом деле была подражанием учению Сына Божьего. Она утешала слабых, которые составляют

большинство человечества, и обещала им небесную награду. После появления книги люди так мало знали о Фоме, что некоторые рассматривали Жерсона как ее подлинного автора, кого-то вроде Бэкона, якобы стоявшего за Шекспиром.

В 1391 году Жерсон обратился к королю с речью, в которой осудил «насильственный путь». Он удерживал внимание двора с раннего утра и до позднего вечера. Ни на минуту не забывая, что за его предшественниками закрылись ворота тюрьмы, он шел на риск, но, будучи уроженцем Бургундии, Жерсон заручился поддержкой герцога, что и сделало возможным его выступление. Жерсон просил короля оставить *Voie de Fait* с сомнительными сражениями и пролитием крови, вместо этого он рекомендовал молитвы и покаянные процессии. Он позволил себе мягкий упрек: не следует затыкать рот университету при обсуждении Вселенского собора. «Я не сомневаюсь: будь вы лучше осведомлены о том, что ваша смиренная и преданная дочь — я имею в виду Парижский университет — желает сказать по этому поводу, вы охотно бы выслушали ее, и это оказало бы всем великую пользу».

Он смело предположил, что благосостояние папства зависит от состояния христианского сообщества в целом, и будет ужасно, если созданный на благо церкви папский престол послужит злу. Он помянул Людовика Святого, Карла Великого, Роланда и Маккавеев в надежде, что Карл VI вдохновится этими примерами и покончит со схизмой. Жерсон сказал, что это дело намного важнее крестового похода против ислама. «Что может быть

величественнее, чем единение христиан? Кто, кроме христианнейшего короля, может создать лучший союз?»

К тому моменту на «насильственном пути» встали более серьезные препятствия, чем Жерсон. Франция не могла идти войной на Италию без альянса или хотя бы без дружелюбного нейтралитета Флоренции и Милана, однако этому мешало состояние войны между упомянутыми городами, у которых во Франции имелись соперничающие поборники. Милан представляла Валентина Висконти, жена Людовика Орлеанского. Людовик мечтал об обретении обещанного ему королевства Адрия, хотел, чтобы в обмен на поддержку Франции для него выкроили бы это королевство из Папской области. Мечта зависела от доступа к богатству Милана и от поддержки свекром Людовика кампании *Voie de Fait*. Интересы Джан-Галеаццо допускали двойное толкование. Он не возражал против передачи королевства Адрия в дружественные — то есть французские — руки, но в то же время не желал, чтобы Франция обрела в Италии значительную власть. Он хотел заключить с французами союз против Флоренции, но не желал открыто поддерживать Климента или подключаться к кампании *Voie de Fait*. Лавируя между опасными рифами, он, должно быть, восстановил против себя флорентийскую Лигу и разрушил интриги многочисленных сыновей и родственников Бернабо, желавших его уничтожить.

По Неаполю разнеслась весть, что король Франции и антипапа Климент с большой армией идут на Рим с целью воссоединения церкви. Сам Климент был так уверен в себе, что заказал переносные алтари, седла (вьючные и для верховой езды), одеяла и все, что нужно, для большого похода. Папа Бонифаций сильно

встревожился и стал просить англичан, чтобы те воспрепятствовали французам. И это было сделано, но не войной, а предложением мира. В феврале 1391 года английские послы приехали во Францию и объявили, что готовы обсуждать мирный договор. На переговоры с англичанами отправили де Куси и Ривьера, и они пригласили французов на обед для дружеской беседы. В качестве доказательства серьезности своих намерений послы заявили, что на переговорах Англию будут представлять дяди короля Ричарда — Ланкастер и воинственный Глостер. Франция не могла отказаться от представившейся возможности, даже если она означала лишь отсрочку «насильственного пути», что, разумеется, и было целью англичан. Переговоры назначили на конец июня, и поход на Рим временно отложили.

Наступил июнь, и англичане, добившись своей первоначальной цели, стали затягивать переговоры. По их просьбе встречу перенесли еще на девять месяцев, до следующего марта. Дело было в том, что английские советники резко разошлись во взглядах. Король Ричард и два его старших дяди, Ланкастер и Йорк, выступали за мир, а неумолимый Томас Глостерский противился этому. Его отец завоевал Францию, не испытывая к оной личной вражды, однако с уходом старшего поколения чувство рыцарского братства увяло, и младший Глостер был убежден, что французы вероломны и коварны и с помощью изворотливых трюков и двусмысленных речей обманули англичан — лишили их того, что было записано в мирном договоре в Бретиньи. Он отказался подписывать мирное соглашение до тех пор, пока французы не вернут «все города, поселки, земли и сеньории», которые они вероломно забрали, не говоря

уже о 1 400 000 франков, которые они до сих пор так и не отдали за выкуп короля Иоанна.

Настоящая причина такого отношения была глубже. Глостер и поддерживавшие его бароны не хотели мира, потому что чувствовали: война — их призвание. За ними стояли бедные рыцари и оруженосцы Англии. Тем было все равно, кто прав и кто виноват, потому что война являлась единственным источником их выживания.

В этот момент старый союзник Англии, герцог Бретани Монфор, приверженный, как и всегда, междоусобице, неожиданно возобновил свою ссору с Францией. Игнорируя вассальную лояльность, он становился все более и более вздорным и дерзким, чеканил монеты с собственным профилем и совершал другие действия, демонстрировавшие всем его притязания на независимость. До переговоров с англичанами французы старались привести его в подчинение, они понимали, что неприкрытый фланг ставит их в невыгодное положение. Де Куси, один из немногих людей, допущенных к вспыльчивому герцогу, организовал ему в Туре встречу с королем и королевским советом. Монфор приехал на Луару в сопровождении полутора тысяч рыцарей и оруженосцев, его флот составлял пять кораблей с пушками. Переговоры шли три месяца — с октября по декабрь 1391 года. Монфор вилял, и его никак не удавалось склонить к соглашению. В качестве последнего средства Монфору предложили подписать брачный контракт его сына с дочерью короля Жанной, которой на ту пору еще не исполнилось и года. В прошлом такое же решение проблемы провалилось — тогда хотели привлечь Карла Наваррского. Договор заключили, однако Монфор уехал домой, затаив злобу.

В Туре с де Куси приключилось происшествие, имевшее для него горькие последствия, пусть уже после его смерти. Скончался единственный сын графа де Блуа, оставивший после себя огромное имение — и никаких наследников. Людовик Орлеанский, известный страстью к приобретательству, сразу же нацелился на эту собственность. Поместье находилось между Туренью и Орлеаном. Людовик, король и де Куси выехали из Тура — навестить горюющего и к тому же обанкротившегося отца. Граф был когда-то заложником в Англии, ему пришлось купить себе свободу, и через короля Эдуарда он перевел де Куси свою собственность в Суассоне. Бессмысленная расточительность уничтожила огромное состояние де Блуа, от переедания и злоупотребления алкоголем граф и его жена страшно растолстели, так что он не мог уже ездить верхом, и на охоту его везли на носилках. На графа часто находили приступы гнева, однажды, что, впрочем, характерно для XIV века, он кинжалом убил рыцаря. Сейчас он был стар, болен, бездетен, и его окружала толпа метивших в наследники и переругавшихся между собой людей.

Де Куси имел большое влияние на графа Ги. Более того, он удерживал права на часть его имущества, поскольку граф до сих пор должен был ему определенную сумму за «уступку в Суассоне». Обе стороны выбрали Ангеррана как признанного переговорщика (*un grand traitteur*) для оценки имения и для продажи его Людовику Орлеанскому. Передача династической собственности за деньги считалась чем-то вроде позора. Если де Куси и не хотелось принимать участия в этом деле — а документальных свидетельств этого не существует, — то он был щедро, очень щедро вознагражден Людовиком Орлеанским. Когда ему

удалось снизить цену с двухсот тысяч франков — столько граф де Блуа запрашивал за свои земли в Эно — на пятьдесят тысяч, то есть на 25 процентов, герцог вернул де Куси разницу. Людовик передал Ангеррану и десять тысяч флоринов, которые ему задолжали за Тунисскую кампанию, «поскольку упомянутый кузен оказал нам многочисленные и большие услуги». За все поместье Людовик заплатил четыреста тысяч франков, которые взял из приданого своей жены, и сравнялся со своими дядями в количестве имеющейся в его распоряжении земли.

Фруассар, бывший в услужении у графа де Блуа, пока тот не обанкротился, сделал вдруг удивительное заявление: «В этом деле нужно осудить сира де Куси». Возможно, он имел в виду, что де Куси не следовало брать деньги за ведение сделки, которую Фруассар считал постыдной. Почитатель касты часто исповедует более высокие идеалы, чем сами ее члены. По иронии судьбы, домен де Куси после его кончины перешел в руки герцога Орлеанского.

Изредка появляясь дома, де Куси возобновлял исполнение обязанностей главнокомандующего в Оверни и в Эно. В январе 1392 года он снова сопровождал короля в переговорах в Амьене. Непосредственно перед переговорами — как счастливое предзнаменование — у Изабо и Карла родился сын, это был их пятый ребенок, из которых двое старших уже скончались. Париж отпраздновал событие колокольным звоном, на площадях зажгли костры. Люди заполнили церкви и благодарили Бога за дофина, а после пели и танцевали на улицах, где благородные дамы и богатые буржуа накрыли для них столы с угощением и вином. Ребенок, которому все так радовались, умер в возрасте девяти лет, как и четверо

других сыновей, из всего королевского потомства уцелел один — слабый дофин Карл VII, которого впоследствии коронует Жанна д'Арк.

Были приняты экстренные меры для того, чтобы между французами и англичанами не возникли имущественные споры, которые могли сорвать переговоры. Совет приказал французским подданным под страхом смерти воздержаться от оскорблений, провокационных высказываний, дуэлей и даже разговоров о сражениях. Никто не имел права выходить ночью без факела; любой паж, по чьему скудоумию в таверне могла разгореться ссора, приговаривался к смерти. Круглосуточно четыре отряда по тысяче человек в каждом должны были выходить в караул, чтобы предотвратить скопления людей, чреватые беспорядками. Если звонил пожарный колокол, караульные не имели права покидать свои посты, предоставляя право действовать пожарным командам. Англичан должны были встречать «с величайшими почестями», с ними обращались очень любезно и бесплатно развлекали. Хозяева постоянных дворов не должны были требовать с них деньги и переправляли их счета в королевскую казну.

Эти предосторожности французов отражали желание не столько мира, сколько того, чтобы подписание соглашения открыло *Voie de Fait* и возможность начать крестовый поход. С английской стороны такое же желание имелось у герцогов Ланкастера и Йорка, однако отсутствие Глостера было дурным знаком. Сознвая влияние де Куси, английские герцоги привезли с собой его дочь Филиппу, тем самым они явно надеялись завоевать поддержку Ангеррана при заключении договора. Филиппа выразила страстное

желание увидеть отца, которого почти не знала, и де Куси был очень рад встрече. Его дочь «прибыла в добром здравии, но все равно что вдова, испытавшая мало счастья в своем браке».

Переговоры начались в Пасху, в присутствии сидевшего на троне Карла. Церемония была устроена с размахом, словно торжественность обстановки призвана была поспособствовать счастливому разрешению конфликта. Приближаясь к трону, Ланкастер трижды припадал на колени, король приветствовал его любезными словами, а герцоги Бургундский и Беррийский поцеловали его в знак мира. Никогда еще герцог Бургундский не выглядел столь великолепно. На нем был черный бархатный костюм, на левом рукаве вышита ветвь с двадцатью двумя розами, состоявшими из сапфиров и рубинов в окружении жемчуга. На следующий день он облачился в алый бархат, на этом костюме с левого и с правого бока был вышит серебром медведь, загривок и морда которого сверкали переливавшимися драгоценными камнями. Сановные французские аристократы, включая де Куси, каждый вечер давали англичанам пир, во время этих застолий хозяева и гости обменивались рыцарскими любезностями и возобновляли старые знакомства.

Всех этих предосторожностей, бесплатных обедов и роскоши оказалось недостаточно для достижения мира. Переговоры длились две недели, но обе стороны признавали, что все бесполезно. Требование англичан выдать более миллиона франков за выкуп Иоанна встретило требование французов заплатить три миллиона за ущерб, нанесенный их земле. Французы согласились вернуть Кале, но при этом заявили, что снесут город и сделают это место необитаемым.

Англичане отказались, поскольку считали, что, удерживая Кале, «они носят на поясе ключ от Франции». Как и всегда, шли споры о суверенитете Аквитании. И даже когда французы наконец-то согласились заплатить выкуп за Иоанна и даже готовы были уступить Аквитанию в обмен на снос Кале, англичане заартачились. Оказывается, они не были уверены, хотят ли мира. Когда Карл заговорил о крестовом походе, англичане, как бывало и раньше, сказали, что они не уполномочены подписывать соглашение, но доложат обо всем своему королю. Еще одни мирные переговоры окончились ничем. Перемирие отложили на год. Окончить войну было страшно трудно.

То ли из-за разочарования, то ли по естественным причинам, но посреди переговоров король Карл заболел: у него поднялась температура и начался бред. Из Амьена его перевезли в епископальный дворец в окрестностях Бове, где за ним бережно ухаживали. Король вскоре поправился и к июню возобновил охоту и участие в других развлечениях. Странная болезнь не вызвала дурных предчувствий, хотя и должна была насторожить.

ГЛАВА 24

ПЛЯСКА СМЕРТИ

История впервые жестоко продемонстрировала уязвимость нации, вызванную физическим состоянием лидера государства. Франция испытала это на себе начиная с 1392 года.

Обстоятельства, приведшие страну к кризису, породила борьба за власть, сосредоточившаяся на фигуре коннетабля Клиссона. Он стал объектом

политической враждебности и неувядающей ненависти герцога Бретанского. Пока Клиссон сохранял главный военный пост с доступом к огромным финансовым средствам и оставался в партнерских отношениях с «мармозетами» и с братом короля, дяди держались на расстоянии. Герцог Бретанский боялся его как соперника в бретонских делах и ненавидел все сильнее, потому что ему не удалось убить коннетабля, когда у него была такая возможность. В желании уничтожить Клиссона интересы герцога и королевских дядьев совпадали, и они тайно общались друг с другом.

Связующим звеном между ними был протеже герцога Бургундского, состоявший в родственных отношениях как с герцогиней Бургундии, так и с герцогом Бретани, — тот самый злодей Пьер де Краон, что растратил средства герцога Анжуйского в неаполитанской кампании. Он не подчинился королевскому приказу и не вернул деньги вдове Анжуйского, а вдобавок убил рыцаря в Лане, однако воспользовался своими связями и вымолил прощение. Эти проступки не помешали ему возвращаться при дворе в числе искателей удовольствий. Должно быть, он обладал «обаянием зла». Тем не менее Краон разгневал Людовика Орлеанского, сообщив его жене — очевидно, из-за непреодолимого желания сделать пакость — о сердечной привязанности ее мужа на стороне. Герцог сам ему в этом признался и даже взял Краона с собой, когда посещал красивую, но излишне добродетельную даму, отказавшуюся от тысячи золотых крон в обмен на любовь. Прознав об этом, взбешенный Людовик рассказал королю о предательстве Краона, и монарх изгнал нарушителя спокойствия, а Краон заявил, что удалили его за то, что он попытался заставить герцога

бросить оккультные практики и перестать общаться с колдунами.

Преисполненный негодования, он отыскал прибежище у своего кузена — герцога Бретани. В Краоне герцог нашел человека, который помог бы ему уничтожить Клиссона. Поскольку Клиссон был женат на племяннице герцогини Анжуйской, он автоматически разделял присущую этой семье вражду к Краону. Поэтому Краон уже подозревал, и герцог Бретани легко убедил его в этом, что его устранению поспособствовал Клиссон. Что ж, возможно, так и было на самом деле. По слухам, Клиссон обнаружил тайную переписку между Краоном и герцогами. Краон теперь жаждал отмщения.

Ночью 13 июня 1392 года, тайно вернувшись в Париж, Краон устроил засаду на улице, по которой Клиссон должен был возвращаться к своему особняку. Вместе с Краоном в темноте притаилась группа из сорока вооруженных сообщников. Для расправы с мирным горожанином этого хватало с избытком. Когда человек действительно хочет чьей-то смерти, рыцарский код для него не существует. Вместо того чтобы вызвать противника на открытый поединок, Краон предпочел напасть в темноте. За ним ходила слава человека бессовестного; впрочем, он был такой не один — Монфор тоже забыл о чести, верности и других принципах рыцарства, когда похитил Клиссона. Да и самого Клиссона нельзя было назвать Роландом. На этих людей подействовали последствия чумы, разбоя и схизмы, и основы рыцарского поведения были ими позабыты.

В сопровождении восьми безоружных помощников с факелами Клиссон возвращался верхом с вечеринки, устроенной королем во дворце Сен-Поль. Он обсуждал со

своими оруженосцами ужин, на который на следующий день хотел пригласить де Куси и герцогов Орлеанского и де Вьена, когда неожиданно свет факела упал на темные фигуры всадников и тускло замерцавшие шлемы и кирасы. Нападавшие затушили факелы Клиссона и набросились на коннетабля и его спутников с криками «Смерть! Смерть!». Люди Краона не знали, на кого они нападают, от них это держали в секрете. Они были потрясены, когда их предводитель, выхватив меч, погнал их вперед и воскликнул: «Клиссон, ты должен умереть!»

— Кто ты? — выкрикнул Клиссон неизвестному противнику.

— Я Пьер де Краон, твой враг! — ответил тот, уже не скрываясь, поскольку предполагал, что увидит труп, а впоследствии и смену правительства. Его люди застыли, обнаружив, что принимают участие в убийстве коннетабля Франции. Они не решались продолжить атаку, «ибо в предательстве нет доблести». Вооруженный одним кинжалом, Клиссон отчаянно защищался, пока, сраженный множеством ударов, не свалился с лошади. Он упал на землю возле пекарни, и дверь отворилась под тяжестью его тела. Услышав шум, пекарь вовремя подскочил и втащил коннетабля в дом. Решив, что Клиссон мертв, Краон и его отряд бросились наутек. Те из спутников Клиссона, что выжили во время стычки, нашли его в пекарне. Клиссону досталось несколько ударов меча, он истекал кровью и казался мертвым. Короля подняли с постели и сообщили об ужасном событии. К тому моменту, как король примчался к пекарне, Клиссон пришел в себя.

— Как ты, коннетабль? — спросил Карл, пришедший в ужас от страшного зрелища.

— Неважно, сир.

— Кто это сделал с тобой?

Когда Клиссон назвал своего убийцу, Карл поклялся, что не успокоится, пока не накажет злодея. Он позвал своих врачей, и те, осмотрев Клиссона, закаленное тело которого пережило сотню сражений, пообещали, что он поправится. Клиссона перенесли в его резиденцию, и коннетабль был рад визиту де Куси, товарищу по оружию, которого первым после короля известили о нападении.

Приказ о поимке Краона не был выполнен, поскольку ворота города все еще оставались открытыми: засовы с них сорвали во время восстания. Узнав, что Клиссон чудом выжил, Краон бежал из города, галопом примчался в Шартр, а оттуда ускакал в Бретань. «Дьявольская история, — сказал он герцогу, объясняя свою неудачу. — Должно быть, все демоны ада — дружки Клиссона — собрались и вырвали его из моих рук. Ведь ему досталось более шестидесяти ударов мечом и ножей, и я был уверен, что он умер».

Король Карл счел, что покушение на главного защитника государства означает нападение лично на него, и приказал найти убийцу. Два оруженосца Краона и паж были обезглавлены, как и дворецкий его парижской резиденции за то, что не доложил о возвращении Краона в столицу. Каноника Шартра, предоставившего Краону убежище, лишили бенефиций и осудили на пожизненное заключение в тюрьме, посадив на хлеб и воду. Собственность Краона была конфискована и передана в королевскую казну, поместья и замки снесены. Возбужденное состояние короля передалось и придворным. Адмирал де Вьен, проводивший по приказу

короля опись имущества Краона, выгнал его жену и дочь без каких-либо средств — в той одежде, какая на них была, а прежде, если верить одному отчету, изнасиловал дочь и забрал себе из дома все ценности. Возможно, он полагал, что предательство Краона оправдывает такое недостойное поведение, хотя товарищи-нобили его осудили. Попытка покушения на коннетабля породила уродливые поступки, словно Краон высвободил копившееся зло, которое наконец вырвалось наружу.

События пришли в движение, за убийством последовала война. Когда герцогу Бретани приказали выдать обвиняемого, он заявил, что ничего о нем не знает, и отказался что-либо предпринимать. Тогда король объявил ему войну. Едва оправившись от болезни в Амьене, Карл часто терял нить беседы и говорил невпопад, а еще то и дело словно над чем-то задумывался. Врачи не советовали ему начинать кампанию, однако он, подстрекаемый братом, настоял на своем. Герцоги Бургундский и Беррийский зависели от герцога Бретани, он был их союзником в политической борьбе, поэтому они всеми силами старались предотвратить войну. Герцогиня Бургундская добавила жара разгоревшемуся семейному конфликту. Герцогиня была племянницей Монфора и потому взяла его сторону, да она и сама ненавидела Клиссона и желала отомстить. За сумасшествием вокруг Краона явно ощущалось влияние Бургундии.

Когда стало известно, что по завещанию Клиссона, продиктованному после нападения, он оставляет миллион семьсот тысяч франков, не считая земель, гнев дядюшек, почувствовавших себя обделенными, невозможно было описать. Такое состояние — больше, чем у короля — не могло быть добыто честным путем.

Публика была готова поверить этому, ибо Ривьер и Мерсье тоже приумножили свои состояния, находясь на государственной службе, этих двоих все не любили, считали высокомерными и продажными. Раздоры и вражда зрели и накапливались, а страдавший расстройством рассудка король тем временем призывал к войне.

Совет одобрил кампанию; дядюшки, не допущенные к принятию решения, но желавшие присоединиться к королю, были единодушны в своей ненависти к министрам. «Они мечтали лишь об одном — как бы их уничтожить». Первого июля король в сопровождении Бурбона и де Куси покинул Париж и двинулся на запад. Ехали медленно, поскольку по пути к ним присоединялись рыцари вместе со свитой. Из-за нездоровья Карла остановки делали длительные, к тому же приходилось ждать дядюшек. В надежде предотвратить войну те тянули время и мешкали, усиливая нетерпение Карла. Он не мог ни есть, ни пить, каждый день ходил в совет, ибо ему не терпелось наказать герцога Бретанского, и он впадал в ярость от любых возражений. Разногласия, усилившиеся после приезда герцогов Бургундского и Беррийского, распространились и на армию: рыцари обсуждали достоинства и ошибки кампании. В ответ на второй призыв выдать Краона Монфор снова ответил, что ничего о нем не знает. У короля начался жар, и врачи запретили ему ехать верхом, но Карл уже не мог больше ждать.

Поход начался в середине августа, в сильную жару. Вышли из Ле-Мана, что на границе с Бретанью. На короле был черный бархатный камзол и украшенная жемчугом алая бархатная шляпа. Он ехал поодаль от остальных: не хотел дышать пылью, поднимавшейся с

песчаной дороги. Два пажа следовали сзади, один вез его шлем, а другой — копье. Впереди в одной группе ехали двое дядюшек, а в другой — Людовик Орлеанский вместе с де Куси и Бурбоном. Когда процессия проезжала через Манский лес, из-за дерева внезапно выскочил босоногий оборванец, схватил королевского коня за седло и отчаянно крикнул: «Не езжайте далее, благородный король! Вернитесь назад! Вас предали!» Карл испуганно отшатнулся. Стражник отодрал руку оборванца от седла, но поскольку все посчитали его бедным сумасшедшим, то и не стали арестовывать, даже когда он поплелся за процессией и полчаса кричал о предательстве короля.

В полдень всадники выехали из леса на равнину. И люди, и лошади страдали от палящего солнца. Один из пажей, задремав в седле, уронил копье короля, и оно с громким лязгом ударило по стальному королевскому шлему, который вез другой паж. Король вздрогнул, а потом неожиданно выхватил свой меч, пришпорил лошадь и крикнул: «Вперед, смерть предателям! Они хотят отдать меня врагу!» И стал размахивать мечом, стараясь поразить всех, кто был рядом.

— Боже! — воскликнул герцог Бургундский. — Король сошел с ума! Держите его, кто-нибудь!

Никто не осмелился подчиниться. Все в ужасе собрались вокруг, отводя удары меча, но не решаясь ответить ударом на удар, а Карл дико налетал то на одного, то на другого, пока не изнемог. Он задышался и весь взмок от пота. Наконец его камергер, Гийом де Мартель, которого король любил, схватил Карла сзади, другие отобрали меч, сняли короля с лошади и осторожно положили на землю. Он лежал неподвижно,

молчал; глаза у него были открыты и он никого не узнавал. Один или несколько рыцарей (количество зависит от разных версий), которых король убил, лежали рядом в пыли.

Ситуацию взял под контроль смелый, как и всегда, Филипп Бургундский. «Мы должны вернуться в Ман, — решил он. — В Бретань мы не пойдём». Короля Франции положили на повозку, запряженную волами, и повезли назад, а ошарашенный отряд ехал рядом, и у некоторых рыцарей бешено крутились в голове мысли о будущем. Карл пролежал в коме четыре дня, все думали, что он вот-вот умрет. Королевские врачи даже не надеялись на благополучный исход, да и другие приглашенные врачи — герцогов Бургундского, Орлеанского и Бурбонского — после консультации решили, что наука бессильна.

После ужасного сообщения о сумасшествии Карла все только и говорили о колдовстве, о яде и предлагали открыть для посетителей покои больного. «Все добрые французы рыдали — оплакивали здоровье Франции, зависящее от здоровья ее короля». Священники, всхлипывая, читали молитвы, епископы возглавили босоногие процессии, несли восковые фигуры монарха, вылепленные в натуральную величину. К реликвиям, будто бы обладающим исцеляющей силой, люди приносили пожертвования, простирались перед распятием, изображениями святых и просили об излечении короля.

Мало кто верил в естественные причины болезни. Кто-то думал, что Господь прогневался на неспособность короля взять в руки оружие и покончить со схизмой; другие, напротив, считали, что Богу не понравилось такое намерение короля; многие полагали, что это —

наказание за непосильные налоги. Большинство было уверено, что причиной болезни стало колдовство, к тому же и погода в то лето выдалась невероятно знойной — пруды и реки высохли, скот умирал от жажды, прекратилось движение по рекам, и купцы говорили, что за последние двадцать лет они понесли самые большие убытки.

В это мрачное время распространилась вера в заговоры. Люди стали шептаться, обвиняя в случившемся герцогов. Почему не арестовали и не допросили «лесного призрака»? Уж не был ли он подослан герцогом Бретанским или дядьями, чтобы заставить короля повернуть назад? Может, безумие короля вызвано преднамеренными проволочками герцогов? Чтобы развеять подозрения народа, герцог Бургундский провел официальное расследование, и врачи короля подтвердили, что Карл был болен и раньше.

Де Куси также пригласил своего личного врача, самого образованного во Франции. Гийому де Арсиньи, ровеснику века, было девяносто два года. После защиты диплома в Парижском университете он путешествовал по миру, дабы набраться новых знаний: учился в Каире у арабских профессоров, у итальянцев в Салерно — и, обогащенный знаниями, вернулся в родную Пикардию. О болезнях человека он знал все. Благодаря его уходу — а может, и благодаря естественным процессам — лихорадка отступила, и постепенно к бедному молодому человеку, не достигшему еще и двадцати пяти лет, стали возвращаться проблески разума, и он с ужасом понял, какое несчастье на него свалилось. В течение месяца состояние Карла настолько улучшилось, что Арсиньи взял его в высокогорный замок Крей над рекой Уаза, где король мог дышать «лучшим воздухом парижского

предместья». Двор возрадовался и преисполнился благодарности к искусству врача де Куси.

Первые четыре дня, когда все думали, что Карл умрет, дядюшки не упустили возможность выступить против «мармозетов». «Настал час, — сказал герцог Беррийский, — когда я им отплачу». В тот самый день, когда у короля случился приступ, кто-то сообразительный понял, что колесо Фортуны повернулось, и предупредил «мармозетов»: мол, тем лучше скрыться. На следующий день в Ле-Мане герцоги Беррийский и Бургундский, как старшие родственники короля, объявили о своем старшинстве, хотя на самом деле к короне был ближе Людовик. Дядья распустили Совет и армию и взяли в руки бразды правления. Вернувшись через две недели в Париж, они сформировали послушный совет, который тотчас поручил правление Филиппу Смелому на основании того, что Людовик Орлеанский слишком молод, и «мармозетов» сместили. Ривьера и Мерсье, не пожелавших отказаться от власти, арестовали и заключили в тюрьму, а их земли, дома и состояние конфисковали. Их более предусмотрительный коллега, Жан де Монтегю, по слухам, родной сын Карла V, едва услышав о болезни короля, переехал вместе со своим состоянием в Авиньон.

Легкость переворота обескураживает. Сделали его возможным помрачение рассудка у короля и ранение Клиссона. В отсутствие королевского покровительства Ривьер и Мерсье лишились независимости и статуса; шестимесячному дофину не назначили регента; Людовику не доставало уверенности и решительности, хотя он смог бы перехватить власть, если де Куси, Бурбон и остальные члены Союза были бы готовы воспрепятствовать герцогам. По всей же видимости,

готовности не было и в помине. Они не были уверены в поддержке армии, потому что аристократы враждовали друг с другом. Поскольку состояние короля было неопределенным, никто не знал, к кому примкнуть. И, главное, коннетабль «вышел из строя» (*hors de combat*).

Де Куси, похоже, инстинктивно сделал свой выбор, ибо 25 августа он вместе с управляющим герцога Бургундии Ги де ла Тремуайем уведомил герцога Бретани, что война против него не состоится. В судьбе Ривьера и Мерсье он сыграл темную роль. Хотя за последние пятнадцать лет де Куси вместе с Ривьером принимал участие во многих кампаниях, тем не менее Ангеррана вместе с другими нобилями послали схватить бывшего партнера в его родовом замке, куда Ривьер бежал еще до приказа об аресте. Ривьер, как говорят, сам открыл дверь перед захватчиками. Десять лет спустя мадам де Ривьер, уже после смерти супруга и де Куси, поведала, что Ангерран забрал сундуки с серебряной и золотой посудой и снял со стен гобелены, чего раньше никогда не бывало.

В случае с Мерсье де Куси открыто нажился. Герцоги наложили на де Куси обязательства и отдали ему вместе с доходом главный замок Мерсье — Нувьон-ле-Конт в епархии Лана. Правитель часто обретал себе поддержку тем, что дарил одному нобилю конфискованную собственность другого. Испытывал ли де Куси угрызения совести, принимая подарок, неизвестно, но если бы он отказался, герцоги наверняка увидели бы в нем врага.

В тюрьме Ривьер и Мерсье каждый день ждали пыток и казни — обычная судьба тех, кто утрачивал власть. Ривьер держался стойко, а Мерсье пролил

столько слез, что почти ослеп. Каждый день люди приходили на Гревскую площадь, чтобы не пропустить зрелища: им хотелось увидеть, как расправятся с заключенными. «Рассудительный, хладнокровный и дальновидный», герцог Бургундский не требовал смертной казни. Он вел себя осторожно, пока был шанс, что король придет в себя и восстановит свою власть. Состояние Карла улучшалось, и он требовал возвращения бывших советников, а народ, любивший и жалевавший короля, склонялся в их пользу. Теперь припомнили, что Ривьер всегда был «добрым, вежливым, обходительным и терпеливым с бедным народом». После восемнадцати месяцев тюремного заключения обоих освободили и вернули им собственность, в том числе и ту, что временно побывала в руках де Куси.

Увольнение Клиссона стало триумфом герцога Бургундского. Клиссон пришел к нему и поинтересовался, как шли без него дела в государстве. Филипп злорадно посмотрел на него. «Клиссон, Клиссон, — процедил он сквозь зубы, — тебе не следует об этом беспокоиться; королевство обойдется без твоих услуг». Затем, не в силах скрыть истинную причину своего гнева, спросил, где «демон» Клиссон нахапал такое богатство — больше, чем у него и герцога Беррийского вместе взятых. «Убирайся с моих глаз, — вскричал он, — если бы не моя честь, я бы тебе вышиб и второй глаз!» Клиссон вернулся домой в задумчивости. В ту же ночь, под покровом темноты, он вместе с двумя помощниками выехал из особняка через задние ворота и направился в свой замок Монлери, к югу от Парижа, где мог защитить себя.

Герцог Бургундский разъярился и снова позвал де Куси, чтобы тот выступил против своего собрата по оружию. Вместе с Ги де Тремуайем его назначили

командующим армии в триста копий, включавшей многих прежних товарищей коннетабля. Им было приказано пойти по пяти разным дорогам и не возвращаться без Клиссона, живого или мертвого. Нельзя сказать, что это был мудрый шаг герцога Бургундского. Предупрежденный друзьями, Клиссон скрылся в Бретани, в крепости Жослен, где на своей территории он мог отразить любое нападение. Однако это бегство позволило герцогу сделать Клиссона козлом отпущения. Бывшего коннетабля обвинили в предательстве и наложили на него штраф в сто тысяч марок. Людовик Орлеанский отказался утвердить приговор, однако не осмелился открыто выступить против своих дядюшек.

Де Куси снова предложили меч коннетабля. Герцог Бургундский явно хотел завербовать его на свою сторону. Если этот пост не привлекал де Куси в последние дни Карла V, то еще менее он нравился ему теперь; к тому же Ангерран не хотел воспользоваться падением своего друга. Он «решительно отказался принять жезл, даже если для этого его принудили бы покинуть Францию». Риск не оправдался. Убедившись, что де Куси не уговорить, дядья отдали этот пост молодому графу д'О и вроде бы пообещали ему, что, разбогатев, тот сможет жениться на дочери герцога Беррийского.

Благодаря стараниям врача де Куси, к концу сентября король, кажется, обрел рассудок. В сопровождении де Куси он совершил благодарственное паломничество к Нотр-Дам-де-Льес, маленькой церкви возле Лана, построенной в память трех крестоносцев, взятых в плен сарацинами. Они будто бы обратили в христианство дочь султана и с помощью статуи девы Марии перенеслись вместе с принцессой по воздуху на

родную землю. На обратном пути Карл заехал в замок де Куси, где 4 октября отобедал в компании с герцогом Бургундским и вместе с ним молился в Сен-Дени, после чего вернулся в Париж. При новом правительстве де Куси оставался главным членом совета и делил свое время между заседаниями и обязанностями главнокомандующего Оверни.

К расстройству придворных, мудрый старик Арсиньи отказался от уговоров и обещаний и настоял на своем возвращении в Лан. Ему выдали две тысячи золотых крон и разрешили бесплатно пользоваться четырьмя лошадьми из королевских конюшен на случай, если он захочет посетить двор. Он этой привилегией не воспользовался и через несколько месяцев скончался.

В культе смерти XIV века могила Арсиньи была первой в своем роде. Мраморное изваяние не показывает его в расцвете сил — в 33 года, — как это было принято в надежде на воскрешение: избранные должны подняться из могилы в возрасте Христа. Напротив, следуя указаниям покойного, изваяние сделали похожим на уложенный в гроб труп. Лежащая фигура выглядит точно такой, какой была в момент смерти. Арсиньи изображен обнаженным — очень худой, кости обтягивает морщинистая кожа, руки сложены над гениталиями — откровенная демонстрация ничтожности жизни смертного.

Прежде чем покинуть венценосного пациента, Арсиньи посоветовал не обременять его государственными обязанностями. «Я возвращаю его здоровым, — сказал он, — но будьте осторожны — не тревожьте и не раздражайте короля. Его мозг еще не окреп, он потихоньку будет приходить в порядок, лучше

всего для него — удовольствия и забытье». Такой совет подходил герцогам как нельзя лучше. Правитель лишь по имени и титулу, Карл вернулся в Париж любезничать с дамами в садах Сен-Поля и принимать участие в развлечениях, которые каждый вечер устраивали ему жена и брат. Дядья не вмешивались: пока королева и герцог Орлеанский танцуют, они неопасны и даже не раздражают.

Вокруг двора постоянно увивались поставщики и ростовщики, на сцене каждый час разыгрывали мистерии, перед колдунами и чародеями широко распахивались двери, мода, особенно в отношении причесок, поражала своими крайностями. Молодые люди завивали волосы и носили раздвоенные бородки. Женские прически стали совершенно фантастическими и так увеличились, что, проходя в дверь, кое-кто из дам отступал в сторону — иначе было не разминуться. Королева Изабо и ее золовка Валентина соперничали друг с другом в новизне и роскоши нарядов, униженные драгоценными камнями платья изобиловали бахромой и диковинными узорами. В тавернах народ роптал: подобная вызывающая роскошь приходилась людям не по нраву. Молодого короля любили за приветливость, открытость и непринужденный разговор с людьми всех сословий, простой народ называл его *le Bien-aimé*, то есть «Возлюбленным», зато «иноземцев» из Баварии и Италии терпеть не могли и обвиняли дядюшек в том, что те поощряют мотовство, неподобающее французскому королю.

Оставшись в нежном возрасте без отца, Карл и Людовик не унаследовали от родителя заботы о достоинстве короны; о дисциплине и этикете они и понятия не имели. Они ни за что не отвечали и словно

постоянно играли в игрушки, но чтобы игра взрослых людей оставалась занимательной, ей требуются все новые излишества.

В ту ночь, когда произошла ужасная кульминация, де Куси был в Савойе; он использовал свой талант переговорщика для разрешения крупной семейной ссоры, разразившейся между правящим домом и всеми аристократическими семействами. Кризис угрожал заблокировать поход на Рим. Началось все с того, что «красный граф» Амадей VII, скончавшийся в 31 год, оставил опекуном своего сына не жену — дочь герцога Беррийского, а свою мать, сестру герцога Бурбонского. Прошло три месяца, прежде чем де Куси и Ги де Тремуай сумели составить договор, погасивший ссору, и разногласия были устранены.

Во вторник, в канун праздника Очищения девы Марии (18 января 1393 года), то есть через четыре дня после отъезда де Куси из Парижа, королева давала маскарад, желая отпраздновать бракосочетание любимой фрейлины, дважды вдовы, которая в третий раз выходила замуж. Повторный брак женщины, в соответствии с традициями, был поводом для насмешек и часто сопровождался всякими беспорядками, громкой нестройной музыкой и лязганьем цимбал перед спальней невесты. Все это было непристойно. Как заметил монах из Сен-Дени, король Карл позволил беспутным приятелям завлечь себя в эту авантюру.

Шестеро молодых людей, включая короля и Ивена, незаконнорожденного сына графа де Фуа, нарядились в «лесных духов». Они облачились в белые балахоны и смолой наклеили на ткань нити, выкрашенные в цвет волос. Создавалось впечатление, что мужчины наги и

волосаты, как сатиры. Маски совершенно скрывали их лица. В освещенном факелами зале молодые люди подвергались смертельному риску, и потому во время танца запрещено было приближаться к ним с огнем. Здесь явно присутствовал элемент русской рулетки — высокородных испорченных юнцов возбуждала близость смерти; подобное поведение не редкость в этой среде на протяжении столетий. К тому же жестоко было привлекать к такому спектаклю человека, склонного к сумасшествию.

Зачинщиком этого действия был «самый жестокий и дерзкий из людей», Уг де Гисей, ему благоволили в королевских кругах за смелые проказы. Человек этот отличался несправедливой жизнью, он провел беспутную юность, простых людей презирал и ненавидел. Он называл их собаками и, угрожая мечом и плетью, заставлял лаять. Если слуга чем-то ему не угодил, он заставлял его лечь на землю, вставал ему на спину, пинал шпорами и кричал: «Лай, собака!», не обращая внимания на стоны несчастного.

«Дикари» танцевали, а собранные заранее участники представления изображали вой волков и показывали непристойные жесты; гости тем временем пытались узнать, кто есть кто. Карл гримасничал и прыгал перед пятнадцатилетней герцогиней Беррийской, когда Людовик Орлеанский и Филипп де Бар, явившись откуда-то, вошли в зал с горящими, несмотря на запрет, факелами. То ли они хотели понять, кто прячется под масками, то ли рискуя намеренно — рассказы об этом эпизоде разнятся, — только Людовик поднял факел над одним из танцующих монстров. На ногу танцора упала искра, сначала вспыхнул один человек, а потом и другой. Королева, которая единственная знала, что среди

танцоров есть Карл, вскрикнула и потеряла сознание. Герцогиня Беррийская, узнав о короле, набросила на него свою юбку, защищая от огня, и тем самым спасла ему жизнь. Комната наполнилась рыданиями и воплями гостей, стоном горящих людей. Гости, пытавшиеся погасить пламя и содрать костюмы с извивающихся от боли жертв, сами сильно обожглись. За исключением короля уцелел только сир де Нантуе — он бросился в огромный чан с водой. Граф де Жуайни сгорел на месте, Ивен де Фуа и Эмери Пуатье два дня спустя скончались после страшных страданий. Уг де Гисей прожил три дня в агонии, до последнего часа проклиная и оскорбляя своих партнеров по танцу — мертвых и живых. Когда его гроб несли по улицам, простолюдины провожали мертвеца возгласами: «Лай, собака!»

Это страшное событие, произошедшее так скоро после приступа короля, сделалось чем-то вроде восклицательного знака к мрачной череде событий, измучивших XIV столетие. Карл уцелел лишь чудом, и парижане страшно разгневались: их возмутила ужасающая беспечность, угрожавшая жизни и чести короля. Если бы он умер, говорили они, народ уничтожил бы дядюшек и весь двор, «ни один из них не избежал бы смерти, в Париже не осталось бы ни одного рыцаря». Встревоженные этими опасными чувствами, напомнившими восстание майотенов, случившееся десять лет назад, дядюшки предложили королю проехать к Нотр-Даму и успокоить народ. За сидевшим верхом Карлом покаянно шли босиком его дяди и брат. Людовика, как невольного пособника трагедии, все осуждали за беспутное поведение. Во имя искупления грехов он построил церковь целестинцев с чудесными витражными окнами и богатыми алтарными

украшениями. Он заплатил за нее деньгами, которые корона выручила за конфискованную собственность Краона; при этом оставался вопрос: за чью душу теперь молится церковь?

Фатальный маскарад прозвали *Bal des Ardents* — «Бал объятых пламенем»; но его можно также назвать *Dance Macabre* («пляской смерти»), в честь возникшей в том столетии аллегорической драмы или процессии на тему смерти. Само слово *Macabre*, неизвестного происхождения и значения, впервые появилось в поэме 1376 года, написанной Жаном ле Февром, управляющим герцога Анжуйского. В этой поэме есть строка «*Je fis de Macabre le danse*» («Я сочинил макабрский пляс»). Возможно, это слово пришло из более древнего произведения «*Danse Machabreus*» и связано с Иудой Маккавеем, научившим иудеев молиться за души умерших, либо произошло от еврейского слова, означающего могильщиков. Получается, что евреи в средневековой Франции работали могильщиками. Сам танец, вероятно, возник под влиянием возвращавшейся чумы: тогда на улицах устраивали представления, иллюстрировавшие проповеди о том, что перед смертью все равны. На фреске в церкви Невинноубиенных в Париже изображены пятнадцать пар фигур — священников и мирян — в виде процессии: от папы и императора и далее, по значимости — монах, крестьянин, монах из нищенствующего ордена и ребенок.

Эту фреску сопровождал комментарий: «Подойди, взгляни на нас, мертвых, голых, полусгнивших и зловонных. Таким же будешь и ты... Жить, не думая об этом, означает проклятие... Власть, честь, богатство —

ничто; в час смерти важны лишь добрые дела... Каждый должен хотя бы раз в день подумать об ужасном конце. Напомни ему, что он должен творить добро и посещать мессу, если он хочет спастись и избежать страшных адских вечных мук».

Каждая фигура говорит что-то свое: коннетабль знает, что смерть уносит самых смелых, даже Карла Великого; рыцарь, некогда любимый дамами, уверен, что больше никогда с ними не станцует; пухлый аббат сознает: «самые толстые сгниют раньше других»; астролог понимает, что знание его не спасет; крестьянин, что прожил все свои дни в заботах, труде и часто хотел умереть, теперь, когда пришел его час, предпочел бы окапывать виноградники, даже в дождь и в ветер. Главное, на что указывает фреска снова и снова, — что здесь ты, ты и ты. Бледная фигура, возглавляющая процессию, не Смерть, а мертвец. «Это ты», — говорит надпись под фреской в Ла-Шез-Дье в Оверни.

Культ смерти достиг наивысшей точки в XV веке, но начало ему положило XIV столетие. Когда смерть встречается тебя каждый день и выскакивает из-за любого угла, то поневоле она становится банальной и лишается своего жуткого очарования. Особое внимание уделяли червям, разложению и прочим мрачным физическим подробностям. Там, где раньше главенствующей идеей смерти было путешествие души, теперь важнее становится гниение тела. Надгробные фигуры прежних веков были строгими, вздымали в молитве руки, в их открытых глазах светилась надежда на вечную жизнь. В этом столетии, следуя примеру Арсиньи, знаменитые прелаты часто просили представить себя в виде трупа со всеми реалистическими подробностями. С этой целью изготавливали из воска посмертные маски и снимали

слепки с тел. Над надгробной фигурой кардинала Жана де ла Гранжа, умершего в 1402 году в Авиньоне, красуется надпись: «Смотри, как он жалок, разве существует причина для гордости?».

В последующие десятилетия кладбище Невинноубиенных, прославившееся «Пляской смерти», изображенной на его стенах, стало самым желанным местом захоронения. На склепы, встроенные в сорок восемь арок монастыря, давали деньги богатые буржуа и аристократы, среди них Бусико и герцог Беррийский — они хотели обрести там вечный покой. Поскольку правом на захоронение в этом месте обладали двадцать церковных приходов, старые гробы стали выкапывать, а могильные камни продавать, освобождая место для новых надгробий. Черепа и кости, сложенные в груды под арками монастыря и привлекавшие любопытных, сделались мрачным доказательством того, что смерть всех уравнивает. И в самом монастыре, и рядом с ним появилось множество разных лавчонок; в аркадах скрывались женщины, не отличавшиеся чересчур строгими нравами; алхимики устроили там свой рынок; среди непрерывно засыпаемых и вновь раскапываемых могил назначали свидания; беспрепятственно шныряли под ногами собаки. Парижане приходили поглазеть на склепы, на выкопанные могильные кости, на фрески и читали эпитафии. Люди слушали бесконечные проповеди и с содроганием взирали на дующего в рог мертвеца во главе процессии жутких плясунов.

Искусство не осталось в стороне от кладбищенской темы. Терновый венок, до сей поры редко достаивавшийся внимания художников, стал теперь подлинным инструментом мучений, и кровь от его шипов обильно залила картины второй половины XIV века.

Художники изображали семь страданий, претерпленных девой Марией, начиная от бегства в Египет и заканчивая Пьетой — они то и дело писали безжизненное тело Ее Сына, лежащее у Нее на коленях. Клаус Слютер, скульптор герцога Бургундского, в 1390 году во Франции выполнил первую «Пьету» для монастыря Шанмоль в Дижоне. В то же время среди всего этого мрака появляются игривые улыбающиеся лица так называемых прекрасных мадонн, в нежных одеяниях и со счастливыми младенцами на руках. Светские картины веселы и изящны; смерть обходит стороной идиллические пикники, устроенные под очаровательными башнями.

В 1388–1390 годах «Черная смерть» вернулась в четвертый раз. Ранние ее пришествия в основном поражали малолетних детей, но теперь она накинута и на взрослое поколение. В эти годы численность населения Европы упала до 40–50 процентов от той, что была здесь в начале века, а к середине XV столетия эта планка опустится еще ниже. Люди той эпохи редко упоминали поразительное съеживание их мира, хотя они, несомненно, замечали его по уменьшению торговли, по сокращению культивируемых земель, по заброшенным аббатствам: священники не могли проводить службу из-за недостатка доходов. Война уничтожила в городах целые районы, и такое положение сохранилось шестьдесят последующих лет.

С другой стороны, если людей меньше, они, возможно, должны лучше питаться, да и, соответственно, в обороте должно появиться больше денег. В дело всегда вмешивались противоречивые обстоятельства. Наряду с уменьшением торговли заметно улучшились условия коммерции. Итальянский купец, скончавшийся в 1410

году, оставил после себя сто тысяч писем: он переписывался с купцами из Италии, Франции, Испании, Англии и Туниса. У купеческого сословия было больше денег, чем раньше, и они тратили их на поощрение искусства, на повышение собственного комфорта и на технологические новинки. Четырнадцатый век не был таким уж мрачным. В Аррасе, Брюсселе и в знаменитых парижских мастерских Николая Батайя создавались гобелены, красота которых превосходила витражи. Морские карты достигли нового уровня совершенства, с них исчезли экзотические чудовища, а на их место, в помощь навигаторам, пришли точные береговые линии. Благодаря деньгам буржуазии у писателей и поэтов появились новые почитатели, эти деньги поощряли литературу: люди стали покупать книги. Несколько тысяч писцов трудились над копиями по требованию двадцати пяти книготорговцев Парижа. В архитектуре господствовал яркий стиль с множеством тонких башен со шпилями, аркадными нишами, кружевными контрфорсами. Все это не только отражало развитие технического мастерства, но и отрицало упадок, даже бросало ему вызов. Разве можно говорить о пессимизме, когда смотришь на миланский собор Дуомо — фантастическое, филигранное каменное сооружение, к строительству которого приступили в последнюю четверть столетия?

Внимание приковывает, в первую очередь, психологический настрой, а не физические изменения. Никогда еще так много не писали о никчемности человеческой жизни, и ощущение количественных потерь, даже если об этом не говорилось, внушало пессимизм по отношению к судьбе человека. «Что будет

дальше, одному Богу известно», — писал в 1393 году Джон Гауэр — автор поэмы «Исповедь влюбленного»:

Ибо сей час, в пору прилива.

Люди зрят мир со всех сторон.

Настолько разный и непохожий,

Что все будто перевернулось с ног на голову.

Деловым людям не менее, чем поэтам, ненадежность времени не давала повода для оптимизма. Письма Франческо Датини, купца из Прато, показывают, что каждый день он жил в страхе перед войной, бубонной чумой, голодом и бунтом. Он не верил ни в стабильность правительства, ни в честность коллег. «На земле и на море полно грабителей, — писал он одному из своих партнеров, — а большая часть человечества попросту злонамеренна».

Жерсон полагал, что живет в обществе, подобном выжившему из ума старику, страдающему от фантазий и иллюзий. Он, как и другие, чувствовал, что грядет антихрист и конец света, после которого все перейдут в лучший мир. Люди ждали, что апокалипсис вернет императора — второго Карла Великого, мессию, который вместе с папой реформирует церковь, обновит общество и спасет христианство. Священнослужители и моралисты, пребывавшие в апокалипсических настроениях, более чем когда-либо рассуждали о тщете материальной жизни, хотя при этом гордились своими приобретениями.

Пропаганда пессимистического взгляда на судьбу человека стала обязанностью священников — так они доказывали необходимость спасения. Такое положение

дел в XIV веке вовсе не было чем-то неожиданным. Кардинал д'Альи верил, что время антихриста уже наступает, правда, за сто лет до него так же думал и Фома Аквинский. Продажность церкви ужасала верующих, но не менее горькие чувства вызывала она в 1040 году — монах из Ключни писал тогда: «Если уж понтифики ослабли в вере, то что мы можем сказать обо всей человеческой расе, которая добровольно сползает в первобытный хаос?» Во времена Мезьера был популярен афоризм — «Дела в этом бренном мире движутся от плохого к худшему», и слова эти перекликались с утверждением Роджера Бэкона, сделанным в 1271 году: «Стольких грехов, как в наши дни, в истории еще не бывало... справедливость попорана, мир нарушен».

Чувства эти были не новы, но в XIV веке они особенно распространились, и в них отражалось презрение к человечеству. «В прошлом были добродетели и справедливость, а теперь царит лишь порок», — жаловался Дешан. «Можно ли верить, что тебя защитят, — спрашивала Кристина Пизанская, отмечавшая недостатки рыцарства, — когда видишь, как мало в мире правды и преданности?» В другой раз она писала: «Все хорошие обычаи отвергаются, а добродетели не в чести». Ее жалоба в какой-то степени оправдана, ибо даже Парижский университет начал продавать ученые степени теологии кандидатам, не желавшим долго и упорно заниматься, либо тем, кто боялся провалить экзамен. В других университетах тоже перехватили эту практику, даже и в городах, в которых не было университета, что породило саркастическое высказывание: «Почему бы не получить диплом в свинарнике?». Реально ощущалось разложение и осознание того, что, по сравнению с прошлым,

произошло моральное падение. Поэты писали для того же общества, которое осуждали, и, должно быть, задевали чувствительные струнки. Дешана — который никогда не переставал брюзжать, — в 1382 году назначили камерарием Людовика Орлеанского.

Все стороны жизни были сопряжены со стыдом. Крестьянская революция произвела сильное впечатление на Гауэра, и он написал на латинском языке целую серию горестных стихов о продажном веке «Глас вопиющего», раскрывая «эпидемию пороков» как среди бедняков, так и среди богатых. Неизвестный автор другого сочинения, под названием «Пороки различных слоев общества», обнаружил равно виноватыми церковь, погрязшую в схизме и симонии, священников и монахов, королей, аристократов и рыцарей, разбойничающих и потакающих своим капризам, а также продажных судей и невежественных простолюдинов, добычу грабителей и убийц.

Человечество менялось к худшему. В середине столетия «Черная смерть» заставила задуматься о враждебном отношении Бога к человеку, и происходившие с тех пор события внушали мало надежды на изменения к лучшему. Для современников беды и тяготы (*miseria*) времени отражали грех, и в самом деле грехи — жадность и бесчеловечность — лишь прибывали. В конце средневековья человек утратил уверенность в своей способности построить добронравное и добропорядочное общество.

Все жаждали мира и окончания схизмы. Нотариус из Каора писал, что за все тридцать шесть лет его жизни он не знал мира в своей епархии. Вдумчивые наблюдатели,

сознававшие нарастание урона обществу, призывали к миру как к единственной надежде проведения реформы, объединения церкви и возможности противостояния туркам, которые дошли до Дуная. В 1389 году Мезьер написал поэму «Видение старого паломника». Он надеялся убедить Карла VI и Ричарда II подписать мирное соглашение. В этой поэме Мезьер рисует патетический портрет старой женщины, на ней драная одежда, седые волосы растрепаны. Женщина опирается на палку, в руке ее книжица, изгрызенная мышами. Раньше ее звали Молитва, а теперь она зовется Отчаяние, потому что люди из ее королевства проданы в рабство Мухаммаду, христианская торговля в опасности, восточным бастионам христианского мира угрожают враги веры.

В знаменитой проповеди, которая прозвучит пятнадцатью годами позже, Жерсон воскликнет: «Да будет мир!», но эти слова уже рождались в душах людей. Мало кто из них мог сказать, зачем вообще нужна эта война. Гауэр в Англии уже не думал, что война справедлива, теперь он считал, что «жадные лорды» намеренно не хотят ее завершать. «Пусть же она закончится», — восклицал он, пусть все живут мирно. Если верить Дешану, французские крестьяне, работая в поле, говорили о войне. «Она слишком долго длится, — сказал Робин. — Не знаю никого, кто бы ее не боялся. Вся эта затея не стоит и луковицы».

«Тем не менее, — отвечал ему горбатый Анри, печально и мудро,—

**Каждый должен взять свой щит, потому
что**

Пока не вернут Кале, мира у нас не будет».

Эти слова стали рефреном каждого станса. Правители Франции не радовались войне, однако не готовы были заключать длительный мир, а потому Кале так и оставался в руках англичан.

Для герцога Бургундии мир был насущной необходимостью: требовалось возобновить торговлю между Фландрией и Англией. Герцог принял меры, и при дворе появился святой человек. Робера Отшельника привел кастелян двора Гийом де Мартель. Отшельник объявил, что мира требуют небеса, и рассказал, что, возвращаясь из Палестины, попал в страшный шторм на море и вдруг услышал голос. Голос этот якобы возвестил, что бурю Робер переживет, если, добравшись до суши, придет к королю и скажет ему, что Карл должен заключить мир с Англией и предупредить всех, кто возражает, что они за это дорого заплатят. У мира были свои оппоненты и свои защитники.

Самым важным защитником оказался король Англии. Он был автократом, как и его отец, но, в отличие от него, не родился солдатом. Ричард хотел положить конец войне, дабы уменьшить власть баронов и сделать монархию абсолютной. Его желание разделял герцог Ланкастерский, тот пристроил дочерей, одна из которых стала королевой Кастилии, а другая — Португалии, и теперь для защиты своих интересов Ланкастер хотел мира с Францией. «Пусть мой брат Глостер идет войной на султана Баязида, ведь он угрожает христианскому миру с венгерских границ», — говорил он. Для тех, кому хотелось повоевать, это было подходящее место.

Благодаря совместным усилиям герцогов Ланкастерского и Бургундского в мае 1393 года

возобновили мирные переговоры в истерзанной войной деревушке на берегу реки Соммы вблизи Аббевиля. Из-за недостатка помещений делегаты — герцог Бургундский и Беррийский от Франции, Ланкастер, Глостер и архиепископ Йоркский от Англии, вместе со свитами — поселились в шатрах. Шатер Филиппа Бургундского привлекал всеобщее внимание. Он имел форму города, окруженного деревянными башнями и зубчатыми куртинами. При входе стояли две деревянные башни, между которыми был натянут полог. В центре шатра находилась главная комната, к которой примыкало множество других помещений, разделенных узкими коридорами.

Король Карл, присутствовавший теоретически, но не принимавший активного участия в переговорах, находился в близлежащем бенедиктинском аббатстве, окруженном ухоженным садом на берегу красивой реки. Все мысли его были сосредоточены на крестовом походе, а потому король Франции, как и английский король, готов был незамедлительно покончить с войной. Совещания проходили в часовне под соломенной крышей, поврежденные фрески на стенах прикрыли гобеленами с изображением античных войн. Когда Ланкастер заметил, что во время мирных переговоров делегатам не следовало бы смотреть на батальные сцены, гобелены поспешно сняли и заменили изображениями последних дней Христа. Старшие дядюшки — герцоги Беррийский и Ланкастерский — сидели на почетных высоких стульях, рядом с ними разместились герцоги Бургундский и Глостерский, в то время как графы, прелаты, рыцари, юристы и писцы расселись вдоль стен. Среди делегатов был представитель королевской фамилии, Леон V де

Лузиньян, прозванный королем Армении, хотя на самом деле от его королевства остался только Кипр. Потеряв и этот остров в войне с турками, он страстно призывал французских и английских герцогов к крестовому походу.

Папа Климент послал испанского кардинала Педро де Луна вместе с золотом и великолепными подарками добиться у англичан признания авиньонского папства, и тут зашел разговор о схизме. Разгневанный Ланкастер сказал кардиналу: «Это вы, кардиналы Авиньона, виновны в схизме, вы ее поддерживаете, вы каждый день углубляете раскол». Герцог Бургундский не стал этого оспаривать. Он предложил забыть о схизме и продолжить мирные переговоры, пусть, мол, университет подготовит способ объединения церкви.

После того как заговорили о требовании французов заплатить за Кале и о требовании англичан исполнить все условия договора при Бретиньи, стороны снова оказались далеки, как и прежде. «Последний город, который мы когда-либо отдадим, это Кале», — твердили англичане, французы же настаивали на том, что территории, решительно отказывающиеся от вассальной зависимости по отношению к Англии, не могут быть насильно к этому принуждены. На этой фазе переговоров каждая сторона скромно сняла с повестки свое главное требование, и тогда приступили к обсуждению более мелких вопросов.

Мрачный и подозрительный Глостер сопротивлялся каждому предложению. Он жаловался, что французы говорят на двусмысленном языке, слова в котором имеют двойное значение, и оборачивают все в свою пользу. Такими словами англичане, мол, не пользуются. Уже в те годы, как видим, стереотип хитроумного француза и

простодушного англичанина использовался в обиходе. По настоянию Глостера англичане потребовали, чтобы все предложения французов были изложены письменно, англичане их внимательно изучат с тем, чтобы понять, нет ли в тексте двойного смысла. Затем они пошлют своих людей узнать, как понимают это французы, а уж после решат — стоит ли согласиться или отвергнуть предложение. Тем самым англичане затягивали переговоры на неопределенный срок.

Вот и настоящая причина, затруднявшая заключение мирного договора. Хотя английские лорды говорили по-французски, язык не был для них родным, и они не чувствовали себя в нем уверенно. Такой важный аристократ, как первый герцог Ланкастерский, написавший «Книгу божественных лекарств», сказал о своей работе: «Если мой французский нехорош, прошу меня извинить, потому что я англичанин и не слишком искушен в языке». Глостер сделал языковую проблему поводом для затягивания переговоров, но недоверие к французам было реальным. Еще со времен Карла V, манипулировавшего текстом договора при Бретиньи, англичане затягивали переговоры из страха быть обманутыми.

Герцог Бургундский пригласил на переговоры Робера Отшельника, который своим красноречием мог повлиять на Глостера. Святой человек страстно умолял герцога: «Ради любви к Господу, не отторгайте мир. Пока идет война, разделяющая христиан, к нам опасно приблизился Баязид со своими турками». Долг христиан, уверял Отшельник, объединиться против неверных.

«Послушайте, Робер, — ответил Глостер, — я не против мира, но вы, французы, произносите слишком

много цветистых слов, которых мы не понимаем. По вашему выбору, они у вас могут означать и войну, и мир... вы прикрываетесь ими, пока не достигнете цели». Тем не менее Глостеру пришлось обуздать собственную непримиримость и повиноваться желаниям презираемого им племянника — молодого короля. Поскольку к согласию в отношении Кале так и не пришли, постоянный мирный договор казался по-прежнему недостижимым; однако некоторого прогресса удалось добиться — перемирие продлили еще на четыре года; за это время оспариваемые территории были переданы той или иной стороне, что расчистило путь к окончательному соглашению.

В июне во время обсуждения последних пунктов соглашения безумие вновь накрыло короля Франции. Как и в Амьене, во время первого приступа, вторая атака совпала с мирными переговорами. Возможно, больной испытывал нетерпение от затянувшейся процедуры. На сей раз приступ был серьезнее первого и длился восемь месяцев. До конца его жизни, которая продлилась до 1422 года, то есть тридцать лет после первого приступа, Карл периодически впадал в безумие, чередуясь с ремиссией. Приступы случались часто, что не способствовало стабильности государства, и возле полупустого трона не стихала борьба за власть. Все эти тридцать лет Орлеанская и Бургундская фракции яростно соперничали друг с другом и всякий раз призывали англичан, превращая Францию в беспомощное раздробленное государство, каковой она не была со времен битвы при Пуатье.

В 1393 году помраченное сознание короля одолевали темные тени — он не мог вспомнить ни как его зовут, ни кто он такой. Он не знал, что он король, что

он женат, что у него есть дети и что его имя — Карл. У него были две ярко выраженные антипатии: геральдическая лилия, переплетенная с его собственным именем — когда та попадала ему на глаза, он в гневе пытался ее уничтожить, — и жена, от которой он в ужасе убегал. Если она приближалась к нему, он восклицал: «Кто эта женщина, вид которой мучает меня? Узнайте, чего она хочет, и освободите меня от нее, если можете. Пусть она больше меня не преследует». Когда на глаза ему попадал герб Баварии, он танцевал перед ним, делая грубые жесты. Карл не узнавал собственных детей, но признавал брата, дядей, советников и слуг, помнил имена тех, кто давно умер. Утешить монарха могла только печальная жена его брата Валентина, о которой он постоянно спрашивал и называл ее «дорогой сестрой». Такое предпочтение, естественно, подало повод слухам, подхваченным бургундской фракцией, дескать, Валентина приворожила короля, подмешивая ему какой-то слабый яд. Люди верили слухам о преступлениях Висконти, к тому же у итальянцев была репутация отравителей, вот и думали, что Валентина одержима амбициозными планами: мол, ее одиозный отец хочет, чтобы дочь стала королевой Франции.

Безумие в Средние века было нередким явлением, и его знали в разных ипостасях. Уильям д'Эно, племянник английской королевы Филиппы, «высокий, молодой, сильный, темноволосый и живой», был опасным маньяком, которого заключили в собственном замке на тридцать лет, причем большую часть времени руки и ноги больного были связаны. Тех же, кто был неопасен, обычно не запирали, они ходили среди людей, как и инвалиды, дурачки, золотушные и другие несчастные, часто в поисках излечения присоединялись к

паломникам, идущим за исцелением в Рокамадур, к мощам святого Амадура. Многие врачи думали, что сумасшествие излечимо, и считали его естественным явлением, вызванным эмоциональным расстройством. Таким больным прописывали отдых и сон, а также кровопускание, ванны, мази, снадобья, приготовленные из металла, и хорошее настроение. Сумасшествие рассматривали также как недуг, ниспосланный Богом или дьяволом, и лечить его следовало либо заговором, либо с помощью выбривания креста на голове жертвы, либо привязыванием больного к алтарной перегородке, дабы состояние безумца во время мессы улучшилось.

Ни один врач и ни одно лечение во время последующих приступов Карлу не помогли. Неухоженному шарлатану со злыми глазами и псевдомистическим именем Арно Гийом позволили лечить Карла. У Арно была книга, которую Бог якобы дал Адаму, с помощью этой книги человек мог преодолеть все болезни, произошедшие от первородного греха. (Был в истории похожий человек по имени Распутин — тот, заручившись расположением царицы и придворных, утверждал, что болезнь цесаревича вызвана колдовством, однако, не сумев справиться с высшими силами, был убит.) Обращались и к другим знахарям, были использованы все средства, но ничто не помогало. Привлекали даже врачей из Парижского университета, которые должны были разоблачить и наказать «колдунов». Два августинских монаха, не добившись результатов от магических заклинаний и жидкости, полученной из истертого в порошок жемчуга, предложили сделать на голове короля надрезы. Когда это им запретили, монахи обвинили королевского цирюльника и консьержа герцога Орлеанского в

колдовстве, а после того как те были оправданы, перенесли свои обвинения на самого герцога. В результате монахов привлекли к суду и пыткам, и те сознались в своей лжи, сказали, что они колдуны и прислужники дьявола. Их лишили клерикального статуса, передали в гражданский суд, после чего казнили.

Одержимость колдовством в случае с Карлом показала усиление веры в оккультные науки. Тревожные времена способствуют распространению веры в торжество зла, а в XIV веке верили в то, что зло с помощью дьявола творят отдельные люди или группы людей. Из этого же разряда и повышенное внимание к «ведьмам». К 1390-м годам инквизиция официально признала колдовство равносильным ереси. Церковь защищалась, ее разрывала схизма и осаждали несогласные, требовавшие реформы. Слово обычный человек, она чувствовала себя окруженной недобрыми силами, среди которых колдуны и ведьмы виделись посредниками, исполняющими волю дьявола. В это время, в 1398 году, теологи из Парижского университета торжественно объявили, что для колдовства нужен договор с дьяволом и что черная магия отравляет общество.

Жертвой таких настроений стал бедный сумасшедший король. «Во имя Иисуса Христа, скажите, — кричал он во время одного из приступов, — есть ли среди вас человек, кто в заговоре со злом, от которого я страдаю? Прошу вас, не мучайте меня, дайте мне умереть». После этого жалобного призыва, надеясь усмирить гнев небес, правительство издало распоряжение, грозившее богохульникам серьезными наказаниями и разрешавшее духовникам исповедовать осужденных на смерть заключенных. Парижские «Ворота

ада» (*Porte de l'Enfer*) были переименованы в ворота Сен-Мишель.

В последующие годы приступы короля непредсказуемо приходили и уходили. В 1399 году он пережил шесть атак, каждая из которых была сильнее предыдущей; однажды король от страха забился в угол: Карл вообразил, что он стеклянный и его могут разбить, в другой раз он рыскал по коридорам и выл, словно волк. В перерывах между приступами Карлу хотелось вести себя, как подобает королю, хотя бы в церемониальных представлениях. В эти времена, говорят, он восстанавливал супружеские отношения с Изабо, и между 1395 и 1401 годами она родила четверых детей, хотя и не существует доказательства относительно их отцовства.

Кокетливая и чувственная, так и не избавившаяся от сильного немецкого акцента, униженная пренебрежением сумасшедшего супруга, Изабо оставила Карла на пажей и на девушку, занявшую ее место. Это была дочь королевского конюшего, Одетта де Шандивер, она была похожа на Изабо, и народ прозвал ее «маленькой королевой». Изабо же полностью отдалась удовольствиям и адюльтеру, но в то же время не брезговала политическими интригами и страстным поиском денег. Во Франции она чувствовала себя неуверенно, а потому занялась приумножением личного состояния и помощью своей баварской семье. Она добилась от Карла — неизвестно, в здравые моменты или в помутнении рассудка — выделения средств на свое имя и на имена своих детей в виде земель, домов и отдельных счетов. Сундуки с драгоценностями она держала в разных хранилищах. Ее поведение становилось все экстравагантнее и лихорадочнее,

декольте все откровеннее, амуры скандальнее, празднества все пышнее. Двор при королеве стал двором любви, где оба пола брали на себя роли адвокатов и судей и, по словам скептически настроенного современника, обсуждали «на этом смехотворном трибунале самые смехотворные вопросы».

Придворная жизнь может привести к скуке и отвращению даже королеву. Из ностальгии по деревенской жизни, за четыреста лет до Марии-Антуанетты, Изабо построила *Hotel des Bergeres* (пастушеский дом) у себя в деревне Сент-Уан, здесь были сады, поля, амбар, конюшня, овчарня, голубятня, и Изабо разыгрывала из себя пастушку — работала в поле, кормила кур и домашних животных. Короля со временем совсем забросили, он ходил грязным и даже голодным, оконные рамы в его апартаментах были сломаны, в комнаты влетали голуби и гадили на полы. Однажды, когда к нему вернулся рассудок, он арестовал управляющего и временного любовника королевы, заковал в цепи, допросил под пытками и велел тайно утопить в Сене.

В политической борьбе Изабо примыкала к тем, у кого на данный момент была сила. Когда Людовика Орлеанского назначили регентом, она присоединилась к нему и тем самым выступила против герцога Бургундского. Все предполагали, что она стала любовницей Людовика. Когда же сын и преемник герцога Бургундского Иоанн Бесстрашный казнил герцога Орлеанского, Изабо тотчас переметнулась на его сторону и улеглась в постель убийцы Людовика. Франция барахталась в вакууме, который создал живой, но беспомощный король, а королева, неспособная что-либо сделать, стала орудием безжалостных сил — Бургундии и

Англии. В Париже, отделенная географически и политически от дофина, неспособная оказать ему какую бы то ни было поддержку, она наконец согласилась на позорный договор, согласно которому наследником французского трона стал король Англии, а не ее сын. Она пережила своего мужа на пятнадцать лет, а жизнь ее описал маркиз де Сад, наделенный чересчур богатым воображением.

Двести лет спустя герцог де Сюлли, глава правительства при Генрихе IV, охарактеризовал правление Карла VI как «время, богатое мрачными событиями... похоронившее хорошие законы и мораль Франции».

ГЛАВА 25

УПУЩЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

В то время как в мае-июне 1393 года в деревушке возле Аббевиля шли мирные переговоры, де Куси совещался с папой Климентом в Авиньоне. Он уехал туда после того, как уладил савойскую ссору. Миссия его заключалась в том, чтобы в ближайшие два года посадить на римский престол Климента и отдать французам Папскую область, преобразованную в королевство Адрия. Решение обеих задач зависело от поддержки Джан-Галеаццо Висконти, чья заинтересованность в предприятии состояла не столько в судьбе папства, сколько в экспансии Милана. Хотя лично он и был религиозен, но, похоже, не привержен ни одному, ни другому папе, да и схизма волновала его лишь возможностью воспользоваться ею в собственных

интересах. Заключив союз с Францией, он намеревался совместно подорвать могущество Флоренции и Болоньи.

Человек аналитического ума, богатый, меланхоличный Джан-Галеаццо был мастером средневековой реальной политики (*realpolitik*) в Италии. Он подчинил своей воле и власти весь итальянский север, включая Верону, Падую, Мантую и Феррару, нащупывал дорогу к Тоскане и Папской области, возможно, прицеливался к королевству Ломбардия и даже к объединенной Италии — либо просто пробовал силы за геополитической шахматной доской того времени. Что до схизмы, он лавировал между своими миланскими подданными, лояльными римскому папе, и французскими партнерами, что означало возвышение Климента. Как он надеялся проплыть между этими берегами, неясно. Однако именно он оживил идею, заключающуюся в том, что Франции не следует отказываться от королевства Адрия во главе с его зятем Людовиком Орлеанским. Эту схему — которая и была целью миссии де Куси — раскритиковал семидесятилетний посол Висконти в Париже Никколо Спинелли, один из лучших дипломатов той поры. Спинелли говорил, что Папская область испытывает ненависть к папскому престолу. За тысячу лет с папского почина были развязаны самые яростные войны, но мира священники так и не обрели и вряд ли когда обрящут. Лучше будет, если они скинут с себя это ярмо, поскольку оно есть бремя не только для клириков, но и для всех христиан, особенно для итальянцев.

Убеждать в этом французов не требовалось, однако они хотели, чтобы королевство официально передали Людовику в качестве папского феода, прежде чем приступить к физическому завоеванию Адрии. Папа,

однако, намеревался до поры удерживать под контролем всю Папскую область. Де Куси, признанный переговорщик и француз, лучше всех был искушен в лабиринте итальянской политики, а потому еще до похода именно ему поручили убедить Климента в выделении королевства из Папской области. В этой миссии де Куси сопровождал епископ Нуайона, член королевского совета, прославившийся ораторскими талантами, а также секретарь короля Жан де Сен, который вел протокол. Де Куси и епископ объяснили папе, что на чудо надеяться не следует и только интервенция Франции сможет покончить со схизмой, в одиночку Климент ничего не сделает. Если папа пожалует Людовику королевство Адрия, он сможет получать с этой территории твердый ежегодный налог, чего еще не бывало с тех пор, как папа переселился в Авиньон. Король Франции, сказали посланники, рекомендует на этот поход своего брата как человека, которому по силам осуществить завоевание, поскольку «он молод и здоров»; к тому же у него будет помощь герцога Миланского.

Климент заартачился: ему не хотелось, чтобы его называли «истребителем папского наследия». Десять лет тому назад, когда он давал разрешение герцогу Анжуйскому, его это не беспокоило, однако теперь он мало верил в способности французов. Пригласили на совет трех французских кардиналов, в том числе и Жана де ла Гранжа, кардинала Амьена, того, кто однажды напугал Карла VI одержимостью бесами. Климент хотел, чтобы ему дали точные ответы: сколько денег и сколько людей привлечет к своей кампании Франция, и как долго они пробудут в Италии? Он хотел, чтобы святейшему престолу направили две тысячи военных под

командованием лучших капитанов и аристократов, а также чтобы на протяжении трех лет каждый год выплачивали по шестьсот тысяч франков. Смущенные посланники ничего ему не могли обещать, ведь на сей счет у них никаких распоряжений не имелось. Кардинал де ла Гранж непринужденно предложил: пусть герцог Орлеанский начнет кампанию и по мере продвижения захватит ту землю, на которую претендует. Де Куси и епископ пробыли у папы шесть недель, но добились лишь обещания Климента отправить своих посланников в Париж для дальнейших переговоров.

Во Франции их ожидало известие о неудаче заключения мира и о новом приступе безумия у короля, что усилило борьбу между герцогами Бургундским и Орлеанским и ослабило желание пойти «насильственным путем». Не уладив отношений с Англией, французы не могли пойти в Италию. И в самом деле, когда англичанам стало известно о планах французов, они предупредили, что нарушат мирный договор, если Франция поднимет оружие против папы римского. Не доверяя военной партии Глостера, французы отправили герольдов с приказом усилить оборону и отремонтировать разваливающиеся крепостные стены. Снова стали тренировать лучников, был издан приказ о запрещении игр. Теннис, которым стали заниматься простолюдины, подражая аристократам, и *колф* — разновидность хоккея на траве, популярная среди буржуа и редко обходившаяся без переломов, — а также игры в кости и в карты были запрещены в надежде на то, что солдаты будут больше практиковаться в стрельбе из луков и арбалетов. То же самое предпринял Карл V в 1368 году, и это доказывает, что правители сознавали слабости французских лучников.

Дело не в умении, проблема состояла в том, что французская тактика ведения боя не уделяла лучникам сколько-нибудь серьезного внимания. У французов не были приняты совместные действия лучников и рыцарей; арбалетчиков они нанимали, но использовали редко. Причина крылась в презрении к простонародью и в страхе перед тем, что они возьмут первенство над рыцарями. К 1393 году добавился и страх перед бунтом. После того как лук и арбалет сделались весьма популярными, аристократы настояли на том, чтобы запрет на игры был отменен: они боялись, что простые люди повернут оружие против них. По иронии судьбы, они попали в распространенную ловушку, когда один своекорыстный интерес перечеркивает другой.

Вокруг *Voie de Fait* начал нарастать конфликт интересов. Флорентийцы направили в Париж шестнадцать послов — они не хотели альянса французов с Джан-Галеаццо и нашли себе союзника в лице герцога Бургундского. Из-за своих фламандских поданных тот никогда не был ярым сторонником Климента и уж точно не собирался помогать папе в его притязаниях на Рим, поскольку это означало, что Людовик становился королем Адрии, а к тому же и регентом. Герцог, в свою очередь, нашел себе союзницу в лице королевы Изабо, хотя он ее и презирал. Та была готова сойтись хоть с дьяволом, лишь бы доставить неприятности Джан-Галеаццо.

Самую сильную политическую оппозицию «насильственному пути» оказывал Парижский университет, оплот интеллектуального клира. Университетским клирикам никогда не нравился

«авиньонский Вавилон». Последствия раскола церкви выразились в симонии и коррупции, в возрастании материализма, потере престижа, подъеме протестных настроений среди лоллардов и мистиков, в национализме, стимулом к которому стала попытка Франции доминировать в папстве, а это обострило соперничество сторон, занявших противоположные стороны по отношению к схизме. Все это нанесло ущерб авторитету церкви. Исторически раскол бывшего единства веры и рост национализма были шагом вперед, однако эти явления лишь усугубились схизмой, но никак не были ее следствием. Раннему историческому развитию сопутствует универсальность, но затем неизбежен раскол, однако люди видят лишь то, что у них перед глазами, и в конце XIV века они видели урон, который схизма нанесла обществу; неудивительно, что им отчаянно хотелось объединить церковь.

Факультет теологии открыто выступал за путь уступок, несмотря на то, что дискуссия на эту тему была запрещена. В своих проповедях Жерсон защищал мысль о «божественном правосудии». В 1392 году он получил ученое звание доктора теологии и именно эту тему развивал в диссертации, однако подчеркивал, что принципу божественного правосудия должны следовать все священники. «Если для общественного блага власть сохранять невыгодно, ее надо устранить», — говорил он и смело утверждал, что сохранение власти в таком случае означает смертный грех. Тот, кто активно не содействует окончанию схизмы, совершает грех, поскольку тем самым продлевает раскол церкви. Это был недвусмысленный намек в отношении клириков, желавших жить при двух папах — ведь такая ситуация сулила увеличение бенефиций. Публичное выступление

Жерсона в Париже показало, что давление на пап возрастает, и значимость его подчеркнуло присутствие на выступлении канцлера д'Альи. Его речь свидетельствовала также о протекции герцога Бургундского, без которого Жерсон никогда не осмелился бы на подобную откровенность.

Оппозиция, мечтавшая о походе в Италию, оживилась в связи с предложением, сделанным Людовику Орлеанскому. Его попросили разобраться с Генуей, где накал внутренних распрей достиг критической точки и ситуация требовала иноземного вмешательства. Неизвестно, подействовала ли схизма на Джан-Галеаццо — возможно, он хотел, чтобы Генуя стала портом Милана, — только он явно верил, что если зять возьмет власть, Генуя окажется в его распоряжении. Для Людовика это стало настоящим подарком Фортуны: в отличие от кузена, герцога Анжуйского, так и не осуществившего свою мечту о Неаполитанском королевстве, герцог Орлеанский делал большой шаг на пути к Адрии.

Первым делом он снова отправил в Авиньон де Куси в сопровождении своего личного представителя Жана де Три, епископа Нуайона и королевского секретаря. Они снова должны были обсудить выделение Адрии из Папской области, до поры откладывая ее завоевание, а через три-четыре года — и о походе на Рим. Причиной отсрочки было то, что Людовику требовалось время на успешное завершение дел в Генуе. И снова кардиналы торговались — за деньги, за войска, за обязательства, подписанные Карлом и его братом, выдвигали и другие условия, препятствовавшие *Voie de Fait*. Климент, возможно, наконец-то понял, что возражает против того, что вовсе недостижимо. После многих отсрочек и

извинений, задержавших де Куси и его коллег на три месяца в Авиньоне, кардиналы согласились составить документ о передаче Адрии. Документ этот должен был стать буллой, но только после того, как король Франции и его брат согласятся на новые условия. 3 сентября 1394 года посланники покинули Авиньон. Спустя две недели оказалось, что все их усилия были напрасны. Они услышали ошеломляющую новость: Климент скончался.

Схизма, вознесшая Климента на папский престол, стала его палачом, причем экзекуция была совершена руками Парижского университета. С января, когда к королю Карлу вернулся рассудок, университет усиленно старался донести до монарха свои взгляды. Герцог Беррийский, самый преданный сторонник Климента, блокировал слушания. На призывы университета он отвечал яростными упреками и угрозами «осудить на смерть и сбросить в реку главных подстрекателей этого дела». Эти чувства подогревались богатыми дарами от Климента, который, прослышав о намерениях университета, послал в Париж кардинала де Луна, чтобы тот применил меры финансового убеждения, то есть те, которые герцог Беррийский понимал лучше всего. Должно быть, герцог Бургундский предложил своему брату убедительный аргумент, потому что тот вдруг ответил просителям: «Если вы найдете выход, который встретит одобрение королевского совета, мы примем его в тот же час».

Уступка, объявленная Жерсоном, стала выходом из сложившейся ситуации. Чтобы придать ей в глазах публики побольше веса, факультет организовал референдум. Рядом с церковью Сен-Матюрен поставили урну для голосования. Десять тысяч голосов, сосчитанных пятьюдесятью четырьмя магистрами разных

факультетов, отдали предпочтение трем решениям, и *Voie de Fait* среди них не было. Референдумы, скажем прямо, обычно не выдают нежелательный результат. Предложенные три решения были такими: 1) римский и авиньонский папы откажутся от престола по доброй воле; 2) оба папы подчинятся решению специально созванной комиссии; 3) вопрос о судьбе папства будет решен Вселенским собором. Последнее решение было сочтено наименее желательным, поскольку собор наверняка разделится бы на уже существующие фракции, и схизма так и осталась бы цвести пышным цветом.

Призыв к проведению собора, которому суждено было греметь в первые десятилетия следующего века, уже омрачал будни папства. Оба папы, естественно, были против собора, поскольку тот грозил отнять у них власть. Теория верховенства собора предполагала, что последнее слово в делах церкви остается за Вселенским собором, ведь именно он делегирует права папе. «Некоторые испорченные люди, — возмущался соперник Климента Бонифаций IX, — верят в руку из плоти, а не в длань Божию, и призывают Вселенский собор. О, жалкие нечестивцы!»

Поскольку надежда на взаимное отречение таяла, теологи с обеих сторон все больше обсуждали собор и его проблемы. Кто его созовет? Будет ли он легитимен, если его созовут временные правители? Если в нынешнем сложном положении его созовет один из понтификов, то будут ли принятые на этом соборе решения одобрены другим понтификом? Можно ли принудить обоих пап и обе иерархии действовать совместно? 30 июня 1394 года французская корона

вынуждена была внимать «беспощадным речам» на запретную тему.

Филипп Бургундский представил результаты референдума, организованного университетом. Собрание проходило весьма торжественно. Король сидел на троне, рядом с ним расположились герцоги, прелаты, аристократы и министры. Письмо королю, изложенное на двадцати трех страницах, было прочитано ректором университета Николя Клеманжем, другом Жерсона и д'Альи. Гуманист Клеманж считался лучшим латинским стилистом во Франции и непревзойденным оратором, говорили, что он красноречив, как Цицерон.

Полемику клириков в Средние века нельзя было назвать спокойной. В инвективе, обращенной к обоим папам, Клеманж страстно описывал страдания церкви и необходимость немедленного их излечения. Если тот или иной папа откажется принять одно из трех предложенных решений, сказал он, к нему надо будет относиться как к схизматику и еретику, как к насильнику, а не как к пастырю; как к хищному волку, а не как к пастуху, и его надо будет прогнать из христианского мира. Если же папы в своей самоуверенности отложат предложенные решения, они сильно пожалеют о том, что пренебрегали реформой... Этот вред будет уже не исцелить. Мир так долго был несчастен, а сейчас он катится в пропасть.

«Вы думаете, — воскликнул он, — что люди будут вечно терпеть ваше дурное правление? Кто, как вы полагаете, среди прочих многочисленных злоупотреблений сможет перенести ваши назначения наемников, продажу бенефиций, ваше возвышение людей без совести и чести на самые высокие посты?»

Каждый день приходят прелаты, которые «понятия не имеют о святости, о чести. Духовенство позорит себя... священники продают священные реликвии, кресты и потиры. В некоторых церквях вообще не проводят службу. Если в ранней церкви отцы возвращались к земле, то нынче не найти и следа от их благочестия, ничего от их религиозного рвения, ни тени от церкви, которую они знали».

Он говорил о христианстве как о посмешище для неверных, которые надеются, что «наша разделившаяся церковь уничтожит себя собственными руками». Клеманж отметил возрастание числа еретиков, чей яд, «словно гангрена, разъедает нас каждый день». Он предсказал, что будет еще хуже, поскольку междоусобица в католической вере вызывает раздоры и неуважение. Чтобы подтвердить свою точку зрения, он выдвинул аргументы против Вселенского собора и опроверг каждый, цитируя Ветхий завет — псалмы, пророков, книгу Иова. «Был ли когда-нибудь совет столь необходим, как сейчас, когда вся церковь бьется в судорогах? Ее дисциплине, морали, ее законам, институтам, традициям и древним практикам — духовным и мирским, — всему этому в настоящий момент угрожает ужасное и непоправимое разрушение».

Обратившись к королю, он упомянул личную трагедию Карла, сказал, что если Бог ответил на молитвы и излечил короля, то, должно быть, Он чуток к чаяниям народа и святой церкви и намерен истребить «ужасную схизму», принесшую всем несчастье. От имени университета он умолял Карла взять на себя миссию и найти средство для исправления ситуации, если он хочет,

чтобы его по-прежнему называли наихристианнейшим королем.

Не зная латыни — языка ораторов, — Карл слушал с любезным видом, не понимая ни слова. Был запрошен перевод для королевского совета, члены которого тоже не знали латыни. Страстный призыв Клеманжа был проигнорирован. Правительства не любят радикальных средств, пусть доминирует политика; политика Людовика на тот момент состояла в том, чтобы утвердиться в Италии, а политика герцога Бургундского — в том, чтобы ему противостоять. Король приказал — либо это сделали от его имени, — чтобы университет воздержался от дальнейшей агитации. В ответ факультет устроил стачку — способ, который в 1392 году успешно опробовали против налогового бремени, хотя ценой стало то, что Париж покинули многие иностранные студенты.

Университет распространил в Европе письмо Клеманжа и представил его папе в Авиньон при полном собрании кардиналов. Климент прочитал несколько строк, глаза его гневно расширились, и он воскликнул: «Это письмо позорит святейший престол! Оно безнравственно, злобно!» Отвергнув его как клевету, «не заслуживающую быть прочитанной не только на публике, но и наедине», он в гневе покинул комнату и не стал ни говорить, ни слушать кого-либо. Кардиналы прочитали письмо и, посоветовавшись между собой, решили, что отсрочка и в самом деле опасна и папе придется принять программу университета. Климент призвал их к себе, и кардиналы сказали, что если папа хорошо относится к церкви, он должен выбрать один из трех путей. Папа был так возмущен этой «предательской трусостью», что через три дня, 16 сентября, умер то ли от сердечного приступа, то ли от апоплексического удара, то ли, по мнению его

современников, от «сильного огорчения». Так окончил свои дни Роберт Женевский, записанный церковью в антипапы.

Известие о его смерти пришло в Париж шесть дней спустя, 23 сентября. Если бы удалось предотвратить избрание преемника Климента, произошло бы безболезненное объединение церкви без использования силы, без созыва Вселенского собора. «Никогда более не будет такой возможности, — писал университет кардиналам, — это как если бы Святой Дух пришел к дверям и постучал». Королевский совет немедленно отправил авиньонским кардиналам послание от имени короля, призывая их «в интересах всего христианства» отложить конклав, пока они не получат «специальное и важное» письмо от короля Франции, которое скоро за ним последует.

Во главе с маршалом Бусико королевские посланцы поскакали в Авиньон и в рекордные четыре дня одолели расстояние в четыреста миль. Кардиналов волновало объединение, но не за собственный счет. Учтивый испанец де Луна, бывший профессор канонического права, убедил кардиналов в том, что их позиция зависит от права на выборы, которое не должно быть ограничено. В письме королю они решили до окончания выборов не говорить об этом. Но чтобы кардиналов не обвинили в поддержке схизмы, они согласились подписать клятву в том, что кого бы из них ни избрали, он уйдет в отставку, если большинство кардиналов призовет его сделать это. Клятва обязывала отдавать все силы для единения церкви «без обмана, мошенничества и махинаций», искренне, без проволочек, исследовать все способы, которые ведут к цели, даже если для этого потребуется сложить с себя полномочия. Клятву

подписали восемнадцать кардиналов, среди них был и самый яростный поборник союза — Педро де Луна Арагонский.

Когда предложили кандидатуру одного, тот честно признался: «Я слаб и, возможно, не смогу отречься. Не следует подвергать меня соблазну».

«А для меня, — заметил кардинал де Луна, — отречься все равно, что шляпу снять». Все глаза обратились на испанца. Ему было за шестьдесят, и он был кардиналом с тех бурных выборов в Риме, что предшествовали схизме. Это был образованный, умный человек благородного происхождения, тонкий дипломат, скромный в частной жизни, умелый манипулятор, оппонент совета и горячий поборник единства церкви. 18 сентября его избрали преемником Климента под именем Бенедикт XIII.

Второе французское посольство услышало новость по пути в Авиньон. По прибытии послов новый папа заверил их, что сделает все, чтобы покончить со схизмой, и снова повторил, что уйдет в отставку так же легко, как снимет шляпу, что и наглядно продемонстрировал перед послами. Его заверения в ответе королю громоздились такими ступенями лестницы на небеса. Он согласился с выборами только для того, чтобы покончить с «проклятой схизмой», и лучше он проведет остаток жизни в «пустыне или в монастыре», чем будет продлевать раскол. Если король пришлет компетентных людей с четкими предложениями, он незамедлительно примет их и выслушает, он настроен решительно и твердо и будет работать во имя воссоединения церкви, он примет совет короля и его дядей, да будут они вовеки прославлены за свои деяния.

Возможно, де Луна была искренен, но стоило ему оказаться на папском троне, как его намерение отречься быстро уступило место осознанию высшего долга. Схизма, как и война, была ловушкой, из которой не так легко выбраться.

Все это время де Куси был на севере Италии — от имени Людовика Орлеанского он вел финансовую, политическую и военную кампанию за независимость Генуи. Дело в том, что в городе господствовала хроническая анархия: Гримальди, Дориа, Спинола и другие благородные семьи были изгнаны из города, им не хватало сплоченности, они хотели правителя, который вернул бы их и освободил Геную от буржуазного правления. Власть переходила от одной буржуазной группировки к другой, каждая из которых назначала дожа, пока того не свергали оппоненты. В 1393 году сменилось не менее пяти дожей, в 1394 году вернулся Антониотто Адорно, дож тунисской кампании. Дожи, партии и изгнанники, каждый по-своему, оказывали влияние на баланс сил в отношениях Флоренции и Милана.

В качестве командующего и «прокуратора трансальпийской территории» и представителя герцога Орлеанского, де Куси остановился в Асти, городе, принадлежавшем Людовику как части приданого Валентины. Он командовал войском, численность которого составляла примерно четыреста копий и двести тридцать лучших французских лучников. Де Куси набрал приблизительно такое же количество гасконских и итальянских наемников, однако для покорения генуэзских территорий ему требовалось превосходящее

во много раз число солдат в том случае, если бы местные правители решили их защищать. Как и в Нормандии за много лет до этого, де Куси брал замки и города с помощью переговоров и только в крайнем случае демонстрировал военную силу.

Поскольку нобили, предлагавшие ему свои замки, были горды и поскольку за плечами де Куси имелся опыт общения с ломбардцами и генуэзцами, он не слишком доверял обещаниям и старался не попадать в зависимое положение, а потому даже совещания проводил на открытом пространстве, а не в замках. Сотрудничество с генуэзцами в Тунисе, должно быть, произвело на него неприятное впечатление.

С помощью Джан-Галеаццо, устраивавшего контакты, ссужавшего деньги и солдат, де Куси протискивался сквозь итальянский «лабиринт», рекрутировал наемников, обсуждал условия и цену за сдачу замков и территорий, договаривался с Пизой и Луккой о невмешательстве, направлял гонцов в другие уголки Италии — все ради будущего королевства Адрия. Была проведена большая бумажная работа, и по сохранившимся архивам XIV века можно проследить ход этой военно-политической кампании. Формирование войск совершалось поэтапно: Гедон де Фуасак завербовал двух рыцарей, 19 оруженосцев и 10 лучников; Эме де Мирибель — 26 тяжеловооруженных всадников, Аннекен Вотр — 17 лучников. Шесть итальянских наемных отрядов насчитывали от десяти до двухсот пятидесяти всадников. Боннерель де Гримо (возможно, Гримальди) получил сто золотых флоринов за «предъявление способов и средств», призванных облегчить вторжение в Савону. Жером де Балар, доктор

юриспруденции, и Люкен Мурр, оруженосец, получили 100 золотых флоринов за советы по тому же «проекту».

Территория Савоны, на которой произошло восстание против дожа, стала главной проблемой, потребовавшей деликатных переговоров. Когда гасконские наемники совсем уже собрались предать огню и мечу вассальный город в отместку за убийство трех своих лошадей, бандитов быстро умиротворили за 96 экю — не слишком дорого за избежание бойни. Дорогу к Савоне открыли сделками с местными землевладельцами — те давали разрешение на проход по своим долинам. Наконец Савона, с ее замками, согласилась на секретные договоры и денежную компенсацию в шесть тысяч девятьсот девяносто золотых флоринов.

Каждый замок после договоренности вывешивал флаг герцога Орлеанского, и каждый хозяин замка получал месячное вознаграждение на обговоренную сумму до тех пор, «пока герцог Орлеанский не станет правителем Генуи». Сорок членов семьи Спинола коллективно получали по 1400 флоринов в месяц за то, что впустили армию де Куси в свои города и крепости. Свидетельства о таких операциях, написанные четким почерком, ясно дают понять, что главным интересом рыцарства были деньги.

Имеются нотариально заверенные документы, подтверждающие, что услуги послов, как и услуги курьеров, приезжающих в Париж и отъезжающих из Парижа, будут оплачены. Есть бумаги, из которых можно узнать о жаловании всадникам и о гонорарах, которые выплачивали капитанам наемных отрядов. Например, канониру Антонио де Кове пожаловано двадцать флоринов за то, что для осады замка он привез *grosse*

bombarde (большую бомбарду); восемнадцать флоринов выдано гонцу, которого де Куси послал в Павию занять у Джан-Галеаццо четыреста флоринов; есть сведения о том, что секретарю Джан-Галеаццо преподнесены кувшин и серебряный кубок.

Неудивительно, что де Куси постоянно не хватало наличных денег, но помогала банковская и кредитная сеть. Благодаря этому он смог занять двенадцать тысяч флоринов у некоего Боромеиса, торговца из Милана; герцог Орлеанский позволил ему расплатиться с братьями Жаком и Франшекеном Жуанами, бакалейщиками из Парижа. В другой раз, чтобы заплатить солдатам, де Куси пришлось заложить драгоценности и посуду, пока управляющий герцога Орлеанского не привез ему из Парижа сорок тысяч ливров.

Получив в ноябре полномочия от короля Франции и герцога Орлеанского, де Куси заключил договор с Савоной, что дало ему массу прав, гарантий и обязательств, почти таких же всеобъемлющих, как в договоре при Бретињи. Имея все это, он направился в Павию к Джан-Галеаццо договариваться о настоящем и будущем *Voie de Fait*.

Двадцать один год прошел с тех пор, как де Куси и Джан-Галеаццо сражались как противники в битве при Монтикьяри. Вспоминали ли они старые времена и рассказывали ли друг другу о том, как каждый едва не расстался с жизнью? Или их отношения были сугубо официальными? Обсуждалось ли строительство заложенных ими монастырей — у де Куси монастырь целестинцев, у Джан-Галеаццо — картезианский монастырь в Павии? Поведал ли Ангеррану итальянский

герцог, как кричал повсюду, что намерен построить монастырь, «равного которому не будет в целом свете»? Де Куси не привелось увидеть, как хвастливое обещание герцога воплотилось в знаменитом монастыре в Павии.

Галеаццо наверняка привел де Куси в архив государственных бумаг и, конечно же, показал свою библиотеку, которую его отец начал собирать при помощи Петрарки. В библиотеке хранилась «Божественная комедия» Данте, копия поэм Вергилия, сделанная Петраркой, а также собственные работы поэта и произведения Боккаччо. Джан-Галеаццо постепенно расширял библиотеку, в ней имелось теперь более девятисот томов, она соперничала с библиотекой Карла V в Лувре и была открыта библиофилам и ученым, которых хозяин Павии любил приглашать к своему двору. Библиотека славилась иллюстрированными рукописями. Независимо от текста — а это мог быть Плиний или Гораций, — рукописи рассказывали о современном мире, о его растениях и животных, о медицинских процедурах, о свадебных процессиях, о кораблях, замках, сражениях, пирах, имелся у Галеаццо и великолепный часослов Висконти с портретом самого хозяина. В год визита де Куси над часословом трудился художник Джованни деи Грасси в окружении горшочков с пигментами и драгоценным золотым листом.

Несомненно, де Куси видел строительство миланского собора Дуомо, фундамент которого Галеаццо заложил в 1386 году в благодарность за успешное смещение с поста нечестивца Бернабо. Хотя Галеаццо каждый месяц давал на строительство пятьсот флоринов, здание воздвигалось благодаря народу: людям так хотелось иметь собор, что вскоре были построены колонны нефа. Деньги поступали от всех слоев общества.

Гильдия оружейников явилась в полном составе и принялась уносить в корзинах булыжники. Не захотели отстать от них и мануфактурщики, пришли и нотариусы, и правительственные чиновники, и аристократы, потянулись и другие добровольцы. Городские районы соперничали друг с другом во вкладе в строительство. Когда округ Порта Ориентале отдал осла стоимостью пятьдесят лир для земляных работ, Порта Верчеллина привела теленка стоимостью сто пятьдесят лир. В списке пожертвований присутствуют имена людей всех сословий; здесь можно увидеть запись о трех лирах и четырех сольдо от «проститутки Раффалды» и о шестидесяти лирах от секретаря герцогини Орлеанской Валентины деи Висконти.

Де Куси заключил с хозяином Милана два договора — в одном из них совместными усилиями решили взять Геную. Согласно второму договору, Висконти готов был предоставить некоторое количество копий, если король Франции лично приедет в Италию, и меньшее количество копий, если это будет герцог Орлеанский или — что маловероятно — если явится герцог Бургундский.

Причина, по которой Джан-Галеаццо собирался обратиться к герцогу Бургундскому, осталась невыясненной. Джан-Галеаццо был правителем, который, преследуя свою цель, играл две роли и в случае необходимости готов был отказаться от одной в пользу другой. Желая заполучить союзника в борьбе против Флоренции и Болоньи, он понимал, что при страдающем провалами сознания короле и при политическом противоборстве дяди и племянника Франция находится на перепутье, к тому же «насильственный путь» после смерти Климента имеет туманную перспективу. В переговорах с де Куси Галеаццо одновременно

налаживал отношения с техническим правителем — императором Венцеславом, который, как и сам Галеаццо, нуждался в поддержке против внутренних врагов. Чтобы подтвердить свой императорский титул, Венцеслав должен был рискнуть и поехать в Рим, где бы его официально короновал папа. Богатство Висконти могло сделать это путешествие возможным. В 1395 году, в обмен на сто тысяч флоринов, Венцеслав продал Джан-Галеаццо титул наследственного герцога Милана с властью над двадцатью пятью городами. Такой титул в Италии появился впервые, с этого момента век городов-государств сменился веком деспотов. Венцеславу это не помогло, противники обвинили его в нелегальном отчуждении имперской территории и сместили, прежде чем он успел совершить путешествие в Италию.

Пока де Куси прилагал усилия к ускорению кампании против Генуи, у него за спиной стряпали другую сделку. Коалиция, в состав которой вошли Флоренция, Бургундия и королева Изабо, понудила дожа Адорно передать Карлу VI власть над Генуей в обход герцога Орлеанского и Висконти. Карлом можно было манипулировать, поскольку в 1395 году он стоял на пороге очередного приступа безумия. В «печальном марте» этого года, узнав, что король за триста тысяч франков выкупил интересы герцога Орлеанского в Генуе, де Куси обнаружил, что работает на другого заказчика. По заданию короны он теперь договаривался о перемирии с дожем Адорно, но тот быстро нарушил договор и устроил блокаду с целью отвоевать Савону. В июле, пока шла оборона, Ангеррана на четыре дня обездвижила «раненая нога». Неизвестно, было ли это новое ранение или дала о себе знать старая рана, случившаяся десять лет назад. В документах его имя

встречается изредка, словно лоскут ясного неба, проглядывающий среди движущихся темных туч.

К августу осаду сняли, король Франции подтвердил суверенитет Савоны, и кампания де Куси закончилась. Последний раз его имя всплывает 13 октября среди ста двадцати всадников, покинувших Асти и в тот же вечер добравшихся до Турина по пути к еще одному переходу через Альпы. Людовик приветствовал возвращение де Куси во Францию подарком, вернее, деньгами — 10 000 франков, — «чтобы помочь ему за все то, что он выстрадал в Италии». Фактически де Куси добыл для французского короля, если не для герцога Орлеанского, долгожданный плацдарм в Италии. На следующий год Генуя официально признала французское правление. В 1409 году народное восстание свергло французов, однако наследники Карла и Людовика Орлеанского — Карл VIII, Людовик XII и Франциск I претендовали на Геную вплоть до XVI века.

Пока де Куси был занят Генуей, двор и Парижский университет совместно пытались сместить Бенедикта XIII. Французы прекрасно его знали, однако встретили избрание испанца с обидой: пусть он и благородного происхождения, но с Валуа, Бурбонами и графами Савойскими в родственных отношениях не состоит, не то что Климент, который, с французской точки зрения, был «одним из нас». Окончание схизмы сделалось насущной необходимостью, поскольку нестерпимо хотелось начать крестовый поход. Венгерские послы направлялись во Францию, а патриархи Иерусалима и Александрии уже приехали с горестными вестями.

История повторилась: смиренный архиепископ Бари за одну ночь обернулся свирепым Урбаном VI, а тонкий и дипломатичный Педро де Луна мгновенно преобразился в добродетельного и несгибаемого Бенедикта XIII. Отчаянный призыв университета не откладывать «ни на день, ни на час, ни на минуту» намерение де Луны снять с себя полномочия оставил Бенедикта безучастным, хотя риторика, автором которой был снова Клеманж, раскрошила бы и гранит. Если он уйдет, писал университет, то «тем самым обретет вечный почет, бессмертную славу, всеобщую похвалу». Если же он отложит отставку хотя бы на день, за этим последует второй, а затем и третий день. Его дух ослабеет, набегут льстецы и карьеристы со сладкими речами и дарами и под маской дружбы «отравят ваш мозг страхом перед ужасными последствиями, охладят желание свершить сей благородный и трудный шаг. Если вы готовы сегодня, то зачем дожидаться завтрашнего дня? Если же не готовы, то завтра будете еще менее готовы. В ваших руках мир и здоровье церкви». Если соперник откажется подать в отставку, когда Бенедикт сложит с себя полномочия, тем самым он обречет себя на проклятие и станет в глазах людей «самым несговорчивым схизматиком», что даст католикам право его сместить.

Одностороннее отречение Бенедикта не привлекало, к тому же он не был уверен в том, что моральный эффект его поступка обезоружит соперника. Когда канцлер д'Альи и его преданный коллега Жиль Дешан приехали в Авиньон как королевские посланники с тем, чтобы усилить давление, то обнаружили, что де Луна уже не собирается «снимать шляпу», — дало знать о себе испанское упрямство, не зря же он вырос «в стране мулов».

В Париже усилили давление. В феврале 1395 года созвали собрание, на котором сто девять прелатов и ученых клириков от имени короля решали, как положить конец схизме. Заседания, на которых присутствовали архиепископы, епископы, аббаты и доктора теологии, продолжались две недели, после чего устроили голосование: восемьдесят семь человек против двадцати двух проголосовали за уступки и за отказ от «насильственного пути». Голосование отразило власть герцога Бургундского. Прелаты и теологи зависели от расположения того или иного герцога из королевской семьи, и они внимательно наблюдали за тенденцией развития событий. Соответственно, если герцог Бургундский или Орлеанский на какой-то момент обретали больше власти — когда король впадал в безумие, это был герцог Бургундский, а когда монарх выздоравливал, возвышался герцог Орлеанский, — это соотношение менялось, мешая гармоничной политике.

Собрание большинством голосов высказалось против «насильственного пути». Такая политика была объявлена «слишком опасной», она втянула бы французского короля в войну против всех, послушных «римскому самозванцу». Даже если Бонифаций будет повержен, утверждали прелаты, Англия, Италия, Германия и Венгрия по-прежнему не примут Бенедикта XIII, и раскол только увеличится. Единственная надежда состояла в том, что решение о своем отречении Бенедикт отдаст на волю короля Франции, а он тогда призовет глав других государств согласиться с этим решением. Несмотря на очевидные недостатки этой процедуры, само решение явно устроило корону. Без поддержки французского папы *Voie de Fait* утратил свою привлекательность.

Планы на Адрию и завоевание Папской области исчезли вместе с *Voie de Fait* и с возможностью для Бенедикта сместить своего соперника силой французского оружия. Чтобы убедить его в этом, корона направила в Авиньон самое внушительное посольство, состоявшее из трех принцев крови — герцогов Бургундского, Беррийского и Орлеанского, — а в помощь им были приданы десять делегатов из Парижского университета. Пусть и подслащенное богатыми дарами — бургундскими винами и фламандскими гобеленами — послание, которое везла делегация, недвусмысленно утверждало превосходство королевской воли над церковью. Но послам предстал оппонент, непревзойденный в искусстве уверток.

Тема разговора обсуждалась в изысканных беседах, каждая из которых с обеих сторон начиналась «риторическими цветами» и множеством канонических и исторических цитат. Бенедикта, бывшего профессора в Монпелье, не могли сбить с толку парижские академики. Продолжая уверять их в своем желании до самой смерти трудиться на объединение церкви, он отказался снимать с себя полномочия без гарантии двухстороннего решения вопроса. Возможно, он заподозрил, что французы хотя заменить его соотечественником. Что ж, вероятно, он был прав. Он вилял и уклонялся, как заяц, а охотники наседали. Когда они потребовали показать текст клятвы, подписанный кардиналами, папа сначала отказался, затем предложил по секрету доложить содержание, а когда на него снова напали, сказал, что прочтет текст вслух, но не передаст его в руки. Когда и это было отвергнуто, он напомнил о своей привилегии: дескать, решения конклава кардиналов не могут быть достоянием посторонних.

Вынужденный в итоге уступить, Бенедикт предложил встречу обоих пап и обоих кардинальских конклавов. Гости заметили, что это невозможно из-за упрямства папы римского, а потому требуется добровольная отставка Бенедикта. Он попросил, чтобы предложение было представлено в письменной форме. Жиль Дешан ответил, что в этом нет необходимости, поскольку предложение это состоит из одного слова из трех слогов: «уступка». Папа попросил дать ему время на размышление. Пока Бенедикт раздумывал, герцог Бургундский пригласил кардиналов и попросил сообщить ему свое личное мнение, а не мнение членов конклава. Из двадцати человек девятнадцать высказались за уступку, единственным человеком, выступившим против, был кардинал Пампелуна, то есть еще один испанец. Когда кардиналы изложили свое мнение в письменном виде, Бенедикт запретил им подписывать документ. На аудиенции, на которую он не допустил делегатов университета, Бенедикт сообщил, что если герцоги поддержат его, он сдаст им Папскую область. К его предложению французы остались глухи.

Дискуссия длилась два месяца, гости каждый день переправлялись через реку из Вильнева, где остановились. Однажды утром они обнаружили, что ночью служивший для переправы мост сгорел: кто-то поджег стоявшие у причала лодки. Испугавшись «предательства» и нападения, гости схватились за оружие, однако тотчас заподозрили папу. Может, испанец смеется сейчас над ними на другом берегу реки. Бенедикт поклялся, что не имеет к пожару никакого отношения, и послал рабочих отремонтировать мост, то есть построить временный понтон из связанных между собой лодок, что вряд ли устраивало гордых герцогов.

Единственной альтернативой для переправы на другой берег стали лодки, однако это отнимало много времени да и бурная река делала такие поездки небезопасными. Посовещавшись с кардиналами, визитеры решились на последнюю попытку, однако Бенедикт ее отверг, хотя и по-прежнему подтверждал свою приверженность единству церкви. Французам ничего не оставалось, как уехать восвояси после трех месяцев бесполезных уговоров. Церковный раскол продолжался.

Вряд ли следует сваливать всю вину на Бенедикта: кто знает, пришел бы конец схизме, если бы он сложил с себя полномочия? Удивительно все-таки, что он вышел победителем в схватке с Николя де Клеманжем, который яростно предсказывал катастрофу, если папы отложат свою отставку хотя бы на один день. И тот же самый Клеманж поступил так, что университет долго пребывал в ошеломлении: он принял предложение Бенедикта и сделался его секретарем, а позже написал о папе, что «хотя его серьезно обвиняли, человек он был великий и достойный, я считаю его святым, во всяком случае, я не знаю никого более достойного похвалы». Действовал ли Клеманж из убеждения или его подкупили? Поскольку о его мотивах нам ничего неизвестно, поверим, что он был искренен.

Разочаровавшись в результате своих усилий еще более потому, что первоначальные слова Бенедикта внушали большие надежды, университет предложил две радикальные меры: во-первых, посоветовал королю не передавать Бенедикту церковные доходы Франции — этот шаг привел бы к разрыву с Авиньоном. Во-вторых, он рекомендовал кардиналам на случай отказа Бенедикта от сложения полномочий заместить папу Генеральным советом. Корона все еще не была готова воздержаться от

послушания, хотя всего три года спустя вплотную подошла к такому решению. Вообще же суждено было миновать четырнадцати годам, прежде чем Европа достигла единогласия относительно Генерального совета (да и тогда согласие оказалось мимолетным).

Университет продолжил свою кампанию. Правителям и другим университетам шли письма, адресатов призывали настаивать на отставке обоих пап. Доктора теологии верхом объезжали города и провинции и убеждали народ в пагубности раскола. Они обвиняли церковь в коррупции и получили результат, которого не ожидали: люди потребовали реформ. Французский король направил послов к королю Англии и к герцогам Германии, призывая к общей уступке, и получил всеобщее согласие, не имевшее, однако, практического следствия. Бенедикт XIII не поддавался давлению. В последующие тридцать лет, несмотря на непослушание французов, на осаду Авиньона, на то, что кардиналы его покинули, несмотря на соперничество трех других пап, он так и не покинул свой пост. Он удалился в испанскую крепость, где и скончался в возрасте 94 лет, не сложив с себя полномочий.

Неожиданно появилась надежда на то, что война близится к концу. В марте 1395 года Ричард II посватался к Изабелле, дочери короля Франции. Ричарду было 29 лет, а невесте — шесть. Споры все не кончались, потому-то с целью достигнуть мира и был сделан этот отважный шаг, даже если мир и не был единственным его мотивом.

Ричарду II не было пользы от того, что он окрестил «невыносимой войной»: в отличие от большинства

англичан, он не испытывал никакой вражды к Франции. Напротив, он восхищался этой страной, мечтал встретиться с ее королем. Он жаждал заключить мир, чтобы сосредоточиться на противостоянии с внутренними врагами. Ричард правил в соответствии с конституцией в течение семи лет, с тех пор, как с ним жестоко обошлись «лорды-обвинители», однако его властная натура, еще более проявившая себя во время унижения, требовала абсолютной монархии и подчинения врагов. Королевская власть может развратить или улучшить человека, но в XIV веке она, похоже, имела один результат; ответственность подействовала благоприятно лишь на Карла V — это был воистину мудрый правитель. Ричард был подвержен частой смене настроения, натура у него была деспотичная, эмоциональная, и он был агрессивен, если не физически, то словесно. Его жена, Анна Богемская, сестра Венцеслава, скончалась в 1394 году, и Ричард в отчаянии приказал снести королевское поместье Шин, потому что там умерла жена. На ее похоронах он почувствовал себя оскорбленным поведением лорда Арундела, одного из «лордов-обвинителей». Король схватил посох и одним ударом свалил обидчика на землю.

Анна, его ровесница, обладала чудесным характером, и о ней, в отличие от ее несчастного брата, в хрониках имеются лишь самые доброжелательные отзывы. Ее смерть, возможно, уничтожила некие моральные ограничения в характере Ричарда; к тому же она оставила мужа без наследника. Для продолжения рода желателен был второй брак, но выбор шестилетней девочки, подтверждения брака с которой надо следовало ждать еще шесть лет, показывает, что обретение наследника не являлось для Ричарда первостепенной

задачей. Он хотел примирения с Францией, чтобы эта страна поспособствовала ему в его противоборстве с английскими «боровами». Ричард проинструктировал послов: они должны заручиться поддержкой французского короля, а также его дядюшек и брата и помочь Ричарду в борьбе с любым из его подданных.

Вряд ли такую просьбу одного короля другому можно считать нормальной, особенно если вспомнить, что совсем недавно они были врагами. Ричарду оставалось два года до абсолютной монархии, до убийства Глостера, до казни Арундела, до ссылки Норфолка и Генри Ланкастера и до серии провокаций, ставших в последующие два года причиной того, что он потерял корону, а потом и жизнь. Современные историки предполагают, что в последние годы Ричард страдал от душевной болезни, но это — современный взгляд на дурное правление, свойственное правителям XIV века, на их неспособность справляться со своими порывами.

Ричард правил во времена все возраставшего напряжения, которое не уменьшилось после крестьянской революции. Банды рыцарей и лучников по-прежнему сеяли беспорядки, тяжелые налоги вызывали постоянные жалобы. Социальная угроза, не менее, чем религиозная, объединяла корону и церковь: дни единения Иоанна Гентского с Уиклифом прошли, и на высокие трибуны взгромоздились лолларды. В 1394–1395 годах они неожиданно разразились пламенной петицией — «Двенадцать умозаключений и истин о реформе святой церкви в Англии».

При поддержке нескольких членов нижней палаты, в том числе неугомонного сэра Ричарда Стери и другого рыцаря, состоявших в Тайном совете, лолларды подали в

парламент написанную по-английски петицию о двенадцати реформах и представили ее на правах билля. Одновременно лолларды повесили свое воззвание на дверях собора Святого Павла и Вестминстерского аббатства. Этот документ отражал мнение людей, разочарованных церковью позднего средневековья; народ хотел верить, но его вере мешали материализм и идолопоклонство. Это были те же положения, о которых говорил Уиклиф, начиная с двух, самых опасных для церкви и священства: секуляризация церковной собственности и отрицание таинства пресуществления. Среди других пунктов, перечисленных в списке, лолларды ратовали за отмену безбрачия священников, поскольку это вело к нарушениям — ведь женщины «по природе своей слабы и несовершенно», что чревато многими ужасными грехами. Лолларды осуждали экзорцизм и освящение физических объектов, поскольку это не что иное, как плутовство, сходное с черной магией; они выступали против паломничества к деревянным и каменным изображениям, считая его разновидностью идолопоклонства. Десятый пункт положения был новым — отрицание права на убийство. Лолларды утверждали, что убийство в бою или по решению суда противоречит Новому Завету.

Епископы так встревожились из-за «Двенадцати умозаключений», что призвали Ричарда из Ирландии, где на тот момент монарх подавлял новые бунты. Король, разгневавшись, пригрозил уничтожить сэра Ричарда Стери и «предать его самой непотребной смерти», если когда-либо он нарушит данную им клятву. «Двенадцать умозаключений», однако, правитель уничтожить не мог. Идеология лоллардов нашла отклик у свиты Анны

Богемской, и через этих людей идеи Уиклифа соприкоснулись с воззрениями Яна Гуса.

Слухи о сватовстве Ричарда дошли до Авиньона, и не всем это предложение понравилось. Филипп де Мезьер очень его приветствовал, поскольку оно отвечало интересам крестового похода, доволен был и герцог Бургундский: он считал, что это пойдет на пользу торговле. Однако враждебность второй половины столетия рассеять было не так легко. Герцоги Беррийский и Орлеанский возражали, и когда предложение выдвинули для обсуждения в совете, несколько человек выступили против него. Они заявили, что в отсутствие мирного договора между государствами брак выглядит странно. Если бы де Куси не был на тот момент в Италии, он, скорее всего, разделил бы это мнение. Инцидент, случившийся в том же году, показывает, что де Куси старался поддерживать официальные отношения между врагами даже во время перемирия. Когда Фруассар, готовившийся к поездке в Англию, попросил у него рекомендательные письма к Ричарду и его дядям, де Куси отказался писать королю, «потому что он француз», хотя и дал Фруассару такое письмо для своей дочери Филиппы. Если даже письмо королю Англии он посчитал неполитичным, то брак француженки с английским королем, должно быть, представлялся ему попранием всего святого.

В совете канцлеру Арно де Корби рекомендовали принять предложение, поскольку брачные узы должны были укрепить позицию английского короля против военной партии его страны. Интересы мира были важнее всего. В июле тысяча двести французских аристократов выступили в качестве эскорта английского посольства. Англичане с маршалом Ноттингемом во главе приехали в

Париж для переговоров. Было достигнуто соглашение по вопросу приданого Изабеллы — восемьдесят тысяч франков, но без земли, а по вопросу перемирия стороны договорились на двадцать восемь лет. Впервые продолжительность перемирия была столь длительной, что доказывало искренние намерения воюющих стран, по крайней мере со стороны переговорщиков.

Если французы, на чьей земле шла война, уже пострадали, то многие англичане, к примеру герцог Глостер, еще не навоевались. Им казалось, что их обманули, французы, дескать, зачеркнули все то, что зафиксировал договор в Бретиньи. Они хотели сатисфакции, а предлагаемый брак навсегда их ее лишал. Свободных рыцарей и йоменов по-прежнему привлекала война и добыча, которую они намеревались найти на континенте. Простолюдины, страдавшие от прерванной торговли и тяжелых налогов, возможно, хотели мира, но и им не нравился брак с французской принцессой. Они боялись, что Ричард слишком много отдаст французам; шептались по поводу Кале и насчет малолетней королевской невесты, да и с наследником престола по-прежнему все было непонятно, а это многих огорчало.

Из-за популярности Глостера и его влияния на лондонцев Ричард не осмеливался заключать альянс без согласования с герцогом и его партией. Более года прошло в стараниях заполучить это согласие. Французы послали Робера Отшельника, чтобы тот от имени небес призвал к миру и рассказал англичанам об опасности, исходящей от турок. Отшельник узнал об этом, пока путешествовал по Сирии. Вряд ли провидцы могли произвести впечатление на Глостера, пусть даже Робер и путешествовал с семьей лошадьми за счет французского

короля. В разгар своего разглагольствования Отшельник предупредил: «Тот, кто выступает или выступит против мира, дорого заплатит за это, будь он жив или мертв». Глостер резко ему ответил: «А тебе это откуда известно?» Робер мог только сказать, что на него нашло «божественное откровение», и герцог отнесся к его словам с равнодушием. Он по-прежнему был настроен против мира и говорил, что проклиняет и презирает французов.

Встревоженный Ричард признался графу Валерану де Сен-Полю, сопровождавшему Отшельника, что Глостер пытается повлиять на людей, настроить их против мира, возможно даже «поднять против меня народ, а это очень опасно». Сен-Поль, практичный брат святого Пьера Люксембургского, посоветовал королю убедить дядю красивыми словами и подарками с тем, чтобы бракосочетание состоялось и мир восстановился. Тогда король соберет другой совет, он будет сильным и подавит всех бунтовщиков, а «французский король поможет вам в этом, даже не сомневайтесь». Политика, что тогда, что сейчас, опирается на деньги. Ричард пообещал Глостеру сто тысяч фунтов, графский титул для его сына, две тысячи фунтов в год и различными убеждениями и давлением добился неохотного согласия.

В марте 1396 года в Париже был заключен брак по доверенности и подписан мирный договор. От имени короля выступал Ноттингем. У Ноттингема появилась возможность добиться цели если не в бою, так в развлечениях. Де Куси был одним из тех, кто принимал английских послов во время их трехнедельного пребывания в столице. Английские бароны подписали брачный контракт, и Ричард сам в августе приехал в Кале, где на совещаниях с герцогом Бургундским показал

себя другом Франции. Он согласился поддержать «путь уступок» и хотел убедить римского папу подать в отставку но, что более существенно, согласился уступить английский плацдарм в Бретани. Ричард отправился домой и сказал, что доложит условия мира своим соотечественникам, ибо, по его словам, «он не может твердо обещать мира без согласия всего английского народа».

В октябре он вернулся. Встреча с французским королем произошла с подобающим этому событию великолепием. На поле, на границе Кале, раскинули яркие шатры. Четыреста французских и четыреста английских рыцарей с мечами в руках выстроились в две шеренги, а короли прошли между ними навстречу другу к другу, каждый в сопровождении дядюшек. Встретившись, короли обнялись, а все восемьсот рыцарей встали на колени, и многие растроганно плакали. Последовали веселые встречи и пиры. Семилетнюю невесту, наряженную в алый бархат и обвешанную изумрудами, передали жениху, а архиепископ Кентерберийский в ноябре официально обвенчал ее в Кале с Ричардом. Ангерран де Куси не присутствовал на этих церемониях и не встречался со своей дочерью Филиппой, ибо он уже ушел с рыцарями и нобилями в последний крестовый поход средневековья.

Короли примирились, но все старые вопросы — оспариваемые границы и территории, феодальные присяги и репарации, Гиень и Кале — остались неразрешенными, и злость Глостера никуда не делась. Французы считали, что все почести, развлечения, золотые и серебряные дары, которые они обрушили на герцога из желания смягчить его антагонизм, были потрачены впустую. Он принял дары, но оставался все

так же холоден, суров и скрытен. «Мы напрасно мечем бисер пред этим герцогом Глостером, — сказал герцог Бургундский своему советнику, — покуда он жив, мира между Францией и Англией не будет. Он всегда придумает новую каверзу — лишь бы вызвать ненависть и вражду между нашими странами». Дело было не только в Глостере, который через год скончался. Сам герцог Бургундский, погрязший в братоубийственной борьбе с герцогом Орлеанским, нес не меньшую ответственность. Нескончаемая война породила между странами пропасть, слишком глубокую, чтобы ее можно было легко преодолеть. В Англии Ричард и Ланкастер были единственными искренними приверженцами профранцузской политики, и оба умерли через три года после заключения французского брака. Враждебность к Франции не утихла. Не прошло и двадцати лет после примирения, как Генрих V призвал своих соратников на войну: «Что ж, снова ринемся, друзья, в пролом».

ГЛАВА 26

НИКОПОЛЬ

Пятьдесят лет европейцы почти не обращали внимания на далекую и уверенную поступь турок на Востоке и на жалобные стоны угнетенных, сопровождавшие это безжалостное продвижение. Турки-оттоманы стали последней и самой длительной, как оказалось, волной кочевников-воинов, которые в XI–XIII веках хлынули из восточных степей и заволокли Малую Азию, как до них готы и гунны, одолевшие Рим. Поначалу оттоманы, будучи вассалами турок-сельджуков, обосновались на берегу Черного моря в Анатолии и охраняли границы владений сельджуков. Когда после

нашествия Чингисхана и его последователей империя сельджуков развалилась, опытная и воинственная армия вождя Османа (Оттомана) в 1300 году объявила независимость от сельджуков и новое царство поднялось на руинах своих предшественников. Через 25 лет с жесткой энергией народа, находившегося на взлете, оттоманы покорили основные города и большие дороги Анатолии и захватили узкий пролив, отделяющий Азию от Европы.

На другом берегу пролива, на европейской стороне, стоял Константинополь — столица территории, оставшейся от Византии. Этот восточный реликт древней Римской империи постепенно приходил в упадок с тех самых пор, как восемьсот лет назад Рим сдался древним варварам. Европейская часть империи была жалким остатком прежнего величия, ее морское и торговое превосходство перешло к Генуе и Венеции, и ослабляли ее те же процессы, что и на Западе, — чума, экономические неурядицы, религиозные раздоры, восстания ремесленников. Сербь и болгары, создавшие собственные королевства, совершали набеги с запада, а мелкие народности и племена угрожали с Эгейского моря. В провинциях царил беспорядок, военная сила зависела от наемников, верховная власть постоянно оспаривалась кровавыми междоусобицами вокруг трона. Все это и позволило оттоманам беспрепятственно войти в Европу.

Междоусобицы начались из-за притязаний Иоанна Кантакузина — как главу правительства его называли «великий доместик»: он был регентом Иоанна V Палеолога, малолетнего наследника трона. В 1341 году Кантакузин объявил себя соправителем Палеолога, а на самом деле — настоящим императором Иоанном VI. В

последующие годы гражданской войны он удерживал власть, покупая услуги храбрых и дисциплинированных оттоманских сил. Когда в 1345 году султан Орхан по приглашению Кантакузина переправился через Геллеспонт, это, по выражению Гиббона, стало «последним фатальным ударом» в долгом падении древней Римской империи.

Преемник Орхана, Мурад I вторгся на европейскую территорию и захватил полуостров Галлиполи — ворота к Геллеспонту. Через сто лет турки возьмут и сам Константинополь, но Кантакузин, как и другие великие исторические актеры, не предвидел последствий своих действий. Для укрепления сотрудничества с новыми союзниками он выдал дочь за Орхана. Церемония, прошедшая по мусульманскому обряду, выстроила мост через пропасть, разделявшую христиан и неверных. Через несколько лет некогда «великий доместик» вынужден был подать в отставку, стал монахом и в уединении начал писать историю времени, в которое сам же и внес такую сумятицу.

Неискоренимые разногласия в Константинополе дали возможность туркам воспользоваться доступом в Галлиполи. После ухода Кантакузина на трон взошел его прежний подопечный, Иоанн Палеолог. Так получилось, что Иоанн VI сменил Иоанн V; с самого начала его правления возобновились ожесточенные семейные распри — в следующие тридцать пять лет сыновья и внук, дядя и племянник в различных комбинациях заключали в тюрьму, пытали и смещали один другого.

Пока Палеологи занимались самоуничтожением, турки через Галлиполи проникли в византийские и болгарские владения. В 1365 году Мурад взял

Адрианополь и углубился в Европу на сто двадцать миль. В 1371 году на реке Марица в Болгарии он сокрушил объединенную армию сербов и болгар. С тех пор стали вассалами султана болгарские бояре и Иоанн V, сохранивший часть своей империи. В 1389 году еще одна армия, состоявшая из сербов, румын и их северных соседей молдаван, попыталась преградить путь туркам, однако Мурад разбил противника в решающей битве при Косово, и это сражение похоронило независимость сербов. Царь сербов и его окружение погибли, а царевич вынужден был стать вассалом султана. Самого Мурада после сражения убил умирающий серб. Притворившись, будто хочет открыть секрет султану, он ударил того в живот мечом, когда Мурад, прислушиваясь, склонился над ним. Султан, однако, оставил своему преемнику Баязиду самую сильную власть в регионе. За тридцать пять лет с момента перехода через Босфор турки захватили территорию восточных Балкан до самого Дуная и теперь стояли у границ Венгрии.

Отсутствие единства среди врагов стало главным фактором успеха турок. С тех пор как крестоносцы-католики вторглись на восточные территории, Константинополь испытывал горькое недоверие к Западу. Старый раскол христианства, разделивший римских католиков и греческих православных, вызывал нескончаемые споры из-за мелких различий ритуала, и чем незначительнее они были, тем сильнее разгоралась злоба. В результате раскола балканские народы стали врагами. Болгария, Валахия (тогдашнее название Румынии) и большая часть Сербии принадлежали греческой церкви в противоположность Венгрии, относившейся к латинской церкви. Венгрию осуждали за это и за то, что она

пыталась политически давить на соседей. Воевода Валахии Мирча сражался при Косово против турок, но из-за застарелой вражды не желал объединиться с Венгрией против общего врага. То же самое можно было сказать и о сербах, поскольку они признали султана своим владыкой. Политика Мурада была такова: нейтрализовать правителей Балкан, заставив соблюдать вассальную верность. Поскольку этим государствам недоставало единства и поскольку они представляли собой всего лишь разрозненные страны с полуавтономными правителями, то с каждой из них можно было разобратся по отдельности. Один за другим болгарский, боснийский, сербский и валахский лидеры клялись в вассальной верности, лишь бы избежать непрекращающихся турецких набегов. На завоеванных землях Мурад делил территории на феодалы, раздавал их своим приспешникам, и те оседали в Европе. Половина турецкой армии в Косово уже имела земли на другой стороне Босфора.

Баязид активно продолжал политику своих предшественников. Избранный султаном на поле боя при Косово, он начал с удушения своего брата тетивой — обычная турецкая мера предосторожности, — после чего немедленно взялся сотрясать византийский престол, пособив Иоанну VII свергнуть его деда. Когда Иоанна в свою очередь сбросил с трона его дядя Мануэль II, Баязид осадил Константинополь, и блокада продолжалась семь лет. Тем временем Баязид расширил свою власть в Болгарии, вторгся в Македонию и Аттику, разрушил Боснию и Хорватию. Говорят, он взял там больше пленников, чем осталось жителей этих стран. Он был смел, предприимчив, не сходил с седла, «готов был пролить кровь врагов и не жалел крови своих солдат».

Его гвардия — *гази*, то есть «оружие Аллаха» — яростно боролась с неверными. Турецкое слово *ghazi* означает «меч Бога», очищающий землю от грязного многобожия, то есть от христианской Троицы.

В 1393 году, заняв Тырново, столицу восточного болгарского царства, Баязид захватил Никополь, самую сильную болгарскую крепость на Дунае. Крепость стояла на горе у реки, а на противоположном берегу находилась валахская крепость. Здесь в Дунай впадают два притока, а потому крепость контролировала все водные коммуникации. В этом стратегическом месте и произошло сражение европейцев с оттоманами.

Когда болгарский царь Иван Шишман, несмотря на то, что был вассалом, отказался поддержать турок войсками и провизией, Баязид заключил его в Никополе в тюрьму. Затем, придя в нетерпение, он велел задушить своего пленника, низвел его царство до статуса турецкой провинции и двинулся дальше, к городу Видин, столице западного болгарского царства. Сигизмунд, король Венгрии, отправил гонцов, чтобы выяснить, по какому праву султан нарушил суверенитет Болгарии, и Баязид ответил без слов — просто показал на оружие и военные трофеи, висевшие у него на стенах. Он построил огромную башню, защищавшую Галлиполи, и временный порт для галер. В Адрианополе он возвел большие мечети и по пути своего продвижения строил караван-сарай. Его вооруженные всадники проникали все дальше в Европу, а он продолжал укреплять свою власть в Анатолии. За «огненную силу души» и быстроту марш-бросков он получил прозвище Ильдерим, что значит «молния».

После захвата Никополя король Сигизмунд обратился за помощью к Западу. На тот момент его страна была последним государством Восточной Европы, сопротивлявшимся туркам. Здесь не забыли ужас монгольских набегов, когда в прошлом веке монголы истребляли все и вся на берегах Дуная. Хотя Венгрия была «королевой окружавших стран», достойного сопротивления новым захватчикам она оказать не могла, поскольку на севере ее терзали нескончаемые ссоры с Польшей и Литвой, на юге с ней враждовали соседи, да и в самой Венгрии происходили междоусобицы. Страна представляла собой лоскутное одеяло, сотканное венгерскими нобилями, местными крестьянами, жившими «по старинке», в неведении о сельскохозяйственных методах Запада, и переселенцами из германских земель, построившими города и жившими по своим законам, как это делали они в Богемии и Польше.

Венгерская корона была тесно связана с французским двором, пока там правила неаполитанская Анжуйская династия, и так продолжалось вплоть до Сигизмунда, положившего начало Люксембургской династии. Сигизмунд стал королем в 1387 году благодаря тому, что женился на дочери последнего анжуйского короля Людовика Великого. Тот умер, не оставив сына. Сын последнего императора Карла IV, младший сводный брат Венцеслава Сигизмунд был не настолько мудрым государем, как его отец, зато уж всяко более способным и здравомыслящим, чем старший брат. Как и Венцеслав, он был хорошо образован и великолепно говорил на четырех языках. Высокий, сильный, необычайно красивый, со светло-каштановыми длинными и вьющимися волосами, он был умен и благонамерен как правитель, однако любил мирские удовольствия, был

экстравагантен и распущен, и за ним числился целый список скандальных любовных походов. Истории он в основном известен как император в более поздний период его жизни, а на тот момент ему было всего двадцать восемь лет, и положение его в сложившихся обстоятельствах было довольно шатким.

Корону Венгрии он унаследовал в девятнадцать лет, Сигизмунда сравнивали с энергичным и властным предшественником, у него был соперник на трон в лице анжуйского наследника Карла Дураццо. Пройдя через беспокойные годы интриг и убийств, Карл Дураццо и королева-мать Елизавета Венгерская уничтожили друг друга. Бунты нобилей удалось более или менее успокоить, пусть даже чувства несколько не остыли; так, один из местных аристократов крикнул Сигизмунду: «Я никогда не поклонюсь тебе, богемская свинья!» Занятый в первые восемь лет своего правления улаживанием разнообразных конфликтов, Сигизмунд не сумел оказать эффективного сопротивления туркам, и те воспользовались ситуацией и разграбили приграничные территории.

Храбрый, хотя и лишенный дипломатичности, в моменты гнева вспыльчивый и жестокий, Сигизмунд выжил. Как и каждый из Люксембургов, он обладал ярко выраженным характером. Когда ему показали реликвию и сказали, что это — кость святой Елизаветы, Сигизмунд повертел ее в руках и заметил, что она вполне может оказаться костью мертвого сапожника. В Париже он посетил парламент, чтобы посмотреть судебное производство в действии. Там он услышал обвинительное заключение, вынесенное плебею по имени Сейне: человека осудили на основании того, что, в отличие от ответчика, он не рыцарь. К изумлению свиты, суда и

зрителей, Сигизмунд встал, громко объявил о своем праве присваивать рыцарское достоинство, подзвал к себе Сейне, велел ему преклонить колени и сделал рыцарем. Сигизмунд снял золотую шпору и пояс — на нем вместо меча висел кинжал — и велел одному из своих людей передать эти знаки отличия онемевшему от изумления новоиспеченному рыцарю.

Большого расположения к Константинополю Запад не испытывал и, следя за продвижением турок, мало обращал внимания на опасность, пока она не приблизилась к Венгрии. В последние сорок лет каждый папа призывал к крестовому походу против неверных. Некоторые из пап действительно сильно беспокоились, но беспокойство это было вызвано скорее верой, нежели реальным пониманием приближавшейся опасности. Меры, принимаемые против турок, были недостаточными и диктовались особыми интересами. Папы надеялись подчинить себе восточную церковь, вернуть ее под латинское крыло. Венецианцы и генуэзцы хотели сохранить торговые посты на Черном море и на восточном Средиземноморье; интересы Лузиньянов на Кипре заключались в сохранении королевства и противостоянии турецкому нашествию. Для объединения усилий лучше всего подходила Латинская лига, созданная папой Климентом VI в 1344 году, еще до того, как турки вошли в Европу. Климент надеялся, что объединенные силы папства, Венеции, Кипра и госпитальеров Родоса успешно выступят против турок и побудят Константинополь вступить в альянс с Латинской лигой, а впоследствии и объединиться с римской церковью. Поначалу латинский флот действовал успешно — взял Смирну и уничтожил турецкие суда, однако наземные войска крестоносцев, парализованные

болезнью и нерешительностью командования, фактически не двинулись с места, и кампания провалилась.

Еще одно усилие было предпринято в 1360-х годах. Интересы Пьера де Лузиньяна, правителя Кипра, представлялись наиболее насущными. После напрасного обращения к европейским дворам и трехлетних попыток устроить крестовый поход, в 1365 году он организовал экспедицию, которая с триумфом захватила в Египте богатый город Александрию. Лузиньян посчитал свою победу первым шагом на пути в Иерусалим. Приспешники Лузиньяна так обрадовались огромной добыче, что, не желая расстаться с нею, уплыли, оставив своего предводителя с малочисленной армией, и он не смог подтвердить победу и удержать город. Александрию пришлось вернуть.

В то же время Амадей Савойский, племянник Анны Савойской, вдовствующей императрицы в Константинополе, затеял удивительную кампанию, намереваясь соединиться с Лузиньяном. Ему удалось отвоевать Галлиполи, но победа эта также оказалась мимолетной. Наемные отряды под командованием Дюгеклена, которым надлежало выйти с Запада и обрушиться на турок, так и не появились. Амадею, как и Лузиньяну, не хватило войск, чтобы идти дальше, и через несколько лет Мурад вернул Галлиполи.

В 1369 году Константинополь сам попросил о подмоге. Для преодоления раскола между греческой и латинской церковью и в отчаянной усиллии получить помощь от Запада император Иоанн V приехал в Рим. Он намерен был предложить себя в качестве первого обращенного. Этим он возбудил ярость православного

духовенства и осудивших его действия мирян. Европа, занятая возобновлением англо-французской войны, осталась равнодушной.

Единственным человеком, который, судя по письменным свидетельствам, постоянно пытался дать ответ на вызов времени, был Филипп де Мезьер; впрочем, крестовый поход, к которому он призывал, затевался ради самого похода. Для Мезьера поход был моральным императивом, философским камнем, который должен был излечить общество от страданий и обратить эти страдания в золото: тогда ссоры и вражда прекратятся, тираны падут или станут добродетельными, турки, татары, евреи и сарацины примут христианство, человечество объединится и на земле наступит мир. Отметим, правда, что хотя Мезьер и был человеком экзальтированным, он прекрасно знал Левант и Турцию, понимал серьезность проблемы и относился к ней со всей серьезностью.

Молодого клирика тянуло к Святой земле, и он присоединился к крестовому походу Латинской лиги в Смирну. Много лет прослужив канцлером у Пьера де Лузиньяна, Мезьер не понаслышке познакомился с турецкой проблемой. После смерти Лузиньяна он вернулся к французскому двору и сделал целью своей жизни возвращение Востока христианам. Он понимал, что это должна быть не авантюра, а организованное и кровопролитное столкновение с дисциплинированным врагом, которого он знал по Смирне; ему было известно, что противник хорошо обучен, смел и дерзок. Мезьер задумался о том, что стране необходима национальная армия, включающая в свой состав и буржуа, и простых людей, обученных военному делу, а командовать этим войском будут рыцари, вдохновленные не жадностью, а

высокой идеей. Как тамплиеры и госпитальеры прежних времен, они будут верными, справедливыми и дисциплинированными и в ходе своего великого предприятия восстановят истинные идеалы рыцарства. С этой целью Мезьер основал орден Страстей Господних. Как явствует из названия, интересы Мезьера были не военными, а духовными.

Настойчивая пропаганда Мезьера — каковая включала в себя великолепную постановку Первого крестового похода, исполненную во время визита императора в Париж — без сомнения, произвела впечатление на Карла VI и на других зрителей. В 1389 году Бусико, вернувшись из своего путешествия в Святую землю, где он выкупал графа д'О, принес первые «живые» впечатления о турках. Он рассказывал обо всем, что увидел на Востоке, о своем визите к Сигизмунду в Венгрии и о том, как достойно его принял в Галлиполи султан Мурад. Султан преподнес ему великолепные подарки. После этих рассказов молодому королю еще больше захотелось «чудесных приключений». В 1390-х годах новости с Востока сделались поистине тревожными. В 1393 году переговоры с Англией провалились, и Карл предложил Ланкастеру организовать совместную экспедицию против турок — «защитить веру, прийти на помощь Венгрии и императору Константинополя». Но пока мирные переговоры с Англией затягивались, ничего нельзя было сделать; с мертвой точки удалось сдвинуться, лишь когда сложившейся ситуацией заинтересовался лично герцог Бургундский.

Герцог Бургундский по-прежнему был главным двигателем событий. Еще до того как из-за сумасшествия короля он получил в свои руки власть, герцог мечтал о крестовом походе, не совсем определившись, правда, куда идти — на Пруссию или на Венгрию. Цели у него особой не было, разве только занять делом воинов. В 1391 году он послал Ги де Тремуайя на разведку в Венецию и Венгрию и, убедившись в грандиозности предприятия, запланировал крестовый поход, который поначалу хотел возглавить сам вместе с Людовиком Орлеанским и герцогом Ланкастерским. В конце концов никто из них троих никуда не пошел. Вряд ли при этом они считали, что оборона Европы от турок представляет собой жизненный интерес. Личный же интерес герцога Бургундского, финансировавшего крестовый поход, заключался в прославлении себя и своего двора, и поскольку он восхвалял себя сам, то демонстрация собственных достоинств и стала главной его задачей, а планы, логистика, знание врага были на втором месте.

Главной проблемой, как и всегда, стали финансы. В 1394 году герцог Бургундский потребовал помощи в сумме двести тысяч ливров от истощенной гражданской войной Фландрии. После ожесточенной торговли фламандцы снизили сумму до ста тридцати тысяч. Этого было достаточно, чтобы начать закупку если не оружия, то роскошных туалетов. В январе 1395 года герцог послал к Сигизмунду брата Ги де Тремуайя, Гийома, с тем, чтобы тот обратился к королю Франции с официальной просьбой о помощи.

В августе в Париж приехали четыре венгерских рыцаря и епископ. Они сообщили королевскому двору, что султан Баязид собирает армию численностью

четыреста тысяч человек, цель султана — низвести Венгрию до положения Болгарии, Валахии и Сербии, и если Франция не поможет, король Венгрии будет крайне огорчен. Посланцы рассказали, что жестокие турки держат в темницах христиан, отнимают детей у матерей и обращают их в ислам, насилуют девственниц, грабят и не щадят никого. Их король несколько раз давал бой страшному и могучему врагу и всякий раз терпел поражение. Как бы ни болезненно было такое признание, «судьба христиан требует, чтобы мы это сказали: „Король Сигизмунд умоляет о помощи во имя родства и любви к Богу“».

Поскольку вопрос с английским браком был решен, король Карл ответил, что он «как глава христианских королей» не даст христианам погибнуть под пятой султана и накажет его за дерзость. Энтузиазм оказался заразительным. Граф д'О — на тот момент коннетабль Франции — и маршал Бусико провозгласили, что долг каждого смелого человека — вступить в бой с «негодьями» [*miscreants*]. Этим словом, выражавшим презрение, обычно награждали крестьян и подсобных рабочих, а теперь так стали называть мусульман. Венгерских посланников завалили подарками и обещаниями о помощи, и они вернулись домой через Германию и Австрию, по пути сообщая всем о грядущем французском крестовом походе, и собирали для него провизию.

Через два месяца после визита венгров возвратившийся из Италии де Куси застал двор в необычайном волнении — все думали о крестовом походе и хотели выступить немедленно. У де Куси выработалась

привычка: если была такая возможность, он никогда не засиживался дома. Герцоги Бургундский, Орлеанский и Ланкастерский отказались от похода, сославшись на переговоры с Англией, требовавшие их присутствия. Возможно, они просто хотели быть поблизости от трона. Но герцог Бургундский держал руку на пульсе — от его имени действовал старший сын, двадцатичетырехлетний Жан де Невер: он еще не был рыцарем, но отец назначил его номинальным командующим. Предопределенный Каин (по выражению Мишле) по отношению к Авелю (Людовику Орлеанскому), граф Неверский проявил такую решительность после смерти отца. Когда он стал герцогом, его прозвали Жаном Бесстрашным, это означало, что он не боялся вершить зло. Женившись в четырнадцать лет, он уже был отцом двух детей. Низкого роста, с большой головой, грубыми чертами лица, неловкими манерами, одевавшийся, мягко говоря, неряшливо, он был полной противоположностью во всем, кроме амбиций, своему очаровательному кузену Людовику. «Природа, — писал Мишле, — казалось, специально сотворила его для ненависти к герцогу Орлеанскому».

Хотя королевская кровь графа Неверского и его положение в обществе придавали блеск готовившемуся походу, его отец осознавал необходимость более ответственного командования, которого он, очевидно, не ожидал ни от коннетабля д'О, ни от маршала Бусико, — оба младше тридцати пяти. Поэтому он обратился к де Куси как к старшему государственному мужу и более опытному воину.

Де Куси впервые принял участие в боевых действиях против англичан, когда ему было пятнадцать лет, в восемнадцать он усмирил крестьянское восстание;

обширный опыт де Куси был необычайно разнообразен — тут и войны, и дипломатия, работа в правительстве, социальные и политические взаимоотношения. Зять Эдуарда III, он служил двум королям, воевавшим друг против друга, то есть его опыт был воистину уникален. В войну он был командующим в одиннадцати кампаниях — в Пьемонте, Ломбардии, Швейцарии, Нормандии, Лангедоке, Тоскане, северной Франции, Фландрии, Гельдерне, Тунисе и Генуе. Он командовал наемниками, был союзником и противником графа Савойского, Григория XI, Хоквуда, Висконти, Габсбургов, швейцарцев, наваррцев, гасконцев, англичан, берберов, флорентийцев и нобилей Генуи. В качестве дипломата де Куси вел переговоры с папой Климентом VII, герцогом Бретани, графом Фландрии, королевой Арагона, участвовал в мирных переговорах с англичанами, с парижскими бунтовщиками. Его первая, темпераментная и экстравагантная жена была на восемь лет старше, а вторая — приблизительно на тридцать лет моложе. Он был советником и посредником двух принцев крови — герцогов Анжуйского и Орлеанского, главнокомандующим в Пикардии, а позднее — в Гиени, членом Королевского совета и главным кравчим Франции; дважды его хотели назначить коннетаблем. Кого он только не знал, с кем не имел дела — от злобного Карла Наваррского до святого Пьера Люксембургского!

Неудивительно, что герцог и герцогиня Бургундские послали за ним и сказали: «Монсеньор, мы знаем, что из всех рыцарей Франции вы самый опытный во всех делах, поэтому и просим вас стать в этом походе товарищем нашего сына и его главным советником».

«Ваше высочество и вы, сударыня, — ответил де Куси, — если будет угодно Господу нашему Богу, я совершу эту путешествие и вот почему: во-первых, во имя долга, дабы защитить веру Христову, а во-вторых, чтобы оказаться достойным той чести, которую вы мне оказываете». Но тут же де Куси попросил извинить его и освободить от этой обязанности и возложить ее на более достойных — вверить Жана графу д'О и графу Жаку де ла Маршу, ведь они оба по крови Неверские. (Будучи д'Артуа, д'О был кровным родственником Валуа, в этом и состояла главная причина того, что его назначили коннетаблем, в то время как де ла Марш, самый молодой из крестоносцев, «без бороды и усов», принадлежал к роду Бурбонов.)

«Сир де Куси, — ответил герцог, — вы больше видели и пережили, нежели наш кузен д'О и де ла Марш, вы знакомы с местностью, по которой предстоит пройти, а они в этих краях не бывали, поэтому мы и выбрали вас и просим исполнить нашу просьбу». Де Куси поклонился и сказал: «Ваша просьба для меня приказ» — и согласился при условии, что ему помогут Ги и Гийом де Тремуай и адмирал де Вьен. Чувствовалось, что и он не слишком доверяет молодым людям.

Поскольку результат похода в решающей степени зависел от командования, понятно, почему герцог Бургундский с такой тщательностью подходил к выбору «главного советника», если даже Фруассар и приукрасил кое-что в своем рассказе. Средневековые хронисты позволяли себе прямую речь при описании исторических событий. Так поступал до них и Фукидид. Если мы принимаем речь Перикла к афинянам, то отнесемся же с доверием и к обращению герцога Бургундского к де Куси. Вызывает удивление, правда, что имя де Куси как

«главного советника» в окончательном списке основных советников графа Неверского не упоминается. В списке есть имена двух Тремуайев, Одара де Шассерона, всех придворных герцога Бургундского вместе с Филиппом де Баром и адмиралом де Вьеном. Де Куси, д'О, Бусико, де ла Марш и Анри де Бар перечислены в отдельном списке, с ними граф Неверский мог советоваться, «когда это покажется ему полезным». Организация руководства этой военной кампанией имела очевидные недостатки и отразила отсутствие концепции единства командования.

Освободившись от переговоров с Англией, рыцари с радостью принялись готовиться к крестовому походу, поскольку им надоело сидеть без дела. Идти в поход, по слухам, вызвались около двух тысяч рыцарей и оруженосцев в сопровождении шести тысяч лучников. Пехотинцев отобрали из лучших волонтерских и наемных отрядов. Герцог Бургундский, как и во время подготовки свадьбы, снова поразил размахом: он решил, что экипировка его сына-«дебютанта» должна быть самой великолепной. Свиту де Невера числом двести человек одели в новые ливреи «веселого зеленого цвета», обоз включал двадцать четыре повозки, перевозившие зеленые шелковые шатры, четыре огромных знамени с изображением эмблемы крестового похода — фигуры Мадонны, окруженной французскими лилиями, гербами герцога Бургундского и графа Неверского. Еще везли вымпелы для копий и шатров, вымпелы для труб, бархатные чепраки и геральдические костюмы для двенадцати трубачей, расшитые теми же золотыми и серебряными эмблемами, многие эмблемы были инкрустированы драгоценными камнями и жемчугом. Для кампании специально изготовили кухонную утварь и посуду, состоявшую из сорока дюжин чашек и тридцати

дюжин тарелок. Перед походом всем должны были выплатить аванс за четыре месяца. Стоимость этого предприятия превышала количество денег, собранных во Фландрии. Герцог Бургундский наложил на население новые налоги, сюда вошли и деньги за производство в рыцари старшего сына и за заморское путешествие. За неучастие в походе взимали деньги со стариков и детей. Для обеспечения дальнейших потребностей крестоносцев герцог договорился о ссуде с магистратами городов, со сборщиками налогов, с ломбардцами и другими банкирами.

Все соперничали друг с другом в роскоши. Затраты де Куси частично покрыл Людовик Орлеанский — он выплатил Ангеррану оставшиеся шесть тысяч ливров за генуэзскую кампанию, добавил две тысячи его зятю Анри де Бару и оплатил услуги семнадцати рыцарей и оруженосцев своего двора, которые должны были следовать за знаменем де Куси.

Первыми среди иностранных союзников были рыцари-госпитальеры с Родоса, которые после упадка Константинополя и Кипра удерживали в Леванте господствующую христианскую позицию; вторыми — венецианцы, предоставившие свой флот; на суше к ним присоединились германские принцы из рейнских земель, Баварии, Саксонии и других частей империи — их рекрутировали венгры. Солдаты-наемники из Наварры и Испании, Богемии и Польши, там, где французские герольды сообщили о крестовом походе, присоединялись индивидуально. Итальянские провинции погрязли в междоусобицах, а потому никого не прислали, английское присутствие лишь предполагалось. Не существует письменных доказательств того, что английское войско отправилось за море, не было и

обязательного королевского разрешения на выезд из страны. Ни Генри Болингброк, ни другой «сын герцога Ланкастерского» не могли возглавить английский контингент, поскольку они, как и большинство знатных английских аристократов, присутствовали на бракосочетании Ричарда через пять месяцев после отбытия крестоносцев. Эпизодические упоминания английских участников похода можно объяснить присутствием в войске госпитальеров «английского наречия», присоединившихся к своим братьям с Родоса. Вопрос не в том, участвовали ли в этом походе англичане, а в том, почему они отсутствовали. Возможно, разногласия между королем Ричардом и Глостером стали еще более непримиримыми, каждый хотел, чтобы его приспешники были рядом; или, возможно, враждебность, порожденная долгой войной, оставила слишком глубокий след в сердцах рыцарей, и у англичан не было желания идти в крестовый поход под французским командованием.

Восторг по поводу похода разделяли далеко не все. Тесть графа Неверского Альберт, герцог Баварии и граф Эно, не горел желанием изгонять турок и защищать веру. А вот его сын Вильям д'Остреван вместе со многими молодыми рыцарями и оруженосцами выражал сильное желание пойти в поход. Герцог Альберт сказал сыну, что его мотив — «тщеславие», и спросил, по какой причине он «собирается воевать против людей и страны, не сделавшей нам ничего плохого». Он заметил, что Вильяму вместе с его отрядом лучше было бы заняться возвращением семейной собственности, которую незаконно удерживают соседи из Фризии. Обрадовавшись, что ему позволили военную авантюру, Вильям согласился. Восточная граница Европы была

далеко, и, если принять во внимание коммуникации того времени, для большинства европейцев турки были всего лишь названием «варварского народа».

Папская схизма походу не препятствовала. Папа Бонифаций, которому подчинялись Венгрия, Венеция и Германия, с 1394 года активно проповедовал крестовый поход. Ему, как и его покойному ныне сопернику Клименту, хотелось престижа. Авиньонский папа Бенедикт финансировал французов. По просьбе герцога Бургундского он, по обычаю, дал крестоносцам отпущение грехов и разрешил находить приют и кров у «схизматиков» (греческих христиан) и неверных.

Отправление из Дижона 30 апреля 1396 года было великолепным зрелищем, которое не могло не взволновать сердца зрителей. Мечта Мезьера осуществилась, однако радоваться он не спешил: «они идут, как короли, за менестрелями и герольдами, в алых богатых одеждах, закатывают большие пиры, столы ломаются от яств», за один месяц они тратят больше, чем следовало бы потратить за три. Все будет так, как и в прежних походах, — сплошное самолюбование и недисциплинированность из-за любви рыцарей «к самой великой госпоже мира — Тщеславию».

Крестоносцы через Страсбург прошли по Баварии к верхнему течению Дуная, а оттуда по реке спустились до Буды (Будапешта) и встретились с королем Венгрии. Цели объединенной армии, пусть и не слишком ясные, скромностью не отличались. Крестоносцы планировали прогнать турок с Балкан и прийти на помощь Константинополю, переправиться через Геллеспонт, пройти через Турцию и Сирию и освободить Палестину и Гроб Господень, а после всех этих триумфов вернуться

домой по морю. Для блокирования турок в Мраморном море подготовили венецианский флот и галеры императора Мануэля; венецианцы намеревались выплыть из Черного моря в Дунай и встретиться в июле в Валахии с крестоносцами. Не менее грандиозная, нежели планируемое вторжение в Англию или поход на Рим, «программа» похода составлялась без учета прошлых неудач. Не произвела впечатления на крестоносцев и осада Махдии, в которой принимали участие те же лидеры: на «неверных» как на противника они по-прежнему смотрели с презрением. Рыцари до сих пор верили, что никто не может противиться их отваге.

Двадцать восьмого марта военный совет утвердил дисциплинарный устав, согласно которому аристократ, совершивший какое-либо нарушение, лишался лошади и упряжи; паж, выхвативший в ссоре нож, лишался руки, а любой человек, совершивший кражу, лишался уха. Вопрос послушания командиру — его пытались разрешить со времен Иоанна II, да так и не решили — повис в воздухе. 28 марта совет прибавил к уставу последний пункт, который должен был иметь значение в Никополе: «В бою граф и его отряд сражаются в авангарде». Понятие о рыцарской чести требовало доказывать храбрость в первых рядах. Победа требовала еще большего.

Вместе с основным войском де Куси не поехал, потому что его отправили к герцогу Милана. Джан-Галеаццо разгневался на то, что его вытеснили из Генуи — сферы его влияния, — и пытался помешать переходу власти к королю Франции. Де Куси направили в Италию предупредить, что вмешательство герцога будет воспринято как враждебный акт. За этой ссорой была не только Генуя. Джан-Галеаццо затаил злобу, пусть и не

открыто, поскольку его любимую дочь Валентину подозревали в том, что она либо околдовала, либо потихоньку травит короля. Злые слухи были делом королевы Изабо, ей требовалось устранить Валентину с дороги, возможно, она завидовала ее влиянию на короля или хотела завести роман с герцогом Орлеанским — или это была часть вечных махинаций Изабо, пытавшейся стравить Флоренцию и Милан; или, возможно, здесь было всего понемногу. В тавернах и на рынках ходили слухи, публика всегда готова была поверить в зло, исходившее от итальянки, сплетни так разрослись, что перед резиденцией Валентины собирались толпы и выкрикивали угрозы. Людовик Орлеанский не делал никаких попыток защитить свою жену, скорее он соглашался с Изабо, которая хотела удалить Валентину из Парижа под предлогом безопасности. Фактически ее отправили в ссылку, в загородную резиденцию Аньер-на-Сене, где спустя двенадцать лет она и скончалась.

Удаление Валентины произошло в апреле, в месяц начала крестового похода. Обожавшему ее отцу не понравилось, как поступили с дочерью. Он пригрозил прислать рыцарей, которые бы защитили честь Валентины, но современники думали, что этим он не ограничился. Из чувства мести к Франции Висконти якобы оповестил Баязида о готовившемся крестовом походе и держал его в курсе относительно пути следования крестоносцев. Обвинение Джан-Галеаццо стало, возможно, следствием враждебности французов и поисков виновного после ужасной развязки, но не исключено, что слухи были правдивы. Человек из рода Висконти не пренебрегал мстью, тем более Галеаццо,

столь хладнокровно заточивший родного дядю в тюрьму, чем обрек его на верную смерть.

Возможно, что де Куси в гостях у Висконти в Павии непредумышленно открыл ему план кампании крестоносцев. Джан-Галеаццо был угрюмым и скрытным человеком себе на уме и вполне мог не проявлять на публике своих отцовских чувств. В отношении Генуи миссия де Куси была успешной: в ноябре власть над ней передали королю Франции. В сопровождении Анри де Бара и другой свиты де Куси выехал из Милана в Венецию, где 17 мая реквизировал у венецианского сената корабль, который перевез его через Адриатику. 30 мая Ангерран прибыл в Зенью — маленький порт на хорватском берегу. О его дальнейшем пути письменных свидетельств не сохранилось, однако выбор Зеньи доказывает, что де Куси и его спутники добрались до Буды наикратчайшим путем, проехав триста миль по дикой и опасной стране.

До условленного места де Куси добрался раньше де Невера, а тот и не торопился. Проплывая по Дунаю, граф то и дело останавливался, и его гостеприимно встречали германские правители. К 24 июня де Невер и его блистательные спутники даже не добрались до Вены, в то время как авангард под командованием д'О и Бусико опередил их на месяц. Флотилия из семидесяти судов, груженная вином, мукой, сеном и прочими продуктами и фуражом, отправилась из Вены по Дунаю, пока граф Неверский принимал участие в празднествах, предложенных мужем его сестры — герцогом Австрии Леопольдом IV. Граф занял у шурина огромную сумму — сто тысяч дукатов. На сбор этих денег ушло немало

времени, после чего де Невер наконец-то прибыл в Буду. Случилось это в июле, какого числа — неизвестно.

Сигизмунд встретил своих союзников с радостью, но не без опаски. Хотя венгерские нобили с восторгом восприняли весть о крестовом походе, их верность графу была не безусловной, и он предвидел трудности совместного марша и координированной стратегии. Французы не слишком прислушивались к советам, а привычка грабежа в последние пятьдесят лет стала рутиной, что уже продемонстрировал поход по Германии.

Стратегию приходилось координировать и с пылким госпитальером Филибером де Найяком, и с представителями венецианского флота. Сорок четыре венецианских корабля, перевозившие госпитальеров с Родоса, плыли из Эгейского в Мраморное море, а некоторые из них следовали в Черное море, а оттуда — на Дунай, не встречая никакого отпора. В море турки не беспокоили, и крестоносцы, в свою очередь, не блокировали турок в Азии, из чего можно сделать вывод, что Баязид и большая часть его войска находились уже в Европе.

В Буде немедленно собрали военный совет. Сигизмунд советовал дождаться, пока турки перейдут в наступление, и дать им бой, когда они подойдут к его границам, каковые он безусловно контролировал, во избежание трудностей долгого перехода и неожиданностей, с которыми можно столкнуться на «ненадежной территории схизматиков». В предыдущий год он вел кампанию против турок в Валахии, и тогда Баязид отправил герольдов с поручением объявить войну и сообщить о своем намерении прийти в Венгрию до конца мая. Султан похвалялся, что после изгнания

Сигизмунда из Венгрии он пойдет на Италию, водрузит знамена на римских холмах и на алтаре святого Петра накормит свою лошадь овсом.

Наступил конец июля, но султан так и не появился. Разведчики, отправленные Сигизмундом на Геллеспонт, не заметили продвижения «великого турка», и французы поспешили объявить его трусом, побоявшимся встретиться с ними лицом к лицу. Сигизмунд заверял их, что султан придет и лучше пропустить его подальше, а не идти к нему навстречу. У Сигизмунда была слава такого государя «веса мухи», он не обладал ни авторитетом, ни силой характера, ни престижем, и к его совету не прислушались. Французы заявили, что будут гнать турок из Европы, где бы те им ни повстречались. Они хвастливо заявляли, что «если бы небо начало падать, копыта христианской армии удержали бы его от падения».

На заседании совета де Куси избрали говорить от имени всех, и тем самым он подтвердил свое положение «главного советника». Оборонительную стратегию он отверг. «Хотя похвальба султана может оказаться ложью, — сказал он, — мы не должны тешить себя пустыми страхами и будем преследовать противника, ибо для этого мы сюда и пришли». Он добавил, что крестоносцы намерены отыскать врага. Его слова поддержали все французы и присутствовавшие на заседании иностранные союзники, хотя этим они вызывали страшную ревность у графа д'О: он считал, что именно ему, коннетаблю, следовало предоставить право выступать от общего имени.

Сигизмунд вынужден был согласиться, собственно, ничего другого ему и не оставалось. Поход продолжился

по левому берегу Дуная. Часть венгерской армии отклонилась на север, дабы призвать в строй нерешительные вассальные отряды Валахии и Трансильвании. Основная часть союзнической армии следовала вдоль широкой и плоской реки, единственные признаки жизни подавали водоплавающие птицы, мелькавшие в коричневой воде; изредка встречались рыбацкие лодки, торчавшие из прибрежных камышей. Колонну замыкали остальные венгры под командованием короля Сигизмунда. По мере продвижения армии недисциплинированность французов нарастала, а разгул становился все разнузданнее, если верить хроникам. На ужин подавали лучшие вина и изысканную еду, которые подвозили на кораблях. Рыцари и оруженосцы забавлялись с проститутками, которых они специально с собой захватили; их пример вдохновлял простых солдат, и те набрасывались на женщин в тех селениях, мимо которых проходили. Дерзость и распущенность французов раздражали союзников, порождая конфликты. Грабежи и грубость по отношению к мирному населению возрастали по мере того, как армия входила в «схизматические» земли, и местные, и ранее враждебно настроенные к венграм, ожесточались еще больше. Крестьяне были потрясены поведением крестоносцев — ведь они шли под знаменем Святой Девы в сопровождении священников. Те требовали от солдат достойного поведения, но напрасно устрашали их Божьим гневом. «С тем же успехом, — писал монах из Сен-Дени, — они могли обращаться к глухому ослу».

Рассказ о «распущенности, ветрености, грабежах и бесчестных поступках» французов долог, подробен и за минувшие столетия оброс многочисленными красочными деталями. Монах из Сен-Дени писал о крестовом походе,

основываясь на рассказе участвовавшего в том походе крестоносца, и рассказ этот исполнен возмущения. Монах относился к французским крестоносцам с глубочайшим презрением, осуждал их за аморальность и богохульство, за игру в кости — «прародителя обмана и лжи» и неоднократно пророчествовал о наказании за грехи. Позднее историки перехватили у него эстафету и повествовали о постоянных вакханалиях, о том, как молодые рыцари дни напролет проводили с падшими женщинами, и о солдатах, не просыхавших от пьянок. Знать истину нам не дано, ибо даже отчеты современников написаны постфактум (*ex post facto*), когда естественная реакция на трагедию крестового похода обернулась переносом вины за поражение на аморальных крестоносцев. Если бы они победили, об их преступлениях никто бы и не вспомнил.

Крестоносцы перебравшись на правый берег реки в Оршове, том месте, где Дунай течет через ущелье Железные Ворота. Переход по плотам и в лодках занял восемь дней, но не потому, что армия насчитывала сто тысяч человек, как об этом иногда писали. Если бы солдат и в самом деле было столько, переход занял бы месяц. Хронисты обычно подбирали цифры в зависимости от значимости события. Сражение при Никополе, как и «Черная смерть», отбросило столь темную тень, что у некоторых хронистов сообщения о численности противоборствующих сил доходят до четырехсот тысяч, причем с обеих сторон хронисты указывают численность противника, дважды превышающую их собственную. Самую близкую цифру дал немец-оруженосец Шильтбергер, участник сражения, а не хронист. Оруженосцу — или «гонцу», как он сам себя называл — и сыну баварского нобиля было

шестнадцать лет, когда в Никополе его захватили в плен турки. Он написал или, скорее, надиктовал безыскусный рассказ по памяти, когда после тридцати лет плена наконец-то добрался домой. Он утверждал, что общее число христианских воинов составляло шестнадцать тысяч человек. Германские историки XIX века путем различных умозаключений пришли к цифре, колеблющейся от семи с половиной до девяти тысяч христиан и от двенадцати до двадцати тысяч турок. Они утверждают, что за счет крестьян невозможно было прокормить сотни тысяч солдат и лошадей. (Пятьсот лет спустя, на том же месте сражения, в русско-турецкой войне 1877 года, как указал один из недавних исследователей, противоборствующие силы составляли восемь тысяч турок против десяти тысяч русских.)

Видин, западная болгарская столица, находившаяся под властью турок, стала первым завоеванием крестоносцев. У местного царя не было повода отстаивать стяг чужеземного завоевателя против превосходящих сил захватчиков, а потому город немедленно сдался, не предоставив французам удовольствия повоевать. Хотя кровь и пролилась, это была кровь командиров турецкого гарнизона. Тем не менее поле Видина послужило своего рода тренировочной площадкой для рыцарей де Невера и его свиты. Они почувствовали уверенность в себе и двинулись дальше. Силы турецкого гарнизона хватало для власти над болгарами, но было недостаточно для противостояния большой христианской армии.

Следующей целью была Рахова — сильная крепость в семидесяти пяти милях от Видина, ее защищал ров и двойное кольцо стен. Настроенные на подвиг, французы совершили ночью марш-бросок и добрались до крепости

раньше союзников — на рассвете. В этот момент турецкие воины вышли из крепости, собираясь разрушить переброшенный через ров мост. В жестокой схватке пятьсот тяжеловооруженных всадников, в том числе де Куси, д'О, Бусико, де ла Марш и Филипп де Бар, отстояли мост, но не могли продвинуться вперед, поскольку противник оказывал сильное сопротивление; и тут Сигизмунд прислал подкрепление. Бусико не хотел делить ни с кем честь победы, он отказался бы от помощи, но объединенные силы не позволили ему этого и добрались до крепостных стен. Сражение прервала ночь. На следующее утро, до возобновления сражения, болгары решили сдать крепость Сигизмунду при условии, что их имущество и жизни будут сохранены. Несмотря на сдачу крепости, французы разграбили город и устроили побоище; позднее они скажут, что город был взят с боем, якобы их воины уже поднялись на стены. Тысячу пленников — турок и болгар — взяли ради выкупа, город объяло пламенем. Венгры восприняли действия французов как оскорбление их королю, а французы обвинили венгров в том, что те будто бы пытались похитить у них славу. Оправдывались худшие ожидания Сигизмунда.

Оставив гарнизон в Рахове, армия двинулась к Никополю, по пути с боем захватила один или два укрепления и селения, но из одной цитадели туркам удалось бежать и донести до султана новость о приближении христианской армии.

Где был Баязид? Этот вопрос бесконечно обсуждается. Оставался ли он все еще в Малой Азии или уже отправился в поход? Он должен был с большим войском дойти до Никополя через три недели после взятия Раховы, но это слишком короткое время, даже

если принять во внимание прославленную скорость Баязида. Ведь ему требовалось собрать и переправить армию через пролив. Союзнический флот, который мог предотвратить его проход, ни в каких военных операциях не замечен. Возможно, Баязид уже был на европейской стороне пролива, устраивал блокаду Константинополя и именно там узнал о планах крестоносцев — если только об этом его не предупредил Жан-Галеаццо, — перехватив письмо Сигизмунда императору Мануэлю. Прекратив осаду, султан вместе с войском, которое было при нем, пошел навстречу врагу, прихватывая по пути гарнизоны.

Захват Никополя был очень важен крестоносцам, поскольку этот город контролировал нижнее течение Дуная и торговые пути. Крестоносцы не напрасно сделали его своей стратегической целью. 12 сентября они увидели крепость, стоящую на известняковом холме. В узком пространстве, между берегом реки и подножием холма, бежала дорога. Ущелье перерезало холм, деля таким образом город на две части — нижнюю и верхнюю. Как и замок де Куси, это место самой природой было создано для защиты от нападения. Так называемая крепость была окружена двумя стенами, и в поделенном на две части городе — в более крупной верхней, и в той, что поменьше, нижней — имелись военные, гражданские и религиозные здания. В верхнем городе, кроме того, был базар, или торговая улица. Французы тотчас поняли, что этот город представляет собой такую же труднодостижимую цель, как и Махдия, хотя и не знали, что он отлично обеспечен оружием и провизией и что им командует решительный турецкий бей Доган. Уверенный в том, что султан непременно придет на выручку столь

важной крепости, бей намеревался, если понадобится, сопротивляться до конца.

Французы не привезли с собой ни катапульт, ни других осадных орудий. Деньги были вложены в покупку шелков и бархата, расшитой золотом парчи, повозки ломились от дорогой провизии и бочонков с вином. Зачем тысячу миль тащить за собой по Европе тяжеленные орудия, если с презренным врагом можно запросто справиться и без этого? Такой выбор, должно быть, определяла европейская культура.

Бусико легко отнесся к отсутствию осадных орудий. Неважно, сказал он, можно быстро смастерить лестницы, а храбрые люди значат больше, чем какая-то катапульта. Фанатик рыцарства, Бусико с двенадцати лет служил пажом в нормандской кампании у герцога Бурбонского, в шестнадцать при Рубеке его произвели в рыцари, в 24 года он тридцать дней продержался в турнирном бою, и этот подвиг вызвал восхищение у его ровесников. Два года спустя, в 1391-м, его сделали маршалом. Неспособный сидеть без дела, он дважды сражался с тевтонскими рыцарями в Пруссии, в Каире выкупал д'О и ездил в Иерусалим. Когда ему случилось видение: две прекрасные женщины в белых одеждах с красным крестом на знамени спустились якобы с небес и остановили готовившихся к атаке сарацин, — Бусико учредил орден Белой Дамы. Он полагал, что при необходимости можно привлекать в армию и представительниц слабого пола. Он был олицетворением рыцарства и мог бы сказать (слова эти, правда, принадлежат Жану де Бейлю, рыцарю XV века) то, что вдохновляло молодых людей его поколения:

«Как соблазнительна война! Когда знаешь, что гнев твой праведен, и кровь готова для боя, слезы наворачиваются на глаза. На сердце становится сладко, и жаль, если замечаешь, что друг ненароком подставляет уязвимое место, но он всего лишь исполняет волю Создателя. Рядом с тобой кто-то готовится жить или умереть. Все это порождает восхитительное чувство, и кто его не испытывал, тот не поймет. Ты думаешь, что человек, который испытал это чувство, может бояться смерти? Никогда, ведь в этот миг ему так хорошо, так радостно, что он не знает, где он, и в самом деле ничего не боится».

Стремительный штурм Никополя был невозможен, ведь глубина рвов, окружавших город, равнялась росту трех человек, поставленных друг на друга; к тому же отсутствовали осадные орудия, и все предполагало длительную осаду. Крестоносцы окружили Никополь, запечатали выходы из города, устроили блокаду и на реке, обрекая тем самым на голод и гарнизон, и городское население. Две недели прошли весело — в играх, празднествах, в громогласных изъяснениях презрения к невидимому противнику. Союзников приглашали на великолепные пиры в украшенных картинами шатрах; аристократы обменивались визитами, каждый день являлись в новых нарядах с длинными рукавами и в неизменных туфлях с длинными носами. Несмотря на гостеприимство, ирония и шутки в отношении храбрости союзников вызывали в армии недобрые чувства. В пьяном угаре все забыли об осторожности и не выставляли постов. Местные жители, возмущенные грабежами, никаких сведений о противнике не сообщали. Разве что фуражиры каждый день приносили слухи о приближении турок.

И в самом деле, султан с конницей и пехотой уже прошел Адрианополь и быстро двигался через Шипку к Тырново. Сигизмунд направил группу разведчиков, состоявшую из пятисот венгерских всадников; они проникли в окрестности Тырново (в 70 милях к югу от Никополя) и вернулись с подтверждением слухов о том, что «великий турок» уже близко. Те же слова, долетевшие до впавших было в отчаяние осажденных жителей Никополя, вызвали у них восторженные крики, в городе загремели барабаны и запели трубы. Бусико расценил это как уловку со стороны противника. Он был уверен в том, что турки никогда не осмелятся на атаку, и пригрозил отрезать уши любому, кто будет разносить слухи о приближении противника и деморализует лагерь.

Де Куси менее других был склонен сидеть в неведении, он чувствовал необходимость действовать. «Давайте выясним, что представляет собой наш противник», — сказал он. Судя по рассказу ветерана, переданному пятьдесят лет спустя хронистом Жеаном де Вавреном, де Куси с уважением относился к местным союзникам и внимательно прислушивался к выходцам из Валахии, хорошо знакомым с турецкими обычаями и хитростями. Будучи практичным от природы, он был одним из немногих, кто изучал врага и все его повадки и ухищрения. Вместе с Рено де Руа, бургундским наместником Жаном де Сэмпі, отрядом из пятисот копий и с пятьюстами конными лучниками он поехал на юг. Узнав, что к ним направляется большое турецкое войско, де Куси оставил двести всадников. При приближении противника они должны были сделать вид, что отступают, тогда противник бросится за ними в погоню, а люди де Куси выскочат из засады и набросятся на противника сзади. Это была распространенная тактика, и

в данном случае она успешно сработала. Когда турки рванулись вперед, крестоносцы выскочили из-за деревьев с криком: «Да пребудет Богоматерь с сиром де Куси!», а в то же время французский авангард прервал свое притворное бегство и атаковал противника спереди. Турки растерялись и понесли много потерь. Воины де Куси поубивали столько врагов, сколько смогли, и с чувством исполненного долга оставили поля боя.

Победа де Куси произвела на лагерь сильное впечатление, однако породила два неприятных последствия: французы сделались еще самоувереннее, а коннетабль почувствовал себя уязвленным, «ибо увидел, что сир де Куси вызвал восхищение не только у всего французского войска, но и у чужеземцев». Он обвинил де Куси в том, что тот подверг армию неоправданному риску и лишил графа Неверского лидерства и славы.

Сигизмунд созвал военный совет. Он предложил пехотинцам Валахии пойти навстречу передовому отряду противника. Обычно турки с целью грабежа пускали вперед необученных рекрутов. В бою они тоже первыми принимали удар противника, чтобы его измотать. Сигизмунд сказал, что рыцарям не к лицу с ними сражаться. Когда простые солдаты устоят против первого натиска, в бой со свежими силами вступит французская конница, выстроившаяся в первом ряду армии крестоносцев. Венгры и союзники поддержат атаку и не дадут турецкой коннице обойти их с флангов. Честь и слава сражения, как, по всей вероятности, размышлял Сигизмунд, состояла не в первых ударах, а в последних — в тех ударах, которыми битва заканчивалась и приносила победу.

Граф д'О яростно возражал. Французским рыцарям не пристало вступать в бой после жалкого крестьянского ополчения, те привыкли бежать с поля боя, а не воевать. Рыцарский долг повелевает идти вперед и увлекать своим примером остальных. «Встать в арьергард значит лишиться себя чести и вызвать к себе всеобщее презрение». Более того, как коннетабль он должен стоять первым, и всякий, кто окажется впереди него, нанесет ему оскорбление — в этом случае он явно намекал на де Куси. Бусико горячо его поддержал. Граф Неверский был уверен в том, что турецкие сабли и ятаганы не устоят против копий и мечей французов, так же думали и его ровесники. Сигизмунд не стал спорить и начал составлять собственный план сражения.

Через несколько часов — письменные свидетельства здесь расходятся — он прислал сообщение, что Баязид находится в шести часах перехода до Никополя. Крестоносцы в это время сидели за роскошным обедом и уже успели накачаться вином. Некоторые с презрением отнеслись к новости, другие запаниковали, кое-кто начал поспешно вооружаться. Все разногласия и изъяны кампании выплеснулись воедино в жестоком убийстве. Предположительно из-за недостатка людей для охраны, пленных Раховы попросту казнили, должно быть, без особых угрызений совести, поскольку те были схизматиками и неверными. Ни один хронист не сообщает, кто отдал этот приказ, впрочем, монах из Сен-Дени и другие называли это событие варварством.

На рассвете, когда войско стало выстраиваться под знаменами командиров, Сигизмунд предпринял последнее усилие и послал своего главнокомандующего сообщить, что замечен турецкий авангард и, возможно, не следует совершать поспешных шагов, поскольку не

известно, сколь многочисленно и близко ли основное войско султана. Были высланы разведчики, они вернулись с донесением, необходимым для планирования боя. Маршал сказал, что крестоносцы могут успокоиться: если они подождут, опасность попасть в окружение им не грозит. «Господа, делайте так, как я вам советую, ибо это воля короля Венгрии и его совета».

Граф Неверский поспешно собрал собственный совет, спросил мнения де Куси и Вьена, и они предложили ему послушаться короля Венгрии: решение того показалось им разумным. «Он имеет право указывать, чего от нас хочет», — сказал де Куси. Д'О взорвался: «Король Венгрии хочет присвоить себе честь победы». Переубедить его было невозможно. «Мы — авангард. Он сам доверил нам эту честь, а теперь вздумал ее забрать. Пусть ему верит кто угодно, но я не верю». Он схватил знамя и воскликнул: «Вперед, за Бога и святого Георгия, сегодня вы увидите перед собой победоносного рыцаря!»

Де Куси назвал самонадеянной речь бездумно отважного коннетабля. Он спросил, что думает об этом Вьен — ему как старшему по возрасту рыцарю доверили нести знамя крестового похода. «Когда невозможно услышать доводы истины и разума, — ответил адмирал, — на первый план выступает самонадеянность. Если коннетабль жаждет воевать, армия должна за ним следовать, но мы стали бы сильнее, если бы пошли вместе с венграми и союзными войсками». Д'О упрямо отказывался ждать. Разгорелся спор, юные упрямы обвиняли старших рыцарей в трусости, отказывались верить в их благоразумие. Если де Куси и Вьен

согласились, то только потому, что против такого оскорбления благоразумию не устоять.

Двадцать пятого сентября д'О дал сигнал к выступлению и возглавил авангард. Граф Неверский и де Куси командовали основной армией. Повернувшись спиной к крепости и городу, блестяще экипированные французы на боевых конях — «каждый похож на короля» — поскакали вместе с лучниками наперерез спускавшемуся с гор противнику. Госпитальеры, германцы и другие союзники оставались с королем Венгрии, который уже не контролировал события.

Французы наголову разгромили необученных рекрутов, поставленных в первые ряды турецкого войска. Вдохновленные успехом даже столь сомнительного свойства, рыцари рванулись вперед, оказались против хорошо обученной пехоты и тут же попали под град смертоносных стрел. Острые колья турок вспарывали животы рыцарским коням. Как французы прорвались сквозь них, неясно. Существует множество разных версий, связного рассказа о передвижениях и ходе боя у нас нет, есть только путаный калейдоскоп событий. Кто-то сообщает об убитых лошадях, о свалившихся на землю всадниках, о кольях, выбитых из рук противника, вероятно французскими солдатами. Рыцари бились мечами и боевыми топорами и, благодаря своему азарту и тяжести коней и оружия, вроде бы одержали верх над турецкой пехотой — та попятилась и спряталась за своей конницей. Де Куси и Вьен воспользовались паузой, чтобы передохнуть, восстановить порядок и дать венграм время прийти на помощь, но молодые рыцари «кипели от страсти» и, поверив в победу, настояли на преследовании врага. Они понятия не имели о

численности противника и думали, что встретили все оттоманское войско.

Имеются сведения о схватке на горе: турецкие *сипахи*, словно на крыльях, слетели вниз и застали врасплох венгров и иностранных союзников на равнине, многие лошади пали жертвами заточенных кольев, другие кони остались без всадников и начали метаться, а пажы не могли их удержать. При виде такой паники воины Валахии и Трансильвании тотчас решили, что бой проигран, и кинулись врассыпную. Сигизмунд, великий магистр Родоса и германцы двинули на турок свои силы, и с обеих сторон началась невероятная бойня, но тут подоспело подкрепление — тысяча пятьсот сербских всадников, и противник получил преимущество. Будучи вассалом султана, сербский правитель Стефан Лазаревич мог бы занять нейтральную позицию, как и болгары, на чьей земле происходило сражение, но венгров он ненавидел больше, чем турок, и решил доказать верность мусульманскому правителю. Друзья вытащили с поля боя короля и великого магистра, те прыгнули в рыбацкую лодку и под огнем стрел уплыли от преследователей, после чего их подобрало судно союзнического флота.

Французские крестоносцы, из которых более половины осталось без лошадей, в тяжелом облачении поспешили на вершину, где ожидали встретить остатки турецкой армии. Вместо этого они оказались лицом к лицу со свежим отрядом сипахов, находившимся в резерве у султана. «Львы обратились в робких зайцев», — ехидно писал монах из Сен-Дени. Завопили трубы, загремели барабаны, слышался боевой клич «Аллах Акбар!», и турки окружили крестоносцев. Французы поняли, что им грозит гибель. Некоторые

устремилась вниз, к подножию холма, остальные отчаянно сражались, и «ни один брызгающий слюной вепрь не приводил в такую ярость волка». Д'О рубил направо и налево, он бился храбро, как и обещал. Бусико, исполненный гордости воина, смешанной, однако, со стыдом за собственные ошибки, приведшие его товарищей к такой катастрофе, проявлял невиданную храбрость и сеял вокруг себя смерть. Филипп де Бар и Одар де Шассерон были убиты. Древко, зажатое в руке адмирала де Вьена, покачнулось, знамя упало. Истекая кровью от множества полученных ранений, де Вьен снова поднял стяг, пытаясь удержать струсивших и обратившихся в бегство воинов, но его, стоявшего со знаменем в одной руке и с мечом в другой, пронзили еще раз, и де Вьен упал замертво. Де Куси, «не сгибаясь, стоял под тяжелыми ударами сарацинских дубин, которые обрушивали ему на голову, но он был высок и могуч и возвращал удары врагам, разрубая их в клочья».

Турки окружили де Невера. Его охранники, встав на колени, безмолвно просили пощадить ему жизнь. Была война священной или нет, но неверные не менее других были заинтересованы в богатом выкупе, а потому пощадили графа. После его сдачи капитулировали и остальные французы. Битва при Никополе была проиграна, завершилась полным разгромом. В плен были взяты тысячи человек, все вооружение крестоносцев, провизия, знамена и одежда из золотой парчи достались победителям. «Со времен битвы при Ронсевале, когда были убиты все двенадцать пэров Франции, христиане не терпели такого поражения».

Хотя Фруассар не знал этого, его эпитафия крестовому походу исторически справедлива. Храбрость французов была столь исключительна, а ущерб, который

они нанесли врагу, столь значителен, что не вызывает сомнения: если бы они действовали вместе с союзниками, результат сражения и даже история Европы могли бы оказаться иными. Поскольку этого не случилось, турки ответили на вызов Запада и победили, удержали Никополь, что помогло им укорениться в Европе. Их победа ускорила падение Константинополя, и они поработили Болгарию на следующие пятьсот лет. «Из-за глупого тщеславия французов мы проиграли бой, — сказал Сигизмунд великому магистру. — Если бы они приняли мой совет, у нас хватило бы людей для победы над врагом».

За поражением последовало страшное продолжение. Баязид ходил по полю боя, надеясь найти труп короля Венгрии, и обнаружил тело Вьена, в мертвой руке которого все еще было зажато древко знамени. Баязид был потрясен своими потерями, его людей погибло больше, чем христиан. Он поклялся, что отомстит за их кровь, а обнаружив, что пленники Раховы казнены, разгневался еще больше. Баязид распорядился привести к нему на следующее утро всех пленных. Французский рыцарь д'Эльи некогда служил у брата Баязида — Мурада I, турецкие чиновники его узнали и попросили назвать знатных аристократов, чтобы запросить за них выкуп. Де Куси, герцог де Бар, д'О, Ги де Тремуай, Жак де ла Марш и несколько других вместе с графом Неверским были таким образом помилованы, как и воины младше двадцати, — их насильно забрали в турецкую армию.

Остальных, численностью в несколько тысяч человек, заставили нагишом пройти перед султаном, группами по три и четыре человека, — руки связаны, на шеи накинута веревка. Баязид быстро осмотрел их, а

потом дал знак палачам приступить к работе. Палачи обезглавливали пленных — одну группу за другой, в некоторых случаях вспарывали горло или отрубали конечности, пока и трупы, и убийцы не умылись кровью. Графа Неверского, де Куси и остальных пленных силой заставили стоять подле султана и смотреть, как под ударами ятаганов падают головы их соплеменников, и кровь заливают безголовые трупы. В шеренге узнали раненого Бусико, явно пребывавшего в шоке. Де Невер упал на колени перед султаном и дрожащими пальцами пытался показать Баязиду, что он и Бусико как братья и он в состоянии заплатить выкуп. Бусико помиловали. Убийства продолжались с рассвета и до вечера, пока Баязиду и самому не стало тошно. Его министры будто бы сказали, что сильный гнев султана обернет против него христиан, и Баязид распорядился прекратить казнь. Число казненных колеблется от трехсот до совсем уже дикого числа — трех тысяч.

Мертвых на поле боя было много больше, да и не всем беглецам удалось спастись. Некоторые, улизнув от турок, утонули в Дунае, так как корабли, на которые они забрались, оказались перегружены и пошли ко дну. Некоторые из тех, что были на кораблях, сталкивали других за борт. Один польский рыцарь выплыл в доспехах, но большинство из тех, кто попытался проделать это, благополучно утонули. Опасаясь предательства на берегу Валахии, Сигизмунд поплыл в Черное море, в Константинополь, и добрался до дома морским путем. Те из его союзников, кому удалось перебраться через Дунай, попытались вернуться по суше, но обнаружили, что их земли разграблены валахами. Они скитались в лесах, их одежда превратилась в лохмотья, и они прикрывали себя сеном и соломой. Ограбленные,

оборванные, голодные, многие из них погибли в пути, и мало кому удалось добраться до дома. Среди счастливиц был граф Руперт Баварский. Он пришел домой в нищенской одежде, но всего через несколько дней скончался.

У французов — любовь к роскоши и аморальность, гордость и разногласия, у турок — лучшая подготовка армии, строгая дисциплина, продуманная тактика; все это и предредило фатальный исход крестового похода. Тем не менее главное, что погубило крестоносцев, — это уверенность рыцарей в том, что успех зависит от личной храбрости. Потому возникает вопрос: зачем люди сражаются? Разве войны устраивают для повышения самооценки, а может, ради захвата власти, территории или обретения политического равновесия? Средневековые войны не всегда были нецелесообразными. Карл V заботился не о славе, он хотел лишь выдворить из Франции англичан. В кампаниях, за которые отвечал де Куси, — в Нормандии, Арцецо и Генуе — для достижения цели он использовал все средства: прежде всего, деньги, дипломатию, политическую торговлю и уж в последнюю очередь — оружие. Будучи настоящим рыцарем, он принадлежал, скорее, к школе Карла V, а не Бусико, хотя, похоже, отличился и в той и в другой.

Прагматизм покойного Карла V и умершего в 1380 году Дюгеклена не был своевременно изучен. Рыцари сделали свой выбор, что и показала кампания в Никополе. Почему в обществе, где господствовал культ воина, внешняя экстравагантность значила больше, чем подготовка победы? Почему не были усвоены недавние

уроки Махдии? Все грандиозные проекты последнего десятилетия — вторжение в Англию, Гельдерн, Тунис, «насильственный путь» — оказывались либо воздушными замками, либо бессмысленными воинскими упражнениями. Почему через пятьдесят лет после бесславной битвы при Креси французские крестоносцы оставались столь самонадеянны? Почему они не принимали в расчет того, что противник борется за другие ценности и по другим правилам? Ответить на это можно только так: господствующая идея меняется медленно, и французы по-прежнему считали себя лучшими воинами.

В 1396 году крестоносцы вышли в поход со стратегической целью — изгнать из Европы турок, однако мысли их были сосредоточены на другом. Молодые люди из поколения Бусико, родившиеся во времена «Черной смерти» и Пуатье, в самую тяжелую пору для Франции, хотели вернуть стране прежнее очарование, честь и славу. Они стремились вперед, не помышляли о разведке, о тактическом плане и здравом смысле, потому их головы и покатались по окровавленному песку к ногам султана.

ГЛАВА 27

«ОДЕНЬСЯ В ТРАУР, НЕБО»

Мертвая, дезертировавшая или плененная, великая христианская армия прекратила свое существование. Дорога на Венгрию была открыта, но турки понесли слишком много потерь, и это не позволило им пойти дальше. У Баязида случился приступ подагры, вероятно, и это сыграло свою роль, что позволило Гиббону

заметить: «Его продвижение было приостановлено, не по чудодейственному вмешательству апостола, и не из-за вторжения христиан-крестоносцев, а по причине длительного и мучительного приступа подагры. Упадок духа подчас исправляется недостатками физического мира, а язвительный юмор, падающий на тонкую душевную нить одного человека, способен предотвратить или отдалить страдания целых наций». В действительности же, не подагра, а недостаток военной силы стал решающим фактором. Султан вернулся в Азию, но прежде послал Жана д'Эльи разнести весть о турецкой победе и потребовал выкуп от короля Франции и герцога Бургундского.

Пленные вынуждены были пройти пешими триста пятьдесят миль до Галлиполи. Многие были ранены, и страдания их не поддаются описанию. Верхнюю одежду у них отобрали, и пленные шли в одних рубашках, многие босиком, со связанными руками, охранники то и дело их избивали; приходилось забираться на горные вершины и спускаться в долины. Аристократам, с рождения передвигавшимся только верхом, моральные страдания от подобного «непотребства» доставляли не меньше терзаний, чем физическая боль. В Адрианополе султан остановился на две недели. Затем все двинулись через бескрайнюю пустую, безлесную равнину в сторону Геллеспонта. Ни кустика, ни укрытия, ни единой души. Солнце обжигало до самого заката, но по ночам — а дело было в октябре — становилось очень холодно. В руках чужаков, без всякого ухода, голодные, морально подавленные из-за поражения, не знающие намерений султана и опасющиеся их, пленники оказались в таком положении, какого никогда еще не знавали.

Де Куси, старший среди всех, никогда не был в плену и никогда не проигрывал, что было уникальным для его времени. Он выжил только чудом, не метафорическим, а чудом веры. Одетый лишь в курточку, с голыми ногами и — последняя непристойность — с непокрытой головой, он готов был упасть от голода и истощения. Думая, что умирает, он взывал о помощи Деве Марии Шартрской. Хотя собор находился не в его владениях, Святая Дева, по слухам, являлась там людям и совершала чудеса.

«Неожиданно на пустынной дороге, простершейся до самого горизонта, появился болгарин, и он был из народа, недружественного к нам». Загадочный незнакомец держал в руках нижнюю одежду, шляпу и тяжелый плащ, отдал их сиру де Куси; тот оделся и воспрянул духом. Поняв, что это был знак с небес, он почувствовал прилив сил и смог продолжить поход.

В своем завещании де Куси пожаловал шартрскому собору Норт-Дам шестьсот золотых флоринов, которые передал после его смерти врач Жоффруа Мопуар, сопровождавший крестоносцев в походе. Мопуар стал душеприказчиком де Куси и рассказал священнослужителям обстоятельства, при которых был сделан этот неожиданный дар.

В Галлиполи аристократов держали в верхних комнатах башни, а триста пленных низкого происхождения — среди них и юноша Шильтбергер — находились внизу. Самым тяжелым испытанием пленников было лишение вина — ежедневного напитка европейцев на протяжении всей их жизни. Когда корабль с Сигизмундом, следовавшим из Константинополя по Геллеспонту, подошел к берегу менее чем на полмили,

турки, не способные бросить ему вызов на море, выстроили пленников возле воды и глумливо стали зазывать короля, призывая его сойти с корабля и освободить своих товарищей. Сигизмунд уже обращался к ним из Константинополя, обещая заплатить выкуп за союзников, хотя те и проиграли войну. Однако средств ему не хватило, и султан понял, что нужно потребовать деньги с Франции.

Пленники видели через залив берег Трои, где разыгралась самая знаменитая, самая глупая, самая трагическая война — мифическая или случившаяся на самом деле, воплощение архетипа человеческой агрессивности. В этой войне, продлившейся десять лет, было все — и величие, и горе, и героизм, и абсурд. Агамемнон пожертвовал дочерью ради ветра, наполнившего его паруса. Кассандра предупреждала о грядущей катастрофе, но ей не поверили, Елена горько сожалела о своем побеге, Ахилл в мстительном гневе за смерть друга привязал мертвого Гектора к своей колеснице и семь раз протащил его вокруг городских стен. Когда соперники предлагали друг другу мир, боги шепотом произносили ложные клятвы, разыгрывали разные трюки, в результате все ссорились, и снова вспыхивала война. Троя пала, и пламя пожрало ее, из этих чудовищных руин Агамемнон вернулся домой, где его предали и убили. С тех пор минуло две с половиной тысячи лет, многое ли изменилось? В Средние века история Трои была самой любимой, а Гектор — одним из «девяяти прославленных», изображенных на стенах замка де Куси. Вспоминал ли он, Одиссей новой войны, о той древней осаде и бессмысленном триумфе, когда смотрел на другую сторону пролива?

Через два месяца пленников перевезли в Прусу (совр. Бурса), оттоманскую столицу Малой Азии. Она находилась в сорока милях от берега, и с трех сторон ее окружали горы. Пруса отвергала саму мысль о спасении и отдала пленников еще дальше от любого контакта с домом. Все упиралось в выкуп. Ждать, пока весть о плене дойдет до Франции и там что-то предпримут, было долго, а полагаться на терпение султана — бессмысленно. Пленные боялись, что он в любой момент может приказать их казнить, ведь и они спокойно отправили на смерть пленников Раховы.

В первую неделю декабря до Парижа докатились невероятные слухи. То, что неверные смогли сокрушить элиту Франции и Бургундии, казалось невыносимым; тем не менее беспокойство нарастало. В отсутствие официальных вестей распространителей слухов заточили в Шатле. Если бы их уличили во лжи, то казнили бы через утопление. Король, герцог Бургундский, Людовик Орлеанский и герцог де Бар — все по отдельности — спешно посылали гонцов в Венецию и Венгрию. Они хотели выяснить, что слышно о крестоносцах, отыскать их, передать письма и получить ответы. 16 декабря торговые суда принесли в Венецию известие о катастрофе при Никополе и о бегстве Сигизмунда, однако к Рождеству Париж все еще не получил официального подтверждения.

В рождественский день Жан д'Эльи примчался галопом к дворцу Сен-Поль, где двор собрался для проведения праздничных торжеств. Д'Эльи преклонил колени перед королем и подтвердил ужасную правду о поражении. Он рассказал о кампании, о фатальном

сражении, о «славных смертях и об ужасной мести Баязида». Двор слушал в оцепенении. Король и герцоги засыпали д'Эльи вопросами. Письма, которые он привез от графа Неверского и других сеньоров, стали первыми вестями от тех, кто остался в живых, и о тех, кто пропал без вести или погиб. Рыдающие родственники толпились вокруг, все хотели узнать о судьбе сына, мужа или друга. Д'Эльи заверил их, что султан примет выкуп, потому что он «любит золото и богатство». Если верить Фруассару (что следует делать не всегда), присутствовавшие во дворце господина твердили, что «рады жить в мире, в котором произошла такая битва, и рады были узнать о могущественном небесном короле Амурат-Бекане (один из многочисленных вариантов имени Баязида), которого прославит столь великое событие». Примечательно не то, что эти чувства и в самом деле были выражены, а то, что Фруассар считал их в данном случае вполне уместными.

По свидетельству монаха из Сен-Дени, аристократы были в отчаянии, «скорбь поселилась во всех сердцах». Все облачились в черные одежды, Эсташ Дешан писал о «похоронах с утра и до вечера». В церквях молились и плакали, горе было еще безутешнее, поскольку мертвые не приняли христианского погребения, а за жизни уцелевших воинов все непрестанно опасались. Вся Бургундия находилась в трауре, ведь большинство семей понесли потери. 9 января, в день поминовения мертвых, в провинциях и во всех церквях Парижа гудели колокола. Не успели отпраздновать английский брак и перемирие, как веселье затихло, словно бы Господь не хотел давать человечеству повод для радости.

Французские аристократки горевали по мужьям и любовникам, особенно, как заметил Фруассар, постоянно тревожившийся о своем патроне, «мадам де Куси, она

плакала дни и ночи напролет и никак не могла успокоиться». Вероятно, по совету братьев, герцогов де Лоррен, которые пришли ее утешить, мадам де Куси написала 31 декабря дожу Венеции и попросила о помощи в выкупе мужа. Два посланника — камбрезийский рыцарь Робер д'Эне, в сопровождении свиты из пяти дворян и оруженосцев, и Жак де Вийей, кастелян Сен-Гобена, одного из владений де Куси — были отправлены по отдельности для освобождения де Куси и Анри де Бара. Расходы по большей части были оплачены Людовиком Орлеанским.

Проблема сбора выкупа была сопряжена с беспокойством по поводу того, как следует относиться к правителю нехристианского мира. От него можно было ожидать только самого плохого. По совету Жана д'Эльи, который сообщил о страсти султана к охоте, ему приготовили великолепные подарки. Дюжину белых кречетов редкой и дорогой породы — Джан-Галеаццо, по слухам, каждый год посылал султану две такие птицы, — каждую с собственным сокольничим, отправили вместе с перчатками, расшитыми жемчугом и драгоценными камнями. Добавили и дюжину крепких борзых и десять прекрасных лошадей с седлами богатой работы, на которых сарацинскими буквами были выгравированы соответствующие надписи. Чепраки из чудесного алого реймского полотна, неизвестного на Востоке, украшали пряжки в виде золотых роз. Лошадей сопровождали группы в красно-белой ливрее. В качестве тонкого комплимента Баязиду, на гобеленах из Арраса были изображены сцены из истории Александра Великого, якобы предка султана. Подарки повез опытный дипломат — королевский гофмейстер — и три посла-аристократа, чиновники герцога Бургундского. Они выехали 20 января

1397 года договориться о выкупе. Стараясь сдержать клятву, данную султану, Жан д'Эльи выехал раньше послов с письмами для пленников.

Улаживание отношений с Джан-Галеаццо в связи с его влиянием на оттоманский двор сделалось вдруг чрезвычайно важным, а потому послы поехали через Милан для переговоров с герцогом. Первая жена Галеаццо была французской принцессой, и король воспользовался своим правом — добавил на герб Висконти королевскую лилию и приложил все усилия для того, чтобы добиться помощи Галеаццо. Тем временем первая группа послов, выехавшая в начале декабря, добралась до Венеции. Там они узнали о поражении и попытались встретиться с пленниками. Венеция была заинтересована в торговле с Левантом и в поддержании связей с мусульманским миром, она служила чем-то вроде посредника — передавала новости, давала кредиты, обеспечивала проезд.

В Бургундии и Фландрии герцог снова стал усиленно собирать налоги. Подданные еще не опомнились от поборов, которые пошли на финансирование крестового похода, а с них уже требовали деньги для спасения выживших пленников. Традиционную помощь на выкуп аристократов выжимали из каждого города и провинции, не обошли стороной и священство. Герцогу Бургундскому пришлось торговаться, он встретился с сопротивлением и получил меньше, чем запрашивал. Суммы налогов были не единовременными, они растягивались на месяцы и годы. Три года спустя их все еще взимали и обсуждали. «Денег! Денег!» — писал Дешан на протяжении всей своей жизни. Снова и снова, говорил он, простой народ, доведенный до отчаяния, поднимается и убивает сборщиков налогов, а потом, изумленный собственным

успехом, вновь успокаивается, и его опять усмиряют — аристократы мечами, а стряпчие бумагами, оглашая мир грозным кличем: «Вот тебе деньги! Вот тебе деньги!».

Дела де Куси в Прусе обстояли неважно. Судя по некоторым свидетельствам, он впал в глубокую меланхолию, и ничто не могло его вывести из тоски. Он говорил, что не увидит более Франции, и это приключение для него последнее. Его оценка была реалистичной, скорее всего основанной на его физическом состоянии: де Куси страдал от ран и от болезни в суровых условиях, а не «оплакивал победу антихриста над христианами», как предположил первый историк рода де Куси Жан Л'Алуэ. В 56 лет он еще не был стар, хотя обычно считают, что в Средние века старость наступала рано. На самом деле, большая часть населения умирала рано, но те, кто доживал до пятидесяти и до шестидесяти, не были дряхлыми, и с умом у них было все в порядке. Статистика может отразить ожидаемую продолжительность жизни, но не то, какими люди видели сами себя. Если судить по анонимному стихотворению середины XIV века, продолжительность жизни равнялась 72 годам и состояла она из двенадцати возрастов, соответствующих месяцам в году. В 18 юноша, точно март, трепещет с приближением весны; в 24 настраивается на любовный лад, словно цветы в апреле, и в душу его вместе с любовью входят благородство и добродетель. В 36 лет он достигает полного расцвета, что соответствует точке солнцестояния, его кровь горяча, как солнце в июне; в 42 он обретает опыт; в 48 задумывается о сборе урожая. В 54 года он вступает в сентябрьскую пору жизни, когда следует делать припасы. В 60 лет наступает октябрь — предвестник старости; в 66 — темный ноябрь, зелень увядает и умирает, и человек

должен думать о смерти, а наследники ждут, когда он умрет, если он беден, и с еще большим нетерпением, если он богат. Семьдесят два года соответствуют декабрю, когда жизнь мрачна, как зима, и ничего более не остается, кроме как умереть.

Де Куси прожил исключительно активную жизнь, никогда не отдыхал и не останавливался — едва он выполнял одно задание, тут же появлялось следующее. Когда он уходил в последний крестовый поход, никто в нем не заметил признаков увядания; за день до главного сражения он блестяще выступил против турок, и это была единственная успешная операция французов в походе. Сражение начали вопреки его совету, и оно окончилось катастрофой, на его глазах происходила варварская расправа над товарищами и простыми солдатами; а затем стыд и тяжкие условия плена, удаленность от дома, неопределенность будущего... Жизнь этого человека, хоть и нелегкая, складывалась на редкость удачно, де Куси не был готов к такой беспросветности. Возможно, что в битве при Никополе он увидел полное поражение рыцарства и почувствовал, что пора умирать.

Шестнадцатого февраля 1397 года де Куси написал завещание, или, точнее, пространное распоряжение. К этому моменту его перевели из тюрьмы в лучшее помещение, и сделано это было благодаря любезности богатого и благородного генуэзца Франческо Гаттилузио, владельца Митилены (Лесбос), — «родственника» де Куси, если верить Фруассару. Один из независимых хозяев Эгейских островов, Гаттилузио был влиятельным человеком при османском дворе и вполне мог оказать покровительство знатному французскому барону, которого хорошо знали в Генуе. Христиане Архипелага,

опасавшиеся приближения турок, были потрясены поражением французов при Никополе. По престижу и по оружию Франции был нанесен сокрушительный удар, христианство теряло свое положение, заточенные в тюрьму аристократы умирали на глазах неверных — все это внушало сильную тревогу. Сообщения о страданиях пленных возбуждали жалость островитян. Один купец из архипелага, Николай Эносский, послал им через жену в дар рыбу, хлеб, сахар, белье и деньги. Можно только надеяться, что благодаря Гаттилузио де Куси провел свои последние дни не на голых камнях.

«В здоровом уме, но слабый телом, считавший, что нет ничего более определенного, чем смерть, и ничего менее ясного, чем час, когда она наступит», де Куси написал свое длинное распоряжение на латыни. Возможно, он продиктовал его Жоффруа Мопуару, который был не только врачом, но и магистром искусств. В тщательности и в точности этих инструкций и в понимании того, чем были заняты мысли человека в последние часы жизни, лучше всего отразился дух средневековья.

Прежде всего, он повелел похоронить себя во Франции (причем тело в Ножане, а сердце — в монастыре Святой Троицы в Суассоне). В самом конце завещания, словно бы вспомнив о возможных трудностях бальзамирования и транспортировки тела во Францию, де Куси поручал душеприказчикам вернуть на родину его кости и сердце. В те времена считали, что тело — падаль, а главное — посмертная жизнь души, и потому удивительно, что де Куси проявил такую заботу о своих физических останках.

Следующим по важности пунктом завещания был монастырь Святой Троицы — самая главная инвестиция де Куси в спасение души. Он приказал передать монастырю серебряный крест, весивший сорок парижских марок (около 23 фунтов), серебряное кадило, два графина для воды и вина, используемые во время службы, серебряный кувшин для омовения рук священника, потир, серебряный с позолотой. Де Куси также пожаловал священнику, дьякону и иподьякону по четыре облачения, три из которых предназначались для ежедневного использования, а четвертое — для особо торжественных дней.

Беспокоясь о спасении души, он распорядился о пожертвованиях двадцати одной церкви и часовне, включая церковь Нотр-Дам в Шартре, ибо «она, как мы твердо уверены, свершила для нас чудо». Другие пожертвования включали в себя от ста флоринов часовне Пьера Люксембургского в Авиньоне до тысячи флоринов Нотр-Дам-де-Льес, куда де Куси сопровождал Карла VI после первого приступа безумия короля; плюс к этому по сто флоринов каждой из пяти часовен в Суассоне за помин его души и шесть тысяч флоринов душеприказчикам за дальнейшие церковные службы. Сумму в тысячу флоринов следовало раздать парижским беднякам, такую же сумму бедным людям его владений, а восемьсот флоринов жертвовались больнице Отель-Дье в Париже.

В отличие от многих аристократов, обеспокоенных собственным завещанием, де Куси, похоже, никому не навредил, он просто хотел раздать долги. В данный момент у него было всего одно платье и ковер, и он собирался продать их, чтобы заплатить слугам и Абрахаму, «аптекарю и торговцу из Прусы». Долги,

сделанные им во время путешествия, должны были быть оплачены за счет драгоценностей, которые он поместил на хранение в Венеции. В своем завещании де Куси просил короля присмотреть, чтобы доходы с его французских земель были собраны и использованы для тех целей, которые он указал. Жоффруа Мопуар и Жак д'Аманс, маршал Лотарингии (герцогство семьи жены де Куси) названы были душеприказчиками, а граф д'О, Бусико и Ги де Тремуай призваны помочь им и в случае надобности дать совет. Эти трое вместе с Гийомом де Тремуаем, Жаком де ла Маршем и шестерыми другими французскими рыцарями стали свидетелями и подписали документ.

Десять дней спустя, 18 февраля 1397 года, Ангерран VII, сир де Куси и граф Суассон, скончался в Прусе.

Цельный человек расколотой эпохи, он меньше других из своего окружения скомпрометировал себя грубостью, продажностью и безрассудным потворством собственным капризам. Люди его круга хорошо описаны биографом Клиссона — «утонченные и дикие, щедрые и кровожадные, жуликоватые и рыцарственные, сверхчеловечно мужественные и охочие до славы, невероятно низкие в своих пороках, двуличные, доходящие в ненависти до предела, совершающие дикарские поступки, страшно жестокие». Де Куси стоял особняком, ему, похоже, несвойственны были эти «дикарские» черты. Он занимал твердую жизненную позицию, принимал все возлагавшиеся на него обязанности, отказывался лишь от должности коннетабля, суждения его отличались пронизательностью, он был хладнокровен в принятии решений и доводил все дела до конца. Его уверенность, хладнокровие и компетентность, уважение и доверие,

которыми он пользовался у окружающих, роднят его с Джорджем Вашингтоном, ему не доставало только лидерства, но для этого нужен был повод. Если в деревнях той поры жили немые и незаметные Мильтоны, то в неблагоприятные времена, возможно, рождались и тогдашние Вашингтоны. Четырнадцатый век породил буржуазных лидеров, таких как отец и сын Артевельде, Этьен Марсель, Кола ди Риенци. Однако среди высшего сословия истинных вождей было немного; отчасти это связано с тем, что лидерство отдавалось на откуп королю. До Карла V короли лично вели в бой аристократов. Пока Иоанн II находился в плену, аристократы северной Франции умоляли Карла Наваррского повести их против Жакерии. Аристократы объединялись только, когда чувствовали, что им угрожают как классу.

Английский брак де Куси поставил его над схваткой в двенадцать критических лет. От Англии он отрекся после смерти тестя и тут же занял лидирующее положение в нормандской кампании; он мог бы стать преемником Дюгеклена на посту коннетабля, если бы захотел, но к этому посту не прилагалось статуса национального лидера, и он не смог бы повести за собой единомышленников и народ. Со смертью Карла V ушло то, что могло бы произойти, а при правлении дядьев юного короля о цели нации можно было забыть. Ангерран не обновил свое время и не поднялся над ним, он шел вместе с ним, служил ему лучше, чем остальные, и умер, сохранив его ценности. После его ухода стало хуже. «Этот Ангерран VII, — писал биограф Бусико, — являл собой образец лучших качеств своего времени».

В Париже о смерти де Куси узнали только через два месяца. Робер д'Эне и Жак де Вийей слышали об этом в Венеции по пути на Восток, а Людовик Орлеанский все еще не знал. Услышав о бедственном положении узников, 31 марта он тайно послал в Турцию человека, служившего у де Куси, чтобы тот доставил Ангеррану одежду. В апреле Вийей привез забальзамированное сердце и тело (или кости; похоронено ли тело де Куси во Франции, до сих пор вопрос спорный). Только тогда мадам де Куси узнала, что ее муж мертв. Согласно биографу Бусико, склонному к чрезмерным восторгам, она так оплакивала свою потерю, что «казалось, душа покинет ее, она уже не думала о новом замужестве, и траур навечно поселился в ее сердце». Были устроены грандиозные похороны, их провели епископы Нуайона и Лана, тело (или другие останки) погребли во внушительной гробнице в Ножане, а сердце — в церкви Святой Троицы: там имеется табличка, на которой поверх герба де Куси выгравировано сердце. Дешан написал поминальные стихи, в которых приравнял кончину де Куси к национальной трагедии, он оплакивал «смерть барона Ангеррана... о котором скорбит каждое благородное сердце».

О святой Ламбер, Куси, ла Фер,

Марль, Уази и Сен-Гобен,

Плачьте по вашему господину, доброму
сеньору.

Он верно служил своему монарху

И во многих землях проявил великую
доблесть...

Он умер в Турции за веру.
Давайте же помолимся и попросим Господа
простить ему его грехи.
Блестящий и красивый,
Мудрый, сильный и щедрый,
Истинный рыцарь,
В непрестанных трудах не позволял себе
передышки;
В большом своем доме с утра и до вечера
он принимал друзей —
Тех, что приходили разделить с ним досуг.
В Ломбардии выказывал чудеса храбрости,
Он захватил знаменитый город Ареццо,
Заставил дрожать Павию и Милан.
Да простит Господь ему его грехи.
Много сердец сокрушаются о нем
Некому теперь носить его герб...

Стансы на этом не заканчиваются; изменчивый стихотворный метр, в сочетании с твердой последовательностью трех ритмов в 55 строках, характерный для этого и для других стихов французской поэзии XIV века, не слишком очаровывает, а перевод в любом случае положения не спасает.

Выкуп за оставшихся пленных окончательно был внесен в июне 1397 года после продолжительных переговоров, проведенных послами герцога при дворе султана. Назначенная сумма равнялась двумстам тысячам дукатов или золотых флоринов, приблизительно равных французским франкам. Экстравагантные подарки герцога Бургундского навели Баязида на мысль, что принцы, обладающие столь редкими и драгоценными вещами, могут позволить себе воистину дорогой выкуп. Пришлось мобилизовать все ресурсы банков, главным образом благодаря усилиям главного поставщика и банкира герцога Бургундского — Дино Рапонди, уроженца Тосканы, имевшего филиалы в Париже и Брюгге. У Рапонди была столь обширная коммерция, что его имя знал любой торговец. Это через него король и его дядюшки приобретали драгоценные книги, шелка, меха, ковры, рубашки и носовые платки из тонкого полотна, амбру, рог единорога и другие редкости. Рапонди посоветовал обратиться к купцам Архипелага, просьбу о деньгах следовало изложить письменно, в самой любезной форме, с обещанием грядущей выгоды.

Тем временем Бусико и Ги де Тремуай, отпущенные при условии, что они отыщут деньги в Леванте, добрались до Родоса. Тремуай ослабел в плену, в канун Пасхи он заболел и умер на острове. Рыцарей Родоса, как и торговцев, волновал престиж христианства, и в счет выкупа за тридцать тысяч дукатов они заложили печать своего ордена. Король Кипра добавил пятнадцать тысяч, а купцы и богатые жители Архипелага сделали пожертвования, сумма которых равнялась тридцати тысячам. Сигизмунд предложил подписаться на половину выкупа, но поскольку сам он вечно нуждался в деньгах, то лучшее, что он смог сделать, — это передать семь

тысяч дукатов из доходов, которые ему задолжала Венеция. Более половины всей суммы передал Гаттилузио, сеньор Митилены.

После первого взноса — семидесяти пяти тысяч — 24 июня пленников освободили при условии, что они останутся в Венеции, пока не будет выплачена вся сумма. Еще один из пленных так и не обрел свободы. Жестокое наказание выпало на долю графа д'О: он умер 15 июня, за девять дней до освобождения. С остальными Баязид распрощался не слишком любезно. Обратившись к графу Неверскому, он сказал, что считает ниже своего достоинства просить не поднимать против него оружия. «Можешь опять собрать огромную армию и пойти на меня, я встречу тебя во всеоружии в чистом поле, и ты увидишь, готов ли я для новой битвы... я рожден для ратных подвигов и готов покорить христианство». Затем султан предложил крестоносцам посмотреть на охоту, в которой примут участие семь тысяч сокольничих и шесть тысяч охотников с борзыми в атласных пополах и с леопардами в бриллиантовых ошейниках.

Ослабленные физически и тем более финансово, крестоносцы не торопились не только во Францию, но даже и в Венецию. Сын герцога Бургундского не мыслил себе скромного путешествия. Вместе с сопровождавшими его лицами он остановился в Митилене, на Родосе и на других островах Архипелага, чтобы отдохнуть и раздобыть денег, где только можно. Супруга сеньора Митилены выдала всем вместо потрепанного платья новые рубашки и другую одежду, сшитую из лучшего дамаста, «каждому человеку соответственно его положению». Рыцари Родоса развлекали их целый месяц. В Венецию они приехали лишь в октябре, а там уже были задействованы все финансисты, связанные с крестовым

походом. Займами и кредитами собрали значительную сумму, чтобы расплатиться с султаном, но недостаточную для того, чтобы достойно вернуться домой.

Возврат долгов, насчитывавших сто тысяч дукатов, которые потратили на проживание и дорожные издержки со времени освобождения, вместе со стоимостью проезда домой в соответствующем положении блеске, потребовали суммы, равной выкупу. Герцог и герцогиня Бургундские не хотели, чтобы их сын ехал по Европе и появился во Франции как нищий беглец. Герцог наскреб все, что у него было, дошел до того, что уменьшил жалование бургундским чиновникам, лишь бы его сын вернулся домой с великолепной свитой и подарками. Дино Рапонди приехал в Венецию с приказом выдать сто пятьдесят тысяч франков из казны герцога и всю зиму занимался финансовыми операциями, причем возвращение долгов купцам Архипелага было совершено в последнюю очередь. Три года спустя сеньору Митилены все еще не выплатили сумму, которую он одолжил, а сделки между Бургундией, Сигизмундом и республикой Венеция не уладили и за двадцать семь лет. Эти трудности не помешали герцогу придерживаться привычного стиля жизни. В 1399 году он купил у Дино Рапонди две иллюстрированные книги за шесть с половиной тысяч франков, а на следующий год — еще две, одна из которых обошлась ему в девять тысяч, а другая — в семь с половиной тысяч.

Вспышка чумы в Венеции вынудила крестоносцев переехать в Тревизо, но тем не менее болезнь унесла жизнь еще одного рыцаря — Анри де Бара. «Черная смерть» жестоко прошла по семье де Куси: сначала забрала его мать, а теперь и зятя. Мария, первая наследница, осталась без отца, а затем и овдовела; и

болезнь горько отразилась на владениях де Куси, на которые столько засматривался королевский двор.

Крестоносцы, из лидеров которых остались только граф Неверский, Бусико, Гийом де Тремуай и Жак де ла Марш вместе с семьей или восьмью другими аристократами и рыцарями, вернулись во Францию в феврале 1398 года. Их приветствовали у ворот Дижона и одарили серебряными изделиями, пожалованными городским советом. В память о собственном пленении граф Неверский освободил из городской тюрьмы «собственной рукой» всех, кого он там обнаружил. Дижон провел поминальные службы по покойным крестоносцам, но тотчас после этого начались радостные мероприятия.

В Париже король подарил своему кузену двадцать тысяч ливров. Города Бургундии и Фландрии боролись за право его принять. По распоряжению своего отца граф предстал перед людьми, чьи налоги позволили ему вернуться из плена. Под пение менестрелей он прошел в ворота, и начались парады и празднества, последовали новые дары, ему поднесли вино и рыбу. С учетом того, что многие сыновья не вернулись в Бургундию, встреча, вероятно, вызвала не столько подлинный энтузиазм, сколько организованную радость, в чем и в самом деле преуспел XIV век. Престиж герцога и его наследника требовал празднеств, и города охотно принимали участие в праздничных мероприятиях. Магистраты Турне ожидали официального приезда графа Неверского, и его отказ их разочаровал.

Рыцарство похоронили с помпой, под пение менестрелей. После Никополя во Франции разладилось все на долгие годы. Ценности рыцарства не изменились,

однако система прогнила. Фруассар обнаружил, что в Англии сложилась та же картина: друг сказал ему: «Где великие свершения и храбрые люди, где победоносные битвы и турниры? Куда пропали английские рыцари, что некогда прославились своими подвигами? Времена изменились к худшему... У нас теперь возвращают вражду и преступления».

Празднества, устроенные в честь графа Неверского, не смогли замаскировать поражение, и моралисты находили в этом подтверждение охватившему общество пессимизму. Мезьер немедленно сочинил «Горькое и утешающее послание», Дешан — балладу «Французам, павшим при Никополе», а Боне — аллегорическую сатиру «Явление Жана де Мена», который во сне упрекает автора за то, что тот не протестует против зла, разрушающего Францию и христианство. Дешан открыто утверждал, что Никополь потерян из-за «гордости и глупости», хотя часть вины он перекладывал и на венгров, «которые бежали». У Мезьера тоже находятся суровые слова в адрес «схизматиков», поскольку те «из ненависти к латинянам» предпочли стать поданными султана, а не короля Венгрии. Но главную причину поражения он видел в том, что крестоносцам не хватало четырех добродетелей, необходимых для любой армии, — порядка, дисциплины, послушания и справедливости. Из-за этого Господь покинул армию, и она быстро разрушилась, а потому французы со времен Креси и Пуатье терпят поражения. Мезьер призывал к новому крестовому походу, но никто не откликнулся. «Горькое и утешающее послание» стало его последней работой. Восемь лет спустя смерть усмирила его раздражение и страсть. Как и пророк Исайя, он был надоедлив, но в своем стремлении к добру говорил от

имени всех «молчаливых» людей, которые хотели добра, но так его и не получали.

Боне, осуждавший рыцарей за стремление к легкой жизни, за любовь к каплунам и уткам, белым рубашкам и тонким винам, пришел к более основательному выводу. Рыцари оставляют крестьян, потому что считают, что те «ничего не стоят», — писал он — хотя бедняки могут переносить трудности и грубую пищу, а если их вооружить, они способны хорошо драться, как португальские крестьяне, которые храбро сражались и убили много рыцарей в Алжубарроте. (Он имел в виду сражение 1385 года, в том же году и с похожим результатом закончилась битва при Земпахе.) В то время как ранее Боне в числе многих осуждал воинов за грабежи и жестокость по отношению к крестьянам, сейчас он готов был оспорить убеждение нобилей в том, что воинские способности заложены лишь в рыцаре. Хронист «Первых четырех Валуа», писавший об этом времени, указывал, что в некоторых битвах простой солдат действовал решительно, «и потому к бедным людям не следует относиться с презрением». Он рассказал о сражении короля Кипра против сарацин, произошедшем в 1367 году. Тогда победа была одержана благодаря действиям моряков, оставшихся охранять корабли: на то была воля Христа, Он не хотел, чтобы христианские рыцари погибли от рук неверных и — более того — «желал дать пример нобилем... Ибо наш Господь Иисус Христос не хочет высокопарности и тщеславия. Он хочет, чтобы победу одержали простые люди и чтобы аристократы не присваивали ее себе».

Тщеславие, как бы ни упрекало его греховность средневековое христианство, является мотором человечества, оно столь же неискоренимо, как и секс. До

тех пор пока на сражение смотрели как на источник чести и славы, рыцарь не имел желания разделять битву с простолюдином, даже ради достижения успеха.

Победа турок не оказала немедленного воздействия на Европу в связи с тем, что Баязиду пришлось повернуть на Восток, так как в Азии поднял голову свирепый враг. Быстрые завоевания Тамерлана, стоявшего во главе возродившейся татаро-монгольской орды, сравнимы были, по словам Гиббона, «с примитивными конвульсиями природы, изменившими поверхность земного шара». Промчавшись по Анатолии, оставив за собой разрушенные города и пирамиды черепов, Тамерлан повстречал в Ангоре (Анкара) оттоманскую армию и победил ее, а в 1402 году взял в плен султана. Баязида возили за победоносным монгольским войском в железной клетке, пока он не умер от стыда и горя. Казалось, история намеренно устроила симметричное возмездие.

Европа, погрузившаяся в собственные междоусобицы и расколы, не сумела воспользоваться представившимся случаем и не отбила у турок Балканы. За исключением смелой, но небольшой экспедиции под водительством Бусико — ее можно назвать одним из последних крестовых походов, — помощи от Запада Константинополь уже не дождался. Сигизмунд разбирался с Богемией и германцами; Францию и Англию раздирали домашние междоусобицы. Сын Баязида враждовал с Тамерланом, затем монгольское вторжение пошло на убыль, внук Баязида снова вошел в Европу, и в 1453 году его правнук Мехмед II завоевал Константинополь.

Поместья де Куси с величественными замками, 150 городами и деревнями, знаменитыми лесами и множеством прекрасных прудов, с добрыми вассалами и не поддающимися оценке доходами привлекали к себе амбициозных претендентов. Старшая дочь де Куси Мария де Бар и вдова Ангеррана мадам де Куси вступили в продолжительный спор о наследстве. Мария требовала все, а мадам де Куси хотела половину. Никто не уступал, они жили как враги, каждая в своем замке в окружении родственников, и вели бесконечную тяжбу. Вскоре целестинцы из церкви Святой Троицы затеяли тяжбу против вдовы, утверждая, что она не исполнила последнюю волю де Куси относительно их монастыря.

Тем временем королева Изабо, по-прежнему занятая прежде всего делами своей семьи, пыталась устроить брак отца Стефана Баварского, на ту пору посла империи, с мадам де Куси. Это обстоятельство сулило переход стратегических владений в руки иностранцев, возникла опасность, что Марию принудят продать ее собственность Баварии. Чтобы этого не случилось, Людовик Орлеанский, не обращая внимания на заверения вдовы, что наследство неделимо, заставил Марию (согласно одному источнику, с помощью угроз) продать имение ему. Были ли его мотивы продиктованы интересами Франции или личным соперничеством с герцогом Бургундским, вопрос открытый. В любом случае, он приобрел одну из величайших недвижимостей северной Франции, что позволило ему вклиниться между двумя территориями, принадлежавшими дяде, — Бургундией и Фландрией. 15 ноября 1400 года Мария заключила договор продажи, согласно которому в интересах Франции она передала свою собственность монсеньору герцогу Орлеанскому.

Оговоренная цена покупки составила четыреста тысяч ливров, из которых Людовик заплатил только шестьдесят тысяч. Мария сохранила право пользования владениями и замками Ла Фер и Дю Шатле, но после продажи судебная тяжба продолжилась. С некоторыми трудностями Марии удалось получить от Людовика двести тысяч ливров, или половину стоимости, но сто сорок тысяч все еще оставались невыплаченными. Мария выдвинула против герцога Орлеанского не менее одиннадцати исков, пытаясь получить то, что ей принадлежало по праву, однако после свадебного пира в 1405 году она вдруг умерла (ходили слухи об отравлении). Ее сын Робер де Бар продолжил судебную тяжбу и против герцога Орлеанского, и против мадам де Куси, которая так и не вышла замуж за Стефана Баварского, но по-прежнему сохраняла вдовьи права. В 1408 году, после смерти Людовика Орлеанского, парламент удовлетворил права вдовы, но случилось это через несколько лет, когда ее дочь Изабелла, вышедшая замуж за брата Жана Неверского, умерла, не оставив наследника. Тем временем Карл Орлеанский, сын Людовика, оставался владельцем домена де Куси, и, когда сын Карла стал королем Людовиком XII, владения де Куси перешли тому, кто их так долго ждал, — к французской короне.

Измученное столетие подошло к завершению, сохранив при этом присущие ему черты. В марте 1398 года император Венцеслав и король Франции встретились в Реймсе, они еще раз попытались покончить с расколом. Карла VI убедили, что пока церковь не объединится, от своей болезни он не излечится. Для смещения Бенедикта Парижский

университет предложил французам отказаться от послушания, но прежде чем принять столь радикальную меру, университет еще раз попытался убедить папу подать в отставку. Надо было, чтобы император надавил на Бонифация, в этом и состояла цель совещания в Реймсе. Из-за неадекватности двух главных правителей — один страдал от алкогольной зависимости, а другой от безумия — результат встречи оказался не тем, на какой рассчитывали. Близился очередной приступ безумия, теперь у Карла случались лишь короткие периоды просветления. Венцеслав же был постоянно пьян. Когда начались переговоры, император находился в ступоре и вяло соглашался на все предложения. Когда же Карл окончательно покинул рассудок, совещание закончилось.

Папу убеждали, пытались им угрожать, но они сопротивлялись. Франция отказалась от послушания и даже осадила папский дворец, но ни одна из этих мер не помогла сместить Бенедикта; более того, начались такие беспорядки, что пришлось все прекратить. Ричард II, желавший дружить с Францией, согласился потребовать отставки Бонифация, но лишь восстановил против себя англичан, которые и прежде были недовольны правлением своего короля. Лондонцы, приверженцы Глостера, называли теперь короля не иначе, как Ричард Бордо (по месту его рождения) и говорили: «Его сердце настолько французское, что он не может этого скрыть, но придет день, и он заплатит за все».

Затем в Англии произошли «великие и ужасные» события, каковых, по мнению Фруассара, в истории еще не бывало. Ричард был уверен, что Глостер готовит против него заговор, а потому отправил герцога в Кале, где его задушили полотенцем. На этом Ричард не успокоился, казнил Арундела, выгнал Уорика и Перси и

вызвал у подданных такой страх и такую ненависть, что в 1399 году его кузен Генри Болингброк сместил Ричарда, и никто не заступился за законного короля. Ричард был вынужден публично отречься, из Тауэра его переместили в закрытую тюрьму, где год спустя он умер от намеренно плохого ухода, — а может, его просто убили. О мирных отношениях с Францией забыли. Болингброк (теперь уже Генрих IV) смело говорил об отмене перемирия, однако узурпация власти чревата восстаниями, так что он думал прежде всего о том, чтобы усидеть на троне, и вовсе не устремлял взгляд за пределы страны.

Все эти события страшно огорчали Фруассара. Если продажа собственности Ги де Блуа нанесла удар по его идеалам, то свержение короля Англии совсем потрясло, и дело тут было не в любви к Ричарду II, а в крушении порядка, поддерживавшего его мир. Шестьдесят с лишним лет его жизни и жизни де Куси, казавшиеся исполненными бесконечного интереса и волнений, уходили в тень. Он ощутил пустоту и не мог продолжать жить; его история заканчивается вместе с окончанием века.

Если тем немногим, кто был наверху, эти шестьдесят лет казались исполненными блеска и приключений, то для большинства они были чередой непредсказуемых опасностей. Людей подстерегали три тяжелых испытания — грабежи, чума и налоги. В эти годы происходили свирепые и трагические конфликты, банкротства, предательства, восстания, убийства, безумства, падения принцев, сокращение пахотных площадей, превращение заброшенных земель в пустыри и возвращение чумы,

пробуждавшей в людях чувство вины за грехи перед Богом.

Божья кара не перевоспитала человечество. Напротив, осознание собственной греховности сделало людское поведение еще хуже. Насилие отбросило все преграды. Это было время нарушения любых правил. Законы не соблюдались, институты переставали исполнять свои функции. Рыцарство никого не защищало, церковь не указывала дорогу к Богу; города, некогда проводники прогресса и общественного блага, погрязли в сварах и классовой войне; население, уменьшившееся из-за чумы, так и не оправилось. Война Англии и Франции и вызванный ею бандитизм вскрыли пустоту военных притязаний рыцарства и лживость его морали. Раскол потряс основание церкви и породил чувство неуверенности. Люди увидели, что не в силах управлять событиями, они ощущали себя обломками кораблекрушения, болтающимися по морю без цели и без смысла. Все эти годы они страдали и понапрасну боролись. Им хотелось получить лекарство, которое вернуло бы веру, стабильность и порядок, но они так его и не дождались.

Времена при этом отнюдь не были статичными. Утрата веры в гарантов порядка открывала дорогу переменам, а несчастье вселяло жажду действия. Угнетенные более не терпели, а восставали, хотя и, подобно буржуа, пытавшимся добиться реформ, вели себя, мягко говоря, странновато, да и не были подготовлены к осуществлению своих замыслов. Марсель не смог добиться хорошего управления, не получилось этого и у Доброго парламента. Жакерия не справилась с нобилиями, ремесленники Флоренции — «тощий народ» (*popolo minuto*) — не сумели укрепить свой статус;

английских крестьян предал их король; все выступления трудящихся были подавлены.

Тем не менее, как и всегда, перемены происходили. Уиклиф и протестантское движение оказались естественным следствием пассивности церкви. Монархия, централизованное управление, национальное государство набирали силу — к добру или к злу. Компас расширил просторы мореплавания, Европа выходила из своего «заточения» и готовилась открыть Новый свет. Литература, от Данте до Чосера, выражала себя в национальных языках, близилось книгопечатание. В год кончины Ангеррана де Куси родился Иоганн Гуттенберг, хотя само по себе это, конечно, еще не означало переворота. Несчастья и беспорядки XIV века не могли остаться без последствий. В следующие пятьдесят с лишним лет времена будут еще хуже, но в один незаметный момент, словно с помощью какой-то мистической химии, оживятся энергетические потоки, сложатся идеи, возникнут новые реальности, и человечество пойдет другим путем.

ЭПИЛОГ

В последующие пятьдесят лет силы, запущенные в движение в XIV веке, проявили себя в полной мере, некоторые в преувеличенной форме, как заболевания в пожилом возрасте. После тяжелой эпидемии последнего года столетия «Черная смерть» исчезла, но возобновились война и разбои, усилился культ смерти, стали более ощутимыми старания покончить со схизмой и злоупотреблениями церкви. Численность населения упала до низшей точки, и это в обществе, ослабленном физически и морально.

Жан Неверский, унаследовавший в 1404 году титул герцога Бургундского, стал убийцей и совершил ряд других преступлений. В 1407 году он нанял банду крепких мужчин и поручил им убить своего соперника Людовика Орлеанского. Когда темным вечером Людовик возвращался домой, его встретили наемные убийцы. Они отсекали ему левую руку, державшую поводья, стащили с мула, зарубили Людовика мечами и топорами, забили деревянными дубинками, после чего сбросили тело в канаву, а охранники Орлеанского, от которых, похоже, в таких случаях никогда не бывает толка, ускакали прочь.

Титул герцога защищал от наказания. Жан Бесстрашный публично защитил Неверского, сказал, что это был акт оправданного убийства. Через своего представителя он заявил, что Людовик был человеком порочным, продажным, склонным к колдовству, и присовокупил длинный список публичных и частных злодейств покойного. Поскольку Людовик связывался в общественном мнении с экстравагантным и распущенным двором, а также с бесконечным требованием денег, то

Жан Бургундский сумел представить себя противником последнего налога, объявленного правительством. В глазах людей герцог сделался другом и защитником.

В последующие тридцать лет Францию измучили взаимная ненависть и непримиримость герцогов Бургундских и Орлеанских. Вокруг антагонистов сформировались региональные и политические группы, вновь появились отряды наемников, оставлявшие после себя дымящиеся разграбленные селения и горы трупов. Обе партии старались перетянуть на свою сторону беспомощного короля и столицу и увеличивали налоги. Административные структуры расстроились, не лучше обстояли дела у финансовых и судебных органов. Парламент был полностью коррумпирован. Королевство погрязло в преступлениях и богохульстве, грешили даже священники и дети.

Средний класс пытался изгнать коррумпированных чиновников и восстановить нормальное управление, как это делал более пятидесяти лет назад Этьен Марсель, однако успеха это не принесло. Желая увидеть немедленные результаты, объединение мясников, скорняков и кожевников Парижа, прозванных кабошьенами по прозвищу их лидера Кабоша, что значит «живодер» (настоящее имя — Симон Лекутелье), начало восстание, повторив бунт майотенов, однако с еще большей жестокостью. Буржуа, разумеется, выступили против и доверились партии Орлеанских, которая и подавила восстание, восстановив продажные институты, тотчас отменившие реформы и занявшиеся преследованием реформаторов. Жан Бургундский, благоразумно удалившийся в свои владения во время насилия, был объявлен бунтарем и, следуя старому

примеру Карла Наваррского, вступил в союз с англичанами.

Английский король Генрих IV после продолжительной борьбы с восстанием в Уэльсе, баронской вольницей и жаждущим короны сыном, скончался в 1413 году, и упомянутый сын ему наследовал. Он начал правление в 25 лет с лицемерной энергией исправившегося распутника, отличительными чертами его стали добродетель и героические завоевания. Воспользовавшись анархией, царившей во Франции, Генрих V возобновил войну и предъявил права на французскую корону, которая перешла бы к нему только путем узурпации власти. Под предлогом вероломного поведения Франции, в 1415 году он вторгся на ее территорию в любимый Марсом месяц — август — и объявил, что пришел «на собственную землю, в собственную страну и собственное королевство». После осады и капитуляции Арфлера в Нормандии он прошел к Кале, собираясь вернуться на зиму домой. Не дойдя тридцати миль до Кале, неподалеку от поля боя у Креси, он встретился в Азенкуре с французской армией.

Битва при Азенкуре вдохновила ученых на написание много численных исследований, но она не была решающей, как при Креси, ведь тогда «несерьезная авантюра» Эдуарда III привела к Столетней войне. Не была она похожа и на битву при Пуатье, подорвавшую веру в высокое назначение рыцарства. Азенкур просто подтвердил оба эти следствия, особенно второе, ибо даже Никополь не доказал так болезненно, что храбрость в сражении не является эквивалентом военного искусства. Битва была проиграна из-за неумелости французских рыцарей, а противник выиграл ее не

благодаря искусству своих рыцарей, а, скорее, за счет простых английских солдат.

Хотя герцог Бургундский и его вассалы держались в стороне, французская армия, собравшаяся для отпора захватчикам, была в три или четыре раза больше войска противника и, как всегда, в высшей степени самонадеянна. Коннетабль Шарль д'Альбер отверг предложение присоединиться от парижского ополчения, состоявшего из шести тысяч арбалетчиков. Не было внесено никаких тактических изменений, а единственной технологической новинкой (за исключением пушки, которая не сыграла никакой роли в открытом сражении) стали более тяжелые доспехи. Доспехи эти лучше защищали от стрел, но рыцарь в них больше уставал и хуже передвигался, ему труднее было рубить мечом. Металлический кокон, который рыцари на себя надевали, стал для них летальным, и рыцари часто умирали в нем от остановки сердца. Пажы должны были поддерживать господ на поле боя: ведь если те падали, самостоятельно подняться уже не могли.

Армии встретились в замкнутом пространстве между двумя лесами. Всю ночь лил дождь, и противники ждали, когда можно будет начать бой. Французские пажи и грумы прогуливали лошадей, и земля превратилась в мягкую грязь, на которой закованным в сталь рыцарям ничего не стоило поскользнуться и упасть. Французы и не подумали выбрать поле боя, где их превосходство в численности могло быть эффективно использовано; в результате они вышли на битву, выстроившись в три ряда — один за другим, флангам не хватало места для маневра, и они вынуждены были следовать друг за другом по раскисшей земле. В отсутствие тактического плана, аристократы, жаждавшие славы, устремились

вперед, и первые ряды сделались такими же плотными, как фламандская линия при Рубеке. Лучники и арбалетчики оказались, по сути, бесполезны, потому что они стояли сзади и их стрелы не могли долететь до противника.

У англичан, усталых, голодных и смущенных тем, что противник превосходит их численностью, было два преимущества: ими руководил лично король, и у них имелась диспропорция — на тысячу рыцарей и оруженосцев шесть тысяч лучников и несколько тысяч других пехотинцев. Их лучники стояли между тяжеловооруженными всадниками и на флангах. Тяжелых доспехов на них не было, и движения ничто не сдерживало; в дополнение к лукам они имели при себе топоры, тесаки, молотки и, в некоторых случаях, свисавшие с пояса длинные мечи.

В этих условиях результат сражения был очевиднее, чем в других битвах. Столпившиеся французские рыцари едва могли взмахнуть оружием и, поскользнувшись в грязи, падали на землю, а следующие ряды спотыкались на них, вспыхнула паника, чему способствовали и оставшиеся без седоков лошади, и наступил хаос. Воспользовавшись ситуацией, английские стрелки побросали свои луки и ринулись в бой с топорами и другим оружием, началась настоящая резня. Многие французы, обремененные тяжелыми доспехами, не могли защитить себя, доказательством тому несколько тысяч убитых и взятых в плен. Для сравнения, общие английские потери составили пятьсот человек, в том числе один, скончавшийся, по всей видимости, из-за остановки сердца. Это был герцог Йоркский — один из внуков Эдуарда III. Сорокапятилетний Эдвард был толст, его обнаружили на поле боя мертвым, без какого-либо

ранения. С французской стороны были убиты три герцога, пять графов, девяносто баронов и много других, среди которых и два человека из рода де Куси — его внук Робер де Бар и третий зять — граф Неверский Филипп, младший брат герцога Бургундского. Список пленных возглавил Шарль Орлеанский, новый владелец домена де Куси. Он оставался в плену 25 лет. Маршала Бусико тоже взяли в плен, Азенкур стал его последним сражением; он умер в Англии шесть лет спустя.

Через два года Генрих V принялся за систематическое завоевание территории. Улучшилась технология применения оружейного пороха, артиллерия шагнула вперед: крепостные стены утратили свою неприступность. Эпоха меча заканчивалась, и на смену ему пришло огнестрельное оружие. В течение трех лет — с 1417 по 1419 год — Генрих захватил всю Нормандию, а французы в это время погрязли в междоусобицах. Два дофина скончались в течение одного года, наследником трона стал Карл, несчастный четырнадцатилетний мальчик, которого мать признала незаконнорожденным. Снова восстали и принялись за убийства кабошьены. Жан Бесстрашный взял власть над королем и над капиталом, а дофин сбежал — уплыл по Луаре. Поняв, что Франция изнывает в междоусобицах, Генрих V громко заявил о себе. Англичане осадили Руан, а защитники крепости, желая сэкономить на еде, выпустили 12 000 горожан, но англичане не дали им пройти, и зимой они остались между двумя лагерями, питаясь травой и корешками, и умирали от холода и истощения. Когда падение Руана стало прямой угрозой Парижу, французские фракции перепугались и объединились против врага.

Несмотря на увертки герцога Бургундского, в 1419 году состоялась его встреча с дофином на мосту в

Монтеро, примерно в 35 милях к юго-востоку от Парижа. Стороны приблизились друг к другу с опаской, было произнесено много суровых слов. Казалось, боги Трои снова нашептывали недоброе, руки потянулись к мечам, дофин попятился, и его спутники напали на герцога, обнажили мечи, и он замертво упал на землю. Людовик Орлеанский был отомщен, но горькой ценой.

Мирный договор был нарушен. Новый герцог Филипп Бургундский поклялся отомстить и заключил союз с Генрихом V. В Труа был подписан договор между королем Англии и все еще живой тенью короля Франции. Согласно договору, безумный король и его жена, которая так и не почувствовала себя француженкой, лишили наследства «так называемого дофина» и объявили Генриха V наследником французского трона и мужем дочери короля Екатерины. До самой смерти Карла VI Генрих считался законным хозяином Нормандии и других завоеванных территорий и с герцогом Бургундским совместно управлял Францией.

Целостность страны оказалась под страшной угрозой распада. Франция сузилась до англо-бургундского кондоминиума. И дело было не в быстрой пятилетней кампании Генриха V, его успеху поспособствовали дезинтеграционные силы, растаскивавшие Францию на протяжении ста лет, а также подъем Бургундского герцогства и безумие короля. Но на этой стадии, какими бы осторожными ни были методы Генриха V, успех могло принести не завоевание. Если в 1360 году чувство патриотизма французов было достаточно сильным, чтобы не допустить утраты суверенитета, то спустя пятьдесят лет оно стало гораздо сильнее, и подписантам договора в Труа это было известно. Они издали распоряжение, запрещающее

кому-либо выражать несогласие с договором, и приравнивали такое несогласие к государственной измене.

Страна разделилась на оккупированную и свободную Францию. Несчастный дофин, собравшись с духом, отказался принять договор и удалился вместе со своим советом в Бурже, где сердцебиение короны было едва слышно. После королевского въезда в Париж Генрих V вернулся домой, оставив во Франции в качестве регента своего брата герцога Бедфорда. Дела людей вершит история, или «бог из машины». Не прошло и двух лет, как Карл VI и Генрих V один за другим скончались, первым был Генрих, так и не надевший французскую корону. Право на нее перешло к его девятимесячному сыну, а вместе с ним — через его мать Екатерину — к династии Валуа. Дофина, впоследствии Карла VII, право на наследство лишили.

Война и чума опустошили землю. В Пикардии захватчики оставили за собой выжженные деревни, поля не обрабатывались, дороги заросли сорняками и ежевикой, люди покинули земли, и теперь там не слышно было даже пения птиц. В окрестностях Аббевиля оголодавшая крестьянка засолила тела двоих своих детей, которых сама же и убила. Разорение принимало все больший размах, поскольку англичане старались завоевать как можно больше французских земель. Этому способствовали их альянс с герцогом Бургундским и истощение измученной страны. Ни один вооруженный отряд, писал секретарь герцога Орлеанского, не смог завоевать во время войны замок де Куси, но из-за «внутреннего предательства» на какое-то время он

попал к врагу, и окна прекрасной церкви были, «по большей части, ободраны руками богохульников».

Крестьяне бежали из деревень в города, где надеялись найти укрытие и где, как они полагали, люди живут получше. На городских улицах они столкнулись с обездоленными разнорабочими, которым приходилось не лучше, чем им самим. Эпидемия привольно чувствовала себя среди скопища полуголодных людей, ослабленное население еще сильнее было подвержено заболеваниям тифом, проказой и чумой. Упадок торговли и мануфактуры породил безработицу и враждебное отношение к беженцам. Часть крестьян возвращалась домой, пыталась отремонтировать дома, обработать покинутые поля, некоторые жили в лесу, охотились и рыбачили.

В церквях устанавливали статуи Роха и других святых, якобы защищавших от чумы и внезапной смерти; появилась мода на изготовление скульптур в виде обнаженных скелетообразных фигур. В XV веке процветал культ смерти. Художники в омерзительных деталях изображали физическое гниение — черви, прокладывающие себе путь в мертвой плоти, раздутые жабы восседали на закрытых глазницах. Насмешливая, манящая, ликующая Смерть возглавляла парад пляшущих мертвецов на бесконечных фресках. В литературе смерть представала в популярных трактатах на тему *Ars Moriendi*, «искусства умирать», с подробными описаниями смертного ложа, окруженного врачами, нотариусами и плачущими родственниками, тут же саваны, гробы, могильщики, лопаты которых выкапывают кости ранее погребенных, и, наконец, обнаженный труп,

ожидающий суда Господнего, а рядом ангелы и бесы, оспаривающие друг у друга его душу.

В постановке пьес и мистерий старались дойти до самых глубин ужасного, словно людям не доставало этого в обыденной жизни. Изнасилование девственниц воспроизводилось с ошеломляющей реалистичностью; в других постановках демонстрировали тело Христово, жестоко израненное стражниками, или ребенка, зажаренного и съеденного собственной матерью. В XV веке в излюбленной публикой сцене Нерона и Агриппины мать просит у сына пощады, но император приказывает вспороть ей живот, он хочет увидеть «место, в которое женщина принимает семя, порождающее детей».

За культом смерти следовало ожидание конца света. В XV столетии пессимизм XIV века перерос в уверенность в том, что человек становится хуже, и это — признак приближающегося конца. В одном французском трактате написано, что признаком упадка является уменьшение сострадания в человеческих сердцах, а это означает, что человеческая душа стареет и пламя любви, согревавшее человечество, стало совсем слабым и вскоре погаснет. Чума, насилие и природные катастрофы еще больше поддерживали такие настроения.

Когда англичане оккупировали столицу, все пали духом. Некоторые французы готовы были принять союз под одной короной, им казалось, что это — единственное решение для прекращения войны и экономической разрухи. Большинство, однако, сопротивлялось английским тиранам, этим несносным «ублюдкам» (*goddams*), как тех называли. Сопротивление было очевидным, но не скоординированным, у него отсутствовал лидер. Слабый и вялый дофин был

игрушкой в руках беспринципных министров. Мужество появилось из самого неожиданного источника, и проявила его женщина-простолюдинка.

Феномен Жанны д'Арк трудно объяснить. Голос Бога, якобы велевший ей изгнать англичан и короновать дофина, вдохновил тех, кто в других обстоятельствах презирал бы девушку из народа; уверенность Жанны позволила снять блокаду Орлеана и привезти дофина в Реймс. Возможно, дело было в настоящей исторической необходимости. Настал момент, и она откликнулась. В Жанне соединились былая религиозная вера и новая сила патриотизма. Бог говорил с нею через святую Екатерину, святого Михаила и святую Маргариту, но требовал от нее не целомудрия, не смирения, а действий для освобождения страны от иноземных захватчиков.

Ее подвижничество длилось всего три года. Жанна появилась словно из ниоткуда в 1428 году, вдохновила Дюнуа — незаконнорожденного сына Людовика Орлеанского, и других людей из окружения дофина. Она призвала их к походу на Орлеан, и в мае 1429 года французы освободили город. На волне этой победы, два месяца спустя, она привела Карла на церемонию коронации в Реймсе. В мае 1430 года люди герцога Бургундского взяли ее в плен в Компьени, продали англичанам, а те пытали ее как еретичку и в мае 1431 года сожгли на костре в Руане. Для англичан эта казнь была очень важна: ведь Жанна уверяла, что ею руководит Бог и Он не желает господства англичан во Франции. Инквизиция со всей безжалостностью набросилась на нее, желая доказать несостоятельность ее голосов. Ни Карл VII, который был обязан ей своей короной, ни кто-либо другой из французов не сделал

попытки спасти Жанну и предложить за не выкуп. Возможно, причиной тому был стыд из-за того, что победу аристократам обеспечила крестьянская девушка.

Жизнь и смерть Жанны д'Арк не вызвала немедленного национального сопротивления, тем не менее англичане были обречены на поражение, сознавали они это или нет. Жители Бургундии это знали. Официальное провозглашение Карла королем Франции вдохновило армию, изменило ситуацию, тем более что англичане на тот момент были заняты собственными внутренними беспорядками. Осознав перемены, герцог Бургундский переметнулся на сторону французов, достиг договоренности с Карлом VII, и в 1435 году был заключен Аррасский мир. В течение года, благодаря усилиям нового энергичного коннетабля, короне вернули Париж, и это стало сигналом к воссоединению. Никто не подозревал, что искра, зароненная Орлеанской девственницей, превратится в пламя, ибо значение ее подвига лучше известно истории, а не современникам Жанны д'Арк, но в воздухе ощущалась надежда и сила. Война пока не окончилась. Напротив, она стала еще ожесточеннее, когда англичане из упрямства, охватившего победителей, усилили давление на противника, не желавшего полностью подчиниться, однако выход Бургундии из альянса сделал их положение безнадежным.

Все это время доминирующим интеллектуальным усилием Европы была постоянная, непримиримая и интенсивная деятельность, направленная на прекращение раскола и на реформу церкви. Обе цели зависели от обретения церковным собором

превосходства над папством. Поскольку оба папы отказывались прекратить свои полномочия, добровольное окончание схизмы было невозможным, и оставалась единственная альтернатива. Было очевидно, что ни папы, ни коллегия кардиналов не позволят реформировать церковь изнутри, поэтому инструментом для проведения реформы могла стать только законная власть собора. Серьезные теологи бились над этими проблемами, искренно желая перемен. Они хотели отыскать способ ограничения власти папства и вскрывали вопиющие противоречия — философские, религиозные и многочисленные материальные, их обсуждали на заседаниях на протяжении сорока лет. Проводились заседания в Пизе, Констанце и Базеле, причем созывала их не церковь, а государства, университеты и правители.

В 1409 году предложение о реформе, красноречиво представленное на Пизанском соборе д'Альи и Жерсоном, отклонили, а всю энергию направили на то, чтобы оба папы — авиньонский и римский — подали в отставку, что и было сделано, после чего избрали единого понтифика. Этот престарелый человек быстро скончался, и на его место пришел воинственный итальянец Бальтазар Косса. Он был скорее кондотьером, чем кардиналом, и, надев тиару, взял имя Иоанн XXIII. Поскольку два его соперничавших предшественника все еще цеплялись за престол, у церкви фактически стало три папы. И в 1414 году император Сигизмунд созвал в Констанце памятный собор.

Этот собор принял закон, имевший исторические последствия для церкви. Под ересью теперь понимали все диссидентские настроения, возникшие как реакция на бедствия прошлого столетия. В XV веке оживились

диссиденты от религии — мистики, реформаторы, колдуны. Церковь ответила ожесточенным преследованием. Все чаще применяли отлучение от церкви, суды и сожжение на костре, в пытках предполагаемых еретиков инквизиция проявляла не меньшую жестокость и изобретательность, чем какой-нибудь неверный — турок или китаец. Во второй половине XV века охота на ведьм превратилась в эпидемию, об этом свидетельствует знаменитый трактат 1487 года «Молот ведьм» — инструкция по распознаванию демонов, ведьм и их почитателей.

Констанца была обеспокоена более фундаментальной ересью Яна Гуса — идеологического наследника Уиклифа. Его пригласили в Констанцу объяснить и защитить свою доктрину, после чего Гус был осужден и в 1415 году сожжен на костре. Предвосхищая епископа Латимера, он мог бы сказать, что пламя, в котором он погиб, зажгло свечу, которую не погасить.

После нескольких драматических противоборств с Иоанном XXIII собору удалось сместить и его. Папу обвинили в пиратстве, убийстве, изнасилованиях, содомии и инцесте (Гиббон отмечает, что «самые скандальные» обвинения были аннулированы). Затем избрали римлянина, кардинала Колонну, при восшествии на престол он получил имя Мартин V. Предыдущего папу римского вынудили уйти в отставку, а упрямого Бенедикта из Авиньона надежно изолировали. Объявили об окончании схизмы, хотя после реформы она на короткое время возродилась. Борьба за верховенство между собором и папой ожесточилась. При Мартине V Папская область была восстановлена, и материальный, если не духовный выигрыш в силе позволил папству при наследнике Мартина Евгении IV возобновить

соперничество с собором в Базеле. Соперничество этих двух гигантов длилось восемнадцать лет.

Доктринальные расхождения достигли своего апогея, группировки откалывались, кандидат, претендовавший на высшую церковную должность — не кто иной, как граф Савойский — смог заплатить за свое продвижение и был избран под именем Феликса V. Одна сторона требовала реформ и ограничения папской власти, другая возражала, в результате государства и правители снова разделились. В конце концов реформаторы потерпели поражение, Феликс V ушел в отставку, а собор Базеля в 1440 году был распущен. Папство, снова итальянское, признало на бумаге верховенство собора, однако на деле именно оно обладало высшей властью. Свой успех оно отпраздновало в юбилейном 1450 году. Тем не менее папство было уже не тем, чем до схизмы и до соборов. В первом из кризисов его престиж упал, а во втором кризисе папство утратило влияние и контроль над национальными церквями. В 1438 году французский синод провел независимые реформы. «Галликанские свободы» ограничились папские налоги на французское священство. Движения и идеи, спровоцированные предыдущей церковной борьбой, неуклонно стремились к протестантизму.

Гуситские войны зарегистрировали изменения в другой сфере — началось движение, вызванное чешским национализмом и желанием отомстить за смерть Гуса. Членами этого движения были по большей части буржуа и крестьяне (некоторую поддержку им оказывали чешские аристократы), и в своей борьбе они применили

новую военную тактику. У них появились боевые обозы, состоявшие из нескольких повозок, сцепленных друг с другом цепями. Повозки собирали в виде квадрата или круга и пускали с горы на наступающих всадников противника. Чешские отряды вооружались пиками, ручными самострелами и цепями, в случае удачной обороны они переходили в наступление: сняв цепи между повозками, набрасывались на врага. В 1420 году они одержали победу над армией Сигизмунда — тогда, с целью восстановления порядка, император устроил «крестовый поход» против Венгрии, Баварии и Пруссии. Чехи стреляли из пушек, поставленных внутри боевого обоза, главным своим оружием они впервые сделали самодельные ружья. К концу первого десятилетия гуситских войн уже треть армии пользовалась такими ружьями.

Будучи людьми из плоти и крови, они тревожились из-за идеологического конфликта умеренных и радикалов, поскольку этот конфликт разрушал их движение. На соборе в Базеле они тем не менее настроены были решительно и впервые принудили церковь заключить мирный договор с еретиками. Как и у швейцарцев, их армия в большинстве своем состояла из людей низкого происхождения, и они научились эффективно сражаться, потому что не гнались за славой и не были привязаны к лошадям, в отличие от рыцарей.

На протяжении 1420-1430-х годов Генрих Мореплаватель, португальский инфант и внук Иоанна Гентского, совершал ежегодные путешествия в Атлантику, исследовал Азорские острова, Мадейру и Канары, путешествовал вокруг западного побережья

Африки, пока в 1433 году не обогнул большой западный мыс в поисках золота и слоновой кости. Даже если первоначальным мотивом Генриха было прославление ордена Христа, магистром которого он являлся, его побуждения и деятельность можно назвать современными. Вместе с гуманистами и учеными он оказался на мосту, соединявшем средневековье с новыми временами.

Перемены наступали исподволь, едва замечались на фоне общего упадка. К 1440 году численность населения Европы опустилась до самой низкой точки и в следующие тридцать лет так и не выросла. В Руане до эпидемии чумы проживали пятнадцать тысяч человек, а в середине XV столетия осталось только шесть тысяч жителей. Собор Шлезвига сравнил доходы, которые он получал в 1352 году, с доходами 1457 года и обнаружил, что в XV веке урожаи ячменя, ржи и пшеницы составили одну треть того, что получали в XIV столетии. Во многих местах исчезли начальные школы, да так и не вернулись до новых времен. Имеются письменные свидетельства 1439 года о том, что на улицах Парижа растет трава, а волки нападают на людей на малонаселенных окраинах. В том же году архиепископ Бордо пожаловался, что из-за «живодеров» [*ecorcheurs*] студенты не могут получать в университетах знания, ибо по пути в эти заведения многих похищают, держат в плену, отнимают книги и имущество и — увы: — убивают. За сто военных лет сумма жертвований, субсидий, подушных и косвенных налогов стала воистину неисчислимой. Насильственный сбор средств укрепил представительные органы, а финансовое бремя способствовало обнищанию населения и классовому антагонизму.

В первые десять лет правления Карла VII мало кто замечал признаки намечавшегося прогресса. В результате бесконечных войн, внутренних и внешних, писал нормандский хронист Тома Базен, а также по причине нерадивости и бездействия тех, кому было поручено вести дела короля и командовать по его приказу войсками, из-за алчности и распущенности воинов королевство вконец разорилось. От Руана до Парижа, от Луары и до Сены, от Сены до Лана, Амьена и Аббевиля и на обширных равнинах Бри и Шампани царило запустение. Возникло опасение, что в великом множестве мест следы подобного запустения сохранятся на долгое время и будут видны до тех пор, пока божественное провидение не проявит большую заботу о делах этого мира.

Постепенно Карл VII набрался опыта и стал настоящим королем, к тому же судьба привела к нему на службу способных людей. Выдающийся финансист Жак Кер оказал королю денежное вспомоществование, с помощью кредита король улучшил осадную артиллерию, нанял опытных канониров и с эффективностью, которой не знали в XIV веке, отбил у англичан замки и города. Один за другим они открывали ворота перед армией короля, и с каждым разом все быстрее, поскольку Карл VII провел наконец фундаментальную военную реформу, которую не успел осуществить его дед Карл V. В 1444–1445 годах он создал постоянную армию и внедрил в нее, тем самым и уничтожив, незаконные отряды — главный бич тех времен. В соответствии с новым законом были сформированы двадцать ордонансовых рот (*compagnies d'ordonnance*) по 100 копий каждая, с двумя стрелками, оруженосцем и пажом (*valet de guerre*) для каждого жандарма (то есть рыцаря), общей

численностью шестьсот человек. Наемных капитанов выбирали из числа самых надежных, они сами формировали отряды, корона платила и обеспечивала новые подразделения всем необходимым за счет ежегодных налогов, армия размещалась на стратегических участках по всей Франции! Остававшиеся банды безжалостно расформировали. Самым важным нововведением середины XV века стало создание постоянной армии. Это новшество означало порядок там, где раньше царили атрибуты хаоса — чума, война и схизма.

Возрождению способствовало увядающее желание Англии к завоеваниям. Повзрослевший Генрих VI хотел мира. Слабый, нерешительный король был пешкой в руках драчливых баронов и прелатов. Его опытный дядя, герцог Бедфорд, уже умер, не оставив никого, кто смог бы повести за собой нацию или прекратить войну. К 1450 году французы отвоевали всю Нормандию, города сдавались, едва завидев артиллерию. Сдалась даже английская Аквитания.

В 1453 году в Кастильоне, единственном городке, кроме Бордо, остававшемся у англичан, состоялось последнее сражение. Традиционные роли поменялись — английская сторона выказывала безрассудную храбрость, а французы действовали расчетливо. Кастильон сдался. Лорд Джон Тальбот выехал из Бордо со своим отрядом и отправился отвоевывать Кастильон. Согласно Базену, он смело шел напролом и не выстраивал план атаки. Тальбот не послушал совета опытного командира и выступил во главе тяжеловооруженных всадников. Под водительством «некого Жана Бюро, парижанина, мужчины малорослого, но решительного и отважного, умелого и опытного артиллериста», французы защитили

свой лагерь благодаря земляному рву, укрепленному стволами деревьев, и с помощью военных машин, то бишь пушек — кулеврин, серпантин, арбалетов и разных катапульт. Отряд Тальбота бросился на эти оборонительные сооружения, и их встретил град камней, свинца и прочих метательных предметов. Лорд был убит, а его отряд разбит наголову. Сам Бордо вскоре пал. От английской континентальной империи не осталось ничего, кроме Кале и пустых притязаний на французскую корону.

Самая долгая война была окончена, хотя, возможно, тогда мало кто это признавал. После стольких перемирий и возобновлений войны кто мог бы понять, что конец уже наступил? Без церемоний, без объявления о прекращении огня, без договора прекратилась агония пяти поколений. За это время сформировались национальные общности. Столетняя война, как и кризис церкви, происходивший в тот же период, разбила средневековое единство. Рыцарское братство было разорвано, как и интернационализм университетов, не выживший под воздействием войны и схизмы. Война привела Англию и Францию к взаимному антагонизму, и эта враждебность ощущалась до тех пор, пока в канун 1914 года международная обстановка не вынудила заключить полноценный альянс.

В том же году, в котором состоялось сражение при Кастильоне, Генрихом VI овладело безумие, ускорившее соперничество за английскую корону. Оставшись без работы, солдаты и лучники вернулись домой и стали служить различным группировкам английской знати, внося ожесточение в гражданскую войну Роз, пришедшую на смену войне с Францией. В том же судьбоносном 1453 году под осадными пушками Мехмета

II пала оборона Константинополя. Турки соединили друг с другом семьдесят повозок и поставили впереди них огромную пушку, которую тащили шестьдесят ослов; эта пушка способна была выпускать ядра, весившие восемьсот фунтов. Дату окончания Средних веков отсчитывают с падения Византии, однако в это же время произошло событие, ставшее предвестником еще более значительных перемен.

В 1453–1454 годах Гуттенберг напечатал в Майнце первый документ, а в 1456 году вышла первая печатная книга — Библия. Виктор Гюго назвал эту книгу — с подобающей событию высокопарностью — «готическим солнцем, закатившимся за гигантский печатный станок Майнца». Новое средство распространения знаний и обмена идеями разошлось со скоростью, неведомой средневековью. В следующем десятилетии печатные станки появились в Риме, Милане, Флоренции, а в семидесятых годах — в Париже, Лионе, Брюгге и Валенсии. Первые музыкальные ноты напечатали в 1473 году. В 1476 году в Вестминстере Уильям Кэкстон запустил свой печатный станок и в 1484 году опубликовал непревзойденную книгу английской прозы — «Смерть Артура» Мэлори.

Вместе с восшествием на английский трон Тюдоров было подписано официальное соглашение между Англией и Францией, а в 1492 году был заключен Этапльский договор. Год этот оказался еще значительнее по другим причинам. Энергия Европы, некогда находившая выход в крестовых походах, устремилась в путешествия, и доказательством тому стало открытие Нового Света.

Родословная де Куси после смерти Ангеррана VII повисла на единственной нитке — сыне Марии Робере де Баре. Филиппа умерла, не оставив наследников. Изабелла, дочь де Куси от второго брака, скончалась в 1411 году, а через шесть месяцев после нее умер ее единственный ребенок — маленькая дочка. Незаконнорожденный ребенок де Куси Персеваль в 1437 году написал завещание, согласно которому он оставлял все зятю — Роберу де Бару. Из этого можно заключить, что единственный сын Ангеррана VII умер бездетным. И все же упомянутая единственная нитка привела к королю. Дочь Робера де Бара Жанна вышла замуж за Людовика Люксембургского, коннетабля Франции, и, в свою очередь, родила дочь, вышедшую замуж за Бурбона по линии, происходящей от Людовика Святого. Ее внук, Антуан де Бурбон, женился на Жанне д'Альбре, королеве Наваррской, и сын от этого брака, известный знаменитым высказыванием «Париж стоит миссы», вступил на трон как Генрих IV. Отважный, остроумный, любвеобильный, справедливый, он был самым популярным из всех французских королей и, возможно, благодаря нескольким генам, доставшимся ему от Ангеррана VII, — человеком рациональным.

Обширные владения де Куси, после объединения с королевским доменом при Людовике XII, сыне Карла Орлеанского, оставались в собственности рода Орлеанских. При несовершеннолетнем Людовике XIV — брат которого Филипп Орлеанский носил титул сир де Куси — знаменитый замок, приводивший в восторг королей, стал штабом фронды, лиги аристократов, выступившей против регента кардинала Мазарини. С целью уничтожения вражеского гнезда Мазарини в 1652 году взорвал часть замка и посчитал, что он необитаем,

хотя снести огромный донжон так и не смог. Через сто лет последним хозяином имения стал герцог Орлеанский — Филипп Эгалите. Как член Национального конвента, он голосовал за смерть Людовика XVI, но и сам через год стал жертвой гильотины. Его собственность, включая имение де Куси, перешла государству.

Монастырь Ангеррана в Вильневе был разрушен гугенотами, восстановлен и снова разрушен при фронде, а затем продан как частный замок, когда в 1781 году запретили орден целестинцев. Во время революции замок переходил из рук в руки, пока в 1861 году его не купил граф Оливье де Ларошфуко. Стремление де Куси остаться в вечности оказалось не более успешным, чем у других людей.

При Наполеоне III комиссия исторических памятников рекомендовала реставрацию замка де Куси и предложила срочно провести работы для предотвращения разрушения здания. Выбор зданий, подлежащих первоочередной реставрации, был между замком де Куси и Пьерфоном. Последний, более роскошный замок был построен в конце XIV века Людовиком Орлеанским. Поскольку реставрация замка де Куси обошлась бы втрое дороже и поскольку императрица Евгения предпочитала Пьерфон, так как он находился ближе к Парижу, выбран был именно этот замок. К сожалению, архитектор Виолле-ле-Дюк, реставратор средневековых зданий, отвернулся от главного военного сооружения средневековья. «Рядом с этим гигантом самые большие башни выглядят как жерди», — написал он. Все, что он сделал, — это окружил гиганта двумя железными поясами, отреставрировал крышу, заделал самые большие трещины и поставил смотрителя, чтобы тот не допускал

растаскивания свалившихся на землю больших камней здания.

Молчаливый, покинутый, населенный лишь совами, великий замок все еще внушал священный трепет. Туристы приходили поглазеть на него, археологи — изучать, художники — запечатлеть на своих полотнах. У подножия гиганта — в деревне и на дороге, серпантинном спускавшейся с холма в долину Суассона, — жизнь шла своим чередом. Донжон был невосприимчив к времени, равнодушен к бесчинствам людей, к катаклизмам природы, пока не наступил XX век.

В 1917 году в Пикардию снова пришли оккупанты, на сей раз германская армия, которая простояла здесь три года. Кронпринц Рупрехт Баварский, командир Шестой армии, приказал начальнику генерального штаба генералу Людендорфу проследить, чтобы замок де Куси остался в неприкосновенности как уникальное архитектурное строение, уже не представляющее военной ценности. Ни одна сторона, подчеркнул он, не должна пытаться использовать его для военных целей, и его разрушение «стало бы уроном нашему престижу». Людендорф же не любил обращения к культуре. К тому же ему неблагоразумно напомнили о де Куси, и генерал показал пример высших ценностей. По его приказу приготовили 28 тонн взрывчатки, и воздвигнутый Ангерраном III колосс, самый огромный после зданий древней Греции и Рима, рухнул наземь.

Внешние стены, фундамент, подземные помещения и туннели, часть внутренних стен и дверей все еще стоят на краях обрушенных камней. Над потрескавшейся дверной перемычкой безоружный рыцарь все еще сражается со львом. Семьсот лет замок был свидетелем

человеческих подвигов и неудач, порядка и смуты, величия и падения. На вершине холма в Пикардии руины молчаливо наблюдают за поворотами исторического колеса.

БИБЛИОГРАФИЯ

Сокращения

AESC — Annales: Economies, Societes, Civilisations

BEC — Bibliotheque de l'Ecole de Chartes

BN — Bibliotheque nationale

Ec HR — Economic History Review

EHR — English Historical Review

REH — Revue des etudes historiques

RH — Revue historique

RQH — Revue des questions historiques

SHE — Societe de l'histoire de France

TRHS — Transactions of the Royal Historical Society

I. О де Куси

A. Рукописи

Archives du departement de l'Aisne

H 325, folio 239: Cartulaire-chronique de l'Abbaye de Nogent-sous-Coucy. (Modern copy in Bib. de la ville de Noyon, Coll. Peigne-Delacourt, ms. 21.)

H 721: Fondation du couvent des Célestins à Villeneuve-les-Soissons.

Bibliotheque nationale, Paris

Fonds français, nouv. acq., Coll. Bastard d'Estang, 3653—4—5, 3638—9.

Coll. Clairembault, vol. 35, nos. 74—114; vol. 39, no. 81, dossier Coucy.

Pièces originales, 875, dossier Coucy, nos. 1—37.

Mss. Coll. Picardie, vol. X, fo. 207 ff.

Ms. fr. 18616, folios 94—141. Mémoires pour faire servir à l'histoire des seigneurs de Coucy. (Это компиляция XVIII столетия по материалам из трудов L'Alouëte, Duchesne и других источников.)

Ms. Latin 5149, Historia monasterii SS Trinitatis Caelestinorum.

Ecole de chartes

Lacaille Henri. Enguerrand VII, Sire de Coucy. (Неопубликованная докторская диссертация 1890 года. Источники автора неизвестны; к сожалению, их перечень в рукописи отсутствует.) Цитируется как Lacaille, thèse.

Печати

Archives nationales-Bureaux des sceaux

Coll. Clairembault, nos. 2838, 2841—2, 8644—6.

Coll. de la Flandre, no. 308.

Bibliothèque nationale — Cabinet des Médailles

Coll. Bastard d'Estang, nos. 28—28bis.

В. Опубликованные работы

L'Alouëte François de. Tretité des nobles avec une histoire généalogique de la très-illustre et très ancienne maison de Coucy et de ses alliances. Paris, 1577.

Ancien Bernard. «Les Couleurs d'Enguerrand VII, Sire de Coucy et Comte de Soissons». Mémoire de la fédération des sociétés d'histoire et d'archéologie de l'Aisne, vol. IX, 1963.

L'Art de vérifier les dates des faits historiques, par un Religieux de la Congrégation de St.-Maur, vol. XII. Paris, 1818.

Bardy Henri. Enguerrand de Coucy et les Grands Bretons. Paris, 1860.

Belloy M. de. Mémoires historiques: 1, Sur la maison de Coucy encore existante. Paris, 1770.

Bouet M. G. «Excursions à Noyon, à Laon et à Soissons». Bull, monumental sur les monuments historiques de la France, 4th series, vol. IV.

Broche Lucien. «Notes sur d'anciens comptes de la châtellenie de Coucy». Bull, de la Société académique de Laon, vol. XXXII, 1905—9.

Chaurand Jacques. Thomas de Marie, Sire de Coucy. Vervins, 1963.

Delaville le Roux J. «Le Legs d'Enguerrand VII, Sire de Coucy, à la Cathédrale de Chartres». Mémoires de la Société archéologique d'Eure-et-Loire, vol. IX, 1889.

Dushesne André. Histoire généalogique des maisons de Guînes, d'Ardres, de Gand et de Coucy. Paris, 1631.

Dufour Etienne. Coucy-le-Château et ses environs. Soissons, 1910.

Duplessis Dorn Michel Toussaints Chrétien. Histoire de la ville et des seigneurs de Coucy. Paris, 1728.

Durrieu Paul. «La Prise d'Arezzo par Enguerrand VII, Sire de Coucy, en 1384». BEC, vol. XLI, 1880.

Duval M. R. «Histoire de l'Abbaye benedictine de St. Nicolas-aux-bois au diocèse de Laon». Mémoires de la Soc. Acad, de St.-Quentin, 4th series, vol. XII, 1893—96.

Lacaille Henri. «Enguerrand de Coucy au service de Gregoire XI, 1372—74». Annuaire Bulletin de la SHF, vol. XXXII, 1895. (Сборник писем Григория XI из архивов Ватикана, посвящен роли де Куси в войне за Папскую лигу.)

Lacaille Henri. «La Vente de la baronnie de Coucy». BEC, vol. LV; 1894.

Larousse. Grand Dictionnaire universel, 1869, article «Coucy-le-Château».

Lefèvre-Pontalis Eugène. Le Château de Coucy. Paris, 1909.

Lelong Dom Nicolas. Histoire ecclésiastique et civile du diocese de Laon. Châlons, 1783.

Lépinois E. de. Histoire de la vale et des sires de Coucy. Paris, 1859.

Mangin. «Enguerrand VII, Sire de Coucy: Pièces inédites concernant son départ pour la Hongrie et sa mort». Bulletin de la Soc. Acad, de Laon, vol. XXIV, 1882.

Mazas Alexandre. Vie des grands capitaines français du moyen age, vol. III. 3rd ed. Paris, 1845. (Lively and interesting but unreliable and in some cases imaginary.)

Melleville Maximilien. Histoire de la vale et des sires de Coucy-le-Château. Laon, 1848.

Moreau Jules. Notices sur les sires de Coucy. Chauny, 1871.

Roussel L'Abbé R. Histoire de l'abbaye des Célestins de Villeneuve-les-Soissons. Soissons, 1904.

Sars Comte Maxime de. La Laonnais féodale, vol. IV. Paris, 1931.

Savage Henry L. «Enguerrand de Coucy VII and the Campaign of Nicopolis». *Speculum*, October 1939.

Viollet-le-Duc E. Description du château de Coucy. Paris, 1880. (Largely repeated from his Dictionnaire.)

Zurlauben, Baron von Thum und. «Abrégé de la vie d'Enguerrand VII du nom, Sire de Couci». Histoire de l'Academie royale des inscriptions et belles lettres, vol. XXV, Paris, 1759.

II. Общие работы

A. Главные источники

Allmand C. T., ed. Society at War: The Experience of England and France During the Hundred Years War. Edinburgh, 1973. (Excerpts from contemporary texts.)

Anonimale Chronicle (St. Mary's York). Ed. V. H. Galbraith, Manchester, 1927.

Barnie John. War in Medieval English Society. Cornell University Press, 1974. (Excerpts from contemporary texts.)

Beaurepaire Ch. de. «Complainte sur la Bataille de Poitiers». BEC, vol. XII, 1851.

Bell Clair Hayden, ed. Peasant Life in Old German Epics. Columbia University Press, 1968. (Содержит две поэмы в прозе XIII века, «Meier Helbricht» и «Der Arme Heinrich», которые, пусть и не относятся впрямую к Франции столетием позже, открывают многие подробности жизни средневекового крестьянина.)

Berry Due de. The Très Riches Heures of Jean, Duke of Berry. Eds. Jean Longman and Raymond Cazelles, with preface by Millard Meiss. New York, 1969.

Boccaccio Giovanni. The Decameron. Trans. Frances Winwar. New York, 1930.

Bonet Honoré. The Tree of Battles. Trans, and ed. G. W. Coopland. Harvard University Press, 1949.

Boucicaut. См. *Godefroy* и *Livre des faits*.

Brians Paul, ed. Bawdy Tales from the Courts of Medieval France, New York, 1972.

Brucker Gene, ed. The Society of Renaissance Florence. New York, 1971. (Отрывки из документов тех лет.)

Brucker Gene, ed. Two Memoirs of Renaissance Florence. New York, 1967. (Приведены отрывки из дневника Бонаккорсо Питта.)

Chandos Herald. Life of the Black Prince. Trans. M. K. Pope and E. C. Lodge. Oxford, 1910.

Chaplais Pierre. «Some Documents Regarding the Fulfillment and Interpretation of the Treaty of Bretigny, 1361—69». Camden Miscellany, vol. XIX (Camden Third Series, vol. LXXX). London, 1952.

Chaucer Geoffrey. The Canterbury Tales. Ed. Walter Skeat. New York, 1929.

Christine de Pisan. The Book of Fayttes of Armes and of Chyvalrye. Trans. William Caxton. Ed. A. T. P. Byles. Oxford University Press, 1932.

Christine de Pisan. Le Livre des Fais et Bonnes Meurs du Sage Roy Charles V. Ed. S. Solente. 2 vols. Paris, 1936—40.

Chronicle of Jean de Venette. Trans. Jean Birdsall. Ed. Richard A. Newhall. Columbia University Press, 1953.

Chronicon Angliae. See Walsingham.

Chronique du Bon Due Loys de Bourbon. Ed. A. M. Chazaud. Paris, 1876. (Cited in Notes as Chron. Bourbon.)

Chronique de Jean de Bel. Eds. Jules Viard and Eugene Deprez. 2 vols. SHF, Paris, 1904—5.

Chronique normande du XIVE siècle. Eds. A. and E. Molinier. Paris, 1882.

Chronique des quatre premiers Valois, 1327—1393. Ed. Siméon Luce. SHF, Paris, 1862. (Cited as Chron. 4 Valois.)

Chronique des règnes de Jean II et de Charles V. Ed. R. Delachenal. 4 vols. SHF, Paris, 1910—20. (Cited as Chron. J. & C.)

Chronique du Religieux de Saint-Denys: La Règne de Charles VI, de 1380 a 1422. Trans, and ed. M. L. Bellaguet. 6 vols. Paris, 1839. (Cited as Chron. C6.)

Chronographia Regum Francorum (прежнее название — «Бернская хроника»). Ed. H. Nloranvillé. 3 vols. SHF, Paris, 1891—97.

Cuvelier J. Chronique de Bertrand du Guesclin. Ed. E. Charrière. 2 vols. Paris, 1839.

Delisle Leopold. Les Collections de Bastard d'Estang it la Bibliothèque nationale. Nogent-le-Rotrin, 1886. (Summaries of the contents of contemporary documents. Very valuable.)

Delisle M. L., ed. «Un Pamphlet politique au XIVE Siècle» (the Tragicum Argumentum). Bull. historique et philologique, 1886. Paris, 1887.

Demay Germain. Inventaire des sceaux de la collection Clairembault, vol. II. Paris, 1886.

Demay Germain. Inventaire des sceaux de la Flandre, vol I. Paris, 1883.

Deshamps Eustache. Oeuvres complètes. Eds. Marquis de Queux de Saint-Hilaire and G. Raynaud. 11 vols. Paris, 1878–1901.

Diaz de Gómez Gutierre. El Victorial: The Unconquered Knight, A Chronicle of the Deeds of Don Pero Niño, Count of Buelna. Trans, and ed. Joan Evans. London, 1928.

Douet-D'Arco Louis, ed. Choix de Pièces inédites relatives au règne de Charles VI. 2 vols. Paris, 1863.

Duckett, Sir George Floyd, ed. Original Documents Relating to Hostages for John, King of France, and the Treaty of Brétigny in 1360. London, 1890.

Egbert Virginia Wylie, ed. On the Bridges of Medieval Paris; A Record of Early Fourteenth Century Life, Princeton, 1974. (Отличный подбор иллюстраций с комментарием.)

Froissart Jean. Chronicles of England, France and Spain. Trans. Thomas Johnes, 2nd ed. in 2 vols. London, 1806.

Froissart Jean. The Chronicle of Froissart. Trans. Lord Berners, 1523—25. Ed. W. P. Ker. 6 vols. London, 1902.

Froissart Jean. Chroniques, Ed. Siméon Luce et al. 14 vols. Paris, 1869—1966.

Froissart Jean. Oeuvres. Ed. Baron Kervyn de Lettenhove. 25 vols. Brussels, 1870—75.

Froissart Jean. «Le Trettie du Joli Buisson de Jonece». Collection des chroniques nationales francaises, vol. X. Ed. J. A. Buchon. Paris, 1829.

Germain A. Projet de descente en Angleterre... pour la délivrance du Roi Jean: Extrait de documents originaux inedit. Montpellier, 1858.

Gilles li Muisés (Abbé de St. Martin de Toumai). Chronique et annales. Ed. H. Lemaitre. SHF. Paris, 1906.

Godefroy Theodore, ed. Histoire de Maréchal de Boucicaut. Paris, 1620. (Первая публикация Livre des faits... de Boucicaut по рукописи, сохранилась только копия.)

Godefrey le Baker. Chronicon. Ed. Edwin M. Thompson. Oxford, 1889.

Grander Chroniques de France, vol. IX (to 1350). Ed. Jules Viard, Paris, 1937.

Grander Chroniques de France, vol. VI (to 1380). Ed. Paulin Paris. Paris, 1838.

Gray, Sir Thomas. Scalacronica. Trans. Sir Herbert Maxwell. Glasgow, 1905-7.

Guibert, Abbot of Nogent. Memoirs. Trans. John L. Benton, New York, 1970.

Heilman Robert, Richard O'Gorman, eds. Fabliaux: Ribald Tales from the Old French. New York, 1965.

Herlihy David, ed. Medieval Culture and Society. New York, 1968. (Антология текстов тех лет.)

Jean le Fevre, Evêque de Chartres. Journal de Jean le Fevre, vol. I. Ed. H. Moranville. Paris, 1887.

Jean Juvenal des Ursins, Archevêque de Reims. Histoire de Charles VI. Ed. Th. Godefroy. Paris, 1614. Also in Nouvelle Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France, vol. II. Eds. J. F. Michaud and J. J. F. Poujoulat. Paris, 1881.

John of Reading. Chronica. Ed. James Tait. Manchester, 1914.

Koenigshofen Jacob von. Elsassische und Strassburgische chronicke (C. 1400). Ed. J. Schilter. Strasburg, 1698.

Langland William. The Vision of Piers Plowman. Ed. Henry W. Wells. New York, 1935.

Langlois Charles Victor. La Connaissance de la nature et du monde au moyen age d'après quelques écrits français à l'usage des laïcs. Paris, 1911. (Contains Image du monde, Roman de Sidrach, and other encyclopedists. This is vol. III of what was later published as La Vie en France au moyen age, 4 vols., Paris, 1924—28. (Сборник средневековых текстов на различные темы, отличный способ проникнуть в сознание человека той эпохи.)

La Tour Landry Geoffrey. The Book of the Knight of La Tour Landry. Trans. G. S. Taylor. London, 1930.

Livre des faits du Mareschal de Boucicaut, in Nouvelle Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France, vol. II. Eds. J. F. Michaud and J. J. F. Poujoulat. Paris, 1881. См. также *Godefroy*.

Machaut Guillaume de. Les Oeuvres. Ed. Prosper Tarbé. Reims, 1849.

Ménagier de Paris, Le. The Goodman of Paris. Ed. and trans. Eileen Power. London, 1928.

Mézières Philippe de. Le Songe du Vieil Pèlerin. Ed. with synopsis and commentary by G. W. Coopland. 2 vols. Cambridge University Press, 1969.

Muratori L. A., ed. Rerum Italicamm Scriptores. Milan, 1723—51.

Nohl Johannes. The Black Death: A Chronicle of the Plague Compiled from Contemporary Sources. Trans. C. H. Clarke. London, 1971.

Orléans H. D., ed. Notes et documents relatifs à Jean, Roi de France et à sa captivité en Angleterre, vol. II. London, 1855—56.

Owst Gerald R., ed. Literature and Pulpit in Medieval England. Cambridge University Press, 1933. (Тексты проповедей.)

Petrarch. A Selection from His Correspondence. Eds. James Harvey Robinson and H. W. Rolfe. New York, 1898.

Polychronicon Ranulphi Higden. Ed. Joseph R. Lumby. Vol. VIII. London, 1882.

Prost B., ed. Inventaires mobiliers et extraits des comptes des dues de Bourgogne, vol, II. Paris, 1908—13.

Putnam's Dark and Middle Ages Reader. Ed. Harry E. Wedeck. New York, 1965.

Robinson James Harvey, ed. Readings in European History, vol. I. Boston, 1904.

The Rohan Master, eds. Millard Meiss and Marcel Thomas, New York, 1973.

Ross J. B., M. M. McLaughlin, eds. The Portable Medieval Reader. New York, 1973.

Rymer Thomas. Foedera Litterae et Acta Publica, vol. III, part II, 1367—77. London, 1830.

Schilling Diebold. Berner Chronik. Eds. H. Blesch and P. Hilber. Vol. I. Bern, 1943. (Включает в себя хронику Конрада Юстингера.)

Schiltberger Johann. The Bondage and Travels of Johann Schiltberger. Trans. J. Burden Telfer. Notes by P. Bruun. Hakluyt Society, 1879.

Secousse D., ed. Mémoires pour servir à l'histoire de Charles II, roi de Navarre et comte d'Evreux. 2 vols. Paris, 1755—58.

Servion Jehan. Gestes et Croniques de la Mayson de Savoye. Ed. F. E. Bollati. 2 vols. Turin, 1879.

Songe du Vergier, in Pierre Dupuy, ed., Traitez des droits et libertez de l'église gallicane, vol. II. Paris, 1731.

Villani Giovanni. Chronicle of Florence. Trans. Rose Salfe. London, 1906.

Walsingham Thomas. Chronicon Angliae, 1328—1388. Ed. Sir Edward Maunde Thompson. London, 1874

Ward Charles Frederick, ed. The Epistles on the Romance of the Rose and Other Documents in the Debate. Chicago, 1911.

The Visconti Hours, eds. Millard Meiss and Edith Kirsch, New York, 1972.

Wavrin Jehan de. Anehiennes Cranicques d'Engleterre. Ed. Dupont. Vol. II. Paris, 1859.

Wright Thomas, ed. Political Songs and Poems Relating to English History (1327–1483). 2 vols. London, 1859.

Wright Thomas, ed. A Volume of Vocabularies. London, 1857.

V. Другие работы

Abrahams Israel. Jewish Life in the Middle Ages. Philadelphia, 1958.

Anquetil Louis Pierre. Histoire de France, vol. II. 3rd ed. Paris, 1829.

Anselme Péré. Histoire généalogique et chronologique de la maison royale, vol. VIII. Paris, 1733. (Описывает многих аристократов, в том числе де Куси.)

Ariès Philippe. Centuries of Childhood. Trans. New York, 1962.

Armitage-Smith Sydney. John of Gaunt. London, 1904.

Artz Frederick B. The Mind of the Middle Ages, A.D. 200—1500. New York, 1953.

Atiya Aziz Surial. The Crusade in the Later Middle Ages. London, 1938.

Atiya Aziz Surial. The Crusade of Nicopolis. London, 1934.

Autrand Françoise. «Culture et mentalite: les librairies des gens du parlement au tempts de Charles VI». AESC, September-October 1973.

Baldwin Frances E. Sumptuary Legislation and Personal Regulation in England. Johns Hopkins University Press, 1926.

Bapst Germain. «Les Spectacles et les réjouissances des fêtes publiques au moyen âge». *Revue Bleue*, vol. XLVIII, 1891.

Barante Guillaume-Prosper, Baron de. Histoire des ducs de Bourgogne 1364–1477. Vol. II. Paris, 1839.

Barnes Joshua. The History of Edward III. Cambridge, 1688.

Baron Hans. «Franciscan Poverty and Civic Wealth as Factors in the Rise of Humanistic Thought». *Speculum*, January 1938.

Baron Salo W. A Social and Religious History of the Jews, vols. IX–XI. Columbia University Press, 1965–67.

Batifol Louis. «Le Châtelet de Paris vers 1400». *BEC*, 1896.

Baudrillart H. Histoire du luxe. Paris, 1881.

Bean J. M. W. «Plague, Population and Economic Decline, in the Later Middle Ages». *ECHR*, April 1963.

Bédier Joseph, Paul Lazard. Histoire de la littérature française, vol. I. Paris, 1923.

Beresford Maurice, John B. Hurst. Deserted Medieval Villages. London, 1971.

Bishop Morris. Petrarch and His World. Indiana University Press, 1963.

Bloch Marc, French Rural History. Trans. (Les Caractères originaux de l'histoire rurale française.) Berkeley, 1973.

Bloch Marc. Feudal Society Trans. (La société féodale.) University of Chicago Press, 1971.

Bloch Marc. Seigneurie française et manoir anglais. Paris, 1960.

Bloomfield Morton W. Piers Plowman as a Fourteenth Century Apocalypse. Rutgers University Press, 1961.

Boissonade P. Life and Works in Medieval Europe. Trans. Eileen Power. New York, 1927.

Bonnard Camille. Costumes historiques des XIIe, XIIIe, XIVE, et XVe siècles. Paris, 1861.

Boudet Marcellin. La Jacquerie des Tuchins, 1363–1384. Paris, 1895.

Boutruche Robert. La crise d'une société. Paris, 1947.

Bowsky William. «The Impact of the Black Death upon Sienese Government and Society». Speculum, January 1964.

Boyer Marjorie. «A Day's Journey in Medieval France». Speculum, October 1951,

Braddy Haldeen. «Froissart's Account of Chaucer's Embassy in 1377». Review of English Studies, January 1938.

Braddy Haldeen. «The Historical Background of the Parlement of Foules». Review of English Studies, April 1935.

Bradley Carolyn G. Western World Costume. New York, 1954.

Bridbury A. R. «The Black Death». ECHR, November 1973.

Brown Elizabeth A. R. «Taxation and Morality in the 13th and 14th Centuries». French Historical Studies, April 1973.

Calmette Joseph. Chute et relèvement de la France sous Charles VI et Charles VII. Paris, 1945.

The Cambridge Medieval History, vol. VII. Cambridge University Press, 1968.

Campbell Anna M. The Black Death and Men of Learning. Columbia University Press, 1931.

Carco Francis. La Danse des morts comme la décrite François Villon. Geneva, 1944.

Carpentier Elisabeth. «Autour de la peste noire: famines et épidémies dans l'histoire du XIVe siècle». AESC, November-December 1962.

Carpentier Elisabeth. Une Ville devant la peste: Orvieto et la peste noire de 1348. Paris, 1972.

Cartellieri Otto. The Court of Burgundy. New York, 1929.

Cazelles Raymond. «Etienne Marcel au sein de la haute bourgeoisie d'affaires». Journal des Savants, January-March 1965.

Cazelles Raymond. «Les Mouvements révolutionnaires du milieu du XIVe siècle et le cycle de l'action publique». RH, October-December 1962.

Cazelles Raymond. «Le Parti navarrais jusqu' à la mort d'Etienne Marcel». Bull, philologique et historique, vol. II, 1960.

Cazelles Raymond. «La Peste de 1348—49 en Langue d'oïl; épidémie prolétarienne et infantine». Bull, philologique et historique, 1962, pp, 293—305.

Cazelles Raymond. La Société politique et la crise de la royauté sous Philippe de Valois. Paris, 1958.

Chamberlin E. R. The Count of Virtue: Giangaleazzo Visconti, Duke of Milan. New York, 1965.

Chambers E. K. The Medieval Stage. London, 1903.

Chaney Edward F. La Danse macabre. Manchester University Press, 1945.

Chazan Robert. Medieval Jewry in Northern France. Johns Hopkins University Press, 1973.

Cheyney Edward P. The Dawn of a New Era, 1250–1453. New York, 1962. (Полезный исторический обзор с замечательной библиографией.)

Chotzen TH. M. «Yvain de Galles in Alsace-Lorraine and in Switzerland». Bull, of the Board of Celtic Studies, 1928.

Chubb Thomas Caldecott. The Life of Giovanni Boccaccio. New York, 1930.

Cipolla Carlo M. Money, Prices and Civilization in the Mediterranean World. Princeton University Press, 1956.

Circourt Albert de. «Le Due Louis d'Orleans: ses enterprises en Italie». RQH, 1889, in two parts, vols. XLV and XLVI.

Cognasso Francesco. Il Conte Verde. Turin, 1930.

Cohen Gustave. Histoire de la mise en scène dans le théâtre religieux français du moyen age. Paris, 1951.

Cohen Gustave. La Vie littéraire en France au moyen age. Paris, 1949.

Cohn Norman. The Pursuit of the Millennium. New Jersey, 1957. Reissue. Oxford University Press, 1970.

Collas Emile. Valentine de Milan. Paris, 1911.

Collins Arthur. Life of Edward Prince of Wales, Commonly Called the Black Prince. London, 1740.

Collis Maurice. The Hurling Time. London, 1958. (Популярная книга по истории Англии 1337–1381 гг.)

Connolly James L. Jean Gerson, Reformer and Mystic. Louvain, 1894.

Contamine Philippe. Guerre, état et société à la fin du moyen age. Paris, 1972.

Cook Albert S. «The Last Months of Chaucer's Earliest Patron» (Lionel, Duke of Clarence). Trans, of the Connecticut Academy of Arts and Sciences, vol. XXI, December 1916.

Copleston F. C. A History of Medieval Philosophy. London, 1972.

Cordey Jean. Les Comtes de Savoie et le roi de France pendant la guerre de cent ans. Paris, 1911.

Couderc Camille. Album de portraits d'après les collections du Département des Manuscrits. Paris, 1910.

Coulton G. G. The Black Death. London, 1929.

Coulton G. G. Chaucer and His England. New York, 1908.

Coulton G. G. The Chronicler of European Chivalry. London, 1930.

Coulton G. G. Five Centuries of Religion. Cambridge University Press, 1936.

Coulton G. G. Life in the Middle Ages. Reissue (4 vols. in 2.). Cambridge University Press, 1967.

Coulton G. G. Medieval Panorama. Cambridge University Press, 1938. Reprint. New York, 1955.

Coville A. Les Premiers Valois et la guerre de cent ans (1328–1422) (vol. IV of Lavissee, Histoire de France). Paris, 1902.

Cox Eugene L. The Green Count of Savoy. Princeton University Press, 1967.

Crawford Raymond. Plague and Pestilence in Literature and Art. Oxford, 1914.

Creighton Mandell, Bishop of London. A History of the Papacy, vol. I. Boston, 1882.

Croce Benedetto. History of the Kingdom of Naples. Trans. University of Chicago Press, 1970.

Cuttino G. P. «Historical Revision: The Causes of the Hundred Years War», Speculum, July 1956.

Cutts Rev. Edward L. Scenes and Characters of the Middle Ages. London, 1930.

Dandllker Karl. Geschichte der Schweiz, vol. I. Zurich, 1900.

Darmesteter Mary (Duchaux). Froissart. Trans. E. F. Poynter, New York, 1895.

D'Avenel, Vicomte Georges. L'Evolution des moyens de transport. Paris, 1919.

David Henri. Philippe le Hardi, Due de Bourgogne et co-régent de France de 1392 à 1404: le train somptuaire d'un grand Valois. Dijon, 1947,

Davis William Stearns. Life on a Medieval Barony. New York, 1923.

Deaux George. The Black Death, 1347. London, 1969.

Delachenal Roland. Histoire de Charles V. 5 vols. Paris, 1909—31. (Выдающийся труд, чрезвычайно

информативный и ссылающийся на множество источников.)

Delaville le Roux J. La France en Orient au XIV siècle: expeditions du Maréchal Boucicaut, vol. I. Paris, 1886.

Delbouille Maurice. Le Roman du castelain de Couci et de la dame de Fayel. Paris, 1936.

Delisle Léopold. Recherches sur la librairie de Charles V. Paris, 1907. (Во Второй части приведены списки книг в библиотеках Карла VI и герцога Беррийского.)

Denifle Henri. La Désolation des églises, monasteres et hopitaux en France pendant la guerre de cent ans, vol. I. Paris, 1899. (Подробная история войн во Франции до смерти Карла V, эта книга куда интереснее, чем можно подумать по ее названию.)

Dierauer Johannes. Geschichte der Schweizerrischen Eidgenossenschaft, vol. I. Gotha, 1887.

Dingwall John Eric. The Girdle of Chastity. London, 1931. (On the chastity belt.)

Duby Georges. Rural Economy and Country Life in the Medieval West. Trans. N.p., 1968,

Dumas Georges, Suzanne Martinet. L'Histoire de l'Aisne vue à travers les archives. Laon, 1971.

Dupont Jacques, Cesare Gnudi. Gothic Painting. Geneva, 1954.

Durrieu Paul. «Manuscripts de luxe exécutés pour des princes et grands seigneurs français». Le Manuscrit, vol. II, 1894.

Durrieu, Paul. «Le Royaume d'Adria». RQH, vol. XXVIII, 1880.

Emerton Ephraim. Humanism and Tyranny: Studies in the Italian Trecento. Harvard University Press, 1925.

Enlart Camille. Manuel d'archéologie française; vol. III, Le Costume. Paris, 1916.

Evans Joan. Art in Medieval France. Oxford University Press, 1948.

Evans Joan. Life in Medieval France. London, 1969.

Evans Joan et al., eds. The Flowering of the Middle Ages. London, 1966.

Fawtier R. «La Crise d'une société devant la guerre de cent ans». RH, January 1950.

Fawtier R. Ste. Catherine de Sienne. Paris, 1922.

Flick Alexander C. The Decline of the Medieval Church, vol. I. New York, 1930.

Focillon Henri. The Art of the West in the Middle Ages, vol. II. New York, 1969.

Fossier Robert. La Terre et les hommes en Picardie jusqu' à la fin du XIIIe siècle. 2 vols. Paris, 1968.

Fowler Kenneth. The Age of Plantagenet and Valois. New York, 1967.

Fowler Kenneth. The King's Lieutenant: Henry of Grosmont, First Duke of Lancaster, 1310—61. London, 1969.

Fowler Kenneth, ed. The Hundred Years War. London, 1971.

Frank Grace. The Medieval French Drama. Oxford, 1954.

Franklin Alfred. Dictionnaire historique des arts, métiers et professions. Paris, 1905.

Franklin Alfred. Les Rues et les cris de Paris au XIIIe siècle. Paris, 1874.

Franklin Alfred. La Vie privée d'autrefois, vol. I, L'Annonce et la réclame; vol. VII, Le Hygiene. Paris, 1890.

«Froissart and His Patrons». Times Literary Supplement, 11 December 1937.

Funk Arthur L. «Robert le Coq and Etienne Marcel». Speculum, October 1944.

Gabotto Ferdinando. L'Eta del Conte Verde in Piemonte, 1350—83, vol. XXXIII, Miscellanea di Storia Italiana. N.p., 1895.

Gabriel Astrik L. «The College System in the 14th Century Universities», in Uteley, q.v.

Gagniere Sylvain. The Palace of the Popes at Avignon. Trans. Caisse nationale des monuments historiques, 1965.

Gairdner James. Lollardy and the Reformation in England, vol I. London, 1908.

Gasquet Francis Aidan, Abbot. The Black Death of 1348 and 1349. 2nd ed. London, 1908.

Gaupp Fritz. «The Condottiere John Hawkwood». History, March 1939.

Gautier Léon. La Chevalerie. Paris, 1890.

Gayley Charles M. Plays of Our Forefathers. New York, 1907.

Gazeau M. A. Les Bouffons. Paris, 1882.

Girvan Ritchie. «The Medieval Poet and His Public». English Studies Today, 1952.

Green, Mary Anne Everett (Mrs. J. R). Lives of the Princesses of England, vol. III. London, 1851.

Gregorovius Ferdinand. History of the City of Rome in the Middle Ages, vol. VI. Trans. A. Hamilton. London, 1906.

Grosjean Georges. Le Sentiment national dans la guerre de cent ans. Paris, 1927.

Hale John, Roger Highfield, Beryl Smalley. Europe in the Late Middle Ages. London, 1965.

Hammer J. von. Trans., Histoire de l'empire ottoman, vol. I. Paris, 1836.

Hardy B. C. Philippa of Hainault and Her Times. London, 1910.

D'haucourt Geneviève. La Vie au moyen age. Paris, 1968.

Hay Denys. Europe in the 14th and 15th Centuries. London, 1966.

Hayward Fernand. Histoire de la maison de Savoie, 1000–1554. Paris, 1941.

Heamshaw F. J. C. «Chivalry and its Place in History», in Prestage, q.v.

Hecker J. F. C. The Epidemics of the Middle Ages. Trans. London, 1844.

Heers Jacques. L'Occident aux XIVE et XVe siècles. Paris, 1970.

Henneman John B. «Military, Politics and Finance in Late Medieval France». Unpublished. 1976.

Henneman John B. Royal Taxation in Fourteenth Century France. Princeton University Press, 1971.

Henneman John B. «Soldiers, Society and State Finance in France, 1350–1450». Unpublished. 1974.

Herlihy David. Medieval and Renaissance Pistoia. Yale University Press, 1967.

Herlihy David. «Population, Plague and Social Change» in Molho, q.v.

Hewitt H. J. The Black Prince's Expedition of 1355–1357. Manchester University Press, 1958.

Hewitt H. J. The Organization of War Under Edward III, 1338—62. Manchester University Press, 1966.

Hillairet Jacques. Connaissance du vieux Paris. 3 vols. Paris, 1951—54.

Hillairet Jacques. Dictionnaire historique des rues de Paris, 2nd ed. in 2 vols. Paris, 1964.

Hilton R. H. Peasant Movements in England Before 1381. EHR, 2nd series, vol. II, no 2, 1949.

Honoré-Duvergé Suzanne. Participation navarraise à la bataille de Cocherel. Les Cahiers Vemonnais, no. 4, 1964.

Honoré-Duvergé Suzanne. «L'Origine do surnom de Charles le mauvais», in Mélanges a Louis Halphen, Paris, 1951.

The Horizon Book of the Middle Ages, Morris Bishop et al. London, 1968.

Hughes Dorothy W. Illustrations of Chaucer's England. London, 1919.

Hughes Pennethome. Witchcraft. London, 1952.

Huizinga Johan. «The Political and Military Significance of Chivalric Ideas in the Late Middle Ages», в его же: *Men and Ideas*. Trans. New York, 1959.

Huizinga Johan. *The Waning of the Middle Ages*. London, 1968.

Hutchison Harold F. *The Hollow Crown*. London, 1961. (Richard II.)

Hutton James. *James and Philip van Artevelde*. London, 1882.

Hyma Albert. *The Brethren of the Common Life*. Michigan, 1930.

Ibn-Khaldoun. *Histoire des Berbères*, vol. III. Trans. Paris, 1934.

Jackson W. T. H. *The Literature of the Middle Ages*. Columbia University Press, 1962.

Jacob E. F. *Essays in Later Medieval History*. Manchester University Press, 1968.

James M. R. «Twelve Medieval Ghost Stories». *EHR*, July 1922.

Jarrett Bede. *The Emperor Charles IV*. New York, 1935.

Jarrett Bede. *Social Theories of the Middle Ages, 1200–1500*. London, 1926.

Jarry Eugène. «Le Retour de la croisade de Barbarie (1390)». *EEC*, vol. LTV, 2893.

Jarry Eugène. *La Vie politique de Louis de France, Duc d'Orléans, 1372–1407*. Paris, 1889.

Jarry Eugène. «La „Voie de Fait" et l'Allicince Franco-Milanese, 1386— 95». *BEC*, vol. LIII, 1892.

Joly M. A. «De la Condition des Vilains au Moyen Age d'après les fabliaux». Mémoires de l'Académie nationale des sciences, arts et belles-lettres de Caen, 1882.

Jones Michael. Ducal Brittany, 1364—99. Oxford University Press, 1970.

Jorga Nicolas. Philippe de Mézières, 1327–1405, et la croisade au XIVE siècle. Paris, 1896.

Jorgensen Johannes. Saint Catherine of Siena. London, 1938.

Jusserand J. J. English Wayfaring Life in the Middle Ages. London, 1950. (Contains far more information than the title indicates.)

Keen Maurice. «Brotherhood in Arms». History, February 1962.

Keen Maurice. A History of Medieval Europe. New York, 1967.

Keen Maurice. The Laws of War in the Late Middle Ages. London, 1965.

Keen Maurice. «Robin Hood, a Peasant Hero». History Today, October 1958.

Kilgour Raymond L. The Decline of Chivalry as Shown in the French Literature of the Late Middle Ages. Harvard University Press, 1937.

Kirkland Dorothy. «The Growth of National Sentiment in France before the Fifteenth Century». History, June 1938.

Klemm Friedrich. A History of Western Technology. New York, 1959.

Kousev A. «Contribution à l'histoire des forteresses médiévales sur le bas Danube». Bull, du Musée national à Varna, vols. III and IV (XVIII–XIX), 1967–68.

Krollman Christian. The Teutonic Order in Prussia. Trans. Preussenverlag, 1938.

La Chesnaye-Desbois et Badier François A. A. de. Dictionnaire de la noblesse, vol. VI. Paris, 1865.

Lacroix Paul. France in the Middle Ages: Customs, Classes, and Conditions. Trans. New York, 1963.

Lagarde Georges de. La Naissance de l'esprit laïque au déclin du moyen age. 6 vols. Paris, 1934–42.

Laguille Louis. Histoire de la province d'Alsace. Strasbourg, 1927.

Lea Henry Charles. A History of the Inquisition of the Middle Ages. Rev, ed. in 3 vols. London and New York, 1906.

Leader-Temple John, Giuseppe Marcotti. Sir John Hawkwood: The Story of a Condottiere. London, 1889.

Lecarpentier Georges. «La Harelle, revolte rouennaise de 1382». Moyen Age, 2nd series, vol. VII, 1903.

Lefebvre des Noettes Richard. L'Attelage: le cheval de selle à travers les ages. 2 vols. Paris, 1931.

Leff Gordon. «Heresy and the Decline of the Medieval Church». Past and Present, November 1961.

Leff Gordon. «In Search of the Millennium». Past and Present, April 1958.

Lefranc Abel. Olivier de Clisson, connitabte de France. Paris, 1898. (Excellent biography.)

Legrand H. Paris en 1380: plans de restitution. Paris, 1868. (In same series as Le Roux de Lincy, q.v.)

Le Grand d'Aussy Pierre J. B. Histoire de la vie privée des français. 3 vols. Paris, 1815.

Lehoux Françoise. Jean de France, Due de Bern. 4 vols. Paris, 1966.

Lerner Robert E. The Age of Adversity. Cornell University Press, 1968.

Le Roux de Lincy M., L. M. Tisserand. Paris et set historiens au XIVE et XVe siècles (in series Histoire générale de Paris, ed. Baron Haussmann). Paris, 1867.

Lestocquoy Jean. Histoire de la Picardie. Paris, 1970.

Lewis P. S. Later Medieval France. London, 1968.

Leyerle John, ed. «Marriage in the Middle Ages». Symposium, Viator, vol. IV, 1973.

Lindner Theodor. Geschichte des deutschen Reiches unter König Wenzel. 2 vols. Braunschweig, 1875.

Locke A. Audrey. War and Misrule, 1307—99. London, 1920.

Loomis Laura Hibbard. «Secular Dramatics in the Royal Palace, Paris, 1378, 1379». Speculum, April 1958.

Lot Ferdinand. L'Art militaire et let armées au moyen age, vol. I. Paris, 1946.

Lot Ferdinand, Robert Fawtier. Histoires des institutions françaises au moyen age, vol. H. Paris, 1958.

Luce Siméon. La France pendant la guerre de cent ans. 2 vols. Paris, 1890-93.

Luce Siméon. Histoire de Bertraud du Guesclin et son époque. Paris, 1876.

Luce Siméon. Histoire de la jacquerie. Paris, 1895.

McFarlane K. B. «England and the Hundred Years War: War, the Economy and Social Change». Past and Present, July 1962.

Macfarlane Leslie. «An English Account of the Election of Urban VI, 1378». Bull. of the Institute of Historical Research, May 1953.

MacKinnon James. The History of Edward the Third. London, 1900. Reprint. London, 1974.

McKisack May. The Fourteenth Century. Oxford, 1959.

McLaughlin Mary Martin. «Survivors and Surrogates: Parents and Children from the Ninth to the Thirteenth Centuries», in The History of Childhood. Ed. Lloyd de Manse. New York, 1975. (Оригинальное исследование, во многом опровергающее идеи человека, под редакцией которого опубликовано.)

Mâle Emile. L'Art religieux de la fin du moyen âge en France. 2nd ed. Paris, 1922.

Manley John M. «Three Recent Chaucer Studies» and correspondence. Rev. of English Studies, July 1934 and April 1935.

Masson A. L. Jean Gerson, Lyon, 1894.

Meiss Millard. French Painting in the Time of the Duke of Berry: Patronage of the Dukes. 2 vols. London, 1967. The Limbourgs. 2 vols. New York, 1974.

Meiss Millard. Painting in Florence and Siena After the Black Death. Princeton, 1951.

Meiss Millard. «The Problem of Francesco Traini», Art Bulletin, vol. XV, 1933.

Mesquita D. M. Bueno de. Giangaleazzo Visconti, Duke of Milan. Cambridge University Press, 1941.

Michelet Jules. Histoire de France. Rev. ed. in 6 vols. Paris, 1861. (First published 1833—46.)

Milman Henry Hart. History of Latin Christianity. London, 1867.

Mirot Léon. Les Insurrections urbaines au debut de règne de Charles VI, 1380—83: leurs causes, leurs conséquences. Paris, 1905. (Indispensable.)

Mirot Léon. «La Politique française en Italie sous le règne de Charles VI (1380—1422)». REH, October-December 1933.

Mirot Léon. «Sylvestre Budes et les Bretons en Italie». BEC, vol. LVII, 1897.

Mirot Léon. Une Grande Famille parlementaire aux XIVe et XVe siècles: les d'Orgemonts. Paris, 1913.

Mirot Léon. «Une Tentative d'invasion au Angleterre pendant la guerre de cent ans (1385—86)». REH, July-September and October-December 1915.

Miskimin Harry A. Money, Prices, and Foreign Exchange in 14th Century France, Yale University Press, 1963.

Moisant J. Le Prince noire en Aquitaine. Paris, 1894.

Molho Anthony, ed. Social and Economic Foundations of the Italian Renaissance. New York, 1969.

Mollat Guillaume. Les Papes d'Avignon, 1305—78. 9th ed. Paris, 1950.

Mollat Michiel. Genèse médiévale de la France moderne. Paris, 1970.

Mollat Michiel. La Vie et la pratique religieuse aux XIVe et XVe siècles... en France. Paris, 1963.

Mollat Michiel, Philippe Wolff. Onglesbleues, Jacques et Ciompi. Paris, 1970.

Moranvillé Henri. Etude sur la vie de Jean le Mercier. Paris, 1888.

Moranvillée Henri, ed. Le Songe véritable: pamphlet politique d'un parisien du XVe siècle. Paris, 1891.

Morrali John B. Gerson and the Great Schism. Manchester University Press, 1960.

Muir Dorothy. A History of Milan under the Visconti. London, 1924.

Muller Johann von. Der Geschichten Schweizerischen Eidgenossenschaft. Leipzig, 1825.

Muntz E. «L'Aigent et le luxe à le cour pontificale d'Avignon». RQH, 1899.

Muzzy David S. The Spiritual Franciscans. New York, 1907.

Noonan John T. Contraception: A History of Its Treatment by Catholic Theologians and Canonists. Harvard University Press, 1965.

Oakeshott R. Ewart. A Knight and His Horse. London, 1962.

Oman, Sir Charles. A History of the Art of War in the Middle Ages, vol. 2nd ed. London, 1924.

Origo Iris. The Merchant of Prato, 1335–1410. New York, 1957.

Ornato Ezio. Jean Muret et ses amis, Nicolas de Clanzanges et Jean de Montreuil. Geneva and Paris, 1969.

Painter Sidney. French Chivalry. Johns Hopkins University Press, 1940.

Palmer J. J. N. «The Anglo-French Peace Negotiations, 1390—96». TRHS, vol. XVI, 1966.

Palmer J. J. N. England, France and Christendom, 1377—99. London, 1972.

Pannier Léopold. «Le Livre des cent ballades et la réponse du Bâtard de Coucy». Romania, vol. I, 1872.

Pemoud Regina. Histoire de la bourgeoisie en France. Paris, 1960.

Perroy Edouard. «The Anglo-French Negotiations at Bruges, 1374—77». Camden Miscellany, vol. XIX (Camden Third Series, vol. LXXX). London, 1952.

Perroy Edouard. «Economic contracté dans les crises du XIVE siècle». AESC, April-June 1949.

Perroy Edouard. The Hundred Years War. Trans. New York, 1965.

Perroy Edouard. «Social Mobility Among the French Noblesse». Past and Present, April 1962.

Perroy Edouard. «Wage Labour in France in the Later Middle Ages». EHR, December 1955.

Petit Ernest. Entrée du rois Charles Six à Dijon, 1390. Dijon, 1885.

- Petit Ernest.* Itinéraires de Philippe le Hardi et de Jean Sans Peur. Paris, 1888.
- Pirenne Henri.* Histoire de Belgique, vol. II. Bruxelles, 1922.
- Pirenne Henri.* A History of Europe, vol. II. New York, 1958.
- Pollard A. F.* The Evolution of Parliament. London, 1926.
- Pollard Alfred W.* English Miracle Plays, Moralities and Interludes. Oxford, 1927.
- Poole R.* Wycliffe and the Movements for Reform in the Fourteenth Century. London, 1911.
- Postan M. M.* «The Costs of the Hundred Years' War». Past and Present, April 1964.
- Postan M. M.* «Some Social Consequences of the Hundred Years' War». EHR, vol. XII, 1942.
- Powell J. Enoch, Keith Wallis.* The House of Lords in the Middle Ages. London, 1968.
- Power Eileen.* «The Position of Women», in The Legacy of the Middle Ages. Eds. G. G. Crump and E. F. Jacob, Oxford, 1926.
- Prestage Edgar, ed.* Chivalry: A Series to Illustrate Its Historical Significance and Civilizing Influence. New York, 1928.
- Putnam George Haven.* Books and Their Makers During the Middle Ages, vol. I. New York, 1896.
- Raynaud Gaston.* Les Cent Baliades: poème du XIVe siècle. Paris, 1905.

Renouard Yves. The Avignon Papacy. Trans. London, 1970.

Renouard Yves. «La Peste noire de 1348—50». Rev. de Paris, March 1950.

Robbins Helen. «A Comparison of the Effects of the Black Death on the Economic Organization of France and England». Jour, of Political Economy, August 1928.

Robbins Russell Hope. Encyclopaedia of Witchcraft and Demonology. New York, 1959.

Rogozinski Jan. «Urban Violence in the Three Worlds of the Middle Ages: The French Perspective». Unpublished. December 1972.

Roncière Charles de la. Histoire de la marine française, vol. II. Paris, 1899.

Rosenthal Joel T. The Purchase of Paradise: Gift-giving and the Aristocracy, 1307–1485. Toronto, 1972.

Rosetti R. «Notes on the Battle of Nicopolis». Slavonic Review, vol. XV, 1936-37.

Runyan Timothy J. «Ships and Mariners in Later Medieval England». Unpublished. 1976.

Russell Jeffry B. Witchcraft in the Middle Ages. Ithaca, 1972.

Russell Josiah Cox. British Medieval Population. Albuquerque, 1948.

Russell Josiah Cox. «Effects of Pestilence and Plague, 1315—85». Comparative Studies in Society and History, July 1966.

Russell Josiah Cox. «Medieval Population». Social Forces, May 1937.

Russell Josiah Cox. «Populations in Europe, 500—1500», in Fontana Economic History of Europe. London, 1969.

Sabine Ernest L. «City Cleaning in Medieval London». *Speculum*, January 1937.

Sade, Marquis de. Histoire secrète d'Isabelle de Bavière, reine de France. Ed. Gilbert Lely, Paris, 1953.

Saltmarsh John. «Plague and Economic Decline in England in the Later Middle Ages». *Cambridge Historical Jour.*, vol. VII, no. 1, 1941.

Sapori Armando. The Italian Merchant in the Middle Ages. Trans. New York, 1970.

Schevill Ferdinand. History of Florence. New York, 1961.

Schevill Ferdinand. Siena: The Story of a Medieval Commune. New York, 1909.

Schnyder Pierre. «Le Flagellantisme à travers les siècles». *Archives de Psychologie*, January 1932.

Searle Eleanor, Robert Burghart. «The Defense of England and the Peasants' Revolt». *Viator*, vol. III, 1972.

Sedgwick Henry Dwight. Edward the Black Prince. Indianapolis, 1932.

See Henri. Les Classes rurales et le régime domanial en France au moyen age. Paris, 1901.

Seebohm F. «The Black Death and Its Place in English History». *Fortnightly Rev.*, vol. II, 1865.

Shears F. S. Froissart. London, 1930.

Sherborne James. «The Battle of La Rochelle». Bull. of the Institute of Historical Research, University of London, May 1969.

Sherborne James. «Indentured Retinues and English Expeditions to France», EHR, October 1964.

Sismondi J. C. L. S. Histoire des républiques italiennes du moyen age, vols. IV and V. Paris, 1840.

Snell Frederick. The Fourteenth Century. Edinburgh, 1899.

Southern Richard W. Western Society and the Church in the Middle Ages. London, 1970.

Stanley Arthur. «Sir John Hawkwood». Blackwood's, March 1929.

Stein Henri. Archers d'autrefois: archers d'aujourd'hui. Paris, 1925.

Strayer Joseph R. «France: The Holy Land, the Chosen People, and the Most Christian King», in Action and Conviction in Early Modern Europe. Eds. T. K. Rabband J. E. Siegel. Princeton University Press, 1969.

Strayer Joseph R. On the Medieval Origins of the Modern State. Princeton University Press, 1970.

Supino I. B. Il Camposanto di Pisa. Firenze, 1893.

Terrier de Loray Henri, Marquis de. Jean de Vienne, amiral de France. Paris, 1877.

Thibault Marcel. Isabeau de Bavière: la jeunesse, 1370–1405. Paris, 1903.

Thompson James Westfall. «The Aftermath of the Black Death and the Aftermath of the Great War». American Jour, of Sociology, March 1920. Thompson James Westfall.

Economic and Social History of Europe in the Later Middle Ages. New York, 1931.

Thorndike Lynn. A History of Magic and Experimental Sciences, vols. III and IV. Columbia University Press, 1934.

Thrupp Sylvia. «Plague Effects in Medieval Europe», Comparative Studies in Society and History, July 1966.

Tipton Charles L. «The English at Nicopolis». Speculum, October 1962.

Tourneur-Aumont J. M. La Bataille de Poitiers et la construction de la France. Paris, 1940.

Tourneur-Aumont J. M. «Originalité militaire de Du Guesclin». Moyen Age, March 1938.

Trease Geoffrey. The Condottiere. New York, 1971.

Trevelyan George. England in the Age of Wyclif. London, 1899.

Turner Ralph E. «Economic Discontent in Medieval Western Europe», Jour, of Economic History, Supplement VIII, 1948.

Ullman Walter. The Origins of the Great Schism. London, 1948.

Utley Francis L., ed. The Forward Movement of the 14th Century. Ohio University Press, 1961.

Vaissète Jean Joseph, Claude de Vic. Histoire générale de Languedoc, vol. IV. Paris, 1730—45.

Valeri Nino. L'Italia nell' Eta dei Principati (vol. V of Storia d'Italia). Verona, 1949.

Vaois Noël. La France et le grand schisms d'occident. 4 vols. Paris, 1896—1902.

Vaughan Richard. Philip the Bold. London, 1962.

Vemot d'Aubeuff, Abbé Aubert de. Histoire des Chevaliers Hospitaliers de St. Jean de Jérusalem, vol. II. Amsterdam, 1781.

Viollet-le-Duc E. Dictionnaire raisonné de l'architecture de France du XIe au XVIe siècle. 10 vols. Paris, 1861—75.

Viollet-le-Duc E. Military Architecture of the Middle Ages. Trans. Oxford, 1860.

Vuatrin Gabriel. Etude historique sur le connétable. Paris, 1905.

White Lynn. «Medieval Astrologers and Late Medieval Technology». Viator, vol. VI, 1975.

White Lynn. Medieval Technology and Social Change. Oxford, 1962.

White Lynn. «Technology Assessment from the Stance of a Medieval Historian». American Historical Rev., February 1974.

White Lynn. «Technology and Invention in the Middle Ages». Speculum, vol. XV, 1940.

Wilkins Ernest Hatch. Petrarch's Eight Years in Milan. Cambridge, 1958.

Workman Herbert. John Wyclif: A Study of the Medieval Church. Oxford, 1926.

Wright Edith. «Medieval Attitudes Toward Mental Illness». Bull. of the History of Medicine, vol. VII, no. 3, March 1939.

Wright Thomas. A History of Domestic Manners and Sentiment in England. London, 1862,

Wulf Maurice de. Philosophy and Civilization in the Middle Ages. Princeton, 1922.

Wylie James Hamilton. The Reign of Henry the Fifth. 3 vols. Cambridge, 1919.

Zacour Norman P. «Talleyrand: The Cardinal of Perigord 1301–1364», Trans, of Am. Philosophical Soc. New Series, vol. 50, part 7. Philadelphia, 1960.

Ziegler Philip. The Black Death. New York, 1969. (The best modern study.)

Zurlauben, Baron von Thum und. «Histoire d'Arnaut de Cervole, dit l'Archiprêtre». Histoire de l'Académie royale des inscriptions et belleslettres, vol. XXV. Paris, 1759.

Примечания

1

Перевод В. Дынник.

2

В 1342–1343 годах были признаны законными 614 незаконнорожденных детей, при этом 484 из них составляли дети священников.

3

Здесь и далее перевод И. Кашкина.

4

Это соглашение было достигнуто с посланником Англии в Авиньоне и, предположительно, послужило причиной наделения Карла прозвищем Злой. Однако некоторые историки придерживаются другой точки зрения. На их взгляд, это прозвище Карлу дали испанцы, когда ему было еще восемнадцать лет. В любом случае, это прозвище Карла впервые упоминается в хрониках XVI столетия.

5

Его титул происходит от латинского *capitalis* — «вождь».

6

Если площадь этого покрывала указана хронистами во фламандских аллах (один элл равен 27 дюймам), то

размер покрывала — 17 на 18 футов, если в английских эллах (один элл равен 45 дюймам), то размер покрывала — 28 на 30 футов.

7

В иллюстрированной рукописи XIV столетия гордость — рыцарь на льве, зависть — монах на собаке, лень — крестьянин на осле, скупость — купец на барсуке, обжорство — юноша на волке, гнев — женщина на кабане, роскошь — женщина на козле.

8

Имена собственные по разные стороны Английского канала произносились по-разному и могли, говоря откровенно, безбожно перевираться. В «Кентерберийских рассказах» Чосера монахиня-аббатиса «по-французски говорила хорошо и свободно, как этому учат в Стратфорде, но парижский французский был ей неизвестен».

9

В Историческом музее Берна считают, что это знамя в XV веке воспроизведено с оригинала. Бернар Осьен предполагает, что его, возможно, захватили в 1388 году, когда швейцарцы отвоевали Нидау, переданный короной де Куси по окончании похода в Аргау.

10

Если судить по швейцарским источникам, уступка была сделана лишь десять лет спустя, когда Леопольду понадобилась поддержка де Куси против Швейцарии в борьбе, которая привела к Земпаху.

11

Остальные были — Лайонел, умерший в Италии, Жанна, умершая от чумы, и две дочери — Маргарет, вышедшая замуж за графа Пембрука, и Мэри, вышедшая замуж за бретонского герцога.

12

Не совсем ясно, были ли курьеры посланы к ней во Францию, или она сама вызвала их из Англии и отослала к своему мужу во Франции.

13

Роберсар осел в Англии с тремя сыновьями и стал основателем династии, которая закончилась 200 лет спустя на Эми Роберсар, несчастливой жене фаворита королевы Елизаветы — Роберта Дадли, графа Лестера.

14

Здесь и далее перевод Д. Сильвестрова.

15

Четвертый кардинал, старый Тебальдески, к тому времени умер.

16

В некоторых текстах того времени резиденция называлась Рюле или Нюле. Она находилась на несуществующей ныне улице Сен-Жан-ан-Грев, тянувшейся от нынешнего Отель-де-Виль до улицы Риволи. Резиденция числилась проданной Раулю де Куси, «советнику короля», в 1379 году. Вероятно, произошла ошибка: вместо имени Ангеррана написали «Рауль».

17

Название «Сицилия» оставалось закрепленным за Неаполитанским королевством, что приводило к путанице.

18

В 1388 году Джованни де Мусси из Пьяченцы отмечал, что семье из девяти человек с двумя лошадьми требовался минимальный годовой доход в 300 флоринов. В 1415 году богатый итальянский гражданин тратил на свадебные торжества 574 флорина. Преуспевающий ремесленник в эту пору зарабатывал приблизительно 18 флоринов в год.

19

По счастливой случайности, сохранились записи 1386–1387 годов о замке де Куси, которые местный букинист Люсьен Броше опубликовал в 1905–1909 годах. Во время Первой мировой войны оригиналы исчезли, вероятно, были уничтожены, поскольку Пикардия сильно пострадала в те годы.

20

В оригинале «*M'a souvient le poing fouci / De beaux florins a rouge escaille*»; значение не вполне ясно, но, возможно, имеется в виду, что монеты были хорошего качества, не изношенные, не подрезанные, их часто складывали в мешочек, завязанный сверху, и запечатывали цветным воском, поэтому и упоминается «красная печать».

Термин «сарацины» использовался для обозначения всех мусульман, были ли они берберами, арабами, маврами или турками.